ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Гарри
ГАРРИСОН

Путь Короля
Том 2

МИР ПОБЕДИВШИХ ВИКИНГОВ

Эксмо

Гарри
ГАРРИСОН

Путь Короля
Том 2

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гарри

ГАРРИСОН

Путь Короля

том 2

Гарри
ГАРРИСОН

Крест и Король

•

Король
и император

МОСКВА
ЭКСМО
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гарри
ГАРРИСОН
Джон Холм

Путь Короля

Том второй

МОСКВА
ЭКСМО
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 20

Harry HARRISON and John HOLM
ONE KING'S WAY
Copyright © 1994 by Harry Harrison and John Holm
KING AND EMPEROR
Copyright © 1996 by Harry Harrison and John Holm

Публикуется с разрешения Гарри Гаррисона
и его литературного агента Projex International, Ltd.

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Гаррисон Г.
Г 20 Путь Короля. Том 2: Фантастические романы / Гарри Гаррисон, Джон Холм; [пер. с англ. В. Гаврилова]. — М.: Эксмо, 2007. — 736 с.

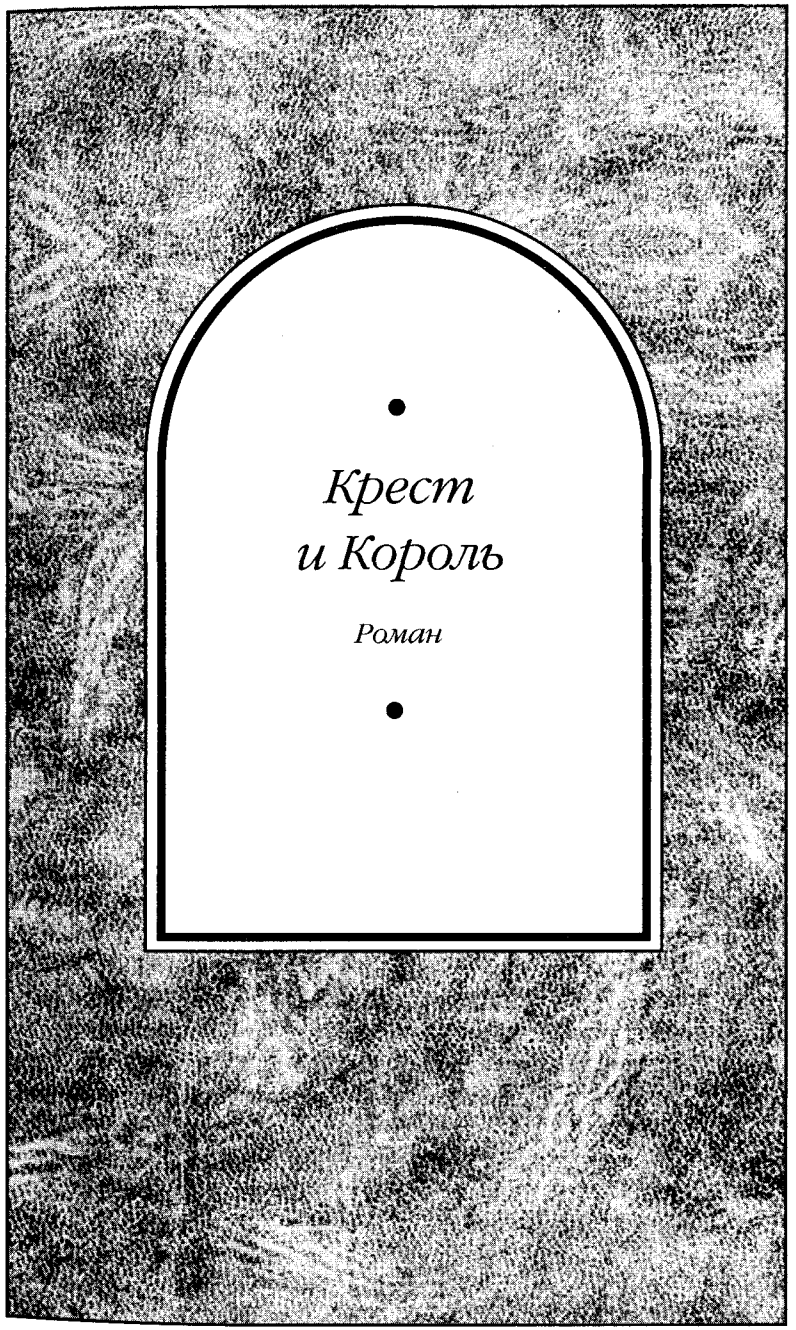
ISBN 978-5-699-23976-4
ISBN 978-5-699-23977-1

Гарри Гаррисон не нуждается в представлении! В созвездии мировой фантастики это поистине звезда первой величины. Эпопея «Путь Короля» переносит читателя в драматическую эпоху викингов, когда языческий молот Тора схлестнулся в жестокой битве с христианским крестом. Реальная история тесно переплетается на страницах книги с историей фантастической: тролли и другие опасные существа здесь такое же обыденное явление, как кольчуга на груди и занесенный над головой противника боевой топор.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-23976-4 (Т.2)
ISBN 978-5-699-23977-1

© Перевод. В. Гаврилов, 2007
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007



Глава 17

Шеф заметил, что к их небольшому отряду, расположившемуся в загончике на краю общинного пастбища, направляется человек. Выглядел он скорее растерянно, чем враждебно или угрожающе. И действительно, подойдя, крестьянин остановился и изобразил то, что можно было счесть за неуклюжий поклон — исполненный человеком, который слышал о таком обычае, но никогда в глаза не видел, как это делается. Его взгляд задержался на белом жреческом одеянии Ханда, теперь сильно испачканном, и на его пекторали в виде яблока Идуны.

— Ты лекарь, — сказал пришедший.

Продолжая сидеть, Ханд кивнул.

— В нашем селении много таких, кто болеет и у кого не заживают раны. Мой сын сломал ногу, мы ее завязали, но она срослась криво, он теперь не может на нее опираться. У моей матери болят глаза. Есть и другие — женщины, которым новорожденные разорвали чрево, мужчины, годами мучающиеся зубной болью, сколько бы зубов мы им ни выдернули... Лекари сюда никогда не заходят. Ты не посмотришь больных?

— Ну вот еще, — ответил Ханд. Лекари Пути не верили в человеколюбие, никогда не слышали о клятве Гиппократа. — Если завтра наш ратоборец проиграет, вы нас собираетесь повесить или кастрировать и сделать рабами. Если ты меня завтра будешь клеймить, с какой стати я буду сегодня лечить твои болезни?

Норманн растерянно посмотрел на остальных:

— Вигдьярф же не знал, что ты лекарь. И наверняка... Что бы ни случилось... Он не про тебя говорил.

Ханд пожал плечами:

— Он говорил о моих товарищах.

Шеф поднялся, глянул на Ханда, едва заметно подмигнул ему. Ханд, который знал Шефа с детства, намек уловил и с непроницаемым лицом отвернулся.

— Он придет, — сказал Шеф. — Как только достанет свои лекарские инструменты. Подожди его там.

Когда норманн отошел, Шеф приказал Ханду:

— Лечи всех, кого он тебе покажет. Потом потребуй показать остальных. Даже трэлей. Каждого, кому можно доверять, расспрашивай о мельнице. О мельнице, шум которой мы слышим. Что бы ни случилось, к вечеру вернись.

Солнечный диск уже уткнулся в зазубрины горных вершин, когда в лагерь вернулся усталый Ханд. Бурые пятна засохшей крови покрывали рукава его рубахи. Днем время от времени были слышны отдаленные вскрики боли: лекарь за работой в селении, где не знали ни макового отвара, ни белены.

— Много тут работы, — сказал, садясь, Ханд и принял от Шефа миску с едой. — Тому ребенку пришлось ломать ногу заново, чтобы правильно срослась. В мире так много боли. И так много того, что легко вылечить. Теплая вода со щелоком — чтобы повитуха вымыла руки — спасла бы половину женщин, которые умирают в родах.

— Что насчет мельницы? — поинтересовался Шеф.

— Напоследок они привели ко мне одну рабыню. Хозяева, да и она сама, сначала упирались, говорили, что все бесполезно. Они правы. Она безнадежна. У нее внутри опухоль, и даже в Каупанге с моими помощниками и самыми лучшими лекарствами я, наверное, не смог бы ее спасти. Но я постарался облегчить ее муки. Телесные муки то есть. От того, что у нее на душе, лекарства нет. Она ирландка, ее угнали в рабство, когда ей было пятнадцать, сорок лет тому назад. Ее продали одному из местных. С тех пор она ни разу не слышала родной речи, родила от разных хозяев пятерых детей, их всех у нее забрали. Теперь ее сыновья — викинги, сами крадут женщин. Ты никогда не задумывался, почему викингов так много? Каждый мужчина заводит от рабынь столько детей, сколько сможет. И все они пополняют ряды армии викингов.

— Мельница, — жестко сказал Шеф.

— Она сказала мне, что есть здесь мельница, как ты и говорил. Ее поставили только в прошлом году, когда приходил жрец Пути, один из товарищей Вальгрима. И в прошлом же

году привели человека, чтобы крутить ее. Как это человек может крутить мельницу?

— Я знаю, — сказал Шеф, вспоминая ниспосланное ему богами видение. — Продолжай.

— Она сказала, что это англичанин. Его все время держат под замком. Два раза ему удавалось вырваться и бежать в горы. И оба раза его ловили. В первый раз его избили кожаными бичами около храма. Ирландка говорит, что была тогда на площади. Она говорит, что это настоящий богатырь. Норманны бичевали его так долго, что можно было вспахать целый акр земли, а он ни разу не закричал, только проклинал их. А когда он сбежал во второй раз, они... они сделали другое.

— Что другое? — спросил Бранд, прислушиваясь.

— Когда они говорят, что кастрируют трэлей, это обычно означает, что им отрезают семенники, как быкам или жеребцам. Чтобы стали смирными и покорными. Но с ним они этого не сделали. Вместо этого они отрезали ему другую штуку, которая делает мужчину мужчиной. Они оставили ему семенники. Он так же силен, как бык, и так же свиреп. У него остались все желания мужчины. Но он больше никогда не сможет быть с женщиной.

Слушатели уставились друг на друга, ужаснувшись, какая злая судьба может поджидать их завтра утром.

— Я вам скажу одну вещь, — решительно заявил Квикка. — Меня не волнует, кто что кому обещал. Если завтра Бранд — дай ему Тор победить — проиграет, тот, кто его убьет, сразу получит от меня стрелу. И тогда мы все начнем стрелять. Может быть, мы и не прорвемся, но я не собираюсь стать здесь рабом. Эти горные тролли ничуть не лучше черных монахов.

Все остальные, и мужчины, и женщины, ответили одобрительным гулом.

— Она еще вот что сказала, — продолжал Ханд. — Она сказала, что он безумен.

Шеф задумчиво кивнул.

— Английский богатырь. Сильный, как бык, и такой же свирепый. Мы освободим его сегодня ночью. Я знаю, что за нами наблюдают дозорные. Но они ожидают, что мы попытаемся сбежать на лошадях. Когда сядет солнце, мы все по одному потянемся к нужнику, но трое пусть спрячутся с про-

тивоположной его стороны еще до темноты. Это буду я, ты, Карли, и ты, Удд. Спрячь под рубахой свои инструменты, Удд. И набери во флягу масла. А теперь, Ханд, расскажи, сколько сможешь, о том, где что находится в городке...

* * *

Через несколько часов в густой тьме, рассеиваемой лишь слабым светом звезд, три человека сгрудились в тени около грубой постройки на околице селения — близ мельницы.

Шеф оглядел темные окна соседних домов, подтолкнул Удда вперед. Тяжелая дверь с засовом, засов заперт тяжелой железной чекой. Замка нет. Предусмотрено, только чтобы никто не мог выйти изнутри. Тут таланты Удда не понадобятся. Малыш вытащил чеку, откинул засов и приготовился распахнуть дверь.

Шеф вынул лампу и огниво, высек искру, подул на трут и в конце концов зажег фитиль, плавающий в плошке с маслом, которую закрывали тончайшие — до прозрачности — роговые пластинки, пропускавшие свет, но защищавшие фитилек от ветра. Опасно, что свет может вырваться наружу, как ни прикрывай лампу рубахой и телом. Но если рассказанное Хандом — правда, гораздо опасней лезть в логово зверя вслепую.

Огонек наконец разгорелся, и Шеф подал сигнал Удду, тот распахнул дверь. Шеф проскользнул внутрь, как змея, вплотную за ним — Удд и Карли. Услышав, что дверь мягко захлопнулась, он начал высматривать жернова. В нескольких футах от него, у стены, под мешками угадывались очертания какой-то фигуры. Шеф шагнул вперед, шаг, другой, его внимание привлек массивный рычаг, прикрепленный к верхнему жернову, прочная цепь вела от него к...

Мелькнула тень, и что-то стегнуло его по лодыжке. Шеф отпрыгнул, удерживая в руках лампу, и приземлился в трех футах позади.

Рука на какой-то дюйм не достала до его лодыжки. Громкий лязг. В неверном свете лампы Шеф обнаружил, что на него смотрит пара широко расставленных сверкающих глаз. Шум вызвала натянувшаяся до предела цепь, прикрепленная к железному ошейнику на толстой шее великана. В блестящих глазах не мелькнуло и тени боли, только сожаление о неудавшемся броске.

Взгляд Шефа перешел на цепь. Да, от рычага к ошейнику. И еще одна цепь — от ошейника к глубоко всаженной в стену скобе. Руки скованы вместе и цепью прикреплены к ошейнику, так что могут двигаться только между поясом и ртом. Зачем это сделали? Не сразу Шеф догадался, что прикованного человека можно было таскать на цепях от стены к рычагу мельницы и обратно к стене, при этом никто не попадал в пределы его досягаемости. В комнате воняло. Стоит параша. Сомнительно, чтобы он ею пользовался. Кувшин для воды. Это он должен был брать. Ни еды, ни огня, только мешковина, чтобы прикрываться в холодные весенние ночи. Как он жил зимою? На человеке была лишь грязная рубаха, настолько рваная, что под ней виднелись космы шерсти на груди.

А узник все ждал, все следил, даже не мигая. Ждал удара. Надеялся, что сможет дотянуться до того, кто ударит. Он медленно отступал назад, с идиотической хитростью стараясь притвориться испуганным. Пытался заманить Шефа поближе, на длину цепи.

Что-то шевельнулось в памяти Шефа. Нечесаный, волосы и борода стрижены под горшок, человек казался знакомым. И, как ни странно, в его глазах тоже мелькнуло что-то вроде узнавания.

Шеф уселся, соблюдая дистанцию.

— Мы англичане, — сказал он. — А я тебя видел раньше.

— Я тебя тоже, — отозвался каторжник. Он хрипел, как будто уже много дней не подавал голос. — Я видел тебя в Йорке. Я пытался тебя убить, одноглазый. Ты был в первых рядах ворвавшихся в крепость. Стоял рядом с сукиным сыном викингом, огромным таким. Я кинулся на него, и он отбил удар. Я бы убил его следующим ударом, а потом и тебя. Но нам помешали. И теперь ты на земле викингов издеваешься надо мною, предатель. — Его лицо исказилось. — Но Бог будет добр ко мне, как был добр к моему королю Элле. В конце концов, я смогу умереть. И Бог освободит мне перед этим руки!

— Я не предатель, — сказал Шеф. — Я не предал твоего короля. Я ему оказал услугу перед смертью. И тебе могу ока-

зать. Услуга за услугу. Но сначала объясни мне, кто ты и где я тебя встречал.

Лицо снова безумно исказилось, как у рыдающего человека, решившего не проронить ни слезинки.

— Когда-то я был Кутредом, старшим телохранителем Эллы, его знаменитым ратоборцем. Я был лучшим воином в Хамбере-на-Тайне. Люди Рагнарссонов зажали меня между щитами, после того как я убил их с десяток. Заковали меня и продали как силача. — Кутред беззвучно рассмеялся, закинув голову назад, точно волк. — И все-таки одну вещь они так и не узнали, хотя они бы заплатили за это золотом.

— Я знаю, — сказал Шеф. — Это ты кинул их отца в змеиную яму, на смерть от ядовитых укусов. Я был там и все видел. Именно там я и встретил тебя. Я и еще кое-что знаю. Это не твоя вина, а вина дьякона Эркенберта. Король Элла освободил бы Рагнара. — Шеф придвинулся, но не слишком близко. — Я видел, как ты бросил ноготь Рагнара на стол. Я стоял сзади Вульфгара, моего отчима, из которого викинги потом сделали *heimnar'a*. Вульфгар — тот человек, который привел Рагнара в Йорк.

Глаза безумца теперь расширились от изумления и недоверия.

— Я думаю, ты просто дьявол, — пробормотал он. — Послан как последнее искушение.

— Нет. Я твой добрый ангел, если ты все еще веруешь в Христа. Мы собираемся освободить тебя. Если ты обещаешь сделать для нас одну вещь.

— Какую?

— Сразиться завтра с ратоборцем Вигдьярфом.

Голова его опять запрокинулась как у волка, на лице сверкнула свирепая радость.

— Ох, Вигдьярф, — захрипел Кутред. — Он меня резал, пока другие держали. С тех пор он никогда не подходил ко мне близко. И он еще считает себя смелым человеком. Может быть, он выйдет против меня. Однажды. Одного раза мне хватит.

— Ты должен позволить нам подойти к тебе, чтобы снять кандалы. Снять твой ошейник.

Шеф подтолкнул Удда вперед. Маленький человечек с набором инструментов в руках шагнул будто мышка к коту.

Шаг, другой. В границах досягаемости. И Кутред схватил его, одной гигантской лапой за лицо, другой — за шею, готовый сломать ее.

— Жалкая замена Вигдьярфу, — напомнил Шеф.

Кутред нехотя выпустил Удда, взглянул на свои руки, словно не веря глазам. Карли опустил свой меч. Удд, трясясь, снова шагнул вперед, близоруко всмотрелся в железяки, примериваясь, как их снять. Через несколько мгновений он опять повернулся к Кутреду, взглянул на ошейник.

— Лучше распилить ошейник, господин. Но будет шум. И ему будет больно.

— Поливай напильник маслом. Ты слышал, Кутред? Тебе будет больно. Не хватай Удда. Побереги себя для Вигдьярфа.

Лицо йоркширца сморщилось, он сидел неподвижно, пока Удд пилил, лил масло и снова пилил. Догорающая лампа начала чадить. Наконец Удд отступил назад.

— Готово, господин. Теперь надо разогнуть.

Шеф осторожно шагнул вперед, а Карли, на самой границе досягаемости, поднял меч. Кутред, ухмыляясь, отмахнулся от них, поднял руки, ухватился за концы толстого железного ошейника, по-прежнему охватывающего его шею. Потянул. С восхищением Шеф наблюдал, как канатами вздулись мышцы на груди и на руках. Прочнейшее железо гнулось, как если бы это была зеленая веточка. Кутред освободился, с шумом отшвырнул ошейник и цепи. Затем преклонил колена, взялся обеими руками за руку Шефа, и возложил ее себе на голову, лицом прижавшись к коленям Шефа.

— Я твой человек, — сказал он.

Лампа наконец погасла. Четыре человека в темноте опасливо открыли дверь и вышли под звездное небо. Как тени, проскользнули они по улицам, подползли к своему лагерю, за спутанными лошадьми прячась от норвежских караульных. Очаг все еще пылал, поддерживаемый бдительной Эдит.

Увидев женщину, Кутред издал горловой звук, как будто снова намереваясь броситься.

— Она тоже англичанка, — шепнул Шеф. — Эдит, накорми его всем, что найдется. Поговори с ним ласково. Поговори с ним по-английски.

Остальные начали ворочаться под одеялами, а Шеф подкрался к Квикке:

— Ты тоже с ним поговори, Квикка. Дай ему пинту эля, если осталось. Но сначала потихоньку взведи арбалет. Если он кинется на кого-нибудь, застрели его. А я пошел спать до рассвета.

* * *

Шеф зашевелился, когда солнце уже поднялось над вершинами гор, окаймляющих долину с обеих сторон. Было холодно, и тонкое одеяло промокло от росы. Несколько секунд Шефу не хотелось вставать, вылезать из маленького кокона, нагретого теплом его тела. Затем он вспомнил безумные глаза Кутреда и сразу вскочил.

Кутред все еще спал с открытым ртом. Он лежал, укрытый одеялом, головой на груди Эдтеов, самой старой и заботливой из рабынь. Она уже не спала, но не шевелилась, рукой обхватив голову Кутреда.

И тут он проснулся. Его глаза открылись мгновенно, взгляд охватил изучающего его Шефа, людей, начинающих разводить огонь, скатывающих одеяла, потянувшихся справить нужду. Заметил Бранда, тоже стоящего, тоже глядящего на Кутреда.

Шеф даже не заметил движения Кутреда. Он увидел только летящее в сторону одеяло, а Кутред, должно быть, одним махом вскочил на ноги из положения лежа; прежде чем Шеф перевел взгляд, он услышал удар и кряканье вырвавшегося из груди воздуха, это Кутред плечом воткнулся в Бранда. Оба они очутились на земле, перекатываясь раз за разом. Шеф увидел, что большими пальцами Кутред давит на глаза Бранда, а Бранд своими огромными руками схватил Кутреда за запястья, стараясь оторвать его от себя. Двое на мгновенье застыли — Кутред сверху — не в силах одолеть друг друга. Затем Кутред высвободил руку, выхватил с пояса у Бранда нож и вскочил на ноги с прежней сверхъестественной ловкостью. Бранд тоже поднимался, но Кутред уже пырнул ножом, норовя нанести смертельный удар под подбородок.

Озмод перехватил удар и отбил нож в сторону. Тут же Озмод полетел на землю, сбитый обратным ударом рукоятки ножа. Квикка обеими руками вцепился в удерживающую нож руку. Шеф подскочил, схватил левую руку Кутреда, поставил ее на перелом. Это было все равно что хватать тяжеловоза за бабки, слишком толстые, чтобы удержать. Квикка висел на

одной руке Кутреда, Шеф на другой, тут с покрасневшим от волнения лицом подоспел Карли.

— Я успокою его, — крикнул он. Расставив ноги и опустив плечи, он работал обеими руками, левой-правой-левой, молотя в незащищенный живот Кутреда, направляя удары снизу вверх, чтобы попасть под ребра и добраться до печени.

Кутред одной рукой оторвал Шефа от земли, локтем двинул по уху и выдернул руку. Кулак, подобный дубине, опустился на голову Карли, затем Кутред яростно лягнул Квикку по ногам, но, не в силах освободиться от его отчаянного замка, потянулся, чтобы перехватить нож в левую руку.

С трудом поднявшись на ноги и увидев, что Удд старательно целится из арбалета, Шеф закричал: «Стой!», осознавая, однако, что через мгновенье либо Квикка будет выпотрошен, либо Кутред будет застрелен.

Бранд рванулся вперед, заслоняя Кутреда от выстрела. Он ничего не сказал, не делал попыток схватить его. Вместо этого он подал на протянутых руках свой топор.

Кутред уставился на него и, забыв про нож, потянулся за топором. Остановился. Квикка, задыхаясь, устало отошел в сторону. Теперь целились с полдюжины арбалетчиков. Кутред их игнорировал, глядя только на топор. Завороженно взял его, проверил балансировку, попробовал удары с правой и с левой руки.

— Я вспомнил, — хрипло пробормотал он на своем нортумбрийском диалекте. — Вы хотите, чтобы я убил Вигдьярфа. Ха! — Он подбросил топор вверх, закрутив его так, что тот завертелся в воздухе, сверкая отточенным лезвием, ловко перехватил падающий топор. — Убить Вигдьярфа!

Он оглянулся, как если бы ожидал уже увидеть своего врага, и подобно лавине устремился прочь.

Бранд прыгнул ему наперерез, расставив руки, и заорал на примитивном английском:

— Да, да, убить Вигдьярфа. Не сейчас. Сегодня. Все ждут. Сейчас жрать. Приготовиться. Выбрать оружие.

Кутред ухмыльнулся, показав пасть с немногими оставшимися зубами.

— Жрать, — согласился он. — Хотел убить тебя раньше, здоровяк. В Йорке. Позже еще попробую. Сейчас убить Вигдьярфа. Сначала жрать.

Он с шумом глубоко всадил топор в колоду для сидения, оглянулся, увидел, что Эдтеов несет ему краюху хлеба, забрал его и яростно в него вгрызся. Она успокаивала его, как разгоряченную лошадь, поглаживая ему руку через засаленную рубаху.

— О да, — сказал Бранд, глядя на все еще держащегося за ухо Шефа, — о да. Этот мне нравится. Теперь у нас есть свой берсерк. Очень полезный народ. Но их нужно верно направлять.

Под руководством Бранда все засуетились вокруг Кутреда, обслуживая его, как чистокровную скаковую лошадь. Во-первых, еда. Пока он жевал предложенную Эдтеов краюху, вольноотпущенники сварили свою вечную овсяную кашу и дали ему миску, подогрели щедро приправленную чесноком и луком похлебку, которую прошлым вечером сварили из неосторожных цыплят, слишком близко подошедших к лагерю. Под наблюдением Бранда и Ханда Кутред ел безостановочно. Они давали ему за один раз только небольшие дозы, следя, чтобы он выскреб каждую миску до ее деревянного дна, прежде чем взяться за следующую.

— Чтобы набраться силы, ему нужно поесть, — приговаривал Бранд. — Но его желудок съежился. Зараз много принять не может. Дайте ему пинту эля, чтобы он поутих. А теперь снимите с него эту рубаху. Я хочу его помыть и помазать маслом.

Катапультеры выковыряли из очага раскаленные камни и побросали их в кожаные ведра, наблюдая, как вздымается горячий пар. Но когда подошел Шеф, жестом указывая снять рубаху, Кутред насупился, яростно замотал головой. Посмотрел на женщин.

Сообразив, что он не хочет показывать свое уродство, Шеф отослал женщин прочь, сам стянул с себя рубаху. Нарочно повернулся так, чтобы Кутред увидел на его спине шрамы от розог, оставленные отчимом Шефа, снова надел рубаху на себя. Фрита и Квикка расстелили на земле одеяло, приглашая жестами, чтобы Кутред лег на него лицом вниз, затем срезали ему рубаху с тела своими тесаками.

Увидев его спину, вольноотпущенники переглянулись. В некоторых местах мясо было прорезано до самой кости, позвонки прикрывали лишь тонкие спайки. Теплой водой со

щелоком Фрита начал смывать накопленный за зиму слой грязи и омертвевшей кожи. Когда он закончил, Бранд принес собственные запасные штаны, велев Кутреду надеть их. Пока Кутред их натягивал, все старательно смотрели вдаль. Затем они усадили его на пень, а Фрита потрудился над его руками, лицом и грудью.

Шеф в это время внимательно осматривал Кутреда. Это был действительно исполин, много крупнее, чем любой из бывших рабов, крупнее даже самого Шефа. Не так велик, как Бранд, — его штаны закатали у лодыжек, а в талии они болтались так свободно, что пояс Бранда пришлось обернуть дважды. Но он отличался почти от всех людей, которых когда-либо встречал Шеф, от любых воинов, которых он видел в команде Бранда или в Великой Армии викингов. У таких, как Бранд, не бывает ни складок на талии, ни раздутого пивом живота, но сложен он был хорошо, каждый день плотно ел, мускулы его предохранял от холода толстый слой жира. Схватив его за ребра, можно было оттянуть полную горсть мяса.

По сравнению с Кутредом Бранд казался бесформенным. На мельнице, проворачивая огромный вес с помощью собственных рук, ног, спины и брюшного пресса, час за часом, день за днем, почти исключительно на хлебе и воде, Кутред обрел мускулы отчетливо видные, словно нарисованные на бумаге. Как у слепца, которого Шеф видел в своем мимолетном видении. Именно сочетание силы и худобы делало Кутреда таким неуловимо быстрым, понял Шеф. Это, и еще его безумие.

— Поработай над его ладонями и ступнями, — распорядился Бранд. — Смотри, у него на ногах ногти, как когти у медведя. Состриги их, а то нам будет не надеть на него обувь, а она ему нужна, чтобы не скользить. Покажи мне его ладони.

Бранд крутил их так и сяк, проверяя, сгибаются ли они.

— Кожа совсем ороговела, — бормотал он. — Для моряка хорошо, а для фехтовальщика плохо. Дай мне масла, я вотру в ладони.

Пока они хлопотали, Кутред сидел, не обращая внимания на холод, принимая их заботы как должное. Возможно, он привык к этому в прежней жизни, подумал Шеф. Он был капитаном личной дружины короля Нортумбрии, такого поло-

жения можно достичь, только драками пробивая себе путь наверх. Должно быть, Кутред участвовал в большем количестве поединков, чем мог запомнить. Кроме следов плетки, под его косматой порослью проступали старинные шрамы от клинка и лезвия. За зиму он, как лошадь, отрастил себе в неотапливаемом сарае собственную густую шерсть. Единственными в отряде ножницами ему стали стричь волосы и бороду.

— Чтобы ничего не лезло в лицо, — пояснил Бранд.

Вслед за штанами он отдал свою замечательную запасную рубаху из крашеной зеленой шерсти. Кутред влез в нее, расслабил штаны, затолкал внутрь рубаху и снова обвязался веревочным поясом. Умытый, подстриженный и приодетый, изменился ли он по сравнению с тем ужасным созданием, которое они спасли, спрашивал себя Шеф.

Нет, он выглядел по-прежнему. Любой разумный человек, встретив Кутреда в лесу или на дороге, отпрыгнул бы в сторону и взобрался на дерево, как если бы повстречался с медведем или стаей волков. Он был так же безумен и так же опасен, как... как Ивар Бескостный или как его отец, Рагнар Волосатая Штанина. Он даже похож на Рагнара, припомнил Шеф. Что-то в осанке, в безумном взгляде.

Бранд стал показывать Кутреду имеющееся в наличии оружие. Небогатый выбор. Кутред глянул на драгоценный меч Карли, фыркнул, без лишних слов согнул его об колено. Смерил взглядом ворчащего от негодования и обиды Карли, выждал, будет ли тот продолжать, и ухмыльнулся, поскольку коренастый дитмаршец умолк. Тесаки он презрительно отшвырнул в сторону. Алебарда Озмода заинтересовала его, и некоторое время он фехтовал ею, одной рукой вращая ее немалый вес, как будто бы она была ивовым прутиком. Но для оружия на одну руку ее балансировка была неправильной. Кутред отложил алебарду, осмотрел инкрустированный серебром топор Бранда.

— Как его имя? — спросил он.

— *Rymmugygr*, — ответил Бранд, — это значит «боевой тролль».

— А, — сказал Кутред, крутя в руках оружие. — Тролли. Они зимой спускались с гор, заглядывали через ставни, так и зырили на прикованного человека. Это оружие не для меня.

А ты, вождь, — обратился он к Шефу. — У тебя на руках золотые браслеты. Ты должен одолжить мне свой славный меч.

Шеф с сожалением покачал головой. После битвы при Гастингсе его таны настаивали, что король должен носить подобающее ему оружие, и разыскали для него меч прекрасной шведской стали, с золотой рукоятью и выгравированным на клинке именем: «Atlaneat». Он оставил его в Англии, взял только простую матросскую абордажную саблю — катласс. Но и ту оставил, когда пошел в гости на Дроттнингсхолм, взяв с собой лишь копье «Гунгнир». Однако, когда катапультеры освобождали его, Квикка принес саблю, и теперь она находилась на своем месте у Шефа за поясом. Шеф протянул ее Кутреду. Тот посмотрел на катласс с тем же выражением, что и на меч Карли. Это был односторонней заточки тяжелый клинок, слегка изогнутый, сделанный из обычного железа, хотя и с наваренным лично Шефом прочным стальным лезвием. Оружие не для фехтования, а для чистой рубки.

— Удар таким не отразишь, — пробормотал Кутред. — Но для прямого удара хорош. Я возьму его.

Словно его кто-то подтолкнул, Шеф протянул также сделанный Уддом щит, специально обработанную стальную пластину, наклепанную на деревянную основу. Кутред с интересом взглянул на тонкий слой металла, поскреб его странного вида поверхность и попытался надеть щит на руку. Лямки не застегивались на его могучей длани, пока в них не прокрутили дополнительные дырочки. Кутред встал, с обнаженной саблей и пристегнутым щитом. На лице его появилась гримаса, напоминающая оскал голодного волка.

— А теперь, — сказал он, — Вигдьярф.

Глава 18

У ограды лагеря стоял человек в полном вооружении и с коротким жезлом в руке: марешаль пришел вызывать их на площадку для поединка. Шеф встал, закрывая собой Кутреда, кивнул Бранду, чтобы тот разговаривал.

— Вы готовы? — крикнул марешаль.

— Готовы. Давайте повторим условия поединка.

Все слушали, как Бранд и марешаль перечисляют усло-

вия: только рубящее оружие, ратоборец на ратоборца, свободный проход через Флаа против передачи всех трэлей в распоряжение победителя. Шеф почувствовал, как по мере перечисления условий нарастает напряжение среди англичан — и мужчин, и женщин.

— Выиграем мы или проиграем, мы им не сдадимся, — высказался Озмод. — Всем держать арбалеты и алебарды наготове. Женщинам взять лошадей под уздцы. Если нашего ратоборца убьют — чего мы не хотим, конечно, — с оглядкой на Кутреда торопливо добавил он, — мы попытаемся пробиться.

Шеф увидел, что Бранд, заслышав недостойные речи Озмода, недовольно повел плечами, но продолжал переговоры. Не знающий английского языка марешаль ничего не заметил. Кутред ухмылялся даже шире, чем всегда. Он был каким-то отстраненным, сидя на пне и никак не пытаясь проявить себя. То ли он увлекся привычным ритуалом подготовки к поединку, то ли предвкушал изумление, которое испытает Вигдьярф.

Марешаль ушел, а Бранд вернулся к маленькому отряду, уже собравшему вещи, навьючившему лошадей и готовому выступить. В последний момент взгляд Кутреда упал на топорик, которым щепали лучину. Подобрав, протянул его Удду.

— Заточи его напильником, — распорядился он.

Отряд прошел по короткой улице, уже опустевшей. На маленькой площади перед храмом толпилось не только все население городка, но еще десятки мужчин, женщин и детей со всех трех долин, пришедшие посмотреть на схватку ратоборцев. Одну улочку оставили свободной, чтобы по ней мог подойти отряд Бранда, но как только он прошел, воины с копьями и щитами перекрыли ее. Озмод оценивающе осмотрелся, стараясь найти слабое место в окружающем их заслоне. Не нашел.

Прямо перед ними, у самой двери храма, стояли одетые в алые плащи Вигдьярф и два его секунданта. Бранд осмотрелся, оглядел Кутреда, кивнул Озмоду и Квикке.

— Ждем, — сказал он, подняв палец, — ждем вызова.

Кутред ни на кого не смотрел. Он взял заточенный топорик и держал его в левой руке вместе со щитом. Другой рукой он подбрасывал в воздух саблю Шефа — кувырки которой выявляли ее плохую балансировку, — ловко подхватывая ее за незащищенную гардой рукоятку. Гул прокатился по толпе, когда некоторые признали в нем мельничного трэля, недоумевая, что бы это значило.

Бранд и Шеф шли навстречу противникам.

— Не надеть ли нам на него какие-нибудь доспехи? — по пути засомневался Шеф. — Твою кольчугу? Или шлем? Да хоть кожаную куртку? У Вигдьярфа все это есть.

— Берсерку это не нужно, — отрезал Бранд. — Сам увидишь.

Остановившись за семь шагов, он крикнул как для противников, так и для публики:

— Готов ли испытать свою удачу, Вигдьярф? Ты же знаешь, что мог бы попытаться выйти против меня много лет назад. Но тогда у тебя не было такого желания.

— А теперь нет желания у тебя, — усмехаясь, ответил Вигдьярф. — Ты уже решил, кто выйдет против меня? Ты? Или твой одноглазый и безоружный приятель?

Бранд ткнул большим пальцем за плечо:

— Мы решили попробовать того парня в зеленой рубахе. Он очень хочет драться с тобой. Вот у кого есть такое желание.

Усмешка Вигдьярфа исчезла, когда он глянул по ту сторону площади и увидел никем больше не заслоненного Кутреда, который у всех на виду жонглировал своей саблей. Теперь он начал еще и перекидывать из руки в руку топорик, успевая поймать его правой рукой и отбросить назад в левую, пока сабля находилась в воздухе.

— Ты не можешь выставить его против меня, — сказал Вигдьярф. — Он трэль. Это мой собственный трэль. Ты, как я понимаю, выкрал его ночью. Я не могу драться со своим же рабом. Я обращаюсь к марешалам, — и он повернулся к двум вооруженным людям, стоящим по бокам площади.

— Уж больно ты быстр объявлять людей трэлями, — отвечал Бранд. — Сначала ты объявляешь трэлями мирных проезжих, и они должны биться с тобой, чтобы оправдаться. Потом, когда человек хочет с тобой драться, ты говоришь, что он тоже трэль. Может быть, проще будет, если ты сразу скажешь, что вообще все кругом трэли? Тогда тебе останется

только заставить их вести себя так, как ведут себя трэли. Потому что иначе — они не трэли.

— Я не буду с ним драться, — гнул свое Вигдьярф. — Он моя собственность, украденная ночью, а вы все — ночные воры. — Он повернулся к марешалям и опять начал протестовать.

Бранд оглянулся через плечо.

— Если ты не будешь драться с ним, это твое дело, — засмеялся он. — Но я должен сообщить тебе кое-что. Он-то как раз будет драться с тобой. И с любым, кто заградит ему путь.

С хриплым ревом Кутред раздвинул окружающих и пошел через площадь. Глаза его застыли и не мигали, и по пути он начал петь. Вспомнив те времена, когда он был менестрелем, Шеф узнал песню. Это была старая нортумбрийская баллада о битве при Нектанском озере, когда пикты уничтожили армию короля Этельтрита. Кутред пел тот куплет, где говорилось о доблестных королевских оруженосцах, отказавшихся отступать или сдаваться и вставших за стеной из щитов, чтобы сражаться до последнего человека. Бранд и Шеф торопливо ушли с дороги, глядя на берсерка, ступающего медленно, но готового броситься в любой миг.

Вигдьярф, увидев приближающегося Кутреда, схватил своего секунданта за плащ, опять повернулся к марешалям и обнаружил, что все они разбегаются, оставляя его лицом к лицу с неистовствующим гигантом, которого он когда-то оскопил.

За пять шагов Кутред ринулся в атаку. Без пробных и ложных выпадов, не заботясь о защите. Атака рассвирепевшего керла — свинопаса или пахаря, а не королевского ратоборца. Первый удар шел из очень дальнего — так что сабля коснулась спины Кутреда — замаха и по широкой дуге устремился на шлем Вигдьярфа. Чтобы отразить его, достаточно было быстро среагировать, что сумел бы сделать каждый, кроме престарелого ревматика. Вигдьярф, который продолжал что-то кричать марешалам, не задумываясь поднял щит и принял на него всю силу удара.

И чуть не упал на колени, сбитый этой силой. А на него уже обрушился второй удар, а вслед за ним и третий. Не опасаясь нападения, Кутред пританцовывал вокруг своего врага,

атакуя под всевозможными углами. При каждом ударе от окантованного железом липового щита летели щепки, скоро Вигдьярф держал в руках лишь его жалкие остатки. Звон пошел по площади, когда Вигдьярф впервые ухитрился отразить очередной удар мечом.

— Не думаю, что это продлится долго, — сказал Бранд. — И когда кончится, будут неприятности. По коням, ребята. Шеф, пусть приготовят веревки.

Атака Кутреда не замедлялась ни на мгновенье, но Вигдьярф, этот опытный воин, по-видимому, собрался с духом. Он парировал удары и мечом, и оставшимся от круглого щита полумесяцем. Он также понял, что Кутред не готов отбивать удары, не принимает защитных позиций. Щит в его руке был простым довеском. Два раза подряд Вигдьярф делал стремительные выпады, метя в лицо. И дважды Кутреда не оказывалось на прежнем месте, он атаковал уже с другой стороны.

— Сейчас он может пропустить удар, — пробормотал Бранд, — и тогда...

Словно бы вспомнив свое искусство, Кутред неожиданно сменил тактику, вместо выпадов в голову и корпус он пригнулся и с левого замаха хлестнул по коленям. Такое Вигдьярф видел часто, гораздо чаще, чем неистовую атаку, которую только что пережил. Он перепрыгнул через саблю, приземлился, спружинив почти на корточки, и в свою очередь рубанул мечом.

Со стоном разочарования англичане увидели, что удар пришелся прямиком по бедру Кутреда. Они ожидали увидеть фонтан артериальной крови, последний конвульсивный удар, с легкостью отбитый победителем, падение и смертельный рубящий или колющий удар. Этим всегда кончалось. Через всю площадь виден был оскал выжидающего Вигдьярфа.

Но он не дождался. Кутред прыгнул, занося саблю над головой противника и одновременно всаживая в него другой рукой свой топорик. Раздался чавкающий звук, и топорик пронзил шлем и череп.

Кутред выпустил топорик и своей левой рукой схватил Вигдьярфа за правую. Вигдьярф отчаянно и беспомощно отбивался от него остатками щита, а Кутред шагнул и, засунув ему саблю под низ кольчуги, принялся ею там ворочать. Виг-

дьярф завопил, уронил меч, попытался оттолкнуть саблю. Кутред, вцепившись в него, заговорил, выкрикивая слова в лицо умирающего.

Ужаснувшись — не убийству, а поруганию, — марешали и секунданты Вигдьярфа бросились вперед. Шеф увидел, что обыватели торопливо гонят своих жен и детей прочь, по узким улочкам и в дома. По-прежнему безоружный, он шагнул вперед, крича марешалам, чтобы не вмешивались.

Кутред бросил своего истекающего кровью врага на землю и без предупреждения снова ринулся в атаку. Один из марешалей, выставляющий свой жезл и пытающийся что-то крикнуть, упал, рассеченный от шеи до живота. Поскольку сабля застряла в теле, Кутред впервые воспользовался своим щитом, чтобы отразить удар второго марешаля, сбил его с ног и, выхватив меч погибшего, отрубил второму ногу по колено. Затем он снова атаковал, без задержки и колебаний ринувшись на сторонников Вигдьярфа, стоявших около храма.

Навстречу ему полетело копье, тяжелое боевое копье, брошенное со всей силы с расстояния в десять футов. И точно в центр груди. Кутред заслонился своим бронированным щитом. Копье ударилось в него, но не пробило, щит был отброшен в сторону, а само копье отскочило, как это произошло и с копьем Шефа на испытаниях щита.

Вопли удивления и испуга, а затем все, кто еще оставался на площади, разом побежали с нее. Кутред ринулся на них, рубя отставших, в воздухе неслись крики: «Берсерк! Берсерк!»

— Ну вот, — сказал Бранд, оглядывая вдруг опустевшую площадь. — Думаю, если мы сейчас поедем себе потихоньку... Вот только соберем всякие полезные вещи, что валяются здесь, например, этот меч — ведь он тебе, Вигдьярф, больше не нужен, правда? Для настоящего *drengr*'а ты всегда был немножечко слишком жесток с женщинами, так я считаю. И вот пришла твоя смерть.

— Разве мы не собираемся поднять бедного Кутреда? — негодующе спросила Эдтеов. — Ведь он всех нас спас.

Бранд неодобрительно покачал головой:

— Думаю, лучше бы нам с ним не связываться.

Кутред недвижно валялся в грязи в пятидесяти ярдах вниз по ведущей из городка улице, рядом с ним лежали две отрубленные головы, руками он вцепился в их длинные волосы. Шефа вдруг подтолкнул Ханд, который изумленно уставился на левое бедро берсерка, куда пришелся мощнейший удар Вигдьярфа.

Очень глубокий разрез, длиной в шесть дюймов, в глубине его виднелась белая кость. Но подобно разрезу в неживом мясе, лишь легкие следы крови.

— Как это получилось? — вопрошал Ханд. — Как может человек не истечь после этого кровью? Бегать с разрезанными мышцами?

— Я не знаю, — сказал Бранд, — но я видел такое и раньше. Это и делает берсерка берсерком. Говорят, будто сталь их не берет. Берет, еще как берет. Но они этого не чувствуют. Некоторое время. Что ты делаешь?

Ханд, достав иглу и нить, сделанную из кишок, начал зашивать края разреза, сначала приметал их, потом вернулся и прошелся мелкими стежками, как заправский портной. В это время кровь начала сочиться, а потом и струиться из раны. Он закончил шить, забинтовал ногу, перевернул раненого и закрыл ему веки. Удивленно покачал головой.

— Кладите его на лошадь, — распорядился Ханд. — Он должен был уже умереть. Но, по-моему, он всего лишь крепко спит.

Чтобы избавиться от отрубленных голов, ему пришлось взяться за нож и отрезать волосы, крепко зажатые в кулаках Кутреда.

* * *

— Да, — сказал Бранд рассудительно. — Существует уйма рассказов про берсерков. Хотя сам я большинство из них не принимаю всерьез.

Они вот уже несколько дней ехали вдоль горного хребта, сначала тропа вела вверх, потом недолго по относительно ровным местам, а теперь начался спуск, который обещал тянуться дольше, чем подъем. Справа от них открывались долины со сверкающими реками и островками свежей зелени. Слева уклон был круче, там росли сосны и ели, а впереди виднелись снова и снова подъемы и спуски тропы, да цепи синих гор далеко впереди. Воздух, холодный и резкий, и в то же время живительный, был напоен ароматом хвои.

Позади Бранда с Шефом и присоединившегося к ним

любопытствующего Ханда вереница лошадей растянулась на сотню ярдов, часть отряда ехала верхом, часть шла пешком. Людей стало больше, чем неделю назад, когда они вышли из Флаа. К едущим по опустевшей вдруг при их приближении местности англичанам то и дело присоединялись люди, выходящие из придорожных лесов на дорогу или к разведенным на привале кострам, — беглые рабы в железных ошейниках, по большей части англичане. Привлеченные слухами об отряде свободных людей, движущемся через страну под водительством гиганта и одноглазого короля и под охраной безумного берсерка, принадлежащего к их собственному народу. В большинстве приходили мужчины, и далеко не все из них трэли и керлы от рождения. Чтобы сбежать от хозяина в чужой стране, требуется решимость и мужество, свойственные английским танам и воинам — викинги при случае охотно обращали их в рабство, ценя за силу. После недолгих споров Шеф согласился принимать всех, кому удалось добраться до отряда, хотя он не стал бы специально обыскивать хутора и заставлять собственников освобождать рабов. Мужчины, да и женщины, которым удалось сбежать от норманнов, могли увеличить боевую мощь отряда. Надежды пройти по стране незамеченными больше не оставалось.

— Кое-кто говорит, что на самом деле слово означает *bare-sark*, — продолжал Бранд. — То есть «простые рубахи» — потому что они всегда дерутся в одной рубахе, без доспехов. Я полагаю, вы видели нашего безумного друга, — он ткнул большим пальцем назад, где Кутред, на удивление быстро оправившийся, ехал верхом. Его лошадь окружали те, чье присутствие он мог выносить. — Никакой защиты и никакого желания защищаться. Если бы мы одели его в доспехи, я уверен, что он сорвал бы их с себя. Так что *bare-sark* — неплохое объяснение. Другие же говорят, что на самом деле это значит *bear-sarks*, «медвежьи рубахи». Потому что они как медведи — если уж полезет, ничем его не испугаешь. Но многие считают, что берсерки и впрямь, — Бранд опасливо огляделся и понизил голос, — *нелюди с одной кожей*, как Ивар Бескостный. Они, когда на них находит, принимают другое обличье.

— Ты хочешь сказать, они вервольфы? — спросил Шеф.

— Да, *were-bears*, — ответил Бранд. — Но это чепуха. Во-

первых, перемена обличья — дело наследственное. А берсерком может стать каждый.

— А нельзя этого добиться каким-нибудь зельем? — спросил Ханд. — По-моему, есть несколько трав, от которых человек перестает быть самим собой, например, думает, что он медведь. Скажем, капелька сока белладонны, хотя в больших количествах это смертельный яд. Говорят, сок белладонны можно смешать со свиным жиром и растираться этой мазью. От этого людям начинает казаться, что они вышли из своего тела. Есть и другие травы с таким же действием.

— Может быть, — сказал Бранд. — Но ты ведь знаешь, что с нашим берсерком было не так. Он ел то же самое, что и мы, и был вполне безумен еще до еды. Не думаю, что это так уж трудно понять. Некоторые люди любят драться. Я и сам люблю — сейчас, может быть, поменьше, чем когда-то. Но раз ты любишь и привык драться, и у тебя получается, шум и крики тебя возбуждают, ты ощущаешь, как что-то распухает внутри тебя, и в этот момент чувствуешь себя в два раза сильнее и в два раза стремительней, чем обычно, ты начинаешь действовать раньше, чем поймешь, что делаешь. С берсерком бывает нечто похожее, только намного сильнее. И по-моему, до этого доходишь, только если у тебя есть особая причина. Потому что большинство людей, даже в пылу боя, где-то глубоко внутри себя помнят, каково пропустить удар, и что не хочется вернуться из боя калекой, и как выглядят твои друзья, когда ты зарываешь их в могилу. Поэтому они носят доспехи и пользуются щитом. А берсерк все это забывает. Чтобы стать берсерком, нужно, чтобы тебе не хотелось жить. Ты должен ненавидеть себя. Я знавал несколько таких людей — родившихся такими или ставших такими. Мы все знаем причину, почему Кутред ненавидит себя и не хочет жить. Он не может вынести позора из-за того, что с ним сделали. Он счастлив, только когда вымещает это на врагах.

— Ты, значит, думаешь, что и в других берсерках, которых ты знал, тоже были какие-то изъяны, — задумчиво проговорил Шеф. — Но не в их теле.

— Именно так было с Иваром Рагнарссоном, — подтвердил Ханд. — Его прозвали Бескостным из-за его импотенции, он ведь ненавидел женщин. Но с его телом все было в порядке, я сам видел. Он ненавидел женщин за то, чего не

мог сделать, а мужчин — за то, что они могут то, чего он не может. Наверное, то же самое и с нашим Кутредом, только его таким сделали, а не сам он стал таким. Меня поразило, как быстро на нем заживают раны. Разрез шел через все бедро и в глубь кости. Но рана не кровоточила, пока я не перевязал ее, и зажила она, будто легкая царапина. Мне надо попытаться попробовать его кровь на вкус, нет ли в ней чего-нибудь необычного, — задумчиво прибавил он.

Бранд и Шеф с легкой тревогой переглянулись. Но тут же забыли обо всем. Дорога, огибая пирамиду камней, резко свернула влево, и за поворотом мир, казалось, раскололся надвое.

Там, далеко внизу, обширную долину окаймляла серебристая водная гладь. Превышающая размерами все горные реки, она, расширяясь, уходила к самому горизонту. Дальнозоркий моряк мог бы разглядеть на ней несколько пятнышек.

— Море, — прошептал Бранд, подаваясь вперед и хватая Шефа за плечо. — Море. И посмотри, там суда стоят на якоре. Это Гула-фьорд, а суда стоят в гавани великого Гула-Тинга. Добраться бы туда — может быть, мой «Морж» уже там. Если его не захватил король Хальвдан. Мне кажется — слишком далеко, конечно, — но я почти уверен, что вон тот крайний корабль и есть мой «Морж».

— Ты же не можешь с расстояния в десять миль отличить один корабль от другого, — усомнился Ханд.

— Шкипер даже в тумане может узнать свой корабль за десять миль, — возразил Бранд. Он ударил пятками по бокам своего усталого пони и пустился вниз по склону. Шеф, подав отряду знак подтянуться, последовал за ним.

* * *

Они догнали Бранда, только когда тот совсем запалил своего усталого пони, и с трудом уговорили его остановиться на ночлег в нескольких милях от Гула-Тинга и гавани. Когда на следующее утро они, кто пешком, кто верхом, приблизились наконец к раскинувшемуся на полмили невдалеке от города скопищу палаток, землянок и шалашей, отравлявших атлантический бриз своими дымами, навстречу им вышла группка людей: не вооруженные воины в расцвете сил, отметил про себя Шеф, это пожилые люди, некоторые даже с седыми бородами. Представители общин из округи, находящейся под властью тинга, и таны или ярлы, которые обеспечивали в ней мир и покой.

— Мы слышали, что вы все грабители и воры, — без лишних предисловий начал один из них. — Если это правда, на вас может напасть и безнаказанно убить любой, кто придет в наш тинг, и у вас здесь нет никаких прав.

— Мы ничего не украли, — сказал Шеф. Это было правдой — он знал, что его люди таскали цыплят на каждом хуторе и без зазрения совести варили баранью похлебку, но он считал, что такие пустяки к делу не относятся. Как сказал Озмод, они бы заплатили за еду, если бы кто-нибудь предложил ее купить.

— Вы украли людей.

— Эти люди были украдены раньше. Они пришли к нам по своей доброй воле — мы их не искали. Если они сами себя освободили, кто может обвинять их?

Люди из Гула-Тинга выглядели сбитыми с толку. Бранд продолжал более примирительным тоном:

— Мы ничего не украли в границах вашего тинга и никоим образом не нарушим его мир и покой. Смотрите, у нас есть серебро. Много серебра и еще золото, — он похлопал по зазвеневшей седельной сумке, указал на браслеты, сиявшие на руках у Шефа и у него самого.

— Вы обещаете не красть трэлей?

— Мы не будем красть и укрывать трэлей, — твердо заявил Бранд, сделав Шефу знак помалкивать. — Но коль скоро любой человек, пришедший в Гула-Тинг или уже находящийся в нем, выдвинет обвинение, что кто-либо из нас является или когда-либо являлся его трэлем, мы выдвинем встречное обвинение в совершенном против закона и справедливости захвате в рабство свободных людей и предъявим иск за все оскорбления, побои, телесные повреждения и прочий ущерб, последовавший в результате этого неправого дела. Потребуем плату за каждый год, проведенный в рабстве, и за упущенную в этот период законную выгоду. Более того...

Зная о страсти к законности, которую викинги проявляли даже в самых простых делах, Шеф поспешил прервать его.

— Споры в установленном порядке будут решать ратоборцы на земле для поединков, — вставил он.

Норвежские представители нерешительно переглянулись.

— Более того, мы покинем тинг так быстро, как только сможем, — продолжал Бранд.

— Хорошо. Но имейте в виду — если кто-то из вас распустит руки, — старик глянул за плечо Шефа на мрачную фигуру Кутреда, набычившегося в седле, по одной руке его нежно гладила Марта, а по другой Эдтеов, — отвечать будете вы все. Нас тут пятьсот человек, если понадобится, мы справимся со всеми вами.

— Хорошо, — в свою очередь сказал Шеф. — Покажите, где нам остановиться, где брать воду, и позвольте нам покупать еду. И еще мне нужно на один день снять кузницу.

Норвежцы расступились, пропуская маленькую кавалькаду.

* * *

Добрые серебряные пенни короля Альфреда были встречены в тинге с явным одобрением, и через несколько часов Шеф, снова раздетый до пояса и в кожаном фартуке, работал молотом в нанятой вместе с инструментами кузнице. Бранд прямиком отправился в гавань, расположенную в одной миле от лагеря, остальным было приказано отгородить стоянку веревками на столбах и никуда не выходить; рядом с Кутредом все время находилась кучка доброхотов. Его симпатии и антипатии были уже всем прекрасно известны. По какой-то причине он неплохо относился к Удду, видимо, потому, что от маленького человечка не исходило никакой угрозы, и часами мог слушать его занудные разглагольствования о трудностях обработки металлов. Ему нравилась материнская забота женщин постарше и попроще. Любой намек на близость или заигрывание со стороны женщин молодых, и даже их случайные покачивания бедер или мелькнувшие коленки вызывали на его лице смертную муку. Он терпимо относился к слабейшим из рабов и свободных, подчинялся Шефу, фыркал на Бранда, вспыхивал при любом признаке силы или соперничества, выказанном другими мужчинами. Если Карли, молодой, сильный и любимый женщинами, появлялся в поле зрения, Кутред не сводил с него глаз. Заметив это, Шеф

приказал Карли держаться от берсерка подальше. Он также приказал Квикке и Озмоду установить дежурство: чтобы два человека с арбалетами следили за Кутредом неотступно, но незаметно для него. Дисциплинированный берсерк просто неоценим, особенно когда находишься во враждебной стране. К несчастью, дисциплинированных берсерков не бывает.

Чтобы хоть как-то отметить, что примкнувшие к их отряду беглые рабы находятся под покровительством, Шеф для начала выковал дюжину нагрудных амулетов Пути. Все из железа, потому что почитаемое людьми Пути серебро в данный момент требовалось для других целей. Но, по крайней мере, они будут выделяться среди прочих. Чтобы подчеркнуть это отличие, Шеф все брелоки сделал в виде своего собственного амулета, лесенки Рига. Хотя никто из спасенных ими людей не знал, что это такое, они будут носить лесенки как талисманы.

Следующей задачей Шефа было снабдить каждого каким-нибудь оружием: не для применения — как он надеялся, — но исключительно чтобы засвидетельствовать их статус в мире норманнов, где каждый свободный человек таскал с собой на крайний случай хотя бы копье и нож. Шеф купил охапку десятидюймовых стальных костылей, используемых иногда для скрепления бревен вместо деревянных шипов, и изготовил из них наконечники копий, которые затем надо было вбить в ясеневые древки и крепко привязать размоченными кожаными ремнями. Этого должно было хватить на всех новичков. У катапультеров оставались их алебарды, ножи и арбалеты. Шеф забрал у Кутреда свою саблю и в который уж раз выправил дешевый и мало на что годный меч Карли. Побоище во Флаа принесло множество разнообразного оружия, включая меч Вигдьярфа, отданный Кутреду.

Изготовив последний наконечник, Шеф перешел к завершающей задаче: превратить обработанный Уддом щит в наступательное оружие для Кутреда. Хотя тот, по-видимому, забыл все свое искусство фехтовать со щитом и обоюдоострым мечом, он ни на минуту не выпускал щит из рук. Кутред с трудом с ним расстался и не уходил, все смотрел, как Шеф, вспомнив Муиртайга и других гаддгедларов Ивара, решил убрать две кожаные лямки для запястья и локтя, а вместо них поместить один прямой ремень, проходящий посередине

внутренней стороны щита. Мычание Кутреда можно было принять за одобрение, но лишь с большой неохотой позволил он Шефу унести щит в кузницу, где тот прикрепил снаружи щита один из десятидюймовых шипов. Невозможно было пробить в броне дыру, не загубив с десяток пробойников, поэтому Шеф приварил шип к металлической поверхности. Нелегкая задача, потребовавшая от раздувающих мехи подручных отчаянных усилий, чтобы разогреть металл почти до белого каления.

Оторвавшись наконец от наковальни, Шеф поднял щит, покрутил его левой рукой из стороны в сторону и подумал: что тяжело даже для его натренированных в кузнице мускулов — будет для Кутреда пушинкой. Он вышел из кузни. В дверях столкнулся с каким-то человеком. Протер слезящиеся от дыма глаза, поморгал на солнечный свет и увидел улыбающегося Торвина, а сзади — Бранда.

— Я гляжу, ты снова стал самим собой, — сказал Торвин, хватая его за руку. — Я сейчас говорил Бранду, что коль скоро с тобой все в порядке, тебя всегда можно найти по грохоту молота.

Глава 19

— Когда король Хальвдан узнал, что его сын убит, — часом позже рассказывал Торвин, удобно расположившись на колоде с кружкой эля в руке, — он впал в неистовство исполинов. Он сказал своей матери, что она зажилась на белом свете, надел ей на шею петлю и приказал ей одновременно заколоться и повеситься на дереве в качестве жертвы Одину, чтобы маленький Харальд мог присоединиться к воинам в Вальгалле. И она с готовностью это проделала, так говорят.

Потом, обнаружив, что Бранд исчез и все люди Шефа тоже, он решил захватить корабль Бранда вместе со всей командой. Но моряки забаррикадировались в святилище Пути и обратились к кое-кому из нас, жрецов, с просьбой о защите. Вальгрим принял сторону Хальвдана, как и многие его последователи, и какое-то время казалось, что в святилище Пути может вспыхнуть настоящая междоусобная война.

Но Хальвдана занимало другое. Ведь от него не укрылось, что Шеф побывал на острове Дроттнингсхолм, а потом один из стражников Стейна признался, что Шефа туда позвали. Поэтому Хальвдан обвинил еще и Рагнхильду и поклялся, что за свою неверность и за то, что не уберегла сына, она отправится в могилу вслед за матерью Хальвдана.

— И вот, — Торвин еще раз глотнул эля, — на следующий день Хальвдан был мертв. Умер на своем тюфяке. Соломенной смертью, как состарившийся трэль.

— Что же обнаружилось? — поинтересовался сидевший рядом на земле Ханд.

— Ингульф сказал, отравление болиголовом.

Карли, которому тоже разрешили послушать новости, округлил глаза и раскрыл рот, но, поймав взгляд Торвина, промолчал.

— Итак, все стали подтягивать свои силы, и со всех сторон неслись клятвы отомстить. Говорили, что жители завоеванных Хальвданом земель решили воспользоваться случаем и освободиться от гнета Западного Фолда, что королева Рагнхильда вернулась в родное королевство, чтобы собрать армию и отомстить убийцам своего сына, и тогда шкиперы береговой охраны привели свой флот в порт, чтобы отстаивать свои собственные интересы, а команда Бранда вернулась на «Морж» и позвала меня исчезнуть вместе с ними.

— Но ты ведь отказался? — спросил Шеф.

Торвин кивнул.

— Сперва надо было уладить кое-какие дела Пути. А вообще-то, все неожиданно успокоились. Король Олаф взял и показал всем, каков он на самом деле. Вы никогда не задумывались, — спросил Торвин, — почему короля Олафа зовут *Geirstatha-alfr*, Эльф Гейрстата?

Безмолвные слушатели отрицательно покачали головами. Квикка, подумав, высказался:

— *Alfr* — это то, что мы произносим «альф», как в именах Альфред или Альфвин. Кто-то из Потаенного Народа, но не безобразный и злобный, как болотные чудища и горные тролли. Говорят, женщины эльфов иногда соединяются с мужчинами людей, и наоборот. Эльфы мудрые, но у них нет души. — Он оглянулся и увидел, что слушатели неуверенно пожимают плечами и покачивают головами.

— И что же с ними происходит, когда они умирают? —

продолжал Торвин. — Никто из нас толком не знает, хотя кое-кто рассказывает, что они уходят в свой собственный мир, один из Девяти Миров, в которых наш — средний. Но другие считают, что они умирают. А потом возрождаются. А еще некоторые говорят, что то же самое может случиться с мужчиной, рожденным от женщины. Вот таким себя и считает король Олаф. Он говорит, что уже был в этом мире раньше и что еще вернется в облике какого-то человека из своего рода. А если нет — ведь в живых не осталось ни одного человека его крови или крови его брата, — тогда его жизнь перейдет в какое-нибудь другое вместилище.

Он рассказал, Шеф, что вместе с Вальгримом устроил для тебя испытание, и ты его выдержал. Он сказал, что удача его рода перешла к тебе, и с этих пор его удача и его дух вольются в твою удачу. Еще он велел передать тебе, что, раз ты прошел устроенное им и Вальгримом испытание, он теперь будет править Восточным и Западным Фолдом для тебя. Как твой король-вассал. — Торвин поднялся, подошел к сидящему Шефу и осторожно вложил свои ладони в ладони Шефа. — Олаф приказал мне вложить свои ладони в твои в знак его подчинения. Он признает тебя как Единого Короля, Того, Кто должен прийти с Севера, и просит тебя вернуться, чтобы занять подобающее тебе место в его королевстве и в святилище Пути.

Шеф оглядел круг лиц, изумленных не менее его самого. Сама идея короля-вассала была одинаково трудна для понимания как норвежцев, так и англичан. Король, по определению, — тот, у кого нет сюзерена. Как же король-вассал, признающий над собой власть короля-сюзерена, вообще может быть королем, а не ярлом или *hersir*'ом?

— А как к этому отнесся его народ? — осторожно спросил Шеф. — Олафа много лет поддерживал его брат Хальвдан, правильно? Ведь говорят, Олаф отдал ему свою удачу. Если какие-то земли захотят отделиться, много ли сможет сделать против них Олаф? Особенно если он объявил себя вассалом иностранного короля.

Торвин улыбнулся:

— Никто и пикнуть не успел. После всех этих лет Олаф налетел на них, как... как Рагнарссоны. Он сжег братьев Рагнхильды в их замке, они даже обуться не успели. Всех мало-

мальски заметных людей Восточного Фолда, кто говорил об отделении и независимости, он выстроил перед собой в одних рубахах и с веревками на шее и заставил умолять сохранить им жизнь. Он созвал всех жрецов Пути на ритуальный круг с зажженным костром и вынудил Вальгрима рассказать всем, как они тебя испытывали, и подтвердить, что ты прошел испытание. Против него никто не пойдет. А сейчас он в пути, разъезжает по своим землям от тинга к тингу, в каждом заставляет людей признать его власть — и твою тоже.

— А что насчет Рагнхильды? — спросил Шеф. — Как Олаф обошелся с ней?

Торвин вздохнул.

— Она исчезла. Прячется где-то на землях своего отца. Думаю, и Вальгрим уехал вместе с нею. Его сторонников Олаф по большей части переубедил, но ненависть Вальгрима к тебе слишком велика. Он не может тебе простить, что ты его обставил.

— Ладно. Значит, нам открыт путь для возвращения. Возвращения в Каупанг, а там и в Англию. Когда мы будем готовы к отплытию, Бранд?

Бранд поскреб в затылке.

— У нас тут два корабля, мой «Морж» и «Чайка» Гудмунда. Но за время разъездов по стране ты набрал кучу народу, для всех них нужно запасти провизию. Через два дня после ближайшего рассвета.

— Пусть будет так, — сказал Шеф. — Мы возвращаемся на юг через два дня после завтрашнего рассвета.

— Когда мы впервые встретились, — вспомнил Торвин, — ты сказал, что пришел с Севера. А теперь ты, не задумываясь, хочешь вернуться на Юг. Ты уверен, что уже достаточно прошел по *northr vegr*, по Северному Пути?

— Ты хочешь сказать, что есть еще что-то на север отсюда? — раздался голос одного из англичан. — Я-то думал, на севере отсюда живут только тролли.

* * *

За много сотен миль к югу в огромном дворце архиепископа Кельна снова собрались заговорщики, которые сместили Папу Николая. Не все участники первой встречи были здесь: не хватало Хинкмара из Реймса, его задержали какие-

то собственные дела. Но его отсутствие с лихвой восполнялось толпой менее значительных прелатов, епископов и аббатов со всех концов германской земли, мечтающих сблизиться с основателями и руководителями знаменитого Ордена Копья. Архиепископ Гюнтер взирал на них и с удовлетворением, и с презрением. Приятно было обнаружить такое множество последователей, вдобавок это был добрый знак — власть нового Папы настолько слаба, что многие готовы присоединиться к ним, кого прежний Папа, Николай, объявил бы, по меньшей мере, изменниками. И все же, по мере роста рядов, чистота помыслов терялась. Эти люди были охотниками за удачей. Им подавай только успех. К счастью, в успехах недостатка не было.

Арно, капеллан и помощник Гюнтера, заканчивал читать отчет, который ему поручили сделать.

— Итак, — сказал он, — число принятых в Орден Копья постоянно увеличивается. Отряды священников и их телохранителей направлены во все северные страны. Множество пленников были освобождены или выкуплены и вернулись домой, среди них немало наших братьев во Христе, обращенных язычниками в рабство много лет тому назад. И хотя мы свободно посещаем языческие страны, набеги язычников на нас и наших французских братьев прекратились или ослабли.

«Потому что они боятся подойти к Проливу, — угрюмо подумал Гюнтер. — Они боятся английских еретиков, а не нас». Он не допустил, чтобы сомнения отразились на его лице во время аплодисментов. Когда те затихли, другой голос стер с лица Арно удовлетворенную улыбку. Голос Римберта, аскетичного архиепископа Гамбурга и Бремена, вдохновителя и создателя нового Ордена.

— И несмотря на все это, — сказал он, — несмотря на новых членов, деньги и множество спасенных от рабства, мы ни на шаг не приблизились к истинной цели нашего Ордена. Мы не нашли Копье, священную реликвию Карла Великого. А без этого все наши успехи лишь кимвалы звучащие, та же тщета, что ленты на одежде блудницы.

Гюнтер на мгновение прикрыл глаза, слушая мрачный скрежещущий голос, а открыв их, заметил тревогу на многих лицах. Уж если сам благочестивый Римберт не верит в собственное детище, что же делать остальным?

— Да, — ответил Арно, перебирая листы, — это верно. Однако у меня имеется сообщение от одной из самых дерзких наших миссий, посланных в языческие страны, отчет английского дьякона Эркенберта, сильного славой Господней, составленный по указанию его командира Бруно, сына Регинбальда.

Одно упоминание имени Бруно, отметил Гюнтер, вызвало вздохи облегчения. Даже Римберт благосклонно кивнул, прервав свой поток обличений.

— Наш ученый собрат Эркенберт сообщает, что он, Бруно и их люди, не страшась гонений, проникли в языческий мир глубже, чем кто-либо до них. В каждом королевстве и для каждого короля они пытались обнаружить признаки влияния священной реликвии, однако до сих пор ничего не нашли. Тем не менее многоученый Эркенберт напоминает, что всякий раз, как мы ничего не находим, мы все же приобретаем новые знания.

Арно оглядел слушателей, убедился, что эта мысль оказалась для них чересчур сложна, и сделал еще одну попытку. По крайней мере, он говорил с людьми, владеющими хотя бы начатками грамоты, и мог взывать к их разуму.

— Он имеет в виду, что существует список имен — подобный списку свидетелей хартии, имена, написанные одно под другим... — Арно заметил, что большинство епископов и аббатов еще не утеряли нить, но кивают озадаченно. — Когда вы вычеркиваете одно из них, у вас остается меньше имен, которые нужно проверить. Когда вы вычеркнете все имена, кроме одного, этот оставшийся и будет тем человеком, которого вы ищете. Так что, даже отрицательный результат — когда вы никого и ничего не нашли — это тоже результат, в конце вы будете знать больше, чем знали ранее.

Последнее заявление было встречено молчанием. Слушатели отнюдь не выглядели согласными. В конце концов тишину прервал архиепископ Римберт.

— Старания наших братьев в языческих странах превыше всяких похвал, — сказал он. — Мы должны поддерживать их всеми способами, отдавать каждого имеющегося в нашем распоряжении человека и каждую марку серебра. — Он с вызовом оглядел собравшихся. — Я сказал, каждого человека и каждую марку. Но при всем при том я считаю, что Копье

Лонгинуса, Копье Карла Великого, Копье будущего императора, я считаю, что это Копье будет обретено благодаря вмешательству руки, человеку не принадлежащей.

* * *

Пока Бранд и Гудмунд закупали провиант для морского перехода на юг, Шеф уйму времени проводил, бродя по большой толкучке — от тинга до летней ярмарки, — наблюдая, как устраивают свои дела норвежцы. К нему присоединялись и другие англичане, которым разрешалось свободно разгуливать, но таких было немного — ведь все время требовалось сторожить Кутреда, а беглые рабы никогда не выходили за размеченную Шефом ограду, не считая посещений общего отхожего места, совершаемых группами под водительством Бранда или Гудмунда.

Обычай собирать тинг — обычай очень странный, заключил Шеф. Собственно говоря, тинг еще не собрался. Традиционно на Гула-Тинг являлись в период летнего солнцестояния, до которого еще оставалось несколько недель. Во время тинга множество судебных дел рассматривали тридцать шесть выборных мудрейших, представителей земель тинга, трех его *fylkir*ов — Согна, Хорда и Фьордса. В этих областях гнездилось множество пиратских банд, каждое лето уходящих в набеги на юг. Нелегко было судить человека за убийство, разбирать земельные тяжбы или дела о наследстве в летний период, когда многие были в набегах или просто не являлись. Поэтому в большинстве случаев собирался малый состав суда, пытавшийся привести стороны к какому-нибудь соглашению и не передавать дело на окончательное рассмотрение полного состава мудрейших. Одновременно в городе не прекращалась торговля, шумели менялы, непрестанно причаливали и отплывали суда.

Шеф был изумлен бьющей в глаза роскошью. Что английские земли богаты и плодородны, он убедился за то короткое время, что правил своей частью страны. Но в норманнские страны на протяжении двух с лишним поколений стекалось серебро и даже золото. Богатые викинги могли платить высокую цену за роскошные вещи, и купцы в погоне за выгодой пробивались, хотя и с опаской, на судах с усиленной командой через воды пиратов Рогаланда. Шел еще поток товаров с

севера, включая такие роскошества, о которых Шеф и не слыхивал. Сам он теперь был богат благодаря налогам с Восточной Англии, часть казны Бранд держал для него на «Морже». По настоянию Бранда Шеф купил себе куртку из лучшей водонепроницаемой тюленьей кожи, капюшон ее был отделан волчьим мехом, на котором даже в самую морозную погоду не выступает иней от дыхания. А также обоюдоострый меч доброй шведской стали, с рукоятью, вырезанной из витого рога одного из таинственных животных северных морей, которое Бранд называл нарвалом. Спальный мешок, снаружи обшитый опять же тюленьей кожей шерстью вниз и с пухом северных птиц внутри. Шеф, неохотно тративший деньги, которые никогда не считал своими, провел, однако, так много ночей, дрожа от стужи в негодной одежде под тонким одеялом, что готов был на все, лишь бы никогда больше не испытывать холода. Его поразило терпение мастеров, делавших эти вещи, он изумлялся, как же долго нужно ловить и ощипывать редкую гагу, которая дает самый теплый и легкий в мире пух. Но Бранд лишь рассмеялся на его слова.

— Мы их не добываем, — сказал он. — Их добывают для нас финны.

— Финны? — Шеф никогда не слышал этого слова.

— На севере, — показал Бранд, — где граничат Норвегия и Швеция, рядом с Галогаландом, откуда я родом, земля становится такой суровой, что невозможно вырастить ничего, ни рожь, ни ячмень, ни даже овес. Свиньи умирают от холода, а коров приходится всю зиму кормить в их стойлах. Там в шатрах из шкур живут финны, у них нет лошадей, они переходят с места на место со своими стадами северных оленей. Мы собираем с них дань, *Finn-skatt.* Каждый из них должен раз в год заплатить нам шкурами, мехами, пухом. Они живут охотой и рыболовством, поэтому им нетрудно выполнить свой урок. То, что они добывают сверх дани, они нам продают, а мы продаем здесь или везем на юг. Во всем мире короли одеваются в меха, добытые моими финнами, и цену за них дают королевскую! Но в первую очередь я покупаю масло и сыр. Ни один финн не доит коров, и ни один финн не в силах отказаться от чашки с молоком. Это обмен выгодный.

«Выгодный для вас, — подумал Шеф. — Нелегко, должно быть, собрать такую дань».

По окончании торгов он прошел туда, где решались судебные дела. По большей части люди просто собирались в группы, стоя в полном вооружении, опираясь на копья, выслушивая, что говорят им их друзья и советчики, а также мудрейшие из их округа. Законы в Гула-Тинге были суровые, но мало кому известные, поскольку их никто не записывал. Обязанностью мудрейших было выучить наизусть как можно больше законов — а то и все законодательство, если они собирались на всю жизнь стать судьями, — и объявлять их тяжущимся. Последние могли затем хитрить и увиливать, стараться подыскать более подходящий к их случаю закон либо просто склонять своего противника уладить дело миром, но не могли нахрапом отрицать слова закона.

Однако попадались и такие дела — соблазнение, изнасилование или похищение женщин, в которых законы были ясны, но уж очень сильно накалялись страсти. За два дня Шеф несколько раз слышал, как голоса переходили в крики и звенели мечи. Дважды звали на помощь Ханда, чтобы промыть и перевязать раны, а однажды молчаливые люди увезли уложенный поперек лошади труп.

— Кого-то за это дело сожгут, — отметил Бранд. — Люди здесь непростые, здесь долгое время что-то может сходить с рук. А потом соседи однажды соберутся и подожгут дом. Убьют каждого, кто попытается выскочить. В конечном счете это действует даже на берсерков. Как говорится в саге:

> Кто мудр, себя сильнейшим не считает,
> Не то вдруг встретит сильных и узнает —
> На всякого найдется укорот.

На второй день Шеф бездельничал на солнышке, наблюдая, как Гудмунд яростно торгует две бочки соленой свинины — его умением сбивать цену восхищались даже жертвы, истово клянущиеся, что никогда бы не поверили, что знаменитый покоритель монахов может так разоряться из-за какого-то ломаного пенни. Тут Шеф заметил, что всеобщее внимание отвлеклось на что-то другое, головы повернулись, и народ устремился к камням судебного круга. Гудмунд осекся, выпустил ворот продавца свинины, бросил деньги и последовал за толпой, Шеф торопливо догнал его.

— Что там такое? — спросил он.

Гудмунд пересказал, что сам только что услышал:

— Два человека хотят уладить свое дело по-рогаландски.

— По-рогаландски? А как это?

— Рогаландцы все нищие, до недавних пор у них и мечей-то хороших не было, только сабли вроде твоей да топоры, как у дровосеков. Но все равно, свое дело они знают. Поэтому, когда рогаландцы собираются драться, они не идут на площадку, огороженную ореховыми прутиками, и не делают настоящий хольмганг, в котором ты когда-то участвовал. Нет, они расстилают бычью шкуру и становятся на нее. Сходить с нее нельзя. Потом они дерутся на ножах.

— Это не кажется слишком опасным, — рискнул предположить Шеф.

— Первым делом они связывают между собой свои левые запястья.

Место для таких поединков находилось в ложбине, так что зрители могли встать по ее склонам и все видеть. Шефу и Гудмунду достались места на самом верху. Они увидели, как разостлали бычью шкуру, как вышли противники. Затем жрец Пути произнес напутствие, которого не было слышно наверху, и два норманна медленно сняли рубахи, оставшись в одних штанах. Каждый держал в правой руке длинный широкий нож, похожий на тесак, который носили катапультеры Шефа, но с прямым клинком и отточенным острием — не только рубящее, но и колющее оружие. Кожаную веревку привязали к их левым запястьям. Шеф заметил, что свободной веревки оставалось фута три. Каждый противник наполовину выбрал эту слабину веревки и зажал ее в кулаке, так что в начале драки их левые руки соприкасались. У одного из них, молодого и высокого, длинные светлые волосы перехвачены тесемкой около шеи. Другой был лет на двадцать старше, крепкий лысый мужчина с выражением угрюмой злости на лице.

— Из-за чего они дерутся? — негромко спросил Шеф.

— Тот, что помоложе, обрюхатил дочь старого. Молодой говорит, она была согласна, а отец говорит, он ее изнасиловал в поле.

— А она что говорит? — поинтересовался Шеф, вспоминая подобные случаи из собственого опыта судьи.

— Не думаю, чтобы ее кто-то спрашивал.

Шеф открыл было рот для дальнейших расспросов, но понял, что уже не время. Последние фразы ритуала, фор-

мальное предложение уладить дело через посредников, принять которое было бы теперь позором. Два кивка головами. Законник торжественно сходит с бычьей шкуры, подает сигнал.

Мгновенно противники пришли в движение, запрыгали вокруг друг друга. Оскорбленный отец пырнул противника ножом сразу при взмахе судьи, пырнул ниже связанных рук. Но в ту же секунду молодой норманн отпустил слабину веревки и отскочил назад на всю ее длину.

Отец тоже выпустил свою свободную часть веревки, рванулся к ее концу, свисающему с запястья его противника. Если бы ему удалось ее схватить, он мог бы притянуть юношу к себе на расстояние вытянутой руки, а может быть, и еще ближе, и зарезать его. Но чтобы нанести смертельный удар, нужно самому под него подставиться. В поединке такого рода нетрудно убить противника. Если ты готов дать ему возможность убить тебя.

Старик промахнулся, а молодой отходил назад, к самому краю шкуры. Внезапно он сделал выпад и полоснул противника по предплечью. Возглас при виде проступившей крови, ответная усмешка раненого.

— В этой игре поцарапать легко, — заметил Гудмунд. — Но царапины ничего не решают. Разве что потеря крови, если драка будет долгой — а долгой она не бывает.

Один из соперников все время старался приблизиться и ударить ниже привязанных друг к другу рук, хватаясь и дергая за соединяющую их веревку. Другой не обращал на веревку внимания, держал дистанцию, стремительными взмахами полосуя руки и ноги противника, но следя, чтобы нож не застрял, не задержал его даже на мгновенье.

Он слишком этим увлекся. Лысый норманн, весь в крови от дюжины мелких порезов, получил еще один — чуть выше левого бицепса. Но зато схватил своей левой рукой ударившую его руку, правую руку противника. Принялся яростно ее выкручивать, крича что-то, чего Шеф не мог разобрать сквозь шум толпы. Молодой норманн взметнул свою левую руку, безуспешно пытаясь в свою очередь захватить правую руку соперника. Но старик извернулся, держа нож позади себя, чтобы его было не достать, попробовал ударить снизу,

потом сверху, не забывая по-прежнему выкручивать запястье врага.

Не имея другого выхода, пойманный юноша выпрыгнул обеими ногами, стараясь «ножницами» ударить противника по бедрам, сбить его с ног. Когда они упали на землю, Шеф увидел фонтан крови, услышал громкий выдох, вырвавшийся из груди ближайших зрителей. Вышли судьи, растащили тела противников. Шеф увидел, что нож глубоко вонзился в грудь юноши. Когда перекатывали старика, Шеф увидел и второй нож, торчащий из его глаза.

Женщины завизжали и кинулись прочь. Шеф обернулся к Гудмунду, готовый обругать порядок, из-за которого женщина за время одного удара сердца лишается и мужа и отца, а ее ребенок — отца и деда. Но слова застряли у него в глотке.

В выемку спускался Кутред, со своим шипастым щитом в одной руке и мечом в другой. За ним бежали Фрита и Озмод, в двух шагах позади — Удд, все с арбалетами, но с крайне беспомощным видом. Вскакивая и проталкиваясь им навстречу, Шеф услышал безумные выкрики Кутреда на ломаном норманнском языке.

— Ублюдки! Трусы! Привязывают, чтобы не убежать. Держат человека, чтобы зарезать. Дерись с англичанином, чего ты боишься, у которого руки развязаны. Одну руку завязать, если хочешь. Скоты, сукины дети! Вот ты, ты!

Из его рта вылетала белая пена, и зрители расступались на его пути, под конец оставив его в одиночестве с двумя мертвыми людьми, лежащими у его ног. Глянув вниз, Кутред неожиданно ударил мечом и глубоко рассек лицо мертвого юноши. Он принялся топать ногами и шумно запыхтел, готовый напасть на всю толпу.

Шеф встал перед ним, выждал, пока в безумном взгляде не мелькнуло узнавание. Узнавание через силу.

— Они не будут драться, — раздельно проговорил Шеф. — Нам придется подождать до лучших времен. А рубить трупы — грязная игра, Кутред. Это плохая игра, ты же *ordwiga, herecempa, frumgar*, ты королевский ратоборец. Сохрани себя для Рагнарссонов, для убийц твоего короля Эллы.

На лице Кутреда отразилось воспоминание о его славе капитана стражи короля Нортумбрии. Он посмотрел на свой окровавленный меч, на разрубленный им труп, бросил ору-

жие и разразился мучительными рыданиями. Удд и Озмод приблизились к нему, взяли за руку и увели с собой.

Утирая пот, Шеф встретил неодобрительный взгляд законника, судьи поединка.

— Осквернение мертвого тела, — начал норманн, — карается штрафом в...

— Мы заплатим, — сказал Шеф. — Мы заплатим. Но кто заплатит за то, что сделали с живым человеком?

* * *

Следующим утром Шеф стоял на узких сходнях, ведущих на нежно любимый Брандом корабль, на его «Морж». «Чайка» Гудмунда, уже загруженная, легонько покачивалась на волне в двадцати ярдах поодаль, головы гребцов вереницей возвышались над невысоким планширем. Загрузка кораблей оказалась непростым делом. На каждом, имеющем по восемнадцать весел с борта, — полная команда в сорок человек. К ним требовалось добавить Шефа, Ханда, Карли и Торвина, восемь катапультеров, четырех женщин, спасенных с Дроттнингсхолма, Кутреда и ватагу беглых рабов, присоединившихся к ним по дороге через Уппланд и Согн, — круглым счетом почти три десятка человек, довольно много для тесного пространства двух узких кораблей.

Но сейчас на месте были не все — пропали Лалла, Фрита и Эдви из команды катапультеров. Что их задержало? Не прятали ли их где-нибудь в окрестностях, предназначив для продажи в рабство, а то и жертвоприношения? При мысли, что его людей могут повесить на храмовых деревьях в какомнибудь захудалом городке, у Шефа лопнуло терпение.

— Выводи всех людей на берег, — крикнул он Бранду. — И ты тоже, Гудмунд. Мы можем выставить сотню человек. Пройдем через город и будем переворачивать все палатки, пока нам не вернут наших людей. А кто станет возражать, получит стрелу в брюхо.

Шеф вдруг осознал, что Квикка и другие реагируют без того оживления, которое он ожидал в них увидеть. Они напустили на себя вид полной непричастности, верный признак, что знают нечто, о чем не осмеливаются рассказать.

— Так, — сказал Шеф, — и что случилось с этими тремя?

Озмод, обычно бравший слово в затруднительных ситуациях, начал:

— Тут вышло такое дело. Мы с ребятами прогуливались, смотрели товары. А все здесь только и говорят, что о катапультах, арбалетах и прочем. О них все много слышали, но никто не знает, как они устроены. Ну, мы, конечно, сказали, что мы все знаем про катапульты и арбалеты, а Удд, можно сказать, сам их и изобрел. Тогда они и говорят — а они нам уже поставили кружку-другую, — говорят: «Вот здорово, а вы, ребята, знаете, как сейчас с этим на юге?» — «Нет», — говорим мы, само собой, ведь мы же не знаем. Тогда они говорят...

— Ну давай, давай, — прорычал Шеф.

— На юге платят большие деньги опытным катапультерам, людям, которые знают, как строить катапульты и стрелять из них. Большие деньги. Мы думаем, что Лалла, Эдви и Фрита решили отправиться на заработки.

Шеф изумленно посмотрел на него, не зная, как реагировать. Он освободил этих людей. У себя в Англии они уже были землевладельцами. Как это они могут уйти и служить еще кому-то, оставив своего лорда? Но ведь они были свободными людьми, потому что он освободил их...

— Ладно, — сказал он. — Забудь об этом, Бранд. Озмод и остальные, благодарю вас, что остались со мной. Думаю, что вы от этого не проиграете. Давайте все на борт, и отплываем. Вернемся в Англию через пару недель, если Тор пошлет попутный ветер.

Не прислал, по крайней мере сначала. На всем пути к выходу из узкого фьорда, от места, где встречаются Согн и Гула, и до открытого моря, оба корабля постоянно боролись со свежим встречным бризом, глубоко просев в воду из-за тяжелого груза пассажиров и припасов. Бранд руководил гребцами, поочередно сажая за весла англичан и своих викингов.

— Сейчас свернем за мыс, — заметил он. — Тогда ветер будет у нас сбоку, мы сможем больше не грести и поставить парус. Что это там впереди?

Из-за оконечности мыса, сторожившего Гула-фьорд, за полмили с небольшим от них появился корабль. Странный корабль, непохожий на торговые и рыболовные суда, с полудюжиной которых они уже разминулись. Полосатый бело-

голубой парус был надут попутным бризом, с мачты струился вымпел, вытянутый ветром в их сторону, так что увидеть развевающееся изображение удавалось лишь мельком. Что-то было не так с парусом этого корабля. И что-то не так с его размерами.

— Помоги нам Тор! — воскликнул стоявший за рулем Бранд. — Это один из кораблей береговой охраны Хальвдана. Но у него два паруса. И даже две мачты. Такого я со дня своего рождения не видывал. Зачем они это сделали?

Шеф своим единственным, но острым глазом углядел знамя с изображением Свирепого Зверя.

— Командуй разворот, — сказал он. — Уходим отсюда. Это королева Рагнхильда. И ничего хорошего нам от нее ждать не приходится.

— Корабль у нее большой, но нас двое против одного, мы могли бы сразиться с нею...

— Разворот! — рявкнул Шеф, уловив нечто знакомое в движениях людей на корабле.

Бранд догадался одновременно с ним и послал «Морж» в такой крутой поворот, что гребцы проехались по скамьям.

— По правому борту табань, — командовал он, — грести с бакборта. Теперь грести вместе. Дружно, ударим посильнее. Распустить парус по ветру, кто там около мачты, Нарр, Ансгейр, помогайте. Гудму-у-нд... — голос его долетел над водой до отставшей на фарлонг от них «Чайки». «Морж», подгоняемый теперь попутным ветром, пустился назад по пути, по которому пришел.

Наблюдая за преследующим их кораблем, Шеф, как и ожидал, увидел, что тот разворачивает бортом.

— По моей команде резко делаем правый разворот, — хладнокровно сказал он. — Давай!

«Морж» стремительно повернул. В ту же минуту Бранд крикнул гребцам, чтобы подняли весла, предоставив кораблю идти под одним парусом. Весла согласно взметнулись из воды. Нарастающий свист, и три гребца разом повалились со скамей на днище корабля, послышались стоны и проклятья. Обломки весел взлетели в воздух и плавно стали падать в воду. Камень пронесся над кораблем на голову выше борта, полетел дальше, подскакивая на волнах, прежде чем зарыться и утонуть.

— Ходили разговоры, что они сделали катапульту, — заметил Бранд, — но считалось, что корабль отдачи не выдержит. Должно быть, перестроили каркас и заодно поставили две мачты.

— Но кто стреляет из «мула»? — недоумевал Шеф, наблюдая, как преследующий их корабль пытается наверстать упущенное расстояние, и настороженно дожидаясь его рысканья, которое предвестило бы, что из «мула» снова прицеливаются. К счастью, их преследовали, а люди Рагнхильды не могли стрелять вперед. — Наши перебежчики? Но как они там оказались?

— Путь тоже очень интересовался всеми твоими изобретениями, — вставил стоявший рядом с Брандом Торвин. — Они построили копии всех твоих машин. Вальгрим имел время построить «мул» и набрать для него команду. Некоторые из его друзей — жрецы Ньёрда, они знают, как переделать корабль. Что же нам теперь предпринять? Вернуться в Гула-Тинг и попробовать сразиться с ними на земле?

Шеф еще раз пристально поглядел на возню на носу преследующего их корабля. Неприятель терял скорость, вынужденный разворачиваться для выстрела бортом, а идущие под парусами «Морж» и «Чайка» теперь с каждой волной приближались к берегу. Первоначально противников разделяли полмили. Теперь расстояние стало больше. Но даже на таком удалении Шеф был уверен, что различает высокую фигуру, женщину, стоящую на самом носу корабля с распущенными длинными волосами. Рагнхильда пришла за ним. И догонит его, как быстро ни удирай, потому что из длинного фьорда нет другого выхода. Определенно, они там делают что-то странное на носу своего корабля. Неужели им удалось построить «мул», который не обязательно устанавливать низко и в самом центре судна?

За Рагнхильдой вспыхнул свет — пламя, яркое, сильное пламя. В тот же момент Шеф сообразил, что делают суетящиеся люди. Раньше он никогда не видел спереди, как заряжают катапульту, а именно это они и делали — уже сделали, потому что заряжающие подались назад, открывая обзор для наводчика, в точности так поступали и люди Квикки. Это не «мул», а одна из больших метательных машин, которые он

когда-то использовал, чтобы спасти от пыток Эллу и разбить армию Ивара Рагнарссона.

Едва Шеф повернулся, чтобы скомандовать Бранду новый поворот, как увидел летящий с невероятной скоростью прямо на него огонь, на высоте каких-то шести футов стригущий гребни волн. Впервые в жизни Шеф съежился от страха. Схватившись руками за живот, он пригнулся, уверенный, что выпущенная машиной огромная стрела вонзится прямо ему в позвоночник.

Удар под самыми его ногами заставил его пошатнуться. Мгновенный всполох горящей смолы, горящего дерева. Бранд хрипло заорал и, бросив рулевое весло, склонился через борт. Затем Шефа оттолкнули моряки, прибежавшие от центральной части судна с ведрами, отчаянно пытаясь далеко перегнуться через борт и достать воды, залить ею гигантскую пылающую стрелу, которая вонзилась в борт «Моржа», легко пробив на корме доски обшивки в трех футах от ног Шефа и охватывая теперь своим огнем сразу обшивку и скамьи.

— Берите питьевую воду! — закричал Бранд. Те капли морской воды, которые удавалось зачерпнуть, не оказывали никакого действия на пылающие просмоленные тряпки на головке застрявшей в борту стрелы. А огонь распространялся. Если он перекинется на парус... Человек, бегущий от водяной бочки близ мачты, споткнулся и упал, опрокинув ведро. Остальные растерялись, разрываясь между близкой, но недоступной забортной водой и слишком далеко расположенной бочкой.

Кутред карабкался со своего места, облюбованного на носу — ведь приказать ему грести никто бы не осмелился. С топором в руке он подскочил к пылающей стреле, перегнулся через борт и тремя ударами снаружи загнал ее в тонкую обшивку «Моржа», так что наконечник вышел с внутренней стороны борта. Снова взмахнул топором и рассек толстое древко одним ударом. Подхватил отрубленную головку, не обращая внимания на пламя, что лизало ему руку, и выбросил ее за борт. Когда Кутред, ухмыляясь, повернулся к Бранду, Шеф заметил, что корабль Рагнхильды опять повернулся к ним бортом.

«Война машин», — тоскливо подумал он. Все происходит слишком быстро. Даже смельчакам хочется остановиться и

крикнуть: «Погодите, я еще не готов!» Он беспомощно смотрел, как, вращаясь, летит камень из катапульты, и опять кажется, что попадет прямо в него, не в корабль, а именно в него, Шефа, угодит в грудную клетку, разобьет хрупкие кости и сокрушит сердце.

Камень ударился о воду с недолетом в тридцать ярдов, отскочил от нее, как в детской игре «в блинчики», снова отскочил и, подобно молоту, ударил в борт «Моржа» перед самым рулевым веслом. Доски разошлись, гребная скамья выскочила из гнезда, и зеленая вода устремилась внутрь. Но это лишь пробоина, а не полное разрушение обшивки, как в случае попадания в киль или основание мачты.

«Раньше ты был королем, — сказал себе Шеф. — Теперь тебя считают королем королей. А что ты делаешь? Съежился от страха. Дожидаешься помощи от безумца. Это не путь короля. Раньше ты сам убивал людей на расстоянии. Ты никогда не задумывался, что будешь делать, если у противника тоже будут все твои машины».

Шеф снова прошел на корму, предоставив остальным заделывать пробоину. Корабль Рагнхильды по-прежнему шел за ними, а расчет взводил пружину катапульты, готовясь к следующему выстрелу. Рано или поздно их потопят, коль скоро враги научились выжидать, чтобы оказаться на нужном расстоянии. За время гонки под полным парусом они почти вернулись к месту, от которого сегодня отчалили. Шеф увидел толпу зевак в гавани Гула-Тинга. А прямо по курсу лежал остров, Гула-Эй, на котором в давние годы и собирался тинг. Шеф высмотрел узкий пролив между островом и берегом, оценил размер корабля Хальвдана, вспомнил, как обманул его самого Сигурд Змеиный Глаз. Он не мог рассчитывать, что опытный шкипер викингов попадется на такую удочку.

Схватив Бранда за плечо, Шеф показал:

— Проведи нас там.

Бранд открыл было рот, чтобы возразить, но, уловив в голосе Шефа повелительные нотки, передумал. Молча он повернул рулевое весло, направляя корабль между скалами, властно показал Гудмунду, чтобы следовал за ними. Через минуту он осмелился заметить:

— Там мы сразу же потеряем ветер.

— Знаю, — Шеф следил за кораблями позади. Как он и

ожидал, Рагнхильда сменила курс. Но не пошла вслед за ними. Решила обойти остров слева, в то время как они обходили его справа. Поймать ветер, сохранить высокую скорость и обогнать два корабля, которые преследовала, чтобы расстрелять их вблизи. Возможно, ее шкипер считает, что противник намерен высадиться на берег и спасаться бегством. У Рагнхильды и на этот случай найдется план действий.

Но несколько мгновений остров будет отделять их друг от друга.

— По моей команде, — хладнокровно сказал Шеф, — убрать парус, развернуться и что есть силы грести назад. Когда мы пойдем в противоположном направлении, это будет гребная гонка. У корабля такого размера и со всем его дополнительным весом мы просто обязаны выиграть.

— Это если она просто не остановится, чтобы дождаться нас. Тогда мы выгребем прямиком под катапульту при расстоянии в пятьдесят ярдов.

Шеф кивнул:

— Поворачивай сейчас.

«Морж» и «Чайка» развернулись одновременно, на веслах пошли назад, моряки гребли молча. Шеф понял, что единственным звуком, который раздавался в тишине, был гомон голосов на берегу в сотне ярдов от них. Он надеялся, что вытянутые указательные пальцы не выдадут его план врагу. Бранд подметил точно. Их действия напоминали игру двух мальчишек, бегающих друг за другом вокруг стола. Если преследующий просто остановится, тот, кто повернул, выбежит прямо на него. Но Шеф не думал, что преследователь остановится. Неприятельским кораблем, как бы ни был опытен его шкипер, командовала Рагнхильда, Шеф знал это. А она и не подумает останавливаться. Она хочет загнать его. И опять же, он ведь видел ее столпившихся у борта людей, которые размахивали оружием и кричали. У них появились машины, но они еще не научились мыслить как участники войны машин. Их инстинкт и опыт подсказывали им подойти вплотную и победить, прорвать фронт силой и натиском. А не пережидать и стрелять с расстояния, используя дальнобойность своего оружия.

Когда «Морж» вышел из пролива и снова устремился по дважды уже пройденному пути, Шеф посмотрел направо и

назад. Облегченно вздохнул. Корабль Хальвдана обошел вокруг острова и, слишком поздно сообразив, что произошло, еще только разворачивался, хлопая парусами. Не очень-то хорошо он управляется. Команда и шкипер, видимо, еще не приспособились к своему двухмачтовому парусному вооружению. Скорее миля расстояния, чем полмили, и никакой надежды сократить его. Гребцы Бранда дружно налегали на весла, один из них запел, а остальные подхватывали припев всякий раз, как выносили вперед весла. Трое приделывали доски обшивки на место, затыкали пробоины тюленьей кожей и парусиной. Путь для бегства в открытое море, а там и снова на юг, был открыт.

Карли поймал Шефа за руку и показал вперед. Маленький челнок с одиноким гребцом приближался наперерез им из гавани.

— Это Фрита. Наверное, он передумал.

Шеф нахмурился, снова перешел на нос, взялся за веревку. Когда «Морж» подошел к челноку, он кинул веревку, которую поймал Фрита. Тот не пытался поставить свою лодку к борту, просто бросил ее вместе с веслами и, по пояс высовываясь из воды, подтянулся к «Моржу», вскарабкался на него. Шеф схватил Фриту за шиворот и встряхнул, напустил на себя неприступный вид.

— И что же случилось? Вовремя не заплатили серебром?

Фрита задыхался, с трудом удерживаясь на ногах.

— Нет, государь. Я должен был тебе сказать. В тинге полно новостей. С корабля, который пришел недавно. Мы раньше тебя узнали, что Рагнхильда охотится за тобой. Но корабль принес и другую весть. Пока она шла вдоль берега на север, она — Рагнхильда — говорила в каждой гавани, что если ты от нее ускользнешь, она заплатит награду за твою голову. Большую награду, все ее наследство. Сейчас тебя ищут все пираты Рогаланда. Вдоль всего берега. Все двести миль вдоль берега.

А рогаландцы бедны, подумал Шеф, но дело знают туго. Он взглянул на Торвина.

— Похоже, путь на юг для нас закрыт. В конце концов, придется мне стать тем, кто пришел с Севера.

— Говорим мы, — ответствовал Торвин, — а подсказывают боги.

Глава 20

— Они наверняка будут нас искать, — сказал Бранд. В одной руке он держал тюлений плавник и задумчиво обгрызал одну из его длинных костей, шумно всосал с кожи жир, остальное выбросил в море. Спохватившись, старательно вытер обе жирные руки о бороду, встал, потопал по направлению к корабельным докам Храфнси, его родного острова. Крикнул через плечо:

— Но они нас не найдут. А если и найдут, мы их первые увидим.

Шеф смотрел вслед удаляющейся фигуре. Бранд беспокоил его все больше и больше, Шеф знал его уже почти два года, Бранда, конечно, и раньше нельзя было считать образцом для подражания по части хороших манер. Тем не менее, по не слишком высоким оценкам викингов, его поведение было вполне нормальным: грубый, свирепый и громогласный, но способный на чувства и даже на некоторое лицедейство. Бранд прекрасно смотрелся на свадьбе Альфреда и Годивы. Когда Шеф прибыл в Каупанг, Бранд очень достоверно изобразил церемониал приветствия прославленного короля. Он всегда был чистоплотен сам и следил за чистотой в лагере.

По мере того как корабли заходили все дальше и дальше на север, подгоняемые попутным ветром вдоль кажущегося нескончаемым побережья Норвегии, с тянущимися непрерывной чередой с правого борта скальными утесами и отделяющей их от Атлантики цепью островков, заливаемых приливом камней и рифов с левого борта, поведение Бранда постепенно изменялось. То же самое происходило с его акцентом и с акцентом его команды из Галогаланда. По сравнению с другими норвежцами их выговор и всегда-то был довольно странным. С приближением к вечным льдам акцент усилился, голоса стали звучать хрипло, а люди, казалось, начали упиваться жиром и ворванью. Свою пайку хлеба они съедали, обмакивая в тюлений жир и присыпая сверху доброй щепоткой соли. Пойманную рыбу ели сырой, а иногда и живою — Шеф видел, как моряк леской выдернул из моря сельдь и незамедлительно вонзил в нее зубы, а ведь рыба еще трепетала у него в руках. Однажды Бранд зарифил парус, внимательно всмотрелся в какие-то береговые ориентиры и наконец направил корабль к отмели. Его моряки, даже раньше, чем корабль подошел к берегу, с гиканьем попрыгали в воду, выбежали к насыпанной на берегу куче камней, сразу же раскидали их и принялись копать. Ударившая из ямы вонь заставила Шефа и других англичан отскочить на безопасное расстояние, причем к ним присоединились Гудмунд и шведы с «Чайки», в кои-то веки солидарные с англичанами, а не с норвежцами.

— Какого дьявола вы туда засунули? — заорал Шеф с безопасного места, зарываясь носом в дым костра.

— Тухлую акулью печенку! — крикнул Бранд. — Мы зарыли ее по пути на юг, чтобы немножко вылежалась. Хочешь кусочек?

Шведы и англичане в едином порыве пробежали по берегу еще с полсотни ярдов, преследуемые хохотом и криками: «Она полезная! От простуды лечит! Съешь акулу, и она не съест тебя!»

Когда они прибыли в Храфнси, дело обернулось еще хуже. Остров достигал в длину пяти, а в ширину — двух миль и притом был довольно плоский. На многих участках можно было пасти скот, а на некоторых даже пахать. Располагался он напротив самого пустынного берега, который Шеф когда-либо видел, более сурового и скалистого, чем норвежские горы, выходящие к Осло-фьорду. Даже в июле тут и там виднелся снег. Казалось, что утесы обрываются прямо в ледяную воду, а недоступные островки скудной зеленой поросли на небольших уступах и скальных выступах — все, на что оставалось взирать с моря или с горных вершин. Долгое время Шеф считал невероятным, чтобы здесь кто-то мог жить и находить себе пропитание. Однако большая часть Брандовой команды быстро растворилась среди диких окрестных скал, исчезнув, как вода в песок, разбежавшись на двух- и четырехвесельных лодках и на маленьких парусных плоскодонках. Казалось, в каждом фьорде стоял свой хутор, или по крайней мере дом, или несколько сараюшек с каменными стенами и крышами из дерна.

Дело было в том, понял Шеф, что местное население, хоть и выращивало на клочках земли немного овса и ячменя, в основном питалось животной пищей. Холодные воды кишели рыбой, которую нетрудно было засолить на зиму. Было также много тюленей, соперничающих с людьми в рыбной

ловле, что вдвойне оправдывало охоту на них. Травы хватало на то, чтобы прокормить коров и овец летом и запасти сено на зиму. Коз можно было выпускать на подножный корм в горы. Эти норманны с самого крайнего севера чрезвычайно ценили молоко, а также масло, простоквашу, творог и сыр, поэтому доили всю свою скотину, даже коз и овец, летом — по два раза в день, делая припасы из всего, что не могли съесть сразу. В действительности земля их была богата, хотя на первый взгляд представляла собой одни голые скалы. Но чтобы выжить здесь, требовались особые качества. Люди Бранда как-то взяли с собой в горы привыкшего к низменностям дитмаршца Карли и нескольких моряков Гудмунда, разорять птичьи гнезда, которые летом в ужасающих количествах усеивали все утесы и скалы. Через полдня они вернулись, изнемогая от смеха, с преувеличенной заботой доставив побледневших путешественников. Только человек без нервов и без какого бы то ни было страха высоты мог карабкаться по каменным утесам, цепляясь лишь ногтями и пальцами ног. На Храфнси человек не может жениться, рассказывал Шефу Бранд, пока не залезет на один утес, возвышающийся на двести футов над прибрежными скалами, сохраняя на нем равновесие — а верхний камень качался от ветра, — и, перегнувшись через край, не пописает с высоты в прибрежные буруны. Последний раз человек сорвался еще в прадедовы времена — страх высоты был изжит в роду Бранда, как и у всех его земляков.

От всего этого жизнь с галогаландцами легче не становилась. Сначала Шеф беспокоился, как им выбраться отсюда. Позднее он начал беспокоиться, а что, если они не выберутся — ведь Бранд, по-видимому, предпочитал дожидаться преследователей на месте, а не идти им навстречу и не бежать дальше, — как они тогда будут жить всю зиму, имея столько лишних ртов, англичан и шведов, не способных ни тюленя загарпунить, ни на скалу залезть, ни съесть похороненную год назад печенку гигантской акулы. «Ловить больше рыбы» — вот и все, что ответил Бранд. Кажется, он ни о чем не тревожился, наслаждаясь возвращением на полузабытую родину, размышляя только о сборе дани со своих финнов.

У Шефа же и кроме Бранда забот хватало. Они мучили его, когда он лежал без сна короткими северными ночами.

Во-первых, за время долгого перехода на север он успел переговорить со всеми членами своей команды, с Квиккой, Озмодом, Хамой, Уддом и остальными, кто шатался по Гула-Тингу, собирая как можно больше сплетен. Пришедшие на тинг норвежцы были удивительно хорошо осведомлены — хотя удивляться, возможно, было нечему, если учесть их частые торговые и военные походы. Обобщая их рассказы, Шеф понял, что его дела вызвали в скандинавских странах гораздо больше слухов, чем он мог представить. Весь норманнский мир сгорал от жгучего любопытства к новому оружию, с помощью которого были разбиты франки и Рагнарссоны. Поэтому знатокам нового оружия предлагались большие деньги. О морском бое близ устья Эльбы также рассказывали со всеми подробностями, и планы установки катапульт на собственные корабли расцветали пышным цветом. Больше нет смысла грабить юг, считали некоторые, пока норманны снова не окажутся в равных, а то и в более выгодных условиях по сравнению со своими английскими жертвами.

Ждали и ответного удара Рагнарссонов. По словам Озмода, самого надежного источника, всех не покидало ощущение, что Рагнарссоны обязаны что-то предпринять. Они были разбиты в Нортумбрии, не сумели достойно отомстить за своего отца. Потеряли одного из братьев, за него тоже не отомстили. Потерпели поражение в самом начале своего весеннего похода великого возмездия, не смогли даже заполучить человека, в котором видели источник всех своих несчастий, когда он был выставлен на продажу на невольничьем рынке. Эта история была хорошо известна, сообщил Озмод, и, услышав ее, люди открыто насмехались. Те, кто поумнее, подозревали, что Рагнарссоны что-то готовят. Всего год назад всем было ясно, что Сигурд Змеиный Глаз метит посадить своих братьев на престолы Англии и Ирландии, а потом хочет с их помощью объединить под своей рукой всю Данию, чего с ней не бывало со времен легендарных Сквольдунгов. А что теперь о нем говорили? Что он не смог поймать человека на песчаной отмели при начинающемся приливе. Многие смеются, повторил Озмод, но другие говорят, что в одном можно быть уверенным: Рагнарссоны вернутся со своих каникул в Шотландии готовыми к решительному удару. Предусмотрительные датские короли запретили своим поддан-

ным уходить в набеги и стягивали флоты и армии для защиты отечества.

А еще имело место оживление среди христиан. Об этом Шефу больше всех рассказал Торвин, который год назад так ликовал при мысли о христианском короле, приглашающем к себе миссионеров Пути. Сейчас, сказал он, впечатление такое, что тот же сапог надет на другую ногу. К нему приходила весть за вестью о странных делах на рынках и тингах южноскандинавских стран: христианские священники теперь не просто приходили и пытались, как делали это десятилетиями, обратить в свою веру рабов, бедняков и женщин, что обычно кончалось издевательствами и захватом в рабство их самих. Нет, теперь они приходили с вооруженными людьми, держались уверенно, отвечая оскорблениями на оскорбления, насилием на насилие, выкупали своих людей из рабства. И задавали вопросы. Вопросы о набеге на Гамбург шестнадцать лет назад. Вопросы о королях. Ответы записывали. Отнюдь не пытались спасать души, нет, искали что-то. Особенно много Торвину рассказывали, и тоном глубокого восхищения, о человеке по имени Бруно.

Но тут уж Шеф сам мог порассказать Торвину о том, чему был свидетелем на рынке в Гедебю, и о состоявшейся позднее беседе. Удивляло же его не то, что викинги восхищались Бруно — любой человек, владеющий оружием с такой ловкостью и искусством, был просто обречен на успех в норманнском мире, — а то, что Бруно двинулся из Гедебю дальше, в шведские земли, в Смааланд и в две готландские провинции южнее больших шведских озер.

Торвин сообщил ему еще одну вещь, о которой Шеф прежде и не подозревал.

— Знаешь, почему у нас так распространено имя Эйрик? — спросил Торвин. — Это из-за того, что́ мы называем Эйриксгата, а точнее говоря, *Ein-riks-gata*, Путь Единого Короля. Считается, что никто не может стать королем всех шведов, пока не пройдет по этой дороге. Она проходит через все тинги всех провинций. Истинный король должен прийти в каждый тинг, и объявить себя королем на каждом сходе, и ответить на любой брошенный вызов. Только когда король все это проделает, сможет он стать королем всех шведов.

— И кто был последним королем, которому это удалось? — спросил Шеф, припоминая, что поведал ему месяц назад Хагбарт о способе стать королем, хотя тогда речь шла всего лишь о короле Восточного Фолда, или короле Фьордов, или, как желчно высказался Шеф, о короле Соседней Кучи и Дальнего Хлева.

Торвин поджал губы и медленно покачал головой, вспоминая историю столь давнюю, что стала уже мифом.

— Может быть, король Эли, — сказал он наконец. — Эли Безумный, дядя короля Атилса. Шведы рассказывают, что он был королем всей Швеции, включая Готланд и Скаане. Но он не смог долго удерживать эти земли — его племянника унизил король Хрольф на равнине Фюрисвеллир. Ты знаешь. Ты сам это видел, — добавил Торвин, напоминая Шефу об одном из его видений.

Шефу начинало казаться, что широкоплечий Бруно пустился в такой поход по скандинавским странам, словно сам хочет пройти по *Einriksgata* и обратить норманнов в христианство силой, а не убеждением. Если так, успехи людей Пути в Англии, среди восточных англов и подданных короля Альфреда, будут перечеркнуты и даже превзойдены успехами христиан на Севере. Шеф не мог себе представить, что это произойдет. И все же ему не давало покоя, что он не узнал ничего нового, ничего с тех пор, как каждая крупица принесенного его людьми знания была тщательно обдумана и пережевана. И еще больше огорчало его то, что он находится здесь, на самом дальнем краю обитаемого мира, в то время как в центре его затеваются великие дела. Застрял в стране птичьих яиц и акульей печенки, в то время как на юге маршируют огромные армии. В то время как Бруно и его рыцари ищут Святое Копье, которое сможет вернуть миру великого Императора, а Сигурд Рагнарссон и его братья осуществляют свой замысел сделать Змеиного Глаза Единым Королем, королем не только Швеции и Дании, но и всего Севера.

И действительно, на Юге маршировали армии и передвигались флоты. Пока Шеф и его люди вили веревки и обтесывали дерево, строя катапульты — «мулы» и дротикометы, — чтобы держать под обстрелом все морские подходы к Храфнси в случае нападения Рагнхильды, Рагнарссоны подобно грозовой туче налетели на Дитмарш и Северо-Фризские острова, заставив короля Хрорика лихорадочно набирать рекру-

тов, искать союзников и создавать запасы, чтобы выдержать осаду Гедебю. Архиепископ Гамбурга и Бремена, аскетичный Римберт, получая все более требовательные запросы от своих агентов на Севере, удвоил количество рыцарей Святого Копья и послал их на собственных судах через Балтику, каковое предприятие вызвало горячее одобрение у его собратьев в Кельне, Майнце, Трире и других местах. Французские потомки Карла Великого ломали копья за наследство Карла Лысого, а новый Папа — Папуля, как его называли в народе, — обещал свою поддержку то одному, то другому претенденту. В этот период неожиданного мира не родившийся еще ребенок Годивы подрастал в ее чреве, а ее супруг принимал посланцев многих независимых английских графств, стремящихся присоединиться к тому, что они считали новым Золотым Веком, в котором не будет ни церкви, ни язычников.

Ну а Шеф в глуши и безвестности дожидался дальнейших событий, отводя душу лишь в кузнице, среди своих товарищей-кузнецов.

* * *

Команда Квикки пыталась приготовить зимний эль летом. Неизгладимое впечатление произвел на них крепкий напиток, которым угощали в Каупанге, а в Гула-Тинге им удалось в складчину купить его целый бочонок. Теперь он, конечно, кончился, но времени было хоть отбавляй, и Удд изложил свои предположения.

— Чтобы сделать зимний эль, — заявил он, — из эля вымораживают воду, и то, что остается, становится крепче.

Одобрительные кивки и общее согласие.

— Так вот, пар — это вода, — последнее положение вызвало некоторые споры, но всем случалось видеть поднимающийся от сырой земли пар и как испаряются капли пота, попавшие на раскаленное железо. — Значит, если мы будем нагревать пиво, пока из него не выйдет пар, мы удалим из пива воду точно так же, как если бы вымораживали ее. Это не будет зимний эль. Это будет что-то вроде летнего пива.

— Но оно станет крепче, — сказал Квикка, желающий уточнить самое главное обстоятельство.

— Верно.

Ребята разжились большой кадкой пива — львиной долей скудного урожая ячменя на Храфнси, который шел в основном на пиво, а не на еду, — половину вылили в самый большой медный котел, который смогли достать, и нагрели его на медленном огне, стараясь не прожечь днище. Постепенно густое варево начало пениться, пар от него заполнил всю пивоварню с толстыми стенами и низкой крышей. Два десятка мужчин и полдюжины женщин набились в нее одновременно, прислуга катапульты и так называемые носящие *kraki* — те, кто был спасен из рабства во время перехода через Уппланд.

Удд внимательно наблюдал за всем, командовал костровыми, с помощью самого большого половника отбивался от преждевременных попыток попробовать продукт. Наконец, оценив уровень жидкости в котле, он пришел к выводу, что почти половина пива испарилась. Два человека осторожно сняли котел с огня и поставили охлаждаться.

За несколько месяцев Удд приобрел некоторые простейшие навыки обращения с людьми, достаточные, чтобы сообразить предоставить честь первой пробы другому, и притом тому, кто смог бы это оценить. Он прошел мимо Квикки и Озмода, признанных главарей команды, и позвал одного из недавно спасенных, большого молчаливого человека, в котором освобожденные, но по-прежнему испытывающие почтение к знатности англичане подозревали бывшего тана короля Бургреда, имевшего несчастье попасться викингам в рабство.

— Кеолвульф, — сказал Удд, — думаю, что ты привык к доброй выпивке. Подойди и попробуй это.

Бывший тан подошел к котлу, взял протянутую ему деревянную кружку, понюхал напиток, отхлебнул, подержал жидкость во рту, прежде чем проглотить ее.

— И как на вкус? — взволнованно спросил Карли. — Так же хорошо, как в последней бочке?

Кеолвульф помедлил, чтобы придать своим словам больше веса.

— На вкус, — сказал он, — это как вода, в которой помыли прошлогоднее затхлое зерно. Или как очень-очень жидкая позавчерашняя каша.

Квикка выхватил у него сосуд, тоже присосался и опустил кружку с выражением полного разочарования.

— Ты ошибся, Кеолвульф, — сказал он. — На вкус это как комариная моча.

Пока другие кружками зачерпывали варево, чтобы подтвердить эту нелицеприятную оценку, Удд с раскрытым ртом смотрел на котел, на очаг, на пар, осевший на прозрачной пленке, которая закрывала окно вместо стекла.

— Вся крепость была здесь, — бормотал он. — Теперь ее здесь нет. Должно быть, она ушла вместе с паром. Но когда пиво замораживаешь, она не уходит. Лед и пар различаются. Лед — это вода. А пар, значит, что-то другое, — он испытующе провел по запотевшей пленке пальцем, лизнул его. — Нужно брать не остаток пива, — заключил он, — а уходящий из него пар. Но как собрать пар? — и Удд задумчиво уставился на медный котел.

* * *

Шеф, утомленный и изнервничавшийся, решил провести остаток дня в парной бане. Это была маленькая деревянная хижина на краю мола, ведущий от нее помост нависал над глубокими водами фьорда, который выходил в гавань Храфнси. Каждый день раскаленные камни доставали из ямы, в которой всю ночь поддерживался огонь, тачками перевозили их в баньку, и там они лежали, часами источая жар. Для тех, кому было нечем заняться, или для уставших от работы стало привычным делом приходить в баньку и сидеть здесь по часу и больше, поливая камни водой и время от времени выбираясь на пирс, чтобы окунуться в студеную воду.

Войдя в темную парилку, Шеф понял, что в ней уже кто-то есть, сидит на одной из лавок. Всмотревшись в полумрак, он в луче света от приоткрытой двери разобрал, что это Кутред, который сидел не голым, как все остальные, а в рваных шерстяных подштанниках. Шеф помялся и вошел. Он не знал никого, кто бы охотно посидел в темноте рядом с Кутредом, но интуиция подсказывала ему, что бояться нечего. Кутред не забыл, даже в своем безумии берсерка, благодаря кому освободился от мельничного жернова. Вдобавок, услышав, что Шеф его узнал и что Шеф участвовал во всей истории с самого ее начала, с захвата в плен Рагнара, он объявил, что считает их судьбы связанными между собой.

Они вместе немного посидели в темноте, и вдруг Шеф

понял, что Кутред начал говорить, тихо, чуть ли не про себя. Кажется, речь шла о Бранде.

— Здоровенный он парень, — бурчал Кутред. — Но размеры это еще не все. Знавал я некоторых почти таких же крупных и одного-двух даже повыше ростом. В шотландце, которого я убил, было в длину семь футов, я измерил. Хотя он был тонкокостный. Нет, не из-за размеров меня достает этот сукин сын, просто он весь неправильный. У него кости не такие. Посмотри на его ручищи, они в два раза больше моих. И его глаза. Его надбровья. — Протянулась рука, прошлась по бровям Шефа, и голос продолжал: — Смотри. У нормальных людей ничего нет под бровями, только глазницы. Я не смог пощупать его брови, не мог подойти близко, но я смотрел очень внимательно. У него здесь костяной гребень, его надбровья выдаются вперед. — А его зубы! — Снова протянулась рука, оттянула нижнюю губу Шефа. — Смотри, у большинства людей, почти у всех, верхний ряд зубов заходит на нижний. Когда ты кусаешь передними зубами, верхние заходят на нижние, как ножницы. А у него зубы не такие. Я долго присматривался и понял, что его зубы подходят краешек к краешку, они вообще не заходят друг за друга. Когда он кусает, это получается как топором по кирпичу. А его коренные зубы, должно быть, настоящие жернова. С ним что-то очень странное. И не только с ним, а вообще со всеми тут. Все его родичи такие. Но он хуже всех.

И еще одна вещь. Он что-то прячет здесь поблизости. Ты знаешь, господин, — Кутред впервые показал, что узнал собеседника, — ты знаешь, в эти дни я много ходил на веслах по окрестным водам.

Шеф кивнул в полутьме. Кутред действительно плавал на маленьком двухместном челноке, который у кого-то одолжил, если не отобрал. У всех вызвало только облегчение, что его подолгу не бывает поблизости.

— Так вот, сначала я обошел вокруг всего острова, затем прошел вдоль берега на юг, а потом на север, но немножко, потому что дело было к вечеру. И когда я в тот раз вернулся, они все меня ждали на пристани. Бранд и четверо его родичей, с копьями, топорами, в доспехах, словно приготовились к распре.

Ну, меня это, конечно, сразу взбесило. Но я ведь не та-

кой сумасшедший, как они все думают. Я-то уверен, что в тот день они только этого от меня и ждали. Но я спокойненько вышел из лодки и подошел прямо к Бранду, так что, начнись что-нибудь, он был бы у меня в руках — и он понял, что я делаю.

— А теперь слушай, — очень аккуратно сказал мне Бранд. — Я не хочу тебе плохого, но я должен тебя предупредить. Катайся на своей лодке. Это можно. Катайся где хочешь — вокруг острова, сходи к тюленьим шхерам, на юг, в любое место. Но не на север.

— Я только что был на севере, — ответил я. — Ничего такого я там не видел.

— Ты не успел зайти достаточно далеко, — сказал он. — Ты дошел только до Нэстифьорта, так называют ближайший большой фьорд на севере. Туда можно. Обычно. Следующий фьорд — Мидфьорт. Туда тебе заходить не нужно.

— А следующий фьорд? — спросил я и толкнул его легонько.

И тут зубы у него клацнули, как волчий капкан. Наконец он выдавил:

— Тебе не нужно вообще об этом знать. Держись от этого подальше.

— Звучит странно, — согласился Шеф. — В конце концов, они ведь сами ходят на север достаточно часто, чтобы найти финнов и собрать с них дань. Они говорят, что на самом деле на север отсюда уже никто не живет, по крайней мере, из норманнов, одни финны. Но, кажется, они прекрасно знают, что там находится.

— Да, но когда корабли идут на север, — ответил Кутред, — они забирают мористее береговых шхер. Я тут пробовал поразузнать, что сумею, а Марта для меня расспрашивала женщин. На север отсюда, на побережье, где шхеры — там запретная страна. Не знаю почему. Они что-то скрывают. Когда я уходил, после того как они меня предупредили, я услышал — один из родичей Бранда сказал ему кое-что, старался его успокоить. «Да пусть себе ходит, — сказал он, — невелика потеря». Так что они действительно хотели предостеречь меня от чего-то, что считают очень опасным. Но все равно они не хотят об этом говорить.

Хриплый голос Кутреда постепенно перешел к перечислению оскорблений и обид, которым он подвергался, когда был прикован на мельнице. Мужчины и женщины, которые издевались над ним, ужасающие холода горной зимы, и как он пытался залепить ставни грязью, как ставни все время распахивались, как в окнах появлялись лица, как они трясли дверь, чтобы ночью добраться до него...

Расслабившись в тепле, Шеф мало-помалу забыл о своих неотступных заботах, забыл о Бруно, Альфреде, Сигурде и Олафе, о мертвом Харальде и о Рагнхильде, да и о Годиве тоже. Голова его откинулась в уголок, опираясь на пахнущую сосновой смолой стену, и Шеф погрузился в неспокойный сон.

* * *

Он по-прежнему был в темноте, но в темноте другой — не теплой и ароматной, уютной темноте, которую покинул, а в темноте холодной, безмолвной, пахнущей землей и плесенью. И он оказался не в помещении. Это была дорога, а он ехал по ней верхом, несся какой-то сверхъестественной рысью, сильными раскачивающимися волнами, словно у лошади было больше ног, чем положено.

Это Слейпнир, понял Шеф, восьминогий конь Отца богов. Однако он, всадник, в которого Шеф воплотился в своем сне, не был Отцом Всего Сущего. Шеф смог разобрать, что это за существо, это не бог, а человек. Человек безумный, вроде Кутреда, но без тех оснований, что были у Кутреда. Главное чувство, которое он испытывал — испытывал все время, — была веселая ярость, желание встретить и преодолеть препятствия. Воспоминания его были сплошной сумятицей сечи, топота копыт, рубящих и колющих ударов, их перемежали лишь периоды хмельного забытья. Опьянения от медов Одина. На Слейпнире, подсказал кто-то Шефу, едет Хермот. Это имя он встречал раньше. Имя ратоборца, которое выкрикивали и прославляли в конце долгой дневной битвы в Вальгалле. Победитель этого дня, лучший из всего воинства Одина, Эйнхериара, возвращающегося в чертог с волшебно исцеленными смертельными ранами, чтобы вечером пировать перед завтрашней битвой. Хермот побеждал чаще, чем кто бы то ни было, чаще, чем Сигурд Фафнисбани, чем Бьотвар Бьярки. Потому его и выбрали для такого поручения, самого важного из всех, которые Один давал своим героям.

Вернуть Бальдра к жизни. Воспринимающему все это разуму Шефа немного было известно о мертвом боге Бальдре; слышал его историю от Торвина. Теперь он воспринимал ее не как рассказ, а как череду вспыхивающих картин. Бальдр, сын Одина, прекраснейший из богов. Не просто красивый, а прекраснейший, хоть он и был мужчиной. Шеф не мог увидеть его лица, лишь проникающее через разум Хермота ослепительное сияние, исходящее от божественного тела.

Так прекрасен был Бальдр, что боги, страшась когда-нибудь потерять его, заставили все сотворенные сущности принести клятву не повредить ему. Поклялись железо и огонь, и болезни, и ужасная старость, и даже отродье гигантов — не в силах противиться красоте Бальдра, — и каждая рыба, животное и змея в мире, и каждое дерево в лесах. Только одно создание не поклялось: слабенькая водянистая омела, растение, которое обвивало дуб. Она не смогла бы повредить, даже если бы захотела — так подумали боги.

Как только клятва была принесена, Бальдр стал неуязвим, и поэтому боги, чьи забавы не слишком отличались от забав их земных почитателей, принялись развлекаться, ставя прекрасного Бальдра как живую мишень и кидая в него все оружие с остриями и лезвиями, какое попадалось под руку. Лишь один бог в этом не участвовал — Хот, брат Бальдра, ибо был слеп. Но однажды он в своем ослеплении услышал голос, который спросил, не хочет ли он присоединиться к остальным. «Да, — ответил Хот, — но я слеп». А голос сказал: «Я поставлю тебя на нужное место и направлю твою руку. Брось вот это». И ему в руку вложили копье, сделанное из омелы, но затвердевшее благодаря волшебству.

Голос принадлежал Локи, обманщику богов, врагу богов и людей, отцу чудовищного отродья. Хот взял копье и кинул его.

В ушах Хермота до сих пор звучал великий плач скорби, который поднялся, когда боги, а потом и все сущее, узнали о смерти Бальдра, узнали, потому что из вселенной сразу же исчез свет, и весь мир стал обыденным, унылым и скучным, каким и остается до сих пор. Своим внутренним взором он все еще видел огромный костер, на который Один положил своего сына в погребальной ладье, что должна была доставить его в мир Хель. Он видел, что даже гиганты были приглашены на похороны и пришли. Видел, как женщина гигантов, Хюрроккин, рыдая,

столкнула лодку — Хермот был одним из четырех ратоборцев, назначенных удерживать ее волчью упряжку за поводья из гадюк. Видел: как только ладья заскользила в воду, Один нагнулся и прошептал что-то на ухо своему мертвому сыну.

Что это были за слова? Хермот не знал. Сейчас он должен был спуститься в Хель и вернуть Бальдра.

Лошадь уже подошла к стенам Хеля, стуча копытами по огромному мосту, перекинутому в воздухе — что за воздух может быть в нижнем мире, Хермот не представлял себе. Он проезжал мимо духов, теней, тревожно на него глядящих, они проснулись из-за стука копыт, разительно отличавшегося от их собственной бесшумной походки. Это были души ничтожеств, бледные мужчины и женщины, дети, не те, кого отбирали для Вальгаллы или для рощ Фрейра. А там, в конце моста, там были ворота.

Слейпнир рванулся к ним, и ворота медленно закрылись. Хермот наклонился, прошептал слова ободрения на ухо жеребцу.

Отчаянный рывок, прыжок столь высокий, что мог бы, казалось, прошибить низкий потолок Хеля. Ворота оказались позади, ошеломленные стражники уставились вслед.

Теперь перед ними была стена, стена, которая словно бы доходила до самого несуществующего неба. И была в ней щель, узкая щель на самом верху. Слишком узкая для Слейпнира, слишком узкая для Хермота. Хермоту не надо было объяснять, что это колдовство. Он прискакал к стене, потянул поводья, остановился и спешился. Принялся стучать своими могучими кулаками в каменную стену, стучал, пока те не покрылись кровью, как всегда, не обращая внимания на боль.

Голос из-за стены:

— Кто это, кто стучится не как бледная тень из Хеля?

— Я Хермот, человек Одина, всадник Одина. Я пришел поговорить с Бальдром.

Другой голос, голос Бальдра, невнятный и усталый, словно рот залеплен плесенью:

— Возвращайся домой, Хермот, и скажи им: я не могу вернуться, пока весь мир не заплачет обо мне. А я знаю: точно так же, как нашлось существо, которое повредило мне, есть существо, которое не заплачет. Скажи им, — и голос затих вдали, будто Бальдра утащили по длинному, засыпанному прахом коридору.

Хермот не раздумывал и не колебался, это было бы не в его

духе. Он знал, что такое определенность. И он не боялся вернуться с плохими вестями. Он сел в седло и тронулся в обратный путь. На мгновенье задумался. Залез за пазуху, где держал черного петуха из Асгарда, творение Одина.

Вытащив из-за пояса нож, отрезал петуху голову, забросил сначала ее, а потом тело с точностью, доступной лишь великим, в щель между стеной и небом.

Через мгновенье Хермот услышал гул в стене, гул такой сильный, что, казалось, он заставлял стену дрожать. Петушиный крик. Крик рассвета, новой жизни, возрождения.

Удивленный Хермот пустился назад через ворота Хеля к мосту Гиаллар, который отделял мир Хель от остальных восьми миров. Он не знал, что означает происшедшее, но он знал, что для Одина это не будет неожиданностью.

Что же Один шепнул своему сыну на погребальной ладье?

* * *

Шеф рывком поднял голову, осознав, что на улице что-то происходит. По его телу струился пот, он слишком долго спал. На мгновенье он подумал — крик, должно быть, означает, что наконец-то появилась Рагнхильда. Как она уже сделала однажды, когда он заснул в парилке. Затем его слух уловил нотки торжества и ликования, а не тревоги. Что-то они кричали. Что же? «Рында, рында»?

Кутред подскочил к двери, ухватился за ручку. Дверь зашипело, как часто случалось из-за жара, и сердце Шефа на мгновенье замерло — трудно представить себе худшую долю, чем умереть голым в жару парилки, а ведь известно, что такое бывало. Затем дверь распахнулась, и внутрь ворвались свет и свежий воздух.

Кутред вышел из парилки и прыгнул с помоста. Шеф последовал за ним, задыхаясь в сомкнувшейся над головой студеной воде. После своих приключений на льду Шеф не верил, что когда-нибудь снова с охотой полезет в холодную воду, но парилка заставила его передумать.

Они вдвоем быстро подплыли к лесенке, ведущей на пристань, где развесили свою одежду, взобрались и уставились на появившуюся откуда ни возьмись толпу.

Все норманны бежали к своим судам. Не к морским кораблям, вроде «Чайки» и «Моржа», а к небольшим гребным

вельботам. Вытянули лодки, которых Шеф раньше не видел. И были еще другие суденышки, как демоны ворвавшиеся в гавань, с них кричали местные жители. Кричали одно и то же слово. На этот раз Шеф разобрал его. Не «рында», а «гринды! гринды!».

Шеф и Кутред переглянулись. Снизу, из гавани, Бранд увидел, как они не спеша вытираются. Сложив руки рупором, он закричал:

— Твоих людей мы не берем! В лодках нет места для идиотов, когда идут гринды! Вы двое можете пойти с нами, если хотите что-нибудь увидеть!

Затем он отчалил на лодке, балансируя на банке с большим гарпуном в руке.

Кутред показал на маленькую двухвесельную лодочку, которую он добыл, привязанную на берегу в десяти шагах от них. Шеф кивнул, поискал свой меч с рукоятью из рога нарвала, вспомнил, что, как обычно, оставил его над койкой. Нет времени сейчас бежать за ним, на поясе есть другой нож. Кутред положил, как всегда, свой меч и шипастый щит на дно лодки, взял весла, столкнул плоскодонку в длинный фьорд, ведущий в открытое море. Когда они выгребали к устью, Шеф увидел английских катапультеров, стоявших у своих машин, которые теперь охраняли вход в гавань. Они кричали:

— Что? Что происходит?

Кутред греб, а Шеф мог лишь беспомощно пожать плечами.

Глава 21

Когда Кутред подгреб уже к выходу из фьорда, Шеф увидел паренька с одного из дальних хуторов, скачущего по обрывистому склону и отчаянно машущего рукой, чтобы его подобрали. Шеф дал Кутреду знак подойти к берегу.

— Может быть, хоть он объяснит нам, что происходит.

Парень перепрыгнул с одной остроконечной глыбы на другую, приноровился к движению раскачивающейся на волнах лодки и сиганул на нос, словно выбрасывающийся на берег тюлень. Он широко улыбался.

— Спасибо, друзья, — сказал он. — Гринды приходят,

наверно, единожды в пять лет. На этот раз я не хочу их пропустить.

— А что такое гринды? — спросил Шеф, не замечая яростных взглядов Кутреда.

— Гринды? — паренек, казалось, не поверил своим ушам. — Гринды-то? Ну, это такие мелкие киты, они приходят стадом. Входят в шхеры. Тогда, если нам удается зайти мористее, мы отрезаем их от моря, загоняем на берег. Потом убиваем. Жир. Ворвань. Кита можно есть целую зиму, — его зубы открылись в мечтательной улыбке.

— Убить стадо китов? — повторил Шеф. — Сколько же их там?

— Может, пятьдесят, а может, и шестьдесят.

— Убить шестьдесят китов, — усмехнулся Кутред. — Да если бы вам, лживым норманнским моржебоям, это удалось, никогда вам их не съесть, даже если вы сядете и будете есть до самого Судного Дня.

— Это только гринды, — сказал паренек, который явно обиделся. — Это не кашалоты и не большие усатые киты. Они в длину всего десять-двенадцать локтей.

От пятнадцати до восемнадцати футов, подумал Шеф. Это похоже на правду.

— Чем вы их убиваете? — спросил он.

Парень снова улыбнулся.

— Длинными копьями. Или вот этим, — он вытащил из-за пояса нож, длинный, широкий, с односторонней заточкой. Вместо обычного острия у него был длинный плоский крюк, заточенный, как заметил Шеф, и с внутренней и с внешней стороны.

— Гринда-нож, — сказал юноша. В его выговоре «f» стало «v», долгое «i» превратилось в «oi». — *Grindar-knoivir.* Выскочить из лодки на мелководье, оседлать кита, добраться до его хребта, воткнуть гринда-нож. Вытащить. Перерезать позвоночник. Ха-ха! Много мяса, жир на зиму!

Когда лодка вышла из устья фьорда, паренек огляделся, увидел вереницу вельботов, стремительно удаляющихся от них на север, без лишних слов уселся на скамью рядом с Кутредом и, взяв весло, тоже стал грести. Шеф с удивлением заметил на лице Кутреда кислую усмешку, вызванную, скорее всего, очевидной уверенностью юного норманна, что Кутред, могучий берсерк, нуждается в его помощи.

Шеф заметил, что идущие впереди вельботы замедлили наконец свой бег, сбиваясь в неровный круг на волнах. И тогда, всего в полумиле от себя, Шеф впервые увидел стадо китов, за которым они гнались: сначала один ленивый белый фонтан на фоне серого неба, затем другой, а потом и все вместе. А под ними лишь проблеск черных спин, скользящих в изящных кувырках.

Люди в вельботах тоже увидели выход стада на поверхность воды, Шеф заметил, что они встают, трясут своими острогами с длинными наконечниками, услышал отдаленные вопли. Впрочем, даже на расстоянии можно было разобрать заглушающий все бычий рев Бранда, по-видимому, отдающего длинную череду распоряжений, которые передавались с лодки на лодку.

— Нужно, чтоб был гринда-капитан, — объяснял паренек в промежутке между гребками. — Если вельботы не будут работать вместе, киты прорвутся. Все работают вместе, а потом делимся поровну. Одна доля на каждого человека, одна доля на каждую лодку, капитан получает две доли.

Лодка Шефа поравнялась со всей флотилией, как раз когда вельботы начали расходиться в стороны. В последний момент паренек вскочил на ноги, приветствовал своих родичей и побежал с вельбота на вельбот с такой же ловкостью, с какой он сел к ним в лодку, задержавшись только, чтобы весело помахать на прощанье. Затем все норманнские вельботы, по большей части четырех- и шестивесельные, разошлись в длинную вытянутую линию. Расположившийся в ее центре Бранд, поравнявшись с Шефом, повернулся и закричал:

— Вы, двое! Оставайтесь сзади и никуда не суйтесь. Держитесь от этого подальше!

Кутред долгое время греб так, чтобы их лодка держалась около крайнего вельбота в линии. Шеф, глядя на его вспотевший торс, отметил, что за последние недели Кутред стал выглядеть еще внушительней, так как благодаря хорошей пище на его натренированных на мельнице мускулах нарос слой подкожного сала. И все же одному человеку тяжело было угнаться за четырехвесельными вельботами, в каждом из которых сидели опытные моряки. Кутред греб с остервене-

нием. Хорошо еще, что флотилия не шла все время с максимальной скоростью. По ходу преследования Шеф понял, что в этом был свой смысл, своя тактика охоты.

Первой задачей Бранда было выстроить линию вельботов рядом с китовым стадом, на западе от него, отделяя гринд от цепи рифов и островков, протянувшихся между материком и Атлантикой. Сделав это, он попытался загнать стадо к берегу. Лодки развернулись в сторону стада и остановились, а их гребцы склонились над водой и принялись хлопать по ней веслами. Как это звучало для слуха китов — кто знает? Но шум им явно не нравился, они поворачивали, чтобы сбежать от него. Некоторое время они пытались разогнаться и обойти дальний конец линии вельботов. Тогда крайние лодки вышли вперед и, хлопая веслами по воде, заставили китов остановиться и повернуть назад. В какой-то момент казалось, что вожак решил развернуться и плыть обратно на юг, туда, где держались в тылу Шеф и Кутред. Несколько минут вода пенилась от тесно сбившихся черных туш, причем одни гринды стремились вперед, а другие уже повернули назад. Затем все вельботы одновременно пошли в атаку с криками и плеском весел, загоняя китов на прибрежные скалы, которых те так боялись.

Бранд вдобавок старался посеять среди мечущихся китов панику, понял Шеф. И он уже знал, куда будет загонять стадо. Недостаточно было просто направить китов на скалистый берег. Подойдя туда, они могли бы развернуться и прорваться одним отчаянным броском. Их нужно было загнать на смертельно опасное для них место, например, на отлогий шельф, в узкий залив или бухточку, куда киты не побоялись бы зайти и где их можно было запереть. И лучше всего было бы сделать это во время прилива, чтобы отлив оставил животных барахтаться на грунте.

Бранд не торопясь вел вельботы и стадо туда, куда задумал. Киты сбились кучей у входа в намеченный им залив, а лодки встали в полукруг от края до края бухты. Тогда Бранд властно махнул гарпуном, и вельботы двинулись вперед.

Первого кита убил сам Бранд, его вельбот подошел к медленно плывущей самке, а он нагнулся, опираясь одной ногой на планширь, и вонзил длинный гарпун с зазубренным наконечником прямо перед спинным плавником. Находящиеся за

пятьдесят ярдов Шеф и Кутред увидели, как в воду хлынул стремительный поток темной крови — и вода мгновенно вспенилась от неистовых ударов взбешенной болью гринды.

Должно быть, умирающий кит издал под водой крик агонии, потому что все стадо сразу охватила паника, оно рванулось вперед от настигавшей сзади опасности. И тут же киты оказались на мелководье, заревели, скрежеща брюхом по гальке, в отчаянных корчах судорожно взметнули из воды хвосты. Остальные лодки разом подошли к месту бойни, на их носах метальщики высматривали, куда всадить гарпун, люди громко подбадривали друг друга.

И вот Шеф увидел, что один человек уже выскочил из вельбота. Кажется, это был паренек, которого они подвезли, он сжимал в руке свой гринда-нож, а за ним устремилась дюжина других китобоев, без оглядки ринувшихся в мешанину бьющихся тел, хватаясь за плавники и стараясь оседлать свои жертвы. Ножи взметались и разили, снова и снова, люди старались попасть в уязвимое место между позвонками, где изогнутый нож, когда его вытягивают наверх, может рассечь спинной мозг и вызвать мгновенную смерть. Киты извивались и молотили хвостами, не способные ни сражаться, ни уплыть, стараясь лишь не дать своим мучителям убить себя.

— Это выглядит опасным, — пробормотал Шеф.

— На самом деле нет, — в голосе Кутреда прозвучало презрение. — То же самое, что убить овцу. Эти звери не защищаются, я думаю, у них и зубов-то нет. Ты можешь запросто втиснуться между ними, они стараются не задеть друг друга.

Группа китобоев ухватилась за тушу гринды, стараясь как можно дальше затолкать ее на берег, тянули за плавники и торчащие гарпуны и копья. Они бросили жалобно вздрагивающего кита и кинулись в воду за следующим. Вскоре вся поверхность залива покраснела от струй крови, вырывающихся из пробитых китобоями сердец. Шеф углядел в свалке, что детеныш гринды вырвался на свободу, бросив убитую мать. Едва ли шести футов длиной, он выбрался с мелководья и устремился в их сторону, к открытому морю. Перед ним возникла лодка, китобой склонился над спиной китеныша, несколько раз всадил нож. Фонтан крови брызнул прямо в лодку, окатил гребцов. Шеф услышал, как они ревут от восторга, увидел на берегу другую группу китобоев, кото-

рые уже начали добывать из туш ворвань, запихивая в рот полные пригоршни и разражаясь криками восторга.

— По-моему, мы достаточно насмотрелись, — сказал Кутред. — Меня никто не назовет жалостливым, но если я убиваю людей, так потому, что я их ненавижу. А против китов я ничего не имею. Я даже не люблю китовое мясо.

С молчаливого согласия Шефа он погреб подальше от кровавой бойни. Занятые делом норманны не обращали на них внимания. К тому времени, когда Бранд решил оглянуться, их уже не было.

* * *

На выходе из залива Шеф с удивлением заметил, как низко успело опуститься солнце. В это время года в таких высоких широтах вряд ли можно было говорить о ночах. Небо никогда не темнело по-настоящему. Однако солнце каждый день ненадолго заходило за горизонт. Сейчас оно приближалось к нему, красный диск, светящий низко под облаками, покрывающий безмятежное море длинными тенями. Кутред взялся за весла и направил лодку в неблизкий обратный путь, туда, где их ждали кров и очаг. Шеф прикинул, что последний раз ел и пил он много часов назад, и в долгий морской переход пустился, уже мучаясь жаждой после парилки.

— У тебя в лодке есть какая-нибудь еда? — спросил он.

Кутред проворчал:

— Я всегда храню что-нибудь в ящике на корме. Сыр и масло, флягу молока, пресную воду. Сейчас я буду грести, а потом будем по очереди грести и есть.

Шеф нашел на корме ящик с едой и вытащил его. Запасы были подобраны недурно, но в данный момент Шефа мучила жажда, и он схватил сморщенное яблоко, сохранившееся с прошлой осени.

— Знаешь, — заметил он с набитым ртом, — это ведь то самое место, от которого Бранд велел тебе держаться подальше. На север от острова, между шхер. Судя по тому, что он сказал, местные жители стараются сюда не заходить. Но когда пошли гринды, они уж не разбирали, по каким местам гонятся. И если здесь было что-то опасное, оно, видимо, не захотело связываться с китобойными вельботами. Со всеми сразу.

— Но ему могут понравиться два одиноких человека на заходе солнца, — договорил за него Кутред. Он угрожаще ощерился. — Ладно, пусть попробует.

Шеф швырнул огрызок яблока за борт, скосил глаз на длинные тени, вскинул руку и хлопнул ладонью по мускулистому плечу Кутреда. Молча показал вдаль.

Где-нибудь в четверти мили от них над водой показался гигантский плавник. В высоту он достигал чуть ли не человеческого роста, высовываясь из воды под прямым углом. Под ним блеснула черная спина, потом появилось еще несколько плавников, разрезающих воду, спины изворачивались и снова уходили в глубину, как ободы гигантских вращающихся колес.

— Киты-убийцы, — уверенно определил Кутред. За время перехода «Моржа» на север они неоднократно встречали стада касаток, и всякий раз Бранд уходил в сторону, с опаской наблюдая за китами. «Никогда не слышал, чтобы они напали на корабль, — сообщил он. — Никогда не слышал, чтобы они напали даже на лодку. Но мы и не услышим. Если один из них решит напасть на лодку, не останется никого, чтобы об этом рассказывать. Касатки питаются тюленями. Люди для них могут выглядеть похожими на тюленей. Я никогда не полезу в воду, если поблизости есть один из китов-убийц».

Плавник вожака неожиданно сменил направление, резко свернув в их сторону. Кутред, не задумываясь, тоже развернулся и погреб к берегу в сотне ярдов вдали. На берег здесь невозможно было высадиться, он резко обрывался в воду, но мели и выступающие камни заставляют касаток держаться на удалении. Киты их всегда видят или еще как-то чуют. Плавник шел прямо на лодку, от его стремительного бега образовался белый бурун.

Касатки чувствуют кровь, когда много ее попадает в воду. Они сами, может быть, шли за стадом гринд, намереваясь догнать их и поохотиться. Могут ли эти твари испытать раздражение из-за того, что их опередили? От того, что ускользнуло сразу так много добычи? Злость на сухопутных обезьян, с такой легкостью и безжалостностью истребляющих морских исполинов? А может быть, это было просто возбуждение от растворенной в воде крови и азартное желание свести

счеты с людьми, самоуверенно лезущими в неведомое. Угроза чувствовалась в самом облике устремившегося на лодчонку вожака. Шеф сразу же понял, что тот хочет подбросить лодку в воздух, схватить падающих людей и разорвать их на кусочки своими коническими зубами.

— Вперед! — крикнул он Кутреду. — Прямо на скалы.

Лодка уткнулась в отвесный каменный лоб, они вытянули руки, чтобы притянуть ее как можно ближе, с тревогой осознавая, что глубокая вода кончается в каком-то футе от них. Плавник погрузился и снова вынырнул, его верхушка была выше головы сидящего на скамье Шефа, а кит прошелся вдоль берега, почти задевая своим боком обращенный к морю борт лодки. Шеф увидел на черной туше белые пятна, услышал резкий выдох из дыхательных отверстий, ощутил на себе холодный внимательный взгляд. Хвост шлепнул по воде, кит нырнул, разворачиваясь для новой атаки.

Шеф схватил весло, уперся в скалу и провел вдоль нее лодку на несколько ярдов. Теперь лишь какие-то футы оставались до расщелины в скале, узкой бухточки, слишком маленькой, чтобы назвать ее фьордом. Внутри ее кит застрял бы — возможно, он предпочтет уйти. Тем временем подоспело уже все стадо, продефилировало мимо них, хотя и не так близко, как вожак, выбрасывая в воздух фонтаны из дыхал.

Кутред оттолкнулся слишком сильно, и лодка отошла от берега. Вожак оказался тут как тут, головой буравя воду. Шеф рванул весло, завернул нос лодки обратно к берегу. Разом они вставили весла в уключины и яростно налегли на них, один удар, другой, стремительно врываясь в спокойную воду расщелины.

Что-то мощно подбросило их снизу, лодка почти выскочила из воды, начала заваливаться. Шеф знал — если упадет в воду, следующее, что он почувствует, будут гигантские челюсти, смыкающиеся поперек его туловища. Он рванулся прочь из лодки, оттолкнувшись со всей силы, и приземлился одной ногой в воду, а другой на крошечный скальный выступ. Рывок, еще одно усилие, и он вскарабкался на узкую площадку размером с платок, уступ на береговом утесе.

Кит тряхнул лодку, и она перевернулась вверх дном. Кутред выскочил из нее, как ныряльщик, кувырнулся в воздухе, и рухнул вниз среди дождя высыпавшихся из лодки вещей.

Шипастый щит, сделанный из обработанной Уддом стали, упал в одном футе от руки Шефа. Тот оцепенело наблюдал, как Кутред шлепнулся в воду и кит повернулся к нему.

Кутред мгновенье колотился на воде, затем, по-видимому, нащупал почву под ногами. Он отступал задом к берегу, в шести футах от места, где стоял Шеф, и все еще был в воде выше колен. Меч каким-то чудом остался у него в руке, он направил его на приближающиеся черно-белые челюсти. Кит свернул, и в этот момент Кутред пронзил его длинным выпадом, напрягая и руку и корпус. Хруст удара, резкие толчки, всплеск воды от хвоста. Затем кит ушел, оставив за собой узкий кровавый след и разбитые доски там, где была лодка.

Кутред медленно распрямился, вытер меч о мокрый рукав. Ящик с провизией плавал в нескольких футах от него. Он опять шагнул вперед, по пояс в воду, не спеша забрал ящик, повернулся и пробрался к Шефу, который неподвижно завис, вцепившись в скалу.

— И как мы теперь отсюда выберемся? — спросил он. — Вплавь не хотелось бы.

* * *

Несколько минут они прижимались к отвесной скале, поглядывая на море. Киты не уходили, сновали по воде туда-сюда. Один из них подплыл к корме лодки, наполовину погрузившейся в воду в десяти ярдах от берега, не торопясь, схватил ее челюстями и разгрыз.

Двое потерпевших кораблекрушение с трудом развернулись, чтобы посмотреть на каменную стенку позади себя. В лучшем случае можно было сказать, что она не совсем отвесная, а просто очень крутая, круче, чем склон обычной крыши, только сделанный из камней. Чтобы карабкаться, на ней имелось множество зацепок для рук и ног. Но склон, казалось, уходил все вверх и вверх без конца, исчезая в бледном небе. На то, чтобы достичь вершины, могли потребоваться часы, а остановиться передохнуть было негде. Однако выбора не оставалось. Медленно и осторожно, помня о смертельных морских водах внизу, они собрали свои скудные пожитки. У Кутреда остался его меч и шипастый щит. Невозможно удержать их, поднимаясь на гору. Через секунду Шеф взял меч, отрезал кусок от своих кожаных шнурков и

протянул Кутреду, чтобы тот подвесил меч и щит у себя за спиной. Веревочные лямки ящика с провизией можно было перевязать, приспособить так, чтобы продеть их за плечи. Шеф взял ящик себе, убедился, что короткий нож крепко держится в своих ножнах, как и кусок кремня, который он всегда носил вместе с ножом. Больше у него ничего не было, не считая золотых браслетов на руках, никакого оружия, кроме поясного ножа.

Медленно и осторожно они начали подъем на гору. Вечность, кажется, карабкались они от одной трещины к другой, судорожно цепляясь руками и ногами, стараясь обходить опасные участки, избегая непроходимых мест, так и не найдя ни одной площадки, чтобы остановиться и посидеть или хотя бы постоять в безопасности. Мускулы на бедрах начали у Шефа побаливать, а потом и спазматически дрожать. Он знал, что в любой момент может случиться судорога. Тогда он потеряет опору и упадет или покатится вниз, в воду. Под ними не видно было ничего, кроме камня на всем пути, вплоть до стального серого моря, на котором по-прежнему кружили плавники китового стада. Шеф заставил себя взобраться еще на несколько футов. Поставил ногу, оттолкнулся, изо всех сил подтянулся на слабеющих руках.

Услышал голос. Голос Кутреда, всего в нескольких футах над собой.

— Господин, — сказал тот, — еще два-три шага. Здесь есть площадка, чтобы остановиться.

Словно в ответ на слова Кутреда Шеф почувствовал в правом бедре жгучую боль сведенной мышцы. Он знал, что должен преодолеть судорогу, но сил уже не оставалось. Он ощущал, что нога его не держит, сжимал пальцы в последнем отчаянном усилии.

Его схватили за волосы, безжалостно вздернули вверх. Шеф почувствовал, что ноги болтаются, как у марионетки, а его тянут наверх и ставят на уступы. Задыхаясь, он лег ничком. Кутред схватил его за штаны и подтянул еще на несколько футов, перевернул и начал разминать сведенную мышцу.

После двух десятков глубоких вдохов Шеф ощутил, что боль отпускает. Он утер невольно проступившие слезы и сел.

То, на чем они находились, по всем меркам следовало назвать горной тропой, шириной не больше полутора футов,

что на скальном склоне было неслыханной роскошью. Тропа шла по краю расщелины, в обе ее стороны видимость составляла лишь несколько ярдов. По направлению к морю от того места, где они сидели, на тропе была развилка, одна дорожка шла горизонтально, другая забирала вверх.

Кутред показал на вторую тропу.

— Наверняка эта тропа ведет на самый верх, — сказал он. — Будет хороший обзор. Я пройду по ней, посмотрю, что там. Может быть, найдем дров, разожжем сигнальный костер. Рано или поздно китобои должны будут возвращаться мимо нас.

Еще не скоро, подумал Шеф. И даже тогда они могут пойти мористее прибрежных островков, как они всегда делают, если только не гонятся за стадом гринд. Но Кутред уже уходил, держа наготове свой щит и меч. Кто же мог протоптать эту тропу, размышлял Шеф. Козы? Кто еще может жить здесь, кроме горных козлов? Странно, что они протоптали такую ровную тропу.

Неожиданно вернулись голод и жажда. Шеф скинул с плеч ящик с провизией, вытащил флягу молока, сделал долгий глоток. Поставив флягу назад, он почувствовал, что уныние и отчаяние навалились на его плечи подобно тяжелой ноше.

Вид перед ним расстилался несказанно мрачный: серое море далеко внизу, неустанно накатывающее на серые камни. А над ним лишь скалы и осыпи, поднимающиеся до самого гребня, расположенного высоко-высоко над местом, где сидел Шеф. А за тем еще один гребень, повыше, и еще один, а дальше укутанные вечными снегами вершины. Белые снега и серые камни сливались с небом, с которого были стерты малейшие оттенки цвета. Ни зеленой травки, ни небесной лазури, лишь неизменная бледность высоких широт. Шеф чувствовал себя так, будто находится на краю света, с которого сейчас упадет. У него выступила испарина от усталости и боли, заставив его дрожать на легком, но пронзительном ветерке, который что-то нашептывал горным утесам.

Если он здесь умрет, кто об этом узнает? Чайки и хищные северные поморники склюют его плоть, а потом его кости вечно будут белеть на ветру. Бранд некоторое время станет недоумевать, что произошло. Ему, наверное, и в голову

не придет передать весточку на Юг, Годиве и Альфреду. И через пару лет все забудут о нем. В это мгновенье Шефу казалось, что вся его жизнь лишь скопище неотвратимых бед и несчастий. Смерть Рагнара и побои, которые Шеф получал от своего отчима. Спасение Годивы и потеря глаза. Битвы, которые он выиграл, и цена, которую он за них заплатил. Потом драка на песчаной отмели, переход в Гедебю, то, как Хрорик продал его в Каупанг жрецам Пути, опасности на льду, предательство Рагнхильды, смерть маленького Харальда. Все одно к одному: минутные успехи, купленные ценой страданий и потерь. И сейчас он выброшен судьбой на скалу без надежды на спасение, в местах, где с начала времен не ступала нога человека. Может быть, лучше будет уйти сразу, броситься вниз с утеса и исчезнуть навеки.

Шеф обмяк и лег, плечи его упирались в валун, сбоку стоял по-прежнему открытый ящик с провизией. Шеф почувствовал, что на него нисходит видение, захватывая его разум и тело своим изматывающим и возбуждающим экстазом.

* * *

— Я уже говорил тебе, — произнес кто-то. — Помни про волков в небе и змея в море. Это видят язычники, когда смотрят на мир. Теперь гляди на иную картину.

И вот Шеф ощущает себя в теле другого человека, подобно ему изможденного, страдающего, близкого к отчаянию и даже более близкого к смерти. Человек бредет по скалистому склону, не такому крутому, как тот, по которому только что взобрался Шеф. Но человеку хуже, чем Шефу. Что-то тяжелое давит ему на плечи, впивается в них, но он не может скинуть ношу или передать ее другому. Ноша трет его спину, и спина вся в огне — эта знакомая спине Шефа боль наполняет его пониманием и состраданием, боль от недавних побоев, тех, что раздирают кожу и глубоко, до костей, разрезают мясо.

И все же человек с готовностью принимает муки и изнурение. Почему? Он знает, почувствовал Шеф, что чем сильнее он страдает, тем короче окажутся предстоящие ему муки.

Они пришли на место. Где бы оно ни находилось. Человек сбросил свою ношу, большой деревянный брус. Кто-то подобрал его, люди в странных доспехах, не из кольчужной сетки, а из металлических пластин. Они приделали поперечину к столбу.

Так вот что, понял Шеф, это крест. Я вижу распятие. Распятие Белого Христа? Зачем мой бог-покровитель показывает мне это? Мы не христиане. Мы их враги.

Воины распростерли человека на кресте и забили гвозди, по одному в каждое запястье, не в ладони, которые были бы разорваны, как только на них пришелся бы полный вес тела, а между костями предплечья. Еще один в ноги, трудно пробить одним гвоздем сразу обе. К счастью, в этот момент боль не доходила до наблюдающего сознания Шефа. Оно со стороны сурово взирало на людей, взявшихся за жестокое дело.

Работали они споро, как будто бы уже много раз делали это раньше, переговариваясь между собой на языке, которого Шеф не понимал. Но со временем ему удалось разобрать одно-два слова: hamar, говорили они, nagal. Но крест они называли не rood, как ожидал Шеф, а как-то вроде crouchet. Римские воины, как и рассказывали Шефу, но говорящие на одном из германских диалектов, с вкраплениями вульгарной кухонной латыни.

Человек на кресте лишился чувств. Затем глаза его открылись снова, и он вглядывался, как Шеф сейчас, как Шеф несколько лет назад, после того, как его ослепили. Затем явилось видение Эдмунда, замученного христианского короля, бредущего к нему с собственным позвоночником в руках, а потом уходящего куда-то. Значит, это место, куда попадают христиане, как язычники попадают в Вальгаллу.

Солнце уже начало садиться за Голгофой. В течение нескольких кратких секунд Шеф видел его так, как видел его умирающий человек, Богочеловек. Не колесница, влекомая испуганными лошадьми и преследуемая алчными волками, в которую верят язычники, как и земля с морем не были логовом гигантских змеев, ищущих человечеству погибели. То, что видел Распятый, было не колесницей и не золотым диском, а склоненным вниз сияющим бородатым ликом, исполненным одновременно и суровости и сострадания. Он взирал на мир, где его творения простирали к нему руки и просили помощи, пощады, милосердия.

— Элои, Элои! — вскричал умирающий, — ламма савахфани? Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?

Сияющий лик ответил: нет. Это не забвение, а забота. Горькое искупление за грехи мира, ответ на тянущиеся к небу руки. А теперь последнее милосердие.

Из рядов выстроившихся у подножия креста воинов вышел

человек в красном плаще поверх доспехов и с красным султаном на железном шлеме.

— Inoh, — сказал он на том же полугерманском жаргоне, на котором говорили его солдаты, — giba me thin lancea. Хватит, дай мне твое копье.

У губ умирающего оказалась губка, он яростно впился в нее, ощутил вкус винного уксуса, который ежедневно выдавали воинам, чтобы смешивать его с водой. Благословенной влагой потек он по его пересохшей гортани, вкуснее всего, что он когда-либо пил, а центурион снял с копья губку, перехватил древко парой футов ниже и вонзил копье под ребра Распятого, целясь ему в сердце.

По рукам сотника потекли кровь и вода, он с изумлением смотрел на них. В тот же самый момент мир вокруг него переменился, словно что-то в нем изменилось навеки. Он огляделся, и вместо унылого жгучего солнца этой иссушенной и пустынной страны он увидел словно бы улыбку своего умершего отца. Вокруг него трепетное ликование поднималось от песков, а под ногами крик облегчения исходил от скал, из-под скал, из самого Ада, где томящиеся души узрели обещанное спасение.

Центурион встряхнулся, опомнился, снова поглядел вниз, на обычное солдатское копье, с которого стекали на его руки и доспехи кровь и вода.

— Вот что видят христиане, — произнес голос покровителя Шефа. — Они видят помощь извне там, где язычники видят лишь борьбу, в которой не могут победить и в которой не осмеливаются проиграть. И все это очень хорошо — если Спаситель существует.

* * *

Видение померкло, и Шеф остался сидеть на голом камне. Он прищурился, задумался о том, что увидел. Дело в том, понял он благодаря сравнению, что христиане верят в спасение, поэтому не борются за себя сами, просто возлагают надежды на свою Церковь. Язычники борются за победу, но у них нет надежды. Поэтому они хоронят девушек заживо и кладут людей под киль своих кораблей, они ощущают, что в мире нет Добра. А Путь должен идти между ними. Где-то, где есть надежда, которой нет у язычников: ведь даже Один не смог вернуть своего сына Бальдра к жизни. И то, что зависит

от собственных усилий человека, что отрицают христиане: для них спасение — дар, милость, а не благо, которое заслужила сама человеческая сущность.

Шеф сел, обеспокоенный внезапным ощущением, что за ним наблюдают, поискал взглядом Кутреда, сообразил, что тот все еще не вернулся. Он нащупал открытый ящик с провизией, надеясь, что еда и питье приведут его в лучшее расположение духа. Еще молока, сыра, сухарей.

Прыжок из-за валуна, и перед ним появилась фигура. Шеф так и застыл с непроглоченным куском во рту.

Глава 22

У Шефа и секунды не заняло сообразить, что перед ним маленький мальчик, ребенок. Хотя по-настоящему маленьким его назвать было трудно. Он достигал в высоту пяти футов, то есть был не ниже, чем Удд, и при этом много шире. Он мог бы сойти за невысокого мужчину, но что-то в его доверчивой позе выдавало юность.

И он вообще не выглядел как человек. Руки у него свисали низко, голова на невообразимо толстой шее клонилась вперед. Маленькие глазки выглядывали из-под тяжелых надбровий. Одет он был — да ни во что. Была, конечно, какая-то юбочка из грубо выделанной шкуры. Но она почти терялась в его собственной шерсти. С головы до пят ребенок был покрыт космами длинных серых волос.

Взгляд существа остановился на куске сыра, который Шеф как раз подносил ко рту. Ноздри его, чуя запах сыра, жадно раздвинулись, и тонкая струйка слюны побежала из угла рта. Шеф не спеша снял сыр с сухаря, на котором тот лежал, и безмолвно протянул его странному мальчику.

Тот замялся, не решаясь подойти поближе. В конце концов он сделал два шага своеобразной неуклюжей походкой, протянул длинную серую руку и взял сыр с ладони Шефа. Обнюхал его, снова раздувая ноздри, и вдруг закинул сыр в рот. Пожевал, закрыв глаза в приступе экстаза, тонкие губы оттянулись, обнажая массивные клыки. Ноги его невольно прошлись в нелепом, но радостном переплясе.

Финны не умеют делать ни сыр, ни масло, ни молоко, го-

ворил Бранд. Вряд ли это финн. Но, видимо, вкусы у него такие же. По-прежнему избегая резких движений, Шеф протянул флягу с оставленным для Кутреда молоком. И опять внимательное изучение с помощью носа, внезапное решение и жадные глотки. Пока он — или оно — допивал молоко, колени у него странно изогнулись, чтобы наклонить все тело назад. Он просто не может запрокинуть голову, чтобы пить, как люди, догадался Шеф.

Допив молоко, ребенок бросил флягу. Шум, с которым та разбилась о камни, по-видимому, встревожил существо, оно взглянуло вниз, потом на Шефа. И тогда оно явно что-то сказало, что-то, прозвучавшее как «извини». Но Шеф не смог разобрать ни единого слова.

А потом существо ушло, прошло по тропе пару шагов и вдруг просто-напросто исчезло, испарилось, серая шерсть слилась с серым камнем. Шеф, кряхтя, поднялся и проковылял до камня, где существо исчезло, но там уже ничего не было. Оно просто развеялось, как сон.

Кто-то из *Huldu-folk*, подумал Шеф. Я видел человека из Потаенного Народа, живущего в горах. Он вспомнил истории Бранда о тварях, которые утаскивают людей под воду, о хватающей лодки длинной серой руке. И ту историю, что рассказывали Квикка и его команда, о человеке, пойманном в горах троллихами, которые держали его при себе. Как-то раз они рассказывали еще одну историю — о великом чародее и мудреце, который решил очистить от троллей и Потаенного Народа некий остров в северных странах. Он прошел по всему островку, и говорил волшебные слова, и выгонял тварей, так что они больше не могли вредить людям. И под конец ему осталось только спуститься с последнего утеса, чтобы закончить работу. Но когда его стали спускать на веревке, из скалы раздался голос. «Человечек, — сказал он, — даже спрятанному народу нужно оставить какое-то место, где ему жить». И тут из утеса высунулась серая рука, сорвала этого мудреца с веревки и швырнула на камни внизу. В этом нет смысла, сказал тогда Шеф. Кто мог услышать слова, кроме человека на веревке, человека, который мгновеньем позже разбился насмерть? Но неожиданно эта история все-таки приобрела кое-какой смысл.

Кутреда по-прежнему нигде не видно. Шеф открыл было

рот, чтобы покричать, и тут же закрыл снова. Неизвестно, кто его услышит. Он подобрал с земли осколок кремня, процарапал на покрытой лишаями стенке стрелу, указывающую, в каком направлении он пошел, — в сторону гор. Он оставил ящик с провизией на месте и пустился по узкой горной тропе со всей доступной ему скоростью.

Тропа извивалась вдоль краев морского залива, но шла высоко над водой, часто сужаясь до ширины стопы, никогда, впрочем, не исчезая полностью. Только Брандовы охотники за гнездами могли бы не задумываясь пройти по ней. Карли, привыкший к равнинам, замер бы от страха. Шеф, тоже житель болот, осторожно пробирался вперед, потея от страха и напряжения, стараясь не смотреть вниз.

И вот впереди появилась поляна. Шеф осторожно вгляделся в сумерки. Поляна? По крайней мере, ровная площадка со скудной растительностью — травкой и мхом на неизменных камнях. Почему же с моря зелень была не видна? Потому что весь этот уголок спрятан, укрыт в складке местности между морем и горами. На другом краю поляны мелькает огонек. Костер? Хижина?

Осторожно приблизившись, Шеф выяснил, что это действительно хижина. С каменными стенами, крышей из дерна, притулившаяся к склону горы, будто выросла здесь. Даже с пятидесяти ярдов Шеф не был уверен, что действительно видит ее, хотя внутри мерцал какой-то неясный огонек.

Размышляя над этим, Шеф вдруг понял, что его левая рука опирается на другую стену, расположенную прямо около него. Он подошел к строению и даже не заметил его. А это была не такая уж маленькая постройка, из солидных каменных плит, с односкатной крышей, простирающаяся на добрых сорок футов от места, где у дальней стены тропа подходила к чему-то вроде двери. Из постройки доносился явственный запах. Запах дыма и слабый аромат еды.

Положив руку на рукоятку ножа и ступая мягко, как подкрадывающийся к утиному гнезду охотник, Шеф проскользнул ко входу. Не дверь, а подвешенный на колышках кожаный полог. Он снял петли с колышков и прошел внутрь.

Первые двадцать ударов сердца он ничего не видел в темноте. Потом глаза привыкли. Тусклый свет проникал сквозь трещины в стене и через отверстие в крыше, под которым

дымил костерок. В дыму висели туши. Это коптильня, понял Шеф. Вдоль дальней стены рядами шли полки с пластованной копченой и вяленой рыбой. У ближней стены стояли кадки с соленьями, с соленой рыбой и мясом. Прямо перед ним со столба свисала туша тюленя, а дальше в глубь помещения уходили ряды других туш. Шеф протянул руку. Столбы были каменные, крюки на них деревянные, не вырезанные, а сделанные из дерева, которое согнули и оставили расти в нужной форме. Здесь не было ничего металлического. Только дерево и камень.

В ряду, вдоль которого пошел заинтересовавшийся Шеф, туши становились все крупнее. Тюлени. Морж, такой большой, что свисал от самой крыши до пола. А дальше медведь. Не бурый медведь южных лесов, распространенный в Норвегии, все еще встречающийся в английских чащобах. Нет, зверь гораздо крупнее, как касатка крупнее дельфина, зверь огромных размеров висел здесь, разделанный и закопченный. Кое-где на нем еще оставался белый мех. Это был огромный белый медведь, вроде того, чья роскошная шкура пошла на лучший плащ Бранда и добыть которого, по словам самого Бранда, стоило три человеческих жизни.

Шеф вошел уже в самый дым, где мерцал огонь, и свет падал через отверстие в крыше. А здесь что за зверя завалил могучий горный охотник? Не тюлень и не морж, не дельфин и не медведь. И тут Шеф понял — слегка покачиваясь в дыму, на крюке, продетом через обрубок шеи, висел человек. Обезглавленный, располовиненный, ободранный, выпотрошенный, как свинья, но без сомнения — человек. Еще двое болтались позади него, мужчина и женщина, подвешенные, как огромные окорока. Груди женщины разметались по ее обнаженным бокам.

Шеф обнаружил, что в углу свалены в кучу какие-то предметы. В основном раскиданная в беспорядке одежда. Тут и там отблески металла, серебряные и эмалевые вещи, а также сталь. Кто бы ни был охотник, убивший этих людей, трофейным добром он не интересовался. Оно было отброшено в сторону, словно рога, копыта и прочее, что нельзя съесть. А нет ли здесь оружия?

Меж двух стоек у стены расположились с полдюжины копий с длинными древками. Шеф взял одно из них, постепенно разобрал, что оно изъедено червями и согнулось, потому что долгие годы пролежало в коптильне. Он перебрал оружие как можно внимательней. Хлам, один хлам. Расколотые древки, искореженные наконечники, везде толстый слой ржавчины. Надо найти хоть что-нибудь. У него был только крошечный нож против существа, способного убивать моржей и полярных медведей.

Вот. Вот оно. На дне кучи Шеф углядел древко, которое выглядело хорошо сохранившимся. Он взял копье, примерился, испытал облегчение при мысли, что не был теперь совсем уж беззащитным.

Почему-то, пока он вертел копье в руках, мысль о применении этого оружия для драки и убийства отпугнула его. Словно бы голос сказал ему: «Нет. Это не годится для такой цели. Это было бы все равно что брать с наковальни раскаленный металл молотом или ковать железо рукояткой шипцов».

Озадаченный Шеф оглядел то, что держал в руках, взгляд его то и дело испуганно устремлялся ко входу. Странное оружие. Такого сейчас никто не делает. Наконечник в форме листа, совсем непохожий на тяжелую треугольную головку копья «Гунгнир», длинная железная накладка под ним прикреплена к ясеневому древку. Следы украшений. Кто-то даже сделал по металлу гравировку и инкрустировал в нее золото. У основания наконечника когда-то были два золотых креста. Теперь золото исчезло, о нем напоминали только слабые пятна, но выгравированные кресты остались. Боевое оружие, судя по стали лезвия, и метательное, судя по весу. Но кто станет отделывать золотом копье, которое собирается метнуть во врага?

Ясно, что кто-то очень ценил это копье. Кто-то, чье тело теперь висело в дыму. Шеф еще раз нерешительно взвесил оружие в руке. Безумием было бы не взять любое оружие, которое могло увеличить его шансы выжить в этом гибельном месте. Так почему же оказалось, что он сунул его назад, аккуратно прислонил к стойке?

Встревожившись вдруг из-за едва уловимого движения воздуха за спиной, Шеф круто обернулся. Кто-то или что-то приближалось. Шеф пригнулся, поглядел вдоль пола ниже рядов туш. Кто-то шел к нему. С облегчением Шеф узнал

подпоясанные веревкой штаны Кутреда. Он вышел в проход, поманил своего товарища, без слов показал на подвешенные тела людей.

Кутред кивнул. Он держал в одной руке обнаженный меч, в другой свой щит.

— Я говорил тебе, — хрипло прошептал он. — Тролли. В горах. Пялились на меня через окна мельницы. Ночью дергали дверь, пытались войти. Они чуют мясо. В таких горных деревушках на дверях крепкие засовы. Правда, не всем они нужны.

— Что нам делать?

— Взяться за них, пока они не взялись за нас. Напротив стоит хижина, ты видел? Пойдем туда. Ты без оружия?

Шеф отрицательно замотал головой.

Кутред прошел мимо него, взял копье, от которого Шеф только что хотел избавиться, протянул ему.

— Вот, — сказал он, — возьми это. Держи, — настойчиво добавил он, увидев заминку Шефа, — теперь оно ничейное.

Шеф протянул руку, помялся, твердо взялся за оружие. В теплой дымной полутьме раздался звук, будто металлический наконечник ударил по камню. И Шеф снова испытал непонятное облегчение. Не облегчение из-за того, что теперь вооружен, скорее облегчение от того, что оружие было ему вручено. Оно перешло от своего владельца к хозяину коптильни, а потом к Кутреду, к человеку, который не был человеком. Теперь Шеф имел право взять его. Может быть, не сохранить его у себя, может быть, не сражаться им. Но держать его в руках — да. По крайней мере сейчас.

Двое вышли на неожиданно приятный свежий воздух.

* * *

Открытое пространство они преодолели как два призрака, аккуратно обходя кустики травы, чтобы избежать малейшего шороха и треска. Сейчас достаточно одной-единственной ошибки, подумал Шеф, и их тоже подвесят в коптильне. Не предупредил ли убежавший маленький мальчик своих сородичей? Своего отца? Взгляд его был скорее благодарным, чем испуганным или враждебным. Шеф не хотел бы, чтобы пришлось убивать его.

Дверь хижины, как и дверь коптильни, представляла собой кожаный полог, по-видимому, из лошадиной шкуры. Следует ли им осторожно приподнять его или же разрубить и ворваться внутрь? Кутред таких сомнений не испытывал. Он безмолвно показал Шефу взяться за верх полога, а сам взял меч и его острым как бритва лезвием по очереди перерезал все петли. Полог свободно повис в руках Шефа. Кутред кивнул.

Как только Шеф отбросил полог, Кутред с занесенным мечом ворвался внутрь. И замер в неподвижности. Шеф вошел следом. В хижине не было никого, но она не была необитаемой. Слева располагалась, по-видимому, главная комната, с грубым столом в центре и стоящими вокруг него табуретами из деревянных обломков кораблекрушений. Размер табуретов был гигантским. Шефу пришлось бы карабкаться, чтобы посидеть на таком. В дальнем углу чернеющий проход вел, казалось, прямо в скалу. Все помещение освещалось фитилем, плавающим в каменной чаше с маслом.

Возможно, все обитатели спали. Наверняка была уже полночь, хотя небо оставалось светлым. Но Шеф заметил, что в середине лета норманны почти утрачивают ощущение времени, спят, когда захочется, и спят очень мало, как будто бы откладывают сон на долгую зиму. С Потаенным Народом дело, наверное, обстоит так же.

Однако справа от них находилась не иначе как спальня, в которую вел еще один узкий проход. Шеф приготовился к возможному смертельному удару и, занеся копье, проскользнул через дверной проем. Да, спальня, две кровати, как полки в скале, для тепла набросаны кожи и меха. Шеф подошел ближе, чтобы убедиться, что меха — это меха животных, а не серая шерсть троллей. Нет, здесь никого нет.

Когда он повернулся, чтобы подать знак Кутреду, от страшного треска душа у него ушла в пятки. Он прыгнул вперед — посмотреть, что случилось. В центре соседней комнаты, позади перевернутого стола, Кутред сошелся в неистовой схватке с троллем.

С троллихой. Она тоже носила что-то вроде юбочки, но груди прикрывала лишь серая шерсть, длинные волосы струились по спине, как лошадиная грива. Она пряталась внутри каменной ниши, выскочив, когда Кутред подошел близко. Одной рукой она ухватилась за шип его круглого щи-

та, а другой держала запястье руки с мечом. Парочка раскачивалась взад и вперед, Кутред старался высвободить оружие, троллиха пыталась отвести его в сторону. Неожиданно ее зубы щелкнули в опасной близости от лица Кутреда.

Шеф так и застыл, на мгновенье изумившись силе женщины. Кутред вкладывал в борьбу все свои силы, с яростным хрипением наседая на троллиху, на руках его надулись неимоверные мышцы. Дважды он отрывал ее от земли, с легкостью поднимая две сотни фунтов, но она каждый раз вырывалась.

Потом, когда она внезапно рванулась вперед, Кутред отлетел назад, и, набрав ход, она ударила его пяткой под лодыжку и подсекла его. Оба рухнули на пол, троллиха сверху, меч и щит Кутреда полетели в сторону. Мгновеньем позже троллиха выхватила из-за пояса каменный нож и потянулась к горлу Кутреда. Он одной рукой перехватил ее запястье, и снова они застыли в отчаянном, но безрезультатном состязании силы.

Копье застревало в узком проходе. Пока Шеф боком пытался выйти из спальни, что-то заслонило тусклый наружный свет. Вернулся хозяин дома, горный охотник. Он беззвучно проник через входную дверь, повернулся к борющимся.

Даже ссутулившись, он задевал головой потолок. А руки его свисали почти до самого пола. Плечи круглые и покатые, не квадратные, как у человека, но при этом достигающие в размахе полной длины меча. Тролль повернулся спиной к Шефу, не заметив его, потому что смотрел только на Кутреда и троллиху.

Шеф поднял копье. У него была возможность нанести один-единственный неожиданный удар, в хребет, или в почки, или под ребра в сторону сердца. Такого не переживет даже гигант. Шеф помнил, что перед ним стоит людоед.

Но когда он замахнулся для удара, его переполнило ощущение неизбывной мрачности этого места. Это чувство посетило его недавно, на горной тропе, ощущение бесцветности, угрюмости и враждебности. Затем в видении Шефу явился мир, умоляющий о спасении и облегчении, и бог с солнцеподобным ликом даровал их; даровал то, что не было даровано ни Хермоту, ни Бальдру. Железный наконечник копья близ его щеки излучал одновременно и жар и какую-то усталость, желание воздержаться от убийства. Мир видел их слишком много. Пора остановиться, что-то изменить.

Ухватившаяся за грудь Кутреда троллиха внезапно головой вперед полетела через комнату, рухнув в ноги тролля и заставив его отшатнуться, чуть не напоровшись при этом на копье Шефа. Кутред отталкивал ее назад так, что вся ее сила была направлена вперед, а потом опустил руки, схватил ее за лодыжки и перекинул через голову. Он извернулся и утвердился на ногах, с мечом в руке, пошел на тролля с усмешкой безжалостной ярости. Тролль издал рев, подобный медвежьему, и отбросил троллиху со своего пути.

Шеф стукнул древком копья по каменному полу и во весь голос крикнул:

— Стойте!

Оба тролля подпрыгнули и повернулись к нему, их глаза разбегались из-за угрозы спереди и сзади. Шеф опять крикнул, на этот раз пробирающемуся вперед Кутреду:

— Стой!

В этот самый момент маленький тролль, которого Шеф встретил на тропе, вбежал через наружную дверь, обхватил большого тролля за колени и разразился длинным потоком слов. Шеф вышел из узкого прохода в спальню, широко развел руки и аккуратно поставил копье в уголок. Он подал знак Кутреду, который помялся, но меч опустил.

А что тролли? Шеф взглянул на них в свете лампы, еще посмотрел, в третий раз взглянул на старшего тролля, который в свою очередь озадаченно на него таращился. С очень знакомым озадаченным выражением. Серый мех, круглая голова, странная скошенная челюсть и массивные зубы. Но что-то знакомое — что-то в бровях, в скулах, в посадке головы на толстой шее. Шеф мягко подошел, взял огромную ладонь тролля, повернул и приложил к своей. Так и есть. Могучие персты, кулак в два раза больше молочного кувшина.

— Ты похож на одного моего знакомого, — проговорил Шеф почти себе под нос.

К его удивлению, тролль широко улыбнулся, обнажив могучие клыки, и ответил на сбивчивом, но понятном норвежском:

— Ты, наверное, говоришь про моего брата Бранда.

* * *

По словам Эхегоргуна — суть того, о чем он говорил, Кутред потом пересказал Шефу за долгие вечера у очага, — Потаенный Народ некогда жил много южнее, в Норвегии и в странах на юг от моря, которое Эхегоргун называл Мелким, от Балтики. Но с течением времени климат изменился, и им пришлось отступать вслед за льдами на север, причем им везде и всегда наступали на пятки Слабаки, Хлипкие Людишки, Носящие Железо — у Эхегоргуна имелось для них много названий. Люди, конечно, не представляли собой угрозы — при одной мысли об этом Эхегоргун рассмеялся, издавая горлом странные хриплые звуки. Но людей было много. Они размножались со скоростью тюленей, сказал он, так же быстро, как нерестящийся лосось. И в толпе они становились опасны, тем более что использовали металл. По-видимому, обычаи Потаенного Народа восходили к дням, когда металла еще не знали, когда все Прямоходящие — люди и Спрятанные — использовали только камень. Но однажды у людей появились металлы: сначала бронза — Эхегоргун называл ее красным железом, — а потом и настоящее железо, седое железо, и былое равенство между видами — если это были виды одного семейства — нарушилось. Эхегоргун бы с ним не согласился, но Шеф начал подумывать, что быстрое размножение, которое Эхегоргун так презирал и считал не вполне достойным разумных существ, было как-то связано с металлами. Выковке железа из руды нельзя было научиться просто так, это был результат знания, основанного на пробах и ошибках, к которым подтолкнул первоначальный счастливый случай. Недолго живущие существа, которым практически нечего терять, зато имеющие сильное желание хоть как-то выделиться среди многочисленных соперников, были более склонны тратить свое время на опыты, чем долго живущие, долго взрослеющие, медленно размножающиеся люди Истинного Народа, так они сами себя называли.

Так оно было или нет, в течение столетий Истинный Народ превратился в Потаенный Народ, живущий в недоступных горах, искусно прячущийся. Это не так уж трудно, сказал Эхегоргун. Истинного Народа кругом было гораздо больше, чем думало большинство людей. Они не пересекались в пространстве, да и во времени. Норвежцы в Галогаланде,

сказал Эхегоргун, дело особое, они жили в основном на побережье. Они часто плавали по морским дорогам, по Северному Пути, от которого страна и получила свое имя, они строили свои дома у фьордов, летом пасли скот на всех островках зелени, которые им попадались. Редко их можно было встретить дальше чем в нескольких милях от берега. Особенно потому, что забредшие в глубь страны путешественники и охотники чаще всего не возвращались.

От финнов беспокойства было больше, они повсюду кочевали со своими стадами оленей, со своими санями, луками и силками. Однако перемещались они в основном летом и в дневное время. Зимой они оставались в своих шатрах и домах, совершая лишь редкие вылазки по привычным тропам, на которых с ними легко было разминуться. Снега и льды, темнота и высокие горы принадлежат им, говорил Эхегоргун. Они люди Мрака.

А как насчет человека, который висит у них в коптильне, спросил Шеф вечером первого дня знакомства. Эхегоргун отнесся к вопросу серьезно. Все дело в тюленьих шхерах, сказал он. Хлипким следует держаться подальше от них, хотя бы от тех, которые тролли считают своими. Шеф постепенно понял, что Эхегоргун, как и остальные люди его народа, был почти таким же хорошим пловцом, как и белые медведи, которых нередко находят спокойно куда-то плывущими вдали от какого бы то ни было берега. Шерсть предохраняла его от холода и была водонепроницаема, как шкура тюленя. Любой из взрослых троллей мог спокойно проплыть пару миль в ледяной воде до ближайшего острова, чтобы оглушить дубинкой тюленя или загарпунить моржа. Их рацион состоял из морских млекопитающих. Они не любили, чтобы сюда приходили Хлипкие, поэтому отпугивали их, внезапно нападая из засад. Истории о серой руке, переворачивающей лодки, были правдивы. Что касается обычая закоптить и съесть жертву — Эхегоргун пожал плечами. Он не видел ничего страшного в том, чтобы съесть своих возможных убийц. Хлипкие могут не есть Потаенный Народ, но они тоже убивают его, по каким-то своим причинам, а то и без причин, но не потому, что Спрятанные отнимают у них пищу. Так кто же хуже?

Во всяком случае, можно было обойтись без распрей и смертоубийства, если и те и другие держались по свою сторо-

ну от известной линии. Неприятности, конечно, могут возникать во время голода. Если зерно не уродится — Эхегоргун считал, что так и должно происходить каждые три года из десяти, — тогда Хлипкие начинают с отчаяния ходить на охоту в шхерах. Не ешьте зерно, вот ответ для них, не размножайтесь так быстро, чтобы приходилось полагаться на случайную пищу. Но настоящие северяне, настоящие северяне среди людей, подчеркнул Эхегоргун, не допускают, чтобы дело заходило так далеко. Они знают свое место и знают место троллей. Люди, которых он убил, все были пришельцами, они нарушили установленные за века границы.

— Как человек, который оставил это? — спросил Шеф, показывая взятое в коптильне копье.

Эхегоргун взял копье, ощупал, задумчиво понюхал металл своими огромными расширяющимися ноздрями.

— Да, — сказал он. — Я его помню. Ярл трондцев, что живут в Тронхейме. Глупый народ. Все стараются перехватить финскую дань и торговлю с финнами, отобрать их у Бранда и его родичей. Он пришел сюда на корабле. Я плыл за ними, пока они не высадились на остров, он и двое других пошли разорять птичьи гнезда. После того как он исчез — он и еще несколько человек, — остальные испугались и отчалили восвояси.

— Откуда ты знаешь, что он был ярлом? — спросил Шеф.

— Потаенный Народ много чего знает. Им есть что порассказать. Они намного больше видят, в темноте, в тиши.

Эхегоргун об этом не упоминал, но Шеф был уверен, что тролли и родичи Бранда как-то общаются друг с другом — может быть, оставляют условные знаки на шхерах, камень, положенный определенным образом, когда сказать нечего, а потом перевернутый, чтобы передать весть. Потаенный Народ может быть полезен для галогаландцев, для избавления от непрошеных гостей с юга. А Бранд и его родичи в ответ идут на какие-то определенные уступки.

Кстати, тут были и семейные чувства. Эхегоргун смущенно улыбнулся, когда Шеф намекнул на это. Много лет назад, рассказал он, отец Брандова отца Барна, человек по имени Бьярни, после кораблекрушения оказался в шхерах. У него была с собой еда, хорошая еда, молоко и сыворотка, он оставил ее как приманку для Потаенного Народа. Одна девушка

увидела еду и клюнула на приманку. Он не поймал ее, нет, как могут Хлипкие поймать даже слабую девушку Истинного Народа? Но он ей показал, что у него для нее есть, и ей это понравилось. Все Хлипкие одним местом сильны, сказал Эхегоргун, и глаза его скользнули на Кутреда, сидевшего рядом с троллихой, с которой он недавно боролся.

Эхегоргун продолжил рассказ о девушке, его собственной тете, которая растила младенца по имени Барн, пока не сделалось очевидным, что у него будет гладкая кожа или слишком мало шерсти, чтобы жить среди Истинного Народа. Тогда она подбросила его к двери его отца. Но Бьярни, а потом Барн и Бранд в случае надобности вспоминали о своих родственниках.

Шеф мало услышал из того, что говорилось дальше, потому что он начал беспокоиться за Кутреда. Может быть, Хлипкие и были сильны одним местом, да ведь у Кутреда-то этого места не было. На севере он вел себя вполне прилично, но в одном Шеф был уверен: любое напоминание о его уродстве, любая демонстрация со стороны мужчины или провокация со стороны женщины, и Кутред снова превратится в берсерка. Однако дело приняло странный оборот. Кутред сидел и разговаривал с Мистарай, дочерью Эхегоргуна и сестрой маленького Экветаргуна, как будто это была Марта или одна из самых невзрачных женщин-рабынь. Причина, возможно, заключалась в том, что он поборол ее. А возможно, в том, что она была женщиной, но настолько своеобразной, что не могло быть и речи о приязни между ними. Как бы то ни было, в этот момент Кутред не представлял опасности.

Шеф снова прислушался к истории Эхегоргуна. К этому времени все пятеро присутствующих — мужчины и женщины? разумные? люди и нелюди? — вышли из хижины и сидели в лучах восходящего солнца на ровной площадке между хижиной и коптильней. Отсюда они могли видеть тихое серо-металлическое море, с разбросанными на нем островами, но сами были укрыты от посторонних глаз. У Потаенного Народа было острое чувство «мертвой земли», отметил Шеф. Они всегда укрывались от прямого взора, чем бы при этом ни занимались.

— Значит, вы много смотрите и многое слышите? — спросил Шеф. — Что вы знаете обо мне? О нас?

— О нем, — Эхегоргун кивнул своим скошенным подбородком на Кутреда, — многое. Он был трэлем в горном селении на юг отсюда. Кое-кто из наших пытался добраться до него. Может быть, они бы его съели, может быть, нет. Вы, люди, жестоки к себе подобным. Я знаю, что с ним сделали. Для нас это значит не так много. Нам есть чем заняться кроме спаривания. — О тебе... — Шеф ощутил на себе глубокий взгляд карих глаз. — О тебе нет известий. Но за тобой гонятся какие-то люди.

Шеф рассмеялся.

— Для меня это не новость.

— Тебя преследуют и другие существа. Кит-убийца, что напал на вас — а я знаю, что иногда они это делают ради развлечения или потому, что их что-то разозлило. Так вот, я видел, как это стадо проходило туда и обратно, и они не из этих мест. Они пришли с юга, как и ты. Может быть, вслед за тобой. Ладно, если ты уже знаешь, что за тобой гоняются, остальное можно и не рассказывать.

Эхегоргун развел своими огромными руками, свыше девяти футов между кончиками пальцев, с видом полной непричастности.

— А что именно остальное? Эти люди сейчас поблизости?

— Какой-то корабль спрятан в Витазгьяфи-фьорде, это полдня пути на юг от хутора Бранда на Храфнси. Я бы предупредил Бранда, но он ушел за гриндами — гринды, видишь ли, по его части. Он только старается не загонять их на берег прямо здесь или где-то поблизости. Но в любом случае, его нет, а корабль затаился на юге. Большой корабль. У него две... две палки. Такие штуки, куда вы вешаете ткань. Большая светловолосая женщина распоряжается мужчинами, — Эхегоргун засмеялся. — Чтобы она успокоилась, ей бы нужно провести со мной зиму.

Шеф яростно соображал. Женщина — Рагнхильда, корабль — тот самый, который пытался потопить их в Гулафьорде.

— Как по-твоему, что они собираются делать?

Эхегоргун взглянул на солнце.

— Если они не напали во время вчерашнего заката, то нападут во время сегодняшнего. Оба корабля Бранда не будут готовы к борьбе. Он привел их к месту забоя гринд и загрузил ворванью и мясом. Нападающие смогут захватить всех усталыми и спящими. Разделка гринд отнимает много сил.

— Ты не предупредишь их?

Эхегоргун выглядел удивленным, насколько это могло отразить его плоское мохнатое лицо.

— Я бы предупредил Бранда. Что касается остальных — чем больше Хлипких перебьют друг друга, тем лучше. Я помню, что ты пощадил меня, когда мог ударить своим копьем, поэтому теперь я помогу тебе, потому что Истинные Люди платят свои долги, даже если их об этом не просят. Вдобавок ты накормил моего мальчика, моего Экветаргуна. Хотя мудрее для меня было бы открутить тебе голову от шеи и повесить тебя рядом с остальными.

Шеф игнорировал угрозу.

— Я могу сообщить тебе одну вещь, о которой ты не знаешь, — сказал он. — Я человек, у которого есть власть. В своей стране я король. Кое-кто говорит, что и здесь я что-то вроде короля. И я говорю от имени многих людей. Вот знак моей власти, — он предъявил амулет Рига, *kraki*, на своей шее, и показал на тот, что сделал для Кутреда. — Может статься, я смогу что-то сделать для тебя. Для тебя и для твоего народа. Заставлю людей прекратить охоту на вас. Позволю вам жить не в таком диком скалистом месте. Но и ты должен кое-что сделать для меня. Помоги мне справиться с этими людьми с юга, с этой женщиной, с кораблем.

— Что ж, я могу это сделать, — раздумчиво сказал Эхегоргун. Он принял странную скрюченную позу, обхватив голые ноги своими огромными руками.

— И как? Ты предупредишь Бранда? Будешь ты... сражаться на нашей стороне? Из тебя выйдет грозный воин, если дать тебе железное оружие.

Эхегоргун покачал своей массивной головой:

— Ничего этого я делать не буду. Но я могу для тебя поговорить с китами. Они уже устали. Если они поверят, что я убил тебя, они будут не прочь меня послушать. А киты эти, конечно, пришлые. Если бы они были наши, я бы не стал их обманывать.

Глава 23

Бруно, гауптриттер в Ордене Копья, стоял перед сдвоенной шеренгой своих закованных в броню рыцарей, застывших со склоненными копьями по стойке смирно, каковой строй он в последнее время ввел в обычай. Все глазели на церемонию, разворачивающуюся на расстоянии в сотню ярдов от них. Подойдя ближе, они бы смогли рассмотреть ее получше, но никогда нельзя сказать, как туземцы воспримут вмешательство в свои священные ритуалы. Бруно ничего не имел против того, чтобы вмешаться, просто время еще не пришло.

Рев вырвался из тысяч глоток собравшихся в центре судебного круга народа готов, рев из глоток и клацанье оружия о щиты.

— Что это значит? — раздался негромкий вопрос из заднего ряда. — Они приняли решение?

— Разговоры в строю, — откликнулся Бруно, хотя без особого негодования. В Ордене Копья свято верили в предполагаемое равенство всех его членов, несовместимое с той суровой дисциплиной, которую приходится наводить в крестьянской армии. — Да, видите, теперь у них есть король. *Habeant regem*, — добавил он, перефразируя формулу при избрании Папы Римского.

Над толпой поднималась опасно раскачивающаяся фигура. Человек, которого подняли на щитах его рьяные сторонники. Утвердившись на ногах, он огляделся, обнажил меч, выкрикнул свое имя и традиционную формулу претендента:

— Я король готов. Кто против?

Минутное молчание, затем снова клацанье оружия. Неделей раньше против были бы с десяток воевод. Но вооруженная борьба лишила бы народ готов большей части его правителей, как богатых, так и богорожденных. Поэтому несколько дней перед сходом, который назывался *Gautalagathing*, то есть тинг тех, кто живет по закону готов, все так и гудело от слухов, сплетен, обещаний поддержки, взяток и уступок. Ныне все это было улажено. До следующей смены власти.

Толпа подалась туда, откуда пахло жареными быками и пивом в гигантских чанах, угощением, которое новый король выставил как часть платы за свое избрание. Немецкие

риттеры следили за готландцами насмешливо, хотя и с некоторой завистью. Бруно решил еще немножко подержать их в строю, удостовериться, что никто не присоединится к гулянке, не затеет драку.

К ним приближалась еще одна фигура, тощий чернорясый англичанин, Эркенберт. Когда он подошел ближе, Бруно разглядел на его бледном лице легкий румянец возбуждения и ощутил, как его сердце толкнулось от предчувствия. Эркенберт держал в руке один из своих вечных списков.

— Думаешь, ты нашел его? — спросил Бруно, как только дьякон оказался в пределах слышимости.

— Да. Там, в палатке, я встретился с одним стариком. Слишком старый для схода, но не настолько старый, чтобы все позабыть. Он участвовал в набеге на Гамбург. Больше того, он был среди людей, которые разграбили собор. Он хорошо помнит, кто там был, — кстати, потому, что до сих пор считает себя обманутым при дележе. Он продиктовал мне полный список бывших там воевод и добавил, что у семерых из них было больше чем по дюжине корабельных команд. А теперь самое главное. О шестерых из этих воевод мы уже получили сведения и знаем, что они не подходят.

— Значит, это должен быть седьмой?

— Видимо, так. Его зовут Болли. Он ярл у трондцев.

— А кто, к дьяволу, такие эти трондцы?

— Они живут далеко на севере, — ответил Эркенберт. — Далеко по Северному Пути, пытаются подмять под себя торговлю пушниной.

— Пусть и далеко на севере, — пробурчал Бруно, — но если бы там появился новый король, будущий император, мы бы об этом узнали. Я начинаю опасаться, верен ли наш способ. Или благочестивый Римберт допустил какую-то ошибку? Может быть, Святого Копья вообще не существует?

— Или оно незамеченным лежит в какой-то сокровищнице.

На лице Бруно появилось совсем непривычное Эркенберту выражение усталости и слабости.

— Не могу отделаться от одной мысли, — признался он. — Ты говорил, что Копье в Норвегии. А потом мы услышали, что борьба за власть над Севером разгорелась в том месте, которое мы покинули весной, в датском Гедебю, все

только об этом и говорят. И вот мы, объезжая все провинциальные сходы Швеции...

— Готланда, — поправил Эркенберт.

— Один черт. Я выбрал неверное направление.

Эркенберт дружески похлопал огорченного рыцаря по гигантскому плечу.

— Кого Бог любит, того он испытывает, — сказал он. — Вспомни о царе Давиде в пустыне. Подумай о Самсоне, как он молол зерно в доме узников и как в конце концов обрушил дом на филистимлян. Бог в любой момент может явить чудо. Разве не спас он Иосифа от гнева Потифара и пророка Даниила во рву со львами. Скажу тебе святые слова, которые ты должен помнить: *Qui perseravabit usque ad finem, ille salvabitur.* Претерпевший же до конца спасется. До конца, понимаешь. А не почти до конца.

Лицо Бруно постепенно прояснилось. Он ласково взял Эркенберта за руку.

— Благодарю тебя, — сказал он, — благодарю тебя. Мудрые слова. Мы должны больше разузнать об этих трондцах. А тем временем я буду надеяться, что Бог предначертал мне особую миссию, посылая меня в эти места.

* * *

Хрорик, король Гедебю, терзал себя за бороду, слушая отчет своих разведчиков.

— Точно это Рагнарссоны? — переспросил он.

— Точно. Мы подобрались достаточно близко, чтобы разглядеть знамя Ворона.

— Которое поднимают, только когда все три ублюдка соберутся вместе. Ладно, по крайней мере, сейчас одним ублюдком стало меньше. А это был худший ублюдок из всех. Сто двадцать кораблей, ты говоришь, высадились на материке напротив Зильта? — Хрорик задумчиво посчитал. — Да, Рагнарссоны — это всегда дурные новости, но эта новость еще хуже. Что ж, путь им преградят сначала болота, а потом наши добрые деревянные стены. Я все знаю о их таранах и фокусах, которым они научились от своего отца. Думаю, мы сможем изгнать их.

Один из разведчиков откашлялся.

— Боюсь, государь, что новости еще хуже. Катапульты.

Мы видели, как их выгружали на берег. Тяжелые штуки, каждая с тонну весом. Их было три или четыре.

На лицо Хрорика вернулось озабоченное выражение.

— Катапульты! Какого сорта? Это камнекидалки, о которых мы слышали, или дротикометы, или какие они?

— Мы не знаем. Никогда не видели, как они действуют. Мы просто слышали рассказы, как и все. Рассказы людей, которых разбили с помощью этих катапульт.

— Тор нам помоги! Сейчас нам необходимы люди, которые разбираются в таких вещах.

Вмешался молчаливо присутствовавший на этом собрании портовый ярл Хрорика.

— С этим я могу помочь тебе, государь. Вчера я получил сведения от одного шкипера. Он ходил в Гула-Тинг. Он рассказал, что там много чего произошло — об этом я расскажу позже. Но под конец он сообщил, что на один из наших кораблей завербовали двух англичан и сейчас везут их на юг. Англичане, — подчеркнул он. — Это настоящие знатоки. Эти двое парней были при том, как получил свое Ивар, а потом и франкский король. Судно должно прийти через пару дней.

— Ладно. Пока Сигурд Змеинозадый ползет через болота, эти двое построят нам машины для войны против машин. Это хорошо. Но мы еще сделаем вещи, которые сами так и напрашиваются. Коль скоро Рагнарссоны на западном берегу, восточный берег чист. Так отправим суда к королю Арнодду и к королю Гамли, попросим их прислать нам каждый корабль и каждого человека, каких только смогут. Избавимся от Рагнарссонов, и мы все будем спать спокойней.

— Избавимся от Рагнарссонов, — повторил портовый ярл, — и, может быть, настанет время оставить в Дании только одного короля.

— Только больше никому об этом не говори, — согласился Хрорик.

* * *

За много дней пути к северу, вдали от надвигающейся военной бури, которая должна была решить судьбы многих королевств, Шеф и Кутред неподвижно притаились в тени скалы. Дважды пытались они спрятаться в укрытиях, которые

полагали подходящими. И оба раза Эхегоргун извлекал их наружу, ругаясь на своем странном наречии.

— Вы, слабаки, — сказал он наконец, — вы же не знаете, как прятаться. И как смотреть. Я могу пройти через один из ваших городов при ярком дневном свете, и никто меня даже не заметит.

Шеф ему не поверил, но вынужден был признать уму непостижимое искусство Потаенного Народа исчезать, днем ли, ночью или в бледных сумерках, снова пришедших на смену долгому дню, который для Шефа с Кутредом был заполнен сном и ожиданием.

Прямо перед ними Эхегоргун по колено в воде стоял у края бухточки. Он провел их вниз по едва обозначенным тропкам, люди скользили и цеплялись за скалы, а Эхегоргун и Мистарай их поддерживали, иногда помогали спуститься вниз. Когда Эхегоргун наконец был удовлетворен их убежищем, он приказал им сидеть неподвижно и смотреть. Смотреть, что умеют делать Истинные Люди. Они увидят такое, что многим Безволосым за всю жизнь не узнать. Как Истинные Люди скликают своих родственников, китов.

Сейчас Эхегоргун стоял лицом к открытому морю. Высоко наверху Мистарай следила, не появится ли какая-нибудь лодка, перевозящая людей или мясо от места забоя гринд к подвергающемуся опасности дому Бранда на Храфнси.

В одной руке Эхегоргун держал длинную лопатку со своеобразно изогнутым краем, старательно вырезанную каменными инструментами из ствола горной осины. По внутренней стороне лопасти шли загадочные круги. Эхегоргун высоко поднял ее над головой, что неожиданно подчеркнуло, как непомерно длинны его руки. Затем он со всей силы обрушил лопасть на безмятежную воду. Всплеск разнесся, кажется, от края до края моря, а волны от него побежали в Атлантику. Эхегоргун снова шлепнул лопаткой. И еще раз. Двое людей притаились, поражаясь, насколько же далеко звук разносится над водой. И в глубине ее.

Через дюжину ударов Эхегоргун повернулся и аккуратно положил лопатку на уступ крутого берега. Теперь он взял другое приспособление, длинную сужающуюся трубу, сделанную из слоев срезанной спиралью и склеенной бересты, и осторожно залез в воду глубже, по пояс, утвердившись на невидимом подводном камне. Тонкий конец трубы он приложил ко рту, а раструб глубоко опустил в воду.

С места, где они притаились, даже в сумеречном освещении Шеф различал исполинскую спину Эхегоргуна, раздувшуюся, когда он сделал глубокий вдох, вдох, подобный потоку воздуха в кузнечных мехах. И дунул.

Люди на берегу не услышали ни звука, но через несколько мгновений воздух словно завибрировал, задрожал беззвучно. Не колебалась ли в такт поверхность моря? Шеф не мог этого определить, хотя вовсю таращил свой единственный глаз. Не было сомнений, что под водой происходят какие-то мощные изменения.

Все повторилось. Эхегоргун ухитрялся вдыхать воздух и каким-то образом одновременно дуть. Шеф не мог быть уверен, но чувствовал, что звуки, которые извлекает из трубы Эхегоргун, то и дело изменяются, следуя некоей неизвестной мелодии. Он оставался неподвижным, ощущая, как в него прокрадывается холод высоких широт, как затекают мышцы, как острый холодный камень давит через одежду. Пошевелиться он не осмеливался. Эхегоргун предупредил, что при любой помехе он все прекратит. «Упади хоть один камешек, — строжился он. — Если только киты подумают, что я играю с ними, даже чужие киты... Ведь я больше никогда не смогу плавать спокойно».

Позади него Кутред тоже застыл как скала. Но вот, еле различимо даже с двух футов, глаза его двинулись, подбородок чуточку приподнялся, указывая на что-то. Между берегом и шхерами появился плавник. Торчащий под прямым углом плавник кита-убийцы, касатки. Он приближался к ним, не быстро, с осторожностью. Время от времени голова тоже поднималась, и белел на фоне серых островов фонтан из дыхала. Касатка осматривалась. Позади, далеко позади, держалось остальное стадо.

Постепенно плавник стал приближаться. Он приближался, и дыхание Эхегоргуна вроде бы ослабло, как будто он прекратил свой подводный трубный зов. Теперь он дул рывками и в более разнообразном ритме. Наконец плавник оказался совсем близко, кит проплыл вдоль берега, повернулся, прошел назад. Поворачивая, он не спускал глаз со странного серого существа, стоящего по пояс в воде. Шеф ощутил, как

кожа съеживается при мысли о том, что может случиться. Движение пасти или взмах хвоста, и Эхегоргун будет сбит с ног, сброшен со скалы. Даже могучий тролль для китов-убийц не страшнее тюленя. В море никто не защищен от них, ни морж с его бивнями, ни белый медведь, ни даже большие киты, которых касатки заживо разрывают на куски.

Эхегоргун аккуратно положил трубу на камень позади себя. Затем он медленно окунулся, погрузил плечи и голову в воду и поплыл. Кит ждал, освободив для него место. Людям на берегу было видно немногое, только то, что происходило над водой. Все же через некоторое время им стало казаться, что Эхегоргун разыгрывает что-то вроде пантомимы. Он изображал то ныряющих китов, то плывущего человека. Один раз Шефу показалось, что тролль ударил пятками по воде и стремительно перевернулся — опрокинутая лодка? Движения кита стали повторять движения тролля, они плавали взад и вперед вместе, развивая скорость, фантастическую для человека, но для китов — прогулочную.

А потом плавник ушел вдаль, огромный хвост дважды шлепнул по воде, словно на прощание. Другие киты, кружившие вдали от берега, тоже ударили хвостами, в унисон. Все одновременно, киты на высокой скорости двинулись прочь, выскакивая из воды в сложных балетных прыжках, словно ликуя. Они направились на юг, к Храфнси.

Пока они не исчезли из виду, Эхегоргун оставался в воде, лениво плавая кругами, над водой виднелись лишь его голова и руки, да легкий бурунчик в том месте, где были пятки. Со стороны — тюлень, да и только. Наконец он повернул к берегу, вылез и встряхнулся по-собачьи.

— Ладно, — сказал он на норманнском языке, — теперь выходите, Хлипкие. Я сказал им, что тот, кто ранил их вожака, убит. Они спросили — а тот, кого они преследовали? Тоже мертв, сказал я. Они были недовольны. Нетрудно оказалось убедить их, что еще много убийц китов есть на корабле. На большом корабле, идущем сейчас в Храфнси. Они сказали, что не прочь с ним поразвлечься.

— Идущий сейчас в Храфнси? — переспросил Шеф. — А как бы нам попасть туда?

— Есть дорога, — ответил Эхегоргун. — Никто из Хлипких о ней не знает, но вам я покажу. Хотя я еще должен сказать одну вещь. Киты не слишком хорошо отличают Хлипких друг от друга. И это их не очень-то волнует. Сегодня ночью рискуют все, кто окажется на море.

— Покажи нам, куда идти, — сказал Шеф. — Я обещаю заплатить тебе за все. Даже если мне придется для этого стать здесь королем.

* * *

Люди на двухмачтовом судне, двигающемся под легким парусом в сторону Храфнси, совершили долгий переход вдоль побережья Норвегии, за время которого привыкли к своему необычному оружию и парусному оснащению. По большей части это были жители Агдира, родной страны королевы Рагнхильды. В неразберихе, последовавшей за скоропостижной смертью Хальвдана и приходом к власти Олафа, один из шкиперов короля Хальвдана решил, что ему по пути с королевой Рагнхильдой, и предоставил в ее распоряжение свой корабль. Большая часть его команды его не поддержала и сбежала, а их место заняли люди Рагнхильды. Вместе с ними отправился Вальгрим Мудрый, потерпевший поражение в своем замысле управлять святилищем Пути, рвущийся отомстить человеку, который ему помешал. И не просто отомстить — но и вернуть своих заблудших собратьев на истинный путь служения Одину, путь, который в Судный День превратит поражение в победу. Он и его сторонники построили катапульты и обучили их расчеты. Все они горели желанием взять реванш за свое поражение в Гула-фьорде.

Но главной движущей силой для всех них, для команды, шкипера и Вальгрима, оставалась ненависть королевы Рагнхильды к человеку, который убил ее сына или стал причиной его смерти. К человеку, укравшему удачу, которой она посвятила свою жизнь. Рагнхильда глазом не моргнула, когда ее свекровь, королева Аза, отправилась на виселицу, без содроганий подсыпала яд своему мужу, королю Хальвдану. Может быть, однажды из ее лона выйдет основатель новой династии королей. Но сначала — этот английский смерд, которого она завлекла, спрятала, хотела использовать для расчистки дороги своему сыну, — он должен попасть в ад и служить ей и ее сыну всю вечность.

Когда огромный военный корабль приблизился к своей

цели, к Храфнси, ему пришлось отойти от береговой линии и забраться в море, где его скрывали накатывающиеся валы Атлантики, а потом вернуться к берегу — уже за несколько миль от места, где пираты рассчитывали встретить свою добычу. Здесь они остановились в пустынном заливе, одном из тысяч на этом изрезанном побережье, и их никто не видел. По крайней мере, не видел ни один человек.

Однако они не страдали от неизвестности. После того как забой гринд окончился, для жителей Галогаланда началась настоящая работа. Необходимо было срочно разделать туши и засолить как можно больше мяса. Еще важнее было установить на берегу котлы, вырезать жировую прослойку и начать долгий труд перетапливания ворвани, которая нескончаемыми зимними ночами была просто неоценима для освещения, обогрева и даже для еды. Поддерживать под котлами огонь было нетрудно. Как только начинала вытапливаться ворвань, на оставшихся вытопках нагревали следующую порцию. Однако каждая новая бочка была лишь каплей в том дожде изобилия, который обрушился на галогаландский берег с приходом гринд. Лодки сновали во всех направлениях, бочки загружались, буксировались вплавь, пересылались просьбы о необходимости срочной подмоги. Два человека на ялике проходили мимо фьорда, где стоял корабль Рагнхильды, и были немедленно захвачены в плен спущенной с него шлюпкой.

Норманны, за редкими исключениями вроде Ивара Бескостного и его отца Рагнара, своих все-таки не пытали, что бы они там ни вытворяли с трэлями. Рагнхильда подняла пленников на борт и доходчиво объяснила, что у них есть две возможности: либо они сразу летят обезглавленными за борт, либо расскажут ей, что происходит в Храфнси. Рыбаки предпочли заговорить. Рагнхильда узнала очертания гавани, выяснила, где расположены катапульты и оба корабля. От нее не укрылось, что половина людей все еще занята на берегу вытопкой ворвани, а остальные вконец измучены нескончаемыми погрузками и разгрузками бочек, рейсами между местом забоя и гаванью. Не узнала она, что Шеф и Кутред отсутствуют. Ее пленники просто этого не заметили, занятые другими заботами.

Зато они заметили и рассказали ей, что Бранд, к несча-

стью, снял английских катапультеров с их постов и вместе со шведами Гудмунда послал работать на пристани, поскольку они были явно бесполезны на разделке туш. Вполуха выслушав протесты Квикки и Озмода, их требования предпринять хоть что-нибудь для поиска их хозяина, Шефа, Бранд послал караульного ко входу в гавань с указанием дуть в рог, если увидит, что приближается чужой корабль. Часовой уселся на мягкий дерн, привалился спиной к камню и незамедлительно уснул.

Корабль Рагнхильды, «Журавль», за несколько мгновений до того как заря осветила тусклое небо, вошел в гавань Храфнси, не встречая сопротивления, и его усиленная команда в сто двадцать человек приготовилась к атаке. Они радостно подталкивали друг друга, завидев силуэты катапульт, незаряженных и покинутых.

Бранд, распоряжавшийся на пристани разгрузкой очередной партии бочек со своего «Моржа», ничего не видел, пока первое ядро не понеслось над волнами.

Прицел был взят мастерски. Команда «Журавля» успела попрактиковаться в стрельбе и не испытывала недостатка в добрых круглых камнях. С расстояния между входом в гавань и пристанью, не достигавшего и трехсот шагов, ядро ударило прямо в нос «Моржа». Форштевень отскочил назад, прикрепленные к нему доски обшивки рассыпались. Если бы корабль шел под парусом, он бы камнем нырнул под воду. А так он просто развалился на части и мягко осел на скалистый грунт в десяти футах под килем, причем мачта осталась торчать над водой.

Бранд таращился на нее, не в силах осознать, что случилось. Второе ядро проломило пристань в двух шагах от него, сбросив в воду с полдюжины грузчиков. И в этот самый момент на темной палубе «Журавля» вспыхнул огонек. Прислуга метательной машины жаждала испробовать свои огненные стрелы еще разок. Едва они прицелились, к ним подошла Рагнхильда.

— Туда, — рявкнула она, — туда! Цельтесь в ту большую бочку. На этот раз вы наверняка попадете.

Катапульту немножко довернули, опять прицелились, выдернули спусковую скобу. Пылающий дротик понесся над водой, огненной линией прочертив свой путь, воткнулся в

бочку с ворванью, только что выгруженную с затонувшего «Моржа». В небо моментально взметнулись языки пламени, вспыхнувшего чистым ослепительным светом. Люди на берегу обрисовались темными тенями, в суматохе беготни и крика — одни тушили пожар, другие хватались за оружие, английские катапультеры побежали вокруг всей гавани к своим покинутым машинам.

Наблюдая это, шкипер Рагнхильды удовлетворенно ухмыльнулся. Это был Кормак, сын ирландской рабыни, набравшийся большого опыта в бесконечных ирландских войнах. Он умел определять момент, когда его враги теряли инициативу.

— Ближе к пристани, — скомандовал он. — На камнеметалке, потопите второй большой корабль, шведский. На дротикометах, поджечь еще несколько бочек, а потом дома. Боцман, возьми двадцать человек, убери парус и, когда мы высадимся на берег, на веслах отведешь корабль на сотню ярдов назад. Не хочу, чтобы кто-нибудь попытался захватить «Журавль», пока мы будем заняты. Остальным, мы высадимся на пристань и пойдем прямо на деревню.

— И помните, — прикрикнула Рагнхильда, — одноглазый. Шесть золотых браслетов за одноглазого.

Позади нее Вальгрим сжимал копье «Гунгнир», которое досталось ему от Стейна, а Стейну попалось на берегу, где его бросил Шеф. Подходящее оружие, подумал Вальгрим. Пустить кровь нечестивцу.

* * *

Далеко вдали, так что едва можно было различить, Шеф увидел пламя, внезапно взметнувшееся в небо. Он стоял на материковом берегу едва ли в четверти мили от края острова Храфнси. Вот только лодки у него не было. Он бы не поверил, что им удастся так быстро подойти чуть ли не к самому Храфнси. Но Эхегоргун, Мистарай и Экветаргун провели их по тропам, которые не смогли бы найти даже козы, а потом по удивительно легкому спуску вдоль гребня на берег рядом с тем местом, где они высадились. Хотя два дня назад им пришлось грести несколько часов, сейчас оказалось достаточно пройти лишь пять миль, срезая путь в основании полуострова.

— Как же мы переберемся? — спросил Шеф.

— Вплавь? — предложил Эхегоргун.

Шеф колебался. Четверть мили — не так уж много. Но он знал, что эти воды всегда ледяные. И опять же, он не мог забыть о такой угрозе, как киты.

Кутред подтолкнул его и показал вдаль. Освещенные теперь красными зарницами в небе, виднелись черные точки вельботов, бешено мчащихся от берега с гриндами. Они везли груз или возвращались за водой.

— Там Хлипкие, — сказал Эхегоргун, — мы уходим. Не говори о нас никому, кроме моего брата Бранда. А то однажды выйдешь в море в лодке, и больше никогда болтать не сможешь.

— Погоди, — громко крикнул Шеф, — можешь сказать, где сейчас киты?

Эхегоргун кивнул.

— Слышу их в воде. Так и знал. Они у входа в гавань, следят за странным кораблем. Недовольны. Они предпочитают переворачивать маленькие лодки, а не таранить большое судно. Не плавай на лодках.

— Можешь предупредить нас, если они войдут в гавань? Если на несколько минут станет безопасно переправляться на остров?

Эхегоргун с сомнением пофыркал.

— Когда услышишь крик моржа, переправляйся. Только быстро, — и мгновеньем позже он исчез, его огромное тело растворилось прямо в скале.

— Крик моржа? — переспросил Кутред. — С тем же успехом это может быть отрыжка ангелов...

Шеф его не слушал. Он забрался на самую высокую точку поблизости, помахал над головой своим копьем. Минутой позже его заметили с головного вельбота, посомневались, но подошли к берегу.

— Остановите другие вельботы, — приказал Шеф. — Нет, нет, делайте, что я скажу. Я знаю, что на нас напали. Мы должны прийти все вместе, а не по одному.

Постепенно лодки собрались, девять или десять штук, сорок-пятьдесят человек на них, свирепых и опытных викингов, но без доспехов и оружия, не считая оставшихся у некоторых гарпунов, разделочных топоров и ножей.

— Вы очень внимательно выслушаете то, что я скажу, — объявил Шеф. — Во-первых, у входа в гавань находится ста-

до китов-убийц, и нам нельзя грести прямо на них. Во-вторых, мы узнаем, когда они войдут в гавань...

Его слова встретил недоверчивый гул, и Шеф, стукнув древком копья по скале, повелительно возвысил голос.

* * *

Кормак делал с жителями Храфнси примерно то же самое, что они сделали с китами. Он умышленно поддерживал постоянное давление, чтобы не прекратилась царившая среди них паника, хотя осознавал, что такого рода паника может обернуться яростным безоглядным ответным наступлением. Когда «Журавль» подошел к пристани, из его катапульты полетели ядра, каждое разрушало какой-нибудь дом. Огненные стрелы поджигали дерево и ворвань, превратив целый поселок в один огромный костер. Убитых и раненых было немного, силы оборонявшихся не были особенно подорваны. Но им некогда было подумать. А у Бранда, увидевшего крушение своего любимого «Моржа», увидевшего, что его запасы на зиму и склады пушнины гибнут в огне пожара, сердце едва не разорвалось. Он не стал надевать кольчугу, не стал строить своих людей. С искаженным от ярости лицом стоял он между языками пламени, сжимая в руке свой топор «Боевой тролль» и ожидая, пока разрушители высадятся на берег.

Едва борт «Журавля» коснулся причала, хорошо обученные люди Кормака выпрыгнули на него и сразу выстроились в колонну по шестеро. А сам Кормак в этот момент нагнулся и что-то сказал своему боцману. Два человека скользнули к берегу по обе стороны пирса. В нужном месте они привяжут поперек пирса веревку.

Кормак протолкнулся в центр первого ряда, вышел на два шага вперед, построил людей обычным для викингов клином. Затем они с дружным криком устремились на врага. Кормак ожидал яростной контратаки.

И она началась. Завидев уверенно двигающуюся к нему фигуру, Бранд, в приступе ярости и муки полностью забыв все страхи и сомнения, одолевавшие его со времени поединка с Иваром, с занесенным топором ринулся вперед. Позади него неровной волной наступали жители Храфнси, вооруженные тем, что попалось под руку.

— Большой парень, — сказал Кормак ближайшему дружиннику. Он поднял для защиты свой щит и выкрикнул оскорбление, которое в реве пожара никто не услышал.

Когда Бранд бросился вперед, спрятавшийся в тени боцман рывком натянул веревку. Бранд ногами зацепился за нее и рухнул, распростершись во весь рост, так что причал задрожал. «Боевой тролль» выскочил из его руки. Бранд с ревом стал подниматься на ноги, но в этот самый момент Кормак со всей силы безжалостно ударил его в висок. Бранд тряхнул головой и продолжал подниматься. Не веря своим глазам, Кормак снова ударил нагруженным свинцом мешочком. На этот раз гигант рухнул на четвереньки.

Позади него нападавшие замялись, некоторые тоже запутались в веревке. Двое прорвались вперед, встретили сосредоточенный залп и упали, утыканные дротиками. Остальные замерли в нерешительности, потом по одному и по двое побежали назад к полыхающей деревне.

— Свяжите его, — коротко приказал Кормак. Он повел войско к берегу, собираясь очистить деревню от сопротивляющихся одиночек, захватить лодки, провизию и оружие. После этого останется лишь гоняться за бегущими. Хотел бы он, чтобы одноглазый атаковал вместе с Брандом. Тогда Рагнхильда больше не стояла бы у него за спиной.

* * *

Английские катапультеры, которых использовали на пристани как рабочую силу, сбежали при первом же выстреле. Оружия у них не было, и не было стремления защищать поселок. В темноте, куда не доходил отблеск пожара, они, задыхаясь, собрались вокруг Квикки.

— Нечего было убирать нас от «мулов», — раздался в темноте голос. — Мы знали, что норманны придут, мы ему говорили, так нет же, ему надо было...

— Заткнись, — сказал Квикка. — Дело такое, если мы сейчас подойдем к машинам, мы их развернем и выстрелим в этот их корабль без вопросов. Тогда они все срочно кинутся на борт.

— Ничего не выйдет, — сказал Озмод. — Смотри.

Он показал на шлюпку «Журавля», набитую вооруженными людьми, которая через всю гавань плыла к двум покинутым катапультам. Кормак и об этом подумал.

* * *

Но Кормак не подумал о китах. Касатки подошли к гавани вслед за «Журавлем», собираясь напасть. Однако вожак их удерживал. Его останавливал корпус «Журавля», он понимал, что это самое большое творение рук человеческих, с которым он когда-либо сталкивался. Может быть, если таранить его головой, этого окажется достаточно, и корабль затонет. А может быть, нет. Полученная от Кутреда царапина раздражала кита, но в то же самое время делала осторожней. Развлечением, которое он любил, было перевернуть лодку, будто плавающую льдинку, как неосторожного тюленя, схватить выпавшего из нее человека. Поэтому он колебался, а с ним и его стадо, кружащее около входа в гавань, одним глазом следя за «Журавлем» и суматохой в поселке, а другим — за соблазнительными, но защищенными мелководьем вельботами, которые, как он чувствовал, стоят у материкового берега в четверти мили от острова.

Потом он услышал размеренные гребки весельной шлюпки, и больше не колебался ни минуты. Переполненный той свирепой алчностью, которая у лисы в курятнике сильнее голода, он свернул в гавань, а вслед за ним и его стадо.

* * *

— Ничего не выйдет, — повторил Озмод. — Святый Боже всесильный, — вспомнив детство, он непроизвольно, чтобы защитить себя от зла, наложил крестное знамение поверх молота, который по-прежнему свисал с его шеи. Никто его не поправил. Следя за шлюпкой, все они одновременно заметили огромный плавник в человеческий рост, который поднялся за лодкой, и мелькнувшую под ним черно-белую тушу.

Гребцы, перевернувшись вместе со шлюпкой, и пикнуть не успели. Мгновенье их головы, как поплавки, торчали над водой. Затем плавник за плавником стал прорезать воду — это киты-убийцы приступили к своему излюбленному ритуалу нападения на большого кита, на голубого кита, на кашалота или на финвала, сельдяного кита — закружили каруселью, кусая огромными челюстями и уступая очередь следующему. Но челюсти взрослой касатки лишь ранят шестидесятифутового голубого кита, а человека они перекусывают пополам. Через

несколько секунд все было кончено, киты снова нырнули, чтобы скрыть свое присутствие.

— Я встречал одну из таких тварей на море, — прошептал побледневший Карли. — Я вам говорю, для нее перевернуть меня было что глазом моргнуть. Плавник высотой с меня самого. Какие же у них зубы?

Квикка пробудил остальных от их паралича.

— Ладно, Тор им помоги, но посмотрите — дорога к «мулам» теперь свободна. Бежим туда.

Продолжая оглядываться на грозные, освещенные отблесками пожара воды, катапультеры побежали вокруг гавани к своим машинам.

На борту «Журавля» всеобщее внимание заняли атака местных жителей и последующее падение Бранда. Никто не следил за шлюпкой, за исключением двух плененных рыбаков, привязанных снаружи планширя. Они смотрели на воду под собой, пытаясь прикинуть ее глубину. Постепенно, оглядываясь через плечо, они с неожиданной решимостью начали высвобождать себе руки.

* * *

На материковом берегу Шеф увидел, что языки пламени взметнулись еще выше. Люди в вельботах заворчали, не желая верить в угрозу со стороны касаток, уже отчаявшись узнать, что происходит у них дома.

Позади раздался странный долгий звук, как будто кто-то трубно высморкался, а в конце словно шлепнули по воде хвостом.

— Что это было? — спросил Шеф.

— Звук такой, будто морж пошел, — сказал один из моряков. — Но этого не может быть, потому что...

— Все в порядке, — рявкнул Шеф. Он высоко поднял копье и крикнул для всех вельботов: — Сейчас впереди безопасно, может быть, всего на несколько мгновений. Гребите прямо к острову как можно быстрее, подходите к берегу, что напротив нас, и выскакивайте из лодок. Не заходите в гавань. Вы слышите, в гавань не заходить. А теперь вперед!

Он уселся на носу головной лодки, Кутред на корме. Китобои налегли на весла, стрелой пустили вельбот через спокойное море. Шеф ворочался из стороны в сторону, с опаской

ожидая в любой момент увидеть возвращающиеся наперерез им плавники. Лодки преодолели уже середину расстояния, надбавили ход. При приближении к берегу острова недалеко от входа в гавань, где-нибудь в полумиле от основного поселения, которое закрывала от них гора, Шеф почувствовал, что скорость падает.

— Почему бы нам просто не ворваться в гавань? — спросил один из гребцов.

— Поверь мне, — сказал Шеф, — тебе бы это не понравилось.

Его лодка уже уткнулась носом в гальку, как и большая часть остальных. Люди высыпали на берег, затащили вельботы повыше, выхватили свое случайное оружие. Одна лодка, не обращая внимания на крики Шефа, устремилась прямо ко входу в гавань, исчезла из виду за мысом. Шеф неодобрительно покачал головой.

— Я все равно не понимаю, почему... — начал другой недовольный. Кутред, чье терпение истощилось, стукнул его по уху рукоятью меча, схватил за глотку, встряхнул и поставил на ноги.

— Делай, что тебе говорят, выполняй приказы, — рявкнул он. — Понял?

Шеф выстроил имевшихся в его распоряжении пятьдесят человек в двойную шеренгу и повел их вперед широким клином. Он держал быстрый шаг, пресекая попытки бежать. Необходимо было сохранить дыхание для драки с людьми в доспехах. По его замыслу следовало далеко обойти гору близ устья гавани, и из-за ее прикрытия выйти к речке, на которой стоял главный поселок Храфнси, чтобы загонять нападавших обратно в море. Может быть, к тому времени они уже рассредоточатся для грабежа и насилия. Он надеялся на это. Сейчас единственным его шансом была внезапность.

* * *

Катапультеры подбежали к первому «мулу» и на мгновенье смешались. Заряжать один или заряжать оба? Даже вместе с Карли их не хватало на два полных расчета.

— Хватит пока одного, — решил Квикка. — Крути.

Когда уходили, они ослабили крутильную пружину. Ее нельзя было слишком долго держать взведенной. Но заводные

рукоятки по-прежнему торчали на своих местах, и люди ухватились за них. Квикка крикнул Карли, чтобы помог ему. За недели ожидания они сделали одно усовершенствование. Раньше им никогда не удавалось развернуть орудие больше чем на несколько дюймов. На корабле приходилось доворачивать сам корабль, а не катапульту. Однако методом проб и ошибок Удд разрешил эту проблему. Они поставили тяжелую машину на маленькие колесики с железными ободами, но те не ездили по земле, как у легких дротикометов, нет, колесики ездили по лежавшему на земле большому горизонтальному колесу, которое своим выступом не давало им съехать. Два сильных человека могли наклонить всю махину весом в тонну с четвертью вокруг неподвижной оси и разворачивать ее за длинный хвост.

Напрягшись, Карли и Квикка подняли хвост и развернули катапульту из первоначальной позиции, защищавшей вход в гавань, в сторону «Журавля», медленно отваливающего от пристани.

— Еще на полшага, — хрипел Квикка. — Назад на ладонь. Хорошо. Теперь наклоним пониже, забей два клина, нет, три.

Они наклонили орудие так, что оно теперь смотрело вниз, на гавань. Веревки были натянуты, шатун удерживался спусковой скобой. Квикка вложил в свисающую с шатуна петлю тридцатифунтовое ядро, очень точно выверил угол, под которым в нужный момент должен сорваться помещенный в петлю груз.

— Готово. В сторону. Стреляй!

Скобу вытащили, шатун с невероятной силой ударил, петля взметнулась, передавая свою скорость ядру. Оно понеслось над водой почти по прямой линии.

И промазало. Расчет наклонил орудие так низко, как только смог. Но при стрельбе вниз очень трудно установить дистанцию выстрела. Камень скользнул над самой палубой «Журавля» и плюхнулся в воду посередине расширяющейся полосы между кораблем и пристанью. Брызги от взметнувшегося фонтана ударили в лицо Кормаку, который после выигранной стычки стоял на пристани.

— Тор мне помоги, — воскликнул он, — что же случилось со шлюпкой? Они должны были заняться этими машинами.

Он пролаял приказ. Угроза его судну была самой большой

опасностью, несравнимой со всем остальным — победой в сражении, охраной пленников и даже ублажением Рагнхильды. Как только Рагнхильда поняла, что Кормак прекращает налет на поселок, в котором почти наверняка скрылся убийца ее сына, собирается отступить, она набросилась на шкипера с зубами и ногтями. Он стряхнул ее с себя, хотя она цеплялась за руки, визжала.

Сейчас самое главное, решил Кормак, — перевести «Журавль» на другую сторону гавани, где его не смогут достать катапульты. На корабле требуется больше рабочих рук, и срочно. С дюжину яликов и плоскодонок все еще оставалось у пирса и на галечном берегу. Кормак быстро отрядил пятьдесят человек оборонять начало пирса, остальных посадил на лодки, набивая их битком. В последний момент он спохватился, высадил из ближайшей плоскодонки двух человек, заменил их все еще оглушенным, но крепко связанным по рукам и ногам Брандом.

— Этого возьмем на хранение, — заметил он, входя в ту же лодку. Он снова оттолкнул от себя разъяренную Рагнхильду. — Госпожа, мы за тобой вернемся. Если нужный тебе человек где-нибудь и есть, то там, на берегу. Почему бы тебе самой его не поискать? Отчаливай, — приказал он гребцам.

Ударил второй камень, выпущенный на этот раз по передней лодке, и опять не попал, а пятьдесят человек на лодках устремились через отделявшую их от корабля сотню ярдов воды.

* * *

Шеф вброд перевел свой отряд через речку и вошел в горящую деревню по одной из грязных, уходящих в глубь острова дорог. Пока они трусцой двигались по улицам, из дыма и пламени выходили люди и присоединялись к ним, пристраивались в ряды, обрадованные возможностью настоящего сопротивления. Шеф ощутил, как волчья ярость галогаландцев заражает его. Теперь их было не удержать. Они обрушатся на захватчиков, что бы он ни сказал и ни сделал.

Однако они идут в бой без доспехов, и единственный во всем отряде щит — у Кутреда. Враги же полностью вооружены. Шеф видел их, без дрожи и без страха выстроившихся плотной стенкой поперек пирса. Через несколько секунд он

возглавит атаку. Велики ли его шансы выжить в ней? Встать в центре первого ряда, мишенью для каждого дротика? Так было принято. Шеф поднял копье. Он не знал способа изменить мир. Он лишь попытался восстановить в себе тот боевой дух, который кипел в нем, когда он убивал на отмели викинга Храни. Никакого отклика. Кажется, его погасило копье в руке Шефа, вызвав вместо этого желание остановиться. Жалеть, а не убивать. Воины слева и справа косились на него, ожидая приказа к атаке. Что-то заставило Шефа сделать отмашку копьем в сторону, остановить отряд.

За стеной щитов на пирсе восходящее солнце озарило окружающие холмы и впервые в этот день сверкнуло на воде. Оно высветило плавники и тела китов, которые второй раз пришли с глубокой воды, уверенные в том, что собираются сделать, ободренные первым успехом. Страшный крик поднялся на лодках, когда люди осознали, что их ждет. Храбрые люди, некоторые из них начали бить мечами и копьями по приближающимся черно-белым тушам. Вальгрим Мудрый, в изумлении стоящий на носу одной из лодок, замахнулся своим копьем «Гунгнир», чтобы ударить. Слишком слабо, слишком медленно. Лодку толкнули снизу. Удар, нанесенный многотонной тушей на скорости тридцать миль в час, ни одна лодка не выдержит. Люди в тяжелых доспехах посыпались в воду, и вот стали смыкаться гигантские челюсти, киты сновали взад и вперед так, как делали это при охоте на тюленей и дельфинов. Через несколько секунд залив стал таким же красным, как бухта, где забивали гринд. Но на этот раз от крови людей, а не китов, кровь гребцов смешалась с кровью шкиперов, с кровью Вальгрима Мудрого, жреца Одина, ставшего ныне жертвой детей Одина. Никем не замеченное, копье с рунами «Гунгнир» плавно опустилось на дно — оно не принесло счастья своему последнему владельцу.

Ряды воинов Шефа смешались, как только люди поняли, что происходит в гавани, — никто из них не видел раньше ничего подобного. Заметив, что нападавшие остановились и на что-то пялятся, люди Кормака тоже повернули головы. Оба отряда застыли, охваченные ужасом. Они не могли вмешаться.

Через некоторое время Шеф вышел вперед и заговорил с тем, кто казался главным среди людей на пирсе.

— Сложите оружие! — крикнул он. — Мы обещаем, что вы останетесь живы и здоровы, а потом свободно вернетесь домой. Вам теперь от нас не уйти. А крови сегодня было пролито достаточно.

Воевода с побелевшими губами оглянулся на своих людей, увидел, что они дрожат от ужаса, их боевой дух испарился. Он кивнул, не спеша положил меч и щит. Кутред вышел вперед, пробивая через толпу дорогу для Шефа, вместе с ним направился к краю пирса.

Когда они подошли туда, откуда-то возникла женщина и с криком устремилась на них. Рагнхильда, с ножом в руке, равнодушная к страшной морской бойне, помнящая только о своей мести. Она накинулась на Шефа подобно фурии, опустив нож для удара снизу. Шеф увидел ее приближение, узнал зеленые глаза, которые целовал, волосы, которые столько раз гладил. Копье бессильно поникло в его руке, он подбирал слова оправдания. Подбегая, она кричала что-то, он уловил только: «...убил моего сына!»

Он замер с опущенными руками, парализованный, надеясь на объяснение, на еще одно чудо.

Между ними шагнул Кутред, удар ножа проскрежетал по твердой поверхности его щита. Он инстинктивно поднял щит, чтобы отбросить Рагнхильду. Ее глаза расширились от неожиданного удара, она повалилась назад, потянув за собой щит с острием длиной в фут, которое Шеф приварил собственными руками. Острие пронзило ей сердце под грудью.

— Бог мне свидетель, — сказал Кутред, — это был несчастный случай. Я в жизни не убивал женщин.

— Слишком много смертей, — сказал Шеф. Он склонился над Рагнхильдой, высматривая признаки жизни. Ее губы все еще шевелились, все еще проклинали его. Затем они сомкнулись, и он увидел ее закатившиеся глаза. Когда он ушел, подошел Кутред, наступил на распростертую руку Рагнхильды и выдернул свой щит. Он потряс головой, украдкой оглянулся, не видел ли Шеф, что он только что сделал.

Но взгляд Шефа уже обратился от тела на пристани к кровавой, разрезаемой плавниками поверхности моря. Тут же, не веря глазам, он уставился на другую сторону бухты. На мелководье у противоположного берега сидели двое, ясно видимые в свете наступающего дня. Позади него поднялся

гул изумления — все новые и новые люди замечали необычную картину. За сегодняшнее утро уже второе зрелище, которого никто из живущих не видел раньше. Один из Потаенного Народа.

* * *

Эхегоргун, в точности угадав мысли китов, легко и уверенно пересек узкий пролив вслед за вельботами. Он видел, что люди Шефа высадились на берег, видел и слишком самоуверенных моряков, направивших свои лодки прямо в гавань, где их встретили и уничтожили киты. Он держался в отдалении, но прошел вслед за касатками в гавань, уверенный, что заранее услышит, если стадо повернет в его сторону. Он пристроился вблизи от берега так, что лишь макушка торчала, и с виду не отличался от обычного серого камня. Он с любопытством, но без особого интереса следил за делами людей — до тех пор, пока не увидел двоих, — они грузили в лодку сразу узнаваемое мощное тело. Бранд, сын Барна, сына Бьярни. Внук его родной тети.

Эхегоргун прекрасно понимал, что произойдет дальше. У него была лишь пара минут на то, чтобы это предотвратить. Как тюлень он бросился в воду, на мгновенье прильнул к корме «Журавля», оценил расстояние до головной лодки, в которой находились Кормак и Бранд, ощутил биение и сутолоку китовых туш в каких-то нескольких ярдах от себя. Он нырнул, устремясь вперед, как выдра.

Бранд лежал беспомощный и связанный на дне лодки, нога Кормака утвердилась на его груди, и увидел он только серую руку, ухватившуюся за планширь. Затем лодка опрокинулась. Опрокинулась в сторону Эхегоргуна, за доли секунды до первого удара китов. Пока люди кричали и размахивали оружием, могучая десница ухватила Бранда за рубаху, протащила через борт и вглубь, вглубь, прочь от разлетающихся досок и молотящих по поверхности воды рук и ног.

На секунду Бранд поддался чисто человеческому суеверному ужасу. Схвачен марбендиллом, который пообедает им на дне моря. Однако и в этой суматохе он почти узнал вцепившуюся в него руку. Бранд сжался, не сопротивляясь, удерживая рвущийся из груди воздух.

Медленно его тащили под водой, сжимая нечеловеческой

хваткой. Под килем «Журавля». Через залив. На мелководье. Когда они оба выбрались, наконец-то сделав судорожный вдох, Бранд уставился в лицо спасителя. Тот в ответ уставился на него. Пока Эхегоргун доставал кремневый нож и разрезал веревки на руках Бранда, они молча искали друг в друге похожие черты, семейное сходство.

Наконец, сидя на мелководье, Бранд заговорил.

— Я оставлял сообщения для тебя и твоих сородичей на нашем секретном месте, — сказал он, — и я всегда соблюдал наш договор. Однако я никак не ожидал увидеть тебя здесь при дневном свете. Ты один из тех, кого встретил мой дед Бьярни.

Эхегоргун улыбнулся, обнажив свои громадные зубы.

— А ты, должно быть, мой дорогой родич Бранд.

Глава 24

— Довольно дорогое занятие обеспечивать вам кров, — сказал Бранд устало.

Шеф не ответил. Он мог бы возразить, что занятие это по временам довольно выгодное, но следовало сделать скидку на настроение Бранда. Шеф не был уверен, сколько дней прошло с момента сражения — в высоких широтах такие вещи трудновато определить. Все находившиеся в поселке люди самозабвенно работали, больше чем было в их силах, останавливаясь, только когда во сне валились с ног. Однако — и это был недобрый знак — темнота возвращалась на небо. Лето кончалось, приближалась зима. В Галогаланде она наступает очень быстро.

Сколько бы дней ни прошло, поселок все еще выглядит едва обжитым. Все три корабля в гавани были потоплены или разрушены. По чистому невезению Квикка и его команда ухитрились правильно установить прицел и выстрелить как раз в тот момент, когда битва была выиграна, попав камнем в «Журавль» точнехонько в основание мачты. Охваченная ужасом перед китами, его команда сумела на веслах подвести корабль к берегу, но никогда больше «Журавль» не сможет отправиться в плавание. «Морж» по-прежнему лежит на дне гавани, его мачта сиротливо торчит над водой. «Чайка» была охвачена пламенем и сгорела дотла. Хотя имеются маломерные суда всех видов, из них нет ни одного достаточно большого, чтобы доплыть на юг до Тронхейма, ближайшего порта, и вернуться с провизией. Со временем большой корабль можно было бы изготовить из уцелевших досок и бревен — потому что хороший корабельный лес, конечно, не найти на этих пустынных берегах и продуваемых всеми ветрами островах. По той же причине трудно отстроить сгоревшие хижины, при всем местном искусстве использовать в строительстве камень и дерн. Большая часть свалившегося на жителей благодаря гриндам богатства исчезла в пламени пожара, а вместе с ним и содержимое складов и хранилищ, где Бранд хранил не только меха, пух и кожи из финской дани, которыми он торговал, но также мясо, сыр и масло, которыми сам кормился.

А ведь помимо команды Шефа и команды Гудмунда добавилось еще около семи десятков спасшихся с «Журавля». Им было обещано сохранить жизнь, и никто не собирался нарушать это обещание. Однако всех их нужно кормить. Вряд ли все до одного переживут надвигающуюся на остров зиму, как бы старательно ни добывать рыбу и тюленей. Многие галогаландцы уже преспокойно разъехались по родным хуторам и фермам, дав тем самым понять, что их не касаются трудности Бранда. Они-то выживут. Это чужаки и их хозяева, если сдуру поделятся едой, будут умирать.

— По крайней мере, у нас есть серебро и золото, — продолжал Бранд. — Они не горят. Самое лучшее, что мы можем сделать, это собрать из кусочков корабль, хоть какую-нибудь посудину, напихать в него как можно больше людей и отправить на юг. Если он пойдет вдоль берега, рано или поздно попадет куда-нибудь, где найдется запас провизии. Потом отпустим Рагнхильдовых фолдцев, накупим, сколько сможем, еды и повернем назад на север.

И опять Шеф ничего не ответил. Если бы Бранд не был таким усталым, он бы сам заметил недостатки в своем плане. Фолдцев будет достаточно много, чтобы справиться со своей охраной, забрать деньги и оставить поселок по-прежнему без еды. А в ином случае их охрана потребовала бы слишком много сил. Фолдцев придется отослать одних. Если только им как-нибудь удастся преодолеть страх перед китами и снова выйти в море.

— Извините меня, — сказал Бранд, покачав своей тяже-

лой головой. — На меня слишком много всего свалилось, чтобы я мог выработать разумный план. Мой родич — марбендилл! Я это знал, но теперь знают все. Что скажут люди?

— Они скажут, что тебе повезло, — вмешался Торвин. — В Швеции живет один жрец Пути, его призвание — служить богине Фрее. Он занимается разведением животных, вроде того как скрещивают разные породы коров, чтобы лучше доились, или овец, чтобы давали больше шерсти. Он часто разговаривал со мной о мулах, о помесях собаки и волка и прочем таком. Как только он узнает, он приедет сюда. Потому что мне кажется, что мы и морской народ больше похожи на собак и волков, чем на лошадей и ослов.

Ведь твой дед Бьярни сошелся с одной из их женщин, и у нее родился сын, твой отец Барн. Но у Барна тоже был ребенок, это ты, и ваше родство сразу заметно, если вас поставить рядом. Если бы Барн был как мул, бесплодный мул, этого бы не могло произойти. Значит, мы и марбендиллы не очень далеки друг от друга. Может быть, в нас больше крови марбендиллов, чем мы думаем.

Шеф кивнул. Эта мысль приходила ему в голову и раньше, когда он смотрел на северян, с их массивными костяками, надбровными дугами, их волосатой кожей и кустистыми бородами. Но он ни с кем не делился этими мыслями. Он заметил, что местные жители редко употребляли слово «тролли», предпочитая говорить «морской народ» или «марбендиллы», словно они тоже догадывались о каком-то родстве.

— Ладно, может быть, и так, — сказал Бранд, несколько приободрившись. — Я не знаю, что нам делать. Я хотел бы, не побоюсь об этом сказать, хотел бы получить совет от своего родича.

Но Эхегоргун исчез вскоре после того, как вытащил Бранда на берег. Кажется, его на какое-то время позабавило внимание, которое он привлек, и определенно его порадовала благодарность Бранда. Но потом, видно, шум надоел ему, и он исчез так, как умеет только Потаенный Народ. С собой он забрал Кутреда, их видели плывущими через пролив обратно на материк. Кутред произвел впечатление на Эхегоргуна.

— Не совсем Хлипкий, — высказался он. — Во всяком случае, сильней, чем Мистарай. А посмотри на шерсть у него на спине! Его хорошенько смазать жиром, и будет плавать

как тюлень. Мистарай он понравился. Был бы для нее хорошей парой.

От такого сообщения Шеф вытаращился, а потом заговорил, с трудом подбирая слова.

— Мне показалось, Эхегоргун, ты говорил, что знаешь, что случилось с Кутредом. Ну, что с ним сделали другие Хлипкие, отрезали ему, ну, не то, что делает его мужчиной, а то, что...

Эхегоргун его прервал:

— Я знаю. Для нас это значит меньше, чем для вас. Знаешь, почему ваша жизнь так коротка? Потому что вы спариваетесь все время, а не только в сезон. Каждый раз, как вы это делаете, часть вашей жизни уходит. По тысяче раз на каждого ребенка, я ведь подслушивал под многими окнами. Ха! Мистарай ищет в мужчине другое.

И с этим они ушли. Шеф успел только переговорить с Кутредом и наказал ему попросить Эхегоргуна, чтобы тот похоронил свою человеческую добычу, как человек, а не коптил трупы, как... как марбендилл.

— Передай ему, что мы заплатим свиньями, — сказал он.

— У вас нет свиней, — ответил Кутред. — Но я-то все равно предпочитаю свиней людям.

Возможно, нам всем до конца зимы пригодилась бы такая кладовая, как у Эхегоргуна, подумал Шеф. Пока разговор Торвина, Бранда, Гудмунда и других продолжался, он задумчиво поднялся и вышел. Он взял с собой копье, которое нашел в коптильне, — более удобное, чем «Гунгнир», и дорогостоящий меч. Он давно обнаружил, что коль скоро сталкиваешься с неразрешимой задачей, лучшее, что можно сделать, — спрашивать всех подряд, пока не встретишь того, кто знает ответ.

* * *

Он увидел, что Квикка и его команда, прервав свой ежедневный труд по сбору уцелевших обломков кораблекрушения, уселись за скудный обед. При его приближении они почтительно встали. Шеф несколько удивился. Иногда они вели себя так. А иногда, сбитые с толку его акцентом, если он говорил по-английски, они забывались и обращались с ним как с равным. Последнее как будто случалось все реже и реже.

— Садитесь, — сказал он, но сам остался стоять, опираясь на копье. — Еды не много, как я погляжу.

— И будет еще меньше, — согласился Квикка.

— Идут разговоры о том, чтобы пленников отослать на корабле, когда мы его построим. Если сможем построить два корабля, мы отправим кого-нибудь за провизией на юг.

— Если сможем построить два, — усомнился Вилфи.

— Если будет кому плыть на нем, — добавил Озмод. — Сейчас все так напуганы китами, что выбросятся на скалы, едва завидят фонтан.

— Вот именно, — горячо вмешался Карли. — Я хочу сказать одну вещь, господин. Ты знаешь, что я видел одну из этих тварей, когда удирал на плоту с Дроттнингсхолма? В воде прямо рядом с собой. Так вот, здесь был тот же самый кит. Я узнал его по следам зубов на плавнике. Это он. Похоже на то, как будто... ну, как будто они нас преследуют.

«Или преследуют тебя», — подумал, но не сказал Карли. Бывшие английские рабы рассказали ему немало странных историй о своем государе, которого одновременно считали своим в доску и благоговели перед ним. Почти ни в одну из них Карли не поверил. А сейчас он начал сомневаться. Он опасался, не будет ли наказан человек, который приветствовал богорожденного ударом в челюсть? Пока вроде бы ничего такого не намечалось.

— Что ж, если мы ничего не сделаем, мы все умрем с голоду, — сказал Шеф.

Бывшие рабы задумались над грозящей бедой. Она была им знакома. Рабы, как и многие бедняки, умирали зимой от холода, или от голода, или от того и другого сразу. Они все знали, как это бывает.

— У меня есть кое-что, — сказал Удд и замолк из-за своего обычного смущения.

— Что-нибудь насчет железа? — осведомился Шеф.

Удд энергично закивал, скрывая волнение.

— Да, господин. Помнишь руду, которую мы видели в Каупанге в святилище? Такую, что требует очень мало работы для выковки из нее железа, потому что в ней так много металла? Это руда из Ярнбераланда, Страны Железа.

Шеф одобрительно кивнул, совершенно не представляя, к чему клонит Удд. Железом сыт не будешь, но насмешка бы только сбила Удда с его мысли.

— А еще есть место, которое называют Коппарберг, Медная Гора. Так вот, и то и другое находится там, по другую сторону, — Удд показал на горные хребты за гаванью. — По другую сторону гор, я имею в виду. Я думаю, раз мы не можем плыть, мы можем пойти. Это должно быть где-то по ту сторону гор.

Шеф взглянул на изрезанный неприступный берег, вспомнил об ужасном, доведшем его до судорог подъеме по склону ущелья Эхегоргуна. О тропе, на которую они вышли. О легком спуске, который показал им Эхегоргун, чтобы вывести к берегу напротив острова.

— Спасибо, Удд, — сказал он, — я об этом подумаю.

* * *

Шеф пошел искать Гудмунда Шведа. Тот пребывал в неожиданно хорошем настроении. Он потерял свой корабль, и над ним нависла самая что ни на есть реальная угроза голодной смерти. Но, с другой стороны, добыча с «Журавля» оказалась просто изумительной. Рагнхильда, чтобы выплатить жалованье своим людям и обещанную награду тем, кто отомстит за нее, возила с собой половину унаследованных ею сокровищ, все это удалось достать со дна. Да и погибшие во время налета увеличили долю оставшихся в живых. Гудмунд приветствовал своего юного короля с улыбкой. Его называли Гудмунд Жадный. А мечтал он, чтобы его прозвали Гулл-Гудмунд, Гудмунд Золотой.

Улыбка исчезла, когда Шеф рассказал о предложении Удда.

— Да, это наверняка где-то там, — согласился Гудмунд. — Но я точно не знаю где. Вы, ребята, просто не понимаете. Швеция тянется на тысячу миль от края до края, от Скаане до Лаппмарки. Если Скаане относится к Швеции, — добавил он. — Сам-то я из Голланда, я настоящий швед. Но я думаю, сейчас мы так же далеко на севере, как и Ярнбераланд.

— С чего ты взял?

— По тому, как падают тени. Если измерить тени в полдень и знать, сколько дней прошло от солнцестояния, можно определить, как далеко на севере находишься. Это одно из знаний Пути, мне однажды рассказал об этом Скальдфинн, жрец Ньёрда.

— Значит, если мы пойдем отсюда точно на восток, мы придем в Швецию, в страну Ярнбераланд.

— Необязательно всю дорогу идти, — ответил Гудмунд. — Я слышал, что здесь в Киле, в срединной части, есть озера, и они тянутся на запад и на восток. Бранд мне говорил, что, когда финны с этой стороны нападают на тамошних финнов — их зовут квены, — они делают лодки из коры и плывут на них.

— Спасибо, Гудмунд, — сказал Шеф и двинулся дальше.

* * *

Бранд посмотрел с недоверием, когда Шеф изложил ему и Торвину, который так и сидел на прежнем месте, результаты своих расспросов.

— Не получится, — сказал он сухо.

— Почему?

— Лето уже кончается.

— Через месяц после солнцестояния?

Бранд вздохнул.

— Ты не понимаешь. В горах лето долгим не бывает. На берегу — другое дело, море на время задерживает приход снега и льда. Но ты сам подумай. Вспомни, что было в Гедебю, ты говорил, настоящая весна. Потом пришли в Каупанг, а там еще везде был лед. И сколько между ними расстояния? Триста миль на север? А досюда тебе еще шестьсот миль. Несколько миль от берега — а дальше я сам не заходил, даже гоняясь за финнами, — больше половины года земля лежит под снегом. А поднимешься выше, там еще хуже. На вершинах снег вообще никогда не тает.

— Значит, проблема в холоде. Но ведь Удд прав, по ту сторону гор лежит Ярнбераланд, может быть, всего милях в двухстах. Десять дней пути.

— Двадцать дней пути. И то если очень повезет. В плохие дни мне случалось здесь проходить всего мили три. Если ты не собьешься с дороги и не умрешь, пока будешь кружить и плутать.

— Однако, — вмешался Торвин, поглаживая бороду, — есть одно обстоятельство, о котором знают немногие. А именно, что Путь очень силен в Ярнбераланде. Естественно, ведь мы все кузнецы и ремесленники. А кузнецам нужно железо. Там есть жрецы Пути, они работают с людьми, кото-

рые добывают железо. Некоторые говорят, что там чуть ли не второе святилище. Вальгрим был против этого. Он говорил, что святилище должно быть только одно.

А во главе его сам Вальгрим, подумал Шеф. Ошибки Вальгрима в конце концов его доконали. Он оказался в лодке, которая возвращалась на «Журавль»; из тех, кто в ней плыл, остались в живых только двое. Бранд и молодой парень, который с тех пор, как его вытащили на берег, так и лежит, сжавшись в комочек и попискивая от страха. Рагнхильда тоже могла бы умереть там, сказал себе Шеф. Просто несчастный случай. Еще один из тех, что происходят вокруг него. Часть его удачи, сказал бы Олаф, Эльф Гейрстата, да и король Альфред тоже.

— Итак, если мы пересечем горы, — продолжал Шеф, — на другой их стороне мы даже сможем найти помощь.

— Но вы не сможете пересечь горы, — с раздражением повторил Бранд. — В горах полно финнов и...

— И Потаенного Народа, — договорил за него Шеф. — Спасибо, Бранд, — он встал и двинулся дальше, отбивая шаг своим копьем.

* * *

Решающие слова Шеф услышал от человека, имени которого не знал, от одного из моряков с «Журавля», который, потея под лучами бледного солнца, грузил вместе с другими пленными камни на волокушу, чтобы перевезти их в поселок и построить еще несколько хижин на зиму. Галогаландцы с некоторого удаления наблюдали за ними, сжимая в руках тюленьи гарпуны. Шеф, по-прежнему не зная, куда направить свои стопы, на минутку остановился понаблюдать за работающими.

Один из них оглянулся. Родственник Кормака, он заговорил с горечью:

— Сегодня мы надрываемся, а вы смотрите. Нас победили — но не люди, а киты! Такого два раза не бывает. В следующий раз вы не найдете себе защитников. Рогаландцы все равно тебя ищут, и род Рагнхильды выплатит награду за месть. И не забывай, что есть еще Рагнарссоны. Сигурд Змеиный Глаз заплатит за тебя не меньше Рагнхильды. Если пойдешь на юг, на кого-нибудь да наткнешься. Ты никогда боль-

ше не увидишь Англию, одноглазый. Чтобы пройти через то, что тебя ждет, нужно иметь железную шкуру. Как у Сигурда Фафнироубийцы. А ведь даже у него осталось уязвимое место!

Шеф смотрел задумчиво. Он знал историю о Сигурде, который убил дракона Фафнира, — часть ее он сам видел в своих видениях, видел чучело головы дракона. Еще он знал, что Сигурд был предан своей любовницей и убит ее мужем и родственниками, как только они обнаружили, что драконова кровь, сделавшая его неуязвимым, в одном месте не попала на кожу из-за приставшего листка и Сигурда можно поразить в это место на спине. У него, Шефа, тоже была сердитая любовница, хотя она уже умерла, как и ее муж. И ему тоже довелось убить дракона, если можно считать таковым Ивара Бескостного.

Сходство было до жути полное. И не приходилось спорить, что Северный Путь вдоль берегов Норвегии был единственным путем на юг, и перекрыть его было слишком легко.

— Я услышал твои слова, — ответил Шеф. — И благодарю тебя за предупреждение. Но сделал ты его по злобе. Если тебе больше нечего сказать, в следующий раз помалкивай, — он осторожно дотянулся и концом копья пощекотал сердитого викинга под самым адамовым яблоком.

Человек устроен странно. От страха начинается кровотечение из носа. Паралич лечат шоком, дряхлая старуха в годину беды встает с кровати и поднимает огромное бревно, придавившее ее сына. Родственник Кормака знал, что высказался слишком дерзко. Знал, что если одноглазый проткнет его своим копьем, жаловаться будет некому. Едва острие коснулось горла, его голосовые связки сковал страх. Скованными они и остались.

Когда Шеф ушел, один из моряков сказал ему вполголоса:

— Ты сейчас здорово рисковал, Свипдаг.

Свипдаг повернулся к нему, вытаращив глаза. Попытался заговорить. Попытался еще раз, и еще. Ничего не получилось, лишь хриплый клекот. Люди увидели в глазах Свипдага ужас, когда тот понял, что хочет заговорить, но не может, словно бы вокруг горла ему затянули петлю.

Другие пленники посмотрели в спину удаляющемуся Шефу. Они слышали истории о нем, о смерти Ивара, о Хальвдане, о том, как король Олаф передал всю свою удачу и удачу своей семьи в руки этого человека. Они знали, что он носил

на шее амулет какого-то неизвестного бога, своего отца, как говорили некоторые.

— Он сказал «помалкивай», — пробормотал один из викингов. — И теперь Свипдаг не может слова вымолвить!

— Я ж тебе говорил, и китов тоже он науськал, — подхватил другой.

— И Потаенный Народ ему помогает.

— Знать бы об этом раньше, Рагнхильда охрипла бы, но не высвистала меня в этот проклятый богами набег.

* * *

— Ты, видишь ли, не должен этого делать, — ответил Бранд, когда Шеф сообщил ему о своем решении. — Мы придумаем что-нибудь еще. Избавимся от этих жадных гадов с «Журавля», и все будет выглядеть совсем по-другому. Мы можем послать ребят на юг в лодках, может быть, купим в Тронхейме груз провизии и судно, чтобы его перевезти. Тебе нет необходимости уходить в снега, даже если кому-то и придется.

— Но именно это я в любом случае и сделаю, — ответил Шеф.

Бранд смутился. Он понимал, что раньше расписывал обстоятельства слишком мрачно, чем и вызвал это безумное решение. Он вспомнил, как впервые взял Шефа под свою защиту, после того как тот лишился глаза. Он научил его норманнскому языку, научил правильно сражаться на мечах, научил пути *drengr*'а, профессионального воина. А Шеф многому научил его самого. Привел его к славе и к богатству — ведь нынешние трудности были вызваны нехваткой еды, топлива, кораблей, но никак не денег.

— Послушай, я не знаю никого, кто зашел бы хоть чуть-чуть в глубь этих гор и вернулся, не говоря уж о том, чтобы перейти на другую их сторону. Может быть, финны ходят, но финны — другое дело. Там волки, медведи и холод. И где ты окажешься, если пройдешь через все это? В Швеции! А не то в шведской Финнмарке или еще где-нибудь. Я не могу понять, почему ты хочешь это сделать.

Прежде чем ответить, Шеф на несколько мгновений задумался.

— Думаю, у меня две причины, — сказал он. — Первая та-

кая. С тех пор, как этой весной я пришел в собор и увидел, как Альфред и... и Годива поженились, я все время ощущал, что события вышли из-под моего контроля. Люди меня подталкивали, и я двигался. Я делал то, что должен был делать. И на отмели в Элбер-Гате, и на рынке рабов в Каупанге, и с королевой на Дроттнингсхолме. На пути через Уппланд и вплоть до этого места. Преследуемый Рагнарссонами, Рагнхильдой и даже китами. Теперь я считаю, что уже дошел до края. Отсюда я намерен вернуться. Я далеко заходил во тьму, побывал даже в коптильне Потаенного Народа. Теперь я должен идти к свету. И я не собираюсь возвращаться по пути, по которому пришел.

Бранд выжидал. Подобно большинству людей Севера, он истово верил в удачу. То, что сказал Шеф, означало, что он хотел бы изменить свою удачу. А может быть, что его удача изменила ему. Кое-кто сказал бы, что у этого юноши удача есть, и с избытком. Однако никто не в состоянии судить о чужой удаче, это-то ясно.

— А вторая причина? — напомнил Бранд.

Шеф вытащил из-за пазухи свой амулет-лесенку.

— Я не знаю, уверен ли ты, что это что-нибудь означает, — сказал он. — Ты считаешь, что я сын бога?

Бранд не ответил.

— Ладно, — продолжал Шеф. — Мне, знаешь ли, по-прежнему являются видения. Иногда во сне, иногда наяву. Я знаю, что кто-то пытается мне кое-что объяснить. Иногда это очень легко. Когда мы нашли Кутреда, мне показали человека, который вращал огромный жернов. Или я уже услышал скрип мельничного жернова? Не знаю. Но в тот раз и тогда, когда Квикка проломил стену королевского чертога, чтобы вызволить меня, я получал предупреждения. Предупреждения о том, что как раз и случалось позднее.

Это все очень легко понять. Но я видел и другие вещи, которые не так легко объяснить. Я видел умирающего героя и старуху. Я видел, как солнце превращалось в колесницу, которую преследуют волки, и в лицо Бога-отца. Я видел героя, едущего на Слейпнире, чтобы вернуть Бальдра из мира Хель, и я видел, как Белого Христа убили римские солдаты,

говорившие на нашем языке. Я видел героев в Вальгалле, я видел, как там встречают тех, кто не герои.

Ведь всеми этими видениями мне пытались что-то объяснить. Что-то сложное. Верное не только для одной стороны, для язычников или для христиан. Я думаю, что мне пытались сказать — или я говорил сам себе, — что есть какая-то неправда. Неправда в том, как все мы живем. Мы идем к миру Скульд, сказал бы Торвин. Добро ушло от нас, от всех нас, и христиан и язычников. Если этот амулет означает хоть что-нибудь, он означает, что я должен попытаться исправить это. По одному шагу зараз, как взбираются на лестницу.

Бранд вздохнул:

— Я вижу, что ты уже все решил. Кто пойдет с тобой?

— Ты.

Бранд покачал головой:

— У меня здесь слишком много дел. Я не могу бросить своих сородичей без припасов и крова.

— Квикка и его команда, наверное, пойдут, и Карли тоже. Он присоединился ко мне ради приключений. Если он вернется назад, в Дитмарш, он будет там самым великим рассказчиком всех времен. Удд точно пойдет, возможно, Ханд, возможно, Торвин. Я должен еще раз поговорить с Кутредом и с твоим родичем.

— Есть островок, где я могу оставить известие, — нехотя признался Бранд. — Твоя удача чрезвычайно возрастет, если он пойдет с тобой. Но может быть, он считает, что уже достаточно порадел для тебя.

— Как насчет провизии? Сколько вы можете нам уделить?

— Не много. Но ты получишь лучшее из того, что у нас еще осталось, — ответил Бранд. — И вот что. Почему ты все носишь это старое копье? Я понимаю, ты подобрал его в коптильне, когда у тебя больше ничего не было, но посмотри же на него. Оно старое, золотые накладки вывалились, наконечник тонкий, крестовины нет. И половины Сигурдова «Гунгнира» не стоит. Дай его мне, я найду тебе получше.

Шеф задумчиво взвесил в руке оружие.

— Я считаю его хорошим копьем для победителя, — сказал он. — Я оставлю его у себя.

Глава 25

В конце концов в отряде, который Шеф повел к подножию гор, оказалось двадцать три человека, почти все — англичане по рождению. Квикка, Озмод, Удд и три их оставшихся помощника, Фрита, Хама и Вилфи, без лишних разговоров изъявили желание присоединиться к Шефу, как и дитмаршец Карли. То же сделал Ханд — по его словам, у него появилось ощущение, что путешественникам понадобится лекарь. Шефа несколько удивило, что и Торвин согласился принять участие в экспедиции, мотивируя это тем, что, как кузнец и жрец Пути, он обязан увидеть Ярнбераланд и форпост святилища. Как только слухи об этом замысле распространились, Шеф удивился еще больше, когда к нему явилась делегация, возглавляемая Мартой, женщиной из Фризии, некогда рабыней королевы Рагнхильды, и Кеолвульфом, одним из беглых рабов, который, как подозревали, был английским таном.

— Мы не хотим здесь оставаться, — сказали они. — Мы слишком долго пробыли среди норманнов и хотим попасть домой. Наш лучший шанс — пойти с тобой.

— Не слишком надежный шанс, — сказал Шеф.

— Лучше, чем тот, что был у нас еще недавно, — мрачно сказал Кеолвульф.

Таким образом, к отряду присоединились четыре женщины и восемь мужчин. Шеф засомневался, не объявить ли им, что путешествие слишком тяжело для женщин, но слова умерли, едва родившись. Он прошел с этими женщинами от Каупанга до Гула-фьорда, и они держались ничуть не хуже мужчин, и уж явно лучше, чем тщедушный Удд или коротконогий Озмод. Что же до беглых рабов-мужчин, каждый из которых носил амулет Рига, — Шефу не хотелось бы с ними расставаться. Они могли оказаться полезны. По крайней мере, некоторые из них, например грозный Кеолвульф, были настоящими самородками. Они храбро сражались в скоротечной схватке с командой «Журавля»: часть их погибла, слишком увлекшись желанием отомстить викингам, которые их поработили и мучили.

И последним в состав экспедиции вошел Кутред. Однажды вечером Бранд исчез в подступающем мраке, дав понять, что не желает, чтобы за ним следили или сопровождали его. Согласно обычаю своей семьи он оставил сообщение в условленном месте, известном его родичам из Потаенного Народа. Каким-то особым способом он передал им, что нужно встретиться. Но Эхегоргун не ответил и не появился. Вместо этого через два дня пришел Кутред. Его одежда была сухой, и он нес свои меч со щитом, значит, не перебирался вплавь через узкий пролив между островом и материком. Надо полагать, у Эхегоргуна была какая-то лодка или плот, но Кутред на этот счет был нем, словно сам уже стал одним из Спрятанных.

Ему объясняли замысел, а он слушал, кивал, молча просидел так целый день и вечером исчез. Вернувшись, он принес неутешительные вести.

— Эхегоргун с вами не пойдет, — сказал он. — Он считает, что его и так уже слишком часто видели. Он предлагает, чтобы вместо него пошел я.

У Шефа задралась бровь. Кутред говорил так, словно его ожидало кое-что получше — например, навсегда присоединиться к Потаенному Народу, как бы в обмен на мальчика Барна, ушедшего к людям много лет назад.

— Он сказал, что не будет упускать тебя, то есть нас, из виду, — продолжал Кутред. — И он передаст своим родичам просьбу не мешать нам. Это избавит нас от многих неприятностей. Ты-то знаешь, почему большинство охотников не возвращаются оттуда. Они кончают свои дни в коптильне. Но еще остаются волки и медведи. А также холод и голод. И финны. Придется рискнуть, они могут напасть на нас.

Выбора не было, Шеф вынужден был согласиться и продолжил свои хлопоты. Под конец Бранд заставил промаршировать перед собой каждого участника похода и придирчиво осмотрел его снаряжение. У всех были прочные, доходящие до колен, смазанные жиром сапоги. Толстые гамаши и плотные шерстяные штаны поверх них как у мужчин, так и у женщин. Шерстяные куртки, кожаные плащи, конопляные рубахи.

— Пот опасен, — объяснял им Бранд. — Замерзает на теле. Конопля впитывает пот лучше, чем шерсть. Но лучше не потеть. Просто делайте все размеренно и никогда не останавливайтесь, пока не разведете костер. Тогда вам будет тепло, но не жарко.

Он убедился, что у каждого есть спальный мешок. К сожалению, не такой роскошный, как купленный Шефом в Гу-

ла-Тинге — тот, как и многое другое, сгорел. Но склад с пухом уцелел в пожаре, и каждому достался двухслойный мешок из кожи или шерсти, с подкладкой из пуха морских птиц. Рукавицы и шапки, холщовые платки, чтобы замотать вокруг шеи и прикрыть лицо в случае метели. У каждого в заплечном мешке запас еды на десять дней, в основном сушеная рыба и тюленье мясо, а также выдержанный сыр, сделанный из козьего и овечьего молока. Худо-бедно, но человеку, идущему весь день по морозу, без четырех фунтов еды не обойтись. Чем больше несешь, тем меньше пройдешь.

— Увидите что-нибудь живое — съешьте, — наказал Бранд. — Растягивайте запас, который несете, как можно дольше. Прежде чем перейдете на ту сторону, наголодаетесь.

Оружие тоже было тщательно отобрано, и не только военное. Катапультеры взяли свои арбалеты и тесаки. Озмода с трудом вынудили оставить свою алебарду, слишком тяжелую и громоздкую. Торвин взял кузнечный молот, Ханд шел с пустыми руками, а остальные несли топоры и копья — в виде рогатин, а не дротики и не гарпуны.

— На медведя, — объяснил Бранд. — Рогатина не даст медведю навалиться на вас.

Было также роздано четыре небольших охотничьих лука — тем, кто считал себя метким стрелком. Кутред захватил отобранный у Вигдьярфа меч и свой шипастый щит. Шеф нес старое копье и широкий рогаландский нож — трофей с «Журавля».

Наконец, Бранд навязал им странные деревяшки, на которых катаются норвежцы, шесть пар лыж.

— Из нас никто не умеет ходить на них, — протестовал Шеф.

— Торвин умеет, — отвечал Бранд.

— Я тоже умею, — добавил Кеолвульф. — Научился в первую зиму.

— А вдруг вам понадобится выслать разведчиков, — настаивал Бранд. А про себя он подумал: пусть хоть кто-нибудь выживет, даже если остальные умрут.

На рассвете, недели через две после битвы и пожара, отряд выступил в путь. Через первое препятствие — пролив — они переправились на судне, которое людям Бранда удалось собрать из обломков: доски с обоих разбитых кораблей, киль,

сделанный из одной половины сборного киля «Журавля». Корабль вышел коротким, широким и неуклюжим, Бранд неодобрительно назвал его «Утенок». Тем не менее он прилично ходил под парусом, и отряд да еще шесть человек команды разместились на его просторной палубе. Возникли споры, где лучше высадиться на берег, Бранд предлагал выбрать фьорд, который дальше всех заходит в горные теснины, чтобы как можно больше сократить маршрут по суше. Но Кутред с неподражаемой уверенностью отверг этот вариант.

— Эхегоргун сказал другое, — пояснил он. — Он велел идти во фьорд, который подходит к трехглавой горе. Потом идти строго на восток. Так мы выйдем на направление к большому озеру у подножия гор *Kjolen*, Киль.

— Так там направление или дорога? — поинтересовался Шеф.

— Направление. Дорог там нет. Нет даже троп Потаенного Народа. В горной стране им не нужны тропы.

Он чуть не сказал «нам», отметил Шеф.

Итак, двадцать три нагруженных человека стояли на холодном ветру в самом конце длинного фьорда. Солнце поднялось высоко в небо. Но при этом оно едва освещало горные вершины, и половина фьорда лежала в глубокой тени. На противоположной стороне в тихой воде сверкало отражение увенчанных снежными шапками высоких пиков, колеблемое лишь легкой рябью отходящего от берега «Утенка». Люди казались россыпью жалких прутиков у подножия серых исполинов, а их тропы — просто промоинами в скале, по которым струится текучая вода.

Бранд крикнул им вслед:

— Тор вам в помощь!

Торвин в ответ показал знак Молота.

— Веди нас, — сказал Шеф Кутреду.

* * *

Спустя двенадцать дней Шеф убедился, что его расчеты были неверны. Он сделал двенадцатую зарубку на палочке, которую носил за поясом с первых дней похода, а остальные путешественники молча смотрели на него. Они не могли оторвать глаз от сухой палки.

И в этом тоже была одна из ошибок. Первый день ока-

зался так плох, как Шеф и ожидал, вспоминая свою судорогу при подъеме на склон, когда они с Кутредом пришли в гости к Эхегоргуну. В этих горах не было очень крутых и отвесных склонов, по которым пришлось бы карабкаться. Но они никогда и не становились настолько пологими, чтобы можно было просто идти. Первыми заболели мускулы на бедрах. Потом к ним присоединились руки, так как ослабевшим скалолазам приходилось все больше и больше подтягиваться на руках, а не отталкиваться ногами. Перерывы на отдых становились все более длинными, все более частыми, а боль после каждого из них все более мучительной.

Все это Шеф предвидел. В конце концов, дело было в том, чтобы забраться, скажем, на пять тысяч футов. Для этого достаточно пяти тысяч шагов. «Около трех тысяч мы уже сделали, — сказал он остальным. — Две тысячи шагов! Мы можем сосчитать их». И хотя в числе он ошибся, он был прав, что рано или поздно этому придет конец.

Тогда они на несколько дней приободрились. Запертые долгое время в загонах для трэлей или на кораблях, англичане радовались свежему воздуху, солнечному свету, необозримым просторам, первозданной пустынности гор. Пустынность. Вот в чем была причина. Даже Торвин признался Шефу, что ожидал увидеть то, что норвежцы называют *barrskog*, кустарники. Но отряд поднялся уже выше тех мест, где хоть что-нибудь произрастало. Каждую ночь, которую приходилось проводить без костра — ведь они не несли с собой дров, — мороз, казалось, пробирал их все свирепее. Еда была строго ограничена. Ее не хватало, чтобы насытиться. Может быть, если бы у них был костер, чтобы сварить на нем мясо, как они начали мечтать в разговорах друг с другом, тогда сушеное тюленье мясо вызвало бы ощущение наполненности желудка. А так это было все равно что жевать кожу. Целый час жуешь один кусочек, а потом в животе только жалкие крошки. Ночь за ночью Шеф просыпался от холода даже в своем подбитом пухом мешке, и снился ему хлеб. Ломоть с толстым слоем желтого масла. И с медом! Пиво, густое коричневое пиво. Его тело кричало об этом. Ни у кого из путешественников с самого начала не было особого жирка, и их тела начали перерабатывать собственные мышцы за неимением ничего другого.

Поэтому они уставились на палку, мечтая, чтобы он разломал ее и пустил на растопку, чтобы поджечь засохшую коричневую траву и мох, которые покрывали неровное горное плато. Это было невозможно. Но только об этом они и думали.

По крайней мере, удалось преодолеть какое-то расстояние, размышлял Шеф. Ни холмы, ни леса не задерживали их, хотя встречались болота и топи. Однако они не вышли к озеру, на которое так рассчитывали, и все, что мог сказать Кутред, — что озеро где-то дальше. Озеро, говорил он, с деревьями вокруг, а на них кора, из которой можно сделать легкий челн. Так рассказывал ему Эхегоргун. «Где он, твой Эхегоргун, пусть показал бы», — снова и снова хотелось закричать Шефу, но ввиду сомнительной преданности Кутреда он хранил молчание.

Еще каких-то несколько дней тому назад он мог бы сказать себе, что, по крайней мере, в отряде сохранился дух солидарности. Привычка бывших рабов безропотно переносить трудности была их немаловажным достоинством. Там, где гордые вояки стали бы спорить, препираться и обвинять друг друга, устраивая трагедию из каждой мозоли или расстройства желудка, люди в отряде Шефа относились друг к другу заботливо, как... как женщины, пришлось бы ему сказать. Когда у Марты однажды утром случились колики, что могло задержать выход, Вилфи разыграл роль шута и отвлек на себя внимание. Когда Удд, самый слабый из всех, начал хромать и, все больше и больше бледнея, пытался скрыть это, опасаясь, что его бросят, не кто иной, как Кеолвульф, остановил отряд, смазал больную пятку Удда собственной пайкой тюленьего жира и шел рядом с ним, ободряя и поддерживая.

Все же напряжение стало прорываться, проявляясь в мелких стычках. Особенно изменился Кутред. Днем раньше Карли, по-прежнему неисправимый, когда речь шла о женщинах, поймал проходящую мимо Эдит и на мгновенье стиснул ее ягодицы. Начиная с Дроттнингсхолма, он и Эдит при любой возможности спали вместе, и она не протестовала. Но идущий сзади Кутред, слова худого не говоря, просто с силой хватил Карли по уху. На мгновение Карли принял стойку. Потом увидел, что Кутред нарочито открыт для прямого удара, и, зная, что исход схватки будет смертельным, поник и ретировался. Теперь Карли чувствовал себя униженным. Не так, как в свое время Кутред, однако в отношениях людей в

отряде появилась трещинка, распространявшаяся по мере того, как они принимали ту или иную сторону.

Шеф заткнул палочку обратно за пояс, посмотрел на звезды, проступающие в морозном воздухе.

— Теперь спать, — сказал он. — На рассвете в путь. Ничего больше нам не придумать. Завтра мы найдем дрова и Кутредово озеро.

Когда командир слабеет, армия останавливается, так говорит пословица. Если командиру приходится шутить, значит, армия уже слаба.

* * *

Откуда-то сверху за ними наблюдал Разум. Взирал на маленький измученный отряд, страдающий от холода и от резей в животе, а по крайней мере один из них беззвучно кричал от внутренней боли. Взирал с удовлетворением, умеряемым только некоторыми опасениями.

«Он справился с моими китами, — говорил себе Разум. — Он выдержал испытание поклоняющихся мне. Он носил мое копье и на нем так и осталась моя отметина, однако он не оказывает мне почестей. Но что такое почести? Важно то, что он ослабит меня и мое воинство в Судный День».

«Да, — подумал разум Одина, — я мало спал со дня смерти моего сына. С тех пор, как от меня забрали Бальдра, и лучшие мои люди из Эйнхериара не смогли вернуть его из мира Хель. С тех пор мир стал серым и скучным, и таким он пребудет до Судного Дня. И если мы не победим в этот день, на что нам надеяться? Но это существо, этот человечишка, рожденный в постели, хочет сделать мир лучше, дать людям счастье до того, как наступит Судный День. Если такая вера распространится, откуда я буду набирать свой Эйнхериар?

Он должен умереть здесь, и его мысли умрут вместе с ним. И его последователи тоже. И все же это будет потеря, это будет потеря. Потому что существо с моей отметиной, с одним глазом, наделено мудростью — не понимаю, кто дал ему мудрость? Иногда он напоминает мне одного из моих сыновей. В любом случае, он прислал ко мне великого ратоборца для Судного Дня, Ивара Убийцу Королей, который теперь каждый день сражается в Вальгалле со своими товарищами. И тот, что идет с ним, это тоже великий ратоборец, этот калека. В Вальгалле

нет женщин, чтобы раздражать его, он будет здесь желанным гостем. Пусть он исповедует Белого Христа, сейчас не до религии, он может стать моим, попасть в мою коллекцию. Но для этого он должен умереть с оружием в руке.

Жаль было бы потерять его. И жаль потерять одноглазого, у него есть какая-то хитрость, а этого качества так не хватает в полях вокруг Вальгаллы. Что же мне послать им? Послать ли моих волков?

Нет. Если бы волки съели их, все было бы в порядке. Но сейчас они сами съедят волков и еще облизнутся. Нет, у китов не получилось, и у Вальгрима не получилось, а старый iotun никогда не был моим, он скорее из отродья Локи. У волков тоже не получится. Так что я пошлю им снег. А в снегу — моих финнов».

* * *

Снежинки начали появляться в небе сразу после захода солнца, по одной-две, сначала просто кристаллизуясь, а не падая. Затем снежинки стали расти, с севера поднялся ветер и подхватил их. Около полуночи двое дозорных, заметив, что снег усиливает и засыпает лежащие на голой земле спальные мешки, решили разбудить спящих, чтобы тех не завалило снегом. В лагере поднялось брожение усталых мужчин и женщин, вылезающих из тепла на холод, трясущих свои мешки, переходящих на новое место, а когда они снова ложились, твердая земля под ними превращалась в слякоть из-за тепла их тел. Они начали незаметно переползать с места на место, чтобы укрыться от ветра друг за другом, весь лагерь постепенно переместился в подветренную сторону.

Где-то перед рассветом Шеф, разобравшись, что происходит, выложил в ряд заплечные мешки и нагреб на них снег, чтобы за этой импровизированной стенкой отряд улегся хоть в каком-то порядке, слабые в середине, а сильные по краям. Немногим удалось в ту ночь выспаться. К рассвету все страдали от усталости и голода, а костра у них так и не было.

Безмолвие и темнота, пока не кончился снегопад, что произошло лишь через несколько часов. Путешественники вглядывались в белую равнину, искали спрятавшееся за облаками солнце. Шеф ощутил острый укол неуверенности. За ночь он потерял всякое чувство направления. А солнце спряталось... Он слышал, что бывают такие прозрачные камни, которые со-

бирают солнечные лучи, через них можно увидеть солнце даже за облаками, но у них в отряде таких камней не было.

Он подавил свой страх. Куда они держали путь, было сейчас не так уж важно. Необходимо найти дрова и укрытие, и любое направление, которое приведет к ним, можно считать подходящим. Раскопав из-под снега лыжи, Шеф послал Торвина и Кеолвульфа, единственных опытных лыжников, пробежаться в различных направлениях как можно дальше, чтобы поискать край плато.

Только после того, как они ушли, сообразил он посчитать людей. Одного не хватало. Потерялась Годсибб, белокурая, молчаливая, печальная девушка, которая без единой жалобы проделала с ними весь нелегкий путь от Дроттнингсхолма. Даже Карли не счел нужным попытать с нею счастья. Она никогда не отвечала на его «доброе утро!». Ее тело нашли в снежном сугробе, на удивление далеко от лагеря, что показывало, на какое большое расстояние они сместились за ночь.

— От чего она умерла? — спросил Шеф, после того как они руками разгребли снег вокруг Годсибб.

— Холод. Истощение. Голод, — ответил Ханд. — У людей бывают разные уровни сопротивляемости. Она была худенькой. Может быть, ее спальный мешок промокал. Ночью никто ее не заметил, и она уснула здесь снежным сном. Она отошла мирно — совсем не той смертью, что уготовила ей королева Аза, — добавил он, стараясь отвлечь Шефа от его печальных мыслей.

Шеф взглянул в измученное лицо, слишком усталое для юной девушки.

— Ей пришлось много пройти, чтобы умереть здесь, — сказал он.

И, умирая, она создала ему проблему. Похоронить ее в замерзшей земле невозможно. Можно ли оставить ее в снегу, под сугробом? Когда они будут уходить, могила будет выглядеть вполне пристойно, но никто не сможет отделаться от мысли о том, что произойдет, когда снег растает и перестанет укрывать ее.

Ханд тронул Шефа за рукав и молча показал вдаль. На бугорке в сотне ярдов поодаль четвероногая бестия глядела на них и, высунув язык, уселась, выжидая. Позади нее собирались другие звери, они садились или ложились рядком.

К волкам в отряде относились по-разному. Некоторые англичане вполне к ним привыкли, считали, что они почти неопасны. Против этого со своей обычной решительностью возражал Бранд.

— Вы от них натерпитесь, — предсказывал он. — Совсем не боятся людей. Конечно, они не нападут на отряд из двух десятков вооруженных воинов. А вот пара одиноких людей в лесу — это другое дело.

Появление волков означало, что путешественникам, наверное, не следует оставлять Годсибб, пока они не найдут земли, чтобы похоронить ее, огня, чтобы размягчить землю, и камней, чтобы насыпать могильный холм. Нести ее — отнимет у носильщиков много сил. Если это кончится еще одним мертвым телом, которое надо нести, потом еще одним...

Шеф подозвал двух человек, велел им завернуть тело в спальный мешок, привязать веревки и волочить груз по снегу. Он отмахнулся от настойчивого предложения Фриты стрельнуть в волков из арбалета. Пустая трата стрелы. Может статься, эта стрела понадобится по-настоящему. Поскольку охотничьи луки ночью потерялись, позабытые где-то под снегом, Шеф выстроил отряд в линию и велел прочесать с помощью ног и рук в рукавицах всю площадку, по которой они кочевали ночью, начиная с места первоначальной стоянки. Удалось найти два из четырех луков, но только один колчан со стрелами, весь набор лыж и чей-то забытый вещевой мешок. Было уже около полудня, а они еще ни шагу не прошли по маршруту. Плохое начало для первого дня непогоды. Шеф смерил сердитым взглядом человека, который потерял свой мешок, и закрепил урок суровым выговором.

— Держи все при себе. Или на себе. Ничего не оставляй даже до утра. Иначе утро может для тебя не наступить. И помни, твоей мамаши здесь нет!

Вернулись Торвин и Кеолвульф, до отвращения жизнерадостные и разогретые после нескольких часов бодрого бега на лыжах.

— Нужно идти сюда, — показал Кеолвульф. — Там начинается спуск, вниз ведет долина, и есть что-то вроде леса в нескольких милях дальше.

Шеф задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Смотрите. Вдвоем вам теперь

будет ходить опасно, с нашими-то новыми попутчиками. Возьмите четверых самых молодых парней и покажите им, как ходить на этих лыжах. Потом идите с ними вперед. Даже новички смогут идти на лыжах быстрее, чем мои пешеходы, спотыкающиеся в снегу. Когда доберетесь до деревьев, нарубите дров и принесите с собой как можно больше. Костер подбодрит людей, им легче будет продолжать поход. Я поведу отряд как можно быстрее. Постарайтесь не терять нас из виду, а если снова повалит снег, сразу возвращайтесь.

Лыжники пошли вперед, Торвин и Кеолвульф выкрикивали советы и помогали падающим подняться. Шеф и остальные шестнадцать человек шли второй группой, упрямо пробивая тропу и время от времени спотыкаясь о сугробы. Снег забивался им в сапоги и в рукавицы.

* * *

Финн Пирууси радовался снегу, первому снегопаду в этом году, раннему и желанному. Он вышел из своего уютного кожаного шатра на рассвете, смочил водой костяные полозья саней и поставил их замораживаться, смазал лицо и лыжи желтым оленьим жиром и с луком в руках пустился в путь. Он надеялся добыть полярную куропатку или зайца, но был бы рад любой добыче и даже отсутствию таковой. Зима для финнов была благословенной порой, и если наступала рано, значит, духи предков были к ним благосклонны.

Когда он проходил мимо шатра старого Пехто, шамана, тот вышел и поприветствовал его. Пирууси, нахмурившись, остановился. У Пехто были слишком хорошие отношения с духами, чтобы с ним ссориться, но ведь он все время требовал к себе внимания, уважения, подношений в виде разнообразных яств и особенно любимого перебродившего молока.

Не в этот раз. Приплясывая и потрясая бубном, Пехто, однако, сказал в кои-то веки осмысленные слова.

— На запад, Пирууси, великий охотник, владыка оленей! С запада кто-то движется сюда. Кто-то могучий, Пирууси, и не любимый богом. Ай-и-и! — И Пехто начал еще одну пляску, которую Пирууси как бы не заметил.

Тем не менее он свернул у невысокой березы, листья которой уже почернели от первых заморозков, и пустился по пологому склону на запад. Его лыжи так и свистели на снегу,

Пирууси катился, не задумываясь и не затрудняя себя. Лыжные палки были привязаны у него за спиной, но в них он не нуждался нигде, кроме самых крутых откосов. Гораздо важнее держать в руках лук и стрелы, чтобы в любой момент успеть выстрелить. Зимой нужно добывать еду при каждой возможности. Никогда не следует упускать свой шанс.

Кто-то шел с запада, это точно. Действительно ли старый мошенник увидел этих людей своим колдовским взором? Может быть, он просто поднялся пораньше и посмотрел вдаль, невозможно было не заметить их, пробирающихся по заснеженной равнине. Во-первых, мужчины на лыжах. Мужчины! Они падали через каждую сотню шагов, хуже детей, сущие младенцы. А позади них, достаточно отчетливо для дальнозоркого Пирууси, виднелось целое стадо людей, бредущих, как волы, проваливаясь в снег на каждом шагу. За собой они тащили что-то вроде саней или волокуши.

Сам Пирууси никогда не платил финскую дань, но тем его соплеменникам, кто жил ближе к берегу моря, приходилось платить. Так для них было лучше, иначе во время летней рыбалки или вылазок за птицами они могли пасть от рук морских убийц. Кое-кому пора, подумал Пирууси, заплатить теперь норманнскую дань. Он устремился назад, к россыпи шатров, где мужчины и женщины готовили еду на жарко пылающем в кострах сушеном оленьем помете; он торопился призвать охотников, чтобы доставали свои луки и лыжи.

* * *

Добравшись до первой кучки деревьев, самых обычных, но долгожданных карликовых берез, отряд Шефа обрел новые силы. Шеф приказал лыжникам не отделяться от отряда, беспокоясь, чтобы никто не пропал из виду.

— Мы войдем в лесок, расположимся там, — сказал он. — Сможем развести огонь и сварить обед. По крайней мере, будем в укрытии.

Словно в ответ на его слова, стрела из-за деревьев ударила в затылок ковыляющего на лыжах Виферта. Тот рухнул как подкошенный, умерев прежде, чем коснулся земли. Мгновеньем позже воздух наполнился пением стрел, за деревьями замелькали перебегающие фигуры, они не высовы-

вались больше чем на мгновенье, подбадривали друг друга на каком-то неизвестном языке.

В отряде Шефа было много опытных воинов. Они немедленно залегли, собрались в неровный круг, пытаясь найти прикрытие. Но стрелы сыпались со всех сторон. Бьющие не слишком сильно — Шеф увидел, как Кеолвульф поморщился и вытащил из бедренной мышцы стрелу, по-видимому, без большой натуги, — но смертельные при попадании в горло или в глаз. Стрелки подобрались совсем близко.

— Фрита, — крикнул Шеф, — доставай арбалеты! У кого есть луки, стреляйте, только если полностью уверены, а не просто так. У кого нет луков, лежите и не высовывайтесь.

Щелкнул взведенный Фритой арбалет. Кутред по собственной инициативе встал сзади Фриты, щитом отражая стрелы и прикрывая спину арбалетчика. Фрита выбрал ствол дерева, за которым прятался финн, подождал, пока тот высунется со своим луком. И спустил крючок.

Финн отлетел назад, пущенная с тридцати ярдов стрела ударила его в грудь, вонзившись по самое оперение. Стоявший в десяти шагах Пирууси с изумлением воззрился на нее. Норманны не были лучниками! Да и лука он не заметил. Племя Пирууси не имело воинственных традиций, они не искали славы. Они сражались, как волки, как налетчики. Если жертва оказывает сопротивление, лучше отойти, выждать. Финны отступили, по-прежнему перекликаясь и пуская стрелы.

— Что ж, с ними вроде бы легко справиться, — сказал, поднимаясь, Шеф.

— Подожди, пока мы попытаемся уйти отсюда, — откликнулся Кутред.

* * *

Через несколько часов, когда до прихода темноты еще оставалось немного времени, ситуация стала ясна. Отряд Шефа потерял двух человек убитыми — теперь им приходилось нести с собой три трупа — и с полдюжины получили легкие ранения. Угроза арбалетов удерживала финнов на расстоянии, но Шеф полагал, что из выпущенных стрел, числом около дюжины, лишь одна-две возымели нужное действие. Стрел оставалось не так уж много, а финны были

великие мастера подкрасться, выстрелить и скрыться за деревьями. Сейчас отряд зашел глубоко в лес, и долгожданное укрытие оказалось западней. На открытой торфяной пустоши, которую они покинули, их далеко бьющее оружие решило бы дело. Виды на ночь были невеселые. Пора валить деревья, делать засеку. Хорошо хоть, что они наконец-то могли развести костры.

Едва первый дровосек ударил топором по березе, Шеф заметил закрепленный на ее ветвях сверток. Он пригляделся. Длинный сверток. Слишком длинный сверток.

Он показал на него Торвину, который прятался от стрел рядышком.

— Что это?

Торвин взялся за бороду.

— Я слышал, что здесь, где земля зачастую слишком мерзлая, чтобы хоронить покойников, их вместо этого поднимают на деревья.

— Так мы у финнов в храмовой роще?

— Ну, храма здесь, наверное, нет. Просто погост.

Шеф отозвал дровосека, поискал глазами другие свертки на деревьях.

— Разводите костер, — велел он. — Большой костер. Может быть, они заплатят выкуп за своих покойников.

* * *

Пирууси, глядя на пришельцев, снова засмеялся. Огонь, который развели норманны, высвечивал их, делал легкой мишенью для ночной стрелы. Да, но ведь это его собственную бабушку снимают с ее дерева! Что они хотят сделать с нею? Неужели сжечь? Сожженный покойник лишается в другом мире своего тела, может вернуться в мир живых и преследовать своих нерадивых родственников. С его бабушкой и так хватало неприятностей, пока она была жива.

Пора, подумал Пирууси, пуститься на хитрость. Он отбежал от запряженных оленями саней, которые пригнали, чтобы увезти убитых, сломал ветку, на которой еще оставались листья, и помахал ею в знак желания вести переговоры, опасливо ожидая выстрела из загадочного оружия, которое было пущено в ход норманнами.

* * *

Шеф увидел, что человек в кожаной куртке и штанах машет веткой, и даже в такой момент с завистью отметил прекрасно выделанную кожу — жены Пирууси много дней жевали ее, чтобы добиться такой мягкости. Он заметил опасливую готовность финна отскочить, отвел в сторону арбалет Фриты, сам сломал ветку и немного вышел вперед.

Финн стоял ярдах в десяти. Пока Шеф раздумывал, на каком бы языке с ним общаться, тот сам решил проблему, заговорив на чистом, хотя и отрывистом норвежском.

— Вы, — крикнул он, — зачем жечь? Зачем валить деревья, зачем снимать стариков? Вы их сожжете? Они вам не вредят.

— Зачем стрелять в нас? — ответил Шеф в том же духе. — Мы вам не вредим. Вы убили моих друзей.

— Вы убили моих друзей, — откликнулся финн. Уголком глаза Шеф отметил какой-то промельк, движение от дерева к дереву слева от себя. И справа от себя. Финн снова заговорил, стараясь отвлечь его внимание — пока другие окружали его с обеих сторон. Они пытались захватить заложника, а не вести переговоры. Может выйти неплохо, если они действительно попытаются. Если Шефу удастся отвлечь боем двух или трех из них, Кутред кинется ему на выручку. Берсерк может достаточно напугать финнов, чтобы они предпочли свободно пропустить отряд через свои земли. И конечно, не исключено, что он, Шеф, в этой стычке погибнет.

В лесу двигалось еще что-то. Не по сторонам, а прямо сзади ведущего переговоры финна. Позади себя тот оставил свои сани и двух впряженных в них оленей. Животные стояли спокойно, стараясь отщипнуть с земли комочек лишайника или мха. Но позади них явно был еще кто-то.

Шеф не поверил своим глазам, когда из-за карликовой березы появилась туша Эхегоргуна. Он не мог там прятаться. Комель дерева был от силы в один фут толщиной, едва ли толще, чем одна рука Эхегоргуна. И все же тот как ни в чем не бывало смотрел на Шефа, очевидно, желая сообщить о своем присутствии. Через мгновенье его уже там не было. В любом случае, недоумевал Шеф, много дней и недель они пересекали открытые пустоши, где видна каждая птица и

травинка. Как Эхегоргун мог выследить их? Даже олени его не заметили. Они спокойно продолжали пастись.

Финн заметил целеустремленный взгляд Шефа.

— Хо-хо, — заухал он. — Старая шутка. «Оглянись, Пирууси, что там такое?» Я смотрю, а твои люди стреляют, стреляют.

Эхегоргун тихонько подошел к одному из пасущихся оленей, положил ему на голову свою огромную лапу и ласково свернул шею. Ноги оленя сразу подкосились, он завалился вперед, на мгновенье аккуратно придержанный Эхегоргуном. Тот подошел ко второму оленю, так ничего и не заподозрившему, и с той же ловкостью и неторопливостью свернул шею и ему.

А потом он исчез, растворился в тенях берез, будто его и не было, оставив как знак своего появления лишь двух мертвых животных.

Пирууси вдруг понял, что Шеф его не видит, и обернулся, словно ужаленный. Увидел двух своих оленей бездвижно лежащими на земле. Глаза его раскрылись, челюсть отвисла, он повернулся к Шефу с выражением ужаса и недоверия на лице.

Шеф отвернулся и выразительно посмотрел на подкрадывающихся к нему с обеих сторон финнов, крикнул Фрите с помощниками, чтобы держали тех под прицелом. Предостерегающе указал на приблизившихся арбалетчиков. Затем подошел к Пирууси, склонившемуся над своими мертвыми оленями.

— Как ты это сделал? — спросил Пирууси. Неужели старый Пехто, мошенник он или нет, был прав? Есть ли у этого странного человека с одним глазом и со старым копьем в руке какая-то колдовская власть?

Он ощупал сломанные шеи своих олешков, своих драгоценных бегунов, и снова спросил:

— Как ты это сделал?

— Я этого не делал, — ответил Шеф. — Но, понимаешь ли, у меня есть друзья в этих лесах. Друзья, которых ты не можешь увидеть, друзья, с которыми тебе лучше не встречаться. Ты ведь слышал о таких вещах?

Очевидно, слышал, поскольку финн стал нервно озираться, словно в любой момент позади него могло появиться

неведомое существо и схватить его за глотку. Шеф подошел и ткнул его древком копья.

— Хватит стрельбы, — сказал он. — Хватит фокусов. Нам нужен очаг, еда. Дадим золото, серебро. Идем в Ярнбераланд. Ты знаешь Ярнбераланд?

В глазах Пирууси мелькнуло понимание, а также сомнение.

— Я покажу вам Ярнбераланд, — согласился он. — Сначала выпьем вместе. Выпьем... — По-видимому, он затруднялся подобрать слово. — Выпьем напиток видений. Ты, я и Пехто.

Шеф не понял, но кивнул.

Глава 26

Вечером следующего дня Пирууси приволок старику Пехто традиционные подношения: комок соли, мешок пахучего, наполовину прокисшего масла из оленьего молока, кровяные колбаски, щедро сдобренные салом, тщательно очищенную и пережеванную оленью кожу. Он не поскупился и приложил пару мягких сапожек с красными шнурками, чтобы завязывать сверху. Пехто осмотрел дары с отсутствующим, как и полагается, видом и дважды от них отказался. На третий раз он смахнул подарки в угол шатра и велел «старой карге» — своей жене, которой было уже больше сорока лет, — подойти и забрать их.

— На сколько человек? — спросил он.

— Для тебя и для меня. Для одноглазого чужака и его приятеля.

Пехто задумался. Это был самый приятный момент — отказать все равно было не в его власти, — но по крайней мере, Пирруси уважил его. И шаман решил не перегибать палку. Ведь принесенные подарки действительно были щедрыми — настолько щедрыми, что Пехто догадался о какой-то особой причине для такой щедрости.

— Приходи, когда стемнеет, — сказал он.

Без лишних слов Пирууси вышел. Он знал то, о чем старый шаман, при всем своем бахвальстве насчет способности видеть издалека и даже под землей, не догадывался — одноглазый, когда Пирууси потребовал плату за убитых оленей, снял с руки и

без звука отдал золотой браслет. Правда, оленей он забрал, но такую ценность, как их шкуры, отдал Пирууси опять же без споров. Хотя Пирууси и не видел раньше золото, желтое железо, как его называли финны, но он прекрасно знал, как ценят его норманны, с которыми ему не один раз случалось торговать. За браслет такого веса он мог купить все свое племя вместе с потрохами, не говоря уж о паре оленей.

Однако пришелец оказался не совсем сумасшедшим. Когда Пирууси потребовал плату за двоих убитых соплеменников, тот лишь молча показал на своих убитых. Еще Пирууси заметил свирепый взгляд очень большого человека, который носил меч и шипастый щит. Умнее будет с таким воином, отмеченным духами, не связываться. В любом случае смерть оленей оставалась загадкой. Пирууси решил про себя, что одноглазый — могучий норманнский шаман, каких он раньше не видывал. Должно быть, шаман умел принимать разные обличья, и в одном из таких обличий, например в виде медведя, убил оленей, пока его человеческое обличье по-прежнему стояло перед Пирууси.

После напитка видений многое выяснится. Пирууси решительно направился к родному шатру и позвал лучшую из своих жен, намереваясь самым приятным образом скоротать оставшееся до ночи время.

* * *

Шеф вместе с Хандом обходил временный лагерь. Изголодавшиеся люди разожгли костры и начали нетерпеливо обжаривать на них куски тут же разделенного мяса — два оленя исчезли быстро и без следа. Только после этого люди ощутили в себе достаточно сил, чтобы нагреть камни, бросить их в деревянные котелки и сварить нежнейшего вкуса похлебку. Ведь сначала они поглощали мясо полусырым. Шефу вспомнилось, как он проглотил кусок свежей печенки и наступило первое опьянение сытостью, сходное разве что с опьянением от зимнего эля. И тогда он понял, что днем раньше мечтал не только о большом ломте хлеба с маслом, но и начинал сожалеть, что когда-то отказался от протухшей акульей печенки.

— Как, по-твоему, настроение у людей? — спросил Шеф.

— Просто удивительно, как быстро они оправились, — отвечал Ханд. — Дня полтора назад я боялся за Удда. У него

почти не осталось сил. Я опасался, что мы потеряем его так же, как потеряли Годсибб, слишком слабую для ночных холодов. А сейчас, после трех плотных приемов пищи и ночи, проведенной у жаркого костра, он вполне готов выдержать еще несколько дней путешествия. Хотя одна вещь меня беспокоит. Некоторые показывали мне вновь открывшиеся старые раны — раны, которые зажили уже много лет назад.

— Из-за чего это?

— Неизвестно. Но так бывает в конце весны, когда люди долгое время питались запасенной на зиму пищей. Все лекари Идуны знают, что если дать такому больному свежей зелени, капусты, овощей, он быстро поправится. Чеснок и лук тоже помогают. Зерно давать бесполезно.

— Но ведь сейчас не конец весны, зима только начинается, и вдруг такая болезнь.

— Верно. Но как долго мы питались корабельной едой? И что мы ели в Храфнси? В основном сушеное мясо да сушеную рыбу. Нам нужно есть свежую пищу, и лучше в сыром виде. Думаю, сырое и полусырое мясо, которое мы ели вчера, должно помочь. Нам нужно будет достать еще сырого мяса, прежде чем мы дойдем до шахт Пути. У них там есть запасы капусты и лука, пусть даже не свежих, а соленых.

Шеф кивнул. Было в этом что-то странное, как будто еда — не просто топливо, которое сгорает в теле и которое необходимо лишь обеспечить в достаточном количестве. Однако он никогда не слышал, чтобы коровы, овцы, собаки, лошади или волки страдали от такой болезни, от того, что едят лишь один вид пищи. Он сменил тему.

— Ты знаешь, что за напиток нам придется пить сегодня ночью с вождем финнов?

— Я узнаю, когда увижу питье, понюхаю и попробую на вкус. Но если это напиток видений, возможностей не так уж много. Это может быть слабый отвар болиголова, которым Рагнхильда отравила своего мужа, или же ягоды белладонны. Но я сомневаюсь, что они растут здесь. Скорее всего... ладно, посмотрим. Одну только вещь скажу тебе, Шеф. — Ханд выглядел неожиданно серьезным. — Мы давно знакомы, и я хорошо знаю тебя. Ты человек жесткий, а сейчас стал еще жестче. Позволь мне сказать тебе, мы попали в очень странные места, более странные, чем Гедебю, Каупанг и Храфнси.

Финны могут попросить тебя сделать то, что ты сочтешь унизительным. Но они не желают тебе зла. Если это сделает вождь, сделай и ты тоже.

— А ты?

— Я лекарь. Мое дело сидеть и наблюдать, следить, чтобы тебе не причинили вреда. Возьми с собой еще одного человека, чтобы он пил с тобой, если они на это рассчитывают. Но делай именно то, чего от тебя ждут.

Шефу вспомнилась пословица, которую в юности они часто слышали от отца Андреаса.

— Если ты в Риме, делай, как римляне, так, что ли?

— Другими словами, с волками жить — по-волчьи выть.

* * *

Немного погодя Шеф со своим неизменным копьем в руке вел Ханда и Карли в финское становище, расположенное в четверти мили от лагеря путешественников. Он чувствовал легкость и радостное нетерпение, как если бы в дни юности шел в Эмнет выпить пива с друзьями, а не собирался исполнить загадочные ритуалы с людьми, которые недавно чуть не убили его. Разобравшись в своих чувствах, он понял, почему так получается. Это было ощущение свободы от гнетущего присутствия Кутреда. Разумеется, не могло быть и речи, чтобы взять его с собой к незнакомцам, которые могли невольно его задеть. Карли тоже выглядел оживленным. Он пялился вслед каждому финну, которому случалось проехать мимо них по легкому снегу на лыжах.

— Наверняка некоторые из них женщины, — изрек он наконец.

Шеф привел их к шатру, который ему описали, к шатру чародея. Полог был откинут, иссохший старик поманил их внутрь, где уже сидел вождь Пирууси. Вождю, видно, не понравилось, что гостей трое.

— Только двое, — сказал он, показывая два пальца. — На всех не хватит.

— Я не буду пить, — мягко сказал Ханд. — Я только посмотрю.

Вряд ли Пирууси удовлетворило это объяснение, но он промолчал, а старик пригласил всех усесться на ковер из шкур, подал каждому подставку для спины, сделанную из бе-

резовых сучьев. Он завел монотонную ритмичную распевку, время от времени ударяя в бубен. Где-то снаружи шатра ему вторил маленький барабан.

— Он призывает духов, чтобы они направляли нас, — пояснил Пирууси. — Сколько оленей ты хочешь за второй золотой браслет у тебя на руке? Я дам тебе целых двух оленей, жирных, хотя никто не дал бы больше одного.

Шеф ухмыльнулся и в ответ предложил заплатить три серебряных пенни за трех оленей, одно пенни потом возвращается назад в обмен на шкуры. Отметив с некоторым облегчением, что его гость не совсем безумен, Пирууси хихикнул и попробовал подкатиться еще раз.

Когда они пришли к окончательному соглашению — десять серебряных пенни и золотой перстень за пять оленей с возвратом шкур и за двадцать фунтов птичьего пуха для спальных мешков, — Пехто уже допел свою песню. С привычной, по-видимому, у финнов бесцеремонностью он высунулся наружу и принял из невидимых рук, оставивших в покое барабан, большой пышущий паром сосуд. Шаман поочередно зачерпнул напиток в четыре больших кружки из долбленой сосны и протянул их Пирууси, Карли и Шефу, оставив четвертую себе.

— Пейте, — сказал он на норвежском.

Шеф молча протянул свою кружку Ханду, который осторожно принюхался, окунул палец и облизал его. Лоб Пирууси прояснился. Наконец-то он понял, зачем нужен третий человек. Он пробует. Значит, одноглазый могучий вождь, раз у него есть пробовальщики отравы.

— Это вода, в которой сварили мухоморы.

— Это не опасно?

— Думаю, для тебя — нет. Ты привык к таким вещам. Полагаю, что и Карли вреда не будет.

Шеф вежливо поднял кружку в честь хозяев и сделал долгий глоток. Остальные сделали то же самое. Шеф обнаружил, что вежливым считается отпить треть, остановиться, выпить еще, снова остановиться и допить остаток. На вкус питье было затхлым, горячим, с легкой горечью, не слишком приятное, но лучше многого из того, что заставлял его глотать Ханд. Присутствовавшие немного посидели в молчании, погружаясь в собственные мысли.

* * *

Шеф ощутил, что душа его выходит через рот и устремляется наружу, сквозь стенки шатра, словно они прозрачные, летит на простор, и кругами, как птица, поднимается над темными лесами и заснеженными белыми равнинами вокруг. С интересом он заметил частично замерзшее озеро, лежавшее не очень далеко, по другую сторону леса — Кеолвульф оказался прав. Но интересовался этим его рассудок, а не его душа. Душа стрелой мчалась на запад. Быстрее мысли пронеслась она над сушей и морем, и в мир вернулся свет. В месте, где она очутилась, был еще вечер, а не ночь. И стояла осень, а не зима.

Это был Гедебю. Шеф узнал курган, на котором весной, сидя в ожидании ужина, увидел произошедшую много лет назад кровавую битву и жертвоприношение. Но мир, который царил в этих местах, когда ему явилось то ужасное видение, ныне исчез без следа. Ни деловитых пахарей, ни дымящих труб. У частокола расположился огромный палаточный лагерь, сотни людей собрались у городских стен. Это напоминало осаду Йорка, которую Шеф видел два года тому назад.

За исключением двух обстоятельств. Здесь были деревянные, а не каменные, римской постройки, стены. И оборонявшиеся не пытались отсидеться за ними. Многие вышли наружу, схватились с осаждавшими, дрались с ними на мечах, на копьях и боевых топорах, делали вылазки через специальные ворота и калитки, возвращаясь затем за частокол торопливо или с гордостью.

И все же здесь царила неразбериха, постепенно понял Шеф. Заметил это, и в нем выросла уверенность, что видит он не прошлое, не выдуманную историю и не то, что могло бы происходить. Виденное действительно происходило в тот самый момент, когда он сидел в шатре у финнов. Это было видение, но видение реальности, нечто такое, что не нуждается в истолкованиях.

Осаждающие старались установить катапульты — «мулы» — около кургана, на котором сидел Шеф. Обороняющиеся попробовали помешать им. Безуспешно. Но в сущности они ведь только хотели выиграть время. Услышав сигнал горна, защитники отступили. На стене, ближайшей к установленным осаждающими трем «мулам», показались шесть, десять, двенадцать простейших метательных машин, которые Шеф сам

изобрел, вращательниц. Они стояли на платформах, пристроенных около бойниц в частоколе.

Катапульты окружили боевые расчеты, по восемь человек на машину, взялись за веревки. Длинные шатуны опустились, заряжающие вложили каменные ядра в петли, дернули рычаги вниз. Воины одновременно дернули за веревки — не совсем одновременно, с профессиональным интересом отметил Шеф, вечная ошибка недисциплинированных норманнов, — шатуны крутанулись, петли взметнулись вверх.

Град камней посыпался вокруг «мулов», каждый в десять фунтов весом, падающий по дуге высотой в две сотни ярдов, вполне достаточно, чтобы вмять шлем в череп, а череп в туловище. Но, увы, они падали только вокруг «мулов». Проблема с камнекидалками, сразу вспомнилось Шефу, состояла в том, что из них легко было прицеливаться по направлению, но очень трудно правильно определить расстояние. Камни летели по высокой дуге, а не полого. Хорошо против стоящего войска, особенно выстроившегося в колонну. А против точечной цели — все равно что целиться камнем в ведро с расстояния ярдов в тридцать.

Зрение Шефа словно бы обострялось, пока он смотрел. На стене он узнал выкрикивающего команды толстого, но крепкого человека — короля Хрорика, того самого, который продал Шефа в святилище Пути. Он носил серебряный шлем и раскрашенный щит. А командовал он — в далеком финском шатре в березовой роще Шеф захрипел от изумления — командовал он катапультером Лаллой, сбежавшим в Гула-Тинге. Так вот кто сманивал катапультеров за бешеные деньги!

Лалла, заметил Шеф, пытался установить «мула», а Эдви, другой дезертир, делал то же самое в десяти ярдах поодаль. Это у них не получалось. В отличие от сравнительно легких камнекидалок, работавших на мускульной силе, «мулы» делались из крепкого леса, чтобы выдержать удар шатуна. Их трудно поднять на высоту боевой платформы и после этого ничуть не легче установить. Но защитники установили машины на треноге, и теперь оба англичанина бегали вокруг, пытаясь управлять тем, что обычно требовало усилий всего расчета из восьми человек.

Они явно не успевали. Осаждающие... А кто были осаждающие? С ощущением прихода злого рока Шеф увидел, что по полю битвы движется Знамя Ворона, а вокруг него собрались

все трое сыновей Рагнара. Даже на расстоянии неестественные, окруженные белками зрачки Змеиного Глаза, казалось, пронзали насквозь стены и оборонявшихся. Шеф прямо вздрогнул, когда взгляд Сигурда прожег его. Рагнарссоны скликали своих людей, собирали их для штурма, потому что знали...

Их «мулы» выстрелят первыми. Два «мула». В одну из машин попал камень из вращательницы, как раз в стопорный болт, и команда, потерявшая несколько человек, отчаянно пыталась разогнуть искореженный металл. Но и двух оставшихся «мулов» было вполне достаточно. Один ударил слишком низко, ядро скользнуло по склону земляного вала в основании частокола, отскочило и взвилось вверх. Другой попал точно, в одно мгновенье пробив брешь шириной до трех бревен. Воины Рагнарссонов устремились было вперед, но были остановлены и отброшены назад.

Лалла наконец установил свою машину, закричал что-то королю Хрорику, который тоже заорал в ответ и плашмя ударил мечом Лаллу по плечу. Лалла пригнулся за катапультой, выкрикивая указания расчету — люди, кажется, пришли от них в полное замешательство, — стараясь правильно установить направление и угол прицела. Затем, снова получив удар от разгоряченного Хрорика, он дернул пусковую скобу.

Бац! Шеф услышал радостные восклицания, даже не разобрав толком, а не было ли среди них его собственного. Один из «мулов» Рагнарссонов был разрушен ударом гораздо более мощного каменного ядра, команда брызнула в стороны, она вжималась в землю, отскочив от разлетающихся щепок и хлеста внезапно высвобожденных веревок.

«Мул» Эдви выстрелил секундой позже. Мгновенье Шеф не мог проследить полет снаряда, потом, увидев, как люди Рагнарссонов машинально втягивают головы в плечи, понял, что тот прошел на один фут выше, чем нужно, просвистел над головами расчета и улетел в поле еще на полмили.

Но теперь Рагнарссоны определили дистанцию, и их третий «мул» был уже починен. Шеф увидел, как командиры расчетов переглянулись, подняли руки в знак готовности и одновременно махнули ими, подавая сигнал для выстрела. Этому они хорошо обучились. Кто же тренировал их? Другие сбежавшие? Множество людей узнали, как работают машины, когда слу-

жили в армиях Шефа и Ивара, а может быть — и от первых их изготовителей, черных монахов Йорка.

Парящая в небе душа Шефа увидела полет камней, проходящих сквозь воздух, словно сквозь густую патоку. Он успел мысленно продолжить их траектории, понять, куда они попадут, и попытался выкрикнуть предостережение. Время опять потекло в нормальном темпе. Он увидел, как ядра ударили в бревна, перевернули машины, в которые были нацелены, смахнули со стены в одну вопящую кучу бревна, веревки, камни и людей. На земле оказался Лалла, озирающийся, старающийся опереться на сломанные руки, а сверху на него всем своим весом в тонну с четвертью рухнула разбитая катапульта.

Шеф отвел взгляд, услышав удар, треск сломанных ребер. Эдви нигде не было видно. Рагнарссоны устремились через пролом в стене. Король Хрорик был в центре сражения, выхватил меч, скликал своих людей. Позади него воины пытались соорудить хоть какой-то заслон, битва еще не была проиграна...

* * *

В шатре Шеф вскочил на ноги с криком:

— Враги вокруг Гедебю!

Осознал, где находится, осознал, что остальные давно очнулись и молча смотрят на него. Вытер холодный пот со лба, пробормотал:

— Я видел... видел осаду. В Дании.

Пирууси разобрал слово «Дания», он знал, что это очень далекая страна, и ухмыльнулся. Ясно, что это великий норманнский шаман. Его дух летает далеко.

— Что ты видел? — спросил Шеф у Карли.

На лице Карли появилось нехарактерное для него смущение. Он потупился и тихо сказал:

— Я? Девушку.

Финский вождь понял и это слово, хлопнул Карли по спине, весело улыбнулся. Сказал что-то непонятное, повторил еще раз. Шеф вопросительно взглянул на Ханда.

— Он говорит: не пора ли помочиться?

Шеф понял, что действительно ощущает давление в мочевом пузыре. В кружку входило не меньше пинты странного напитка, а вызванное им видение длилось около часа.

— Согласен, — сказал он. — А где?

Старик достал другой сосуд, большой, опять же выдолбленный из сосны. Он поставил его на пол, сделал приглашающий жест, еще один сосуд передал Пирууси, который начал высвобождаться из своих кожаных штанов — в зимней одежде дело отнюдь не легкое. Шеф осмотрелся, соображая, не лучше ли будет выйти. Может быть, внутри шатра этого не делают. А может быть, если зимой то и дело бегать на улицу, отморозишься. Не видя причин отказаться, он, как и Карли, последовал примеру хозяев.

Старый финн поднял горшок Пирууси, взял кружку Шефа, зачерпнул исходившую паром жидкость, протянул Шефу. Тот вскочил на ноги и отпрянул, заложив руки за спину. Оба финна разразились потоком сердитых финских слов. Затем старый Пехто взял горшок Шефа и кружку Пирууси, и осуществил ту же операцию. Пирууси взял кружку, приветственно приподнял и аккуратно отпил треть.

— Вспомни, что я тебе говорил, — спокойно сказал Ханд. — С волками жить... Думаю, что это доказательство доверия. Ты пьешь то, что прошло через него, он пьет то, что прошло через тебя, вы делитесь своими видениями.

Видимо, Пирууси понял слова малыша-лекаря, потому что энергично закивал головой.

Шеф увидел, что Ханд и Пехто обмениваются кружками, понял, что обречен. Он осторожно поднял кружку, подавил возникшую от сильной вони тошноту и отпил треть. Снова уселся, отпил еще треть. Сделал ритуальную паузу и допил остатки.

* * *

На этот раз его душа быстрее вышла из тела, словно уже знала, что делать. Но полет, в который она устремилась, не привел ее в другой климат и в другое время суток. Он вел во мрак. В темноте лежала какая-то бедная деревушка; Шеф видел таких десятки в Норвегии, в Англии, в Дитмарше. Все одинаковые, с одной грязной улицей, пригоршней домов и построек в центре, а на околице, на опушке прилегающего к деревне леса, россыпь амбаров, хлевов и сараев.

Он оказался внутри амбара. Люди в ряд стояли на коленях на голой земле. Благодаря своим детским воспоминаниям Шеф понял, что они делают. Они принимают христианское причастие, тело и кровь своего Бога, который когда-то был и его Бо-

гом. Однако отец Андреас никогда не совершал это таинство в таких неподходящих условиях, в заваленном мешками амбаре, при двух тусклых свечах. Не так относился к нему и отчим Шефа, Вульфгар. Для него месса была возможностью пересчитать домочадцев, убедиться, что все на месте, и горе тому, кого на месте не оказывалось! Те мессы были публичными. Эта была чуть ли не тайной.

На исхудавшем лице священника отразились многие жизненные невзгоды, и Шеф не мог его узнать. Но сзади него, неся чашу вина вслед за вовсе не подходящим для этой цели блюдом с облатками, шел не кто иной, как дьякон Эркенберт. Всего лишь дьякон, поэтому не имеющий права самостоятельно отправлять мессу. Однако участвующий в ней. И это тоже было неправильно, поскольку его хозяева, черные монахи из Йорка, постыдились бы, если бы один из них участвовал в такой неторжественной и нищенской церемонии.

Шеф понял, что паства состояла из рабов. А точнее говоря, из трэлей. Большинство из них были в ошейниках. Без ошейников были только женщины. Женщины бедные и старые. Так зародилась христианская церковь, словно бы вспомнилось Шефу. Среди римских рабов и отверженных.

Некоторые из причащающихся в страхе оглянулись, заслышав снаружи тяжелые шаги и громкие голоса. Взгляд Шефа переместился. Снаружи, по деревенской улице, приближалась дюжина разъяренных мужчин, громко переговаривающихся друг с другом. У них был выраженный шведский выговор, как у Гудмунда. Настоящие шведы, из самого сердца Швеции.

— Отвлекает моих трэлей от работы! — кричал один.

— Собрал сюда баб, и кто его знает, что у них там за праздник любви!

— Надо им показать, где их место. И ихнему попу тоже! По нему давно ошейник плачет!

Один из передних закатал рукав на мускулистой руке. Он нес тяжелый кожаный кнут. Спина Шефа отозвалась болезненными воспоминаниями.

Когда шведы подошли к двери приспособленного под церковь амбара, от косяка отделились две тени. Люди в доспехах, в шлемах с боковыми щитками. В руках короткие копья, но на поясе мечи.

— Вы пришли в церковь молиться? — спросил один из них.

— Тогда этот кнут вам ни к чему, — добавил другой.

Шведы замялись, остановились у входа. Они не взяли с собой оружия, кроме ножей, очевидно, не рассчитывали на сопротивление, но это были большие сильные люди, разъяренные, привыкшие встречать страх и покорность, и их была целая дюжина. Они могли бы пойти напролом.

Кто-то в ночи пролаял приказ, и из-за угла амбара вышла двойная колонна вооруженных людей, шагая нога в ногу, к изумлению Шефа, который раньше никогда не видел ничего подобного. Новый приказ, и строй разом остановился, развернулся лицом к шведам, опять же одновременно. Пауза, затем, без приказа, первый ряд шагнул вперед, раз-два-три, и застыл, почти уперевшись остриями копий в грудь переднего шведа.

Сзади появился Бруно, немец, которого Шеф встречал в Гедебю. Как обычно, он выглядел довольным и приветливым. В одной руке он держал меч в ножнах, вытащил его на несколько дюймов, воткнул обратно.

— Знаете, вы можете войти в церковь, — сказал он. — Мы будем рады вам. Но смотрите, вы должны вести себя соответственно. И если вы хотите узнать, кто там был, и, скажем, позднее с ними расквитаться... — голос его построжал, — мне это не понравится. Говорят, что недавно такое сделал Торгисл.

— Его сожгли в собственном доме, — сказал один из шведов.

— Правильно. Сгорел, как свечка. Но, знаете, из его домочадцев никто не пострадал, и все его трэли остались живы. Должно быть, это рука Божья.

Хорошее настроение Бруно внезапно испарилось. Он бросил на землю меч в ножнах, подошел к переднему шведу, который все еще держал в руках кнут.

— Когда ты вернешься домой, свинья, ты скажешь: «Ой, у них было оружие, а у нас не было». Ладно, у тебя, свинья, есть нож, и у меня есть, — взмах, и в руках Бруно оказался длинный односторонней заточки клинок с бронзовой рукояткой. — Да, смотри-ка, ведь у тебя есть и кнут. Почему бы нам не связать свои запястья, и я поучу тебя танцевать!

Бруно уставился в лицо противника, потянулся к его руке, лицо его исказилось, как у Кутреда. Но с гиганта-шведа было уже достаточно. Он буркнул что-то неразборчивое, задом попятился и исчез в темноте улицы. Остальные потянулись вслед за ним, причем ругаться они начали только на безопасном рас-

стоянии. Из амбара, ставшего церковью, неожиданно донеслось пение. Шеф не узнал ни мелодию, ни исковерканные латинские слова, но немецкие риттеры вытянулись в строю еще торжественней и начали подпевать. Vexilla regis prodeunt... «Под знаменем грядущего царя...»

* * *

А в зале, не так уж далеко оттуда, царь земной, украшенный золотой диадемой поверх длинных светлых, заплетенных в косички волос, слушал группу людей, богато одетых, но со странными предметами в руках — бубнами, сушеными конскими пенисами, полированными черепами.

— ...никакого уважения к богам, — кричали они. — Бедствия для всей страны. Христиане шляются, где хотят, и никак не уймутся. Сельдь ушла, хлеб не уродился, снег выпал так рано, как никто не упомнит. Сделай что-нибудь или пойдешь вслед за дураком Ормом!

Король простер руку.

— Что я должен сделать?

— Принеси великую жертву. Великое жертвоприношение в Упсале. Не девять человек, девять коней и девять собак, а все самое худшее из твоего царства. Самую отраву. Девяносто мужчин и девяносто женщин должен повесить ты в священной роще, и еще больше должны истекать кровью снаружи. И не старых изношенных трэлей, купленных по дешевке, а истинных слуг зла. Христиан, ведьм, колдунов, финнов и лживых жрецов Пути в Асгард! Повесь их и заслужишь благоволение богов! А если ты не тронешь их, мы снова отправимся вдоль Эйриксгаты.

Путь Единого Короля, вспомнил Шеф объяснения Хагбарта. Дорога, по которой должен пройти каждый, желающий стать королем всех шведов, чтобы преодолеть все испытания. Этот, наверное, уже прошел по ней.

— Хорошо, — голос короля загремел, — я сделаю вот что...

Снова оказавшись снаружи, Шеф увидел громаду языческого храма в Упсале, зубцами вздымающегося ввысь, с драконьими головами на каждом углу, с вырезанными на дверях фантастическими изображениями из легенд о королях. А снаружи священный дуб, к которому шведы в течение тысячи лет приходили совершать жертвоприношения. С его скрипучих ветвей свисали

трупы. Мужчины, женщины, собаки, даже лошади. Они висят здесь, пока не сгниют и не упадут — с пустыми глазницами и ухмылкой обнажившихся зубов. Над всем святым местом облаком стояло священное зловоние.

* * *

И вот Шеф опять открыл глаза в шатре финнов. В этот раз он не вскочил на ноги, его одолевали слабость и ужас.

— Что ты видел? — спросил Пирууси. Он отводил глаза, как если бы увидел что-то, что не хотел увидеть, но был при этом напряжен и внимателен.

— Смерть и угрозу. Для меня, для тебя. От шведов.

Пирууси сплюнул на пол шатра Пехто.

— От шведов всегда опасность. Если они смогут нас найти. Может быть, и это ты тоже видел?

— Если бы я видел ближе, я бы сказал тебе.

— Тебе нужно еще помочиться?

— Хватит.

— Не хватит. Ты великий... великий *spamathr*. Выпей то, что прошло через нашего *spamathr*.

Что бы это могло значить по-английски, рассеянно подумал Шеф. Мужчина здесь называется *wicca*, женщина — *wicce*. Коварная, как английская *witch*, ведьма. Напоминает о ветчине, об окороке. О половинках трупов, висящих в коптильне.

Он снова поднялся на ноги, встал над чашей.

* * *

Он знал, что последние два видения происходили «сейчас». И хотя не «здесь» в смысле шатра финского шамана, но «здесь», в этом мире. Дух его перемещался только в пространстве.

То, куда он попал на этот раз, не было ни «здесь», ни «сейчас», нечто совсем иное. Он попал в другой мир. Он находился словно в неосвещенном подземелье, но откуда-то мерцали лучики света. По-видимому, он шел по исполинскому арочному мосту, под которым шумела бурная река. Сейчас он спускался с горбатого моста, к чему-то преграждавшему путь. Не к стене. На самом деле — к решетке. Это была стена Гринд, загора-

живающая дорогу в Хель. Странно, что слово «гринд» означает и эту стену, и убитых китов.

К решетке прижимались лица, глядели на него, лица, которые он предпочел бы не видеть. Он продолжал идти. Как он и боялся, первое лицо принадлежало Рагнхильде, искаженное и ненавидящее; она выплевывала навстречу ему горькие слова, трясла решетку, словно желая добраться до него. Эту решетку не сдвинуть было человеческой рукой, живой ли, мертвой ли. Из груди Рагнхильды обильно капала кровь.

Позади нее стоял маленький мальчик с недоумевающим взглядом. Он, кажется, не испытывал ненависти к Шефу и не узнал его. Он внезапно увернулся от третьей фигуры, старающейся схватить его, прижать к тощей груди. Старая королева Аза с петлей на шее.

«Что они хотят сказать мне? — не мог понять Шеф. — Что я убил их? Я это знаю».

Призраки отступили от решетки, неохотно и злобно, словно по принуждению. Пришел кто-то другой, еще одна женщина. Шеф узнал изможденное лицо, с которого двумя днями раньше отряхнул снег — то была незаметно умершая Годсибб. Лицо ее по-прежнему было усталым, но не таким морщинистым, как ему запомнилось, оно разгладилось в успокоении. Годсибб хотела говорить. Голос ее был подобен писку летучей мыши, и Шеф нагнулся, чтобы услышать.

— Продолжай, — донеслось до него, — продолжай. Я пошла за тобой, и я попала в Хель. Я бы попала сюда так или иначе. Если бы я не пошла за тобой, я была бы здесь рабыней — их рабыней, — она кивнула на удаляющиеся тени двух королев. — Я избежала этого.

* * *

Голос затих, исчезла стена и мост, и тьма. Шеф обнаружил, что по-прежнему сидит в шатре, а по щекам его катятся слезы. Хотя видение, казалось, не заняло ни одного удара сердца, он опять оказался последним, кто очнулся от грез. Остальные смотрели на него, Ханд озабоченно, а Карли сочувственно. Оба финна выглядели вполне довольными, удовлетворенными, как будто его чувства доказали, что он тоже человек, из такой же плоти и крови, как они сами.

Шеф медленно поднялся, пробормотал какие-то слова,

взял свое копье, стоявшее у полога шатра. На его наконечнике выступил иней, но его тяжесть успокаивала нервы. Три путешественника вышли в морозную ночь в темной березовой роще.

Когда они по снегу подошли к кострам и их окликнул дозорный, Шеф сказал спутникам:

— Мы должны похоронить Годсибб и остальных как полагается, не сжечь их и не вешать на деревья. Мы выроем яму под кострищем, где земля размякла. Возьмем камни из русла ручья и сложим могильный холм.

— Будет мертвым от этого лучше? — спросил Ханд.

— Думаю, да.

Глава 27

Через один день и две ночи, светлым безветренным утром с легким снежком, отряд выстроился, готовый выступить в путь. Шеф охотно собрал бы всех и назначил выступление днем раньше, но Ханд запретил.

— Некоторые слишком слабы, — жестко сказал он. — Начнешь их торопить, и по утрам будешь находить еще несколько не проснувшихся, как Годсибб.

Шеф, преследуемый воспоминанием о Годсибб, глядящей сквозь решетчатые ворота в мир Хель, неохотно уступил. Но даже выворачивая камни из студеной речной воды для ее могильного кургана под взглядами заинтересованных, но ничего не понимающих финнов, он про себя думал, что она сказала ему «продолжай».

— Пора выбираться из этого захолустья, — сказал он Ханду, пытаясь передать ему свою решимость. — Говорю тебе, я видел врагов, окруживших Гедебю. Может быть, город уже пал, и Рагнарссоны стали сильнее и богаче. С той скоростью, с какой мы двигаемся, Сигурд сделается королем всей Дании, прежде чем мы придем туда.

— И именно ты обязан остановить его? — Но, взглянув на друга, Ханд передумал. — Ладно, может быть и так. Однако ты не в состоянии остановить его отсюда. Мы просто должны двигаться как можно быстрее.

— Ты считаешь, что мои видения правдивы? — спросил

его Шеф. — Или все это лишь действие напитка, как пиво и меды заставляют человека думать, что он сильнее, чем на самом деле. Может быть, все мои видения — и все видения Виглика, и все, что видели другие люди Пути, — может быть, это всего лишь своего рода иллюзия, своего рода опьянение.

Ханд перед ответом задумался.

— Это возможно, — признал он. — Скажу тебе одну вещь, Шеф. Те красные грибы с белыми пятнышками, мухоморы, которые измельчают и намазывают на стены, чтобы прогнать насекомых, ведь ты не смог бы их съесть по ошибке. Но есть и другие подобные вещества, иногда на злаках растет плесень, она попадает в зерно. И может быть, попадает в хлеб. Или в кашу. Особено если зерно отсырело во время хранения.

— В Англии оно всегда хранится сырым, — ответил Шеф. — Почему же тогда все люди не видят такие видения все время?

— А может, видят, но боятся рассказывать. Но скорее всего, ты к таким вещам особо чувствителен. Вчера вечером ты выпил не больше, чем Карли и финны, но на тебя питье действовало гораздо дольше. И вот, поскольку ты восприимчив к таким вещам, боги обращаются к тебе. Или наоборот, они дали тебе это свойство ради своих собственных нужд.

Шеф, как всегда нетерпимый к рассуждениям, которые нельзя тем или иным способом проверить, отбросил эти мысли. Сосредоточился на том, чтобы понукать и подгонять всех, невзирая на провозглашенный Хандом день отдыха.

Итак, мертвые похоронены, в каждом заплечном мешке уложен запас вареного мяса, отряд построился перед выходом в путь. Вспомнив, что увидела его душа во время своего путешествия, Шеф уверенно повел людей через березовую рощу к озеру. Оно оказалось там, где он и рассчитывал, простираясь вдаль, насколько хватало глаз, узкое и длинное, настоящая водная дорога. Все еще незамерзшее — но ненадолго, поскольку осенняя прохлада сменялась зимними морозами.

А вот лодок у них не было. У Шефа теплилась мысль сделать легкие лодки из коры, какие, по словам Бранда, делают финны. Первые же попытки показали, что в отряде никто ни малейшего понятия не имеет, как это делается. Проходящие время от времени на лыжах финны с интересом посматривали на чужаков, но на все просьбы непонимающе пожимали плечами. В отряде Шефа хватало искусных ремесленников, которые могли бы — дай им только срок — построить какой угодно корабль из бревен и досок. Но ко времени окончания постройки они бы уже все умерли с голоду.

Путешественники побрели пешком, стараясь как можно дольше держаться вблизи берез, которые защищали от пронизывающей метели. Еще один день пути, и лес вдоль берегов озера кончился, осталась только простирающаяся впереди бескрайняя заснеженная равнина. Девятнадцать пар глаз сверлили Шефа, обозревающего дали. На всех лицах, кроме лица Кутреда, читались нерешительность и сомнения.

Шеф без слов распорядился напоследок встать лагерем в гостеприимном лесу, разжечь костры и приготовить еду из поистощившихся припасов. Он подозвал одного из финнов, которые, подобно волкам, никогда, кажется, не исчезали из виду, и властно сказал ему:

— Пирууси. Приведи Пирууси.

В конце концов вождь вынырнул на лыжах из темноты, не обращая внимания на снег и ветер, как будто прогуливался в весенний день в Хэмпшире, и с радостью приступил к переговорам на всю ночь.

Самым удачным решением было бы научить всех и каждого ходить на лыжах, затем изготовить достаточное количество лыж и отправиться на шахты Пути, которые, если верить Пирууси — а в этом вопросе ему, по-видимому, можно было верить, — находились за шестьдесят или сто миль дальше вдоль озера. И опять же, они бы все умерли с голода задолго до того, как дошли бы туда. Под конец, охрипнув от споров, Шеф договорился, что финны выделят им столько лыж, сколько смогут, а в придачу четыре оленьих упряжки с погонщиками. В уплату Шеф отдал свой второй золотой браслет, еще двадцать серебряных пенни и четыре хороших железных топора. Договор мог бы обойтись отряду еще дороже, если бы не вмешательство Кутреда.

— Вы сами работаете с железом? — спросил Шеф, когда они торговались из-за топоров.

Пирууси горячо замотал головой.

— А чем же вы тогда рубили деревья до того, как пришли норманны? — продолжал Шеф.

— Они рубили вот этим, — вмешался сидящий у костра Кутред. Из-за пазухи своей куртки он достал каменный топор, обколотый кусок кремня, слишком большой даже для огромной лапищи Кутреда. Топор, которым мог бы пользоваться лишь исполин, — судя по всему, подарок Эхегоргуна.

Во взгляде Пирууси мелькнул суеверный ужас и воспоминание о загадочных силах, с которыми знались эти беспомощные с виду чужеземцы. Он перестал набивать цену, быстро пришел к соглашению. На следующее утро появились лыжи и сани, и Шеф приступил к своему всегдашнему делу, которое с годами легче не стало, — решить, кто и что должен делать, кто сильнее других, а кто сможет быстрее научиться. Он был достаточно осторожен, чтобы не посадить на сани лишь самых слабых, ведь едущим на санях будет доверена казна, весь запас серебра и золота. Он также не допустил, чтобы финны увидели, сколько богатства у него осталось. Очень может быть, что они с Пирууси собутыльники, даже согоршочники, если можно так выразиться; но Шеф был совершенно уверен, что это ничуть не удержало бы Пирууси от искушения.

* * *

Ранний приход зимы был удивительным, но не особенно неприятным для людей Пути, работавших на расположенной в самой глубине шведской Финнмарки шахте. Здесь находилось с дюжину мужчин и с полдюжины женщин, четверо жрецов Пути, их ученики и наемники. У них имелись богатые запасы, и было множество дел, не дававших им скучать. Летом они добывали руду, а зимой переплавляли ее и превращали в товар на продажу, в железные чушки или заготовки для топоров, которые нанизывали на проволоку или сваливали кучей. Свою факторию они построили в месте, куда круглый год легко было добраться, в том числе по реке, когда она не замерзала. А когда вставал лед, они сгружали металл с судов и на лыжах или на санях везли по ровным дорогам. На зиму у них были богатые запасы еды и топлива. Ведь зимой они большую часть времени проводили, пережигая на древесный уголь березовые и сосновые дрова, которые в изобилии можно было найти на спускавшейся к морю равнине.

Когда ученик Стейн первым сообщил, что с запада при-

ближаются чужаки, старший жрец Герьольф был удивлен, но не встревожен. Должно быть, это финны, подумал он. Больше здесь появиться некому. Скоро станет ясно, чего они хотят. Тем временем он приказал прекратить работу и всем без паники вооружиться, в основном арбалетами нового образца, которые год назад были изобретены в Англии. Благодаря шведской стали их с уверенностью можно было считать лучшим оружием в мире. Гораздо лучшим, чем те английские образцы, которые его друг Хагбарт, жрец Ньёрда, показал ему как новинку.

Люди Герьольфа прикрывали его, по большей части незаметно, когда он вышел понаблюдать за черными точками, пересекающими снега. Нет, все-таки не финны. Некоторые лыжники шли сносно, некоторые были на удивление неуклюжи, но даже лучшим из них было далеко до непринужденного изящества финских бегунов. Однако сани у них, по-видимому, финской постройки, и правят упряжками хорошо, хотя и страшно медленно, будто везут толпу старух на похороны.

Сомнения Герьольфа сменились изумлением, когда он увидел, как передний лыжник набрал скорость, отделился от других и заскользил в его сторону. Воспаленно-красные от снежного сияния глаза глядели на него из дикой заросли нестриженых волос и бороды.

— Здравствуй, Герьольф, — сказало привидение. — Мы встречались. Я — Торвин, жрец Тора, как и ты. Я показал бы тебе свой амулет, если бы мог его достать, и свою белую тунику, если бы она не была так глубоко под верхней одеждой. Но я обращаюсь к тебе как к собрату Пути с просьбой о помощи. Мы сослужили Пути хорошую службу и предприняли долгое путешествие, чтобы найти вас.

Когда сани и самые медлительные из лыжников добрались и доползли до них, Герьольф крикнул своим людям, чтобы убрали оружие и помогли путникам. Путешественники с трудом выбирались из саней, в которых приехали, с облегчением оглядываясь, доставали свои мешки. Один из лыжников, по-видимому, торговался с финскими возницами, наконец расплатился с ними и побрел к фактории, а те уехали, пощелкивая кнутами и погоняя оленей с тем разухабистым посвистом, который Шеф запретил им в последние три суматошных дня пути.

— Это Шеф Сигвардссон, — сказал Торвин, представляя одноглазого человека. — Вы, должно быть, немало о нем слышали.

— Действительно, мы слышали о нем. А скажи-ка мне, Торвин, что вы все здесь делаете? И откуда вы пришли? И чего вы от меня ждете?

— Мы пришли с побережья Норвегии, — ответил Шеф. — Мы идем к шведским берегам и хотим взять там корабль до Англии. А может быть, до Дании. Зависит от того, какие новости вы нам сообщите.

Рядом с Герьольфом появился Хагбарт, жрец Ньёрда. Шеф посмотрел на него со слабым удивлением. Они не встречались с тех пор, как Шеф сбежал из Каупанга. Однако, если Хагбарт мог появиться по делам Пути в Гедебю, вполне естественно было встретиться с ним в любом другом месте, даже удаленном на сотню миль от берега. Жрецы Ньёрда, как правило, подвизались в качестве переносчиков новостей. Шеф только не понимал, что же случилось с кораблем Хагбарта, с «Аурвендиллом», на котором они когда-то плыли из Гедебю в Каупанг.

— В новостях недостатка нет, — сказал Хагбарт. — Хотите ли вы плыть в Данию или в Англию, когда вы услышите новости, тогда и посмотрим. Сдается мне, Шеф, что после твоего появления в Гедебю, а потом в Каупанге началась заваруха, которая до сих пор так и не кончилась. Я только надеюсь, что теперь ты не заваришь кашу еще круче.

— Мы хотим отправиться как можно быстрее, — сказал Шеф. — И запомни, Хагбарт, что в Каупанг я попал не по своей воле, заварил я там кашу или не заварил. В Каупанг меня привез ты. Если бы ты меня послушал, ты позволил бы мне отплыть в Англию.

Хагбарт кивнул, признавая правоту Шефа, и слово опять взял Торвин:

— Так, значит, ты приютишь нас ненадолго, Герьольф? Мы все приверженцы Пути, как ты сам убедишься, когда мы войдем в теплое помещение.

Герьольф тоже кивнул.

— Одного-двух из вас я бы опознал при любых обстоятельствах.

Он кивнул на Удда, который, выбравшись из саней, осмотрелся, заметил трубу кузницы и сразу застыл в ее дверях, зачарованно глядя на красные отблески пламени в самом большом горне из всех, что он видел за свою жизнь.

— Этот самый человек изобрел те арбалеты, которые вы носите, — сказал Шеф. — С виду он *Skraeling*, однако некоторые считают, что это он победил короля франков со всеми его копейщиками.

Герьольф взглянул на тщедушное тельце Удда с удивлением и уважением.

— Что ж, добро пожаловать, — сказал он. — Но, глядя на вас, я сомневаюсь, что все вы скоро будете готовы продолжить путешествие. Посмотрите вот на него!

Кутред, который неискусно, но упорно шел на лыжах последние три дня, схватился за свои шерстяные штаны и гамаши, пытаясь стащить их с себя. При этом он раскачивался, удерживаясь от падения одним лишь усилием воли. Подойдя, чтобы помочь ему, Шеф неожиданно увидел потеки темной крови, сочащейся сквозь толстое сукно.

— Та самая болезнь, о которой я тебе говорил, — пояснил Ханд, стаскивая с Кутреда штаны, пока Шеф и Торвин держали его. — Видишь, это рана, которую нанес ему Вигдьярф. Она зажила как по волшебству, а теперь открылась снова. Пошли, занесем его в дом. Он не сможет никуда ехать в течение многих дней. А то и никогда, если здесь нет запасов свежей зелени.

* * *

Ужасающее состояние, в котором находились люди, сделалось очевидным, как только они попали в помещение и наконец сняли одежду, которую носили уже много недель. Это была болезнь, которую через несколько веков назвали бы цингой: болезнь долгих путешествий и сушеной пищи. Признаки ее довольно наглядны. Давно зажившие раны открываются сами по себе, зубы шатаются в деснах, изо рта идет дурной запах, и все это сопровождается общей слабостью, быстрой утомляемостью и угрюмостью. Для любого северянина эта болезнь не была чем-то неслыханным, но ее привычно ждать поздней весной, после того как люди долгие месяцы просидели взаперти, питаясь лишь соленой селедкой и зерном. Лечится она с помощью света и солнца, говорили одни.

Свежая пища, твердили иные. Обычно и то и другое встречается одновременно. На этот раз, как отметил Ханд, появилась возможность узнать наверняка, поскольку ни на свет, ни на солнце рассчитывать не приходилось, зато под рукой были запасы черемши, лука, чеснока, гороха и бобов. Если пациентам полегчает, значит, лекарство — свежая пища. Это неоспоримо докажет, что в некоторых видах пищи есть нечто, чего нет в других. И однажды жрец Пути сможет извлечь это вещество, высушить его и сделать запас для дальних походов.

Но не в этом году, как предупредил Герьольф. Возможности продолжить поход не было. Когда Герьольф, Хагбарт, Торвин и Ханд все вместе пришли к Шефу, чтобы поставить его перед фактом, он некоторое время сидел молча. Со времени самой первой встречи с Эхегоргуном он ощущал настоятельную необходимость обернуться, самому напасть на своих преследователей, действовать, а не противодействовать. Уже много недель он испытывал желание вернуться туда, где крутились главные шестерни истории. Желание только обострилось из-за того видения, которое явилось ему в шатре шамана, видения осадивших Гедебю Рагнарссонов и короля Хрорика, защищающего брешь в частоколе.

И все же было что-то чрезвычайно привлекательное в самой мысли остаться там, где он оказался, в дикой глуши, но под крышей, в неизвестности, но не затерянным. Жрецы терпеливо растолковали ему, что их ждет. Припасы у них имеются, и можно достать их еще больше. Дороги легко преодолимы, кроме случаев самого жестокого ненастья, а еще можно будет передвигаться на санях по реке, когда она достаточно замерзнет. Возделанные пахотные земли лежат не так уж далеко, у крестьян найдутся на продажу излишки зерна, мяса и всяческой снеди. Ни у кого не вызовет особых подозрений, что жрецы Пути закупают провизию. Подумают, что они немножко просчитались или собираются торговать с финнами.

— И вы можете принести нам пользу, — сказал Герьольф. — Ваш малыш Удд до сих пор не вылезает из кузницы, и его знания выше всяких похвал. А ведь он самоучка. Ты видел, как он научился закалять сталь? Ему следовало бы стать жрецом Пути. — Герьольф заворчал от удовольствия при мысли, что крошечному англичанину будет оказана такая честь, затем продолжал более взвешенно: — Нет, правда, если бы

речь зашла о вступлении в Путь, я охотно стал бы его поручителем. Он уже поговаривает о мельничных колесах, о большом молоте, чтобы ковать железо механически, а не вручную. Если хотя бы десятая доля из этого окажется правдой, он окупит все затраты на свое пребывание здесь. Поэтому оставайтесь. Торвин мне рассказывал, что ты тоже кузнец и исследователь нового знания. Ты и Удд будете выдумывать, остальные могут жечь уголь или раздувать мехи. А весной сможешь вернуться к своему предназначению. Корабль Хагбарта хранится здесь в корабельном доке до весны. Он доставит тебя на нужное место быстрее, чем любой другой.

Шеф кивнул. Вместе с облегчением в нем росло возбуждение. Пора обо всем подумать. Найти время, чтобы разобраться во всем без той бешеной, отчаянной, неотложной — завтра битва — спешки, которая до сих пор была его уделом. Время подумать о будущем. Возможность выступить, когда он будет готов, а противник нет, и не иначе и не наоборот. Конечно, у противника тоже будет за зиму время приготовиться и стать достаточно сильным. Зато противник не будет знать, что он приближается. Шеф припомнил слова пленного викинга, Свипдага. Как они звучали? «Чтобы пройти через то, что тебя ждет, нужно иметь железную шкуру». Сказано было по злобе, чтобы смутить его, это Шеф понимал, но ведь у норманнов была пословица, которую часто вспоминал Торвин. «Говорим мы, а подсказывают боги». Может быть, Свипдага послала судьба. Железная кожа? Посмотрим.

Аккуратно разжевав шатающимися зубами огромный стручок зеленого гороха, который всучил ему Ханд, Шеф сглотнул и кивнул еще раз:

— Мы останемся, Герьольф, спасибо за твое гостеприимство. Обещаю тебе, что никто из нас не будет проводить время в праздности. К весне многое здесь изменится.

* * *

Вскоре задымили трубы, над снегами разнесся звон, в лес помчались лыжники заготавливать дрова и бревна для новых хижин, пошли обозы с железом, чтобы выменивать его на еду и пиво. Случайные финны удивлялись оживлению среди норманнов в пору, когда те обычно спали.

Далеко на юге Рагнарссоны, насадив на кол в качестве

предупреждения голову короля Хрорика, вели свои армии от королевства к королевству, требуя сдаться всех мелких королей Дании — Гамли с Фюна и Арнодда с Аальборга, Кольфинна из Сьяелланда, Кари из Скаане.

В Швеции король Кьяллак, получивший трон благодаря тому недовольству, которое вызывал его миролюбивый предшественник Орм, советовался со своими жрецами и выслушивал непрекращающийся поток известий о дерзости немецких миссионеров и их телохранителей. Нам перед ними не устоять, сообщала деревня за деревней. За что мы платим нашу селедочную дань? Приди и защити нас! И Кьяллак соглашался, но никак не мог найти ратоборца, который был бы готов сразиться с внушающим ужас предводителем германцев. Придет время, когда мы сокрушим их в битве на поле брани и в битве за умы, так говорил он нетерпеливым жрецам главного храма в Упсале.

А в Гамбурге неистовый и благочестивый архиепископ Римберт выслушивал те же самые известия с удовольствием, пересказывал их своим собратьям-прелатам, архиепископам немецких земель, уверенный, что божественное предназначение находится на Западе, чего так и не понял тупой Папа Адриан, сближавшийся с греческим императоришкой и его Папулей. Во всех немецких землях слухи о храбрых риттерах из Ордена Копья бродили среди младших безземельных сыновей знатных родов, и у столов для записи желающих никогда не иссякала очередь.

В Норвегии король Олаф — Эльф Гейрстата, которого уже начинали называть Победоносным, чего никогда не случалось в те дни, пока был жив его брат, — посматривая на свою свиту королей-вассалов из Рингерике и Ранрике, Хедемарка, из Уппланда и Агдира и на ставших осторожными послов с Запада, на свирепых рогаландцев и людей фьордов, беспокоился, куда же подевался человек, чья удача так изменила его собственную судьбу.

А Годива, уже на сносях, время от времени вспоминала о юноше, которого знала когда-то, того, кто стал ее первым мужчиной, своего молочного брата.

Но далеко на севере спящая земля мирно укрылась под снегами.

Глава 28

Цинга быстро исчезла, как только Ханд заставил своих товарищей есть лук, черемшу, горох и бобы, частью сушеные, частью сравнительно свежие, сохранившиеся от недавнего урожая. Ханд вел скрупулезные записи руническим письмом, поясняя, что должен будет рассказывать все другим жрецам Идуны. Уже сейчас ясно, что лекарством от этой болезни является правильное питание, а не свет и не воздух.

С исцелением от цинги пропали также мрачность и ощущение слабости, которыми многие страдали в отряде, теперь все воодушевились и были полны желания действовать, — но выхода это не находило, поскольку ветер и мороз усиливали уединение небольшого поселка, лишь немногие счастливчики, закутавшись с головы до ног, на санях гоняли за съестными припасами или в лес за дровами.

Оглядываясь на события и изменения, произошедшие в ту зиму, Шеф иногда с трудом верил в их реальность. А иногда — с легкостью. Он уже имел случай заметить за тот краткий срок, что выполнял обязанности ярла в Норфолке, и за еще более краткий срок, когда был соправителем короля Альфреда, как мало времени занятой человек проводит, занимаясь тем, чем ему хотелось бы заниматься. У большинства таких людей почти все время уходит на посторонние дела, на пустяки, на неразбериху и разрешение споров, которые, по-видимому, неотделимы от повседневной жизни.

— Как будто, — говорил Шеф жрецу моряков Хагбарту, — как будто плывешь с парусом, который волочится в воде за кормой корабля, замедляя его ход.

— Ты имеешь в виду плавучий якорь, — сказал Хагбарт. — Иногда он очень даже полезен. Например, при ночном шторме, когда ты боишься налететь на скалы.

— Наверное, — сказал Шеф нетерпеливо. — Но подумай, Хагбарт, подумай только, что было бы, если избавиться от такого тормоза!

Их маленькое общество, насчитывавшее человек сорок, от этого тормоза избавилось. Многие из них просто радовались, что живы. Те, кому довелось быть рабами, не склонны были ссориться или чего-то требовать. Вдобавок значительное число из этих сорока — возможно, самое большое при таких об-

стоятельствах во всей человеческой истории — были любопытными, искусными и пытливыми. В число этих сорока входили семь жрецов Пути, благодаря своей вере и природной склонности жадных до новых знаний. У них было десять послушников, молодых и ревностных, стремящихся к самостоятельности, которой гораздо легче добиться, если сумеешь внести свой личный вклад в приобретение знаний. Среди них был сам Шеф, изобретатель и создатель машин, благодаря которым история Севера пошла по иному пути. И среди них был Удд, возможно, самый изобретательный и настойчивый из всех, несмотря на его скромность и неприметную жизнь.

Свой вклад вносили и остальные — Квикка и Озмод, Фрита, Хама и Вилфи. Общим у них всех, как наконец-то понял Шеф, была уверенность. Это были люди, которые поднялись из грязи благодаря машинам, были обязаны машинам всем, что имели. Более того, они видели, как были посрамлены гордые викинги и франкские копейщики. Может быть, следовало сказать, что их ведет не просто уверенность, а что-то еще более сильное, в чем не смог бы усомниться никто. Они твердо знали, что для новых нужд можно придумать новые машины, были уверены, что новое всегда приносит пользу. В их присутствии невозможно было пожать плечами и ответить: «Да ведь всегда так делали».

Однако же именно нечто в таком духе и вызвало к жизни первое крупное усовершенствование в ту зиму. Привезли много зерна, и изголодавшиеся по хлебу путешественники, естественно, жаждали его выпечь. Но сначала зерно необходимо было смолоть. К этому отнеслись поначалу бездумно, как к традиционному женскому делу. Муку мелют женщины. Многие рабыни всю жизнь только этим и занимаются.

Но благодаря духу товарищества, порожденному в них совместным путешествием, было решено, что мужчины тоже должны исполнять эту обязанность. Наконец очередь дошла и до Удда — ему вручили пестик со ступкой, мешок зерна и велели его смолоть. Он промучился с полчаса, посмотрел на оставшееся зерно, отложил пестик и пошел искать Шефа.

— Почему здесь нет для этого мельницы? — возмущался Удд.

Шеф показал пальцем на заснеженную землю за окном:

— Потому что река замерзла.

— Есть ведь и другой способ крутить мельницу.

— Я знаю, — ласково ответил Шеф, — но не хочешь же ты предложить это Кутреду? Может быть, он соскучился по своему любимому занятию? Будь у нас вол, мы могли бы использовать вола для тягла, но у нас только дойные коровы, а их запрячь тебе никто не позволит.

— Я ж тебе говорил, — напомнил Удд. — Можно сделать ветряную мельницу.

При других обстоятельствах те или иные заботы неизбежно отвлекли бы вечно занятого Шефа от личного участия в этом деле. Но в ту скучную зиму заняться было больше нечем. Шеф с Уддом прошли к водяной мельнице, которую поставили жрецы Пути и которая работала только половину года, и стали соображать, что бы такое с ней сделать.

Большая часть необходимого уже имелась: два больших каменных жернова, которые, собственно, и мололи зерно. Толстая ось, поворачивающая верхний камень, и система шестерней, которые передавали усилие от речной воды к жерновам. Вращение вокруг горизонтальной оси преобразовывалось во вращение вокруг вертикальной оси, это было самым последним усовершенствованием. Нужна была только новая движущая сила.

— Как большие крылья, на четырех лопастях, — сказал Удд. — В сарае для лодок есть парусина.

— Ничего не выйдет, — вмешался прислушивающийся к их словам Герьольф. — Река всегда течет в одну сторону. А ветер может дуть отовсюду. Я вам скажу, что здесь он по большей части дует с гор, на северо-запад. Но если вы поставите парус и ветер переменится, он просто сорвет ваше ветряное колесо.

— Я знаю, как такому горю помочь, — ответил Удд с уверенностью, всегда появлявшейся у него, когда речь шла о технических проблемах. — Вспомни, как мы научились поворачивать катапульты. Мы поставили их на колесики, которые ездят по большому колесу. Здесь мы можем сделать то же самое. Поворачивать всю мельницу. Ее можно будет разворачивать с помощью бруса, как мы разворачиваем новые катапульты за хвостовик.

И опять же при других обстоятельствах какой-нибудь на-

смешник высмеял бы всю затею. Но здесь не было насмешников. Герьольф посомневался, а затем сказал:

— Ладно, давайте попробуем.

Вскоре почти все высыпали на улицу, разобрали старую мельницу, построили каркас для новой, послали в главную кузницу за крепкими гвоздями и скобами. Шеф, вспоминая позже эти события, еще раз подумал, как много полезного знали и умели все. Многие свободно управлялись с тяжелыми грузами, отнюдь не ленясь поднимать и ворочать массивные жернова. Всем руководил Хагбарт, которому довелось поднимать и устанавливать не один корабельный киль, сделанный целиком из огромного дерева. В течение нескольких дней все силы были брошены на мельницу, даже помол зерна с общего согласия отложили до той поры, когда для него появится лучший способ.

Наконец все было установлено, и Удду доверили вытащить последнюю стопорную задвижку, которая удерживала жернова и шестерни. Что он и сделал. Ветер дунул, крылья наполнились воздухом и повернули вертикальное колесо, которое вертело шестерню, вращавшую жернов. Ничего не произошло, не считая скрипа огромных бревен. Удд вставил задвижку на место.

— Нам нужны крылья побольше, — сказал он.

На следующий день мельница работала на полном ходу. Герьольф потирал руки при мысли о выгоде, которую можно будет получить, если установить такие мельницы по всей Скандинавии. Почти везде в стране было трудно использовать силу текущей воды, а вот мельница, которая мелет весь год, окупилась бы быстро. Жрецы Пути гордились тем, что содержат сами себя за счет своей работы, а не за счет десятины и землевладений, как христианские священники. Более того, они бы не возражали, разбогатей один из них благодаря новым знаниям — коль скоро он поделился бы этими знаниями с остальными.

Однако успех ветряных мельниц, по-видимому, лишь разжег аппетиты Удда. Как только первая из них заработала, он прожужжал Герьольфу уши своим следующим замыслом: изготовить теперь механический молот, рисунок которого он набросал Шефу в Каупанге годом раньше. Герьольф сначала

слушал с сомнением, не раздражаясь, но просто не в силах понять, что же предлагает Удд.

Замысел был достаточно прост. Железо, хотя и хорошо знакомое норманнам и известное во всем западном мире, оставалось металлом если не драгоценным, то довольно дорогим. Одной из причин превосходства франкских и немецких копейщиков был вес того железа, которое они носили на себе. Железо многое значило в мире, где крестьянская лопата была деревянной и имела только узкую полоску железа по краям и где плуг был всего лишь обшитой железом сохой. Цена железа определялась не тем, что его трудно было найти, как серебро или золото, а тем, что оно требовало больших трудов. Руду приходилось раз за разом нагревать и вручную ковать молотом, пока из нее не выходил весь шлак, а потом еще переплавлять в примитивных печах, топившихся древесным углем. Железо Ярнбераланда было лучшим в мире. И все равно оно требовало обработки, как и любое другое, за исключением очень редко встречающихся небесных камней из чистого железа. У Герьольфа было топливо, у него была руда. Если бы можно было сократить время на обработку, к весне он сделался бы заметно богаче. Но как вращающееся колесо может двигать молот вверх-вниз?

Удд снова чертил на снегу свои рисунки, а Шеф, которого призвали в связи с разгоревшимся спором, переводил с английского на норманнский — Удд так и не овладел чужим языком по-настоящему. В конце концов Герьольф вздохнул и дал согласие на попытку.

— Нам еще повезло, — отметил он, — что в этот раз машина будет в два раза меньше, чем в прошлый.

— Молот легче поднять, чем крутить жернов, — пояснил Шеф. — Удд говорит, что начнет с легкого молота.

— Насколько легкого?

— В центнер весом.

Герьольф потряс головой и отвернулся.

— Предложи ему разыскать Нарфи, жреца Тюра и летописца, пусть тот даст Удду пергамент и перо. Его рисунки легче будет разобрать, если изобразить их чернилами, а не палкой на снегу. И опять же, если он окажется прав, когда-нибудь люди будут драться за каждый листик его рисунков.

Скоро, когда подул ветер, застучал ковочный молот, обра-

батывая металл с неслыханной скоростью, подобно никогда не останавливающемуся молоту Вёлунда, хромого кузнеца богов.

Следующий шаг сделал не кто иной, как Квикка. Не обладая никакими иными умениями, кроме игры на волынке и стрельбы из катапульты, он обычно занимался самой монотонной работой. Однажды, сражаясь с кожаными мехами, с помощью которых поддували воздух в раскаленный горн, и ошалев от непрестанных понуканий кузнеца «не останавливаться, иначе все пропало», Квикка снял ногу с верхнего рычага мехов и заявил:

— Для этого тоже нужна машина!

Превратить привод молота в привод для мехов оказалось довольно легко. И все же усовершенствование потребовало многих переделок, потому что каждое изменение влекло за собой еще одно. Приток воздуха в печи, где плавилась руда, существенно улучшился, и жар в ней заметно усилился. Кузнецы говорят, что железо сначала будет сине-фиолетовым, и это довольно опасно, так как можно нечаянно схватиться за него рукой, а потом нагревается до красного каления, когда оно становится достаточно мягким для обработки. Очень редко доводится им увидеть железо при белом калении, когда оно начинает плавиться. Хотя им иногда удавалось получить чугун, но обычно лишь при особо счастливом стечении обстоятельств, и вот теперь благодаря механическим мехам стало возможным плавить железо и делать отливки.

Двигали же людьми внешняя угроза и страх, если не предчувствие, войны. Шеф посовещался с Хагбартом и Нарфи, жрецом Тюра, и, следуя благоприобретенной привычке, попытался составить *mappa*, карту тех мест, где он побывал со своим отрядом. Сопоставив то, что он услышал и увидел сам, Шеф понял, что попал в настоящую ловушку, даже более опасную, чем побережье Норвегии. Оттуда, будь у него корабль, он мог бы отправиться в открытое море и, совершив долгий переход к берегам Шотландии, свернуть к восточному побережью Англии. Из этих же мест, даже имея «Аурвендилл» Хагбарта, он будет вынужден пробираться через залив, отделяющий Швецию от дальнего берега Восточного моря, где живут балты, а затем идти домой вокруг Скаане и через пролив, разделяющий Скаане и датский Сьяелланд.

— Какова там ширина пролива? — поинтересовался он.

— Три мили, — отвечал Хагбарт. — Именно так и разбогател старый король Кольфинн. Взимал пошлину за проход. Как я слышал, его там уже нет. Если ты прав и Рагнарссоны действительно расправились с Хрориком, там не осталось почти никого, кто мог бы остановить их.

— А где находится их знаменитый Бретраборг, Цитадель Братьев?

— Здесь, — сказал Хагбарт, ткнув в точку на карте, находящуюся на северном берегу Сьяелланда милях в пятидесяти от пролива. Каких-нибудь полдня под парусом.

Единственный оставшийся путь в Англию, который мог придумать Шеф, требовал от него вернуться в Гедебю и через болота пройти в Дитмарш, к исходной точке своих странствий. У него снова не будет корабля. И в любом случае, если его видение было истинным — а это подтверждали достоверные сведения Хагбарта о начале осады, — Гедебю давно попал в руки врагов. В руки Рагнарссонов. А что могло быть хуже, чем попасть в лапы Сигурда Рагнарссона? Шеф скорее предпочел бы умереть и быть подвешенным в коптильне Эхегоргуна.

А металлурги тем временем изготавливали не только чугунные чушки и пользующиеся спросом товары, вроде топоров. Следуя указаниям Удда, они также выпускали арбалет за арбалетом, с их пружинами, заводными рычагами и железными стрелами. Бывшие рабы вырезали деревянные части и складывали их штабелем. Каждые несколько дней они меняли род работы и приступали к сборке. Шеф подметил, насколько быстрее идет дело, если изготовить сначала, скажем, двенадцать наборов деталей, а уж потом собрать их, вместо того чтобы следовать освященному временем обычаю работать над каждым изделием с начала и до конца и, только закончив его, приступать к следующему. Гора арбалетов росла, их давно уже стало больше, чем нужно.

— Мы всегда можем их продать, — обрадованно сказал Герьольф.

— Хорошо бы, чтобы они нам вообще не понадобились, — ответил Шеф.

Из всех усовершенствований Удда ничто так не заинтересовало Торвина и других кузнецов, как закаленная сталь. Они немедленно ухватились за щит Кутреда, испытывали его на прочность и пришли в полный восторг. Стремительно рожда-

лись новые замыслы. Делать из необычайно твердого металла кольчуги. Оказалось, что осуществить это невозможно — слишком трудно сгибать кольца и соединять их. Попытка взять готовую кольчугу и обработать ее как единое целое принесла лишь чрезвычайно дорого обошедшуюся груду наполовину сплавившихся между собой колечек, совершенно напрасная потеря целого месяца труда хорошего кузнеца, как не преминул заметить Герьольф. Плоские пластины было сделать сравнительно легче, но они не находили себе применения. Люди не настолько плоские, чтобы эти пластины пришлись им впору. Казалось, что новая сталь абсолютно бесполезна для военных целей, за исключением щитов, но и те имели свои недостатки. Щиты делали выпуклыми, потому что стрелы и дротики отскакивали от изогнутой поверхности, и — немаловажное соображение — круглый щит легче носить на плече. Никто, даже Бранд или Кутред, не смог бы маршировать весь день со щитом в руке. В битвах быстрее всех погибали те, у кого раньше уставала держащая щит рука.

Закаленный металл, при всех своих волшебных свойствах, выглядел бесполезным для войны. Однако Шеф никак не мог забыть слова, которые бросил ему пленник Свипдаг: «Чтобы пройти через то, что тебя ждет, нужно иметь железную шкуру». Шеф знал, кто ждет его в Бретраборге. Где же его железная шкура? И как ее носить?

Вышло так, что Шеф частенько беседовал с Хагбартом. Тот особенно интересовался подробным описанием различных типов судов, на которых Шеф плавал и которые встречал в море. Он понимающе кивал, слушая о придуманных Ордлафом английских линейных кораблях, вооруженных «мулами», и снова и снова выжимал из Шефа подробности скоротечного боя с «Франи Ормр», кораблем, пользующимся заслуженной известностью, так как это был самый большой дракар на всем норманнском Севере.

— Неудивительно, что Сигурд превосходил вас в скорости, — заметил он. — Я не уверен, что его обогнал бы даже мой собственный «Аурвендилл». Хотя под парусом мой корабль быстрее, так я считаю. Но ведь чем больше у тебя весел на каждый фут киля, тем быстрее ты в гребной гонке. В закрытых водах «Франи Ормр», наверное, обгонит меня.

Он также заинтересовался устройством двухмачтового

«Журавля», о котором Шеф мог немало ему порассказать, поскольку сам помогал разбирать его на доски и дрова. Корабли береговой охраны короля Хальвдана были знакомы Хагбарту слишком хорошо. Он легко мог догадаться, как один из них был укреплен, чтобы выдерживать отдачу катапульты. Озадачивали его только новые мореходные качества, появившиеся благодаря второй мачте. Шеф уверял его, что «Журавль» ходил под парусом, и ходил неплохо. В отличие от «Норфолка», который больше напоминал корыто.

— Теперь, когда мы научились ставить «мулов» на колесики, чтобы разворачивать их, — сказал однажды за обедом Квикка, — хорошо бы нам ставить их на каждом конце корабля, спереди и сзади, да повыше. Я только боюсь, что тогда корабль при боковом ветре будет опрокидываться из-за этого дополнительного веса наверху. Ведь даже «Норфолк» не слишком-то высоко поднимался из воды.

Услышав это, Хагбарт аж прыснул пивом через нос.

— «Корабль будет опрокидываться», «спереди и сзади», — задыхался он. — Хорошо, что мы не в море, где нас могли бы подслушать морские тролли. Они наказывают моряков, которые не употребляют правильные *haf*-слова, слова-запреты.

— И как бы ты построил судно, о котором говорит Квикка? — поинтересовался Шеф, игнорируя все предупреждения относительно морского языка.

— Я думал об этом, — ответил Хагбарт, царапая на столе рисунок своим кинжалом. — По-моему, вам нужно сделать то, что они начали делать на «Журавле», да не доделали, — построить корабль с жестким каркасом, гораздо крепче тех, что мы строим.

Вспомнив, как «Аурвендилл» изгибался на волне, когда они плыли из Гедебю в Каупанг, Шеф и Карли одновременно одобрительно кивнули.

— Тогда борта нужно будет сделать примерно такими, — продолжал Хагбарт.

Изучая рисунок на столе, Шеф сказал задумчиво:

— Для меня твое предложение выглядит так, словно над одним из наших кораблей надстроили еще один такой же.

Хагбарт кивнул:

— Да, можно сделать и так. Перестроить старый корабль.

— Значит, мы можем перестроить, скажем, твой «Аурвендилл», который стоит в корабельном доке. Нарастить киль, склепать его — у нас тут уйма доброго железа, — приделать к нему каркас, нарастить, как вы это называете, фальшборт, нагрузить тяжелый груз и построить боевые башни на корме и на носу.

Хагбарт не стерпел:

— Только не «Аурвендилл»! Самый красивый парусник на Севере!

— Хотя и не такой быстрый, как «Франи Ормр», — поддел его Шеф.

— Если вы все это сделаете, — вмешалась никем до того не замеченная Эдтеов, которая неприязненно смотрела, как Хагбарт что-то царапает на полированной столешнице, — вы сможете навесить на корабль ваши стальные пластины и действительно утопить его.

Шеф уставился на нее, раскрыв рот.

— Говорим мы, а подсказывают боги, — в который раз вспомнил свою пословицу Торвин.

В конце концов Хагбарта отправили на лыжах прочь, а на «Аурвендилле» начались работы. Хагбарт примирился с необходимостью переделки корабля, но признался, что предпочел бы видеть эту идею опробованной на чьем-то другом судне. И он не мог вынести, чтобы его корабль потрошили у него на глазах. После того как основная разборка окончится, обещал Хагбарт, он вернется и будет помогать. А до тех пор предпочитает держаться в сторонке.

Кутред вызвался сопровождать его. Среди всех находящихся в фактории он играл самую скромную роль: отказался даже посмотреть на работающую мельницу, совсем не интересовался кузницей, много времени валяясь в постели из-за открывшейся на ноге раны, словно бы его тело мстило за пренебрежение, которому подвергалось раньше. Когда рана зажила, он подолгу в одиночестве катался на лыжах, быстро этому научился и нередко исчезал на весь день. Когда Шеф спросил, не мучают ли его на снежной равнине голод и жажда, он отвечал:

— Там полно еды, если знаешь, как добыть ее.

Шеф недоумевал. Эхегоргун следовал за ними через горы до самого стойбища Пирууси. Не мог ли он пойти и дальше?

Потаенный Народ, кажется, умеет ходить по пустошам, где захочется. Кутред однажды обмолвился, что везде кругом их было больше, чем думают люди. Может быть, на пустошах он встречается с Эхегоргуном, а то и с Мистарай. Кутред пришелся по душе Потаенному Народу. Не то что людям, хотя кое-кто из женщин жалел его. Что ж, по крайней мере, он был надежным защитником для Хагбарта, а Хагбарт — не такой человек, который мог бы чем-то задеть его, в отличие от Карли, миловавшегося с Эдит, и от Кеолвульфа, по-видимому напоминавшего Кутреду, кем тот сам был когда-то.

* * *

Пришел праздник Юле, принеся в их жизнь разнообразие — жареная свинина и кровяные колбасы на столе, песни и легенды жрецов Пути в праздничном застолье. Вслед за тем наступила глубокая зима, с такими ураганными ветрами, что ветряное колесо приходилось на время снимать с мельницы, повалил густой снег. Маленькой общине, в изобилии запасшейся едой и топливом, одеялами и подбитыми пухом спальными мешками, морозы были нипочем. Шеф начал даже удивляться жизнерадостности своих товарищей, но вскоре и это разъяснилось.

— Да, здесь, конечно, холодно, — сказал Квикка. — Но подумай, каково нам приходилось на английских болотах, в рабстве у черных монахов. Хорошо, если вообще было одеяло, никакой еды, кроме каши, да и той недостаточно, жили в хибарах на земляном полу, который не просыхал от Михайлова дня до Пасхи. И впереди ничего не светит, кроме Великого поста! Нет, я никогда не проводил зиму лучше, чем здесь.

Веселья добавил и результат одного из опытов Удда. Тот все никак не мог забыть полную неудачу, постигшую их при попытке изготовить зимний эль, выпаривая воду вместо того, чтобы вымораживать ее. Зимний эль сейчас можно было получить, просто выставив на улицу ведро, но Удд уперся на своем. Если в кипяченом эле не остается крепости, рассуждал он, значит, крепость должна уходить из него вместе с паром. Он принялся мудрить, шаг за шагом. Улавливать пар. Закрывать кипятильный котел. Приделывать к нему трубку — из легкой для обработки меди, — протянутую из

жара в холод, чтобы пар быстрее оседал. Собирать конечный продукт. Повторять весь процесс с более тщательно заделанными щелями и более аккуратной перегонкой. В конце концов Удд получил нечто и предложил остальным попробовать. Они пили с опаской, потом с любопытством и с одобрением.

— Неплохое питье для морозного дня, — высказался Озмод. — Я считаю, оно не так хорошо, как зимний эль с пряностями, но оно более натуральное. В нем все еще остается какой-то привкус огня. «Огненный эль», так нам надо его назвать.

— Лучше было бы делать его из вина, — сказал Удд, который за всю жизнь вино пробовал не больше чем пару раз.

Кутред ничего не сказал, но, исчезая в очередной раз на лыжах, захватил с собой фляжку.

* * *

Наступил долгожданный день, когда они смогли выкатить перестроенный «Аурвендилл» из корабельного сарая и спустить его на берег реки, которая все сильнее и сильнее шумела подо льдом в ожидании близкого ледохода.

— А не положить ли нам для удачи что-нибудь на катки? — задумался Шеф.

Хагбарт резко глянул на него.

— Есть такие, кто делает это, — ответил он. — Обычно приносят кровавую жертву Ран, троллихе из морских глубин.

— Я имел в виду другое. Удд, нет ли у тебя с собой туеска с огненным элем? Положи его под киль. Когда корабль пойдет, он его раздавит.

Хагбарт понимающе кивнул.

— И тогда ты должен будешь дать кораблю новое имя, — он похлопал по мачте. — Это уже не мой «Аурвендилл». Это имя звезды, ты знаешь. Сделанной из отмороженного пальца ноги одного гиганта, которого Тор закинул на небо. Доброе имя для быстрого корабля. Теперь он стал совсем другим. Как ты его назовешь?

Шеф не ответил ничего, пока люди не взялись за канаты, чтобы вытащить корабль из сарая, в котором над ним так долго трудились. Когда они налегли на канаты и густая коричневая жидкость плеснулась на киль, Шеф крикнул:

— Я нарекаю тебя «Неустрашимый»!

«Неустрашимый» медленно сполз по слипу, захрустел по толстому льду и остановился, удерживаемый канатами.

Выглядел корабль непривычно. Киль изготовили и собрали из самого крепкого дерева и железа, какие смогли достать. На удлиненный киль через каждые несколько ярдов поставили шпангоуты, а к ним, вопреки обычной практике, доски прибили, вместо того чтобы привязать их сухожилиями. Собственные доски «Аурвендилла» образовывали теперь только верхнюю часть бортов нового корабля. В нижней их части крепили более прочные сосновые доски. На носу и на корме прежние чистые обводы были искажены боевыми башнями, скопированными с тех башен для «мулов», что Шеф увидел на стенах Гедебю. В каждой башне размещался вновь построенный «мул». Чтобы уравновесить их тяжесть, «Неустрашимый» был построен с глубокой осадкой и круглыми бортами, с массивным грузом в образовавшемся объемистом трюме. К боевым башням примыкали полупалубы, под которыми команда могла устроиться гораздо уютней, чем под кожаными навесами, обычно служившими викингам даже в Атлантике.

В двух вопросах Хагбарт добился своего. «Неустрашимый» остался одномачтовым, хотя с учетом увеличения корпуса парус тоже пришлось увеличить, правда, не вверх, а только в стороны, но все же его площадь возросла при этом почти в полтора раза. И те стальные пластины, которые должны были в качестве брони защищать борта и башни с «мулами», были сложены в трюме, чтобы доставать их только в случае надобности.

— Я бы не рискнул совершать на нем долгий переход в открытом море в Англию, — сказал Хагбарт, позаботившись отойти подальше от корабля, чтобы его слова случайно не накликали беду. — По сравнению с ним самый неуклюжий кнорр выглядит изящным, а когда вы поставите пластины на место, будет еще хуже.

— Он построен не для того, чтобы плыть в Англию, — ответил Шеф. — Если он доставит нас через проливы к Фризским островам, он выполнит свою задачу.

Как раз мимо Бретраборга, подумал Хагбарт, но ничего не сказал. Сам он не собирался отправляться в это опасное

путешествие. У него имелось долговое обязательство от казначейства Шефа и Альфреда за продажу «Аурвендилла», и он намеревался получить свои денежки.

А Шеф мучился сомнениями — имел ли он право потребовать от людей разделить с ним риск опасного похода. Англичане, которые уже прошли с ним такой долгий путь, разумеется, последуют за своим королем, надеясь вернуться на родину, как и Карли, который рвется рассказать в Дитмарше историю своих странствий. А также Ханд. На своем участии настаивал Торвин. Хагбарт и его малочисленная команда дойдут вместе с отрядом до Смааланда на юге Швеции, за это время покажут «сухопутным крысам», как управляться с парусом.

Когда снег начал таять и люди уже подумывали об отплытии, Кутред пришел повидать своего господина.

— Ты хочешь, чтобы я отправился с тобой на Юг? — спросил он.

Шеф внимательно посмотрел на него.

— Я думал, мы повезем тебя домой. В Нортумбрию.

— В Нортумбрии меня никто не ждет. Мой король мертв. Не знаю, жива ли моя жена, но даже если жива — я теперь для нее ничто. Я лучше бы пожил здесь, на пустошах. Здесь есть люди, которые принимают меня таким, какой я есть. Люди, которые не оценивают человека только одним способом.

Шеф вновь услышал в его голосе неизбывную горечь. И все же — он не осмеливался отпустить Кутреда. Тот один стоил целой катапульты или бронированного нагрудного панциря. Кутред ему понадобится, прежде чем они завоюют Юг, в этом Шеф был уверен.

— Ты помнишь мельницу? — спросил он. — Когда я вытащил тебя оттуда, ты поклялся, что ты мой человек.

Кутред большую часть своей жизни был королевским ратоборцем. Он понимал, что такое долг и верность, и считал, что они длятся до самой смерти.

— Проводи меня до Скагеррака, и если захочешь, я отпущу тебя сюда, в пустоши, — добавил Шеф.

Кутред вперил взгляд в грязь под ногами.

— Я провожу тебя до Скагеррака, — обещал он. — И мимо Бретраборга. А здесь меня будут ждать.

Глава 29

Новый король шведов, Кьяллак, отлично знал, что он выбран вместо своего убитого предшественника Орма с одной-единственной целью: предотвратить серьезную угрозу со стороны немецких христиан и несколько меньшую — со стороны людей Пути, заполонивших страну. Вернуть страну шведов, Свеарики, на ее старый путь, к прежним языческим обрядам. Один неверный шаг — и жрецы из великого храма Упсалы снова будут выбирать короля.

Он долго обдумывал свои планы. Необходимо совершить жертвоприношение. И он совершит для них жертвоприношение. В жертву будут принесены все те, кого шведы боялись и ненавидели: христиане, люди Пути, финны и даже *skogarmenn*, обитатели маленьких пограничных селений, которые жили в лесах и болотах и не платили дань.

Гоняться за финнами зимой бесполезно. Да и летом это будет нелегко, ведь они со своими оленями откочуют далеко в тундру. Для удара придет своя пора, пора, когда на стороне шведов будет естественное преимущество. При таянии снегов, в распутицу, когда никто не пускается в путь, если может этого избежать, когда только кони несравненной шведской породы способны пройти по дорогам. За зиму Кьяллак посылал сани с разведчиками, чтобы наметить места для ударов. Потом тщательно отобрал людей и дал им подробные приказы. За неделю до весеннего равноденствия послал их туда, в морось дождя и снега.

* * *

Шеф размышлял не меньше. После равноденствия, думал он, стремительная река должна очиститься ото льда, и наступит подходящее время, чтобы провести «Неустрашимого» вниз по течению к морю. Это могло стать началом возвращения домой. Его люди старательно оснащали корабль, сложили стальные драконьи щиты в трюм, откуда их легко будет достать, приделывали к планширям петли для крепления арбалетов и стрел, обтесывали метательные камни для «мулов».

Наблюдая за ходом работ, Шеф заметил, что в их сторону направляется группа финнов. Без лыж они двигались неуклю-

же. На земле еще оставалось немного снега, но по большей части он превратился в слякоть и грязь. Финны выглядели несчастными, как птицы с подрезанными крыльями. Однако они довольно часто появлялись в фактории Пути, для торговли или чтобы узнать новости. Один из собратов Герьольфа, Оттар, был жрецом богини Скади, горной богини-лыжницы. Он говорил по-фински и часто путешествовал вместе с финнами, изучал их обычаи. Шеф увидел, как он вышел приветствовать вновь прибывших и вернулся назад к месту погрузки.

Немного погодя он заметил, что за его спиной стоит Оттар, а рядом с ним финн Пирууси с выражением скорбного гнева на лице. Шеф с удивлением переводил взгляд с одного на другого.

— Он говорит, шведы напали на их стойбище два дня тому назад, — рассказал Оттар. — Много воинов на конях. Финны не заметили, как те подошли, потому что снег растаял. Многие финны убиты. Некоторых увели в полон.

— Увели, — повторил Пирууси. — Один швед напился пьян и упал с лошади. Мы схватили его. Он сказал, что финнов погонят в храм. Великий храм в Упсале. Повесят там на дереве в жертву шведским богам.

Шеф кивнул, все еще не понимая, чего от него хотят.

— Он просит, чтобы ты их выручил, — продолжал Оттар.

— Я?! Я ничего не знаю об Упсале, — но тут Шеф умолк. Он вспомнил третье видение в шатре Пирууси. Из всех видений он больше всего думал о первом, в котором появились его старые враги Рагнарссоны, захватили город и перерезали ему путь домой. Но ведь он видел и короля, нового короля шведов, — жрецы угрозами вырвали у него обещание совершить великое жертвоприношение вместо обычного избавления от лишних трэлей, которое многие годы устраивали шведы. И еще упоминались христиане, их тоже принесут в жертву.

— А твой швед, он сказал что-нибудь о христианах?

Лицо Пирууси просветлело, он что-то сказал по-фински.

— Он говорит, он знал, что тебя ведут духи, — перевел Оттар. — Христиан тоже поведут к Священному Дубу. А также людей Пути, по крайней мере так он говорит.

— У нас все спокойно, — ответил Шеф.

— Мы живем далеко в верховьях реки. И потом, у нас не все на месте.

Шеф ощутил, как его сердце сжалось. Торвин, когда снег еще позволял ездить на санях, уехал за тридцать миль в поселок менять железо на продукты, и вместе с ним Квикка, Хама и Удд. Они так и не вернулись. Если их тоже схватили... Шеф с удивлением понял, что из этой четверки — Удд, Хама, Квикка, который спас ему жизнь, вырвав из объятий утопающего Ивара, Торвин, который принял его, бездомного бродягу, — больше всего из всех них его волнует судьба Удда. Если Удда не станет, заменить его не сможет никто. Без его таланта многие замыслы умрут, так и не родившись.

— Думаешь, шведы могли захватить их? — спросил Шеф.

Оттар указал на дорогу, идущую с востока, со стороны реки. На ней показались всадники, изо всех сил пришпоривающие вязнущих в грязи лошадей.

— Кажется, нам хотят сообщить новости, — мрачно ответил он.

* * *

Новости были те самые, которых ждали. Поселок, врасплох застигнутый на рассвете, сгорел дотла. Налетчики убивали всех попавшихся на глаза мужчин, женщин и детей, но некоторых схватили и увезли с собой на свободных лошадях. В полон отбирали тех, кто носил амулеты Пути, а также юношей и девушек. В суматохе трудно было понять, почему шведы напали на поселок. Но кое-кто утверждал, что, убивая, они кричали: *«Skogarmenn! Skogarmenn!»* Лесовики, разбойники, лесные братья. Один черт. Жреца Торвина схватили наверняка, видели, как шведы его увозили. Заметили также щербатого человека, это, наверное, был Квикка. Никто не смог вспомнить человека, похожего на Удда. Но это вполне объяснимо, подумал Шеф. Люди нередко не замечали Удда, даже находясь с ним в одной комнате. Пока дело не доходило до металлов, до железа, стали и механизмов, малыш как бы не существовал.

— Когда будет жертвоприношение? — спросил Шеф.

Терзая бороду, Герьольф ответил:

— В день, когда на Священном Дубе, Дубе Королевства, как они его называют, появятся первые зеленые почки. Дней через десять. Или двенадцать.

— Так, — сказал Шеф, — мы должны спасти наших людей. Хотя бы попытаться.

— Согласен с тобой, — ответил Герьольф. — И это сказал бы каждый жрец Пути, даже Вальгрим, будь он жив. Ведь шведы бросили нам вызов. Если они повесят наших жрецов в их священных одеждах, с ритуальными ягодами рябины на поясе и пекторалями на шее, тогда от нас отвернутся все, кого мы только обратили в нашу веру в Швеции. И за ее пределами, когда весть распространится.

— Спроси Пирууси, что он собирается делать, — сказал Шеф Оттару.

Все, что по силам человеку, — был ответ. Шведы увели самую юную и самую любимую его жену. Пирууси так живо и ярко описал ее прелести, что стало очевидно — он считает ее, как и Шеф Удда, незаменимой.

— Хорошо. Еще мне нужен Хагбарт. Позови его, Герьольф. Теперь это дело Пути. И дальше я собираюсь поднять свое знамя.

— С каким девизом?

Шеф задумался. Он видел много знамен и знал, с какой силой они действуют на воображение. Существовали Знамя Ворона братьев Рагнарссонов, Извивающийся Червь Ивара. Альфред поднимал Уэссекского Золотого Дракона, оставшегося от римлян. Гербом Рагнхильды был Свирепый Зверь. Сам Шеф шел к Гастингсу под знаменем Молота и Креста, чтобы объединить людей Пути и английских христиан в борьбе против армии Папы. Что ему выбрать на этот раз? Знак Рига, лесенку, которую он носил на шее? Этого никто не поймет. Молот и разорванные оковы, символ свободы? На этот раз он собирается освобождать не рабов, а людей с диких окраин и разбойников.

— Ты, разумеется, должен поднять знак Молота, — настаивал Герьольф. — Не Молот и Крест, как когда-то. Здесь нет христиан. Только германцы и обращенные ими, они нам не друзья.

Шеф принял решение. Он все еще держал копье, которое взял у Эхегоргуна, копье, которое досталось троллю от трондского ярла Болли.

— Моим гербом будет поднятое Копье, — сказал он. — А поперек него Молот Пути.

Герьольф поджал губы.

— На мой вкус, это будет слишком похоже на крест.

Шеф уставился на него.

— Если я буду сражаться с королем, — заявил он, — значит, я король. Ты слышал приказ короля. Пришли ко мне всех наших швей. И пришли Кутреда тоже.

Когда Герьольф ушел, Шеф тихонько сказал Кутреду:

— Мы не выступим раньше, чем завтра утром. Прогуляйся сегодня вечерком. Никакой надежды, что Спрятанные помогут нам в Упсале, правильно? Слишком далеко от пустошей и от гор. Но все равно известие нужно передать. Может быть, на Севере есть другие семьи полутроллей, кроме Бранда. Выясни это.

Шеф хотел добавить «и не забудь вернуться», но сдержался. Если Кутред захочет уйти, он уйдет. Все, что его сейчас удерживает, это его гордость, и не стоит задевать ее.

* * *

На следующее утро Кутред безмолвно стоял на носу «Неустрашимого» во всех своих доспехах, в шлеме, с мечом, щитом и копьем. Он снова выглядел как королевский ратоборец, если не считать глаз, усталых и покрасневших.

Корабль был переполнен мужчинами и женщинами. Только с полдюжины их осталось на руднике. Жрецы, послушники, англичане и финны — все взошли на борт, общим числом до пяти десятков человек, а то и более. Им бы никогда не удалось всем поместиться, если бы корабль шел на веслах или под парусом. Но талые воды несли его без всяких человеческих усилий со скоростью хорошего скакуна. Вставшему у румпеля Хагбарту пришлось только послать на рею впередсмотрящего, чтобы следил за льдинами, и выставить на носу людей с веслами, чтобы расталкивать плавающие обломки льда.

Во время всего перехода вниз по реке они видели следы разорения, сожженные хутора, сожженные деревни. Людей, которые, завидя реющее знамя, выходили на берег, ободряли, говорили им, чтобы доставали свои лодки и присоединялись к отряду. Когда «Неустрашимый» вышел в море, его сопровождала целая флотилия четырех- и шестивесельных шлюпок. На морском побережье рыбачьи деревни Финнмарки выставляли уже суда побольше. Шеф распоряжался, брал

под свою команду большие лодки, пересаживал на них людей с маленьких.

— Так мы с ними далеко не уйдем, — протестовал Хагбарт. — Во-первых, они не могут нести достаточный запас воды. Ладно, не говори ничего, я уже понял. Приказам нужно подчиняться. И у тебя есть свой замысел.

Когда «Неустрашимый» со своим эскортом мелких судов вышел в Финскую бухту, как шведы называют глубокий залив между шведской Финнмаркой и противоположным берегом, они увидели россыпь маленьких островов. Молчавший до сих пор Пирууси подошел к Шефу и указал вдаль.

— На этих островах живут финны, — сказал он. — Я иногда ходил в гости по льду. Морские финны.

Шеф пошел к Оттару, посадил его, Пирууси и ватагу финнов в шлюпку, велел им привести с собой как можно больше лодок и людей. Они ушли под небольшим парусом, ожидая нападения береговой охраны короля Кьяллака.

* * *

Эли Рыжий, шкипер «Морского Котика», охранявшего границу около Аландских островов, увидел вдалеке необычный парус и стал осторожно сближаться. Он наслышался историй о странных кораблях со странным вооружением, и ему не хотелось рисковать без надобности. Заметил позади разноцветье рваных парусов и расслабился. Рыбачьи лодки дерьма всякого, падали ходячей. В любом случае, едва они заметят его полосатый парус и парус его напарника, он только и увидит, как они рвут когти. Но что там делают на этом странном корабле? Этой помеси купеческого кнорра с рыбачьей лодкой? Тоже пытаются сбежать?

— Их уже можно достать дальним выстрелом! — заорал Озмод. Бывший капитан алебардщиков едва сдерживал ярость, с тех самых пор, как узнал, что его давнему другу и напарнику Квикке угрожает судьба жертвы Одину и Фрейру и шведская петля.

— Отойти от «мула», — скомандовал Шеф. — Всем — спуститься в трюм. Хагбарт, тебе тоже. Давай, Озмод, командуй. Давай, разворачиваемся, как будто мы убегаем.

Озмод возмутился:

— Но я не умею разворачивать судно!

— Умеешь, умеешь, ты достаточно часто видел, как это делается. Теперь сделай это сам. Карли, Вилфи и я — мы твои матросы. Кутред, берись за рулевое весло.

— Ладно, — неуверенно сказал Озмод. — Откуда у нас ветер? Кутред, разверни наш передок немножко от ветра, ну, налево, словом. Карли, тяни за этот конец реи, а ты, Вилфи, — за другой, и разверните рею так, чтобы ветер был позади нас. Господи, тьфу ты, Тор, что же дальше-то делать?

Хагбарт закрыл глаза руками, а «Неустрашимый» неуклюже обратился в бегство, почти как купец с маленькой командой, да еще впервые вышедшей в море. Наблюдая, Эли усмехнулся в рыжую бороду и опытной рукой повел оба своих корабля на перехват.

— Пригните головы, — скомандовал Шеф. — Забудьте про «мулов». Каждому взять по арбалету в руки и по одному запасному.

Он выждал, пока «Морской Котик» встал почти борт к борту, над планширем вызвышались свирепые бородатые лица, вперед выставлены копья, и только тогда дал команду своим затаившимся в засаде бойцам. Любой может взвести арбалет, как сказал Удд два года назад. А с ножным рычагом это стало еще проще. С десяти ярдов не промахнется даже самый неопытный, а ведь с десяти ярдов стальная арбалетная стрела пробивает деревянный щит и кольчужную сетку, мышцы и кости, словно тонкую парусину. Когда арбалетчики Шефа отбросили первые арбалеты и взялись за вторые, уже было ясно, что во втором залпе нет нужды.

Хагбарт по тросу перебрался с корабля на корабль, взглянул на нескольких оставшихся в живых, совершенно растерянных воинов и приказал им пришвартовать корабли борт о борт.

— Теперь «мулы», — сказал Шеф, глядя на отчаянно пытающийся повернуть второй корабль. — Озмод, пусти одно ядро над головами и предложи им выкинуть оружие за борт.

Короткое время спустя флот Шефа состоял из трех больших кораблей с многочисленной командой и эскорта шлюпок и яликов, и вся армада двинулась к шведскому берегу. Позади, на маленьких лодках, перегруженных настолько, что их планширы лишь на какие-то дюймы возвышались над во-

дой, разбитая береговая охрана спорила, плыть ли к Аландским островам, в руки финнов, или рискнуть вернуться в Швецию, где их ждал только гнев их короля.

* * *

Люди из Ордена Копья, при всем их усердии, лишь немногих в Швеции обратили в свою веру, особенно среди мужчин и уроженцев страны. Паства, которую они защищали, состояла в основном из рабов, принявших христианство еще до того, как попали в рабство. Некоторые из них были немцы, некоторые — фризцы и франки, а в основном — англичане и ирландцы. Риттеров ничто не связывало с ними. Им нравилось одолевать норманнов, которые так долго третировали их, нравилось сознавать, что победа на их стороне, когда их больше. Когда тысячные армии викингов нападали на города и деревни Запада, конечно, они выглядели несокрушимыми. Но когда пятьдесят вооруженных и опытных немецких воинов появлялись в центре шведской деревни с населением в две сотни человек, результат был тот же. Если бы местные объединились против них, еще неизвестно, чем бы все обернулось. Но добычи, за которую стоило драться, не было, и никто не хотел ввязываться. Рыцари Ордена Копья зимовали в мире, хотя и не в довольстве. Построения и муштра наскучили, а напиваться и распускать хвост перед хорошенькими шведками было запрещено. Надежды на повышение дьякона Эркенберта, застрявшего здесь, вдали от центра событий, таяли с каждым днем. Бруно одиноко маялся у себя. Он не нашел Копье Карла Великого. Если оно и существовало где-нибудь, оно находилось далеко на севере и в другой стране. Бог, в которого он верил, кажется, оставил его.

Когда в дверь казармы отчаянно заколотили, рыцари пробудились от спячки, шахматные доски полетели на пол. Со стоек у стены расхватали оружие, бойцы спешно надевали доспехи. Осторожно открыли дверь. Жалкая тощая фигура протиснулась внутрь.

— Они их схватили, — пробормотал пришедший.

— Кого «их»? — рявкнул вышедший на шум Бруно. — Кто и кого схватил?

Сообразительность, по-видимому, покинула пришедшего, встреченного настороженными взглядами и обнаженными мечами. Вперед вышел Эркенберт, заговорил с испуганным человеком по-английски. Сообщил:

— Он из Хаддинга. Городок в десяти милях отсюда, где мы были у мессы. Он говорит, сегодня утром пришли солдаты короля Кьяллака, окружили дома всех христиан, посещавших наши службы, — у них был список — и увели их под стражей. И еще шведы говорили, с большим удовольствием, что христиан принесут в великом храме в жертву языческим идолам дней через пять.

— Это вызов нам, — воскликнул Бруно, оглядываясь и усмехаясь. — Как, мальчики?

— Это вызов Богу, — сказал Эркенберт. — Мы должны встретить его, как Святой Бонифаций, который, сам оставшись невредим, уничтожил Саксонский Ирминсул и обратил язычников саксов в истинную веру.

— Я слышал другую историю, — пробормотал один из рыцарей. — Я сам из саксов. Но в любом случае, как мы, а нас всего пятьдесят, можем отбить толпу жертв у всего сборища шведов? Их там будут тысячи. И сам король с его придворными карлами.

Бруно хлопнул его по спине.

— Вот это и есть вызов! — воскликнул он. И добавил уже спокойнее: — Не забудьте, они считают, что все должно делаться определенным образом. На вызов необходимо ответить. Если я вызываю короля, он должен биться со мной или выставить ратоборца. Это будет не сражение. Они увидят нашу силу — и Божью волю. Мы им покажем. Как мы не раз уже делали.

Его люди выглядели неуверенными, но дисциплина была сильна, а вера в своего командира еще сильнее. Они начали собирать оружие, мешки и скатки, готовить лошадей, раздумывая о предстоящем походе. Пять дней. Пятьдесят миль до языческой Упсалы. Раз плюнуть, даже в распутицу. Но вряд ли получится явиться на шведский сход неожиданно. Сомнительно также, чтобы это сошло им с рук, ведь в любой день каждый может проснуться и увидеть пожар и людей, окруживших дом. Может быть, Кьяллак, король шведов, предугадал их шаги. Ждет их прихода. Приготовил им встречу. Два священника миссии обнаружили у своих дверей очередь из желающих исповедаться и получить отпущение грехов.

Глава 30

Отряд подходил все ближе и ближе к Упсале, а Шеф ощущал, что его одолевают дурные предчувствия. Почему? Все шло так замечательно, как только можно было ожидать. При высадке они не встретили сопротивления, способные держать оружие шведы уже ушли на сход для великого жертвоприношения, по крайней мере, так говорили. Благодаря высланным в море лодкам с фонарями их разыскал Пирууси, он привел мощное подкрепление финнов, рвущихся одним решительным ударом разгромить оплот своих извечных врагов. Были розданы десятки запасных арбалетов, каждый получивший их воин был наспех обучен и сделал пять пробных выстрелов — этого было достаточно, чтобы любой научился заряжать и стрелять из нового арбалета и попадать в цель на расстоянии до пятидесяти ярдов. Имея в авангарде финских лучников с двумя сотнями арбалетчиков позади них, Шеф знал, что представляет собой силу, с которой нельзя не считаться, силу, способную отразить любую случайную или непродуманную атаку. Он оставил только дюжину мужчин и женщин, чтобы охранять лодки, и постарался найти для «Неустрашимого» укромную бухту.

Боевой дух войска поддерживался праведным гневом. Можно было бы счесть за поддержку и те робкие знаки одобрения, которые они встречали, продираясь через распутицу — почти непроходимую, чтобы назвать их движение маршем, — и проходя через деревни шведских язычников. На время схода в деревнях оставались только женщины, рабы и низкорожденные. Многие из них, завидев стяг с Копьем и Молотом, принимали его за своеобразный крест — чего опасался Герьольф — и, если сами происходили из христиан, смотрели на него как на символ освобождения. Другие же видели пекторали Пути и не без опаски присоединялись к отряду или сообщали полезные сведения. А те, у кого увели для великого жертвоприношения друзей или родных, просили дать им оружие и сами рвались в бой. Все были заодно, армия росла, а не съеживалась, как это случается со многими армиями по мере приближения к полю брани.

Так откуда же дурные предчувствия, спрашивал себя Шеф. Загвоздка в Кутреде. Шефом овладела какая-то внутренняя уверенность, что это дело не разрешится в общем сражении, что в конце концов оно сведется к схватке ратоборцев. До сих пор он про себя надеялся на Кутреда, на его силу и искусство, но больше всего — на его непримиримый дух. Кутреда никогда не приходилось подбадривать, только сдерживать. До сих пор. Теперь же он был молчалив, печален, дух скрытой угрозы, который всегда исходил от него, исчез.

Трясясь на реквизированном армией пони, Шеф заметил, что к нему присоединился Ханд. Как обычно, он не рвался заговорить первым, просто ждал, пока Шеф найдет для него время.

Шеф украдкой оглянулся на едущего в десяти ярдах позади Кутреда и тихонько проговорил:

— Боюсь, я потерял своего берсерка.

Ханд кивнул:

— Я тоже так считаю. А думаешь, нам понадобится берсерк?

— Да.

— Помнится, Бранд говорил о том, что делает берсерка берсерком. Он сказал, что это не человек, одержимый каким-то духом, а человек, который ненавидит себя. Может быть, у нашего берсерка, — Ханд избегал называть Кутреда по имени, на случай, если тот услышит, — может быть, у него появилась какая-то причина, чтобы перестать ненавидеть себя.

Шеф вспомнил о Мистарай и странном замечании, которое сделал Эхегоргун о Потаенном Народе, об их отношении к спариванию. Он вполне способен был представить, что Кутред, если не может снова считать себя мужчиной, может зато считать себя троллем.

— Я не хотел бы, чтобы эта причина вернулась, — сказал Шеф, — но я предпочел бы, чтобы в нем осталось немножко побольше от него прежнего.

Ханд достал что-то из-под длинного плаща, какие теперь носили в отряде, чтобы защититься от ветра и ливней.

— Сдается мне, что есть и другая причина, почему берсерк становится берсерком. Точно так же как твои видения могут быть вызваны чем-то внутри тебя или каким-то веществом в зерне или в финском напитке видений, так и дух берсерка может вызываться чем-то, что есть в душе — или в теле. Я поговорил с финнами, с помощью Оттара. Они ис-

пользуют не только мухоморы. Вот здесь есть другое зелье, — он показал Шефу фляжку.

— Что это?

— Отвар. Кипящей водой заливают грибы, но на этот раз не те красные с белыми крапинками, мухоморы, из которых делают напиток видений. И не те, другие грибы, которые я знаю, они, — Ханд снова понизил голос, — похожи на пенис. Это какие-то совсем другие грибы. Финны зовут их «рысье ухо», по имени большой кошки, которая водится в этих лесах. Такие грибы доводят людей до исступления, делают берсерков из самых кротких. — Он протянул фляжку: — Если тебе надо, возьми это. Дай попить Кут... нашему другу.

Шеф задумчиво взял зелье.

* * *

Рядом с великим храмом в Упсале располагался загон, прикрытый соломенной крышей, с земляным полом и плетеными стенами, так что дождь хлестал в каждую щель. Восемнадцать десятков мужчин и женщин толпились в нем, руки их были привязаны к железным кольцам, нанизанным на длинную палку. Будь у них время и силы, среди них нашелся бы человек, чтобы освободиться самому и отвязать остальных. Но стража сновала взад и вперед, избивая дубинками любого, кто осмеливался пошевелиться, делал хоть что-нибудь похожее на попытку побега. У стражников было больше хлопот, чем обычно, так они говорили друг другу. Не только из-за того, что предназначенных для жертвоприношения было больше, чем мог вспомнить хоть кто-нибудь из живущих. Жертвами в этот раз были не обычные мешки с костями, умирающие в петле или от ножа лишь на несколько дней раньше, чем они умерли бы от холода и от истощения. И это правильно, говорили стражники, нацеливаясь, чтобы в очередной раз сломать дубинкой пальцы или ключицу. Богам для разнообразия хочется свежего мяса. Возможно, бедствия шведов вызваны недовольством богов, вынужденных подолгу варить мослы принесенных в жертву.

Квикка, нянча руку, сломанную, когда стражник заметил его попытку снять железное кольцо, прошептал самым уголком рта стоящему рядом Торвину:

— Не нравится мне, как выглядит Удд.

Действительно, малыш, кажется, готов был расплакаться — это вполне естественно, но ни англичанин, ни человек Пути не захочет дать своим врагам лишний повод для издевательств. Он уставился на одного из шведов, жреца, который вошел в загон. Таков был обычай шведских жрецов великого храма, жрецов Дуба Королевства, — заранее издеваться и глумиться над своими пленниками, они верили, что богам угодны ужас и отчаяние, которые испытывают жертвы. Говорили, что этот обычай установил их древний король Ангантир. Другие же считали, что это нравится только ублюдкам. Удд слушал крики шведа, и его нижняя губа дрожала.

— Не надейтесь, что это будет быстро! Не думайте, что вы легко отделаетесь. Я двадцать лет совершаю жертвоприношения в этом храме. В юности я еще делал ошибки. Я допускал, чтобы люди ушли к богам и сами того не заметили. Но не теперь! Те, кого я вешаю, будут еще в полном сознании и с открытыми глазами, когда вороны Одина прилетят терзать их. Что с тобой будет, когда ворон сядет тебе на голову и захочет клюнуть? Я-то видел! Ты постараешься поднять руки, правильно? Но руки я тебе свяжу. И это еще не все. Даже после того, как вы умрете, отойдете к богам, тогда, как вы думаете, что будет с вами? Вы, христиане, будете сидеть на облаке с арфами в руках, а? Нет! Вы рабы здесь и останетесь рабами там.

Жрец начал петь священный гимн, его голос и интонации странно напоминали Торвина. Религия Пути родилась именно здесь, во внезапной вспышке озарения понял Квикка. Из верований, подобных этому. Они не то чтобы стали милосерднее — последователи Пути были так же жестоки, как и все остальные, — но того подспудного отчаяния, что присуще истинному язычнику, исступленности, неотделимой от страданий, у них не было.

Тот, кто заберет тебя, зовется Хримгримнир.
Дом тебе — за воротами Хеля.
Там гнусные трэли под корнями деревьев
Пьют собачью мочу,
Нет им питья другого...

Голова Удда упала, лицо его исказилось, увидев это, языческий жрец прервал пение и разразился приступом торжествующего хохота. Он смеялся, а Торвин запел, его низкий голос в точности подхватил тональность языческого напева, но в другом ритме:

Я видел чертог, на солнце сияющий,
Златом покрытый, на равнине Гимли,
Соберутся там сонмы истинно верных,
Вечно пребудут в любви неслабеющей...

Язычник закричал от ярости, побежал вдоль рядов прикованных узников к своему противнику, изрыгая проклятья и потрясая дубинкой. Когда он пробегал мимо, связанный Хама ухитрился сделать ему подножку. Жрец растянулся почти у самых ног Торвина. Торвин с сожалением посмотрел на дубинку, запястья его были прикованы выше плеч. Он вышел вперед на полную длину цепи, ударил обутой ногой. Раздался хруст, язычник захрипел из самой глубины горла, затем задохнулся.

— Перебито горло, — буркнул стражник, убирая тело и дубинкой равнодушно избивая Торвина до бесчувствия.

— В Трутвангаре, когда мы попадем туда, — выдохнул Торвин между ударами, — он будет моим слугой. Нашим слугой. И ведь мы еще живы, а он мертв.

Удд непроизвольно снова начал всхлипывать. Он много путешествовал, многое вынес, старался вести себя как воин. Теперь его нервы сдали, его запасы храбрости истощились.

* * *

Когда армия Шефа приблизилась к Упсале, в последний вечер перед тем, как, по уверениям многих, должно было состояться великое жертвоприношение, дождь пошел сильнее. Слякотные дороги были забиты верующими, зрителями, приверженцами короля Кьяллака и адептами Одина и Фрейра, смешавшимися в одну огромную толпу. Не стараясь сразу пробить себе путь, Шеф просто приказал воинам держать свое мало кому знакомое оружие под плащами и проталкиваться вперед, как будто они не более чем еще одна, необычно многочисленная, группа направляющихся на церемонию. Будь погода получше, их бы опознали, по крайней мере финнов. Но поскольку все головы склонялись под струями ливня и финны держались в середине отряда, никто ничего не заметил, никто не поднял тревогу. Шеф слышал многие голоса, рассуждавшие о недовольстве богов. Должны пролиться потоки крови, прежде чем шведы снова увидят хороший урожай.

В темный предрассветный час Шеф заметил под нависшими облаками драконьи головы на коньках великого храма.

И еще более безошибочный признак — темную громаду самого великого дуба, Дуба Королевства, под которым шведы поклонялись своим богам и выбирали своих королей с тех самых пор, как стали единым народом. Говорили, что его ствол не могла бы обхватить цепочка в четыре десятка человек. Даже в нараставшей толчее никто не рисковал подойти под его крону. Прошлогодние жертвы еще висели здесь, люди и животные. Внизу располагались ямы для костей.

Отряд остановился, и Шеф послал приказ Герьольфу, Озмоду и другим постараться собрать людей вместе и быть готовыми ко всему. Сам он подошел к Кутреду. Великан со спрятанным под одеждой оружием стоял безмолвно.

— Ты можешь скоро мне понадобиться, — сказал Шеф.

Кутред кивнул.

— Господин, я буду на месте, когда понадоблюсь тебе.

— Может быть, тебе стоит выпить вот это. Это... оно подготавливает человека к бою, так мне сказал Ханд.

Кутред взял фляжку, открыл и осторожно понюхал. С неожиданным презрением он фыркнул и швырнул фляжку в грязь.

— Я знаю, что это. Это дают мальчишкам, которым не доверяют перед битвой. Предлагать это мне, ратоборцу короля Эллы! Я твой человек. Я убил бы любого другого, предложи он мне такое.

Кутред повернулся спиной, сердито отошел в сторону. Шеф посмотрел ему вслед и поднял фляжку, сам понюхал содержимое. Где-то с треть напитка еще оставалась в ней. Это дают мальчишкам перед битвой? Он и был мальчишкой, по крайней мере, многие называли его именно так. Он вдруг поднял фляжку, выпил и выбросил в лужу. Стоявший в нескольких шагах Карли — он не хотел подходить к Кутреду близко — встревоженно наблюдал за ним.

Где-то загудели рожки, из-за сырости звук был низкий и тяжелый. Наступил ли уже рассвет? Трудно сказать. И трудно сказать, проклюнулись ли уже почки на Дубе Королевства. Но жрецы великого храма, по-видимому, решили начинать. Небо постепенно светлело, из распахнутых дверей вышли поющие жрецы и окружили священное дерево. Еще один зов рожков, и медленно раскрылись ворота. Стражи начали выгонять колонну запинающихся людей на промозглый

холод. Шеф, сняв свой плащ, бросил его на землю, и стоял, тяжело и глубоко дыша. Теперь он был готов действовать. Он только дожидался своей жертвы.

* * *

Не слишком далеко оттуда, за низким гребнем, который окаймлял равнину с великим храмом, Бруно строил немецких рыцарей. Он решил для более сильного впечатления не спешивать своих людей. Конечно, под седлом были всегонавсего шведские лошади, не те боевые жеребцы, которых тренировали в германских и франкских землях, но все его люди были искусными наездниками, настоящими риттерами. Они из любого животного сделают строевого скакуна.

— Похоже, они начинают, — сказал Бруно Эркенберту. Коротыш-дьякон едва-едва мог ездить верхом, но отказался, в отличие от священников миссии, держаться позади. Бруно посадил его на луку собственного седла. Эркенберт дрожал от холода. Бруно не допускал мысли, что эта дрожь могла быть вызвана страхом. Может быть, волнение от предстоящего сражения за веру. Днем раньше Эркенберт прочел им всем легенду о святых подвижниках, об английских святых Уиллебальде и Уинфрите, последний из них принял имя Бонифаций. Они напали на язычников саксов в их собственном святилище, срубили их священный столб, заслужив вечное спасение на небесах и непреходящую славу на земле. Мученичество, сказал Эркенберт, по сравнению с этим ничто. Ясно было, что маленький англичанин сам рвался в герои. У Бруно намерения были другие, далекие от подвигов за дело веры.

— Они ведут страдальцев навстречу их судьбе. Когда же мы ударим? Двинемся вперед во славу Господню.

Бруно подобрался, привстал на стременах, чтобы отдать приказ, и медленно осел назад.

— Кажется, нас опередили, — с изумлением сказал он.

* * *

Когда узников медленно вывели наружу, Шеф понял, что появилось какое-то важное лицо. Рассветало, и стал отчетливо виден плоский серый камень в центре площадки между храмом и Священным Дубом, квадратный валун футов четырех высотой и с десяток в поперечнике. Из группы людей около храма вышел человек с поднятым копьем. Он с неожиданной ловкостью и силой вскочил на камень, опираясь на копье, и высоко поднял руки. Его сторонники ответили дружным выкриком, заглушившим шум толпы.

— Кьяллак! — кричали они. — Король Кьяллак, благословенный богами!

Шеф с копьем в руке начал пробиваться вперед. Он знал, хотя и не оглядывался, что Кутред следует за ним. Тело его, кажется, парило в потоках воздуха, как будто что-то внутри поднимало его, и каждый его вдох распирал переполненные легкие.

— Кьяллак! — хрипло закричал он. — Ты взял моих людей. Я хочу вернуть их.

Сверху на него смотрел король, воин в расцвете сил, тридцати пяти лет, ветеран многих сражений и поединков.

— Кто ты, человечишка, что шумишь на сходе шведов? — спросил он.

Шеф, подобравшись, швырнул копье ему в ноги. Кьяллак проворно перепрыгнул через него, но, приземлившись на мокрые камни, подскользнулся и упал. Шеф вскочил на валун и встал над королем. Голос его взметнулся и полетел над равниной, выкрикивая слова, которые Шеф отнюдь не собирался говорить.

— Ты не король! Король должен защищать свой народ. А не вешать людей на деревьях ради кучки старых мошенников. Прочь с камня! Я король шведов!

Сзади клацало оружие, но Шеф ничего не замечал. С полдюжины людей Кьяллака кинулись к камню, как только возникла угроза их королю. Троих достали летящие из толпы арбалетные стрелы. Вышедший вперед Кутред хладнокровно отрубил ноги одному из оставшихся, замахнувшись на другого, обратил его в бегство.

— Это что, вызов? — крикнул Кьяллак. — Для вызова не время и не место.

Шеф ответил пинком, который скинул поднимавшегося на ноги Кьяллака с камня. Зрители откликнулись стоном. Кьяллак, побледнев, снова встал на ноги.

— Несмотря на время и место, за это я тебя убью, — сказал он. — Я сделаю из тебя *heimnar*'а, и все, что от тебя оста-

нется, отдам жрецам. Ты станешь первой сегодняшней жертвой богам. Где твои щит и меч? Как ты собираешься сражаться со мной этим старым свинячьим стрекалом?

Шеф огляделся. Ничего подобного он не задумывал. Только безумие, вызванное зельем Ханда, заставило его сделать то, что он сделал: предстать перед полностью вооруженным прославленным ратоборцем самому, вместо того чтобы выставить своего ратоборца Кутреда. Замена невозможна. Он увидел, что день уже полностью вступил в свои права, и дождь внезапно прекратился. Все глаза устремились на него, возвышающегося на камне в центре естественного амфитеатра. Жрецы великого храма прервали свое пение и стояли враждебной кучкой, рядом с толпой узников. Вокруг него кольцом копий ощетинился великий сход шведского народа. Но шведы не делали попытки вмешаться. Они ждали приговора богов. Лучшего случая не будет. И опьянение отравой все еще играло в нем.

Шеф закинул голову назад и расхохотался, поднял копье и вонзил его острием во влажный дерн. Он возвысил голос так, чтобы он доносился не только до Кьяллака, но и до самых задних рядов зрителей.

— У меня нет щита и меча, — крикнул он. — Но у меня есть вот это! — он выхватил из-за пояса длинный нож односторонней заточки. — Мы будем драться по-рогаландски! Бычьей шкуры нам не надо. У нас есть священный камень. Я буду драться с тобой здесь, привяжем запястья друг к другу, и тот, кто останется на камне, будет королем шведов.

В услышавшей это толпе поднялся ропот, а Кьяллак поджал губы. Ему доводилось видеть такие поединки. Опыт в них мог ничего не значить. Но толпа сейчас никого отсюда не выпустит. Он еще не утратил силы и ловкости. Расстегнув перевязь меча, он сбросил ее и услышал, как шведы закричали и забряцали копьями о щиты, они поняли: он принимает вызов.

— Петушок с навозной кучи! — сказал он, понизив голос. — Ты вляпаешься в собственное дерьмо.

* * *

Квикка, придерживая за рукав свою сломанную руку, пробормотал избитому и истекающему кровью Торвину:

— Происходит что-то странное. Он никогда такого не замышлял. И ведь его никто в это не втягивал. Все это на него не похоже.

— Может быть, его ведут боги, — ответил Торвин.

— Будем надеяться, они его не оставят, — сказал Хама.

* * *

Бруно, по-прежнему наблюдающий за церемонией из своего укрытия, огляделся в задумчивости. Все взгляды были устремлены в центр, где ярлы помогали Кьяллаку снять кольчугу, а Шеф стоял уже без рубахи. Появилась веревка, отрезанная от петли палача, ею готовились связать запястья соперников, у каждого из которых теперь появилось по два свидетеля — следить, чтобы поединок был честным. Один из жрецов великого храма настаивал, что нужно спеть гимн Одину, а Герьольф, протолкнувшись через толпу, стал возражать против этого.

— Теперь мы даже не сможем напасть на них, — сказал Бруно. — Толпа сбилась слишком плотно. Так, слушайте, мы сделаем вот что, — и он изложил своим людям план атаки. Пойти вправо, обогнуть храм и загон для жертв, появиться в промежутке между храмом и Священным Дубом, там, где было оставлено место для узников. — Выйти позади них, — продолжал Бруно. — Потом выдвинуться вперед и построиться клином. Тогда мы хотя бы освободим своих людей.

— Что это у них там за знамя? — спросил один из риттеров.

— Это крест! — вскричал подслеповатый Эркенберт. — Бог посылает нам знак.

— Это не крест, — медленно проговорил Бруно. — Это поднятое копье. Похожее на то, что сейчас кинул этот юноша. Копье и поперек него — не разберу что. Я не спорю, может быть, это и впрямь что-то означает.

* * *

Глубоко и медленно дыша, Шеф ждал сигнала к началу. На нем остались только штаны, сапоги он скинул, чтобы не скользить на мокром камне. Он понятия не имел, что ему делать. И это казалось неважным. Питье Ханда переполняло его восторгом и яростью. В уголке его сознания, которое сохранилось где-то под спудом дурмана, разум протестовал,

твердил ему, что нужно следить за противником, а не упиваться ощущением собственного всемогущества.

Когда гимны соперников смолкли, наступила внезапная тишина, потом запели рожки, и Кьяллак, подобно пантере двигаясь по камню, ударил. Шеф едва не опоздал отпрыгнуть, огненная полоса обожгла ему ребра, откуда-то издалека донесся одобрительный рев. Он начал уклоняться, одной рукой подтягивая веревку, которая связывала его с противником, угрожая ударить другой. Кьяллак не реагировал на его ложные выпады, ждал настоящего удара. Тогда одноглазый вынужден будет подойти ближе. Если он промахнется, Кьяллак снова сможет ударить в живот. Он кружил слева направо, выставляя руку с ножом, заставляя Шефа разворачиваться, чтобы не подставиться стороной, где у него не было глаза. Каждые несколько секунд он умело и быстро полосовал клинком по незащищенной левой руке Шефа, так чтобы пустить кровь, уносящую силы.

— Ну что там? — спрашивал Торвин, у которого левый глаз совсем заплыл.

— Он режет нашего на кусочки, — отвечал Квикка.

«Он режет меня на кусочки», — думал Шеф. Боли он не чувствовал, физической боли, но внутри поднималась паника, как если бы он стоял на подмостках перед тысячной толпой и забыл, что нужно сказать. Он попробовал провести неожиданную подсечку, борцовский прием. Кьяллак расчетливо уклонился и резанул его по колену. Шеф в ответ полоснул по привязанной руке Кьяллака, впервые пустив тому кровь. Кьяллак ухмыльнулся и неожиданно пырнул ножом над их связанными руками, что заставило Шефа мотнуть головой в сторону и, выпустив веревку, отпрыгнуть назад, чтобы избежать мгновенного второго выпада прямо в сердце.

— Учишься, а? — пропыхтел Кьяллак. — Но не быстро. Тебе надо было остаться с мамашей.

Мысль о матери, о ее жизни, искалеченной викингами, заставила Шефа разразиться шквалом ударов, безрассудно ринуться вперед. Кьяллак уклонялся, парочку ударов со звоном отразил своим ножом, выжидал, когда вспышка уляжется. «Как берсерк, — думал он. — Не давай им прицелиться. Уходи с их пути и жди, когда устанут». Он уже чувствовал, что этот прилив сил иссякает.

— Оставаться с мамашей, — повторил он. — Вот сейчас сидели бы, играли себе в бабки.

В бабки, подумал Шеф. Он вспомнил уроки Карли на болоте, вспомнил Гедебю. Снова вцепился в провисшую веревку, рывком натянул ее и неожиданно разрезал. Стон толпы, удивление и презрение в глазах Кьяллака.

Шеф высоко подбросил свой нож, тот завертелся в воздухе. Кьяллак, не спускавший с ножа глаз, машинально посмотрел вслед, на мгновенье застыл с задранной вверх головой.

Шеф шагнул вперед, развернулся от пояса, как учил его Карли, и выбросил сжатый левый кулак в энергичном хуке. Он ощутил, как удар отдался в его руке, как кулак с хрустом вмялся в бороду и кость. Кьяллак пошатнулся. Однако это был человек с бычьей шеей, он потерял равновесие, но не упал.

Вращающийся нож скользнул вниз. Шеф, как будто десять лет только тем и занимался, поймал его левой рукой за рукоятку и всадил под задранный подбородок противника. Клинок прошел через бороду и подбородок, через рот и небо, остановившись, только когда острие уперлось в свод черепа.

Шеф ощутил, что труп валится, повернул лезвие и выдернул его. Плавным полукругом он повернулся к толпе, поднял окровавленный нож. Шум рукоплесканий его сторонников, недовольные крики остальных.

— Нечестно! — крикнул один из свидетелей Кьяллака, подходя к камню. — Он разрезал веревку! Это против правил!

— Каких еще правил? — сказал Кутред. Без лишних слов он рубанул мечом по кричавшему, располовинив его голову. С камня Шеф видел, как взметнулись копья, нацелились арбалеты.

Сквозь облака пробился солнечный лучик, упал на окровавленный каменный помост. На этот раз стон толпы был благоговейным. И в тот же миг раздалось клацанье металла. Шеф повернулся и увидел между Священным Дубом и храмом грозный ряд вооруженных всадников, которые отсекали узников от стражи, гнали толпу жрецов по направлению к камню. Он не знал, кто это, но они давали ему шанс. Выпитое зелье еще раз наполнило его воодушевлением и яростью.

— Шведы! — закричал он. — Вам нужен хороший урожай и благополучие! Для этого нужна кровь. Я уже дал вам кровь, королевскую кровь. Идите за мной, и я дам вам еще.

Из толпы раздались голоса, напоминающие о Священном Дубе и великом жертвоприношении.

— Вы годами приносили жертвы, и что это вам дало? Вы приносите неправильные жертвы. Вы должны жертвовать тем, что вам дороже всего. Начнем заново. Я сделаю жертвоприношение, которое намного лучше. — Шеф указал на другую сторону поляны. — Принесите в жертву ваш Дуб. Срубите его и освободите души повешенных. А если богам нужна кровь, дайте им ее. Отдайте богам их слуг, жрецов великого храма.

На другой стороне поляны человек в черной рясе слез с лошади, побежал под призрачно раскачивающуюся крону. В руке человек сжимал топор, выхваченный у разинувшего рот жреца. Подбежав к дубу, он занес топор и ударил. Толпа снова ахнула при виде святотатства. Полетели щепки, люди смотрели наверх в ожидании кары небесной. Ничего не произошло. Просто стук металла по дереву от ударов одержимого Эркенберта. Взгляды задумчиво обратились на жрецов. Люди Бруно медленно сгоняли толпу жрецов к камню. Герьольф повернулся к сторонникам Шефа, выждал момент.

— Правильно! — закричал он. — Арбалеты опустить и собраться в круг. Оттар, распорядись своими финнами. Остальные, хватайте жрецов. А ты, — крикнул он Бруно, — останови своего малыша, пока он не поранился. Оцепите дуб, и выделите четырех человек, которые знают свое дело.

Шведы покорно и с изумлением наблюдали, как Герьольф отдает свои ужасающие распоряжения. Прежде чем утро перейдет в день, Дуб Королевства будет сожжен, и в его пламя, как в погребальный костер, бросят его слуг.

— Разве это делает одноглазого королем шведов? — спрашивали зрители друг у друга.

— Кто знает? — был ответ. — Но он вернул нам солнце.

Глава 31

Братья Рагнарссоны услышали эти новости в своем доме в Бретраборге, Цитадели Братьев, городе казарм на острове Сьяелланд, в самом сердце Дании. Вознаградив и отпустив вестника — это был их давний обычай, всегда платить за новости, даже неприятные, — братья уединились для совещания. На столе у них в кувшине стояло вино, вино с Юга. Год, несмотря на плохое начало, выдался для них прибыльным. С тех пор как они взяли Гедебю, они шли и плыли от одного мелкого королевства к другому, принуждая всех их королей к подчинению, и каждая победа приносила им войска и союзников для следующей. Торговля между Севером и Югом теперь полностью оказалась в их руках, им платили дань за каждую партию пушнины и янтаря с Севера, за каждую партию рабов и вина с Юга. И все же в одном деле они не преуспели, оно оставалось черным пятном в их мыслях.

— Убил Кьяллака, — задумчиво сказал Хальвдан Рагнарссон. — Я всегда говорил, что он славный парень. Нам надо было воевать на одной стороне. Все испортило то дело с девкой Ивара. Жалко, что мы не смогли образумить Ивара. — Хальвдан сильнее всех братьев дорожил воинскими правилами *drengskapr*, всегда хорошо отзывался о Шефе после его победы над гебридцем в хольмганге во время осады Йорка. Его чувства, как знали остальные братья, не влияли на его отношение. Он просто выражал свое мнение.

— А сейчас он, говорят, плывет на Юг. И есть только одно место, куда он может направляться, — сказал Убби Рагнарссон. — Сюда. Интересно, какие силы он собрал.

— Судя по известиям, он не собрал даже все силы шведов, — сказал третий брат, Сигурд Змеиный Глаз. — И это хорошо. Я знаю, что мы смеемся над шведами, они старомодны, не ходят в набеги на Запад, чтобы поучиться делу. Но когда они собираются вместе, их становится очень много.

— Ну, пока не собрались. Болтали о добровольцах и о тех, кого он привел с далекого Севера, о финнах и *skogarmenn*'ах. Сомневаюсь, что из-за этой шушеры стоит беспокоиться. Меня больше волнуют норвежцы.

Олаф — Эльф Гейрстата, — узнав от людей Пути, что произошло в Упсале, ответил тем, что собрал всех способных держать копье в королевствах, которые подчинил себе после смерти брата, и отплыл на Юг сразу, как только сошел лед, чтобы встретить того, кого считал своим королем-сюзереном.

— Норвежцы! — сказал Убби. — И их ведет этот дурак Олаф. Они сразу начнут драться между собой, а он сорок лет просидел дома. Он нам не опасен.

— Он не был опасен, — сказал Сигурд. — Меня беспокоит то, как он изменился. Или его изменили.

Он сидел молча, потягивая вино и размышляя. Его братья обменялись взглядами и тоже замолкли. Из всех них Сигурд лучше других предвидел будущее. Он предчувствовал любое изменение удачи, любой поворот судьбы и предначертаний.

А думал Сигурд о том, что чует неприятности. По его опыту, неприятности всегда приходили с той стороны, откуда их меньше всего ждешь, и уж совсем было худо, если жизнь давала тебе шанс что-то изменить, а ты этот шанс упустил. Начать с того, что он и его братья пренебрегли этим человеком, Скьефом или Шефом. Он самолично позволил Шефу отделаться потерей одного глаза, когда тот был полностью в его власти. Затем, встревоженные его способностью доставлять им неприятности, они дважды пытались покончить с ним. Первая попытка обошлась им в потерю одного из братьев. Во второй чуть не погибли сам Сигурд и слава двух других братьев. А парень снова ускользнул от них. Может быть, не следовало останавливать Хальвдана, когда тот хотел полезть в воду и напасть на Шефа. Сигурд тогда мог потерять еще одного брата. Если бы это помогло покончить с их врагом раз и навсегда, дело того стоило.

Сигурд не понимал, не кроется ли за этим какое-то предостережение, какой-то намек, или боги отвернулись от них? Змеиный Глаз никогда не боялся жрецов, не ждал добрых предзнаменований. Однако в нем всегда жила незыблемая уверенность, что старые боги действительно существуют и он их любимец, особенно благоволил к нему Один. Разве не послал он Одину тысячи жертв? И все же Один мог в любой момент отвернуться от своего подопечного.

— Мы запустили стрелу войны, — сказал он. — Во все земли, которыми правим. Чтобы выставили все силы, или пусть пеняют на себя. Знаете, что еще меня беспокоит? — продолжал он. — Положим, этот стол будет Скандинавией, вот Дания, это Норвегия, а это Швеция, — с помощью фляжек и кубков он обозначил на столе приблизительную карту. — Посмотрите, каким путем он прошел. Отсюда на юге, где мы встретились на море с его флотом. Потом на север, в Гедебю. Потом в Каупанг. Затем на дальний Север. А потом

он появляется там, где его никто не ждал, по другую сторону от гор Киля. Он сделал круг. Или, лучше сказать, объезд?

Объездом называли путь, который проделывает король, собирая дань, принимая вызовы, утверждая свою власть. Одним из таких маршрутов была шведская *Eiriksgata*. Путь Шефа был много длиннее, всем объездам объезд.

— Ладно, — сказал Хальвдан, глядя на узор из кружек. — Ему придется сделать еще один шаг, прежде чем он завершит свой объезд. Или свой круг. Это шаг сюда, в Бретраборг.

* * *

Очень далеко оттуда на совет собрались четверо. На этот раз не три брата, а три брата и их отец. Если только он был их отцом и если они действительно были братьями. Среди богов о таких вещах нельзя судить с уверенностью.

Они стояли на Хлитскьяльфе, сторожевой площадке Асгарда, обители богов. Ничто не могло укрыться от их взгляда, по крайней мере, ничто в Средиземье, центральном из Девяти Миров. Они видели плывущие по морям флотилии, кишащих в глубинах рыб, видели, как зреет зерно и прорастают семена.

— Я держал его в своей руке, — сказал Один, Отец Всего Сущего, — и отпустил. А он отвергает меня, отказывает мне в жертвоприношении, убивает тех, кто мне поклоняется. Я посылал снег и финнов, чтобы убить его, а он ускользнул от меня. И что же его спасло? Тролль, iotun, отродье проклятого Локи.

Остальные обменялись взглядами. Хеймдалль, дозорный богов, с висящим на шее большим сигнальным рогом, готовый протрубить в день, когда iotnir поднимутся, чтобы возвестить людям и богам Судный День, сказал спокойно:

— Отец Всесущий, его спас один из Потаенных. Мы не можем знать, что они — отродье Локи. Но ведь кто-то натравил китов-убийц, которых ведет только их голод и прихоть. Это сделал не я, это сделал не ты. Если это сделал Прикованный, а я думаю именно так, тогда он — враг Прикованного. А ведь враг нашего врага — наш друг.

— Он сжег великий дуб. Он сжег великий храм. Он освободил тех, кто был предназначен в жертву мне и твоему брату Фрейру. Даже сейчас он плывет на Юг вместе с христианами. — На этот раз Тор решил испытать свое умение убеждать, в котором никогда не был особенно силен. — Предназначенные

тебе в жертву были жалкой подачкой. Он прислал тебе других — твоих собственных жрецов. Они тоже не слишком хороши, но это честная замена. Христиане идут рука об руку с ним, но он больше сделал для того, чтобы ослабить их, чем любой другой твой любимец. Что сделали против них Хермот или Ивар, которого этот человек убил? Я бы сказал, уничтожили немногих и только раззадорили остальных. А этот отбирает у них целые королевства. Они его боятся больше, чем ты.

Неосторожное слово, и взгляд одноглазого Одина словно кинжалом полоснул рыжебородого бога, который отвел взор и принялся неловко крутить в руках свой молот.

— Нет, я имею в виду, не боишься, конечно, — продолжал Тор. — В общем, он кузнец и друг кузнецов. Он наша первая и последняя возможность. Я за него.

— Если ты рассудил верно, — молвил наконец Один, — тогда мне, может быть, следует найти для него место в моей армии в Вальгалле, место в Эйнхериаре. Разве это не великая честь и награда для любого смертного?

Только для безумцев, подумал бог, который еще не сказал ни слова. Хеймдалль предостерегающе посмотрел на него, потому что Хеймдалль мог слышать все мысли людей и богов. Впрочем, мысль была справедливая. Только безумец может считать наградой смертельные схватки каждый день и воскресение из мертвых для разговоров о них каждый вечер.

— Эйнхериар, — заговорил молчавший бог, — нужен для того, чтобы победить в Судный День.

— Конечно, — ответил Один. Он устремил на Рига свой единственный глаз. Риг был искушенным, более ловким на слова, чем остальные его сыновья. Иногда он сам сомневался, чей сын Риг. Известно, что Риг обманул многих мужей и многих отцов заставил выращивать подкидышей. Мог ли он то же самое сделать с богами?

— И цель Судного Дня — уничтожить зло и обновить мир? Загладить великий ущерб, от которого страдаем мы и весь мир с тех пор, как умер Бальдр? С тех пор, как Проклятый совершил худшее из своих злодеяний и стал Прикованным.

Остальных богов это несколько покоробило. Имя Бальдра среди них больше не упоминалось, по крайней мере в присутствии Одина. Не стоило бередить старые раны.

Риг продолжал, как всегда, холодным и ироничным тоном:

— Но уверены мы, что победим в Судный День? Нет. Поэтому Один всячески укрепляет свое войско в Вальгалле. А с другой стороны, если мы победим, уверены мы, что это будет лучший мир? Нет. Поскольку есть предсказания, что все мы — или все вы — погибнете в этот день. Ты, Тор — от яда Iormungand'a, Всемирного Змея. Ты, Хеймдалль — от руки своего брата Локи. Про себя я не слышал пророчеств. А Один, Отец Всего Сущего, — говорят, что его всегда ждут челюсти волка Фенриса.

Так почему же мы так стремимся к Судному Дню? Почему никто из нас не спросит себя: а что, если мир можно обновить, не разрушая его?

Пальцы Одина сжались на древке его копья, и костяшки их побелели.

— И последний вопрос. Мы знаем, что мы стараемся воскресить Бальдра из мертвых, и Один посылал своего героя Хермота, чтобы попытаться вернуть его к нам. Ничего не вышло. Однако существуют истории о людях, которые были возвращены из ада, хотя и не нами.

— Христианские истории, — прорычал Тор.

— Даже они могут давать надежду. Я знаю, что Отец Всего Сущего разделяет эту надежду. Те, кто присутствовал тогда, могут вспомнить. Когда Бальдр лежал на погребальной ладье и мы собирались поджечь ее и столкнуть в Безбрежное море, чтобы уплыла в мир Хель, тогда в последний момент Один склонился и что-то шепнул на ухо Бальдру. Слова, которые не слышал никто, даже ты, Хеймдалль. Так что же Один шепнул на ухо мертвому Бальдру? Мне кажется, я знаю. Могу я повторить эти слова, Отец Всего?

— Если ты подумал о них, Хеймдалль уже услышал их. Двое могут сохранить тайну, но не трое. Так что говори. Что я шепнул на ухо моему мертвому сыну?

— Ты шепнул: «Был бы бог, чтобы вернуть мне тебя, сын мой».

После долгого молчания Один опять заговорил:

— Верно. Я тогда признал свою слабость, чего никогда не делал до тех пор и после этого.

— Признай ее опять. Пусть все идет само по себе, без твоего вмешательства. Дай моему сыну шанс. Дай мне попробовать, нельзя ли использовать этого человека, чтобы создать лучший

мир не через пламя Судного Дня. Загладить ущерб от смерти Бальдра.

Один снова посмотрел на плывущие внизу флотилии.

— Ладно, — сказал он наконец. — Но я все равно получу новобранцев для Эйнхериара. Скоро найдется дело для моих дочерей Валькирий, Вестниц смерти.

Риг не ответил, мысли его были скрыты даже от Хеймдалля.

* * *

Военный совет, который Шеф созвал на палубе «Неустрашимого», выглядел так, словно битва уже состоялась. У Квикки, присутствующего в качестве капитана катапультной батареи, одна рука была сломана и перевязана. Лицо Торвина было все еще покрыто синяками, заплывший глаз только-только начал приоткрываться. Сам Шеф выглядел бледным, обложенный в кресле подушками: Ханд зашил больше сотни порезов на его руках и ногах. И по словам лекаря, оставшейся у него к концу поединка кровью едва ли удалось бы наполнить кубок для вина.

Другие смотрелись более воинственно. Во главе длинного стола Шеф усадил Олафа Эльфа Гейрстата, которого его норвежцы теперь уважительно называли Победоносным. Рядом с ним сидел Бранд, который в конце зимы отправился на юг, чтобы купить себе нового «Моржа». При взгляде на него Шефу становилось все более очевидным его родство с троллями. Его надбровья нависали, как уступы над обрывом, его руки и мослы казались слишком большими даже по сравнению с его могучим телом. За Брандом сидел Гудмунд, властью Шефа произведенный в ярлы Содерманланда вместо убитого короля Кьяллака. Другие шведские ярлы смирились с этим, когда узнали — новый ярл действительно их соотечественник и даже родич. Они также с неослабевающим интересом выслушивали горячие рассуждения Гудмунда о возможностях обогащения на службе у нового короля.

Герьольф тоже присутствовал на совете, как и Оттар, — чтобы передать принятые решения Пирууси и его финнам. А еще с самым беззаботным видом глубоко в кресле раскинулся широкоплечий немец Бруно. Вмешательство его людей в Упсале обеспечило ему место за этим столом. По крайней мере, ни у кого не вызывала сомнений его враждебность к

Рагнарссонам, которые ныне, захватив Гедебю и отменив Хрориково «торгуют все», создавали серьезную угрозу для северных границ Германии.

Бранда, который три года назад принес известие о смерти Рагнара Лотброка в сам Бретраборг — эта история сделалась очень популярной, — попросили описать укрепления цитадели для командиров объединенного флота Шефа, насчитывающего теперь свыше сотни кораблей. Бранд на большом лотке с песком изобразил очертания залива, на берегу которого стояла крепость, и, втыкая палочки в песок, обозначил расположение основных строений.

— Твердый орешек, — заключил он. — Когда я пришел в Бретраборг, там стоял патруль из полудюжины кораблей самого большого размера. Говорят, что сейчас патруль удвоен, с тех пор как Рагнарссоны узнали о нашем приближении. На каждом корабле размещается по меньшей мере длинная сотня человек, то есть шесть двадцаток испытанных воинов, и высота бортов не меньше, чем у любого из наших судов, — не считая кораблей береговой охраны, приведенных королем Олафом, но таких у нас только четыре. И разумеется, поскольку корабли Рагнарссонов никогда не выходят из залива, им нет нужды возить с собой припасы, они могут все время нести на себе полную команду и поочередно возвращаться в гавань для отдыха и еды.

И теперь у них появились катапульты. Все считают, что своим первым успехом — Гедебю — Рагнарссоны обязаны этим новым машинам. С тех пор они продолжали строить их и тренировать расчеты, все это, как говорят, под началом отступников — монахов и черной братии из Йоркского собора.

Взгляды присутствующих с некоторым упреком повернулись в сторону маленькой черной фигурки — Эркенберта, сидящего рядом с Бруно. Эркенберт этого не заметил. Со времени своей атаки на Дуб Королевства он грезил наяву, постоянно переписывая легенду про Эркенберта-*arithmeticus*, грозу язычников, рассказанную как житие святого. Он все еще не был уверен, какую роль следует отвести в ней одноглазому ренегату, который сразил языческого короля: возможно, лучше будет опустить все упоминания о нем и при-

писать победу христианскому ратоборцу. В христианском мире писанная история проверяется только Церковью.

— Катапульты стоят здесь, — продолжал Бранд, высыпав пригоршню колышков на мыс, который охранял вход во внутреннюю часть залива. — Они могут расстрелять любой корабль, прошедший мимо патруля, если он приблизится примерно на одну милю. И наконец, здесь расположены главные силы Рагнарссонов. Вооруженные корабли, вытащенные на берег, — еще одна пригоршня колышков, — их почти столько же, сколько у нас, и опять же им нет нужды загружать запас воды и провизии.

— Скажи-ка, Бранд, — вмешался Шеф, — а есть какие-нибудь хорошие новости?

Бранд ухмыльнулся.

— Что ж, господин. Я мог бы сказать «зато нет дождя», но и дождь, кажется, скоро начнется. Да нет, есть, есть у меня хорошие новости. Если уж на то пошло, многие союзники Рагнарссонов идут с ними лишь по принуждению. Они делают это, потому что Рагнарссоны нападали на них по отдельности и вынуждали сдаться и предоставить свои войска. Но если союзники сочтут, что могут порвать с Рагнарссонами, — тогда Рагнарссоны только их и видели. Если Рагнарссоны будут побеждать, союзники будут драться за них. Но если им вдруг покажется, что Рагнарссоны проигрывают... Поддержка очень быстро исчезнет. Откровенно говоря, я думаю, что шансы у нас неплохие — если мы только заберемся под скорлупу ореха. Но катапульты — это проблема, и большие корабли тоже. — Бранд замялся, не зная, следует ли объяснять очевидное. Однако на совете не все были норманнами, и он решил, что лучше излагать прямо: — Понимаете, в морском бою размер вашего корабля так же важен, как... как каменная стена. Эти большие корабли во время бури в Атлантике не выдержат и часа, у них всегда слишком слабый киль. Но если один из них в закрытых водах встанет с вами борт к борту, все, что от них потребуется, это скинуть со своей высоты пару камней, и вы потонете. Они на несколько футов выше обычного корабля. Их команда защищена от всего, что вы сможете предпринять, но ваша палуба открыта для их стрел и дротиков. Они будут смотреть на вас сверху вниз. Вам придется кидать веревку с кошкой, чтобы залезть

на их борт, а пока хоть кто-то из них жив, это невозможно. Корабли короля Олафа могут сражаться с ними на равных, но таких кораблей у Рагнарссонов в три раза больше, чем у нас. И команда на них, повторяю, лучшие бойцы Рагнарссонов. Только датчане, замечу, ни одного норвежца, — добавил Бранд не без гордости. — И при этом вовсе не безбородые мальчишки.

— Увы, — с сильным немецким акцентом произнес в наступившей тишине Бруно, — боюсь, что всем нам лучше разбежаться по домам.

Бранд сердито вспыхнул и потянулся через стол к руке Бруно, чтобы схватить и зажать ее в своей лапище, пока немец не запросит пощады. Бруно легко избежал захвата, даже не убрав с лица свою вечную улыбку.

Шеф стукнул по столу.

— Хватит. Благодарю тебя, Бранд, за твое сообщение. Граф Бруно, если ты намерен отправиться домой, мы продолжим без тебя. — Шеф на мгновенье вперил взгляд в Бруно, заставив того опустить глаза. — Граф просто пошутил. Он так же решительно настроен, как и все мы, покончить с этими бешеными собаками и восстановить в северных странах законность.

— Да, — сказал Герьольф, — но как мы это сделаем?

Шеф выставил вперед распрямленную ладонь:

— Это «бумага», — затем сжал руку в кулак, — это «камень», — и напоследок выставил два пальца, — это «ножницы». Ну, кто хочет сыграть со мной в эту игру? Граф Бруно, давай.

Голос Шефа звучал сильно и решительно, странно не сочетаясь с его болезненно-бледным лицом. Шеф был уверен, что способен повести за собой этих людей, способен даже достаточно хорошо читать их мысли, чтобы выиграть. Как поступит Бруно? Он не выберет «бумагу», это ясно. «Камень» или «ножницы»? Его собственный нрав подобен лезвию. Значит, он выберет «камень», считая, что другие похожи на него.

— Раз, два, три, — сосчитал Шеф. Игроки одновременно выбросили руки, Бруно сжатую в кулак, Шеф распрямленную ладонь. — «Камень» заворачивается в «бумагу», я победил.

Повтор, и на этот раз Бруно отвергнет «ножницы», кото-

рые победили бы в прошлый раз, откажется от «камня», который выбросил только что.

— Раз, два, три. — Распрямленная ладонь Бруно против двух пальцев Шефа. — «Ножницы» режут «бумагу», я опять победил. Ну да хватит... — Лицо Бруно начало темнеть из-за ухмылки Бранда. — Вы меня поняли. У них есть большие корабли, и катапульты, и обычные суда. Как сказал Бранд, большой корабль побьет обычный корабль. А что побьет большой корабль? Катапульта. А что бьет катапульту? Наш замысел — всегда противопоставлять нашу силу их слабости. Слушайте, сейчас я объясню вам...

* * *

Когда совет закончился, Шеф откинулся на спинку кресла, охрипнув от разговоров и все еще чувствуя слабость от потерянной крови. Бруно, приподнимаясь, изобразил церемонный поклон в направлении нахмурившегося Бранда, а затем прошел к концу стола.

— Ты проделал долгий путь с тех пор, как тебя пытались продать в рабство в Гедебю, — заметил он. Кивнул сидящему за спиной Шефа Карли. — Я вижу, твой юный дитмаршец все еще с тобой. Но оружие у тебя уже не то, что было тогда. Могу я взглянуть?

С необъяснимой неохотой Шеф повернулся назад, взял копье, стоящее у планширя, и протянул Бруно. Тот повертел реликвию в руках, осмотрел наконечник.

— Могу я спросить, где ты нашел это странное оружие?

Шеф рассмеялся.

— Слишком долго рассказывать. В коптильне. Мне сказали, что некогда оно принадлежало ярлу трондцев, какому-то Болли. Но я его никогда не видел. Не разговаривал с ним, — поправился он, вспомнив длинный ряд подвешенных трупов. — Ты мог заметить, что когда-то оно побывало в руках христиан. Посмотри, на краях наконечника есть кресты, когда-то там была золотая накладка. Но золото извлекли задолго до того, как я нашел копье.

Бруно повернул копье, осмотрел крестообразные выемки на лезвии. Он мягко и благоговейно погладил их. Через мгновенье он тихо сказал:

— Могу я спросить, как копье попало к тебе, если ты ни-

когда не встречался с его владельцем? С этим Болли из Тронда? Ты его где-то нашел? Ты взял его у кого-то?

Шеф припомнил происшедшее в коптильне Эхегоргуна: как он отложил оружие, как Кутред его подобрал и вручил ему. Все-таки очень странно, что Бруно об этом допытывается. Не хотелось бы рассказывать ему всю историю.

— Скажем так, оно перешло ко мне. В то время оно никому не принадлежало.

— Однако оно хранилось у какого-то человека? Тебе его отдал какой-то человек?

«Оно хранилось у Эхегоргуна, — подумал Шеф. — А отдал мне его Кутред».

— Не совсем человек, — ответил он.

Бруно в свое время передали слова архиепископа Римберта: тот сказал, что Святое Копье Лонгинуса и Карла Великого будет обретено благодаря вмешательству руки, не принадлежащей человеку. Сомнений больше не было. Наконец-то он держал в своих руках святую реликвию Императора. Бог вознаградил его за все испытания. Однако он стоял на палубе языческого судна, окруженный врагами. Как сказал ему малыш-дьякон? «Претерпевший же до конца спасется». До конца, а не почти до конца.

Настолько обычным голосом, насколько сумел, Бруно сказал, аккуратно ставя копье на палубу:

— Ясно, что это христианское оружие. Не обижайся, но я бы предпочел не оставлять его в руках того, кто более не христианин. Может быть, я его выкуплю у тебя, как мы выкупаем христианских рабов.

«Бранд тоже убеждал меня избавиться от этого копья, — подумал Шеф. — Странно».

— Нет, — сказал он, повторяя свой ответ Бранду. — Я считаю, что это хорошее оружие для победителя, и оно приносит мне удачу. Оно мне полюбилось. Я оставлю его у себя.

Бруно протянул копье Шефу, выпрямился и поклонился в сдержанной немецкой манере.

— *Auf wiedersehen, herra, bis auf die schlacht.* До свиданья, государь. До встречи в битве.

— Напыщенный ублюдок, — по-английски буркнул Кутред Квикке, глядя, как уходит Бруно.

Глава 32

Шеф спал, где-то в глубине сознания не забывая, что завтра — день битвы. Флот стоял у берега в дюжине миль от входа в залив Бретраборга, строго охраняемый от любых неожиданных вылазок.

* * *

Во сне Шеф сам оказался в заливе Бретраборга, в дальнем его конце, глядя в том направлении, откуда он, Шеф, должен был, как он знал, появиться утром. И действительно, было уже утро, и человек, выглядывающий из-за приоткрытых ставен, увидел корабли, идущие по фьорду в его сторону. Он знал, что они несут ему смерть.

Человек полностью распахнул ставни, встал лицом к надвигающемуся флоту и затянул песню. Эту песню Шеф часто слышал раньше, она была хорошо известна у викингов, любимая песня Бранда. Называлась она «Песня Бьярки» или «Старая песня Бьярки». Но этот человек не повторял ее. Он ее складывал. Он пел:

День пришел, петухи зашумели крылами.
А ублюдки взялись за свои дела.
Очнитесь, очнитесь же, други и воины,
Вы лучше всех, победили Аттилу,
Хваткого Хара и лучника Хрольфа,
Вы люди славных родов, презираете бегство.
Я вас бужу не для медов, не для шепота женщин,
Я бужу вас для бури, для града стрел.

Самоуверенный и ироничный голос всегдашнего наставника Шефа перебил голос поющего:

— Ну, ты так сражаться не будешь. Ты ведь хочешь победить, а не снискать славу. И запомни: хотя я сделаю для тебя все, что смогу, ты должен использовать каждый свой шанс. Для слабости нет места...

* * *

Голоса затихли, оба голоса — и вдохновенного певца, и хладнокровного бога. Когда Шеф проснулся, запели рожки — наверное, именно они и разбудили его — рожки дозорных, возвещавшие, что наступает рассвет и настал день битвы. Шеф лежал, не вставая, радуясь, что как король он, по крайней мере, может дождаться, пока кто-то другой растопит очаг и приготовит завтрак. Нечего и говорить о сражении на пустой желудок, ведь рукопашная битва — тяжелая физическая работа. Он размышлял о своем видении и о прозвучавшей в нем песне.

«Вы люди славных родов, — говорилось в ней, — презираете бегство». Был ли он человеком славного рода? Пожалуй, да. Был ли его отцом бог или ярл, да будь им хоть его отчим, тан Вульфгар, о крови керлов речь не шла. Подразумевало ли это, что он, Шеф, презирает бегство? Что с поля битвы всегда бежали только худородные? Может быть, сам певец не считал, что быть хорошего рода и не бежать с поля брани — одно и то же. А если считал так, то он ошибался.

Как сказал бог, Шеф должен использовать любой шанс. Что-то подсказывало Шефу, что и это тоже ошибка. Да, что-то беспокоило его. Он уселся, позвал своего слугу:

— Вызови ко мне англичанина Удда.

Когда Шеф уже обувался, пришел Удд. Шеф окинул его критическим взглядом. Удд пытался держать себя в руках, но его побледневшее лицо было напряжено. Он уже много дней так выглядел. Неудивительно. Он в течение нескольких недель ожидал мучительной смерти и спасся от нее в самый последний момент. А перед этим он прошел через большее количество испытаний и опасностей, чем выпало бы на шесть жизней подмастерья кузнеца, которым он был когда-то. Для него это было слишком. Однако он не желал сдаваться.

— Удд, — сказал Шеф, — для тебя у меня будет особое задание.

Нижняя губа Удда задрожала, выражение страха на лице проступило ясней.

— Я хочу, чтобы ты сошел с «Неустрашимого» и оставался в арьергарде.

— Почему, господин?

Шеф быстро соображал.

— Так ты сможешь передать весть от меня, если... если нам не повезет. Вот, возьми эти деньги. Этого хватит, чтобы добраться до Англии, если дело так обернется. Если это случится, передай от меня привет королю Альфреду и скажи,

как я сожалею, что мы больше не вместе. И передай от меня привет его королеве.

Удд глядел на него с удивлением, облегчением, легким смущением.

— А что еще передать ей, государь?

— Ничего. Ничего. Просто привет и напоминание о старом добром времени. Послушай, Удд. Я больше никому бы этого не доверил. Я на тебя надеюсь. Не подведи меня.

Малыш вышел, по-прежнему с выражением облегчения на лице. Но менее смущенным. Неразумно, подумал Шеф. И прямо противоречит указаниям бога. В этот день Удд может нам понадобиться. Но я больше не в силах видеть его испуганные глаза. Вывести Удда из-под удара — это акт милосердия. А также противопоставления себя циничному богу Ригу, отцу и наставнику Шефа.

Шеф, насвистывая, вышел из-под навеса, удивив дозорных, которые ожидали в такое утро по крайней мере задумчивого молчания. Он приветствовал Квикку, выслушивающего объяснения Удда.

— Квикка, у тебя сохранилась волынка, которую ты сделал зимой? Тогда сыграй на ней сегодня. Если уж это не проймет Рагнарссонов, то их ничем не возьмешь.

* * *

Через несколько часов флот по спокойному морю подошел к заливу, на котором стоял неприступный Бретраборг. Слева от приближающегося с севера флота лежала длинная морская коса. На ней ясно просматривались укрепления Рагнарссонов из четырех катапульт, к которым примыкали метательные машины, а к тем — простые, дешевые и неточные камнекидалки. Рядом с косой, преграждая путь в залив, дюжиной черных теней встали главные боевые корабли Рагнарссонов. Позади них сгрудились суда поменьше, основная масса флота.

Шеф на «Неустрашимом» слышал, как его гребцы ухали, налегая на весла — скорее уже не весла, а целые гребные бревна. Они были в два раза больше обычных весел, каждое держали по два человека, самых сильных во флоте, тщательно отобранных Брандом и Хагбартом. Корабль шел под парусом, чтобы сберечь силы гребцов, но теперь настало время убрать мачту и рею. Поблизости параллельным курсом шли четыре

больших корабля короля Олафа, каждый размером с утонувший «Журавль». Они легко поддерживали скорость, гребцы косились на странное судно, которое они сопровождали.

Наконец Шеф приказал установить пластины из обработанной стали на место. Две боевые башни с поворотными «мулами» были закрыты наклонными броневыми листами до высоты человеческого роста. Невозможно было бы бронировать остальную часть корабля и удержать его на плаву, да еще и сохранить ход, но Шеф придумал рамы, которые крепились к планширю с обоих бортов. Пластины в них закладывались внахлест, как черепица на крыше или как драконья чешуя. Они тоже имели наклон внутрь, начинаясь на высоте голов гребцов и почти сходясь вместе в шести футах наверху.

— Ты же не бросаешь щит во время сечи, — объяснял Шеф сомневающемуся Хагбарту. — По крайней мере, когда ждешь, что в тебя посыплются стрелы и дротики. И ты держишь щит наклонно, чтобы они отскакивали. Именно это мы и хотим сделать.

Позади тяжкого на ходу «Неустрашимого» и больших судов, как и во флоте Рагнарссонов, шли корабли помельче, основная масса атакующих на судах в восемнадцать весел по борту, которые составляли костяк любого норманнского флота. За каждым на буксире, почти неразличимая в солнечных бликах, тянулась маленькая рыбачья лодка, похожая на вельботы северных китобоев, — все, что могли выставить маленькие рыбачьи деревушки. В каждой помещалось от четырех до восьми гребцов и еще две пары человек. Гребцы тоже были тщательно отобраны из лучших шведов и норвежцев. В каждой лодке двое были арбалетчики Шефа, а вторая пара — риттеры Бруно.

* * *

Глядя на них со своего места в центре войска, Сигурд Рагнарссон бросил:

— Я вижу, мачты убраны.

— Значит ли это, что на сей раз фокусов не будет? — спросил Убби.

— Сильно сомневаюсь, — ответил Сигурд. — Но теперь мы и сами знаем пару фокусов. Будем надеяться, что они нам помогут.

* * *

Шеф стоял у переднего «мула», на едва ли не единственном оставшемся на «Неустрашимом» месте, откуда можно было хоть что-то увидеть. Одним своим глазом он обозревал катапультную батарею Рагнарссонов. Шеф был дальнозорким, но не настолько, чтобы разглядеть то, что ему было нужно. Не существует ли способа лучше видеть на расстоянии? Он хотел узнать, готов ли противник к выстрелу. Если они хитрят, они могут выжидать с первым залпом до того времени, как корабли Олафа подойдут поближе, рассчитывая сразу потопить все четыре. Если это произойдет, битва будет проиграна, даже не начавшись, «ножницы» Шефа — так он мысленно обозначил большие корабли в своем плане — затупятся о «камень» катапульт. Однако он не хотел держать эти корабли слишком далеко. Чем ближе смогут подойти маленькие суда, «бумага», тем лучше.

«Мы почти приблизились на расстояние выстрела», — размышлял он. Он повернулся и за пятьдесят ярдов помахал рукой королю Олафу, стоящему рядом с Брандом на баке своего тяжелого корабля, в три сажени от борта до борта. Олаф помахал рукой в ответ, отдал приказ. Гребцы затабанили веслами, и судно потеряло ход, а с неба упал первый тридцатифунтовый булыган, пущенный на предельную дальность. Он плюхнулся в воду в десяти футах от носа «Цапли», взметнувшиеся брызги воды окатили Олафа. Шеф покривился. Небольшой недолет. Попытаются ли они еще раз?

Четыре тяжелых корабля уступили дорогу, остались в тылу, а «Неустрашимый» медленно вошел в зону досягаемости катапульт. Позади основная масса флота тоже сушила весла, потихоньку дрейфуя вперед. При этом они обрубили буксирные концы. Мертвое молчание было внезапно нарушено хриплым кличем. Лодки устремились вперед, свежие гребцы рвали весла, каждая лодка держала самый быстрый темп гонки, преодолевая последнюю милю. Миновав свои буксиры, а затем переднюю линию больших судов, лодки вытянулись в линию, гребцы одновременно ухали в такт задающим темп рулевым.

Первая лодка промчалась мимо «Неустрашимого», ее вел один из галогаландцев Бранда. Шеф услышал его крик: «Давай, давай, ребята, шевели задницей, пока до нее шведы не добрались!» Шеф помахал рукой ему, двум *skogarmenn*'ам с

арбалетами, Бруно, сидящему на корме одной из рвущихся вперед лодок, и всем остальным на шестидесяти лодках, расходящихся в линию, как собаки, загоняющие оленя. Слишком тяжело дышали гребцы, чтобы ответить на приветствие, — они вели свои перегруженные посудины со скоростью, всего лишь раза в четыре меньше скорости китов.

А что делают на катапультах? Шеф увидел фонтаны взметнувшейся воды, два, потом третий, и ощутил, как подпрыгнуло его сердце. Каждый фонтан означал промах, а каждый промах был упущенным шансом противника, лишней минутой, которая потребуется на перезарядку неуклюжих машин. Однако было и одно попадание, рядом с головной лодкой, люди барахтались в воде среди разбитых досок. Никто не остановился и не замедлил ход, чтобы подобрать их. Приказ Шефа был твердым. Уцелевших не подбирать. Продолжать грести и оставить их где есть. Часть людей в кольчугах утонет, а часть, надеялся он, сможет удержаться на обломках и доплыть до ближайшего берега. Лодки неслись вперед, как стайка водяных жуков, мелькали весла. «Неустрашимый» находился примерно на фарлонг ближе к грозной, отмеченной стягами линии флота Рагнарссонов.

— Еще сто гребков, — крикнул Шеф, — еще сотню — и можете отдыхать. Хагбарт, задавай темп. Квикка, играй на своей волынке.

Сидящие на веслах великаны налегли еще больше, вкладывая весь остаток сил, что они вряд ли сделали бы в начале обычной битвы, в которой все решает рукопашная схватка. Пронзительная музыка гнала их вперед. Кутред, криво ухмыляясь, выглянул из-за броневого листа:

— Тут Огвинд говорит, что без волынки он будет грести быстрее, нельзя ли, чтобы Квикка заткнулся?

Шеф в ответ махнул рукой и крикнул что-то, чего никто не расслышал. Когда счет гребков подходил к концу, Шеф взглянул на поле боя, оценивая расстояние, взглянул на вражеские катапульты, на несущиеся вперед лодки, на переднюю линию флота Рагнарссонов, сделавшуюся вдруг гораздо ближе. Хорошо еще, что вражеский флот не двигался. Если бы он вдруг изменил свое построение, «ножницы» противника разрезали бы их «бумагу», его большие корабли пошли бы на их

маленькие. Но сейчас «бумага» Шефа заворачивает «камень» противника, а вражеские «ножницы» наткнутся на «камень».

— Последние десять гребков, — крикнул Шеф, — и право руля. Разворачиваемся к ним левым бортом. Квикка, один выстрел по Знамени Ворона. Озмод, — он закричал еще громче, чтобы услышали на кормовой катапульте, — выстрели влево от Знамени Ворона и потом стреляй влево, ты слышишь, влево!

Корабль повернул, с шумным выдохами, истекая потом, гребцы бросили весла, откинулись на скамьях. Шеф сорвался со своего наблюдательного пункта и побежал к другой точке, где обзор не заслоняли бы катапульты. Пока «Неустрашимый» останавливался, Квикка и Озмод искали цель через специально оставленные в броне бойницы.

Квикка взмахнул рукой, Хама выдернул пусковую скобу, и все судно содрогнулось от удара шатуна по перекладине. И мгновеньем позже содрогнулось снова — это выстрелил Озмод. Шеф напряженно следил за удаляющимися черными точками камней. Квикка и Озмод были самыми опытными катапультерами в его флоте. По «Журавлю» они в критический момент промахнулись. Будут ли эти выстрелы лучше?

Обе точки завершили полет в самом центре боевой линии Рагнарссонов, Шеф был почти уверен, что видит разлетающиеся осколки. Он ждал внезапного разрушения, исчезновения корабля, раскрывшегося подобно цветку, как это происходило в сражении близ устья Эльбы. Ничего. Боевая линия не изменилась, драконьи головы по-прежнему торчали над водой. Что же сделали Рагнарссоны? Тоже покрыли свои корабли броней?

— Два попадания, — крикнул Шеф, — бейте теперь влево и вправо, как было приказано. — Он не знал, что произошло. Но в машинной войне, как и в традиционной, ввязавшись в бой, нужно поменьше рассуждать и просто делать свое дело.

Заряжающие крутили рычаги, гребцы, следуя указаниям Хагбарта, потихоньку отбрасывали веслами воду, стараясь удержать корабль бортом к врагу. Снова двойной удар шатунов, и снова черные точки понеслись к линии неприятельских кораблей. Снова в линии не появилась брешь, ни одна драконья голова не пошла вниз. Но Шеф увидел, что люди бегут, перепрыгивают с корабля на корабль. Что-то там все же происходило.

Пока он вглядывался, «Неустрашимый» от удара просел в воду. От ужасающего звона у Шефа побежали мурашки, над его головой что-то разлетелось на куски. Он огляделся, понял, что катапульты на косе сменили прицел, стреляли теперь не в приближающиеся к ним лодки, а в расстреливающий их флот корабль. Если бы на «Неустрашимом» не было брони, он бы тут же и затонул. Булыган ударил точно в центр, в борт рядом с мачтой, наткнулся на броневые листы, и его осколки просвистели над головами. Шеф сквозь сидящих гребцов пробрался к Хагбарту, осматривающему повреждения. Броневые листы выдержали удар, но крепящая их деревянная рама треснула пополам, и листы высыпались в воду.

Снова «Неустрашимый» дрожал от собственных выстрелов, и снова и снова раздавался ужасный звон от бьющих в него камней. Одно попадание в переднюю часть, и снова деревянная рама не выдержала, одно ядро ударило по кормовой катапультной башне. Озмод подошел, столкнул покосившиеся броневые листы, втолкнул на свое место заводные рычаги.

— Нужна веревка, — сказал он, — привязать эти балки на место, и мы опять сможем стрелять.

Шеф понял, что вся башня вышла из строя, сломалось что-то важное в ее основании. Долго им такой обстрел не выдержать. Стальные пластины выскользнули из сломанной рамы, попадали в море, в образовавшуюся брешь сверкнуло солнце.

— Разверни корабль, пока они перезаряжают, — крикнул Шеф. — Встанем к противнику неповрежденным бортом. Еще три залпа — и дело сделано.

* * *

Головные лодки достигли косы в сотне ярдов от катапультной батареи. При своем приближении они были встречены сначала залпами из дротикометов, а потом — из быстро перезаряжаемых простейших метательных машин, которые люди Шефа называли вращательницами. Дротикометы не представляли опасности для лодок, но насквозь пробивали своими огромными стрелами человека в кольчуге. Из вращательницы можно было потопить лодку, но только при случайном попадании, они били не прицельно. Лодки неслись вперед, моряки готовились в последний момент одним рывком ринуться в атаку на берег.

Две сотни отборных воинов, стоя по колено в воде, встретили их, готовые сбросить нападающих в море, защитить свои катапульты, выиграть время, чтобы «мулы» потопили корабль, который уничтожал флот оборонявшихся. В лодках арбалетчики взвели оружие, изготовились к стрельбе. В войне машин все части военного механизма должны взаимодействовать, и каждая часть должна делать свое дело. Если они будут воевать порознь, они станут бесполезны. Когда они воюют согласованно, битва превращается в бойню. Воздух наполнился свистом арбалетных стрел, с небольшого расстояния пробивающих и щит и кольчугу. Когда ратоборцы Рагнарссонов пали, сраженные не носящими доспехов *skogarmenn*'ами, с лодок соскочили тяжело вооруженные немцы, построились в воде в линию, сомкнули щиты и, с Бруно во главе, вышли на берег. Шведские и норвежские гребцы, похватав мечи и топоры, последовали за ними. Несколько мгновений шла обычная сеча, несся звон скрещивающихся клинков. Затем линия Рагнарссонов, в которой уже было полно дыр, распалась полностью, превратившись в россыпь воинов, спиной к спине отбивающихся от врагов или пытающихся спастись бегством. Бруно созвал своих людей, выстроил их в ряд, легкой трусцой повел вверх по склону. Некоторые катапультеры сбежали сразу, другие старались напоследок выстрелить или хватались за мечи и щиты.

Каким образом корабли Рагнарссонов удерживались на плаву, Шеф не мог сказать, но, кажется, противник получил достаточно. Шеф увидел, что позади передней линии маленькие суда начинают разворачиваться, выдвигаться вперед для атаки. А передние, хотя и не затонули, но сидели в воде значительно глубже, он видел, что драконьи головы заваливаются в стороны. «Неустрашимый» уже почти выполнил свою задачу. Он превратил двенадцать самых крупных кораблей Рагнарссонов в неспособную к передвижению массу, хотя они были сцеплены так, что поддерживали друг друга на плаву. Теперь дело было за малыми кораблями.

Но когда они выдвинулись вперед, король Олаф, наблюдавший за ходом сражения с расстояния в полмили, приказал дуть в рожки и грести вперед. «Цапля» и три таких же корабля под неумолчное пение рожков устремились навстречу врагу через волнующиеся воды. Бумага завернула камень — маленькие

суда уничтожили катапульты. Камень затупил ножницы — катапульты «Неустрашимого» расстреляли большие корабли Рагнарссонов. Теперь огромные корабли короля Олафа шли против малых судов противника — ножницы против бумаги.

Когда «Цапля» проходила мимо, Шеф увидел на ее баке Олафа и Бранда, следящих за противником, который двумя головными судами дерзко пытался захватить «Цаплю» с боков, словно два мастиффа старались завалить быка. Они были встречены арбалетным залпом, дождем посыпавшихся вниз дротиков, самыми большими камнями, какие только мог поднять человек, сброшенными, чтобы проломить дно лодок. Одна из них ухитрилась забросить абордажные крючья и прикрепиться к борту, хотя сама уже начинала тонуть. Ее карабкающаяся на борт команда была перебита ударами копий и мечей, прежде чем смогла высвободить руки. Избавившись от одного нападающего, «Цапля» повернула к другому. Позади «Цапли» и остальных больших кораблей пришла в движение основная масса кораблей Шефа, выискивающих бреши в рядах неприятеля, выбирающих себе противника.

Шеф перегнулся через планширь, огляделся. Вот оно, подумал он. Битва выиграна, осталась ее заключительная стадия. Он видел, что катапульты Рагнарссонов захвачены, видел ряд лодок, оставленных на берегу. Поздняя, но своевременная атака короля Олафа переломила хребет неприятельского флота. Самые большие корабли Рагнарссонов так и не смогли вступить в дело, расстрелянные из катапульт «Неустрашимого».

Как легко все могло повернуться по-другому! Если бы не арбалеты, лодки не смогли бы высадиться на берег. Тогда катапульты разгромили бы «Неустрашимого», а затем и корабли короля Олафа. А не будь здесь «Неустрашимого», не понадобились бы и катапульты, двенадцать больших кораблей вышли бы вперед, имея трехкратный численный перевес над кораблями Олафа. Но бумага обернула камень, камень сломал ножницы, а ножницы разрезали бумагу. Все три части сработали. Вот так оно получается в войне машин.

— Мы тонем, — резко сказал Хагбарт. — Кажется, один из этих камней в конце концов сломал нам хребет. Смотри, — он показал на течь, в которую вливалась забортная вода.

— Квикка, Озмод! — крикнул Шеф. — Снимайте свои

команды. Все в порядке, Хагбарт, попробуй выбросить «Неустрашимый» на берег. Вон туда, на косу рядом с катапультами.

Подбитый «Неустрашимый» потащился по волнам, в то время как битва и на море, и на суше стремительно удалялась от него, оставив его на пустынной водной глади, испещренной пятнышками корабельных обломков и головами плывущих моряков.

Глава 33

«Неустрашимый» не то сел на мель, не то затонул, словом, коснулся днищем грунта в нескольких ярдах от берега. Неподалеку на песке валялись убитые и раненые. В водах залива тут и там виднелись взмахи слабеющих рук тонувших. Шеф показал на них Хагбарту:

— Пошли-ка пару человек в шлюпке, пусть подберут, кого смогут. И пусть еще несколько человек на берегу помогут раненым. Это работа для Ханда.

Хагбарт кивнул.

— Остальных я поставил сбрасывать броневые пластины, чтобы облегчить судно. Я думаю, в конце концов мы сможем вернуть «Неустрашимый» в строй.

— Отлично. — Шеф посмотрел вверх по склону, где стояли катапульты Рагнарссонов. Там никого. Бой сместился дальше, катапультеры разбежались, люди из лодочной флотилии преследовали их и устремились искать бреши в беззащитной теперь цитадели Бретраборга. Шеф почувствовал, как напряжение отпускает его и сменяется усталостью, понял, что больше не в состоянии принимать решения. Шум боя затих вдалеке, высоко над заросшими травой лугами в небе пели жаворонки, напоминая о днях, проведенных в Эмнете много лет назад. Может быть, эти дни повторятся. Дни мира.

Он решил подняться наверх по отлогому склону и посмотреть на другую сторону залива, увидеть окончание битвы, ее торжественный финал, падение Бретраборга. С копьем в руке он двинулся наверх, а Кутред сопровождал его. Карли тоже увязался с ними, шел в нескольких шагах позади. Хагбарт, глядя им вслед, ощутил укол тревоги. На любом поле боя найдутся люди, которые выжили, враги, способные

неожиданно вновь подняться на ноги. Викинги обычно зачищали поле боя, перед тем как счесть битву оконченной, группами прочесывали его, раздевая трупы, добивая раненых и выискивая тех, за кого могли бы дать выкуп. Сейчас этого сделано не было. Однако при короле находилось два телохранителя, а на берегу еще оставалось много дел. Хагбарт выбросил из головы лишнюю заботу, продолжал разъяснять своим людям, что делать.

Наверху холма Шеф снова увидел разбросанные тела, их было немного — катапультеры по большей части разбежались, когда увидели, что марширующий строй немцев надвигается на них снизу по склону. С высшей точки Шеф посмотрел на сцену, которая появлялась в его видениях, но открывалась ему с другого конца фьорда. Зеленеет мирный длинный залив. Где-нибудь в миле расстояния — нагромождение казарм, складов, верфей, загонов для трэлей, слипов — в течение долгого времени оплот Рагнарссонов, самое устрашающее место в северном мире. Ныне их морская мощь затонула в заливе, разбитая кораблями короля Олафа, которые горделиво приближались к гавани. За уцелевшими гонялись мелкие суда. Часть кораблей, на которых находились невольные союзники Сигурда, описывала широкий полукруг в надежде сбежать из залива. В центре всей сцены, разбитые в щепки артиллерией «Неустрашимого», плавали полузатопленные двенадцать огромных кораблей, их команды цеплялись за обломки бревен и досок в ожидании спасения или гибели. По всему заливу к берегу подходили мелкие суда, сделанные на скорую руку плоты, выбирались из воды умелые пловцы.

— Сегодня я не пригодился, — сказал Кутред за спиной Шефа. — Я мог бы с тем же успехом остаться в тылу.

Шеф не ответил. Он увидел трех промокших воинов с разбитого корабля, высадившихся внизу с другой стороны косы из маленькой лодочки. Они тоже заметили его и проворно устремились вверх по склону.

— Может быть, этот день в конце концов окажется не таким уж плохим, — сказал идущий впереди Сигурд Рагнарссон. В битву он вступил на центральном корабле в линии больших судов. Тот был разбит и взломан первым же камнем, выпущенным со странного покрытого металлом судна, противостоящего Рагнарссонам. Швартовы, соединявшие

все корабли в линии, удержали его на плаву. Но камни летели и летели, а Сигурд с нетерпеливой яростью ждал, когда же его собственная артиллерия возьмет прицел, уничтожит наглеца. Под конец он сорвал с мачты Знамя Ворона и вместе с братьями перенес его на любимый свой «Франи Ормр», возглавляющий основные силы флота позади заслона больших патрульных кораблей. Затем, когда металлическое судно наконец-то стало тонуть и вышло из боя, он повел малые суда в атаку против «Цапли» короля Олафа.

Эта атака тоже не удалась, «Франи Ормр» затонул прямо у него под ногами — сброшенный с высокой палубы камень пробил днище. В наступившей неразберихе ему и его братьям пришлось убить несколько собственных людей, чтобы спастись с тонущего судна. Позади него погибали его армия и флот. За какой-нибудь час, не имея даже возможности ответить ударом на удар, он превратился из короля и властелина снова в простого воина, которому принадлежит только его одежда и оружие да то, что он носит с собой. Сигурд слышал, что Один предает своих любимцев. Но в легендах рассказывалось, что он предает их в бою для славной гибели с мечом в руке. А не для бесславного поражения без надежды нанести ответный удар.

Однако теперь, подумал Сигурд, может оказаться, что Один все-таки остается его другом. Потому что на холме прямо перед ним находилась причина всех невзгод Рагнарссонов. И с ним только два человека, это против Сигурда и двух его могучих братьев. Трое на трое.

Шеф всмотрелся, за пятьдесят ярдов узнал странные глаза Змеиного Глаза. Сигурд, Хальвдан и Убби, каждый из них опытный ратоборец, и все они полностью вооружены для рукопашной битвы, которая так и не состоялась. Против них он сам, вооруженный лишь старым хрупким копьем, без доспехов и щита, Карли, все сжимающий свой дешевый меч, и Кутред. Сможет ли даже Кутред драться с тремя ратоборцами сразу, с той сомнительной помощью, которую смогут оказать ему Шеф и Карли? Как раз то, чего Шеф всегда рассчитывал и надеялся избежать: честной борьбы на ровной площадке против лучше вооруженного и более опытного противника. Разумней было бы сразу броситься бежать вниз на берег, под

защиту арбалетов «Неустрашимого». Шеф повернулся к своим спутникам, начал им показывать, чтобы бежали с холма.

Слишком поздно. Глаза Кутреда расширились, он часто задышал, из уголков рта потекла пена. Он тоже узнал Змеиного Глаза.

Шеф ухватил его за руку, но был отброшен небрежным движением щита, шип которого прошел в волоске от лица Шефа.

— Кутред! — безуспешно кричал он. — Нужно бежать, сразу же. Убьешь их потом.

— Убью сейчас, — хриплым нечеловеческим голосом отвечал тот.

— Вспомни, ты мой человек! Я спас тебя с мельницы. Ты поклялся подчиняться мне.

Кутред повернулся, чтобы взглянуть на Шефа, какая-то кроха разума еще теплилась в его взгляде, хотя он на глазах превращался в берсерка.

— Король, до тебя я был человеком другого короля. Эти люди убили моего короля Эллу.

Он с трудом произносил слова, лицо его исказилось. Шефу показалось, что он уловил слово «извини». А затем берсерк бросился мимо него, ликующе устремился по траве к приближающейся троице.

Он замер перед ними и закричал насмешливо, чистым и высоким голосом, преисполненным восторга.

— Сыновья Рагнара, — кричал он, — вашего отца убил я. Я вырвал его ногти, чтобы заставить говорить. Потом я связал его и бросил в змеиный погреб, в *ormgarthr*. Он умер с посиневшим лицом и со связанными руками. Его вы не встретите в Вальгалле.

Он закинул голову назад, разразился победным смехом. Быстрее змеи полетел в него пущенный Сигурдом дротик. Не менее быстрый отбив бронированным щитом заставил дротик взметнуться высоко над головами. Затем Кутред атаковал.

Сигурд ловко увернулся от него, отбив первый взмах клинка и поднырнув под обратный удар. Затем, размахивая мечами, к берсерку с двух сторон подступили Убби и Хальвдан. Воздух наполнился звоном металла, это Кутред парировал удары и сам разил мечом, постепенно оттесняя назад этих двоих.

И все же он не мог нападать на троих сразу. Сигурд мель-

ком глянул на их схватку, потом повернулся и пошел вверх с обнаженным мечом и поднятым щитом. Шеф огляделся. Побледневший Карли стоял рядом с ним, сжимая свой перекованный меч, который Шеф взял у неудачливого викинга Храни. У Шефа оставалось его копье. Щита ни у того, ни у другого не было. Сигурд превосходил их по боевой мощи раза в два. Однако Шеф не мог сбежать и бросить Кутреда одного.

— На этот раз между нами нет воды, умник, — сказал Сигурд. Едва он прыгнул вперед, Шеф ткнул его копьем, впервые за все время использовав его как оружие. Сигурд срубил наконечник с деревянного древка одним размашистым ударом справа, а слева мгновенно ударил Шефу в шею. Тот поднырнул, отпрыгнул назад, бросив бесполезное древко и вытаскивая поясной нож, которым убил короля Кьяллака. Шеф по-прежнему чувствовал себя скованным, неготовым к бою. Вот сейчас ему бы пригодилось питье Ханда. Но Ханд находился по другую сторону холма.

Карли вышел вперед, чтобы защитить своего лорда, взмахнул мечом, который гордо носил с тех самых пор, как получил его в подарок от Шефа. С болью Шеф понял, что Карли снова забыл все, чему его учили. Он ударил как пахарь, как керл, как утконогий с болот. Сигурд с легкостью принял первый удар на клинок, с чем-то вроде разочарования дождался запоздавшего второго, отбил его щитом и ударил стремительно, как гадюка, прежде чем Карли смог среагировать. У Карли не было ни щита, ни шлема. Шеф услышал мясницкий хруст костей, это меч глубоко разрубил череп. Дитмаршский крепыш выронил оружие и распростерся у ног Змеиного Глаза.

Ниже по склону Кутред яростной атакой сбил Хальвдана на колени. Убби, голова с плеч, валялся в нескольких ярдах от них. Сигурд уголком глаза ухватил эту сцену и опять развернулся к Шефу.

— Я сначала позабочусь о тебе, — сказал он, обходя тело Карли. Шеф стоял перед испытанным воином с одним лишь ножом в руках, слишком близко, чтобы повернуться и бежать.

* * *

Далеко наверху одноглазый бог Один смотрел на своего любимца, Сигурда, сына Рагнара.

— Это великий воин, — сказал он с горечью.

— Но он проиграл сражение, — возразил стоящий позади него Риг.

— Будь это честная игра, он бы победил.

— Тогда возьми его в свой Эйнхериар.

Один в задумчивости смолк. Даровать ли своему поклоннику еще одну, последнюю, победу? Ему вспомнились слова его сына Рига и его собственные слова, которые он прошептал на ухо своему любимому сыну Бальдру, лежащему на погребальной ладье. «Нашелся бы бог, чтобы вернуть мне тебя, сын мой». Этого не смог ни бог, ни герой, даже его верный Хермот. Возможно, они были правы. Не кровь сделает это, а слезы. Никогда ему не дождаться слез от Змеиного Глаза. С сожалением он принял решение.

— Не просто так я зовусь Bolverk'ом, злодеем, предателем воинов, — буркнул он, и его услышали лишь Риг и всеслышащий Хеймдалль. Он посвистел своим Валькириям, которые незримо витали над каждым полем брани, выбирая жертвы и набрасывая на них свои сети слабости, паралича, заставляя оружие скользнуть в руке, а взгляд — упустить полет стрелы или дротика. Своим гигантским копьем он указал Валькириям на Змеиного Глаза.

* * *

Сигурд поднимался вверх по отлогому склону, как хищник на охоте, опустив меч вниз, подняв щит, не спуская окаймленных белым зрачков с лица Шефа. Шеф пятился от него с коротким ножом в руке, открытый для укола или удара, как только Сигурд преодолеет разделяющие их шесть футов. Пятясь, он неожиданно почувствовал, что наклон земли под ногами изменился. Они достигли вершины холма и стали переходить на другую его сторону. Через несколько мгновений они окажутся среди покинутых катапульт, в поле зрения моряков с «Неустрашимого». Если он сможет продержаться еще сотню ударов сердца... Та же мысль пришла в голову Сигурду. Он двинулся быстрее, решившись доделать дело, пока никто не вмешался.

Весь день узел на его сыромятных сапогах слабел все больше и больше. Сейчас шнурки уже волочились в короткой траве. Когда Сигурд ринулся вперед, чтобы нанести решающий удар, он зацепился за собственный шнурок, попытался шагнуть запутавшейся ногой, поскользнулся и потерял

равновесие. Он выбросил вниз руку со щитом, на мгновенье оперся ею о землю.

Отступающий Шеф чисто импульсивно шагнул вперед и пырнул Сигурда своим рогаландским ножом. Тот пронзил бороду и воткнулся под подбородок, в точности как это было с королем Кьяллаком. Мгновенье Сигурд пялился перед собой, его странные глаза расширились от боли. Затем они, кажется, увидели что-то за спиной Шефа, выражение одновременно и узнавания и отвращения мелькнуло на лице умирающего. Меч поднялся, словно для того, чтобы поразить какую-то тень, какого-то предателя наверху.

Шеф яростно провернул нож и отпрыгнул назад, а Сигурд упал лицом вниз.

К ним, хромая, поднимался по склону Кутред. Он был ранен в лицо, которое пересекала длинная бескровная полоса, подобная разрубу, сделанному мясником в мертвой плоти. Кольчуга его была пробита и разорвана во многих местах. Казалось невозможным, что он в состоянии передвигаться, одно бедро опять перерублено почти полностью, то самое, в которое его ранил Вигдьярф.

— Ты получил одного, я — двух, — сказал Кутред. — Я отомстил за короля Эллу. Я передам ему о тебе только хорошее, — он стоял, раскачиваясь, и огонь безумия угасал в его глазах. Более спокойным голосом он добавил: — Хотел бы я, чтобы ты мог похоронить меня невредимым. Передай весть обо мне троллям, — Мистарай. Я был бы ее мужем.

Кровь вдруг хлынула из его ран, загадочное самообладание берсерка его покинуло. Он осел вниз, завалился на спину. Шеф пощупал пульс, его не было. Он побрел по заляпанной кровью траве посмотреть на Карли, но без всякой надежды. Такие воины, как Змеиный Глаз, разят насмерть. Если их не упредить. Догадка оказалась верной. Карли тоже был мертв как камень, мозг и кровь перемешались на траве вокруг него, его радостное выражение лица навеки сменилось удивлением и испугом. Плохая весть для Эдит и для двух десятков других. Плохая весть для Мистарай.

Шеф машинально подобрал меч Кутреда, опустив плечи, потащился назад к кораблю. Дойдя до покинутых катапульт, он с удивлением обнаружил перед собой германца Бруно. Шеф увидел, что Хагбарт на берегу тоже заметил происходящее, снял работающих на «Неустрашимом» людей и послал их на подмогу. Но сейчас они были одни.

— Я видел ваш поединок, — сказал Бруно. — Теперь ты убил уже двоих Рагнарссонов. Но я не понимаю, как ты это сделал. Казалось, что он с легкостью убьет тебя. Это смог бы сделать любой из моих людей. Я сомневаюсь, что в драке ты сможешь сравниться со мной.

— Зачем нам сравнивать?

— У тебя есть нечто нужное мне. Где твое копье?

Шеф махнул рукой назад:

— Там. Что тебе до него?

Словно в ответ, Бруно сделал выпад своим длинным всадническим мечом. Шеф машинально отбил удар мечом, взятым у Кутреда, парировал снова и снова, обнаружил, что меч вылетел из его руки и клинок Бруно упирается ему в горло, в точности в то место, куда нож вошел в горло Сигурда Змеиного Глаза.

— Что мне до него? — повторил Бруно. — Это Святое Копье, которым германский центурион убил Иисуса Христа. Копье, которым была пролита священная кровь.

Шеф вспомнил явившееся ему видение сцены распятия, человека в шлеме с красными перьями, говорившего по-немецки.

— Да, — ответил он, осторожно шевеля кадыком из-за коловшего кожу острия. — Я верю тебе.

— Владеющий этим копьем станет Императором. Истинным Императором Запада, наследником Карла Великого, он снова объединит Священную Римскую империю. Римскую империю германской нации.

Шеф почувствовал, что в нем нарастает невероятное напряжение, более сильное, чем страх перед упирающимся в его горло стальным острием. Дважды люди пытались заставить его расстаться с копьем, и дважды он отказывался. Если он отдаст его сейчас, он может подвергнуть весь мир новой напасти, тирании нового Рима, более сильного, чем прежний Рим и прежний Папа. А если откажется, он умрет. Имеет ли он право спасти свою жизнь такой ценой? Когда мертвые Кутред и Карли лежат за его спиной на сырой земле?

Однако Копье ему не принадлежало. Это было ясно. Оно принадлежало христианам. Что они с ним сделают, знает

только их Бог. Но они имеют право следовать своим видениям, как он и люди Пути, как он, Торвин, и Виглик, и все остальные имеют право следовать своим. Вспомнив свое видение умирающего Христа, вспомнив короля восточных англов Эдмунда и скорбную старуху, которую они с Альфредом встретили на лесной поляне, он ощутил, что нечто должно еще будет свершиться благодаря Кресту. Если не благодаря Церкви. Но ведь Бруно не человек Церкви.

— Если Копье делает человека германским императором, — с трудом проговорил Шеф, — тогда им лучше владеть германцу. Ты найдешь его наконечник около тел моих товарищей, там, где Сигурд срубил его с древка. Старинным был только наконечник. Древко много раз меняли.

Казалось, Бруно на мгновенье пришел в замешательство.

— Ты готов отдать его? Я бы этого не сделал, даже с мечом у горла. — Он подумал еще минутку, не обращая внимания на людей, бегущих к нему по склону холма. — Это правильно. Твой символ не копье, будь то копье Одина или центуриона Лонгинуса. То, что ты носишь на шее, как я тебе уже говорил, это Грааль. Твое предназначение — найти его, как мое — найти Копье. — Он отвел меч, поднял его в салюте. — И все равно я должен убить тебя. Боюсь, что ты человек опасный, хотя и не владеешь мечом. Но это было бы не по-рыцарски, хладнокровное убийство. Итак, прощай, Король Севера. Помни, что я первый так тебя приветствовал.

Бруно сбежал вниз по склону, поднял что-то с окровавленной травы, поцеловал это и поспешил к строю лошадей, которых привели для него из конюшен Бретраборга.

Шеф взял у одного из взбежавших на холм легковооруженных *skogarmenn*'ов арбалет, взвел его, заложил стрелу, посмотрел на широкую спину, удалившуюся на шестьдесят, восемьдесят, сто ярдов.

«Я должен убить тебя, — подумал он. — Но это было бы не по-рыцарски, хладнокровно отплатить злом за добро. Итак, прощай, будущий Император. Или, как ты выражаешься, *auf wiedersehen*».

Король и император

Роман

Стамфорд, март 875 года
от Рождества Христова

— Это же просто деревня, — возмущался кое-кто. — Несколько хижин на обочине. Столица Севера! Да это даже не столица болот. Никогда там ничего не было и не будет.

Обитатели Стамфорда, как немногие старожилы, так и гораздо более многочисленные пришельцы, с легкостью переносили насмешки соседей. Они могли себе это позволить. Неважно, какая у города была собственная история, ведь он сделался главной резиденцией короля Севера, бывшего когда-то соправителем Англии, до этого ярлом, еще до этого — карлом распавшейся ныне Великой Армии, а в самом начале — чуть ли не трэлем в болотной деревне. Теперь его звали Единый Король, каковым он и стал, а к имени и титулу — король Шеф — его норманнские подданные добавляли прозвище *Sigrsaell*, а английские — *Sigesaelig*, что означало на обоих языках одно и то же: Победоносный. Этому королю ничего не приходилось повторять дважды. Коль скоро он объявил, что столица будет находиться в захудалом Стамфорде, значит, так тому и быть.

После его легендарной победы над братьями Рагнарссонами в великой битве при Бретраборге в 868 году по христианскому летосчислению, последовавшей за его победой в поединке со шведским королем у Священного Дуба в Упсале, Шеф, Единый Король, стал сюзереном всех мелких королей скандинавских земель — Дании, Швеции и Норвегии. Пополнив свой флот за счет вице-королей, среди которых самыми выдающимися были его боевой товарищ Гудмунд Шведский и Олаф Норвежский, Шеф с новыми силами вернулся в Британию, не только восстановив власть над Восточной и Средней Англией, которые сами склонились под его господство, но и быстро внушив благоговейный трепет мелким правителям Нортумбрии и южных графств, а потом при-

нудил к подчинению еще и шотландцев, пиктов и валлийцев. В 869 году король Шеф предпринял морскую экспедицию вокруг Британских островов, выйдя из лондонского порта и направившись на север вдоль английского и шотландского побережья, нагрянув как туча на беззаботных пиратов Оркнейских и Шетландских островов и заставив их призадуматься и устрашиться, а затем повернул на юг и снова на запад, пройдя сквозь бесчисленные острова шотландцев, вдоль не знающих закона западных берегов до самого Края Земли. Только там он вновь встретил закон и порядок, убрал когти и поплыл на восток в сопровождении дружественных кораблей короля Альфреда, правителя западных саксов, пока не вернулся в родную гавань.

С тех пор обитатели Стамфорда могли смело похвастаться тем, что дают приют королю, чья власть простирается от самого западного острова Сцилла до кончика мыса Нордкап, за две тысячи миль к северо-востоку. Власть была неоспорима и лишь номинально делилась с королем Альфредом; границы его скудных владений король Шеф неизменно чтил, свято соблюдая договор о совместном правлении, который они заключили в годину бедствий десять лет назад.

Но жители Стамфорда не смогли бы объяснить — да не особенно и задумывались над этим, — почему самый могущественный со времен Цезаря король Севера выбрал место для своего дома в болотах Средней Англии. Зато королевские советники много раз заговаривали с ним на эту тему. Ты должен править из Винчестера, говорили одни, натыкаясь на хмурый взор единственного глаза короля, — ведь Винчестер оставался столицей Альфреда на Юге. Править надо из Йорка, предлагали другие, оставаясь под защитой крепостных стен, которые король сам когда-то взял приступом. Лондон, твердили третьи, долгое время находившийся в запустении, так как там не было ни короля, ни двора, а теперь ставший центром оживленной торговли со всем светом, от богатых пушниной северных краев до винодельческих земель Юга, набитый судами с хмелем, медом, зерном, кожами, салом, шерстью, железом, жерновами и уймой прочего добра; и все купцы платили пошлины представителям обоих королей — Шефа на северном берегу и Альфреда на южном. Нет, говорили многие приближенные к Шефу датчане, править надо

из древней цитадели королей Сквольдунсов, из Глетраборга, ведь там находится центр твоих владений.

Король не соглашался ни с кем. Будь это возможно, Шеф выбрал бы город в самом сердце болот, ведь он и сам был дитя болот. Но большую часть года до города Или, да и до Кембриджа, было попросту не добраться. В Стамфорде хотя бы проходила Великая Северная дорога римлян, которую по приказу короля заново вымостили камнем. Именно здесь Шеф решил воздвигнуть *Wisdom-hus*, Дом Мудрости, который должен был увенчать дела его правления и стать новым Святилищем Пути в Асгард: не просто заменить старое Святилище в норвежском Каупанге, но превзойти и затмить его. Здесь будут собираться жрецы Пути, делиться своими открытиями и учиться сами.

Одним из законов жрецов Пути было правило, что они должны сами зарабатывать себе на хлеб, а не жить на церковную десятину и подушную подать, как священники христиан. Тем не менее король назначил в святилище опытного казначея — бывшего христианского монаха отца Бонифация — и велел ссужать деньги всем нуждающимся жрецам Пути с тем, чтобы расплатились, когда смогут, своей работой, знаниями или звонкой монетой. Теперь со всего Севера приходили сюда люди Пути, чтобы научиться молоть зерно на водяных и ветряных мельницах, и расходились по своим землям, научившись молоть, а также ковать железо с помощью опрокидывающихся молотов и воздуходувных мехов. Они узнавали, как применять новые машины там, где раньше пользовались лишь мускульной силой рабов. Отец Бонифаций, с разрешения короля, но без его ведома, нередко давал деньги таким посетителям, покупая на них долю в прибылях от новых мельниц и кузниц на срок в пять, десять и двадцать лет.

Серебро, которое текло в сундуки короля и в сундуки Пути, раньше привлекло бы десятки тысяч почуявших добычу викингов. Но теперь на Севере лишь изредка можно было увидеть бородатых пиратов, болтающихся на прибрежных виселицах в назидание себе подобным. Королевские корабли патрулировали моря и подходы к гаваням, а несколько городов и фьордов, которые остались приверженцами прежнего обычая, один за другим подверглись визитам объединенного фло-

та, в котором собрались силы слишком многих вице-королей, чтобы у кого-то возникло желание ему сопротивляться.

Жители Стамфорда не знали, да и не желали знать, что сама незначительность и безвестность их города была для короля лучшей рекомендацией. В конце концов тот признался своему старшему советнику Торвину, жрецу Тора, стоящему во главе Святилища Пути:

— Торвин, место для новых знаний там, где нет древней истории и древних традиций, которым люди подражают и которые чтут, но которых не понимают. Я всегда говорил, что важно не только новое знание, но и старое знание, о котором никто не помнит. Однако хуже всего — это старое знание, ставшее священным, не вызывающим сомнений, настолько общеизвестное, что о нем уже никто не задумывается. Мы начнем все сначала, ты и я, в таком месте, о котором никто не слышал. Там не будет витать дух чернил и пергамента!

— Не вижу ничего плохого в чернилах и пергаменте, — возразил жрец. — Особенно из телячьих кож. У Пути есть свои книги древних сказаний. Даже твой стальных дел мастер Удд научился записывать свои открытия.

Король нахмурился, подбирая слова:

— Я ничего не имею против книг и письма как ремесла. Но люди, которые учатся только по книгам, начинают думать, что в мире ничего больше нет. Они делают из книг свою Библию, и таким вот образом старые знания превращаются в устаревшие мифы. Мне нужны новые знания или старые, но позабытые. Поэтому у нас в Стамфорде, в Доме Мудрости, мы будем придерживаться такого правила: любой, будь то мужчина или женщина, человек Пути или христианин, любой, кто сообщил нам новое знание или показал, как с пользой применить старое, получит награду большую, чем за долгие годы добросовестного труда или за годы грабежей с викингами. Мне больше не нужны молодцы Рагнарссонов. Пусть люди проявят свою доблесть по-другому!

В 875 году от Рождества Христова — а хронисты Пути, хоть и отвергли христианского Бога, придерживались христианского летосчисления — столицу построили, и политика Шефа стала приносить свои плоды: иногда сладкие, а иногда горькие.

Глава 1

Высоко в небе белели маленькие облака, гонимые сильным юго-западным ветром. Тени их скользили по яркой зелени свежей травы, по жирно-коричневым пятнам пахотной земли, по спинам тяжеловозов, неторопливо ведущих свои борозды по весенним полям. В просветах сияло солнце, горячее и долгожданное в просыпающейся от зимней спячки Англии. Просыпающейся, как уверовали многие, от долгой ночи и приветствующей новый день, новый расцвет при юном короле и его еретическом, но счастливом правлении.

На рыночной площади Стамфорда толпилось не меньше двух тысяч человек, собравшихся с окрестных полей, чтобы поглазеть на обещанную невидаль. Таны и керлы явились с женами и детьми; они откидывали капюшоны, подставляя лица солнцу; иные с опаской — не хлынет ли дождь — снимали свои грубые накидки. На простых невыразительных лицах светились радость, удивление и даже восторг. Ведь в этот день им предстояло увидеть такого удальца, с которым не могли бы сравниться ни Ивар Бескостный, ни его брат Сигурд Змеиный Глаз. Сегодня человек должен был прыгнуть с высокой башни Дома Мудрости. И взлететь!

По крайней мере, так говорили. Всей толпе посчастливится увидеть этот полет, чтобы было о чем потом рассказывать детям и внукам. Но с не меньшей радостью они посмотрят и на падение летуна. Подкрепляясь хлебом и доброй кровяной колбасой, все с одинаковым интересом ожидали любой исход.

Пение рожков заставило зрителей разбрестись по обе стороны площади, освободив дорогу для вышедших из дворца короля, его гостей и свиты. Во главе, вслед за отрядом ратоборцев, неистово дувших в сохранившиеся с незапамятных времен гигантские рога зубров, с нарочитой церемонностью выступали два короля — Шеф, а также его гость и соправитель Альф-

ред Саксонский. Те, кто не видел их прежде, растерянно смотрели на две разительно контрастирующие фигуры, замирая в недоумении — кто же из двоих полновластный король, а кого только терпят в качестве соправителя, — пока более осведомленные соседи не шипели им на ухо подсказку. И действительно, Альфред в своих царственных одеждах выглядел как настоящий монарх: в алом плаще поверх небесно-голубой туники, с золотым венцом на светлых волосах, левая рука величаво возложена на золотую рукоять старинного меча.

Идущий рядом с ним человек тоже носил алые цвета, а плащ его был соткан из такой тонкой шерсти, что казался не менее мягким снаружи, чем со стороны роскошной шелковой подкладки. Но под плащом были надеты простые сермяжные штаны и рубаха. Король шел без меча и вообще без оружия, он вышагивал, заткнув большие пальцы за пояс, словно возвращающийся с поля крестьянин. И все же при внимательном взгляде становилось ясно, что это вполне мог быть тот самый человек, которого северяне величали Иваробийца и Сигурдоубийца, человек, который собственными руками убил обоих братьев — Ивара Бескостного и Сигурда Змеиный Глаз, равно как и шведского короля Кьяллака Сильного. А еще разбил под Гастингсом Карла Лысого с его франкскими копейщиками в год Господа нашего 866-й.

Возраст короля приближался к тридцати годам, и телосложением он оставался настоящим кузнецом-оружейником: широкие плечи, могучие руки, длинные ноги и такая узкая талия, что он мог бы поменяться поясом со своей женой — будь он женат. Но выглядел король намного старше своих лет. В черных волосах поблескивала седина, особенно заметная на висках и в короткой стриженой бороде. Правый глаз короля закрывала черная повязка, а непокрытая ею плоть казалась ввалившейся и изможденной. Лоб бороздили морщины. Это были следы затаенной боли, а может быть, и раскаяния. Поговаривали, что король вышел из схватки с последними Рагнарссонами один-одинешенек, заплатив за жизнь и победу потерей всех своих друзей. Злые языки заявляли, что его удача осталась на том поле битвы, где лежали его мертвые товарищи. Другие, более информированные, утверждали: его собственная удача так велика, что перетягивает к себе удачу других, и он приносит смерть всем, кто подошел слишком близко.

Как бы там ни было, король ничем не подчеркивал свое положение и богатство. Он не носил ни короны, ни дорогих украшений, не нуждался в искусных ювелирах. Правда, на бицепсах у него висело с десяток золотых браслетов, незамысловатых и грубо обработанных: видимо, не для показухи, а в качестве своеобразных денег.

Вместе с королями двигались их приближенные: камергеры, телохранители, оруженосец Шефа, норманнские вице-короли, английские ольдермены, стремящиеся находиться поближе к власти. По пятам за Шефом размашистым шагом шел человек, вызвавший уважительный шепоток среди деревенских жителей, — ростом ближе к семи футам, чем к шести, такой, что может запросто швырнуть груз в двадцать, даже в двадцать пять стоунов[1] весом.

Его голова и плечи возвышались над всеми людьми, кроме разве что самых могучих телохранителей из отборного королевского отряда. Это был викинг Бранд, носящий ныне титул ратоборца всей Норвегии, а не только его родного Галогаланда. Уже и в английскую глубинку дошли передаваемые шепотом слухи о том, что он родственник троллей и свойственник марбендиллов из морской бездны. Лишь немногие знали, что на самом деле произошло, когда за королем шла охота по всему Северу, а расспрашивать мало кто осмеливался.

— Но где же человек, который должен лететь? — взволнованно допытывался сельский житель у своего городского родственника. — Где человек, одетый птицей?

— Он уже в Доме Мудрости со жрецами, — отвечал городской всезнайка. — Он боится, что его оперение, его одежду из птичьих перьев, помнут в давке. Пошли за королями, и ты сам все увидишь.

Толпа за процессией сомкнулась и проследовала за ней по заново мощенной Великой Северной дороге. Но люди шли не к городским стенам, которых в гордом своим величием Стамфорде попросту не было, так как его линия обороны проходи-

[1] 20 стоунов = 127 кг; 25 стоунов = 160 кг (*Здесь и далее примечания переводчика.*).

ла далеко в море, где стояли военные корабли с катапультами, разгромившими в свое время и викингов, и франков. Они шли к деревянным хижинам простого люда, за которыми на лугу раскинулось огромное каре спален, мастерских, кузниц, конюшен и складов, которые и представляли собой английское Святилище Пути, осененное высокими крыльями ветряных мельниц. В центре возвышалась построенная по приказу Шефа каменная башня, затмевавшая все сооружения христианских королей: шестьдесят футов в высоту и сорок в ширину, а ее каменные блоки были так массивны, что окрестные керлы даже не верили, будто бы их поднимали обычные люди с помощью талей и противовесов, и рассказывали страшные сказки о заколдованных демонах.

Короли и свита прошли в высокую, обитую железом дверь. А сгрудившиеся зеваки раздались и встали в предписанный для них полукруг.

Поднявшись по лестнице, Шеф впервые обогнал своего соправителя и подошел к зубцам башни. Торвин уже ждал его, одетый, как всегда, в простые, но сверкающие белизной одежды жреца Пути. На шее Торвина висел серебряный молоточек как знак посвящения Тору, а за пояс был заткнут настоящий молоток с двумя бойками, свидетельствуя о ремесле своего хозяина. Позади него, в окружении других жрецов, стоял человек, который собирался лететь.

Шеф задумчиво пошел ему навстречу. Одежда мужчины была из простой домотканой шерсти, но не обычные рубаха и брюки, а что-то плотно облегающее, словно выкроенное и сшитое из одного куска. Но эту одежду почти скрывала его накидка. По-прежнему молча, Шеф пригляделся. Тысячи и тысячи перьев, не просто воткнутых в шерстяную или льняную ткань, а прочно пришитых стволом к стволу. Накидка была жилками привязана к запястьям и лодыжкам, крепилась также к линии плеч и вдоль позвоночника, однако свободно свисала по бокам.

Человек-птица, встретив взгляд короля, вдруг широко раскинул руки и расставил ноги. Накидка приняла форму — форму паутины или паруса. Шеф кивнул, уловив замысел.

— Откуда ты?

Человек-птица отвесил поклон Альфреду, стоявшему на шаг позади Шефа.

— Из земель короля Альфреда, мой государь. Из Уилтшира.

Шеф воздержался от расспросов, почему человек явился к нему из другого королевства. Ведь только один король платил серебром за новые знания, и так щедро, что изобретатели тянулись к нему из всех северных стран.

— Как у тебя появилась такая мысль?

Человек-птица выпрямился, словно приготовил свою речь заранее.

— При рождении, государь, я был крещен христианином. Но уже много лет назад узнал об учении Пути. Я услышал историю о великом кузнеце, Вёлунде Мудром. Я решил, что если Вёлунд смог подняться в воздух и улететь от врагов, то и я смогу. С тех пор я не жалел усилий, чтобы сделать такое оперение; это последний образец из многих перепробованных мною. Ведь в сказании о Вёлунде говорится: «Смеясь, наверх он взмыл, полетел в одеянье из перьев». А я верю, что слова богов правдивы, правдивей, чем сказки христиан. Взгляни, я изготовил себе амулет в знак моего предназначения.

С этими словами человек очень осторожно показал пару серебряных крыльев, висевших на шейной цепочке.

В ответ на это Шеф вытащил из-за пазухи свой амулет — лесенку с одной тетивой вместо двух, *kraki*, знак его небесного патрона, а возможно, и отца, мало кому известного бога Рига.

— До сих пор никто не носил крыльев Вёлунда, — заметил он, обращаясь к жрецу Торвину.

— И очень мало кто носит лесенку Рига.

Шеф кивнул:

— Успех многое меняет. Но скажи-ка мне, человек Вёлунда, что, кроме сказания, заставляет тебя верить, будто ты сможешь полететь?

Человек-птица, казалось, удивился.

— Разве не очевидно, государь? Птицы летают. У птиц есть перья. Будь у людей перья, и они бы летали.

— А почему же они не сделали этого раньше?

— У них не было моей веры.

Шеф снова кивнул и неожиданно вспрыгнул на самый верх башенного зубца, застыл на узкой полоске камня. Телохранители обеспокоенно дернулись в его сторону, но путь им заградила туша Бранда.

— Полегче, полегче, — проворчал тот. — Король не из Галогаланда, но он все-таки немножко моряк. Он ясным днем не свалится с ровного места.

Шеф посмотрел вниз и увидел две тысячи задранных вверх лиц.

— Назад, — крикнул он, разводя руки. — Отойдите. Дайте ему место.

— Думаете, я упаду? — спросил человек-птица. — Хотите испытать мою веру?

Взгляд Шефа скользнул мимо него, отыскав в толпе среди поднявшихся на башню стоящую рядом с Альфредом женщину — Годиву, жену Альфреда, известную также под именем леди Уэссекс. Подруга детства Шефа и его первая любовь, она оставила его ради человека, в котором было больше доброты. Ради того, кто не стремился использовать других людей в своих целях. Годива смотрела с укоризной.

Шеф отвел взгляд и взял человека-птицу за плечо, стараясь не смять перья.

— Нет, — ответил он. — Вовсе нет. Но, если они не отойдут от башни, им будет плохо видно. Я хочу, чтобы им было что рассказать своим детям и внукам, а не говорить просто: «Он так быстро летел, что я ничего не видел». Я желаю тебе удачи.

Человек-птица гордо улыбнулся, осторожно шагнул сначала на приступку, затем встал на краю рядом с Шефом. Толпа ахнула от изумления. Летун стоял, расправив оперенье на сильном ветру, который, как отметил Шеф, задувал сзади и прижимал перья к спине. Итак, человек-птица считал, что накидка подобна парусу, который понесет его, словно кораблик, по ветру. Но что, если накидка окажется не парусом, а?..

Человек-птица присел, собрался с духом и стремглав ринулся вперед, крикнув во весь голос:

— Веди меня, Вёлунд!

Его руки колотили по воздуху, а накидка волнами полоскалась над ним. Один взмах, и Шефу пришлось опустить взгляд, а потом... Удар о камни, и со двора донесся дружный стон толпы. Посмотрев вниз, король увидел тело, лежащее футах в шестнадцати от основания башни. К нему уже бежали жрецы Пути, жрецы Идуны-Целительницы. Среди них Шеф узнал щуплую фигурку еще одного друга детства, бывшего раба Ханда, носившего, как и он сам, собачью кличку вместо имени. Теперь Ханда считали лучшим лекарем и костоправом Британии. Должно быть, лекарей поставил там Торвин. Значит, он тоже разделял дурные предчувствия Шефа.

Лекари внизу закричали:

— Он сломал обе ноги и сильно расшибся. Но позвоночник цел.

Годива вместе с мужем тоже заглядывали через стену.

— Он смелый человек, — сказала она, и нотка осуждения прозвучала в ее голосе.

— Мы окажем ему самую лучшую медицинскую помощь, — пообещал ей Шеф.

— А сколько денег ты ему дал бы в случае удачи, если бы он пролетел, скажем, целый фарлонг? — спросил Альфред.

— Ну, за фарлонг я заплатил бы ему сто фунтов серебра.

— А сейчас ты заплатишь ему что-нибудь как компенсацию за увечья?

Шеф упрямо поджал губы, так как почувствовал, что на него давят, требуют проявить щедрость и поощрить благие намерения. Он знал, что Годива рассталась с ним из-за его безжалостности. Но сам он не считал себя безжалостным. Он просто делает то, что должен делать. Он должен заботиться обо всех своих подданных, а не только о тех, кто рядом с ним.

— Он смелый человек, — произнес Шеф, отворачиваясь. — Но еще он дурак. Этот человек способен лишь на слова. А в Святилище Пути признают только дела. Не так ли, Торвин? Он прочел твою книгу преданий и превратил ее в свой молитвенник, в Библию, как у христиан. Чтобы верить в нее, но не задумываться над нею. Нет. Я пошлю к нему лучших лекарей, но ничего не заплачу.

И снова со двора донесся голос:

— Он пришел в себя и говорит, что ошибся, взяв куриные перья, ведь курицы роются в земле. В следующий раз он будет брать только перья чаек.

— Запомните, — произнес Шеф, обращаясь ко всем и отвечая на невысказанные упреки. — Я буду тратить королевское серебро только на дело. Ведь оно может нам понадобиться в любой момент. Подумайте, сколько у нас врагов.

Он вытянул руку наперекор ветру, указывая на юг и на восток.

* * *

Если бы птица или человек-птица, повинуясь жесту короля, пролетели тысячи миль над морями и землями, пересекли Ла-Манш (который называли Каналом или Узким морем), а потом и всю Европу, они достигли бы места давно подготавливаемой встречи. Долгие томительные месяцы участники добирались туда по разбитым дорогам и штормовым морям, приготовив свои осторожные вопросы на языках Византии и Рима.

— Допустим, что наш император в его неизреченной мудрости окажется готов рассмотреть некие соображения; а затем, допустим, попытается употребить то слабое влияние, которое он имеет на его святейшество папу римского, чтобы убедить того изменить некоторые формулировки; тогда (коль скоро мы сделали такое чисто условное допущение, или, пользуясь вашим необычайно выразительным и гибким языком, приняли такую *hypothesis*, гипотезу) окажется ли возможным, что и ваш *basileus* , басилевс, в свою очередь переменит свое мнение по известным вопросам? — пускали пробный шар римские католики.

— Уважаемые коллеги, оставим на минутку в стороне ваши прелюбопытные гипотезы, но если бы наш басилевс мог, не отступая от канонов православия и не попирая прав патриарха, рассмотреть хотя бы предварительное и краткосрочное соглашение, затрагивающее упомянутую область интересов, нам бы очень захотелось узнать, какую позицию займет ваш император в животрепещущем вопросе о миссионерах в Болгарии и недостойных попытках предыдущей римской администрации оторвать наших новообращенных от их новой веры и вернуть под эгиду Рима, — отвечали им греки.

Очень медленно эмиссары находили общий язык, лавировали, прощупывали друг друга, возвращались за новыми указаниями. И столь же медленно повышался ранг послов, на смену простым епископам и вторым секретарям приходили архиепископы и митрополиты, а вместе с ними появлялись и полководцы — графы и стратеги. Присылались все новые представители, но быстро становилось ясно, что как бы ни были велики их полномочия, они не осмеливаются самостоятельно решать судьбы своих империй и церквей. В конце концов не осталось другого выхода, кроме как устроить встречу на самом высшем уровне, встречу четырех главных властителей христианского мира: папы римского, константинопольского патриарха, римского императора и басилевса греков.

Организация встречи растянулась на месяцы, так как выяснилось, что греческий басилевс только себя считает подлинным наследником Цезаря и поэтому претендует называться «римским императором», в то время как папа римский, наоборот, горячо протестует против прибавки к его титулу уточнения «римский», полагая себя наместником самого святого Петра и, следовательно, папой всех христиан, независимо от их местонахождения. Наконец протокол встречи был согласован и удалось обговорить не только все допустимые формулировки, но и все недопустимые тоже. Участники будущей встречи притирались друг к другу деликатно и осторожно, как спаривающиеся дикобразы.

Даже место встречи потребовало многократных обсуждений. Но в результате встреча состоялась у моря такой синевы, что и не снилось языческим королям Севера: на берегу Адриатики, омывающей Италию и Грецию, там, где один из могущественнейших римских императоров когда-то построил дворец для отдыха, в Салонах Диоклетиана, которые проникшие в регион славяне уже переименовали в Сплит.

Под конец, после нескольких дней изнурительных церемоний оба высших полководца потеряли терпение и выгнали всех своих советников, переводчиков и секретарей. Теперь они сидели на балконе, любуясь морем. Здесь же стоял кувшин с терпким тягучим вином. Все серьезные вопросы были решены, в данный момент целая армия переписчиков золотыми и пурпурными чернилами готовила нужное количество копий обширного договора. Единственное препятствие могло возникнуть лишь со стороны церковных иерархов, которые уединились, чтобы поговорить о своем. Каждому из двоих его светский коллега и спонсор дал строжайшие указания избегать осложнений. Ведь у церкви, растолковал император Бруно своему ставленнику папе Иоанну, могут быть неприятности похуже, чем расхождения по поводу истинной природы принятого на Никейском соборе Символа Веры.

Итак, императоры сидели себе, прислушиваясь, не возвращаются ли церковники, и обсуждали свои личные дела,

как монарх с монархом. Возможно, каждый из них впервые так свободно и непринужденно говорил на эти темы. Беседа шла на латыни, которая ни для одного из них не была родным языком, зато позволяла общаться без посредников.

— Итак, у нас много общего, — задумчиво протянул греческий басилевс. Выбранное им тронное имя, Василий I, свидетельствовало о полном отсутствии воображения, что при его биографии было неудивительно.

— *Hoc ille*, — согласился Бруно, император римлян, как он себя называл, хотя на самом деле это были франки, итальянцы и, в большинстве своем, германцы. — Так оно и есть. Мы люди новые. Конечно, у меня много знатных предков. Но я не из рода Шарлеманя.

— Ну, я тоже не из династии Льва, — подхватил басилевс. — Поправь меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, из рода Карла Великого уже никого не осталось.

Бруно кивнул:

— По мужской линии никого. Некоторых, например Карла Лысого, убили свои же вассалы за неудачливость в войнах. Об остальных мне пришлось позаботиться самому.

— И сколько их было? — поинтересовался Василий.

— С десяток. Мне было тем проще, что они не отличались друг от друга даже по именам. Луи Заика, Луи Германский. У каждого по три сына, но имена все те же: одни Карлы, Луи да Карломаны. Ну и еще кое-кто. Однако не совсем верно, что из рода Шарлеманя никого не осталось. У него есть праправнучки. Когда-нибудь, когда я улажу остальные дела, я женюсь на одной из них.

— И твое положение упрочится.

Выражение на непреклонном, закаменевшем лице Бруно стало еще более суровым. Он встал со стула и потянулся за оружием, с которым никогда не расставался, невзирая ни на какие дипломатические протоколы, — копье с наконечником в форме листа, в котором сиял заново инкрустированный золотой крест, с ясеневым древком, едва заметным под золотыми и серебряными накладками. Бруно расправил гориллообразные плечи, стукнул древком копья в гладкий мраморный пол.

— Нет! Мое положение уже не может быть прочнее. Потому что именно я — владелец Святого Копья, копья, которым германский центурион Лонгинус пронзил сердце нашего распятого Спасителя. Кто держит это копье, тот и есть наследник Шарлеманя, по праву большему, чем право крови. Я обрел это копье в битве с язычниками и снова вернул в христианский мир.

Бруно почтительно поцеловал копье и с нежностью поставил его рядом с собой. Телохранители, насторожившиеся на своих постах, расслабились и слегка улыбнулись друг другу.

Басилевс задумчиво кивнул. Он узнал две вещи: во-первых, этот странный выходец с франкских окраин верит в собственные басни, а во-вторых, все, что о нем рассказывали, оказалось правдой. Такому человеку не нужны телохранители, он и сам может за себя постоять. Как это похоже на франков, выбрать своим королем самого сильного в поединках, не стратега, а просто воина. Впрочем, этот может оказаться и стратегом тоже.

— А ты, — в свою очередь поинтересовался Бруно, — ты... э-э, лишил трона своего предшественника Михаила Пьяницу, как его прозвали. Я знаю, что у него не осталось детей, которые могли бы начать смуту.

— Ни одного, — отрывисто подтвердил Василий, и его бледное лицо с черной бородой залила краска.

Лев считается вторым сыном Василия, но на самом деле он прижит от Михаила Пьяницы — сообщили Бруно его шпионы. Василий убил своего повелителя за то, что тот наставил ему рога. Но грекам в любом случае необходим император, который способен сохранить трезвость, пока выводит войска на битву. На греков нападают славяне и болгары, а с востока по рекам подбираются викинги. Не прошло и двадцати лет, как флот викингов угрожал Константинополю, который они называют Византией. Почему Василий оставил Льва в живых, неизвестно.

— Итак, мы новые люди. И никто из старых не бросит нам вызов. Но у нас много врагов. У нас и у всего христианского мира. Скажи-ка мне, — попросил Бруно, и его лицо напряглось, — в ком ты видишь самую страшную угрозу нам, Христу, Церкви? Я имею в виду твое личное мнение, а не мнение твоих полководцев и советников.

— Для меня это простой вопрос, — сказал Василий, — хотя мой ответ может показаться тебе неожиданным. Ты зна-

ешь, что твои враги, варвары с Севера, которых вы зовете викингами, поколение назад привели свои корабли к самой Византии?

Бруно кивнул.

— Когда я узнал об этом, то очень удивился. Не думал, что они смогут пройти через Внутреннее море. Но твой секретарь сказал мне, что они этого не делали, они каким-то образом провели свои корабли по рекам Востока. Ты считаешь, величайшая опасность исходит от них? Я так и думал...

Поднятая рука остановила его.

— Нет. Я не считаю, что эти люди, при всей их кровожадности, являются главной опасностью. Знаешь, ведь мы купили их с потрохами. Простой люд думает, что неприятеля остановила Дева Мария, но я-то помню переговоры. Нам пришлось отдать им немножко нашего золота. Мы разрешили им бесплатно посещать наши городские бани! Тут уж они не устояли. Мне они кажутся жестокими и жадными детьми. Это несерьезно. Нет, подлинная опасность исходит не от этих бесхитростных язычников, деревенских недорослей. Она исходит от приверженцев Мухаммеда, — Василий потянулся за вином.

— Я пока не встречал ни одного, — признался Бруно.

— Они появились из ничего. Двести пятьдесят лет назад эти поклонники ложного пророка вышли из пустыни. Разрушили Персидскую империю. Отобрали у нас все африканские провинции и Иерусалим. — Басилевс наклонился поближе. — Захватили южный берег Внутреннего моря. С тех пор на этом море не прекращается война. И пока мы ее проигрываем. Знаешь почему?

Бруно покачал головой.

— На галерах все время нужна вода. Гребцы пьют ее больше, чем рыбы. Тот, кто владеет береговыми колодцами, владеет и морем. А значит, и островами. Они заняли Кипр, остров Венеры. Потом Крит. Покорив Испанию, они дотянулись до Балеарских островов. Сейчас их флот снова тревожит Сицилию. Если они захватят и ее, что тогда будет с Римом? Видишь, мой друг, они угрожают и тебе. Давно ли их армия стояла у ворот вашего Святого города?

Распахнувшиеся двери, шум голосов и топот ног возвестили императорам, что беседа папы и патриарха закончилась и

пора снова соблюдать церемониал переговоров. Бруно терялся в поисках ответа. «Василий — человек Востока, — думал он, — как и папа Николаус, которого мы убили. Он не понимает, что предназначение находится на Западе. Он не знает, что народ Пути — уже не те жадные недоросли, которых подкупали во времена его отца. Они страшнее даже арабских последователей лжепророка, потому что их пророк живет с ними, этот одноглазый, которого мне следовало убить, когда мой меч был у его горла.

Но спорить, наверно, не стоит. Басилевсу нужны мои береговые базы, а мне — его флот. Не для войны с арабами, просто чтобы перевезти моих копейщиков через Ла-Манш. И пускай он даже обстряпает сперва свои делишки. Ведь у него есть то, чего нет у людей Пути...»

Императоры встали, церковники подошли к ним, все улыбались. Поклонившись, заговорил кардинал Гюнтер, тот, что некогда был кельнским архиепископом. Родной для него и Бруно нижненемецкий диалект не понимали ни папа, ни патриарх, ни греки, ни итальянцы. Одновременно с ним кто-то из людей патриарха завел речь на простонародном греческом, очевидно с такой же целью.

— Все решено. Они согласились, что мы имеем право добавить к формулировке Символа Веры слова «и Сын» — совсем другое дело! — если только не будем выводить из этого заключение о двойном сошествии Святого Духа. Нашему дурачку-итальянцу заявили, что он должен отозвать своих епископов с болгарских земель и позволить святому Кириллу обучать славян письму и чтению. Мы сошлись на том, что следует осудить предыдущего патриарха Фотия Книжника. Все решено.

Бруно повернулся к Василию, чей секретарь тоже закончил отчет. Властители одновременно улыбнулись, протягивая друг другу руки.

— Мои базы в Италии, — сказал Бруно.

— Мой флот освободит Сицилию. А потом и все Внутреннее море, — ответил Василий.

А потом Атлантику, подумал Бруно, но придержал язык. В конце концов, он сможет отделаться от греков и их басилевса раньше. Как только Бруно или его агенты раскроют секрет оружия, благодаря которому Константинополь не-

приступен с моря. Секрет, которого не знает никто на Западе, ни римляне, ни германцы, ни люди Пути.

Секрет греческого огня.

Глава 2

Халим, эмир на флоте возлюбленного Аллахом ибн-Тулуна, халифа Египта, недавно добившегося независимости от дряхлого Багдадского халифата, не испытывал тревоги, выводя в море сотню своих галер в самые темные часы перед рассветом. В ту пору, когда острый глаз уже сможет отличить белую нить от черной, его муэдзин призовет верующих на молитву, выкрикнув традиционный зачин:

Аллах велик!
Нет бога, кроме Аллаха,
И Мухаммед — пророк Его.

И так далее, напев, который Халим услышал и подхватил сорок тысяч раз, с тех пор как стал взрослым мужчиной и воином. Он и его люди расстелят на качающихся палубах свои молитвенные коврики, и начнут *rakat*, предписанный обряд молитвы. Лишь гребцы не бросят весел, будут поддерживать стремительный бег арабских галер. Потому что гребцы — христиане, рабы, захваченные в плен во многих выигранных битвах. Халим не сомневался в исходе нынешней. Воины у него сытые и отдохнувшие, гребцов заменили новыми и дали им вволю воды. К концу лета разрозненное сопротивление румейцев будет, как всегда, подавлено. На этот раз вся Сицилия вернется под власть его повелителя и под власть *Dar al-Islam*, Дома Покорных воле Аллаха.

В тот самый момент, когда началась *salat*, ритуальная молитва, Халим услышал крик впередсмотрящего:

— В море корабли! Корабли с огнями!

Неожиданность разозлила Халима, но не удивила и не встревожила. Христиане, эти приверженцы ложных богов, за долгие годы изучили обычаи противников и время от времени пытались использовать свои знания. Но они просчитались, надеясь выиграть преимущество таким способом. Во время битвы за веру пропустить час молитвы вполне допустимо, это даже ставится в заслугу. Молитва подождет. А если

румейцы пытались застать воинов Аллаха врасплох, они тем самым лишь приблизили свой неминуемый конец.

Халим крикнул кормчему, чтобы разворачивал галеру в сторону приближающихся огней, услышал, как надсмотрщик приказал гребцам левого борта поднять весла, а затем набирать ход для таранящего удара. Корабль Халима был построен по образцу древних галер, которые владычествовали на просторах Средиземного моря — невежественные румейцы называли его Внутренним — еще во времена эллинских философов, задолго до того, как пророк Иешуа, сын госпожи Марьям, взбудоражил мир своими идеями. Узкий и длинный, с невысокими бортами корабль нес в укрепленной передней части обитый железом таран, а над скамьями гребцов проходили мостки, чтобы воины могли перебегать к нужному борту.

Но Халим полагался не только на таран. Его повелитель Ибн-Тулун по происхождению был не араб, а тюрк из степей Центральной Азии. На каждую галеру он поместил по дюжине своих соотечественников. Выстроившись вдоль бортов, тюрки подтягивали тетивы своих луков: это были наборные луки Центральной Азии, с деревянными планками в середине, с сухожилиями на внешней стороне — той стороне, куда лук выгибается, когда не натянута тетива, — с жесткими роговыми пластинами на внутренней стороне, проклеенные и собранные с фанатической аккуратностью. Халим не раз видел, как их стрелы разили не успевших приблизиться румейцев, ведь те из своих слабеньких деревянных луков за сотню ярдов не могли пробить даже слой прочной кожи.

Когда огни стали ближе, Халим понял, что идущие на таран корабли выглядят не так, как он ожидал. Их носовые части были красного цвета, невиданно высокие, и вдоль бортов виднелись не румейские распятия, а позолоченные картинки — иконы.

Значит, это не сицилийский флот и не флот их римского святого отца, это Красный флот византийцев, о котором Халим знал только понаслышке. Он почувствовал, как что-то шевельнулось в его сердце — не страх, невозможный у приверженца истинной веры, и даже не удивление, но какое-то мучительное недоумение: откуда здесь взяться византийскому флоту, за пятьсот миль от баз, много дальше самого даль-

него перехода галеры? И озабоченность — о такой новости его повелитель должен узнать без промедления.

И узнает. Халим подал рулевому знак не идти на атакующий корабль лоб в лоб, а слегка отвернуть, уповая на лучшую, чем у противника, маневренность, и, когда суда сблизятся, пройти напролом вдоль ряда вражеских весел, одновременно разя врагов смертельными залпами тюркских лучников, каждый из которых может выпускать по стреле в секунду и никогда не промахивается. Халим пробежал на мостик правого борта и обнажил саблю — не для рубки, а чтобы воодушевить своих людей.

В его плане есть одно опасное место. Пока он будет разворачиваться, греки, если поторопятся, могут разогнаться и ударить тараном в борт, пробив его ниже ватерлинии, сразу же отгрести назад и стряхнуть с себя тонущую галеру, команде которой придется барахтаться в воде, а прикованным гребцам — в отчаянии идти на дно.

Но рабы тоже знали об этом. Когда до белого носового буруна византийского корабля не осталось и пятидесяти ярдов, гребцы правого борта затабанили, а на левом борту изо всех сил налегли на весла. Затем оба борта обменялись быстрыми взглядами, чтобы попасть в такт, и галера рванулась вперед, как будто гребцы целый день отдыхали. Лучники подняли луки и наметили цели среди видневшихся над планширом греков.

Что-то странное возвышалось в середине византийского судна. Халим не мог разглядеть детали, но видел куполообразную металлическую конструкцию, освещенную не только лучами восходящего солнца, но и горевшим под ней пламенем. Над морем, перекрывая плеск весел и пение труб, разнесся громкий, напоминающий рев огромного зверя звук, перешедший в пронзительный сверхъестественный свист. Халим увидел, что два грека бешено качают рычаг, а еще двое разворачивают над бортом какой-то хобот.

Греческие корабли и греческий огонь. Халим слышал об этом оружии, но никогда не видел его в действии. Из тех, кто видел, немногие уцелели, чтобы рассказать о нем. И все-таки Халим знал одну полезную вещь — если тех, кто разводит греческий огонь, убить или как-нибудь отвлечь, оружие становится не менее опасным для самих греков.

Халим отчаянно выкрикнул приказ тюркским лучникам, горько сожалея, что не может предостеречь всю сотню галер, ринувшихся вслед за ним, чтобы атаковать, как теперь было видно, всего-то два десятка греческих кораблей.

Когда полетели первые стрелы, Халим перевел дух, но на греческом корабле свист уже перешел в оглушительный визг, там отдали какой-то приказ. Халим увидел, что хобот смотрит прямо на него, увидел вырвавшийся клуб дыма и ослепительное сияние. И вдруг огонь охватил все вокруг, выжигая глаза и обугливая кожу, так что Халима со всех сторон сжали тиски мучительной боли. Пытаясь закричать, он набрал полные легкие пламени. Уже проваливаясь в тот костер, что недавно был его флагманской галерой, Халим услышал одновременный агонизирующий вопль сотни рабов и в последнем проблеске сознания воспринял его как приветствие входящему в рай воину Аллаха.

* * *

Посланные на поиски суда Тулунидов, тщательно прочесав место, где каких-то три дня назад находился их флот, не смогли обнаружить никаких объяснений загадочного исчезновения, кроме обугленных обломков и обезглавленного трупа мусульманина, который выжил в огне, но предпочел смерть христианскому крещению. А также одного раба, все еще прикованного к своему бревну, которое он с яростью отчаяния вырвал из тонущей галеры. Несчастный сошел с ума от жажды, но то, о чем он хрипел, заставило поисковые суда без промедления повернуть к египетскому берегу.

Вести о катастрофе не смогли обогнать флот, который ее вызвал. Через неполных две недели Махмун ибн-Халдун, главнокомандующий правоверных на недавно завоеванном острове Мальорка, мог лишь угрюмо наблюдать с берега, как византийский флот, небрежно отмахнувшись от попыток противодействия со стороны сухопутных сил, проходит вдоль стоящих в сотне футов от береговой черты кораблей некогда могучего флота вторжения и не спеша плюется своим пламенем Иблиса. Армия Махмуна высадилась несколько месяцев назад, чтобы завоевать весь остров, и на галерах оставались только вахтенные да охрана на случай вылазок противника. Когда на горизонте показался вражеский флот, немногочис-

ленная морская стража тут же забыла о воинском долге, стремглав помчавшись на челноках к берегу. Махмун потерял немногих, казненных за отступление без приказа оказалось больше. И все-таки главной потерей были корабли.

Однако Махмун не слишком отчаивался. В тылу у него лежал большой и плодородный остров с приведенным к полной покорности населением. Закрома ломились от зерна, оливок, вина и мяса, и при необходимости можно было неограниченно долго продержаться на том, что давал сам остров. А главное, у него было то, что для любого араба важнее даже дыхания: у него была вода. Плюющиеся огнем византийцы скоро вынуждены будут подойти к берегу за водой. Ни один галерный флот без нее долго не обходится. Должно быть, запас воды у них уже кончается, ведь они сделали такой долгий переход со своих баз на греческих островах.

«Но что-то здесь не так, — отметил про себя Махмун. — Если греки действительно совершили переход через все Средиземноморье, запас воды у них не просто кончается, он должен был уже кончиться много-много дней назад. Значит, все было по-другому. Они недавно подходили к какому-то берегу. По моим сведениям, это невозможно. Значит, сведения неверны. Именно здесь и кроется опасность, — решил Махмун. — Где же греки брали воду? На Сицилии? По моим представлениям, Сицилия плотно обложена силами Тулунида, халифа Египта».

Махмун мог испытывать только презрение к варвару Тулуну и его соотечественникам, понабежавшим неизвестно откуда тюркам, сторонникам вероломных потомков Абдуллы. Сам Махмун происходил от Омейядов из племени курейши, он и его близкий родственник — халиф Кордовы — были потомками Абд эр-Рахмана, счастливо спасшегося во время резни в Персии, когда там свергли власть Омейядов. И тем не менее, пусть египтяне любят его не больше, чем он их, все-таки удивительно, что до него не успели дойти хоть какие-то слухи о событиях на Сицилии: ведь не в обычае у белотелых приверженцев пророка Иешуа, которого они ошибочно называют Христом, действовать так стремительно.

Ему необходимо узнать свежую информацию. Каким бы ни было истинное положение дел, эти суда на глади залива Пальма, вне всяких сомнений, вскоре постараются найти тот

или иной неохраняемый источник пресной воды. Вне всяких сомнений, они надеются, что он, Махмун, не в состоянии охранять каждый фут береговой линии этого скалистого острова. Но на этот раз их очередь ошибаться.

Безучастно отвернувшись в последние минуты гибели флота, Махмун заметил какую-то заварушку во внешнем кольце своей стражи. Неизвестный юноша боролся сразу с двумя стражниками и сердито кричал. Сердито, но не испуганно. Махмун подал знак начальнику стражи пропустить незнакомца. Если тому есть что сказать, пусть говорит. Если же он зря потратит время командира правоверных, его посадят на кол, чтоб остальным неповадно было.

Махмун заметил, что сердито одергивающий свою одежду юноша, судя по чертам лица, тоже принадлежит к племени курейши. Ныне большая часть армии состояла из потомков берберов, обращенных в веру испанцев, даже гутов. Махмуну пришлось запретить насмешки над пожирателями свинины, настолько были к ним чувствительны сыновья бывших христиан. Но этот юноша не касался нечистой щетины, был таким же поджарым и смуглолицым, как сам Махмун. И разговаривал он как истинный араб, независимо и без обиняков.

— Командир, люди на тех кораблях — не греки, хоть и стреляют греческим огнем. Вернее, не все они греки. Многие из них — франки.

Махмун задрал бровь:

— Как тебе удалось это разглядеть? Я и то не увидел, а я достаточно зорок, чтобы видеть Всадника на Звезде.

Он подразумевал звезду в Поясе Ориона и совсем маленькую звездочку рядом с ней, различить которую может только самый острый глаз.

Юноша улыбнулся с дерзкой снисходительностью:

— У меня есть вещь, благодаря которой я становлюсь зорче тебя.

Начальник стражи, державшийся рядом с юношей, шагнул вперед, опасаясь, что смельчака того и гляди посадят на кол.

— Господин, этот юноша — Мухатьях, ученик Ибн-Фирнаса.

Махмун, теребя бороду, задумался. Его самого пятьдесят лет назад назвали в честь великого халифа, который основал в Багдаде огромную библиотеку и обитель учености. Образо-

ванных людей он очень уважал, и не могло быть сомнений, что Абу-эль-Касим Аббас ибн-Фирнас на всю Кордову славен своими знаниями и многочисленными учеными опытами. Уже спокойней Махмун предложил:

— Тогда покажи нам, в чем мудрость твоего наставника.

Снова улыбнувшись, юный Мухатьях вытащил из рукава предмет, похожий на завернутую в кожу длинную бутылку.

— Знайте же, — сказал он, — что мой наставник с годами утратил ясность взора и мог видеть только то, что находится дальше вытянутой руки. Он долгие годы постигал науку, как плавить стекло и какие минералы для этого брать. Однажды ему посчастливилось открыть, что, глядя через прозрачный камень особой формы, он видит то, что прежде было слишком близко для его глаз. И уже не случайно, а намеренно он потратил много дней на опыты и определил форму стекол, которые действовали так же, как тот камень, — отдаляли предметы и вернули ему радость общения с книгами.

— Но эти стекла отдаляют предметы, — заметил Махмун, — а нам надо наоборот.

И снова юноша улыбнулся, искушая главнокомандующего наказать его за самоуверенность.

— А вот что открыл я, Мухатьях. Если взять не одно, а *два* стекла и смотреть через них друг за другом, то далекое покажется близким.

Махмун задумчиво взял кожаную трубку из рук юноши, не обращая внимания на его встревоженный взгляд и торопливые пояснения. Он поднес ее к глазам, подержал и опустил.

— Я вижу только крошечных букашек.

— Не так, могущественный господин, — впервые юноша проявил невыдержанность. Вот так всегда с этими учеными, хмуро подумал Махмун. Их больше всего страшит не угроза смерти, а то, что не получится похвастать своими достижениями. Он позволил юноше взять у себя из рук кожаную бутылку, тот перевернул ее и приставил к глазу горлышком.

— Вот, господин. На палубе переднего судна я вижу грека с кудрявой бородой, он стоит около религиозной картинки.

Лицо Махмуна исказилось отвращением, он благочестиво сплюнул, чтобы очиститься от скверны, каковой являются изображения и статуи богов.

— А рядом с ним стоит светловолосый франк, весь в металлических доспехах. Они спорят и указывают руками в разные стороны.

— И что они говорят?

— Но мое приспособление только для того, чтобы видеть, а не чтобы слышать.

— Ладно, — Махмун подал знак начальнику стражи. — Переведи юношу из его полка в свой. Если мне понадобится его искусство, я пошлю за ним. А если и нет, все равно в испанской армии умных людей меньше, чем храбрых. Мы должны беречь его. И вот что, Мухатьях, если ты заранее скажешь мне, где греческий *amiral* собирается пристать к берегу за водой, я наполню твой рот золотом. Но если ты ошибешься, золото будет расплавленным.

Он отвернулся, созвал к себе тысячников — командиров полков. Юноша принялся настраивать свою зрительную трубу, то прижимая к самому глазу, то чуть отстраняя.

* * *

Время от времени прерывая свой невнятный рассказ, местный крестьянин испуганно озирался по сторонам. У него были причины бояться. Когда он увидел, что из-за мыса выходит флот огромных красных галер, которые, как он знал, до основания сожгли суда мусульманских захватчиков, он понял, что моряки ищут пресную воду, и быстро сообразил — кто бы они ни были, враги Мухаммеда должны оказаться друзьями. Поэтому, когда греки высадились и встали лагерем, Педро подкрался поближе, убедился, что в стане высятся распятия и иконы, затем робко и осторожно вышел к постам, чтобы предложить свои услуги — он надеялся на вознаграждение, которое спасет его от голодной смерти. И надеялся на отмщение безжалостным смуглолицым захватчикам, которые забрали его жену, сына и дочерей.

Однако крестьянин Педро вовсе не рассчитывал встретить таких загадочных и грозных союзников. Уроженец Мальорки не сумел объясниться ни с греческими моряками, ни с немецкими воинами. Его передавали с рук на руки, пока не нашелся говоривший на латыни священник. С трудом и с запинками он и крестьянин смогли понять друг друга, ведь диалект Мальорки — не что иное, как древняя вульгар-

ная латынь, которую безграмотные местные жители искажали бог весть сколько поколений.

Подобные трудности Педро предвидел. Но он и думать не мог, что встретит таких людей, как, например, сердитый воин, уставившийся на священника и его измученного собеседника.

Агилульф, рыцарь ордена Копья, старинный боевой товарищ самого императора Бруно, ныне откомандированный на войну с маврами, возвышался на целый фут и над священником, и над крестьянином. Его рост казался еще большим из-за железного шлема с забралом и черным, указывающим на немалый чин плюмажем. Однако крестьянина сбивал с толку не сам человек, а его амуниция. Казалось, Агилульф с головы до пят сделан из железа. Кроме шлема, на нем была кольчуга до колен, поножи, а внизу — латные сапоги. Железные бляхи усеивали рукавицы и железным было окаймление длинного щита, всаднического щита классической формы, который в атаке защищает левую ногу копейщика; но Агилульф носил его и пешим, словно тяжесть щита ничего для него не значила. Как и жара. Под железом на нем была кожаная одежда, чтобы сочленения лат не впивались в тело, и белье из конопли, хорошо впитывающей пот. А послеполуденный зной на Балеарских островах даже весной был таков, что пот заливал ему все лицо и стекал на бороду. Но Агилульф, казалось, этого не замечал, словно обращать внимание на неудобства было ниже его достоинства. Крестьянину, который в жизни своей не видел больше железа, чем пошло на обивку лемеха его примитивного деревянного плуга, этот германец казался выходцем из другого мира. Нарисованный на щите крест служил слабым утешением.

— Что он говорит? — вмешался Агилульф, которому надоели их медлительные переговоры на непонятном языке.

— Он говорит, что в полумиле отсюда есть ручей, где мы можем набрать сколько угодно воды. Но еще он говорит, что мусульмане знают об этом ручье и тоже им пользуются. И что они нас наверняка уже видели. Главные силы захватчиков стоят меньше чем в десяти милях. Он говорит, они налетают как ветер. Так он и потерял свою семью: в деревне никто даже не знал, что на берег высадились враги.

Агилульф кивнул. Он не выказал страха, который ожидал увидеть крестьянин.

— Он знает, сколько у мусульман людей?

Священник пожал плечами.

— Говорит, «тыща по десять тыщ». Это может означать все, что больше сотни-другой.

Агилульф снова кивнул.

— Ладно. Дай ему хлеба и бутыль вина и отпусти. Я думаю, что в этих горах прячется еще много таких, как он. Объяви: когда мы разобьем врага, за головы мусульман будет выдаваться награда. Пусть крестьяне добивают разбежавшихся.

Агилульф отвернулся и приказал отрядить людей за водой. Греческие моряки, которые на суше чувствовали себя неуютно, стали, как обычно, спорить, убежденные, что из леса вот-вот выскочит орда *ghazi*, газиев, и всех зарежет. Агилульф выждал момент и объяснил свой план командиру греков.

— Конечно, они на нас бросятся, — заговорил он. — На рассвете. Мои арбалетчики и твои гребцы несколько минут смогут держать фронт. А потом я с моими рыцарями и послушниками Ордена нападу на них сзади. Жалко, что у нас нет лошадей, наша атака была бы стремительней. Но результат все равно будет тот же самый.

Командир греков поглядел вслед удаляющемуся закованному в сталь человеку. Франки, подумал он про себя. Неотесанные, безграмотные, провинциальные еретики. С чего это они вдруг сделались такими самоуверенными? Они идут с Запада, как приверженцы Мухаммеда пришли с Востока двести лет назад. И еще неизвестно, кто из них хуже — франки или не пьющие вина и делающие обрезание?

* * *

На рассвете, когда его люди вышли на исходный рубеж, Махмун не стал скрывать приготовлений к атаке. Он сосчитал вражеские корабли: не будет и двух десятков. Как ни набивай на них людей, они, самое большее, могут нести две тысячи человек. У Махмуна десять тысяч. Пришло время отомстить за гибель флота. Махмун знал, что греческий огонь нельзя перенести на землю. А больше он ничего не боялся. Он позволил муллам созвать верующих на утреннюю молитву, *salat*, не заботясь, что их услышит противник, и первым приступил к

обряду. Затем обнажил саблю и приказал своим тысячникам начинать битву.

Солнце взошло, и полчища правоверных устремились вперед, используя тактику, которая приносила им победу за победой над армиями христиан: в Испании, во Франции, на Сицилии, у ворот самого Рима. Неровная волна бегущих воинов с мечам и копьями, без привычных на Западе щитов и тяжелых доспехов, но испытывающих презрение к смерти и воодушевленных мыслью, что павший в бою за веру вечно будет наслаждаться с гуриями рая.

Махмун знал, что христиане заготовили какую-нибудь хитрость. Иначе бы они не осмелились стать лагерем на суше. Он видел много их уловок, все они были бесполезны. И когда неожиданно из-за частокола высунулась вереница голов в шлемах и ряд нацеленных арбалетов, Махмун не был захвачен врасплох. Главнокомандующему не доводилось раньше слышать металлического клацанья взводимых арбалетов, и он не без интереса наблюдал, как его передние воины падали, сбитые с ног ударами выпущенных с близкого расстояния арбалетных болтов. Оружие против доспехов, понял он, извечный порок тактики франков: стремятся убить врага, а сами умирать не хотят. Что бы это ни было за оружие, перезаряжать его придется долго. А правоверные уже рвались вперед, добрались до невысокого частокола, начали рубить и колоть оборонявшихся. Махмун услышал, как его муллы выкрикивают ритуальные проклятья на головы тех, кто создает ложных богов. Он не спеша двинулся вперед, ожидая, что сопротивление сейчас будет сломлено.

Начальник стражи тронул его за руку, молча показал назад. Махмун нахмурился. Вот оно что, еще одна уловка! Из каменистой лощины на его левый фланг, охватывая его войска широкой дугой, словно отрезая ему путь к отступлению — это он-то отступит! — надвигались враги.

Железные люди. Стальные отблески на их оружии, доспехах, щитах, даже на руках и ногах. Их было немного. Всего-то две шеренги длиной ярдов по двести. Они медленно приближались. Отчего они выглядят так странно? Потеребив бороду, Махмун понял, что они одинаково вооружены и одинаково держат свое оружие, даже выровняв его под одним и тем же углом: короткую пику в правой руке и продолговатый щит в

левой. Неужели среди них нет ни одного левши? Как можно заставить людей шагать таким строем, словно они не люди, а механизмы, такие же единообразные, как лопатки *noria*, водяного колеса? Не веря своим глазам, Махмун убедился, что каждый воин выбрасывает свою ногу вперед одновременно с товарищами, так что весь строй двигался как одно целое, будто многоногая тварь. До Махмуна доносился зычный голос, выкрикивающий что-то на варварском языке франков, многократно повторяемое *«Links! Links! Links und links!»* При каждом слове франки дружно топали левыми ногами.

Махмун опомнился, послал гонцов вернуть часть людей, атакующих частокол, собрал вокруг себя полк стражи и, обнажив саблю, лично повел его в атаку на железных воинов. Через несколько мгновений его люди вернутся, окружат вышедших на открытое место франков, накинутся на них со всех сторон. Тяжело дыша, потому что пережил уже пятьдесят зим, он подбежал к неторопливо надвигающейся шеренге, ударил по железному воину своей саблей из лучшей толедской стали.

Оказавшийся напротив него немец, не рыцарь и не риттер, а простой послушник Ордена Копья, не обратил внимания на удар и лишь подставил под него навершие шлема. Он думал только о том, чтобы держать шаг, не выбиться из строя, выполнить приемы муштры, вбитые в него фельдфебелем. Шаг левой, ударь человека перед собой щитом, отбрось его назад. Шаг правой, коли пикой. Но не перед собой, а справа от тебя. Идущий слева от тебя *bruder* Манфред убьет человека перед тобой, а ты убьешь человека перед *bruder*'ом Вольфи, что идет в строю справа от тебя. Коли в подмышку, когда он замахивается оружием. Шаг левой, бей щитом, шаг правой, коли пикой.

Махмун нанес один-единственный удар по неверным и погиб — от удара, который он так и не заметил. Его полк стражи перебили и затоптали, даже не сбившись с ноги. Волна газиев, вернувшихся от частокола и обрушившихся на железных людей, не прорвала строй и не заставила его отступить, она была встречена в упор и скошена как косой. В ответ на боевые кличи и призывы к Аллаху слышались только хриплые голоса фельдфебелей:

— Левой! Левой! Эй, там, выровнять строй! Сомкнуться,

сомкнуться! Вторая шеренга, пики вниз, Хартман, коли его еще раз, он только ранен. Правое плечо вперед!

Когда пыль над полем грозной сечи поднялась столбом, Мухатьях, который и не подумал идти вслед за Махмуном и его гвардией навстречу славной смерти, услышал, как удивительные франкские воины-машины размеренно ухают, словно грузчики, которым достался тяжелый груз. За частоколом франкские арбалетчики приготовили второй залп, а легковооруженные греческие моряки высыпали наружу, чтобы гнать деморализованного и окруженного противника на смертоносные шеренги железных людей.

Обязанность ученого — обретать знание и передавать его, размышлял Мухатьях, прыгая среди камней и редких в горах кустарников. Некоторые из худородных воинов последовали его примеру, в основном берберы и готы. С дюжину их он собрал вокруг себя, для защиты от местных крестьян, которые не упустят случая отомстить за разоренные поля и угнанные в рабство семьи. Ему подчинялись, благодаря его одежде и чистейшему арабскому выговору курейшита.

Где-нибудь на острове должна найтись лодка. Он сообщит новости своему учителю Ибн-Фирнасу. И самому халифу Кордовы. Но лучше сначала переговорить с учителем. Мудрее будет появиться не в качестве беглеца с поля боя, а в качестве человека, рисковавшего жизнью, чтобы узнать истину. На безопасном удалении Мухатьях обернулся, достал подзорную трубу и устремил взор туда, где Агилульф руководил бесстрастным уничтожением множества воинов, стиснутых среди врагов так, что не поднять руки, защищаясь от пики и топора.

Железные франки, подумал Мухатьях. И греческий огонь. Чтобы противостоять всему этому, недостаточно одной только смелости газиев.

* * *

Далеко на севере король Шеф в своем сне ощутил предупреждающий укол и ледяную волну, затопившую его высокую кровать с матрасами. Он заметался во сне, как пловец, пытающийся выскочить из воды при виде акулы. И так же безуспешно. За долгие годы Шеф научился распознавать, какого рода видение будет ему ниспослано.

Это будет одним из худших: не тем, в котором он парит над землей, словно птица, или видит давние события человеческой истории, а таким, где душа его опускается в нижнюю обитель богов, в мир Хел, за решетку Гринд, что отделяет мир мертвых от мира живых.

Он опускается все ниже и ниже, не видя ничего, кроме земли и камней, в ноздри ударяют запахи праха. Однако какое-то чувство подсказывает ему, что он направляется в место, которое видел раньше. Видел мельком. Это место не для простых смертных.

Тьма не рассеялась, но возникло ощущение окружающего пространства, как будто он попал в гигантскую пещеру. Оттуда пробивается свет или какие-то отблески. Вряд ли его отец и небесный покровитель отпустит его, не показав что-нибудь.

И вдруг тени приобрели очертания. Одна из них внезапно бросилась ему в лицо, выскочила из темноты с шипением, в котором было столько ненависти, что оно переходило в визг. Шеф конвульсивно дернулся в постели, стараясь отпрянуть. Слишком поздно, его взор разглядел голову уставившегося на него чудовищного змея. Змей снова бросился, его ядовитые зубы щелкали в каком-то ярде от лица.

Змей прикован, понял Шеф. Он не может дотянуться. Змей бросился еще раз, теперь на кого-то другого. И снова не смог дотянуться. Чуть-чуть.

Под собой Шеф теперь видел распростертую в темноте фигуру гиганта. Огромными железными цепями он был прикован к скале. Тело Шефа пробрала дрожь, когда он понял, кого видит перед собой. Ведь это мог быть только Локи, погубитель Бальдра, отец чудовищного отродья, враг богов и людей. Прикованный здесь по приказу своего отца Одина, чтобы муки его не прекращались до Последнего Дня. До дня Рагнарока.

На жестоком лице проступает страдание. Шеф видит, что змей, хоть и не может добраться до своего прикованного врага, клацает ядовитыми зубами в каких-то дюймах от его головы. Яд брызжет прямо в лицо, которое Локи не может отвернуть, разъедает кожу и плоть, разъедает не как яд, а как нечто, чему Шеф не знает названия.

Но что-то в искаженном лице не меняется. Выражение затаенной хитрости, приготовленного обмана. Присмотревшись

внимательней, Шеф видит, что исполин напрягает все силы, непрестанно дергая прочно приделанную к камню окову на правой руке. «Я видел это раньше, — вспомнил Шеф. — И я видел, что крюк почти вырван».

А вот и отец. Кажущийся маленьким по сравнению с Локи и с гигантским змеем, но сохраняющий полное самообладание, не обращая внимания на тянущиеся к нему ядовитые зубы.

— Ты пришел издеваться над моими муками, Риг? — хрипло шепчет Локи.

— Нет, я пришел посмотреть на твои цепи.

Лицо страдающего бога приобрело замкнутое выражение, чтобы не выдать ни страха, ни досады.

— Никакие цепи не смогут вечно удерживать меня. И моего сына, волка Фенриса, не вечно будет удерживать Глейпнир.

— Знаю. Но я пришел, чтобы ускорить дело.

Не веря глазам, Шеф увидел, что его отец, бог ловкости и обмана, достал из рукава какой-то металлический инструмент и, спустившись, начал раскачивать вбитый в скалу крюк, удерживающий цепь от правого запястья Локи. Прикованный бог тоже не мог поверить своим глазам, застыв в неподвижности, пока разъедающий плоть яд не заставил его сморщиться.

Почувствовав, что уже всплывает, возвращается в мир людей, Шеф снова услышал хриплый шепот:

— Зачем ты это делаешь, обманщик?

— Можешь считать, что, по-моему, Рагнарок слишком долго не приходит. Или что я требую для Локи такой же свободы, как для Тора. В общем, есть тот, кого я хочу с тобой познакомить...

Шеф вывалился из забытья, сердце его бешено колотилось. «Меня? — подумал он. — Не меня. Чур, не меня».

Глава 3

Шеф озабоченно следил, как его королевские гости выходят из специально построенного для них дома. Ночной кошмар все еще не давал ему покоя. Казалось, на мир упала мрачная тень. Шеф обнаружил, что даже ступает более легко, более осторожно, словно земля в любой момент может раздаться и сбросить его в мир, который он видел во сне.

Однако все шло своим чередом. Вот его друг и товарищ Альфред, он повернулся на ступенях и ободряюще протянул руки к крепкому малышу, спускающемуся следом. Маленький Эдвард то ли прыгнул, то ли упал в объятья отца. За ними, улыбаясь счастливой материнской улыбкой и прижимая к бедру второго ребенка, шла та, кого Шеф не мог забыть. Его любовь, давно потерянная для него Годива, некогда подруга детства, проведенного в болотной деревушке, ныне всем известная и всеми любимая леди Уэссекс. Гости не могли видеть его в то мгновение, он стоял в тени странного механического сооружения, которое намеревался сегодня опробовать. Он мог наблюдать, оставаясь незамеченным.

Незамеченным теми, на кого он смотрел. Но не его собственными людьми, которые неловко переминались и растерянно глядели друг на друга, видя его молчаливую сосредоточенность.

Он знал, что должен был бы опасаться и ненавидеть своих гостей. И строить планы — если не их убийства, то хотя бы их изгнания. Обезопасить себя от них. Многие поговаривали, хотя не осмелились бы повторить ему это прямо в лицо, что первая обязанность короля — подумать о своих преемниках. Много лет назад, в мрачные дни, когда в Англию вторглись сразу и франки Карла Лысого, и язычники Ивара Бескостного, Шеф и Альфред договорились разделить свою удачу и свои королевства, если когда-нибудь смогут владеть ими. Они также договорились, что каждый будет наследовать другому, если тот умрет, не оставив потомства, и что наследник одного из них в такой же ситуации будет наследовать обоим. В то время этот уговор не выглядел слишком серьезным. Они не знали, доживут ли до следующей зимы, не говоря уж о весне. И Годива ночевала в палатке Шефа, если не в его кровати. Он тогда считал, что коль скоро они выживут, то со временем сами собой вернутся и ее любовь, и его желание.

Он заблуждался. Умри он сейчас, и королевство перейдет к Альфреду. А после того — к смеющемуся карапузу, которого сейчас несут на руках, к маленькому Эдварду. Вице-королям, конечно, будет наплевать на их договор. Никаких шансов, что скандинавские короли Олаф и Гудмунд и любой из дюжины других согласятся подчиниться христианскому мо-

нарху. Сомнительно даже, что жители Мерсии или Нортумбрии признают над собой власть сакса из Уэссекса. Единый Король Севера был еще и единственным в своем роде. Единым Королем больше никого не признали бы.

Шаткое положение. Не станет ли оно исходным толчком для Рагнарока, о котором хотел напомнить ему отец? Шеф должен обзавестись женой и родить наследника как можно скорее. Так считают все. При дворе блистает множество дочерей ярлов и прочих принцесс Севера, не теряющих надежды на малейший знак внимания со стороны короля. Рагнарок или не Рагнарок, но он этого не сделает. Не сможет это сделать.

Выйдя из тени, чтобы поприветствовать своих гостей, Шеф постарался изобразить радостную улыбку. Но даже гости разглядели под ней гримасу боли. Альфред сдержал себя, не бросил взгляд на жену. Альфред давно знал, что Шеф вовсе не любитель мальчиков, как шептал кое-кто, он любит его жену Годиву. Иногда Альфреду очень хотелось, чтобы он смог отдать ее или разделить ее с Шефом. Но если он и допускал подобные мысли, то она — нет. По какой-то причине она с каждым уходящим годом все сильнее ненавидела своего друга детства. Ее неприязнь росла вместе с его успехами: возможно, она задумывалась о том, что могло бы быть.

— Чем ты удивишь нас сегодня? — с фальшиво прозвучавшим смешком поинтересовался Альфред.

Лицо Шефа прояснилось, как это случалось всегда, когда он мог показать какую-то новую штуковину.

— Это телега. Но такая, что в ней могут ездить люди.

— На телегах всегда ездят люди.

— Три мили до рынка и обратно. Ухабы да рытвины мешают ей ехать быстрее пешего, иначе седоки просто вывалятся. Даже на хорошей каменной дороге, которую недавно замостили мы с тобой, — последние слова были чистой лестью, это знали все присутствующие, — было бы невыносимой мукой ехать на разогнавшихся лошадях. Но не на такой повозке. Смотри. — Шеф похлопал по толстой стойке, которая шла вверх от крепления тележной оси. — Эта стойка упирается в упругую полосу. — Он показал на нее.

— Вроде тех полос, из которых ты делаешь арбалеты.

— Точно. К полосе приделаны ремни из крепчайшей ко-

жи. А на ремнях висит вот это. — Шеф похлопал по плетеному кузову, заставив его слегка покачаться. — Залезай.

Альфред осторожно забрался внутрь, уселся на одну из двух скамеек, заметив, что кузов раскачивается, как гамак.

— Леди. — Аккуратно отступив на два шага, чтобы случайно не дотронуться до ее руки или одежды, Шеф пригласил Годиву последовать за мужем. Она забралась в экипаж, отодвинула сидевшего рядом с отцом маленького Эдварда и тесно прижалась к мужу. Шеф тоже сел, взял на руки хнычущего ребенка и усадил рядом с собой на переднее сиденье. Подал знак расположившемуся впереди кучеру, тот щелкнул кнутом, и повозка рывком тронулась в путь.

Когда запряженные в нее четыре лошади разогнались на хорошей дороге до неслыханной скорости, Альфред от неожиданности даже подскочил на своем сиденье — сзади раздался ужасающий скрип, превратившийся в бешеный визг, словно резали свинью. Там виднелось ухмыляющееся лицо с щербатым ртом — лицо, покрасневшее от напряжения, с которым человек дул в волынку.

— Мой тан Квикка. Люди слышат его волынку и убегают с дороги.

И действительно, раскачивающийся на рессорах экипаж уже домчал их до окраины Стамфорда. Альфред заметил, что вдоль дороги то и дело встречаются улыбающиеся керлы и их жены, пришедшие в явный восторг от захватывающей дух скорости. Отставшая королевская свита пустила своих лошадей в галоп, от возбуждения улюлюкая. Годива прижимала к себе дочку, озабоченно поглядывая на Эдварда, которому Шеф, железной рукой ухватив за штаны, не давал перевеситься наружу.

Альфред с трудом перекричал шум:

— Это и есть самое полезное достижение Дома Мудрости?

— Нет, — крикнул в ответ Шеф, — их много. Вон там еще одно, сейчас покажу тебе. Стой, Озмод, — закричал он кучеру, — остановись ради Бога, я хочу сказать, ради Тора, остановись. Ты что, не слышишь?

На повернувшемся лице тоже играла улыбка:

— Извините, сударь, но лошади чего-то испугались, похоже, такой скорости.

Альфред поглядел с неодобрением. Королевский двор в Стамфорде был странным местом. Альфреда и самого прозвали в народе *Esteadig*, Милостивый, за его доброту и широту взглядов. Тем не менее его таны и ольдермены обращались к нему не без должного уважения. А с его соправителем даже керлы частенько разговаривали так, будто они его школьные друзья и вместе воруют яблоки; что же касается Квикки и Озмода, то сколько ни называй их танами, но их лица и тела сохранили следы рабского происхождения. Еще не так давно единственное, что могло бы связывать их с королями, — это монарший приговор, зачитанный им перед казнью. Правда, как Квикка, так и Озмод участвовали в невероятном путешествии Единого Короля по странам Севера, и поэтому им прощались многие вольности. И все же...

Единый Король уже выпрыгнул из повозки, оставив ее дверцу открытой, и направился к группе крестьян рядом с дорогой, копающихся в глубокой грязи. Они оставили свое занятие и с уважением поклонились. Однако и на этих лицах гуляла улыбка.

— Понимаешь, что они делают? Что труднее всего сделать при расчистке нового поля? Нет, не вырубить деревья. С хорошим топором деревья любой дурак вырубит. Нет, главное — выкорчевать пни. Раньше крестьяне старались срубить дерево поближе к земле, а потом начинали выжигать пень. Это долго, к тому же дуб, ясень и вяз могут пустить новые побеги, даже когда от них ничего не остается. А вот как мы делаем теперь. — Шеф ухватился за длинную рукоять, торчащую из сложного механизма с железными шестернями и блоками. — Канат привязываем к самому крепкому пню на поле. Другой конец накидываем на самый слабый пень. Затем налегаем всем весом. — Шеф сопровождал свои слова соответствующими действиями, качнув рукоять храповика назад, а потом опять вперед и так несколько раз. В двадцати ярдах от него из земли с ужасающим треском полез пень. К рычагу подскочил какой-то керл, стал помогать королю. Рывок за рывком пень вытащили наружу к общей радости керлов и наблюдающей свиты.

Король вытер грязные руки о серые рабочие штаны, подал знак керлам оттащить выкорчеванный пень и привязать канат к новой жертве.

— Англия — страна лесов. Я ее превращаю в страну полей. Этот механизм для корчевки сделали в Доме Мудрости жрецы Ньёрда — они моряки, они знают все о блоках и канатах — и несколько моих катапультеров, они знакомы с зубчатыми колесами. Удд, железных дел мастер, руководит изготовлением шестерней. Они должны быть маленькими, но прочными.

— А ты всем позволяешь обзавестись такой машиной?

Пришла очередь улыбнуться Шефу.

— Я бы, может, и позволил, если бы они мне предоставили это решать. Но куда там. Отец Бонифаций, мой казначей Дома Мудрости, дает машины в аренду тем, кто собирается расчистить поле. Керлы платят за пользование машиной. Но расчищенная земля достается им бесплатно. Не навсегда. На три поколения. Потом земля возвращается короне. Я разбогатею на арендной плате за эти машины. А мои наследники, — Шеф кивнул на маленького Эдварда, — разбогатеют, когда к ним вернется земля.

Он указал на запоминающийся силуэт ветряной мельницы, бойко машущей крыльями среди плоских полей Стамфордшира.

— Еще одно нововведение. Не само ветряное колесо, об этом вы давно знаете. То, что к нему приделано. Еще один способ улучшать земли. Подъедем поближе, я покажу.

Повозка заметно сбавила ход, когда Озмод свернул с Великой Северной дороги, вымощенной камнем, на старую, тонущую в грязи колею. Шеф воспользовался возможностью в сравнительно спокойной обстановке продолжить рассказ о достижениях Дома Мудрости.

— Мы едем смотреть на большую машину, — сказал он, перегнувшись к Альфреду, — но у нас есть и много маленьких приспособлений, которые приносят не меньше пользы. Например, я не показывал тебе, как у нас запряжены лошади. Когда мы научились от Бранда и его людей запрягать лошадей в хомуты, чтобы использовать их как тягловую силу, мы через какое-то время обнаружили, что лошади иногда тянут слишком сильно. Когда поворачиваешь, лошади нередко рвут постромки, потому что тяга приложена только к одному боку. Ну, мы стали брать для постромков кожу попрочнее. Но потом один фермер — я дал ему ферму и лошадей — со-

образил, что постромки ведь необязательно привязывать прямо к передку. Привязываешь постромки к двум концам крепкой поворотной поперечины, и эту поперечину (мы называем ее валек) за середину привязываешь коротким ремнем к передку телеги. В результате натяжение постромков одинаковое даже при повороте. И это не просто сберегает нам кожу на постромки! Нет, хоть мы и сами не сразу сообразили. Но ведь очень часто настоящая польза изобретений проявляется не в том, для чего они предназначались, а видна только позже. Этот придуманный нами валек означает, что теперь керлы могут делать короткие пахотные борозды, обрабатывать совсем маленькие поля, ведь им гораздо легче развернуть упряжку. А уж *это*, в свою очередь, означает, что даже самый бедный крестьянин, у которого всей земли акр или два, может сам обрабатывать свое поле и не зависеть от лендлорда.

— И они благодарят за это своего короля, — задумчиво отозвался Альфред. — Они становятся твоими людьми, а не людьми лендлордов. И это, как и деньги за аренду машин, делает тебя сильнее.

Годива вмешалась:

— Вот для этого он и старается. Он без причины ничего не делает. Я это поняла уже очень давно.

Шеф примолк, уставившись на свои грязные ладони.

Через минуту Альфред нарушил молчание:

— А эти нововведения, которые мы едем смотреть... Расскажи нам о них.

Шеф отвечал ровным безжизненным тоном:

— Ладно. Земля здесь, как вы знаете, быстро заболачивается. А кое-где и всегда были болота. Само собой, их стараются осушить. Но когда роешь канаву в этих местах, не всегда можно угадать, куда потечет вода, пойдет ли она вообще в твою канаву. Но мы знаем вот какую штуку. — Постепенно вдохновение возвращалось к Шефу. — Любой, кто пил пиво из бочек, знает, что есть два способа розлива: либо просверлить бочку внизу, тогда ее надо затыкать хорошей пробкой, либо сверху подсосать через трубочку и опустить ее конец. Дальше пиво само потечет в твой кувшин или в ведро.

— Никогда о таком не слышал. А почему так?

Шеф пожал плечами.

— Никто не знает. Пока. Но нам достаточно того, что мы знаем и что можем изготовить. Большие трубы, которые не влезут человеку в рот, и устройство, что будет отсасывать воду. Словно кузнечные мехи, только наоборот. Тогда-то мы и заставим воду течь из болот в канавы, даже в те канавы, которые расположены на большом расстоянии.

Повозка и свита наконец подъехали к ветряному колесу, и Шеф выпрыгнул, опять оставив дверцу открытой. Вокруг ветряка простиралась паутина грязных канав, тут и там парусиновые трубы зачем-то соединяли их между собой.

— Вы снова видите новую землю, — Шеф понизил голос, так что его могли слышать только гости, но не свита. — Я даже не знаю, сколько ее. Иногда мне кажется, что ждущей осушения земли хватило бы на полудюжину графств. И эту землю я никому не отдам. Я делаю ветряные колеса, я плачу рабочим. Осушенные поля остаются королевской землей, деньги за их аренду пополнят королевский бюджет.

— И опять все только для твоей выгоды, — резко, как хлыстом стеганув, сказала Годива. Альфред заметил, что его уязвленный соправитель еще раз вздрогнул. — А скажи-ка мне, что ты сделал для женщин?

Шеф помялся, заговорил было, потом оборвал себя. Он не знал, с чего начать. Напомнить о ветряных мельницах, освободивших от нескончаемой рутины десятки тысяч рабынь, толокших зерно в ступках? Рассказать об опытах, которые проводились в Доме Мудрости, чтобы найти лучший способ сучить пряжу, чем с помощью прялок, с которыми не расстаются почти все женщины Англии, неустанно на них работая? Нет, решил Шеф, самое главное для женщин — построенная им мыловарня, на которой из золы и жира делают твердое скрипучее мыло — это вещь сама по себе не новая, но такая, что, по уверениям Ханда, спасет добрую половину женщин, умирающих от родильной горячки, ведь король приказал, чтобы все повитухи носили с собой мыло и тщательно мыли руки.

Он слишком долго раздумывал.

— Так я и знала, — сказала Годива и отвернулась, уводя за собой детей. — Все только для мужчин. Все ради денег.

Она и не подумала понизить голос. Пока она шла к экипажу, оба короля, Квикка, Озмод, мельник и его жена, обе

королевских свиты — все смотрели на нее. Потом все посмотрели на Шефа.

Он опустил взгляд.

— Это не так, — пробормотал он, чувствуя, что в нем поднимается та же ярость, как и тогда, когда человек-птица упал, а они просили его все равно заплатить неудачнику. — Всех дел не переделаешь. Сначала делаешь то, что умеешь делать, а потом смотришь, что можно сделать еще. Все, что мы делаем, приносит пользу женщинам. Стало больше земли, больше еды, больше шерсти.

— Так и есть, — согласился Квикка. — Раньше каждую зиму то тут, то там можно было видеть маленьких детей в лохмотьях и босиком, плачущих от холода и голода. Теперь у них, по крайней мере, есть одежда и горячая еда. Потому что они под защитой короля.

— Это точно, — сказал Шеф, глядя с внезапным ожесточением. — Потому что все это, — он обвел рукой окрестности, показывая на мельницу, поля, дренажные канавы и на ждущий их экипаж, — все это держится на одном. На силе. Еще несколько лет назад если бы какой-то король, будь то добрый король Эдмунд или король Элла, сделал что-нибудь хорошее, на что ему хватило бы серебра, на него тут же напали бы викинги, все отобрали и снова ввергли бы страну в нищету. Чтобы сохранить то, что у нас есть, мы должны топить корабли и уничтожать армии!

По обеим королевским свитам прокатился одобрительный гул, эти люди оружием прокладывали себе путь в жизни.

— Да, — продолжал Шеф, — все это неплохо. И я только рад, когда это приносит пользу женщинам и детям. Но что мне нужно больше всего, за что я буду платить золотом, а не серебром, это не новый способ запрягать лошадей и не осушение болот, а новый способ драться с Императором. С Бруно Германским. Потому что мы с нашими болотами можем и забыть про него, но он про нас не забудет. Риг, отец мой! — Голос Шефа поднялся до крика, он вытащил из-за пазухи свой амулет, серебряную лесенку. — Ниспошли мне новое оружие для битв! Новый меч, новый щит! Новые катапульты и арбалеты. Это самое главное, что нам нужно. И если приближается Рагнарок, сразимся и победим!

* * *

Улучив удобный момент, когда король уехал на всю первую половину дня, его ближайшие советники и друзья решили обсудить его дела. Все трое, Бранд, Торвин и Ханд, сидели на верхнем этаже большой каменной башни Дома Мудрости, в личной комнате Торвина, глядя на ухоженные плодородные земли, на зеленые поля, пересеченные длинной белой полоской Великой Северной дороги, по которой непрестанно двигались всадники и повозки. По настоянию Торвина присутствовал и четвертый человек — Фарман, жрец Фрейра, один из двух величайших провидцев Пути. Человек малоприметный, он не был участником рискованных приключений трех друзей, зато, по словам Торвина, был посвящен во многие тайны богов.

Бранд, гигант-норвежец, с сомнением покосился на Фармана, но остальных он, по крайней мере, знал достаточно давно, чтобы говорить без обиняков.

— Мы должны смотреть правде в глаза, — начал Бранд. — Если Шеф погибнет, то погибнет все. Есть много людей вроде Гудмунда, которые всем обязаны Единому Королю и на которых можно положиться как на каменную стену. Но согласится ли Гудмунд сотрудничать с Олафом, или с Гамли, или с Арноддом, или с любым другим королем Дании и Норвегии? Нет. Если он и захочет, ему не позволят его собственные ярлы. А что касается подчинения англичанину... Нет, все держится на одном-единственном человеке. Беда в том, что человек этот безумен.

— Ты уже как-то говорил это, — укоризненно напомнил лекарь Ханд, — и оказался не прав.

— Ладно, ладно, — уступил Бранд. — Может быть, он не сошел с ума, просто со странностями, которые у него всегда были. Но вы же понимаете, что я хочу сказать. Он выиграл много сражений и выжил во многих невероятных переделках. Однако каждый раз словно что-то уходит из него. И это что-то не возвращается.

Задумались все трое слушателей: лекарь Ханд, жрец Идуны, англичанин; кузнец Торвин, жрец Тора, датчанин; провидец Фарман, человек, чьей национальности не помнил никто.

— Он утратил кое-что, когда убил Сигурда, — подхватил Ханд. — Он лишился копья. Никто из нас в точности не зна-

ет, как оно ему досталось, но он почему-то очень его ценил. Говорят, что с этим копьем теперь не расстается император Бруно, а Хагбарт рассказывал, что он видел, как эти двое сражались и Бруно ушел с копьем. Может быть, это счастливый талисман, и Шеф его упустил.

Бранд решительно замотал головой.

— Нет. У нас здесь есть знатоки, разбирающиеся в чужой удаче, и они говорят, что Шеф не утратил своей. Он так же удачлив, как и раньше. Нет, это что-то другое. Что-то, связанное с тем, как он сам к себе относится.

— В тот день в Бретраборге он потерял друзей, — снова вступил Ханд. — Того парня из Дитмарша и ратоборца Кутреда. Не может ли он чувствовать... скажем, вину, что он жив, а они мертвы?

Бранду, опытному воину, это объяснение не слишком понравилось.

— Да, такое бывает, — в конце концов признал он. — Но не думаю, что дело в этом. По правде говоря, — он обвел взглядом присутствующих и продолжал: — Я думаю, что все дело в этой проклятой женщине.

— Ты про Годиву, жену Альфреда? — спросил пораженный Ханд. Он знал обоих с детства.

— Да. Она разговаривает с ним как с собакой, а он вздрагивает, словно пес, которого все время бьют. Но дело не только в ней. Была еще одна, Рагнхильда, королева Восточного Фолда. Из-за нее Шеф чего-то лишился. Ее убил не он, но он стал причиной ее смерти и смерти ее сына. Если он чувствует вину, то не из-за мужчин, а из-за женщин. Поэтому он и не женится.

Наступила тишина. На этот раз объяснение не нравилось Ханду.

— Разговаривает с ним как с собакой, — наконец начал он. — Как вам известно, мое имя и значит «собака». Мой хозяин, отчим Шефа, считал, что я всегда останусь псом. Но и Шефу он из ненависти дал собачью кличку. Услышав «король Шеф», многие улыбаются, как если бы услышали «король Барбос» или «король Клык». Северяне даже не могут выговорить его имя. Вы знаете, что Альфред несколько раз просил его взять другое имя, которое понравится и англичанам, и норманнам: Оффа или Атли, имя одного из героев

прошлого. Но, Торвин, ты говорил, что Шеф — тоже имя героя. Может быть, пора нам услышать эту историю? Мне кажется, что в это дело замешаны не только мы, но и боги. Расскажи нам все. И объясни, почему Путь в конце концов признал его Тем, Кто Должен Прийти. Мы ведь знаем о Шефе больше, чем кто бы то ни был. А Фарман — посредник между нами и богами. Может быть, вчетвером мы сможем понять, в чем тут дело.

Торвин кивнул, но заговорил не сразу, собираясь с мыслями.

— Дело вот в чем, — наконец произнес он. — Эту очень старую историю рассказывают датчане. Ее никогда не перекладывали на стихи, она не записана в наших священных книгах, ее не все считают правдивой. И я тоже не слишком-то ей доверял. Но чем больше я размышлял, тем больше убеждался, что ее окружает какой-то ореол, дух древности. Думаю, что она правдива и имеет такое же значение, как сказание о Вёлунде или о смерти Бальдра.

Обычно ее рассказывают так. Много лет назад — примерно тогда же, когда родился Спаситель христиан, — датчане остались без короля. Последнего представителя королевской династии, Хермота, который сейчас считается любимым воином Одина в Вальгалле, они изгнали за жестокость. Но без короля жестокостей стало еще больше. Это был век, когда брат шел на брата и в безопасности был только тот, кто держал в руках оружие.

И однажды на берег моря приплыл щит, а в нем лежал маленький мальчик. Голова его покоилась на ячменном снопе, и больше при младенце ничего не было. Датчане подобрали его, вырастили, и со временем он сделался самым могущественным из норманнских королей. Он был такой воинственный, что усмирил весь Север. Говорят, в его время девушка могла разгуливать по всей Скандинавии в одиночестве, с золотыми кольцами на каждом пальце и мешком золота на поясе, и никто бы на нее не напал и даже не посмел сказать ни одного грубого слова. Некоторые датские короли до сих пор объявляют себя Сквольдунгами, потомками этого короля, потому что его прозвали Сквольд, Щит, ведь он приплыл на щите.

Так рассказывают эту историю, — продолжал Торвин, —

и вы видите, что в ней есть свой смысл. От щита пошло имя Сквольдунгов. А поскольку неизвестно, откуда взялся мальчик, стали говорить, что его послали боги, которые увидели несчастья датчан и пожалели их.

Но с другой стороны, смысла в этой истории ни на грош, и поэтому я и считаю ее достоверной. Да, Бранд, я вижу, что ты поднимаешь бровь, но я же тебе говорю: то, что имеет смысл для богов, не всегда имеет смысл для людей. Сам посуди: чтобы боги сжалились над несчастьями датчан? Когда это наши боги хоть кого-то пожалели? Мы бы им тогда не поклонялись так рьяно. И потом, как насчет снопа? Про него всегда упоминают, но никто не знает, при чем тут сноп. Думаю, что именно в нем ключ к разъяснению всей этой истории.

Я думаю, что эту историю за долгие годы стали рассказывать неправильно. Я думаю, что раньше имя короля звучало как Сквольд Скьефинг, а по-английски — Шильд Шифинг. Кто-то из сказителей однажды взял и придумал объяснение для этого имени. Он стал рассказывать, что короля звали Щит, потому что... ну, скажем, он приплыл на щите. А Сноп его звали, потому что... потому что там лежал еще и сноп. Имена происходят от предметов. Даже эпизод с найденным на берегу младенцем появился потому, что выпуклый щит может плавать. В общем, я думаю, что в этой истории нет ни слова правды.

Я считаю, что когда-то и в самом деле был король, которого звали Щит. Ведь у многих из нас такие имена. Твое имя, Бранд, означает «меч». Я знавал людей, которых звали Гейрр, Копье, или Франки, Боевой Топор. И был король по имени Сквольд, Щит. А Шифингом его звали не потому, что он лежал головой на снопе, а потому, что он был сыном Шифа. Или Шефа.

Казалось, Торвин закончил свое разъяснение, и Ханд попросил его продолжить:

— Но что эта история, первоначальная история, означает?

Торвин коснулся своего нагрудного молота.

— На мой взгляд — а многие жрецы Святилища со мной не согласились бы, даже могли бы счесть меня еретиком, это вам и Фарман подтвердит, — на мой взгляд, эта история означает три вещи. Во-первых, этих королей запомнили или

выдумали по определенной причине. Причина, по-моему, в том, что они изменили мир, повернули его историю на другой путь. Думаю, что воинственный король, Сквольд, объединил людей в один народ и дал им законы, благодаря которым прекратилось братоубийство. А миролюбивый король Скьефинг дал нам ячмень и хлеб, научил земледелию наших предков, которые раньше жили, как финны, охотой. Или как твои, Бранд, родичи, *huldu-folk,* народ кочевников-мясоедов.

Во-вторых, я думаю, что эти короли избрали правильный путь, и люди об этом не забыли. Но с тех пор мы снова сбились на неправильную стезю: на стезю Хермота, любимца Одина. Стезю войны и грабежей. Мы придумываем для них красивые названия, *drengskapr, hermanna vegr,* мужество, путь воина. Ты так зовешь это, Бранд, я знаю. Но в результате всегда сильный грабит слабого.

— Я предпочитаю грабить сильных, — проворчал Бранд, однако Торвин его не слушал.

— Я думаю, король Шеф был послан нам, чтобы вернуть нас на правильный путь. Но это не путь Хермота и Одина. Я считаю, что наш король на самом деле враждебен Одину. Он не сделает жертвоприношения Одину. И он не примет благословения Одина.

А теперь я скажу то, что некоторые сочтут ересью. Я не могу отделаться от мысли, что все это, видимо, происходило в то самое время, когда, по словам христиан, явился их Белоснежный Христос. А почему он явился? Почему появились Шеф и Сквольд? Я могу сказать только следующее, что и будет третьим смыслом этой истории.

Я думаю, что в мире однажды что-то пошло не так, он получил рану, которую нельзя исцелить. Мы говорим: Бальдр умер, и из мира ушел свет. Христиане рассказывают глупую сказку про яблоко и змея, но суть одна: мир болен, и ему нужно исцеление. Кто-то должен прийти и исцелить его. Христиане говорят, что Спасителем был Христос и мир уже исцелен, теперь можно посиживать и уповать на личное спасение. Ха! А у нас рассказывают — или рассказывали раньше, — что приходили два короля и выбрали для нас правильную дорогу. Потом мы с нее сбились. По-моему, наш король, не случайно его зовут Шефом, пришел вернуть нас на правильный путь, как и его пра-пра-пра и так далее дедушка. Потому что я счи-

таю нашего Шефа и его древнего тезку посланцами бога Рига. Который, может быть, и не старше, чем Один, но мудрее.

После паузы Ханд, дотронувшись до амулета Идуны, сказал:

— Не понимаю, в чем тут ересь, Торвин. Мы ведь не христиане, чтобы указывать человеку, что ему думать.

Торвин посмотрел вдаль, на поля и дорогу.

— Я начинаю думать, что сказания Пути и истории христиан по сути одинаковы. И в тех и в других искажения и выдумки. А может быть, и в тех и в других заключена истина. Но только крупицы истины.

Бранд неожиданно рассмеялся:

— А ты, наверное, прав, Торвин! Но хотя ты можешь убедить меня и Ханда, можешь убедить даже Совет жрецов, если будешь говорить достаточно долго, я что-то сомневаюсь, что ты убедишь папу римского согласиться с тобой и признать, что у приверженцев Пути тоже есть своя правда!

Торвин засмеялся вместе с ним:

— Нет, я не отправлюсь в Рим просить аудиенции, чтобы изложить свою точку зрения. Я не забываю, что, каковы бы ни были христиане, церковь остается нашим злейшим врагом. Как и поддерживающая ее империя. Говорят, в тот день наш король держал Бруно Германского в прицеле арбалета. Ему надо было выстрелить.

Впервые заговорил Фарман, его бледное худое лицо не отражало никаких эмоций.

— Болезнь, — повторил он. — Болезнь, от которой страдает мир и которую второй Шеф, или второй Спаситель, послан исцелить. В наших мифах это смерть Бальдра, вызванная предательством Локи. Как мы все знаем, Один пытался вернуть Бальдра из мира Хель и не смог, а в наказание приковал Локи рядом с ядовитым змеем. Наказание наказанием, но при чем здесь исцеление?

— Если существует исцеление, — сказал Торвин, — оно придет через то, что скрыто от нас. Но наш друг Шеф — он мудр, хотя иногда ему не хватает здравого смысла.

— Таким образом, мы вернулись к нашему практическому вопросу, — заключил Ханд. — Будь он человек или полубог, безумец или посланник богов, что нам с ним делать?

Фарман посмотрел на мчащийся по дороге экипаж, сопровождаемый тридцатью скачущими галопом всадниками, за которыми вздымался столб пыли.

— Я точно не знаю, — сказал он. — В моих видениях ничего об этом не говорилось. Но судя по всему, что я услышал, этот человек еще не выполнил предназначение богов. Может быть, он должен вернуть Святое Копье, может быть, сжечь врата Рима, не знаю. Но пока он здесь сидит, он этого не делает, он прячется от своей судьбы.

— Тоскует по женщине, которую бросил много лет назад, — подтвердил Бранд.

— Может быть, ему нужно глотнуть свежего воздуха, вновь почувствовать себя мужчиной, — продолжал Фарман. — Но он не станет мужчиной, пока копается здесь в грязи со смердами.

— Мы должны сделать так, чтобы он оказался на борту корабля, — сказал Торвин. — Может быть, это приведет его туда, куда нужно богам, как того младенца, приплывшего на щите.

— Но на этот раз он не должен быть один, — сказал Фарман. — Вы его друзья. Вы должны пойти с ним. А что касается меня — я буду ждать более ясных указаний.

Снаружи донеслось немилосердное карканье волынки, сыгравшей свой немелодичный предупредительный сигнал.

Глава 4

Гханья, сводный брат халифа Кордовы, прекрасно понимал всю важность своей миссии на Севере, в стране, где, по его мнению, жили полуголые дикари, поклоняющиеся огню *majus*, люди дьявола. Но это не мешало ему ненавидеть каждое мгновение предстоящей экспедиции. Лояльность Гханьи не знала границ. Еще бы, иначе он не выжил бы при восшествии своего брата на *divan*, мягкий, обложенный подушками престол Кордовского халифата. Халифа могли называть, в честь их великого предка Абд эр-Рахмана, Слугой Сострадательного, но сострадания его сердце не знало. Когда он унаследовал трон от отца, меч и лук не остались в бездействии. Дети мужского пола из отцовского гарема были перебраны внимательно и со знанием дела. Дети настоящих арабок из племени курейши вскоре умерли: они могли посеять

семена раздора. Дети христианских рабынь тоже умерли, если не могли доказать свою полезность, а часть из оставшихся получила посты в ссылке, под надзором, в основном на границе со слабыми христианскими княжествами и герцогствами в гористой северной Испании. Сам Гханья был сыном берберки. Его кровь была недостаточно чистой, чтобы набрать сторонников, но он и не был сыном *mustarib*, рвущихся в арабы, как презрительно называли детей христиан, которые приняли ислам из-за голода или из-за честолюбия.

Гханья знал, что он достаточно высокороден, чтобы быть полезным, но недостаточно, чтобы его боялись. Его честолюбие было этим удовлетворено, по крайней мере на время. Он отнюдь не стремился снова рисковать жизнью на кожаном ковре перед диваном, где по краям стояли огромные стражники с вечно обнаженными скимитарами.

Хороший знак и то, что Гханью послали в такое путешествие. Он знал, как серьезно стал к этому относиться его сводный брат, когда получил новости с Мальорки и Сицилии. Хотя халиф Кордовы, разумеется, не мог испугаться христиан, будь то греки или франки. В 875 году в Кордове было добрых полмиллиона жителей, больше, чем в сельских Византии и Риме и во всех франкских столицах, вместе взятых. Каждый день правоверных сзывали на молитву с трех тысяч минаретов. Каждый день тысячи телег везли для обитателей города продукты из неисчерпаемо плодородной поймы Гвадалквивира и со всей Андалузии. Да христианам никогда не пробиться к Кордове, если все правоверные просто встанут у них на пути.

И все же его брат эр-Рахман с величайшей озабоченностью выслушал рассказ Мухатьяха, ученика Ибн-Фирнаса; а также сообщения вернувшихся из Египта купцов о панике и страхе, овладевших Тулунидами. Халиф даже снизошел до того, чтобы поделиться своими мыслями со сводным братом.

— Острова нам нужны, — заявил он. — Они защищают наши торговые суда, защищают наши берега. И опять же, — продолжал он, — халиф должен думать о будущем. Долгие годы мы теснили неверных, с того дня, когда наш предок переправился через Джеб эль-Тарик и сказал своим людям, что позади у них море, а впереди враги, и им остается только победить или умереть. Теперь мы наткнулись на препятствие.

Но препятствие ли это, или же чаша весов начинает клониться в другую сторону? — Эр-Рахман видел только море без приливов и не знал, что такое высшая точка прилива, когда тот поворачивает на отлив, а если бы знал, обязательно воспользовался бы этим сравнением. — Если наши враги подумают, что чаша весов клонится в другую сторону, — заключил халиф, — они осмелеют. Мы должны еще раз отбросить их.

И еще одно. Мы всегда знали, что христиане отстают от нас по цивилизованности. Разве найдутся у них такие люди, как Ибн-Фирнас? — Халиф сделал жест рукой в сторону ученика мудреца. — И все-таки они высадились на нашу землю с оружием, которому нам нечего противопоставить. Мы должны знать больше. Наши враги нам ничего не расскажут. Но и у наших врагов есть свои враги, по крайней мере так мы слышали. Несколько лет назад к нам дошли слухи о поражении великого повелителя франков в битве с теми, кто не является христианами. Разыщи их, брат мой. Узнай то, что знают они. Возвращайся назад с помощью или со знаниями. Возьми с собой ученика Ибн-Фирнаса, чтобы выяснить, какие машины придумали эти дикари.

Халиф взмахнул рукой, отсылая Гханью с его товарищами и телохранителями, с его советником — учеником Ибн-Фирнаса — в ужасную экспедицию в страну вечного холода и ветра.

Путешествие не заладилось с самого начала. Корабль, на который они сели в Малаге, оказался беспомощным, как только они прошли через пролив Джеб эль-Тарик. Море бушевало, ветер становился все злее, гребцы не могли продвинуться против течения, идущего из океана в центральное море Вселенной, Средиземное. В Кадисе Гханья пересел на другое судно, парусное, с таким капитаном и такой командой, в чьих жилах, судя по их лицам и поступкам, текла кровь христиан. За золото они охотно согласились плыть на север, а их семьи оставались в качестве заложников. И все же Гханья с самого отплытия не испытывал к ним доверия.

Но даже матросы — пожиратели свинины — притихли, когда экспедиция добралась до холодных морей Севера. При приближении к порту, который, по их сведениям, должен был стать конечной целью путешествия, к Лон-эд-Дину, по

обеим сторонам стали вырисовываться серые берега и из непрекращающегося ливня возник странный корабль. Размером в два раза больше их судна, с двумя мачтами из гигантских деревьев и с парусами, устремленными ввысь. На носу и корме высокие боевые платформы, за их железными бортиками виднеются огромные машины и свирепые бородатые лица. Корабль не приближался, просто пошел рядом и аккуратно швырнул огромный камень, обрушившийся в море в десяти ярдах от носа арабского судна. Последовали долгие шумные переговоры на неизвестном языке, похожем на собачий лай, затем корабль распустил паруса и неторопливо отвернул в море.

— Они разрешили нам идти к берегу, — перевел шкипер-мустариб. — Они хотели только удостовериться, что мы не служим франкам и Империи, с которой они ведут нескончаемую войну.

«Это хороший знак, — стал убеждать себя Гханья. — Враг моего врага — мой друг, а эти люди, очевидно, враги франков». И все же ему не понравилась та беззаботность, с которой встретили и пропустили судно из Кордовы. Не понравились ему и странные очертания патрульного корабля. Даже высокомерный Мухатьях слишком долго пялился ему вслед.

Кораблестроителям Шефа выпало несколько мирных лет, за которые они усовершенствовали торопливые нововведения 860-х годов. Под руководством короля и опытных специалистов Пути, в том числе Хагбарта, жреца Ньёрда, была разработана новая конструкция, сохранившая лучшие черты прежних кораблей и свободная от их недостатков. Идея вооруженного катапультами корабля осталась неизменной, но была значительно усовершенствована благодаря кольцевым опорам, изобретенным железных дел мастером Уддом. Проблема смещения центра тяжести вверх была решена с помощью расширения корпуса и загрузки балласта. Ужасающая медлительность первых «Графств» Шефа была частично преодолена за счет установки второй мачты. Удвоенная площадь парусов означала, что от предложенного рыбаками косого и широкого паруса можно отказаться. Шкиперы Шефа жаловались, что остаются еще кой-какие проблемы, например при галсе фордевинд, так как задние паруса отбирали ветер у передних. Новым кораблям приходилось по возможности брать ветер в бакштаг. Не-

которые шкиперы экспериментировали с маленьким дополнительным парусом на стеньге фок-мачты, держа в команде с полдюжины очень легких мальчишек, которые должны были поднимать и убирать этот парус. И при том оставалась главная проблема, Бранд считал ее вообще неразрешимой: слабость киля, который теперь был больше, чем любое самое длинное дерево.

Железных дел мастер Удд настаивал, что к дереву можно добавить металл. А киль нужно усилить креплениями, вот и все. В конце концов с помощью сложной системы бронзовых болтов — ведь даже Удду пришлось признать, что соленая вода губительна для любой стали, — удалось усилить составной киль и массивные деревянные шпангоуты так, что они выдерживали атлантический шторм. И вот наконец мореходные, со сплошной палубой, с поворотными катапультами на носу и корме, с рядами тяжелых арбалетов по обоим бортам, новые корабли флота соправителей закрыли Узкое море для всех судов, не имеющих разрешения их величеств. Торговля от Фризских островов до устья Луары шла только с их молчаливого согласия. Торговые пошлины окупали содержание патрульных судов. Но как только вдоль атлантического побережья не стало пиратских судов викингов, объем торговли удвоился и еще раз удвоился. Путешественники с медленно входящего в лондонский порт кордовского судна обнаружили, что это место не уступит Гвадалквивиру, если не по количеству населения, то по его активности.

Однако послам без труда удалось привлечь к себе внимание. Как только поднявшийся на борт мэр города узнал, что арабы добиваются аудиенции его короля и готовы платить золотыми дирхемами, он предоставил посольству лошадей — несчастных недоносков, как с облегчением и презрением обнаружил Гханья, — охрану и проводника и отправил на север по дороге, которая вела к королевской резиденции в Стамфорде.

Однако в пути беспокойство Гханьи усилилось. Истинного курейшита ничто не могло восхищать у варваров, но он улавливал тревожные признаки их могущества. Он бы не променял свою одежду из хлопка на одежду из бараньей шерсти, которую носили местные жители. Но вскоре он почувствовал, как мало подходит хлопок для вечно дождливой

и ветреной погоды. Он заметил, что в хорошую шерстяную одежду одеты даже работающие на полях крестьяне. От их еды с презрением отвернулись бы кордовские собаки: черный хлеб и свиное сало, скисшее коровье молоко, листья и зубчики едких пахучих растений. Но, кажется, еды им хватало. Он не видел изможденных лиц и тянущихся за милостыней рук.

А по сторонам дороги снова и снова попадались вращающиеся водяные колеса. На первые два или три он глянул с улыбкой превосходства. Они очень напоминали используемые в Кордове *noria*, только там они поднимали воду, а здесь их использовали для помола зерна; колеса помещали в медленно текущую воду, которая их и крутила. Но, увидев четвертую мельницу, Гханья перестал улыбаться и нахмурился. Здесь туземцы осознали свою ошибку и использовали преимущества водосброса: поток бил по верхним лопаткам колеса со всей силой падающей, а не текущей воды. И изнутри мельницы доносился не скрежет мелющих зерно жерновов, а неутихающий Иблисов грохот кующего железо молота. Гханья не был подготовлен к подобным идеям, но где-то в глубине сознания у него мелькнула мысль, что варвары, хотя они ничуть не лучше, чем он думал, за несколько лет добились больших достижений, чем арабы за долгие годы царствования даже не упомнишь скольких халифов.

Гханье отнюдь не нравились доходившие до него слухи о странном короле, благодаря которому все это стало возможным. Хорошо, что король не христианин. Вполне приемлемо, что он не преследует христиан — халиф Кордовы тоже их не преследовал, вместо этого облагая налогами, которые не мог бы взимать с правоверных. Но невозможно поверить, что он Сын Бога, еще один воплощенный Иешуа. Еще того хуже, если он не сын Единого Бога, которого исповедовали и христиане и мусульмане, а сын языческого божка, одного из многих. Гханья ощущал ужас, который всякому монотеисту внушают идолопоклонники.

К ужасу примешивались серьезные опасения: однажды путешественники услышали впереди зловещий гул, и вскоре увидели марширующую им навстречу колонну в пятьсот человек, со стонущими волынками и развевающимися знаменами с изображением молота. Креста на знаменах не было, потому

что это были люди Пути, больше не подчеркивающие свой союз с христианином Альфредом. Гханья, съехав на обочину, рассматривал их вооружение: обычные пехотинцы франков в металлических рубахах, сильные воины с топорами и мечами, но двигающиеся на удивление медленно, и другие воины, коротышки со странными тяжелыми луками за плечами, а в хвосте колонны мулы везли с дюжину машин, сделанных из дерева и веревок. Дротикометы и камнеметалки, объяснил арабам проводник, катапульты, которые могут разрушить любые стены, пробить любую броню и щиты. Но больше всего Гханья нахмурился из-за веселых лиц и оживленных разговоров воинов — это было знакомое ему *iqbal*, предвкушение победы, за которой последует еще много побед.

Однако по прибытии в город, который чужеземцы называли своей столицей, Гханья ощутил, как чувство превосходства снова поднимается в нем, словно плоть входящего в гарем халифа. Городишко не потянул бы даже на предместье Кордовы. Его каменная башня была новой и крепкой, но невысокой и единственной во всем городе. На базаре народу было меньше, чем при дворе повелителя правоверных. С одного конца города был виден другой! Вместо толпы просителей, осаждающих неприступных камергеров, они обнаружили единственного человека, который даже не пытался притвориться, что король слишком занят, чтобы принимать кого бы то ни было. Разумеется, для такого короля большой честью будет предложение дружбы халифа Кордовы, потомка Пророка и заместителя Аллаха на земле!

Гханья окончательно обрел уверенность, готовясь к аудиенции с хозяином людей и кораблей. «Мы должны произвести на них впечатление, — размышлял он, — моим собственным богатством или ученостью Мухатьяха — ни с тем ни с другим варвары наверняка раньше не сталкивались». Беспокоило Гханью только то, что в этой далекой стране он должен во всем полагаться на искусство своего переводчика, еврея Сулеймана.

* * *

— Кто такие евреи? — краем рта спросил Шеф. Иностранные послы стояли перед ним в большом зале для аудиенций, и один из них — не хозяин, а переводчик — стоял

впереди остальных. Он только что представился, но употребленное им слово для Шефа ничего не значило.

Стоящие позади короля советники коротко посовещались. Затем, пока личный толмач Шефа отец Бонифаций переводил титулы гостей на английский, Скальдфинн, жрец Хеймдалля, шагнул вперед. Знаток языков и переводчик, он знал все, что было известно на Севере о других народах.

— Евреи — это народ с Востока, они распяли Христа, — сказал Скальдфинн. — Очевидно, кто-то из них еще остался.

— Христа распяли римляне, — возразил Шеф, — германские воины из римского легиона.

Он говорил со спокойной уверенностью, словно сам был тому свидетелем.

— Христиане предпочитают обвинять евреев.

— А те люди в длинных тонких одеждах? В кого верят они?

— Мы зовем их магометанами. Они верят в Пророка, который появился незадолго до нашего времени. Их Бог и Бог христиан — это почти одно и то же, но они не верят в божественность Христа, а христиане их Мухаммеда даже за пророка не считают. Между мусульманскими и христианскими королевствами всегда шла война. Однако мусульмане принимают христианских подданных и евреев и обращаются с ними честно.

— Как и мы, значит.

— Да, за исключением того...

— За исключением чего? — Шеф все еще слушал вполуха, как отец Бонифаций долго и нудно переводит неприкрытую лесть, чрезмерно рассыпанную Сулейманом.

— За исключением того, что они считают все три народа — мусульман, христиан и евреев — людьми Книги. Все остальные, по их мнению, не исповедуют настоящего Бога, который в этих трех религиях един, хотя верования разные.

Шеф некоторое время размышлял, слушая сбивчивый двойной перевод — арабскую речь Гханьи еврей Сулейман перекладывал на своеобразную латынь, с которой отец Бонифаций переводил на смешанный англо-норвежский жаргон, принятый при королевском дворе. Наконец Шеф поднял руку. Переводчики сразу замолчали.

— Скажи им, Бонифаций, что, как я понял, они не считают нас людьми Книги. А ты, Торвин, покажи им одну из

наших книг. Покажи ему свою книгу священных преданий, написанную рунами. Бонифаций, спроси, не думает ли он, что мы тоже люди Книги?

Гханья поглаживал свою бороду, а огромный человек в белой одежде и с молотом на поясе подошел к нему, протягивая какой-то фолиант. Посол велел взять книгу Сулейману, чтобы случайно не осквернить себя.

— Из чего она сделана? — пробормотал он по-арабски.

— Они говорят, что из телячьей кожи.

— Ну, слава Аллаху, не из свиной. Значит, у них нет бумаги?

— Нет. Ни бумаги, ни свитков.

Оба непонимающе глядели на руны. Сулейман всмотрелся попристальней.

— Смотрите, господин, в этих буквах нет закруглений. Одни прямые штрихи. Я думаю, эти буквы происходят от зарубок, которые они делали ножом на дереве.

Острым глазом Шеф углядел легкий презрительный изгиб рта Гханьи и сказал стоявшим позади людям:

— Это не произвело на них впечатления. Вот увидите, переводчик вежливо похвалит книги и не ответит на наш вопрос.

— Посол халифа рассмотрел вашу книгу, — решительно начал Сулейман, — и восхищен искусством переписчика. Если у вас нет мастеров по изготовлению бумаги, мы пришлем вам указания. Мы тоже не знали этого искусства, пока нас не научили пленные из одной далекой империи, которых мы захватили в сражении много лет назад.

Сулейман не подобрал для «бумаги» другого латинского слова, кроме *papyrium*, «папируса», уже известного Бонифацию, хотя тот предпочитал пергамент. К тому времени, когда перевод дошел до ушей Шефа, «бумага» превратилась в «пергамент», что не было ни новым, ни интересным.

— Вежливо поблагодари и спроси, что привело их сюда.

Все его советники, англичане и норманны, христиане и люди Пути внимательно выслушали длинный рассказ о нападениях на острова, о греческом флоте и франкских солдатах, о железных людях и греческом огне. Когда Сулейман упомянул о последнем, Шеф снова вмешался и спросил, видел ли его кто-нибудь из послов собственными глазами. Ря-

ды разомкнулись, и вперед пропустили молодого человека: юношу с таким же смуглым орлиным лицом, как у его хозяина, но, как отметил Шеф, с выражением самодовольного превосходства, которое у него недоставало такта скрыть.

Юноша медленно поведал свою историю.

— У тебя очень зоркие глаза, — заметил Шеф в конце рассказа.

Мухатьях покосился на Гханью, увидел его кивок и не спеша извлек свою подзорную трубу.

— Мой наставник, Ибн-Фирнас, — сказал он, — самый мудрый человек в мире. Сначала он научился исправлять слабость своего зрения, используя стекла особой формы. Потом, в один прекрасный день, следуя его указаниям и по воле Аллаха, я открыл, что два стекла делают далекое близким.

Он направил длинную, обтянутую кожей трубу в открытое окно, по-видимому испытывая свои всегдашние трудности с ее фокусировкой.

— Там, — в конце концов заговорил он, — девушка с непокрытым лицом склонилась над колодцем, набирает в ведро воду. Она очень красивая, подошла бы для гарема халифа, ее руки обнажены. На шейной цепочке у нее висит... висит серебряный фаллос, клянусь Аллахом!

Юноша расхохотался, а его начальник неодобрительно нахмурился: мудрее не высмеивать дикарей, даже если их женщины не имеют стыда.

Шеф вопросительно посмотрел на Гханью, дождался согласного кивка и взял странный предмет у юноши, не обращая внимания на его недовольство. Он глянул на широкий конец трубы, взял со стола тряпку и аккуратно протер стекло, ощупывая его форму. Сделал то же самое с узким концом. Ему и прежде доводилось замечать, глядя через толстое зеленое стекло — в его стране это был лучший материал для окон, его могли позволить себе лишь самые богатые, — как искажаются очертания предметов. Значит, такое искажение может быть не только помехой, но и приносить пользу.

— Спроси его, почему один конец должен быть уже, чем другой?

Тарабарщина переводчиков. Ответ: он не знает.

— На широком конце стекло выпуклое. А что, если оно будет вогнутым?

Снова тарабарщина, и снова тот же самый ответ.

— Что произойдет, если трубу сделать короче или длиннее?

На этот раз ответ был, несомненно, сердитым, еврейский переводчик сократил его, явно из дипломатических соображений.

— Он говорит, достаточно того, что труба работает, — последовал отредактированный перевод Бонифация.

Наконец Шеф приставил трубу к глазу, посмотрел туда же, куда смотрел юный араб.

— Да, — подтвердил он, — это Алфвин, дочь конюха Эдгара.

Шеф перевернул трубу, посмотрел через ее широкий конец, как это раньше делал Махмун, вызвав нетерпеливое хмыканье араба, и протянул ему трубу без лишних слов.

— Что ж, — сказал он, — кое-что они знают, но, видимо, не испытывают особого желания узнать побольше. Действительно, люди Книги делают только то, что велел им наставник. Торвин, ты знаешь, как я к этому отношусь.

Шеф оглядел своих советников, зная, что ничего из сказанного им Сулейман и другие гости без перевода на латынь не поймут.

— Есть ли у нас какая-то основательная причина вступать с ними в союз? Мне кажется, что мы им нужны больше, чем они нам.

Разговор пошел не так, как нужно, осознал Гханья. Он не придал значения их книгам. А они заметили — по крайней мере король заметил, — что Мухатьях глуп, несмотря на всю мудрость его учителя. Вот момент, от которого зависит результат всей миссии. Он зловеще зашипел Мухатьяху и Сулейману:

— Дураки, расскажите им, чем славится Кордова. Мухатьях, расскажи их королю про своего учителя что-нибудь, что его заинтересует. И хватит детских фокусов! Он, может, и дикарь, но побрякушками его не обманешь!

Они замялись. Первым нашелся Сулейман.

— Вы ведь христианский священник? — обратился он к отцу Бонифацию. — Но все же служите королю, который не разделяет вашу веру? Тогда скажите вашему господину, что и со мной то же самое. Скажите ему, что со стороны таких лю-

дей, как мы с вами, которые служат таким повелителям, как он и как мой повелитель, мудрее будет держаться вместе. Потому что люди мы Книги или нет — а я считаю, что его книги отличаются от моей Торы, вашей Библии и Корана моего повелителя, — мы все благословенны. Благословенны тем, что не заставляем других насильно принять нашу религию. Греки сжигают или ослепляют тех, кто не признает их вероучение до последней буквы и запятой. Франки говорят друг другу: «Христиане правы, а язычники ошибаются». Они не признают других книг, кроме своей Библии и своей трактовки Библии. Отец святой, я вас прошу, ради нас с вами, добавьте собственные слова к тому, что я сказал! Ведь мы те, кто пострадает первыми. Мне припомнят распятие Христа. А в чем обвинят вас? В вероотступничестве?

Шеф выслушал Бонифация, скорее пересказ, чем перевод страстного обращения Сулеймана. Он заметил озабоченность на лице еврея. На его собственном лице ничего не отразилось.

— Спроси, что хочет сказать второй?

Мухатьях успел собраться с мыслями, но на ум ему приходили только бесчисленные добродетели его учителя — добродетели в арабском понимании. Он сделал машину для отсчета музыкальных тактов, и теперь музыканты могли вступать со своей партией вовремя. Двор его дома по всей Кордове славился стеклянной крышей, которую он сделал над своим фонтаном. Он научился делать стекло из золы. Его поэмы — Мухатьях уже хватался за соломинку — знамениты во всем мире.

Шеф оглядел советников, собираясь закончить аудиенцию. Гханья бросал злобные взгляды на бормочущего Мухатьяха, потрясенного полным отсутствием интереса к его рассказу.

— Не хочет ли одноглазый король услышать одну из баллад моего наставника? — предложил он. — Или одну из баллад о моем наставнике?

Услышав перевод, Шеф фыркнул, встал и твердо посмотрел Гханье в глаза. Уже набрав в грудь воздуха, чтобы прервать исполнение, Шеф услышал спокойный бас Бонифация, заглушивший арабскую декламацию юного Мухатьяха.

— Постой, государь. Он рассказывает кое-что интересное. Он собирается спеть балладу о том, как его наставник летал. Полетел с самой высокой башни в Кордове. И, видимо, остался жив.

Шеф очень подозрительно посмотрел на юношу.

— Спроси его, какие перья тот использовал?

Вопрос, ответ, перевод:

— Он говорит, никаких перьев. Только глупцы думают, что люди могут летать как птицы. Они должны летать как люди.

— И как же?

— Он не скажет. Его наставник запретил ему рассказывать. Он говорит, если хочешь узнать, приезжай в Кордову и сам увидишь.

* * *

Через несколько часов, после закрытого заседания королевского совета и долгого совместного пира, Шеф едва добрался до кровати. Пир обернулся настоящей мукой. Гости расспрашивали о каждом поставленном перед ними блюде, отказались от свинины, ветчины, колбас, вина, медовухи, пива, сидра и даже от «огненного вина», которое научился перегонять Удд, с подозрением его понюхали и отвергли. В результате они почти ни к чему не прикоснулись, кроме хлеба и воды. Шеф испугался за их здоровье. В его мире пить сырую воду было риском, на который отваживались немногие. Водохлебы слишком часто умирали от болей в животе и скоротечной дизентерии.

Совещание прошло ненамного лучше. Шеф все время чувствовал, что им пытаются манипулировать, оказывают на него давление. Его удивило единодушие, с каким советники настаивали на его отъезде. Раньше они беспокоились о том, чтобы удержать его от необдуманных экспедиций. А теперь — хотя все было сделано очень осторожно — они словно стремились избавиться от него. Другой, более интересующийся политикой, заподозрил бы заговор и бунт.

Первым начал Бранд.

— Внутреннее море, — пробурчал он. — Туда ходили раньше. Ты, наверно, не знаешь, но Рагнарссоны, — назвав их имя, он сплюнул в огонь, — попробовали туда добраться задолго до тебя. Лет пятнадцать назад, когда еще жив был их

отец. Ушли с сотней кораблей и пропадали два года. Тогда их еще было пятеро...

— Пятеро? — переспросил Шеф. Он знал только четверых.

— Да. Сигурд, Ивар, Хальвдан, Убби и их старший брат, Бьорн. Его звали Бьорн Железный Бок. Он мне нравился, — продолжал Бранд. — Не такой сумасшедший, как остальные. Его убил шальной камень при осаде Парижа.

В общем, дело такое: они там побывали и вернулись через два года, когда все уже думали, что они погибли. Потеряли больше половины кораблей и две трети своих людей. Но клянусь миром Хель, ну и богатыми же они вернулись! С этого началось их могущество. Они построили Бретраборг на эти деньги. Там есть чем разжиться. Золота больше нигде не найдешь.

— Золото нам не нужно, у нас достаточно серебра, — возразил Шеф.

Но тут вступил Ханд, упирая на возможность получить новые знания. «Целая новая наука о зрении, например. А как насчет летающего человека? Нам ничего не рассказывают, но сам факт, что мы узнали об этом случайно, когда проболтался этот глуповатый поэт, означает, что там действительно что-то такое есть. Что-то, что мы себе и представить не можем. А ведь это самая полезная разновидность новых знаний». В общем, добавил Ханд, он подробно расспросил еврея-переводчика. По-видимому, в Кордове есть лекари, которые для лечения запросто вскрывают тела своих пациентов, вещь, которую даже Ингульф, наставник Ханда, делал всего несколько раз в жизни, а сам Ханд и того меньше. И, между прочим, Сулейман сказал, что там есть врачи, которые умеют вскрывать череп и делать операцию на мозге. «Мы обязаны отправиться на юг, — заявил Ханд. — Это наш долг перед Идуной, богиней врачевания».

Торвин говорил мало, но тоже выразил желание отправиться в морскую экспедицию.

— Кто будет управлять Домом Мудрости вместо тебя? — спросил Шеф.

— Фарман, — сразу ответил Торвин.

Странный ответ, ведь Фарман не разделял интереса Торвина к кузнечному ремеслу. Фарман весь вечер сверлил Шефа сумрачным взглядом, будто заклиная его уехать.

Шеф ввалился в спальню, отпустил слуг, стянул с себя королевские одежды и бросил их в угол; завернувшись в одеяло, попытался заснуть. Даже на пуховом матрасе, сменившем теперь доски и солому, на которых Шеф спал большую часть жизни, сон долго не шел. А потом началось.

Во сне он смотрел на карту. Но на карту настоящую, резко отличающуюся от той, что он лично повесил на стену в своем просторном кабинете. И еще больше отличающуюся от других, которые он видел, собирая их по всему христианскому миру. На большинстве христианских карт мир изображают в виде буквы Т, ножкой служит неизведанная земля Африка, а равные по размеру Европа и Азия образуют верхнюю перекладину. Осью мира, его центральной точкой, неизменно оказывается Иерусалим.

Собственная карта Шефа была подробно прорисована на Севере и Западе, быстро расплываясь белыми пятнами в неизвестности Юга и Востока, там он отказывался наносить детали, не подтвержденные надежными источниками. Во сне карта не была похожа ни на христианские, ни на его собственную. Но Шеф интуитивно почувствовал, что она верна. Слишком изрезанная, неожиданная и полная излишних подробностей, чтобы быть игрой воображения.

Страны на карте были обозначены разными цветами. Сначала Шеф увидел свои владения: Британию, Данию, Норвегию, Швецию и острова, окрашенные в ярко-красный цвет. Рядом с ними начали окрашиваться в синий цвет другие земли. Вот посинели земли франков напротив Британии, потом вся Центральная Европа, германские земли, а теперь синяя волна затопила сапог Италии. Империя Шарлеманя. Ныне снова объединенная благодаря Святому Копью, попавшему в руки истинного наследника Карла Великого, хотя и не наследника по крови. В руки Бруно Германского, нового императора.

Шеф дернулся, услышав хладнокровный голос, слишком хорошо ему знакомый.

— Спокойней, — произнес тот. — Это не видение мира Хель. Ни змея, ни Локи не будет. Просто смотри на карту. Смотри на границы.

Видишь, у тебя только в одном месте на суше есть граница с Империей, внизу полуострова Ютландия. Ты укрепил границу от Дитмарша до Балтийского моря, вдоль линии древнего Данневирка, датского укрепления, которое построил король Гуд-

фрид. Но у Бруно границ много. На востоке... — и Шеф увидел, что синее пропадает в почти бесцветной дымке, окрасившейся зеленым.

— Страна степей и лесов. В любой момент оттуда могут нагрянуть огромные армии. Но они исчезают так же внезапно, как появляются. Они не слишком беспокоят Бруно.

— На юго-востоке... — Шеф неожиданно увидел золотистый язык, протянувшийся от вершины итальянского сапога в глубину Азии.

— Греки. Их столица — Византия, а Бранд ее называет Миклагард, Великий Город. Ныне они не так богаты, как арабы. Зато истинные наследники римлян и римской цивилизации. Их Бруно тоже не боится, хотя у него есть на них свои планы. Он хочет включить их в объединение всех христиан, сочетающее культуру и коварство греков с энергичностью и жестокостью своих немцев. Перед таким союзом могут дрогнуть даже степные воины. А теперь смотри на серебро.

И серебро появилось, словно раскатанный ковер пересек карту, охватывая земли, которые Шеф и представить себе не мог, далеко на восток от Византии и в самой глубине Африки.

— Земли Дар-аль-Ислама, Дома Покорных воле Аллаха, — проговорил холодный голос. — Нет бога, кроме Аллаха, и неудивительно, что ненависть сильней всего между теми, кто одинаково верит в Единого Бога. Может быть, в одного и того же Бога. Но ни одна из сторон этого не признает.

А теперь посмотри на земли Дар-аль-Харб, Дома Войны, — между серебром и синевой появилась сверкающая линия и пролегла через горы Северной Испании.

— Разбойничьи герцогства, теперь они усилились благодаря Ордену Копья, ордену воинственных монахов, — и отсверк перешел на юг Франции.

— Разбойничьи гнезда мусульман, — пояснил голос, — ныне им угрожает воспрянувшая Империя.

Сияние охватило острова: Сицилию, Мальту, Сардинию, Мальорку и другие Балеарские острова.

— Это ключ, — сказал голос. — Они контролируют Внутреннее море.

Шеф увидел, что постепенно серебряное везде превращается в синее. Словно ножницами обкорнали края арабской Испании.

Объединить синее и золотое, подумал Шеф. Обрезать серебряное, превратить его в синее. Тогда это будет самое крупное объединение в мире. В поле зрения вернулись его красные владения — тонкая полоска, прочерченная на одном из углов Империи. Его владения простираются от острова Сцилла до мыса Нордкап. Но они не шире карандашной линии.

— А вот где ось, — произнес голос, доносящийся теперь издалека, словно он уже уходил. На христианских картах всегда изображали Иерусалим в качестве центра Земли, оси мира, точки предназначения. Шеф увидел, как центральная точка засияла, выделилась на фоне бледнеющих красок его сна, словно придвинулась к нему. Точка в самом центре Внутреннего моря, уравновешивающая Север и Юг, Восток и Запад. Но он не знал, что это.

Его мысль метнулась вслед удаляющемуся наставнику, взывая:

— Где? Где?

И голос донесся из холодного и враждебного далека:

— В Риме. Иди в Рим, сын мой. Там ты обретешь мир...

Шеф проснулся с таким содроганием и конвульсиями всех мышц, что деревянная рама кровати затрещала и заспанные стражники вбежали из холла. «Он хочет, чтобы я шел в Рим, — подумал Шеф. — Это был мой отец Риг. Он назвал меня «сын мой». При таком отце это не сулит ничего, кроме беды».

Глава 5

В тот момент, когда подгоняемый течением флот вышел из устья Темзы и повернул на юг, чтобы Узким морем пройти в Бискайский залив, Шефа поразила собственная неистребимая жизнерадостность. Ведь оснований для оптимизма не было. Своим видениям он доверять не мог. Его друзья, чувствовал он, что-то от него скрывают. И все же он ощутил прилив энтузиазма, едва под ногами закачалась палуба корабля.

Может быть, размышлял Шеф, все дело в переменах, которые каждый раз обещало ему морское путешествие. Словно бы ветер перемен, достаточно свежий на земле, по край-

ней мере в его стране, на море становился еще сильнее. Он не мог не сравнивать нынешнее путешествие с тем, в которое пустился восемь лет назад, когда он заплыл далеко на север, в конце концов победил Рагнарссонов и уступил Святое Копье своему сопернику Бруно. Тогда он отплыл на экспериментальных кораблях, предназначенных только для одного: нести на себе катапульты. Все остальное на них требовало мучений. Лучшая в мире команда не смогла бы удержать их от нескончаемого сноса в подветренную сторону. А ведь его команда тоже была экспериментальной. Рыбаки в качестве капитанов и сухопутные вояки в качестве матросов. Им, слишком неуклюжим и неопытным, даже со всеми предосторожностями нельзя было доверить развести на борту огонь, поэтому приходилось день за днем есть холодную пищу, запивая ее глотком пива и надеясь лишь на ночевку близ берега, где можно будет разжечь костер.

Совсем другое дело сейчас. Флот Шефа не был велик. После опасливых прикидок решили не трогать эскадру новых двухмачтовых кораблей с катапультами, оставив их сторожить вечно таящее угрозу устье Эльбы. Каждый знал, что флот императора всегда наготове и лелеет надежду проскользнуть через заслоны, может быть даже высадить на английский берег грозных, вымуштрованных, несокрушимых воинов-монахов из Ордена Копья, как небо от земли отличающихся от недисциплинированных рыцарей Карла Лысого, разбитых под Гастингсом девять лет назад. Так что тридцать кораблей остались бороздить прибрежные воды в своей непрекращающейся круговерти между позициями в море близ Эльбы, главной базой в Нориджe и вспомогательными портами на датском полуострове Ютландия. Шеф взял с собой только шесть кораблей и свой флагман — «Победитель Фафнира».

Однако это были славные корабли. Им был нипочем встречный юго-западный ветер, который остановил бы их прототипы; они без труда прошли длинными галсами по Каналу, команда ловко и быстро управлялась с удвоенным парусным вооружением. Им также не были свойственны те устрашающие изгибы корпуса, которые так напугали Шефа и его покойного ныне товарища Карли, когда они впервые оказались пассажирами на настоящем судне викингов. Вместо того чтобы изгибаться по форме каждой накатывающей волны, большие тяжелые корабли просто разбивали валы, сохраняя устойчивость благодаря грузу и балласту и легко удерживая вес своих высоко установленных катапульт. На них даже была — Бранд лишь завистливо и грустно покачал головой, когда впервые это увидел, — такая новомодная роскошь, как сплошные палубы. Ни на одной ладье викингов внутренности не закрывало ничего, кроме скамей гребцов и кожаных пологов, которые иногда натягивали для защиты от дождя. Чтобы выспаться во время морского перехода, нужно было завернуться в груду одеял и ложиться на днище; если повезет, то между шпангоутами. Теперь же большая ширина и высота укрепленного бронзовыми болтами корпуса означали, что можно настелить сплошную палубу, дающую кров, а под ней оставалось место для гамаков сильных мира сего, прежде всего — самого короля. Шеф улыбался, как мальчишка, когда его шкипер Ордлав показал ему это нововведение. А потом, выбравшись из гамака, отметил, что благодаря этому можно увеличить продолжительность плавания без заходов в порт — очень ценно для патрульных судов.

— Он никогда ничему не радуется, — шепнул позже Ордлав своим помощникам. — Старается все предусмотреть наперед. Если хотите знать мое мнение, это никому не принесет добра.

Но Ордлав ошибался. Шеф радовался каждой мелочи, когда в конце концов, стоя на платформе кормовой катапульты, увидел удаляющийся берег Англии и услышал устрашающие рвотные звуки, издаваемые послом халифа и его людьми, снова обреченными на атлантическую качку. Его взгляд отметил, как искусно его двенадцать кораблей — семь с катапультами и пять разведывательных кораблей викингов — выстроились в подобие журавлиного клина размахом в пять миль, так, чтобы не упускать друг друга из виду и в то же время просматривать горизонт как можно дальше. Он одобрительно кивнул, увидев новые «вороньи гнезда» на вершине каждой мачты. Он был бы рад увидеть в каждом из них впередсмотрящего с подзорной трубой, вроде той, что показывали арабы, но до сих пор секрет ее изготовления не был раскрыт. В данный момент жрецы Пути трудились в Доме Мудрости, плавили стекло, придавали ему различные фор-

мы, пытаясь проникнуть в секрет тем же способом, который применяли при усовершенствовании стали и оружия: не с помощью логики, а последовательно перебирая возможные варианты. Тот, у кого получится, сможет сам назначить себе награду.

Но, между прочим, на новых кораблях был даже каменный очаг, защищенный от ветра и дождя! Ноздри Шефа улавливали запах густой похлебки с колбасой, и он вспомнил, какие ему доводилось испытывать муки голода. Ведь все говорят, повторил он себе, что бедность не входит в число добродетелей. Возможно, добродетели помогают переносить бедность, но она никого не делает лучше.

Его приятные размышления были внезапно прерваны суматохой на форкасле, передней боевой платформе: оттуда послышались возбужденные голоса мужчин и перекрывающий их визг, невозможный в море визг женщины. И притом, судя по звуку, женщины негодующей. Шеф торопливо пробрался к борту и зашагал вдоль длинной семидесятифутовой палубы.

Это действительно оказалась женщина, однако в первый момент Шефа больше поразил вид его друга детства, лекаря Ханда, который набычился против шкипера Ордлава и всем телом его отталкивал. Ханд был одним из самых слабых, такой миролюбивый и кроткий, что просто невыносимо. С трудом верилось, что он теснит грузного Ордлава.

Но еще более странно выглядела сама женщина. Шеф сразу заметил ее каштановые волосы и сверкающие голубые глаза — при этом какие-то воспоминания шевельнулись в его мозгу, — но потом он уже не видел ничего, кроме ее одежды.

Медленно до мозга доходило то, что уже отметил взгляд. Ее одеяние определенно было копией одежд жрецов Пути. Белоснежная, многократно отбеленная шерстяная ткань. На шее амулет, но не из тех, которые легко опознать. Не яблоко лекарей и не молот кузнецов. Лыжи бога Улла? Нет, перо, грубо сделанное, но узнаваемое перо птицы. А вокруг талии у женщины висела низка священных ягод рябины.

Шеф обнаружил, что рядом с ним стоит Торвин. И еще он понял, что крик и возня затихли, прерванные его появлением и его пристальным взглядом.

— Она с тобой? — с изумлением спросил король у Торвина. — У вас теперь есть жрицы?

— Не со мной, — был угрюмый ответ. — Она не имеет права носить наши амулеты и одежду. Их надо снять с нее, платье и все прочее.

— А что потом?

— А потом за борт ее, — вмешался Ордлав. — Слыханное ли это дело — женщина на борту корабля? — Он тут же спохватился: — Я хотел сказать, носящая прялку.

Шеф хорошо знал, что среди его моряков, даже среди англичан вроде Ордлава, которые оставались христианами, распространен особый табуированный жаргон, *haf*-слова. Викинг Бранд и его люди непоколебимо стояли на том, что упоминание в море о таких непотребных существах, как женщины, кошки и христианские священники, — верный способ накликать беду, и хуже этого может быть только путешествие на одном с ними корабле. Также нельзя было запросто называть составные части своего корабля, для них имелись особые ритуальные названия. Об этом и вспомнил Ордлав. Но все соображения Шефа снова улетучились, едва он присмотрелся к стоящей напротив женщине. Он рассеянно отодвинул рвущегося на защиту Ханда, чтобы без помех окинуть ее взглядом.

— Я видел тебя раньше, — отметил Шеф. — Ты меня ударила. Ты расквасила мне нос. Теперь я вспомнил. Это было под Бредриксвордом, в лагере... в лагере могучего воина. Ты была в палатке, которую я разрезал, в палатке... — Шеф запнулся. Он не помнил правил Бранда на этот счет, но что-то ему подсказывало, что имя Ивара Бескостного может ничуть не хуже, чем женщины и кошки, разъярить и накликать морских ведьм богини Ран, богини глубин. — В палатке бледного человека, — наконец выкрутился он.

Она кивнула.

— Я тоже тебя помню. У тебя тогда было два глаза. Ты разрезал палатку, чтобы вытащить английскую девушку, но перепутал меня с нею. Я тебя ударила, и ты меня отпустил. — Шеф услышал, что по-английски она говорит с норвежским акцентом, таким же заметным, как у Бранда. Но акцент ее несколько другой и не похож на акцент многих приверженцев Пути, говорящих на смеси английского и норвежского. Она датчанка. Похоже, чистокровная датчанка. Откуда она взялась?

— Я провел ее на борт, — заявил Ханд, которому наконец-то удалось привлечь к себе внимание. — Я спрятал ее

под палубой. Шеф, ты был учеником Торвина, я был учеником Ингульфа. А Свандис — моя ученица. Я прошу тебя защитить ее, как Торвин защищал тебя, когда псы Ивара хотели тебя убить.

— Если она твоя ученица, почему она не носит яблоко Идуны, знак лекарей? — спросил Шеф.

— Женщины не могут быть учениками, — в тот же момент проворчал Торвин.

— Это я могу объяснить, — ответил Ханд. — Но есть еще много вещей, которые необходимо разъяснить. В личной беседе, — добавил он. Шеф задумчиво кивнул. По опыту он знал, что Ханд никогда ничего не просит лично для себя с того самого дня, когда Шеф снял с него рабский ошейник. Однако он верой и правдой служил своему королю. Он заслужил право быть выслушанным. Шеф молча указал на закуток, где был подвешен королевский гамак. Он обернулся к Ордлаву, Торвину, всей команде и смуглолицым арабам позади.

— Больше никаких разговоров о раздевании и швырянии за борт, — распорядился Шеф. — Ордлав, начинай раздавать еду. И не забудь про нас с Хандом. А что до женщины, отведи ее на корму, и пусть двое твоих помощников присмотрят за ней. Ты отвечаешь за ее безопасность. Леди, — добавил он, — следуйте за этими людьми.

Какое-то мгновение она сверлила его взглядом, будто собираясь ударить снова. Свирепое лицо, знакомое лицо. Когда она обмякла и опустила глаза, Шеф с содроганием сердца вспомнил, где видел это лицо. Он глядел в него на сходнях. Это женское воплощение Бескостного, которого Шеф убил и сжег дотла, чтобы дух его никогда не вернулся. Что за тень вызвал Ханд из прошлого? Если это *draugr*, одна из дважды рожденных, Шеф в конце концов последует совету Торвина. И тем самым снимет камень с души у своих моряков, мрачно принявшихся за еду.

* * *

— Да, она дочь Ивара, — признал Ханд, едва они уселись в темноте под платформой передней катапульты. — Я понял это некоторое время назад.

— Но как у него может быть дочь, его дочь? Ведь он ничего не мог с женщинами, поэтому его и прозвали Бескостный, у него не было...

— Да были, были, — вздохнул Ханд. — И ты прекрасно это знаешь. Когда ты убивал его, ты раздавил их в своем кулаке.

Шеф примолк, вспомнив последние мгновения своего поединка с Иваром.

— К тому времени, когда мы его узнали, — продолжал Ханд, — ты, похоже, прав, он уже ничего не мог с женщинами. Но когда был помоложе, он еще мог — если сначала их помучит. Он был одним из тех мужчин... их гораздо больше, чем следовало бы, даже в твоем королевстве... которых возбуждают боль и страх. К концу жизни он стал ценить в женщинах только их боль и страх, и, думаю, ни одна доставшаяся ему женщина уже не могла надеяться выжить. Знаешь, от этого ты и спас Годиву, — добавил он, бросив на короля пронизывающий взгляд. — Поначалу он обращался с ней хорошо, но, как я слышал, он такое делал нарочно, чтобы острее было удовольствие потом, когда доверие жертвы вдруг сменится страхом.

Но в молодости его притязания были, видимо, поскромнее. Женщинам удавалось выжить после того, что он с ними делал. Он мог даже наткнуться на одну-двух таких, которые сами помогали ему, извращенных в другую сторону.

— Что, радовались, когда их бьют? — недоверчиво фыркнул Шеф. Ему самому нередко доводилось испытывать боль. Его нынешний собеседник выжег ему глаз раскаленной иглой — чтобы не случилось худшего. Он не мог представить себе даже отдаленной связи удовольствия с болью.

Ханд кивнул и продолжил:

— Я думаю, что с матерью Свандис у него даже могло быть что-то вроде любви. Как бы то ни было, эта женщина зачала от него дочь и дожила до родов. Хотя вскоре после них она умерла — ведь Ивар становился все более жестоким. Ивар очень дорожил дочерью, возможно, из-за ее матери, а возможно, потому, что она была живым доказательством его мужских способностей. Он взял ее с собой в Великий поход на Англию. Но после переполоха под Бредриксвордом все Рагнарссоны отослали своих женщин, настоящих женщин, а не наложниц, назад в безопасный Бретраборг. Но, Шеф, ты

должен понять следующее, это я тебе скажу как лекарь, — Ханд взялся за амулет-яблоко, чтобы засвидетельствовать свою серьезность. — Эту девушку три раза пугали до смерти. Во-первых, в Бредриксворде. Большинство женщин из той палатки убили, это ты знаешь. Годиву ты вытащил, а Свандис схватила оружие и затаилась между растяжек, где воинам нелегко было ее найти. Всех остальных зарезали люди, настолько ослепленные яростью, что уже ничего не разбирали. Утром она собирала тела. Второй раз в Бретраборге, когда ты взял его штурмом. Она тогда жила как принцесса, любая ее прихоть выполнялась. И вдруг повсюду опять кровь и огонь, и после этого ей пришлось бродяжничать. Никто бы не принял дочь Рагнарссона. А достань она золото, любой бы его отнял. Все ее родственники были мертвы. Чем, по-твоему, она жила? Ко времени, когда добралась до меня, она прошла через много рук. Словно монахиня, которую захватили викинги и передают от костра к костру.

— А в третий раз? — спросил Шеф.

— Когда погибла ее мать. Кто знает, что там произошло? И кто знает, что увидел или услышал ребенок?

— Сейчас она твоя наложница? — осведомился Шеф, пытаясь прийти к какому-то решению.

Ханд только рукой махнул.

— Я же тебе пытаюсь втолковать, безмозглый ты засранец, что из всех женщин эта в последнюю очередь мечтает быть чьей-то любовницей. В ее мире для женщины лечь с мужчиной — все равно что быть медленно выпотрошенной, и делается это исключительно ради еды или ради денег.

Шеф откинулся на скамье. Хотя лица его в неосвещенном твиндеке было не различить, он слабо улыбался. Ханд разговаривал с ним совсем как в те времена, когда оба они были мальчишками, сын трэля и незаконнорожденный. С другой стороны, какое-то возбуждение шевельнулось внутри его при мысли, что появившаяся женщина *не была* любовницей Ханда. Дочь Рагнарссона, размышлял он. Сейчас, когда ее отец и дядья с кузенами, к счастью, мертвы, это может оказаться не так уж плохо — взять и породниться с Рагнарссонами. Ведь, несмотря на ненависть, все признавали, что они были потомками богов и героев. Змеиный Глаз заявлял, что в его жилах течет кровь Вьолси и Сигурда, убийцы Фафнира. Нет сомнений, что

датчане, шведы и норвежцы признают дитя от подобного союза — пусть даже она Бескостный в женском роде.

Шеф вернулся к реальности:

— Если она не твоя любовница, зачем ты спрятал ее на борту?

Ханд снова наклонился к нему:

— Я тебе говорю, у этой девушки столько ума, сколько ни ты, ни я не встречали.

— Что, больше, чем у Удда? — Шеф вспомнил о крошечном, рожденном в рабстве человечке, который сделался королевским железных дел мастером и самым уважаемым кузнецом среди жрецов Пути: но его теперь не выманишь из Дома Мудрости в Стамфорде, ведь его нервы навсегда расстроены теми ужасами, что ему довелось пережить на Севере.

— В некотором роде. Но ее ум другой. Она не кузнец, не обрабатывает металл и не выдумывает машины. Она мыслит глубже. После бегства из Бретраборга кто-то рассказал ей об учении Пути. Святых поэм и сказаний она знает не меньше, чем Торвин, и умеет читать их и записывать. Вот почему она решила носить птичье перо, хотя я не знаю, какого бога оно обозначает. — Ханд перешел на шепот: — Я считаю, что она разъясняет сказания лучше самого Торвина. Их скрытый смысл, правду о Вёлунде, о короле Фроти и девах-гигантах, всю правду, а не наши сказки, об Одине и Локи, о дне Рагнарока. Тем, кто готов слушать, она излагает странное учение, говорит, что нет Вальгаллы для славных и Ностранда для дурных, нет чудовищ в безднах морских и под землей, нет Локи и нет мира Хель...

Шеф оборвал его:

— Если ты хочешь, она может остаться. Что до меня, то пусть даже излагает свое странное учение. Но скажи ей следующее: если она хочет кого-нибудь убедить, что Локи не существует, пусть начнет с меня. Я осыплю золотом того, кто докажет мне это. Или убедит меня, что его оковы прочны...

* * *

Не так уж далеко, на расстоянии полета ворона от военного флота, бороздящего Атлантику у французского побережья, новый император Священной Римской империи со вкусом готовился к своему послеобеденному развлечению.

Вернувшись со встречи в Салонах, император с обычной своей яростной энергией набросился на следующую задачу, которую он перед собой поставил, — дополнить на сухопутном театре те военные действия, которые его генерал Агилульф и греческий адмирал Красного флота осуществляли на море. Настало время, объявил Бруно, покончить с мусульманскими крепостями, поставленными поколение назад на южном берегу Франции, где они постоянно угрожали паломникам и должностным лицам, направляющимся в Рим, к вящему позору всех христиан и наследников Карла Великого. Кое-кто стал ворчать, что это проще сказать, чем сделать. Но таких было немного. Император ни к чему не приступал без плана.

Сейчас Бруно стоял, спокойный и веселый, и объяснял, какое развлечение готовится, окружившей его группе недоверчивых, осторожных, но чрезвычайно заинтересованных дворян — это были мелкие герцоги и бароны с Пиренейских гор, их крепости как занозы сидели на краю мусульманской Испании, и поэтому они служили своеобразным противовесом мусульманским бандитам, одно из гнезд которых на южном побережье Франции Бруно собирался сегодня уничтожить. Время от времени с неба шлепалась стрела или дротик, выпущенные из крепости, башни которой вздымались футов на двести над беседующими. Дворяне заметили абсолютное безразличие императора к опасности, он лишь нехотя поднимал щит, чтобы отбить стрелу, не прерывая своей речи. Это не была речь кабинетного вояки. В императора за его жизнь стреляли больше раз, чем он помочился.

— Как видите, они построили высокие стены, — объяснял Бруно. — Долгое время это было вполне надежно. Осадные лестницы установить нелегко, у них полно лучников — неплохих, кстати, лучников, — добавил он, в очередной раз поднимая свой щит. — Построено на камне, так что делать подкоп бесполезно. Даже наши онагры невозможно поднять достаточно высоко, чтобы ударить в их ворота.

Но мусульманские мерзавцы еще не имели дела с моим славным *secretarius*'ом! — Император указал рукой на фигуру, которую испанские бароны до сих пор не замечали: маленький тощий человечек, одетый в неприметную черную рясу дьякона, стоял около огромной машины, которую с трудом притащили две сотни человек. Взглянув еще раз, бароны

убедились, что от дьякона не отходят два полностью вооруженных воина со щитами удвоенного размера. Император мог рисковать своей жизнью, но не жизнью этого дьякона.

— Это Эркенберт Англичанин, Эркенберт-*arithmeticus*. — Бароны понимающе кивнули. Даже они слышали об этом человеке. Ныне все христиане знали историю о том, как великий император путешествовал в языческие страны и вернулся со Святым Копьем центуриона Лонгинуса. Значительную часть истории занимал рассказ о том, как Эркенберт-*arithmeticus* сокрушил Королевский Дуб шведских идолопоклонников.

Маленький дьякон выкрикивал пронзительные распоряжения, в кулаке у него был зажат факел. Он взглянул на императора, увидел его кивок, нагнулся к своей машине, выпрямился и выкрикнул последний приказ. Мгновением позже испанцы издали общий стон изумления. Коромысло машины качнулось, его короткое плечо медленно и натужно тянула вниз огромная бадья. В тот же самый момент длинное плечо взметнулось вверх, настолько же быстро, насколько медленно двигалось короткое, и выпустило дымный след. Но стон был вызван размерами выброшенного вверх снаряда: крупнее любого камня, который мог бы поднять человек, крупнее, чем мул или двухлетний вол, снаряд словно по волшебству улетел в небо. Пронесся над стеной мусульманской крепости и рухнул где-то в глубине. Со стен донеслись встревоженные и яростные крики. А обслуга требукета, военной машины, уже суетилась около рычага с бадьей, некоторые забрались внутрь и выкидывали на пересохшую землю камень за камнем.

— Машина очень медленная, — оживленно продолжал Бруно, — зато легко может зашвырнуть снаряд весом с трех человек футов так на сто пятьдесят. И вы видели, что она пускает его вверх. Не просто вперед, как онагр, а вверх. Поэтому мы поступаем с негодяями так: сначала забрасываем огнем деревянные постройки внутри крепости — четыреста фунтов просмоленной соломы невозможно потушить просто помочившись, — а потом... ну, сами увидите. Коль скоро мой секретариус сделал выстрел или два, он может рассчитать вес груза — это нелегко, но он *arithmeticus* — и выстрелить еще раз, уже не соломой, а камнем, который попадет точно в их ворота, — он указал на обитые железом дубовые

ворота крепости. — А потом, как вы увидите, — Бруно показал на тяжеловооруженных воинов, выстроившихся в шеренги вне пределов досягаемости вражеских луков, — в бой пойдут герои из Ордена Копья и докончат работу.

— И мы вместе с ними, — вступил один из испанских баронов, иссеченный шрамами ветеран.

— Разумеется! — вскричал Бруно. — И я тоже! Да я для этого и приехал! — Он заговорщически подмигнул. — Хотя нам необходимо принять одно решение. Мои парни носят кольчуги, ведь они идут в бой по два раза на неделе. Но тем из нас, кому это удается лишь изредка, не лучше ли пойти легковооруженными? Я сам ношу только кожаный жакет, он не мешает двигаться, и арабы тоже не носят доспехов. По правде говоря, для меня такие дела больше похожи на травлю крыс, чем на сражение. Но этим мы обязаны нашим хитростям, которые помогают нам выкурить крыс.

Он с благодарной улыбкой взглянул на своего секретариуса, который руководил подъемом бадьи огромного требукета, готовясь снова наполнить ее грузом.

— А вы возьмете с собой в битву Святое Копье? — осмелился спросить один из испанцев.

Император кивнул, и золотой венец, водруженный на его простой стальной шлем, сверкнул на солнце.

— Я никогда с ним не расстаюсь. Но я его держу в той же руке, где пристегнут щит, и никогда не наношу им ударов. Однажды оно было напоено Святой Кровью нашего Спасителя, и его нельзя осквернять кровью мерзких язычников. Я дорожу им больше, чем собственной жизнью.

Испанцы стояли молча. Было совершенно ясно, что этот штурм предпринят не только с целью уничтожения бандитов, но и с целью произвести впечатление на баронов. Император хотел подчеркнуть для них тщетность всякого другого выбора, кроме союза с ним и подчинения. Однако они и сами к этому склонялись. Многие поколения их предков отчаянно противостояли волнам мусульманского нашествия, совсем, по-видимому, позабытые спрятавшимися за их спиной собратьями-христианами. Если теперь великий король пришел с могучей армией — что ж, они готовы показать ему дорогу и разделить с ним добычу. Реликвия в его руке была лишь еще одним подтверждением его могущества, хотя и довольно убедительным. Наконец один из баронов заговорил, он сделал выбор и хотел доказать свою лояльность.

— Мы все пойдем за Копьем, — сказал он на искаженной латыни горцев. Его товарищи откликнулись согласным гулом. — Я так думаю, что владелец Копья должен владеть и другой святой реликвией нашего Спасителя.

Бруно пристально и подозрительно взглянул на него:

— И что это за реликвия?

Испанец улыбнулся.

— О ней известно немногим. Но говорят, в этих горах хранится третья, кроме Святого Креста и Святого Копья, реликвия, которая соприкасалась с нашим Спасителем.

Он умолк, довольный произведенным эффектом.

— И что это?

— Святой Градуаль, — на приграничном диалекте это прозвучало как «Санто Граале».

— Где он находится и что это такое? — очень тихо проговорил Бруно.

— Не могу сказать. Но, говорят, его прячут где-то в этих горах. Он спрятан со времен длинноволосых королей.

Другие бароны с сомнением переглянулись, не уверенные, что стоило упоминать старинные династии, свергнутые дедом Карла Великого. Но Бруно нимало не заботила легитимность династии Шарлеманя, которую он сам истребил, его внимание было целиком поглощено рассказом барона.

— Так кто же владеет им сейчас, это известно?

— Еретики, — ответил барон. — В этих горах они повсюду. Это не поклонники Мухаммеда и Аллаха, говорят, это поклонники самого дьявола. Грааль упал к ним много лет назад, так говорят, хотя никто не знает, что бы это могло означать. Мы не знаем, кто эти еретики, они могут быть сейчас среди нас. Говорят, у них очень странное вероучение.

Машина снова выстрелила, камень медленно поднялся в воздух и сокрушительно ударил по воротам, позади которых вздымались клубы черного дыма. Воины Ордена Копья издали хриплый клич и бросились в брешь. Их император обнажил свой длинный меч и повернулся, сжимая мускулистой рукой Святое Копье.

— Поговорим об этом после, — прокричал он сквозь шум битвы. — За ужином. Когда перебьем крыс.

Глава 6

Сердце халифа Кордовы Абд эр-Рахмана было неспокойно. Он сидел со скрещенными ногами на своем любимом ковре в самом маленьком и потаенном дворике своего дворца и мысленно перебирал свалившиеся на него неприятности. Рядом успокаивающе журчала в фонтане вода. В сотнях ваз, расставленных по всему дворику в кажущемся беспорядке, росли цветы. Балдахин закрывал халифа от прямых лучей солнца, уже набравшего силу за короткую андалузскую весну. Во всем дворце говорили шепотом, а снующие повсюду слуги делали свою работу молча. Телохранители на цыпочках отошли под затененную колоннаду, наблюдая, но оставаясь невидимыми. Христианская рабыня из его гарема, понукаемая мажордомом, принялась потихоньку наигрывать на цитре ненавязчивую мелодию, едва слышную и готовую умолкнуть при малейшем признаке неудовольствия. Никто не смел войти во дворик, и халиф погружался в свои размышления все глубже и глубже.

Купцы принесли плохие вести, рассуждал он. Ясно, что христиане захватили все острова, на которых только можно разместить морские базы: Сицилию, Мальту, Мальорку, Менорку, остальные Балеарские острова, даже остров Форментеру, и вдобавок — хотя это была уже не его забота — греческие острова Кипр и Крит. Купцы сообщали, что на всех торговых линиях, даже вдоль африканского побережья, их суда подвергаются нападениям христианских пиратов. «Странно, что все изменилось так стремительно», — подумал халиф.

Тому была причина, хотя халиф ее не знал. При всей своей величине Средиземное море все-таки больше похоже на озеро. Из-за доминирующих ветров и постоянного течения, несущего свои воды из Атлантики, чтобы восполнить убыль от испарения в этом почти замкнутом водоеме, в Средиземном море гораздо легче плыть с запада на восток, чем с востока на запад, а с севера на юг — легче, чем с юга на север. Первое обстоятельство давало преимущество халифу, а второе — его христианским противникам. Как только объединение арабских флотов и баз на севере было раздавлено, путь на юг стал открыт для жителей любой островной деревушки, желающих снарядить корабль и попробовать отыграться за

многовековой мусульманский грабеж на купцах из Египта и Туниса, Испании и Марокко.

«Нет, — подумал халиф. — Угроза торговле — это неприятность, но не она так тревожит меня. Испания ни в чем не испытывает недостатка. Если заморская торговля прекратится, кое-кто разорится, зато разбогатеют другие, которые начнут поставлять то, что мы привыкли покупать у египтян. Меня гневят потери кораблей и людей, но за них можно будет отомстить. Не это смущает мою душу».

Значит, новости о франках? Халиф не испытывал личных симпатий к прибрежным бандитам, чьи гнезда разорил новый император франков. Бандиты не платили дань халифу, и среди них не было его родственников, многие в свое время сбежали от его праведного суда. Но именно здесь сидела какая-то заноза, которая не давала покоя халифу. Он не забывал слова пророка Мухаммеда: «Правоверные, бейтесь с теми неверными, кто к вам ближе всего». Может быть, дело в том, что он, Абд эр-Рахман, пренебрег своим священным долгом? Недостаточно ревностно боролся с нечестивцами на северных границах? Не пришел на помощь тем мусульманам, которые выполняли заповеди Пророка? Абд эр-Рахман прекрасно знал, почему он не трогал свои северные границы: добыча скудная, потери велики и ведь горы все-таки служили каким ни на есть щитом между его владениями и могучей империей франков по другую их сторону. «С перемешавшихся в горах христиан, еретиков, евреев легче сдирать налоги, чем править ими, — подумал халиф. — Но, может быть, в этом-то и ошибка».

Нет, снова решил халиф, эти новости неприятны и заставят его заново обдумать свою политику, но они не таят в себе большой угрозы. Леон и Наварра, Галиция, Руссильон и прочие крошечные королевства — да все они сразу падут, как только он протянет к ним руку. Может быть, уже в следующем году. Нет, главную причину нужно искать глубже.

Не могут ли это быть сообщения, поступившие к халифу от его *kadi*, главного судьи города? В них действительно было что-то, глубоко его задевающее. Уже двадцать лет Кордову потрясали выходки то одного, то другого юного идиота или идиотки из христианского меньшинства. Они лезли на рожон. Они поносили Пророка на рыночной площади. Они приходили к кади и заявляли, что раньше верили в заповеди

Пророка, но теперь нашли истинного Бога; они пускались во все тяжкие, лишь бы совершить такое, за что полагалась смерть от сабли палача. Потом их приспешники объявляли их святыми и, если кади не проследил за сожжением нечестивцев, торговали их костями как святыми реликвиями. Халифу доводилось читать священные книги христиан, и он прекрасно понимал, какое здесь напрашивается сравнение со смертью пророка Иешуа: римлянин Пилат изо всех сил старался не приговаривать его к казни, но в конце концов все-таки вынужден был послать его на смерть. Какая жалость для всего мира, что Пилат не оказался тверже! Судя по сообщениям кади, христиане пытались повторить ситуацию, провоцируя мусульман возмутиться и учинить в городе погром.

Но суть дела опять же не в этом, решил халиф. Его предшественник нашел лекарство от этой болезни. Христиане с легкостью готовы были принять мученическую смерть, но гораздо хуже относились к публичному унижению. Еще сам Пилат предложил, как с ними надо обращаться: раздеть и публично высечь батогами. Потом с презрением отпустить домой. Это умиротворяло толпу мусульман и не позволяло сделать из наказанных ни святых, ни мучеников. Некоторые держались во время порки хорошо, другие хуже. Но очень немногих приходилось наказывать второй раз. Главное было — не поддаваться на провокацию. Тот, кто действительно исповедовал ислам, а потом стал христианином, заслуживает смерти. А тех, кто заявляет о своем мнимом обращении, чтобы подвергнуться казни, следует игнорировать.

Но в этом-то и заключена суть дела, вдруг понял халиф. Он заворочался на своем ковре, и треньканье цитры моментально смолкло. Халиф уселся поудобнее, и музыка очень осторожно зазвучала снова.

Главным в исламе было *shahada*, исповедание веры. Тот, кто однажды при свидетелях принял его, бесповоротно на веки вечные становился мусульманином. Всего-то и требовалось, что произнести слова: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его». «La illaha il Allah, Muhammad rasul Allah», — пробормотал про себя халиф примерно в стотысячный раз. Эти слова предписаны самим Пророком. Их нельзя взять назад.

И все же Пророку, да славится имя его, подумал халиф, никогда не приходилось иметь дело с христианами, стремящимися к мученической смерти! Иначе он усложнил бы обряд! Халиф одернул себя. Вот почему ему так тревожно. Он чуть было не начал критиковать Пророка и подумывать об изменении ислама. В глубине души он становился неверующим.

Халиф поднял палец, изобразив, будто развертывает свиток. Не прошло и минуты, как перед ним молча застыл его *katib*, хранитель библиотеки. Халиф кивнул на подушечку, предлагая Ицхаку садиться, и изогнул палец, чтобы принесли шербет и финики.

— Расскажи мне, — произнес он после паузы, — расскажи мне о мутазилитах.

Ицхак, похолодев, осторожно разглядывал своего хозяина и повелителя. Какими подозрениями вызван этот вопрос? Что нужно халифу — новые сведения или подтверждение собственных мыслей? Похоже, что новые сведения. Но не следует скупиться на проклятья еретикам.

— Мутазилиты, — начал библиотекарь, — были вскормлены недостойными приверженцами Абдуллы, врага вашего дома. Хотя к нынешнему времени даже в Багдаде, обители нечистых, они попали в немилость и разогнаны.

Слегка сузившийся взгляд халифа подсказал Ицхаку, что пора поскорей переходить к сути.

— Основа их ереси такова, — продолжал он. — Вера должна, как учили греки, подчиняться рассудку. Причина же недовольства ими заключается в том, что они доказывают, будто Коран не вечен и может быть пересмотрен. Они заявляют, что вечен один лишь Аллах. А Коран, следовательно, — нет.

Ицхак запнулся, сомневаясь, нужно ли проявлять настойчивость. Как и многие ученые Кордовы, он всей душой сочувствовал тем, кто проповедовал свободу в поисках знаний, отвергал цепи *hadith*, традиции. Они научились скрывать свои симпатии. Однако Ицхак может рискнуть и рассказать о дилемме, как ее назвали бы греческие *falasifah*, мудрецы.

— Халиф видит, что мутазилиты ставят нас перед трудным выбором, дилеммой, — продолжал он. — Ведь если мы согласимся с ними, мы признаем, что можно изменить зако-

ны *shari'*а, пути очищения. Но где же тогда проходит путь очищения? А если мы с ними не согласимся, мы должны считать, что Коран появился раньше самого Пророка. Признав это, мы отнимаем у Пророка честь создания Корана.

— А что думаешь ты сам, Ицхак? Говори откровенно. Если мне не понравятся твои слова, я сделаю вид, что их не услышал, и больше не буду спрашивать.

Библиотекарь тяжко вздохнул, вспомнив, как знаменитый визирь халифа Гаруна аль-Рашида, выходя из дворцовых покоев, всякий раз хватался за свою голову — цела ли она?

— Я думаю, что в учении мутазилитов есть свои крупицы истины. Пророк был человеком, он жил и умер как человек. Часть из того, что он сказал, была от человека, а часть от Бога. Вполне допустимо, что часть, подсказанную его человеческим умом, можно изменять, как и любое человеческое творение.

— Но мы не знаем, где какая часть, — подвел итог халиф. — Вот и посеяны семена сомнений.

Ицхак опустил глаза, услышав в голосе халифа железные нотки определенности, которые так часто предвещали смертный приговор. Увы, он снова перешел границы допустимого.

Снаружи в тихий дворик донесся топот ног, прорвавшийся сквозь тонкие тенета наигрываемой рабыней мелодии. Халиф поднял взгляд, зная, что никто не осмелился бы потревожить его с вестью, которую халиф уже слышал. Появившийся у колоннады гонец вошел во дворик, тяжело дыша, чтобы подчеркнуть свое усердие и быстроту, с которой он нес весть хозяину. Он низко поклонился.

— Вернулись те, кто был послан в страну *majus*, — объявил он. — И не одни! С ними король *majus* и эскадра странных кораблей.

— Где они?

— Они вошли в устье Гвадалквивира, и часть их кораблей, самые маленькие, поднимаются вверх по течению на веслах. Они плывут быстро, почти так же быстро, как скачут наши лошади. Чужеземцы будут в Кордове через два дня утром.

Халиф кивнул, щелкнул пальцами, чтобы визирь вознаградил вестника, и стал отдавать распоряжения о размещении гостей.

— Король, — сказал он под конец. — Король варваров.

Это не так уж важно, но давайте постараемся поразить его воображение. Узнайте, что он любит: девочек, мальчиков, лошадей, золото, механические игрушки. Всегда найдется что-то, на что купятся эти северные дети.

* * *

— Мне нужна показная пышность, — сказал Шеф своим советникам. Он в неудобной позе примостился прямо на днище одной из пяти ладей Бранда. У семи его двухмачтовых кораблей, к изумлению арабов, оказалась слишком большая осадка, чтобы идти вверх по реке, и их пришлось оставить в устье вместе с моряками и воинами. Путешествие продолжили только пять ладей и столько людей, сколько удалось на них разместить: общим счетом неполных две сотни. Шеф составил сборные команды. На каждом судне оставалось по двадцать человек норманнов из его постоянной команды. Остальную часть команды перевели на катапультоносцы, а на их место взяли соответствующее количество английских арбалетчиков. Англичане, когда подходила их очередь, тоже брались за весла, что вызвало немало хохота. Однако и викинги, и арбалетчики прекрасно понимали, что они дополняют друг друга, и от этого боевая мощь объединенного отряда возрастает.

— И как же нам это устроить? — спросил Бранд. Он, как и все остальные, был в глубине души поражен бьющим в глаза богатством и процветанием страны, а еще больше — многочисленностью ее населения. Судя по тому, что им рассказывали, в одном только городе Кордове людей жило больше, чем во всей Норвегии. На протяжении путешествия вверх по реке можно было видеть крыши дворцов, вращающиеся водяные колеса, деревни и города, заполнившие весь простор насколько хватало глаз. — Мы можем приодеться, но, чтобы пустить пыль в глаза этим ребятам, потребуется нечто большее, чем шелковые рубахи.

— Верно. Мы не станем даже пытаться богато выглядеть. В этом они нас всегда побьют. Лучше пусть испанцы увидят, какие мы странные. И страшные. Думаю, у нас это получится. И не только увидят, кстати сказать. Но и услышат...

* * *

Когда ладьи пришвартовались и на берег стали выходить люди Пути, зеваки на пристани в изумлении осадили назад. Приказ Шефа был усвоен всеми моряками, и каждый старательно играл свою роль. Первыми на берег сошли викинги, сияя свежеполированными и начищенными песком кольчугами. Все молодцы не ниже шести футов ростом, из-за ярко раскрашенных щитов у них щетинились копья, а за плечами висели топоры с длинными рукоятками. Морские сапоги из козьих шкур они сменили на пехотные ботинки, подбитые железом. Они тяжело топали, пока Бранд и шкиперы громоподобными голосами выкрикивали команды. Постепенно викинги выстроились в длинную колонну по четыре.

Раздалась следующая команда, и пошли арбалетчики: не такие внушительные размерами, зато действующие более слаженно. Они разбежались по своим местам и встали строем, каждый держал на левом плече свое загадочное оружие. Шеф подождал, пока они выровняются, и с подобающей церемонностью вышел на сходни. На нем тоже была кольчуга, золотой венец на голове и столько золота, сколько он мог нести — в виде браслетов и ожерелья. За ним шли Бранд с Торвином и еще два жреца Пути, участвующие в экспедиции: переводчик Скальдфинн, жрец Хеймдалля, и моряк Хагбарт, жрец Ньёрда. Эти четверо выстроились в шеренгу во главе процессии, сразу вслед за Шефом, который стоял в гордом одиночестве. Позади них за могучие туши Бранда и Торвина прятались Ханд и его ученица Свандис. Подчинившись свирепому приказу Шефа, Свандис закрыла лицо чадрой и теперь бросала из-под нее сердитые взгляды.

Шеф взглянул на гонца, присланного проводить их, и жестом приказал ему идти вперед. Когда араб, озадаченный странным поведением франков, непрестанно оглядываясь, двинулся в путь, Шеф нанес последний штрих. На сцене появился Квикка, самый верный его товарищ, не раз спасавший ему жизнь, и три других арбалетчика. Все четверо яростно выдохнули в свои волынки, надули их и зашагали по улице, с воодушевлением исполняя мелодию на четыре голоса. Зеваки, услышав этот невообразимый шум, шарахнулись еще дальше.

Волынщики шли сразу за проводником. Следом двига-

лись Шеф и его товарищи, за ними шумно топали викинги в сверкающих кольчугах. За викингами — арбалетчики, их строй шагал в ногу, искусство, которому они научились на новых дорогах Англии, ровных и мощенных камнем. Через каждые двадцать шагов правофланговый в передней шеренге норманнов вскидывал копье, и сотня идущих сзади викингов испускала боевой клич, который Шефу впервые довелось услышать десятилетие назад от воинов Ивара Бескостного.

— *Ver thik*, — кричали они снова и снова, — *her ek kom*! Берегись, я иду.

«Арабы этого не поймут, — рассудил Шеф, — они не подумают, что мы угрожаем им». «Давайте будем кричать что-нибудь другое», — предложил один из шкиперов. «Что-нибудь чуть сложнее этого, — ответил Бранд, — и твои люди забудут слова».

Колонна двигалась по людным улицам, оповещая о своем приближении гудением волынок и боевым кличем викингов; меж каменных стен металось эхо от металлического звона шагов. Идущие сзади арбалетчики завели песню о своих славных победах. Толпа сбежавшихся зрителей навалила погуще, и вскоре воинам пришлось отбивать шаг на месте, припечатывая мостовую коваными гвоздями сапог. Краешком глаза Шеф увидел, как восхищенный араб пялился на топающего огромными ногами Бранда. Сначала он посмотрел вниз, на сапожищи в пол-ярда длиной. Затем перевел взгляд наверх, пытаясь оценить расстояние в семь футов между землей и металлическим гребнем на шлеме Бранда.

«Отлично, — подумал Шеф, когда стража халифа разогнала толпу и движение возобновилось. — Отлично, мы заставили их призадуматься. Они недоумевают, простой ли я смертный? Не такой уж плохой вопрос».

* * *

Халиф услышал рев толпы даже в своем уединенном закрытом зале для аудиенций. Он поднял бровь, выслушивая, что шептал ему на ухо вестник. Когда гул приблизился, халиф действительно смог различить завывания удивительного инструмента франков, настолько же негармоничные, как визг своры котов. И услышал зловещий стук металла по камню, звучный клич варваров. «Они что, пытаются запугать ме-

ня? — озадаченно подумал халиф. — Или таков их всегдашний обычай? Нужно поговорить с Гханьей. Не зная обычаев чужеземцев, нельзя делать выводы».

Шум сразу оборвался, едва Шеф подал сигнал к остановке и правофланговый сделал условленную отмашку копьем. Люди Шефа, викинги и англичане, застыли в строю на внешнем дворе.

— Сколько человек могут пройти на аудиенцию? — спросил Шеф.

— Кроме тебя, не больше десяти, — был ответ.

Шеф кивнул и показал на тех, кто пойдет с ним. Бранд и Торвин, Хагбарт и Скальдфинн. Посмотрев на Ханда, он заколебался. Лучше Ханда никто на Севере не разбирался в лекарском искусстве, а Кордова славилась своими медиками: Ханд может понадобиться для сравнения и оценки. Однако его нельзя разлучать с сердитой, но послушно носящей чадру Свандис. Значит, берем обоих. Под конец он поставил рядом с Брандом двух шкиперов, каждый из которых заслужил свое право командовать в двух десятках поединков, и молча кивнул своим старым товарищам, арбалетчикам Квикке и Озмоду.

Халиф, сидя на высоком подиуме, смотрел на вошедших и выслушивал торопливые пояснения Гханьи, который подошел, пока *majus* ждали снаружи. Король оказался одноглазым. Необычная вещь для франков, они ведь так ценят в людях силу и размер. Королем должен был бы быть стоящий позади великан. Впрочем, одноглазый действительно держится властно. Абд эр-Рахман отметил, как уверенно тот прошел вперед и встал прямо перед престолом, нетерпеливо оглянувшись на переводчика.

А еще халиф заметил, что из-под волос и золотого венца по лицу короля течет пот. Как одеты эти люди? Металл, нагревающийся на солнце, под ним еще кожа для прокладки, а под этим, кажется, овечья шерсть? Летом в Андалузии одетый так человек умрет от солнечного удара еще до полудня. Однако король и его люди и виду не подавали, что их смущает испытываемая ими жара, они даже не утерли пот со лба. «Мои арабы видят свое достоинство в том, чтобы не подвергаться таким неудобствам, — подумал халиф. — А франки видят свое достоинство в том, чтобы не замечать их, словно снующие под палящим солнцем рабы».

Халиф задал первый и главный вопрос:

— *Спроси, есть ли среди них христиане?*

Халиф ожидал, что вопрос выслушает переводчик Сулейман и повторит его на латыни для переводчика чужеземцев. Его удивило, что, едва Сулейман заговорил, король отрицательно покачал головой. Значит, он кое-что понимает по-арабски. И ответ был уже заготовлен. Ремеслом Скальдфинна было изучение языков и народов. Во время путешествия он брал уроки у Сулеймана и в свою очередь учил того англонорвежскому жаргону Пути. Шеф тоже нередко присутствовал на этих занятиях. Скальдфинн медлительно, но разборчиво заговорил по-арабски, переводя ответ короля.

— Нет, среди нас нет ни одного христианина. Мы разрешаем христианам исповедовать их веру, но сами идем по другому Пути, и у нас другие книги. Мы боремся только с теми, кто отрицает это право.

— Вам когда-нибудь рассказывали, что есть только один бог, Аллах, и Мухаммед — пророк Его? Уверуйте в это, и вас ждет богатая награда от меня.

— Нам рассказывали.

— Вы не верите в Аллаха? Вы предпочитаете верить в своих богов, кто бы они ни были?

Напряженность и обвинительные нотки в голосе халифа. Бранд поудобней перехватил свой топор «Боевой тролль» и отметил двух стражников, стоящих позади халифа с обнаженными скимитарами. «Здоровые ребята, — подумал Бранд. — Загорели чернее, чем мне доводилось видеть. Но выше пояса голые и щитов нет. Два удара, а третий для араба в кресле».

Осознав, что вполне разбирает арабскую речь халифа, Шеф впервые стал отвечать без переводчика. Повысив голос и подбирая самые простые арабские слова, он проговорил:

— Я не видел Аллаха. Я видел своих богов. Будь у меня два глаза, я, возможно, увидел бы и Аллаха. Одним глазом всего не увидишь.

По залу прокатился шумок пересудов. Привычные к искусству иносказаний и переносных смыслов, арабы поняли последнюю фразу. Она означала, что тот, кто верит только во что-то одно, наполовину слеп. Он богохульствует, подумали одни. Для франка довольно умно, решили другие.

С этим человеком трудно фехтовать, подумал халиф. Он

уже доказал, что умеет произвести впечатление. Сейчас он перетягивает на свою сторону моих придворных.

— Зачем ты пришел в Кордову? — спросил халиф.

«Потому что ты меня попросил», — подумал Шеф, покосившись на Гханью, стоящего чуть в стороне от обоих монархов. Вслух он ответил:

— Бороться с твоими врагами. Они и мои враги тоже. Гханья рассказал мне, что у франков появилось новое оружие для войны на море и на суше. Мы, люди Пути, разбираемся в новом оружии. Мы сами прибыли с новым оружием и на новых кораблях, чтобы узнать, смогут ли наши враги противостоять нам.

Халиф молча глянул на Гханью, который начал восторженно рассказывать о катапультах и кораблях флота Пути. Пока они плыли на юг, Шеф несколько раз приказывал шкиперам изготовить плоты-мишени, скинуть их за борт и расстрелять камнями с расстояния в полмили. Прислуга катапульт была опытна и искусна, так что результаты стрельб арабов ошеломили. Действительно, ни один из известных им кораблей не выдержал бы удара-другого выпущенного онагром камня: ведь они не видели бронированного, хотя и малоподвижного «Неустрашимого» в битве при Бретраборге.

Когда Гханья закончил, Абд эр-Рахман еще раз задумчиво глянул на отрицающего Аллаха. «Мы пока не произвели на него впечатления, — подумал халиф, видя хмурое и невозмутимое лицо. — И на его товарищей тоже». Халиф подал знак, и один из гигантов-телохранителей шагнул вперед, сняв скимитар с плеча. Еще один знак, и к нему подошла рабыня. При этом она развернула длинную полупрозрачную ленту, прикрывавшую ее выше пояса, и застыла, в чадре, но с обнаженной перед мужчинами грудью.

— Я много слышал о вашем новом оружии, — сказал халиф. — Но у нас тоже есть оружие.

Он хлопнул в ладоши. Девушка подбросила ленту вверх. Тонкий шелк медленно заструился в воздухе. Телохранитель развернул скимитар острым краем вверх и подставил под падающую ткань. Лента коснулась лезвия и, разделившись на две половинки, упала на землю.

Бранд, фыркнув, буркнул что-то стоящему рядом шкиперу. Сейчас, подумал халиф, король прикажет этому великану разрубить что-нибудь своим огромным неуклюжим топором.

Шеф повернулся и посмотрел на Квикку с Озмодом. Ни тот ни другой не лучшие стрелки в мире, подумал он. Озмод держится чуть поуверенней. Шеф молча показал на мраморную вазу с ярко-пурпурными цветами, стоявшую в нише над головой халифа. Озмод шумно сглотнул слюну, покосился на Квикку и снял с плеча арбалет. Одним движением взвел его с помощью ножного рычага. Вложил короткую железную стрелу. Поднял, прицелился и нажал на спуск.

Озмод правильно рассчитал, взяв, с учетом короткой дистанции, низкий прицел. Арбалетный болт врезался в каменную вазу, разбив ее на множество кусочков. Осколки разлетелись по залу, болт отскочил от стены и зазвенел на полу. Цветы упали на украшенный ковер. Земля из разбитой вазы тоже просыпалась.

Халиф молча поглаживал бороду. «Я пугал короля своим стражником, — подумал он. — Но эта стрела Иблиса могла пронзить мне сердце, а я бы и шелохнуться не успел. Гханья не предупредил меня».

— Ты сразишься с нашими врагами, — наконец произнес халиф. — Ведь ты сказал, что для этого ты и пришел. Если наши враги — твои враги, возможно, что это и вправду так. Но никто не старается только для чужого блага. Должно быть что-то еще, что привело тебя к нам. Скажи мне, что это, и, клянусь Аллахом, я сделаю все для того, чтобы ты это получил.

И в третий раз чужеземный король удивил халифа. На правильном, хотя и не изысканном арабском языке он сказал:

— Мы пришли, чтобы увидеть летающего человека.

Глава 7

Шеф нетерпеливо проталкивался через собирающуюся толпу, амулет-лесенка его бога Рига открыто покачивался на груди. Пока тянулись дни ожидания, он и его люди постепенно стали носить все меньше слоев одежды. Начали с кольчуг. Стало ясно, что две сотни человек Шефа, хоть и на-

ходятся в самом сердце потенциально враждебной страны, не могут и помыслить о том, чтобы дать бой, настолько арабы превосходят их числом. В то же время на улицах Кордовы поддерживался такой строгий порядок, что можно было не опасаться случайных стычек. Шеф поместил кольчуги викингов и арбалеты англичан в комнате телохранителей, не столько для того, чтобы они могли защищаться, сказал он, сколько для того, чтобы казенное оружие не обменяли на выпивку.

— В Кордове нигде нет горячительных напитков, — возражал Ханд. — Мухаммед их запретил.

— Кое-где есть, — ответил Шеф и лично следил за выдачей оружия.

Потом пришла очередь кожаных жакетов. Пару дней пошатавшись с раскрытым ртом по узким каменным улочкам Кордовы, даже самые консервативные северяне убедились, что кожаная одежда представляет собой тяжкую обузу, чтобы не сказать угрозу для жизни. Ныне все люди Пути заголились вплоть до конопляных рубах и шерстяных штанов, а те, кто наиболее удачно сводил свой финансовый баланс, щеголяли в ярко раскрашенной одежде из хлопка. На солнце их серебряные пекторали — не нашлось такого тупицы и богохульника, чтобы продать их, — сверкали и раскачивались, еще больше выделяя своих владельцев из толпы смуглых и пестро одетых жителей Кордовы.

Наконец ожидание закончилось. Шеф, учитывая серьезность своей миссии, полагал, что его сразу познакомят с Ибн-Фирнасом, летающим человеком. Но прошло немало дней, и причина заключалась, как объяснил переводчик Сулейман, не в чьем-то желании потянуть дело, а тем более унизить гостя, но в уважении к самому мудрецу. Халиф, конечно, мог приказать тому явиться и показать свое искусство, но предпочитал слать гонцов, дарить подарки и спрашивать мудреца, не соблаговолит ли тот встретиться с варваром, которого привели из его далекой страны слухи об учености Ибн-Фирнаса; словом, исполнял все принятые в Андалузии дипломатические ритуалы. И сам Ибн-Фирнас, уверял все тот же Сулейман, вовсе не имел намерения тянуть с ответом. Просто он боялся разочаровать гостя, оказавшись не в состоянии соответствовать рассказам, которые, несомненно,

не раз были преувеличены, пока дошли до далекой северной страны; в ходе дальнейшего обмена гонцами выяснилось, что Ибн-Фирнас ждет ветра.

Шеф и его люди проводили дни ожидания, со все возрастающим любопытством бродя по улицам Кордовы, — они впервые видели тысячи мельчайших примет развитой рыночной цивилизации: например телег, подвозящих каждое утро припасы, было так много, что едущие в город двигались по одной стороне главной улицы, а возвращающиеся из города — по другой, и притом у городского кади были помощники, которые весь день ничего не делали, только следили за соблюдением этого правила! Вечно вращающиеся водяные колеса, *noria*, поднимали воду из реки и изливали ее в каменные желоба, откуда воду мог брать любой бедняк. Строжайшим законам о сточных водах подчинялись даже самые богатые. Существовали специальные дома, где лечили больных; в городе проводились публичные диспуты, на которых мудрецы обсуждали одновременно Коран, иудейское вероучение и греческую философию; были аптеки, мечети, суды — в последних вершилось строгое и беспристрастное правосудие по законам шариата. Словом, было на что посмотреть. В короткий срок даже самые робкие перестали опасаться чужаков, а самые свирепые и жадные — думать о Кордове как о еще одном городе, который можно разграбить. Возникшее чувство скорее всего можно было бы назвать благоговением: этим словом викинги обозначали не страх, а ощущение собственной ничтожности. Неужели люди здесь всемогущи?

Лишь немногие способны были преодолеть это чувство, разглядеть слабости и недостатки. По крайней мере, Шеф старался сделать это, хотя понимал, что им, возможно, движет простая зависть. И вот пришло сообщение от халифа, что настала пора увидеть невозможное — летающего человека.

«Наверняка произойдет еще один несчастный случай вроде того, с человеком в куриных перьях, — сказал себе Шеф, приближаясь к башне, с которой должен был начаться полет; его товарищи шли, расталкивая толпу, как они постепенно приучились себя вести в непрекращающейся сутолоке Кордовы. — Возможно, еще один несчастный случай. Но надо отметить вот что. На этот раз имеются две добрые приметы, которых не было в тот раз, когда человек короля Альфре-

да прыгнул с башни. Во-первых, хотя и шли разговоры про ветер, как и в тот раз, но никто не упоминал птиц и перья. А во-вторых, мы встретили людей — заслуживающих доверия людей, если мы со Скальдфинном что-нибудь понимаем, — которые уверяли, что пятнадцать лет назад видели, как летал этот человек. Не просто слышали об этом, не просто были где-то поблизости. Видели своими глазами. И их рассказы, если и не полностью совпадают, сходятся в вопросах времени и места».

Теперь перед ним была дверь башни, от напора любопытных зрителей ее охраняли стражники халифа в желтых и зеленых одеждах. Стражники убрали копья, завидев наглазную повязку и нагрудный амулет короля франков, сопровождаемого жрецами в белых одеждах. Войдя в темное и холодное нижнее помещение, Шеф заморгал и прищурился.

Когда глаз привык к темноте, он разобрал, что перед ним стоит хозяин башни, слегка кланяясь и прижимая к груди сложенные ладони. Шеф ответил тем же, поклонился, выговорил приветствие на своем примитивном арабском. Но в тот же момент он с изумлением понял, что встретивший его человек — калека. Несколько мгновений тот мог держаться прямо, но потом хватался руками за перекладину стоящей перед ним деревянной рамы. Когда он двигался, он толкал раму и подтягивал себя вслед за нею.

— Ваши ноги, — с трудом выговорил Шеф. — Что с ними? Это из-за полета?

Араб улыбнулся, по-видимому не обидевшись.

— Из-за полета, — подтвердил он. — Полет прошел отлично, а вот приземление — не совсем. Понимаете, я забыл одну вещь. Я забыл, что у всех летающих есть хвост.

Когда искалеченный Ибн-Фирнас двинулся в свой нелегкий путь по лестнице на вершину башни, Шеф оглянулся на Торвина, Ханда и других жрецов с выражением сомнения и разочарования на лице.

— Ну вот, еще один человек-птица, — проворчал он. — Подождите, он сейчас покажет нам накидку из перьев.

Но на вершине башни, на квадратной открытой площадке, глядящей на крутые берега Гвадалквивира, не оказалось ни следа перьев и не видно было никаких приготовлений к прыжкам. На ярком солнечном свету Шеф разглядел, что

Ибн-Фирнаса окружают слуги и помощники, в том числе участники экспедиции на Север: юный Мухатьях, а также вездесущий и незаменимый Сулейман. Одни склонились над небольшим воротом или лебедкой, другие держали на руках конструкцию из жердей и ткани. Рядом с Шефом сгрудились жрецы Пути, единственные, для кого удалось получить разрешение войти. Подойдя к краю башни, Шеф посмотрел на площадь и увидел в задравшей вверх лица толпе почти всех своих людей, а гигантская фигура Бранда просто бросалась в глаза. Шеф отметил, что рядом с Брандом, по-прежнему в чадре, стоит Свандис, хотя оба стараются не смотреть друг на друга. Бранд принял от своего целителя и приятеля Ханда поручение присматривать за нею, но отказывался иметь с ней дело дальше абсолютно необходимого предела: это лицо Ивара, признался он, бередит его старую рану в животе.

— Первым делом мы сделаем вот что, — услышал Шеф слова Ибн-Фирнаса. — Не соизволит ли король франков взглянуть? Итак...

Мудрец скомандовал, и человек на вороте стал отматывать бечевку. Воздушный змей поднялся вверх, поймал ветер и пошел в небо, насколько пускала бечевка. Шеф глядел на змея с интересом. Это была открытая спереди и сзади коробка, ее четыре стенки состояли из натянутых на жерди кусков ткани, в которых тут и там были прорезаны щели и отверстия.

— Это, разумеется, не больше чем игра для детей, — продолжал Ибн-Фирнас. — Змей может поднять только собственный вес. Но обратите внимание, что бечевка удерживает его открытую сторону по направлению к ветру. Управлять развернутым вдоль ветра змеем гораздо проще. Казалось бы, развернувшись поперек ветра, змей сможет плыть по небу как парусник, но, увы! тогда хозяином становится ветер, а не человек. Так случилось со мной. Теперь я бы поступил по-другому.

До Шефа донеслись снизу крики толпы, увидевшей воздушного змея. Люди заполнили берег реки, кое-кто из них поднялся почти до высоты башни по крутому склону, уходившему в сторону тысячи минаретов Кордовы.

— Итак, с воздушным змеем вам все понятно?

Шеф кивнул, ожидая дальнейших объяснений. Но ибн-

Фирнас подобрался к вороту, достал нож и полоснул лезвием по бечевке. Освобожденный воздушный змей рванулся вверх, клюнул и, развернувшись поперек ветра, стал снижаться, беспорядочно крутясь и раскачиваясь. Двое застывших в ожидании слуг вскочили на ноги и побежали вниз по лестнице, чтобы разыскать и принести игрушку.

— Теперь мы сделаем кое-что потруднее.

По сигналу четверо слуг вынесли еще одну конструкцию. Она имела такую же форму. Эта открытая с обоих концов коробка из натянутой на жерди ткани была в два раза больше и заметно прочнее. А внутри нее висел своеобразный гамак с куском материи. С каждого бока выступали короткие крылышки. Шеф был озадачен.

Через толпу слуг прошел маленький мальчик и с сосредоточенным выражением лица встал перед новым змеем. Ибн-Фирнас погладил его по голове и заговорил по-арабски, слишком быстро, чтобы Шеф мог разобрать. Мальчик в ответ кивал. И вот два темнокожих великана быстро подхватили его и опустили внутрь коробки. Подойдя ближе, Шеф увидел, что гамак оказался седлом, в котором устроился мальчик. Его голова возвышалась над краями змея, руки держались за рукоятки. Когда мальчик их поворачивал, крутились матерчатые крылья по обоим бокам коробки.

Четверо слуг осторожно подняли змея, развернули его по ветру и поднесли к краю башни. Люди на вороте немножко подтянули трос, выбрав ярд-другой слабины. Шеф услышал, как толпа восторженно взревела и постепенно затихла.

— Это не опасно? — негромко обратился он к Сулейману, не доверяя в этом вопросе своему знанию арабского. — Я не хочу, чтобы мальчик погиб по моей вине.

Сулейман переговорил с Ибн-Фирнасом, тем временем мальчик с сосредоточенным лицом сидел над краем пропасти, а ветер уже тянул змея в воздух.

Сулейман обернулся:

— Ибн-Фирнас говорит: разумеется, все в руках Аллаха. Но еще он говорит, что, пока трос держит змея, это достаточно безопасно. Опасно будет, если они отвяжут трос, выпустят мальчика в свободный полет.

Шеф, кивнув, отступил. Заметив его жест, Ибн-Фирнас в последний раз проверил силу ветра и подал знак слугам. Те,

крякнув, подняли змея на вытянутые руки, дождались, чтобы ветер подхватил его, и разом отпустили.

Мгновение змей скользил ниже стены башни, затем поймал восходящий поток воздуха и взмыл вверх. На вороте вращали рукоятку, выпустив трос на пять саженей, на десять... Змей медленно поднимался в небо, над его верхним краем все еще можно было различить маленькое личико. Шеф увидел, что крылья слегка изгибаются и поворачиваются, змей встает на дыбы, затем останавливается, выравнивается. Ветер качал коробку вверх и вниз, но, по-видимому, мальчик в состоянии был управлять змеем, удерживать его в нужном положении. Если этот змей завалится слишком сильно, как тот, предыдущий, когда обрезали трос, мальчика выбросит из седла, подумал Шеф. Но нет, качка была не настолько сильна. Не страшней, чем у корабля в неспокойном море.

Ибн-Фирнас молча протянул Шефу трубку, похожую на ту, которой хвастался Мухатьях. Так же без слов он показал, что она отличается от той подзорной трубы — одна из ее половинок могла надвигаться на другую, скользя по смазанной жиром коже. Таким образом можно было изменять длину трубы. Ибн-Фирнас выразительно прищурил глаз, сдвигая и раздвигая инструмент. Шеф взял у него трубу, направил на змея и на лицо летуна, немножко подвигал половинки, настраивая фокусировку.

Вот они. Высунув от усердия язык, мальчик сосредоточился на управлении своими рукоятками, стараясь ровно держать змея относительно набегающего потока воздуха. Во всяком случае, бесспорно было, что змей может нести его вес.

— Как далеко можно запускать змея? — спросил Шеф.

— На сколько хватит веревки, — ответил Сулейман.

— А что, если веревку обрезать?

— Он спрашивает, не хочет ли король франков сам увидеть?

Шеф убрал от глаза трубу, нахмурился.

— Нет. Если это однажды уже делали, я предпочел бы просто услышать, что тогда произошло.

Он снова прильнул к трубе, не слушая долгий диалог. Наконец Сулейман обратился к нему:

— Он говорит, пятнадцать лет назад они впервые выпустили змея в свободный полет с мальчиком внутри. С мальчи-

ком ничего не случилось, и тогда сам Ибн-Фирнас рискнул взлететь. Он говорит, что узнал три вещи. Во-первых, гораздо легче управлять полетом против ветра, чем по направлению ветра. Во-вторых, для управления крыльями нужен навык, который мальчик приобрел после многих полетов на привязи, а самому Ибн-Фирнасу не хватило на это времени. Он говорит, тело должно реагировать быстрее, чем разум успеет отдать приказ, а этому можно научиться только со временем. В-третьих, он понял, что нужно было бы поставить крылья, чтобы управлять качкой с боку на бок, а не только продольной качкой, то есть разворотами вверх и вниз. Ибн-Фирнас говорит, когда он летел вниз вдоль долины реки, его змей завалился набок и ему не удалось его выправить. И вместо того, чтобы приземлиться грациозно, как водоплавающая птица, он рухнул кувырком на скалы. С тех пор он не может ходить без опоры, хотя его лечили лучшие хирурги Кордовы. Он говорит, его ноги — это жертва Аллаху за приобретенное знание.

— Спускайте мальчика, — сказал Шеф. — Скажите хозяину дома, как я признателен за то, что увидел, и с каким уважением отношусь к его решимости все испытать самому. Скажите, что мы бы очень хотели сделать точный рисунок его змея. Мы сможем найти лучшее место для его испытаний, чем каменистый берег Гвадалквивира. А еще скажите, что нас восхищают его трубы со стеклами и мы сами хотели бы научиться их делать. Нам очень интересно, как он до этого додумался.

— Ибн-Фирнас говорит, — был ответ, — что о линзах, которые делают маленькие буквы большими, нам было известно многие годы. Дальше уже было дело техники и настойчивости в попытках.

— Сделали старое знание новым, — с глубоким удовлетворением произнес Шеф. — Он мудрее, чем его ученик.

* * *

В одной из крошечных каморок, которых так много в Кордове, напротив открытого окна сидел, скрестив ноги, человек. Его руки беспрестанно сновали — он шил, и шов выползал из-под иголки, как живая змея. На работу он и не смотрел, его взгляд не отрывался от улицы. Портной замечал

все, что там происходило. Еще один человек сидел в углу, его нельзя было увидеть снаружи.

— Ты хорошо рассмотрел? — спросил портной.

— Да. Они все время шляются по городу, пялятся на все, как мартышки. Выше пояса на них только облегающие рубахи, а у многих и того нет. Они бы ходили голые, как обезьяны на солнышке, если бы кади им позволил. Легко рассмотреть, что у них надето на шее. А к королю франков я стоял так же близко, как к тебе.

— И что же ты рассмотрел? И что услышал?

— Все чужеземцы носят на шее серебряные талисманы. Чаще всего это молот, встречается рог, а также фаллос или кораблик. Есть такие символы, которые носят лишь немногие: яблоко, лук, пара непонятных палочек. Их обычно носят те чужеземцы, которые покрупнее, они еще вошли в город в кольчугах, но яблоко носит только коротышка в белых одеждах, которого называют лекарем.

— А что же у короля?

— Он носит *graduale*, грааль. В этом не может быть сомнений. Я стоял так близко, что чувствовал запах пота от его рубашки. Это грааль. На нем три ступеньки справа и две — слева.

— И какая верхняя?

— Наверху две ступеньки на одной высоте, словно перекладина креста. А ступенька под ними расположена справа — для того, кто смотрит.

Значит, слева для того, кто носит грааль, подумал портной, не отрываясь от шитья.

— Расскажи мне, что ты смог выяснить об этих амулетах.

Человек заговорщически подвинул свой табурет поближе:

— Мы быстро узнали, что все эти люди очень любят пить крепкие напитки, те, что запрещены Пророком, любят сильнее, чем женщин или музыку. Мы подходили к некоторым из них, говорили, что мы христиане, которым вино не запрещено, и у нас есть запас вина для причащения. И тогда мы обнаружили, что те, кто покрупнее, были просто сражены, они нас умоляли дать им вина и совсем не задумывались о Христе. Но один из маленьких сразу сказал, что они раньше тоже были христианами и все знают про мессу и святое вино. Этих мы отвели в сторонку.

— Раньше были христианами? — пробормотал портной. — Значит, теперь они вероотступники?

— Именно так. Но они объяснили, в чем тут дело, насколько их смог понять наш переводчик. Они сказали, что раньше все их королевство было христианским, но они с ужасом вспоминали о том, что вытворяла их Церковь. Некоторые из них были рабами аббатов и епископов, они в доказательство показывали нам рубцы. Потом их освободил одноглазый король, он обратил всю страну в веру, которую они называют «Путь». Это слово означает почти то же самое, что и «шариат». Знак этой веры — амулеты, которые они носят; у каждого из многих богов, в которых они верят, есть свой знак.

— А грааль?

— Все считают, что это тоже знак бога, но никто точно не знает, что это за бог. Они называли его «Риг», я думаю, это одно из их слов для обозначения короля. Оно похоже на наше *rois* и на испанское *reje*. Все твердят, что больше никто такой знак не носит, кроме нескольких рабов, освобожденных одноглазым, которые носят его знак из благодарности. Если бы одноглазый не начал его носить, этого знака вообще не было бы.

Оба мужчины погрузились в задумчивое молчание. В конце концов портной, отложив шитье в сторону, неловко поднялся.

— Думаю, брат, мы можем возвращаться домой. О таких новостях мы должны рассказать. Странный король носит свой личный амулет, подобный нашему Святому Граалю, только с перевернутыми ступеньками, в знак посвящения царю. Наверняка это должно иметь какой-то смысл.

Его слушатель кивнул с некоторым сомнением:

— По крайней мере, избавимся от вони равнин, снова вдохнем чистого горного воздуха. И будем просыпаться не от шума мусульманского *salat.*

Он помолчал.

— Когда они напились, маленькие северяне повторяли все снова и снова, что для них этот человек — не просто их король. Они называют его «Единый Король». — Он аккуратно сплюнул в окно. — Кто бы он ни был, они все вероотступники и еретики.

— Для Церкви, — ответил портной. — Как и мы.

* * *

Бранд с удовлетворенным вздохом откинулся, опершись могучими плечами о стену комнаты. Его давно не покидала уверенность, что англичане все-таки ухитрились каким-то образом найти источник крепких напитков. Но каждый раз, когда он подкатывался к одному из этих коротышек, они напускали на себя невинный вид и смотрели ясными глазами. Наконец, спрятав гордость в карман, он обратился к Квикке и Озмоду, попросив их как давних товарищей, его гостей на Храфнси и моряков с одного корабля, посвятить его в тайну.

— Ладно, но только ты один, — сказал наконец Квикка.

— Можешь привести Скальдфинна, — добавил Озмод. — Мы не понимаем большую часть того, что они говорят. Может быть, он сумеет объясниться с ними чуть получше.

Их ловко вывели из толпы, расходящейся после полета, и привели в маленькую обшарпанную комнату: там, должен был признать Бранд, им охотно и не заикнувшись о деньгах подали в потрясающих количествах отличное красное вино — отличное, насколько мог судить Бранд, который за всю жизнь не пил вино и дюжины раз. Он осушил свою однопинтовую кружку и передал ее за добавкой.

— Разве ты не должен смотреть за жрицей? — поинтересовался Квикка.

Скальдфинн рассердился:

— Не называй ее так. Она просто говорит, что она жрица. Ее никто не посвящал в жрицы.

Бранд огляделся, словно удивляясь, что Свандис здесь нет.

— Вроде бы да, — пробормотал он. — Как только гляну на нее, меня в холод бросает. Дочь Ивара Бескостного! Я прекрасно знал, что она существует, об этом шло много разговоров. Но я просто надеялся, что вся семейка, весь корень истреблен.

— Но ты должен за ней смотреть, — настаивал Квикка. Он испытывал сильные земляческие чувства к Ханду, ведь они родились и выросли в каких-нибудь двадцати милях друг от друга. Коль скоро Ханд и его хозяин Шеф приняли эту женщину, никакие правила и традиции Пути не имели для Квикки большого значения.

— Она в полной безопасности, — сказал Озмод. — Я бы сказал, домой сама прибежит.

Он тоже протянул свою кружку улыбающимся хозяевам.

— Я знаю, что в некоторых городах если женщина будет шляться, ей в конце концов наденут мешок на голову и изнасилуют в каком-нибудь тупике. Но не здесь! Как только тебя увидят, отрубят руки и еще кое-что. А люди кади есть повсюду.

— Вот проклятая баба, — прорычал Бранд. — Может, она как раз и ищет шестерых пьяных матросов.

Скальдфинн взял кружку Бранда и отлил себе половину содержимого.

— Эту женщину я и сам не люблю, — сказал он, — но тут ты ошибаешься. Шесть пьяных матросов не составят и десятой части того, что она пережила. И ей это совсем не понравилось. Но домой она наверняка прибежит, — примирительно добавил он. — У нее нет выбора. Ни слова не говорит на их языке. Ни на одном из их языков. — Он повернулся и заговорил с хозяевами на ублюдочной латыни с примесью арабских слов, которая, как он догадался, была их родным диалектом.

* * *

В прохладном дворике неподалеку от душной комнатенки, где сидели мужчины, Свандис расположилась на скамеечке, поглядывая на окруживших фонтан женщин. Она не торопясь поднесла руку к чадре и сняла ее с лица, откинула назад капюшон. Ее медного цвета волосы рассыпались, контрастируя со светлыми ледяными глазами. У некоторых из окружающих ее женщин перехватило дыхание. Но не у всех.

— Значит, ты говоришь по-английски, — сказала одна из них. Она, как и другие, тоже отбросила чадру. Свандис взглянула на говорившую и обнаружила, что у той пепельные волосы, зеленые глаза и кожа почти такая же белая, как у нее самой. Еще Свандис обнаружила, что эта женщина удивительно красива. С ранней юности Свандис привыкла быть центром всеобщего внимания. Она была вынуждена признаться себе, что в присутствии такой женщины ей бы это не удалось.

— Да, — ответила она тоже по-английски. — Но не очень хорошо. Я датчанка.

Женщины переглянулись.

— Многих из нас угнали в плен датчане, — сказала первая. — Продали нас в гаремы богатых людей. Некоторым из нас здесь неплохо — тем, кто умеет использовать свое тело. Другим хуже. Нам нет резона любить датчан.

Пока она говорила, не затихал шумок одновременного перевода с английского на арабский. Свандис поняла, что окружавшие ее женщины говорят на разных языках и происходят из разных стран. Но при этом все юные и красивые.

— Знаю, — сказала она. — Я дочь Ивара Рагнарссона. — На этот раз выражение страха на лицах сменилось выражением ненависти. Руки потянулись под глухие накидки. Первая девушка раздумчиво вытащила из своих пепельных волос длинную стальную заколку. — Я знаю, кем был мой отец. Я знаю, что он вытворял. Мне тоже довелось это пережить, но еще хуже было моей матери.

— Как такое могло случиться с тобой? С датской принцессой? С принцессой похитителей женщин?

— Я расскажу вам. Но позвольте мне поставить условие. — Свандис оглядела кружок из дюжины женщин, пытаясь определить их возраст и расу. Половина из них северянки, отметила она, но есть с оливковой кожей, как у жителей Кордовы, одна почти желтокожая, а откуда остальные — она даже не могла понять. — Условие, что каждая из нас расскажет остальным, что у нее было в жизни самое худшее. Тогда мы поймем, что мы все должны быть заодно. Не англичанки, не датчанки, не арабки. Просто женщины.

Пока шел перевод, слушательницы искоса посматривали друг на друга.

— И начну я сама. Я расскажу вам не о том дне, когда я утратила невинность в обмен на краюху черствого хлеба. И не о том дне, когда я похоронила всех своих близких сразу, в одной могиле. Нет, я расскажу вам о том дне, когда умерла моя мать...

К тому времени, когда последняя женщина окончила свой рассказ, солнце ушло с внутреннего дворика и тени удлинились. Девушка с пепельными волосами не в первый раз утерла с лица слезы и властно махнула рукой в сторону галереи у фонтана. Оттуда появились молчаливые евнухи, вынесли маленькие столики с фруктовыми вазами, кувшинами

холодной воды и шербета и снова исчезли в тени, дабы и дальше стеречь собственность своих хозяев.

— Ладно, — произнесла она. — Значит, мы все заодно. Даже если ты датчанка и дочь маньяка. А теперь расскажи нам то, что мы хотим узнать. Что привело тебя сюда? Кто такой этот одноглазый король? Ты его женщина? И почему ты носишь такую странную одежду, как у жрецов, о которых все говорят? Они приняли тебя в жрицы? Какого бога?

— Сначала я должна сказать вам одну вещь, — ответила Свандис, понизив голос, хотя была уверена, что ни один из стражников не понимает ее языка. — Бога нет. И Аллаха тоже нет.

Впервые оборвалась разноголосица перевода. Женщины смотрели друг на друга, недоумевая, как выразить сказанное Свандис другими словами. Так похоже на *shahada*: нет бога, кроме Бога. И так непохоже. И если произнести *shahada* означает навсегда стать мусульманином, то произнести противоположное — да ведь это должно означать по меньшей мере смерть.

— Я объясню.

Глава 8

— Что значит, ты не знаешь, где эта недогрызенная Нидхёггом женщина? Я велел тебе не спускать с нее глаз!

Бранд, с которым никто не разговаривал таким тоном со дня, когда у него стала расти борода, сжал огромные кулаки и начал было рычать в ответ. Рядом с ним стоял Ханд, на добрых два фута ниже его ростом, встревоженный одновременно двумя обстоятельствами: пропажей Свандис и назревающей ссорой между провинившимся, но не признающим вины Брандом и выходящим из себя разгневанным Шефом.

Вокруг них царила неразбериха. Северяне занимали целое здание, что-то вроде казарм на берегу Гвадалквивира. В данный момент люди бегали туда-сюда через двор, воздух полнился криками ярости и недоумения. Амуницию складывали прямо на песок внутреннего дворика, воины охраняли ее от своих же товарищей, на случай, если те решат возместить собственные недостачи за счет ротозеев. Норманнские

шкиперы и английские капитаны арбалетчиков пересчитывали своих людей и пытались выяснить, кого нет на месте.

— Ты только посмотри на это стадо баранов, — орал Шеф. — Двенадцати человек не хватает, Скарти говорит, что какой-то ублюдок продал половину весел с его ладьи — весел, Христос, то бишь Тор, его помилуй! — а эти арабы с полотенцами на голове визжат на меня, что пора выступать, что христиане привели свой флот, и армию, и один Локи знает, что еще. Вот мы вернемся в низовья к кораблям и обнаружим, что они сожжены, не успев ни разу выстрелить, потому что вся охрана там дрыхнет без задних ног. А я должен все бросить и искать какую-то бессмысленную бабу, *потому что ты не можешь оторваться от бутылки!*

Рычание Бранда перешло в стон, он уперся руками в бока, стараясь удержаться и не задушить своего короля, повелителя и боевого товарища; крошка Ханд бросился между ними в смехотворной попытке разнять двух здоровяков. И тут Шеф осознал, что ухмыляющиеся лица окружающих обратились теперь в сторону, за его плечо. Он повернулся.

Через ворота дворика, все еще осененные утренней тенью, вошла Свандис. Как всегда, чадра скромно прикрывала ее лицо. Завидев полсотни враждебных лиц, Свандис откинула чадру. Взгляд ледяных глаз сочетался с волевым подбородком. Бранд с глухим стоном инстинктивно схватился за живот.

— Ну вот, она и вернулась, — успокоительно заговорил Ханд.

— Да, но где она была?

— Шлялась, как кошка, — проворчал Бранд. — Ночь напролет. Наверно, какой-нибудь араб взял ее в свой гарем, а потом сообразил, что с ней лучше не связываться. И не стоит его винить.

Шеф в упор посмотрел на ее сердитое лицо, потом покосился на Ханда. В его стране каждая женщина была собственностью какого-нибудь мужчины: мужа, хозяина, отца, брата. Ее сексуальные похождения затрагивали прежде всего честь этого мужчины. В данном же случае, насколько он понимал, если у Свандис и был какой-то хозяин, так это человек, который взял ее в ученицы, Ханд. Если он не чувствует себя оскорбленным или обесчещенным, тогда все в порядке.

«В любом случае, — размышлял Шеф, — у меня сильное ощущение, что Свандис отнюдь не ищет удобного случая завести нового любовника, что бы там ни говорил Бранд. При всей ее красоте, Свандис выглядит скорее сердитой, чем игривой. Если учесть то, о чем рассказал и на что намекнул Ханд, это вполне естественно».

Свандис приготовилась к выволочке, а то и побоям, обычному наказанию за то, что она сделала. Вместо этого Шеф, бросив через плечо: «Ладно, значит, ты цела», взял Бранда под руку и повел его к куче сложенных весел, которые Хагбарт пытался пересчитать еще раз, чтобы определить точную цифру.

Запасенная для самообороны злость вырвалась наружу.

— Ты не хочешь знать, где я была? — завопила Свандис. — И что я делала?

Шеф снова обернулся:

— Нет. Поговори об этом с Хандом. Хотя вот что. На каком языке ты общалась? Скальдфинн был уверен, что ты не сможешь найти переводчика, разве что с латыни, которую ты не знаешь.

— По-английски, — прошипела Свандис. — Ты хоть знаешь, сколько здесь англичанок? В кордовских гаремах?

Шеф отпустил Бранда, вернулся и пристально посмотрел на нее. Свандис заметила, что его лицо снова помрачнело. Заговорил он словно бы с самим собой, хотя обращался к Ханду:

— Мы с тобой немножко знаем, а? Я видел их на рынке в Гедебю, тогда викинги продали венедских девушек арабам. Стражник сказал мне, что цена на рабынь подскочила, с тех пор как они перестали поступать из Англии. Но девушек продают уже не меньше пятидесяти лет. Где бы мы ни были, Ханд, мы их встречали. На норвежских хуторах, в землянках Шетландских островов, здесь, в Испании. В мире, кажется, нет места, где не встретишь рабов из Норфолка или Линкольна. Или Йоркшира, — добавил он, вспомнив своего берсерка Кутреда. — Однажды мы потолкуем по душам с заядлым работорговцем, готов поспорить, что в наших рядах прячется несколько бывших. Мы спросим его, как он угонял людей, как продавал их на рынках. Изможденных — шведам для жертвоприношений, сильных — на горные хутора. А красавиц — сюда, и не за серебро, а за золото. — Рука Шефа сама потянулась было к оружию, но оружия он, как всегда, не носил, даже меча на поясе. — Ладно, Свандис, как-нибудь расскажешь мне об этом. Я не виню тебя за то, что сделал твой отец, он свое получил. Сейчас, как видишь, нам пора отправляться. Иди позавтракай, собери вещи. Ханд, проверь, нет ли у нас больных.

Он решительно двинулся в сторону кучи весел, приказывая Скальдфинну выяснить, нельзя ли будет выкупить у новых владельцев пропавшие. Свандис растерянно глядела ему вслед. Бранд тоже ушел, бормоча что-то в бороду. Ханд посмотрел на свою ученицу.

— Ты рассказывала им о своих идеях? — спокойно спросил он.

* * *

— Неверные опять играют со своим змеем, — сказал хозяин флагманского корабля командиру воинов.

Командир, уроженец Кордовы, аккуратно сплюнул в море, чтобы выразить свое отвращение и презрение.

— Они хотят потягаться с ученым человеком Ибн-Фирнасом, да будет к нему милостив Аллах. Как будто сукины дети из самых дальних варварских стран могут сравниться с истинным философом! Смотри, их змей уже падает, а ведь на нем нет ни мужчины, ни даже мальчика. Он поник, как старческий пенис. Куда им до Ибн-Фирнаса. Я видел, как его змей летел, словно птица, несущая в клюве здоровенного парня. Чтоб этим неверным сгинуть в муках за их гордыню и за их безрассудство.

Адмирал искоса глянул на полководца, сомневаясь, мудро ли так гневаться.

— На них проклятье Аллаха, — дипломатично сказал он. — Как и на всех, отвергающих Пророка. Но пусть кара не падет на их головы, пока мы не увидим, как действуют их камнеметательные машины.

— Метательные машины! — прорычал командир воинов. — Да лучше встретить поклонников Иешуа с саблей в руке, как мы делали всегда и всегда побеждали.

«Вот оно что, — подумал адмирал. — Просто твое ремесло становится ненужным».

— Ты прав, — снова согласился он. — И если Аллаху будет угодно, мы так и сделаем. Но я попрошу тебя об одной вещи, Осман. Пусть эти *majus*, эти не знающие Книги язычники остаются на нашей стороне, по крайней мере пока мы не сразимся с греками. Метательные машины северян могут сделать то, что не сделает лучшая из наших сабель. А я совсем не хотел бы попасть на море под греческий огонь.

Он отвернулся, прежде чем раздраженный воин нашелся с ответом.

* * *

В полумиле от них Шеф следил в подаренную арабским философом подзорную трубу за воздушным змеем, медленно опускающимся в синие прибрежные воды Средиземного моря. Он не чувствовал особой досады. Как только объединенный флот Пути и Андалузии после стремительной гонки вниз по течению Гвадалквивира вышел в море, Шеф начал свои опыты со змеем, поддержанные Квиккой, Озмодом и расчетами катапульт на «Победителе Фафнира». Шеф позаботился о том, чтобы взять с собой запасы жердей и ткани, из которых собирал свои летающие конструкции Ибн-Фирнас. Теперь они пытались перебрать все мало-мальски похожие варианты.

— Мы не знаем, что удерживает эту штуку в воздухе, — сказал Шеф своим внимательным слушателям. — Значит, мы должны перепробовать все и посмотреть, что получится.

Сегодня они испытывали сплошную коробку, без боковых отверстий. Полная неудача. Означает ли это, вопреки здравому смыслу, что щели все-таки необходимы? Или в неудаче виноваты два привязных троса, которые тоже опробовались сегодня? Два удерживающих тросы катапультера осторожно пытались снова перевести змея в восходящий полет, но без особого успеха.

Не так уж важно. Во-первых, благодаря этому людям было чем заняться. Взглянув на верхушку мачты, Шеф, как и ожидал, увидел, что впередсмотрящий, вместо того чтобы обшаривать глазами горизонт, неотрывно следит за змеем. Окрик, жест, и матрос виновато вернулся к выполнению своих обязанностей.

А во-вторых, по опыту Шефа, любое техническое новше-

ство, как правило, рождалось в муках доделок и усовершенствований, по мере того как работающий на машине человек ее осваивал, знакомился с проблемами и учился справляться с ними. Абсолютно ничто не получалось сразу как надо. Сейчас Шефу было довольно и того, что люди заняты делом, стараются хотя бы повторить достижения Ибн-Фирнаса, осваивают навыки, которые пригодятся потом, когда придет время двигаться дальше. Ибн-Фирнас так и не понял одну вещь, упрямствуя в своем забавном нежелании делать выводы из теории, которое Шеф уже считал характерным для всей арабской культуры: опыты с полетом человека ли, мальчика ли будут гораздо безопаснее в спокойном море, а не на каменистых берегах Гвадалквивира. Шеф уже сбился со счета, сколько легковесов из команды Ордлава не прочь искупаться.

Змей коснулся воды, что вызвало общий стон разочарования. Ладья, одна из тех пяти, что поднимались вверх по Гвадалквивиру к Кордове, развернулась, викинги неторопливо подошли на веслах к змею и начали извлекать из воды его и ведущий к нему трос.

У двухмачтовых кораблей имелся один недостаток: он не был заметен в Атлантике, для плавания по которой их и сконструировали. Это были настоящие парусники, быстрые, остойчивые, приспособленные нести онагры и арбалеты, а также десятки тонн запасов провизии и воды. В британских и скандинавских водах, где ветер буквально никогда не стихал и чаще был слишком сильным, чем слишком слабым, они с успехом очищали моря от кораблей франков и викингов — первые были слишком тихоходными, а вторые слишком хрупкими, чтобы противостоять им.

Но никто не пытался провести их на веслах дальше нескольких сотен ярдов до выхода из гавани, и делалось это с помощью гигантских гребных бревен, рассчитанных на четырех человек, при этом скорость была черепашьей. А во Внутреннем море нередко — как и сегодня — стоял мертвый штиль. Распустив оба паруса и ловя малейшее дуновение ветра с моря, «Победитель Фафнира» и другие корабли класса «герой» — «Победитель Грендаля», «Зигмунд», «Вада», «Теодрик», «Хагена» и «Гильдебранд» — едва плелись. В отличие от них суда викингов выдерживали походную скорость эскад-

ры при самой ленивой гребле, и их команды были счастливы израсходовать избыток энергии, гоняясь за упавшим в море змеем. А галерный флот после нескольких взрывов негодования кордовского адмирала, по-видимому, смирился с таким положением дел. Теперь установился следующий порядок: утром галеры уходили на веслах вперед, днем предавались долгой сиесте, а на заходе солнца снова неслись вперед, чтобы найти питьевую воду и разбить лагерь на ночь. Неверные за время сиесты наверстывали упущенное, и в конце концов все встречались вечером. Связь между главными силами флота и отставшими парусниками поддерживалась благодаря находившимся в промежутке между ними кораблям. Из вежливости — а скорее потому, что не доверял *majus*, — сам адмирал на зеленой галере держался поблизости, вместе с четырьмя десятками больших кораблей, что было вполне достаточно, чтобы при необходимости окружить и взять на абордаж флот Шефа. И не имелось другого способа защититься от арабов, как только держать их на расстоянии, чтобы было время пустить в ход онагры. Поразмыслив, Шеф смирился с таким положением. Раз уж арабы не напали на него на улицах Кордовы, вряд ли они сделают это здесь, во время похода на грозного общего врага.

Хагбарт готовился к полуденной церемонии, во время которой измерял высоту солнца над горизонтом с помощью своих инструментов, чтобы сверить результат с составленными им таблицами. Практического значения это почти не имело. По результату можно было судить — если Шеф правильно ухватил суть идеи, — как далеко на север или на юг они заплыли, но фактически Хагбарт мог лишь сказать, какому месту на атлантическом побережье это соответствует по широте. Вот если бы у них была хорошая карта... Шеф отлично понимал, от скольких неприятностей подобная информация могла бы избавить его с товарищами во время их перехода через гористый норвежский Киль от берегов Атлантики до Ярнбераланда.

Шеф развернул подаренную арабами карту, которая, надо признать, была лучше всех, что он видел за свою жизнь. Этой ночью они набрали воды в порту Дения[1], хорошо защи-

[1] Порт напротив Балеарских островов.

щенной гавани с пологими берегами, на которые легко было вытащить корабли с малой осадкой. Командир местного гарнизона сообщил, что христиане, и в частности грозный Красный флот греков, за последнюю пару недель высаживались на берег уже меньше чем в ста милях к северу. Значит, они в любой момент могут появиться на горизонте.

При этой мысли Шеф поднял голову и позвал впередсмотрящего:

— Видно что-нибудь?

— Ничего, государь. На флагмане натянули навес и перестали грести, сейчас мы их обгоняем. В море несколько рыбацких лодок. На всех эти забавные треугольные паруса. Горизонт чист, как у шлюхи...

Окрик Хагбарта прервал это изысканное сравнение. По какой-то причине Хагбарт решил, что следует оберегать единственную на борту женщину от непристойностей. Все викинги, заметил Шеф, хотя и не любили Свандис, не могли полностью избавиться от благоговейного трепета, который вызывала у них кровь Рагнарссонов.

Хагбарт плюхнулся, скрестив ноги, прямо на палубу около Шефа с картой, а рядышком удобно устроились на раскладных холщовых табуретках Ханд и Торвин. Шеф осмотрелся, соображая, кого еще позвать на импровизированный военный совет. Бранда на борту не было, он заявил, что вернется на свой корабль «Нарвал», построенный им взамен долго оплакиваемого «Моржа». Он объяснял, что неуютно себя чувствует на величественном «Победителе Фафнира», предпочитая ему свое маневренное судно. Шеф подозревал, что Бранд просто не мог выносить присутствия Свандис — не то из-за ее отца, не то из-за нее самой. Скальдфинн стоял неподалеку у борта. Почему он не подходит? Шеф догадался, что Скальдфинн не хочет оставлять в одиночестве еврея Сулеймана, но не уверен, что остальные будут рады присутствию Сулеймана, ведь теперь тот прекрасно научился понимать их разговоры.

Сулейман был личностью странной, гордой и неприступной. На протяжении многих недель Шеф и подумать не мог о нем иначе, как о машине для перевода, однако во время уроков языка постепенно стал кое о чем догадываться. Шеф начал подозревать, что, несмотря на всю показную предан-

ность Абд эр-Рахману и арабским хозяевам, Сулейман... не заслуживает доверия? Может поддаться нажиму? Помимо всего прочего, выяснилось, что в мире ислама иудеи и христиане платили налоги, а мусульмане — нет. Это не могло не стать причиной обид и недовольства. Шеф помахал рукой Скальдфинну, показывая, что Сулейман тоже может к ним присоединиться.

— Итак, — сказал Хагбарт, — объясни нам еще раз, государь, каков твой замысел. Мы запускаем в воздух змеев, крадем у христиан греческий огонь и кидаем его с неба.

Шеф улыбнулся:

— Только не говори Мухатьяху. Он скажет, что его наставник первый до этого додумался. Ладно. Мы находимся где-то здесь. — Он ткнул в карту корявым пальцем с обломанными ногтями. — Христиане не могут быть далеко, и все кругом твердят, что они ищут нас точно так же, как мы ищем их. Следует ожидать столкновения лоб в лоб. Значит, именно его мы и постараемся избежать. Они знают то, чего не знаем мы, а мы знаем то, чего не знают они.

— Начни с самого легкого, — посоветовал Хагбарт, самый молодой и беззаботный из жрецов Пути. — Скажи, что знаем мы.

Шеф снова улыбнулся:

— Первое, что мы знаем, — никто из них, ни христиане, ни арабы не умеют сражаться на море.

Молчание и обмен взглядами. Наконец Сулейман, предварительно убедившись, что никто из сподвижников короля не жаждет попасться на эту его удочку, решил сам задать напрашивающийся вопрос:

— Простите, государь? Но ведь андалузский флот выиграл много битв на море. Как и греческий. Вы хотите сказать — они сражаются не совсем правильно?

— Нет. Я хочу сказать, что это не были морские сражения. И это видно по тому, как ведет себя старик, адмирал как-его-там. — Шеф ткнул пальцем за плечо в сторону укрытых навесами галер, застывших в послеобеденной сиесте на морской глади в двух милях от них. — Его основная идея — дать сухопутное сражение, в котором на одном из флангов будет действовать флот. С тех пор как мы встретились с их сухопутной армией, идущей вдоль берега, — где это было, в

Аликанте? — он все время старается не разлучаться с ней. Конечно, наши парусники их задерживают, но мы могли бы двигаться быстрее, если бы шли под парусами всю ночь, нам это нетрудно. Но адмирал каждый вечер встает на стоянку рядом со своей сухопутной армией. Они собираются драться на берегу, армия на армию и флот на флот. Они никогда не уходят далеко от своей пресной воды — да и не могут, имея на борту столько гребцов, при такой-то жаре, — и никогда не уходят далеко от своих сухопутных войск, пеших и конных.

— И какое это дает нам преимущество? — осторожно осведомился Торвин. То, что говорил его бывший подопечный, нередко звучало как бред одержимого, но никто не осмелился бы назвать так победителя в битвах при Гастингсе и Бретраборге.

— Я бы хотел сделать так: обнаружить противника, потом, воспользовавшись легким бризом, который каждое утро дует с суши, отойти подальше от берега, а днем напасть на противника с фланга и тыла со стороны открытого моря. Тогда мы сможем использовать катапульты при дневном свете, а флот противника будет зажат между нами и берегом.

— Но у вас только семь кораблей с... как вы их называете? — «с мулами», — деликатно напомнил Сулейман. — Достаточно ли будет семи для такой великой битвы?

— У адмирала сотни галер, — ответил Шеф. — Столько же, как нам сказали, было у адмиралов тех двух флотов, которые греки уже уничтожили. Эти галеры были беспомощны против греческого огня. Мы надеемся, что флот христиан окажется беспомощен против наших камнекидалок.

— Чтобы расстрелять несколько сотен кораблей, потребуется много времени, — скептически заметил Торвин.

— Вот именно. Я хочу уничтожить только корабли с греческим огнем. Говорят, что это красные галеры. Их всего штук двадцать. В этой битве значение будут иметь только двадцать галер с огнем и семь наших кораблей с «мулами». И те, что начнут первыми, победят. Все остальные суда, как только этот вопрос решится, будут просто свиньями на убой. Ягнятами на заклание, я хотел сказать, — торопливо поправился Шеф, вспомнив странные диетические ограничения, существующие как у мусульман, так и у евреев.

— Понимаю, — сказал Скальдфинн. — Но еще один вопрос: что же знают они, чего не знаем мы?

— Вот я и не знаю, — вставил Шеф, пока никто не успел дать очевидный ответ. Все северяне рассмеялись, а Сулейман бесстрастно поглядывал на них и оглаживал бороду. Они как дети, подумал он, правильно сказал Абд эр-Рахман. Они могут смеяться над чем угодно. У них все время шуточки, подначки, перепрятывают чужую еду, связывают вместе шнурки обуви. Сам король весь день запускает воздушных змеев и ничуть не смущается, что они то и дело падают в море. У них нет чувства собственного достоинства. Или, наоборот, они считают, что их достоинство невозможно умалить такими пустяками? Мухатьях до хрипоты доказывал, что они глупы и необразованны. Однако они учатся с устрашающей скоростью, а Мухатьях никогда не был способен научиться тому, что не освящено авторитетом наставника или, еще лучше, авторитетом книги. Интересно, недоумевал Сулейман, что же на самом деле думает одноглазый?

— Как я надеюсь, они не знают, что мы уже здесь, — в завершение сказал Шеф. — В этих южных морях еще никто не сталкивался с установленными на кораблях катапультами. Они, видимо, ожидают встретить еще один излишне самоуверенный мусульманский флот, многочисленный и отчаянно храбрый. В этом случае мы должны с ними справиться. Но если они знают, что мы здесь, думаю, что они попытаются атаковать нас ночью. В полной противоположности тому, чего хотим мы. Чтобы расстрелять их на расстоянии, нам нужен свет и нам удобней было бы разойтись в линию. Они хотят подобраться скрытно и напасть на скученный флот с близкого расстояния, когда неважно — есть свет или нету. В любом случае они своего добьются.

— Ответ на это напрашивается сам собой.

— Точно, — согласился Хагбарт. — Мы встанем у берега под прикрытием остальных кораблей флота. Если враги их подожгут, у нас будет достаточно времени, чтобы взвести пружины онагров, и достаточно света, чтобы стрелять.

— Может быть, есть еще что-то, чего мы не знаем, — повторил Торвин.

— Я знаю что. А вдруг они построили такой же «Неустрашимый», как мы в свое время?

Хагбарт покачал головой, испытав неутешную грусть. Громоздкий, обшитый стальными пластинами, едва передвигающийся «Неустрашимый», который семь лет назад в буквальном смысле слова переломал хребты кораблям Рагнарссонов, первоначально, до полной перестройки и переименования, был собственным судном Хагбарта, и тот клялся, что его «Аурвендилл» — самый быстрый корабль на всем Севере. Но «Неустрашимому» в той битве тоже сломали хребет камнем из катапульты, с тех пор он ни разу не выходил в море. Позднее его разобрали на дрова.

— Они не смогут этого сделать, — категорически заявил он. — Я навидался этих средиземноморских галер, смотрел, как их строят. Говорят, что их конструкция не изменилась за последнюю тысячу лет, и у греческих галер она такая же. Они обшивают досками вгладь, а не внакрой, как мы. И просто набирают борт доска за доской, без всяких шпангоутов. Слабый киль и очень слабые борта. Нос и корма укреплены, чтобы держать таран, но это почти ничего не дает. Пробить борт очень легко. Нет, я не говорю, что их корабелы дураки. Просто они строят для мелкого моря, без приливов и без волн. И я утверждаю, что перестроить одну из таких галер в новый «Неустрашимый» нельзя. Их корпус недостаточно прочен. В этом я уверен.

Последовала долгая задумчивая пауза, прерываемая лишь раздающимися неподалеку выкриками и всплесками. В полуденном мареве «Победитель Фафнира» совсем потерял ход, паруса его обвисли, только и толку от них было, что спасительная тень. Команда воспользовалась возможностью раздеться и поплескаться в манящей прохладой воде. Шеф заметил, что Свандис с борта смотрит на раздевшихся мужчин, в задумчивости ухватившись за подол своего длинного платья из белой шерсти. Казалось, что она тоже готова раздеться и нырнуть в море. Это вызвало бы по меньшей мере всеобщий восторг, что бы там Бранд ни говорил про гнев морских ведьм и марбендиллов из бездны. Его авторитет в этом вопросе, как ни странно, оказался подорван, когда стало известно, что Бранд и сам на четверть марбендилл.

— Итак, придерживаемся нашего плана, — сказал Шеф. — Хагбарт, ты и Сулейман, поговорите сегодня вечером с адмиралом насчет ночного охранения. Завтра я попро-

шу его выслать вперед легкие суда, пусть попробуют найти врага и связать его силы, чтобы мы могли обойти его с фланга. Наше секретное оружие, кроме онагров, — то, что мы не боимся выйти в открытое море и остаться без пресной воды для гребцов. На это мы и должны рассчитывать. И есть еще одно приятное обстоятельство.

— Какое же? — спросил Хагбарт.

— Нашего гориллообразного друга Бруно здесь нет. Императора, я имею в виду.

— Откуда ты знаешь?

Шеф снова улыбнулся:

— Я бы почувствовал, будь этот ублюдок где-то поблизости. Или увидел бы дурной сон.

* * *

Много меньше дневного перехода парусника отделяло этот военный совет от другого, в котором участвовали два командира объединенных экспедиционных сил греков и римлян. Лишь эти два человека сидели в кормовой каюте большой греческой галеры, в полутьме, пропитанной запахом нагретого кедра. Ни один из них не считал целесообразным советоваться с подчиненными. Подобно тому, как раньше поступили их повелители, император Бруно и басилевс Василий, эти двое решили, что удобней всего будет общаться на латыни; хотя латынь не была родным языком ни для того, ни для другого, они в конце концов научились сносно на ней разговаривать. Обоим латынь не нравилась: грек Георгиос выучился ее итальянскому диалекту от неаполитанских моряков, которых с презрением считал еретиками и бабами. Германец Агилульф перенял французский диалект латыни от соседей за Рейном, которых ненавидел в качестве своих исторических врагов, вдобавок претендующих на культурное превосходство. Однако оба шли на жертвы ради возможности сотрудничать. Каждый даже начал испытывать невольное уважение к талантам другого, возникшее за многие месяцы совместных побед и завоеваний.

— До них день пути на юг, и они медленно приближаются? — переспросил Агилульф. — Откуда ты знаешь?

Георгиос махнул рукой в сторону моря за маленьким смотровым отверстием, проделанным в узкой корме галеры.

Вокруг двух десятков его красных галер, каждая в сотню футов длиной, расположилась флотилия маленьких суденышек самых разных видов, это были добровольные помощники из христианских рыбачьих деревушек с севера испанского побережья, с островов и приграничной зоны между Испанией и Францией.

— Арабы так привыкли к рыбачьим лодкам, что не обращают на них внимания. Вдобавок они не могут отличить христианина от мусульманина или от иудея. Наши лодки пристраиваются к их рыбакам. Каждый вечер одна из наших лодок уходит в море и возвращается со свежими сведениями. Я уже давно в точности знаю, где находится каждый корабль противника.

— А вдруг противник то же самое проделывает с нами?

Георгиос отрицательно покачал головой.

— Я не так беспечен, как арабский адмирал. Ни одна лодка не может подойти сюда ближе пятидесяти стадиев без того, чтобы ее не остановили и не осмотрели. И если в ней мусульмане... — он рубанул ладонью по краю стола.

— Почему разведывательные лодки успевают вернуться, пока неприятельский флот идет на нас? Наши лодки настолько быстрые?

— Наши более приспособлены. Видишь, какие у них паруса? — Георгиос снова махнул рукой в сторону покачивающихся неподалеку лодок. На одной из них, заскользившей по тихой воде с каким-то поручением, уже подняли и расправили парус: треугольный кусок ткани на наклонном рее — гафеле. — Здесь это называют «латинский парус», на их языке *lateeno*. — Тут оба мужчины одновременно хмыкнули в знак презрения к чудаковатым иностранцам. — Они говорят *lateeno*, подразумевая, — Георгиос запнулся, подбирая слово, — что-то вроде *aptus*, ловкий. И это действительно удачный парус, быстроходный и рассчитанный на легкие боковые ветры.

— Почему же тогда у вас другие паруса?

— Если бы ты посмотрел вблизи, — объяснил адмирал, — ты бы увидел, что, когда ты хочешь развернуться другим бортом к ветру, — в латыни, на которой говорили они с Агилульфом, не нашлось слова «галс», — ты не можешь просто повернуть гафель, палку, к которой крепится парус. Ты дол-

жен перекинуть гафель через мачту. На маленькой лодке это легко. И все труднее и труднее, когда мачта становится выше, а гафель тяжелее. Это оснастка для малых судов. Или для кораблей, где полно команды.

Агилульф фыркнул, не слишком-то заинтересовавшись.

— Итак, мы знаем, где они, а они не знают, где мы. Что это нам дает?

Грек откинулся на своей скамье.

— Что ж. Наше оружие — огонь. Их оружие, как ты мне все время напоминаешь, — камни. Ты рассказывал, что видел, как один их корабль со стальной обивкой потопил целый флот и никто не успел даже сказать «Господи, прости».

Агилульф кивнул. Он участвовал в битве при Бретраборге, видел, как флагман Шефа «Неустрашимый» разнес в щепки флот Рагнарссонов. Это произвело на него неизгладимое впечатление.

— Я тебе верю. Значит, враги постараются сражаться на расстоянии, а мы предпочтем подойти поближе. Наверняка они ждут, что мы нападем ночью. Но у меня есть идея получше. Видишь ли, мои рыбаки на разведывательных лодках, все как один, твердят одно и то же. Эти северные корабли, говорят они, — парусники. Никто не видел, чтобы они пытались идти на веслах, по-видимому, они слишком тяжелые и широкие. Но в этих водах в полдень ветер всегда стихает, ведь вода и суша нагреты одинаково. Ветер не дует ни в ту, ни в другую сторону. Тут-то я и собираюсь по ним ударить.

— Они могут швырять свои камни, не сходя с места, — возразил Агилульф.

— Но не через носовые и кормовые штевни. В любом случае я намерен сначала отогнать или сжечь их вспомогательные суда, арабские галеры. А потом разобраться с северянами. Ведь я смогу двигаться, а они нет. В самом худшем случае мы просто уйдем на веслах. Если они окажутся слабее — мы их разгромим.

— Значит, ты выйдешь со своим флотом, при необходимости успокоишь северян и потом с моря ударишь со своими воинами и гребцами в тыл арабской армии. А я буду теснить пехоту и конницу с фронта.

Георгиос молча кивнул. Оба понимали, что в их генеральном плане возможны всяческие изменения. Но теперь

каждый знал, что думает другой и как поступит в том или ином случае. Они до сих пор не проиграли ни одной битвы и стычки, пройдя через все северо-западное Средиземноморье от берега до берега.

Агилульф встал:

— Годится. Мои солдаты для твоих галер уже оповещены. Они будут ждать на берегу за час до рассвета, со всеми припасами. Просто вышли лодки, чтобы подобрать их.

Георгиос тоже поднялся. Мужчины обменялись рукопожатиями.

— Хотел бы я, чтобы здесь был император, — неожиданно сказал Агилульф. — Мой император, я имею в виду.

Георгиос выкатил глаза с преувеличенным сомнением:

— Он твой император, а не мой. Но даже мой император и даже тот идиот, что был перед ним, не стали бы на этом этапе войны гоняться за какой-то там реликвией.

— Последнее время она ему помогала, — сказал Агилульф, стараясь, чтобы в голосе его прозвучало как можно больше преданности.

Глава 9

— Расскажи мне еще раз об этом проклятом... — Бруно, император Священной Римской империи, защитник веры, гроза еретиков, вероотступников и язычников, оборвал себя. У него выдался трудный день. Еще один трудный день. Здесь, в этой пересеченной ущельями стране, где Франция соединяется с Испанией и одновременно отделяется от нее высокими Пиренеями, в каждой деревне был замок на скале, и большинство из них называлось не иначе как *Puigpunyent*, «остроконечный пик». Вот почему здесь окопалось так много мусульманских бандитов. Но с этим покончено. Император очистил от них эту землю. И теперь, когда он вправе был ждать благодарности и помощи от христиан, избавленных им от врагов, его встречали упрямым сопротивлением, запирали ворота, отгоняли в горы стада, люди прятались в своих неприступных жилищах. Правда, не все. Если верить баронам, которые подчинились ему и перешли на его сторону, сопротивление оказывали только те, кто был еретиком из какой-то

секты, давно обосновавшейся в пограничье, с ней вели непримиримую партизанскую войну многие поколения католиков.

Проблема заключается в том, что, по всеобщему мнению, тайну Святого Грааля хранят именно эти еретики. Если Грааль существует — а Бруно страстно верит, что он существует, точно так же, как Святое Копье, на котором держится его власть, ранее существовало, затерянное среди язычников, — он спрятан еретиками на одном из этих скальных пиков.

И поэтому император решил покорить их, сжечь, разгромить, запугать, подкупить или выманить из их горных берлог. Иногда это получалось, иногда нет. Сегодня был плохой день. Яростное сопротивление, ворота, недоступные для камней тяжелой катапульты, — и двадцать славных братьев из Ордена Копья полегли вместе со многими воинами, набранными с помощью баронов Южной Франции.

Но даже это не оправдывает едва не совершенный им смертный грех — богохульный отзыв о священной реликвии. Бруно помолчал, пристально огляделся. Он сам назначит себе наказание. В былое время он набирал пригоршню деревянных щепок, поджигал и держал на открытой ладони. Однако волдыри мешали во время битвы. Он не имел права из-за собственных грешков мешать себе выполнять дело веры. И опять же, согрешила-то не рука. Нет. Вынув кинжал, Бруно поднес его к свече, выждал, пока острие не раскалилось докрасна. Затем он решительно высунул свой едва не согрешивший язык, прижал к нему обжигающий металл. Долгие секунды держал его. В покрывавшей щеки корке пыли медленно пробили дорожку слезы, но больше ничто в чеканном лице императора не изменилось. В ноздри ударил смрад горелой плоти, ставший привычным в эти дни боев и сражений.

Бруно отнял кинжал, критически осмотрел кончик — не испорчена ли закалка металла. Кажется, нет. Он обернулся и встретил неодобрительный взгляд своего наперсника и духовного наставника, дьякона Эркенберта. Эркенберту не нравились эти упражнения в смирении, он считал, что они ведут к гордыне.

— И если твой глаз соблазняет тебя, вырви его, — сказал Бруно в ответ на невысказанный укор.

— Лучше следовать наставлениям вашего исповедника, — ответил Эркенберт, — неустанно уповая, что он способен дать их.

Дьякон завидовал исповеднику императора Феликсу, поскольку Феликс, будучи рукоположен в сан, мог выслушивать исповеди и давать отпущение грехов, чего Эркенберт, до сих пор простой дьякон, делать не мог.

Бруно нетерпеливым жестом отмахнулся от начинающегося спора.

— А теперь, — повторил он, — расскажи мне еще раз об этом благословенном Святом Граале Господа нашего. Увы, моя вера снова нуждается в укреплении.

Эркенберт, сохраняя укоризненный вид, начал рассказ. В каком-то смысле его, Эркенберта, преследовал успех. Он был вместе с императором, когда тот, простой риттер из Ордена Копья, отправился в северную глушь, чтобы вернуться со Святым Копьем и снова объединить распадающуюся империю Шарлеманя, Карла Великого. И поскольку все это время он был с Бруно, проводил изыскания, которые в конце концов позволили им опознать Копье, подбадривал павшего духом императора, когда тот уже отчаялся когда-нибудь завершить свои поиски, сейчас он считался знатоком реликвий и докой в деле их розыска. Но о Копье рассказал и удостоверил его существование сам святой Римберт, архиепископ Гамбургский и Бременский. История, которая сейчас завладела воображением императора, имела совсем другое происхождение.

Тем не менее Эркенберт изучил те немногочисленные документы, которые смогли для него разыскать: теперь он знал об этой истории все. Может быть, к лучшему, что рассказывать ее будет человек, ничуть ею не увлеченный.

— Как вы знаете, — начал он, — рассказы четверых евангелистов о распятии Господа нашего несколько различаются. Разумеется, это лишь подтверждает их достоверность, ведь мы нередко убеждаемся, что четыре человека, которым довелось увидеть одно и то же событие, тем не менее рассказывают о нем по-разному. Однако когда все четыре Евангелия совпадают — а они совпадают в рассказе про центуриона,

который проткнул копьем грудь Иисуса и с благоговением говорил о Нем как о Сыне Божьем, — мы можем быть уверены, что речь идет о чем-то великом и священном, поскольку все четверо были вдохновлены Святым Духом увидеть и записать одно и то же.

Бруно кивнул, на его мрачном и суровом лице появилось удовлетворенное выражение, словно у ребенка, который услышал начало хорошо знакомой вечерней сказки.

— Однако великая мудрость, или великое знание, может скрываться и в том, что удостоверено только одним свидетелем. Так вот, Евангелие от Иоанна рассказывает нам о многих таких вещах, о которых другие умалчивают. И одно обстоятельство из его рассказа звучит странно, но не совсем невероятно. Я читал в некоторых книгах, что у римлян, жестоких и не знающих милосердия безбожников, был обычай оставлять тело распятого на съедение птицам.

Бруно, чьи виселицы с непогребенными телами раскачивались по всей Европе, снова кивнул, выражая не то удовлетворение, не то монаршье одобрение такой политики.

— Но, по иудейскому закону, мертвецов нельзя было оставлять на виду в эти священные дни праздника Пасхи. Поэтому и послали воинов убить Иисуса и распятых вместе с ним разбойников — не из жалости, а чтобы их можно было снять до захода солнца в пятницу, когда начинается иудейский шабат, суббота.

Что тогда произошло? Об этом упоминает лишь Иоанн, однако его история вполне правдоподобна и необязательно должна была быть известна остальным. Иоанн говорит, что один богатый еврей выпросил у Пилата разрешение снять тело, завернул тело в плащаницу и положил в каменный склеп — таков обычай в гористых странах, там не хоронят в земле, как мы. Иоанн называет этого еврея Иосифом из Аримафеи[1]. А дальше речь идет о Воскресении, и все евангелисты рассказывают о нем по-разному.

Об этом Иосифе рассказывают много других историй. У моего народа — не моего народа из Нортумбрии, а у народа с дальнего запада моей родины — есть предание о том, что

[1] Иосиф из Аримафеи, снятие тела и погребение упоминаются не только у Иоанна, но во всех Евангелиях: от Матфея 27:57- 60, от Марка 15:43-46, от Луки 23:51-53, от Иоанна 19:38-41.

этот Иосиф после смерти Иисуса покинул берег Святой Земли и в конце концов попал в Англию, тогда еще не Англию, а Британию. И там, мол, он построил церковь в Гластонбери и совершил много чудес. А еще говорят, что он привез с собой Святой Грааль, и тот до сих пор там и лежит.

— Но мы ведь в это не верим? — осведомился Бруно, хотя слышал ответ не меньше десятка раз.

— Нет. То, что богатый еврей покинул Святую Землю, потому что стал врагом своего народа, вполне возможно. Но Британия во время смерти Господа нашего еще не входила в состав Империи. Это была глушь, где жили только дикие кельты. Кому бы пришло в голову туда отправиться?

— Тогда почему мы думаем, что Святой Грааль существует?

Эркенберт ухитрился удержаться от неодобрительного хмыканья. Он-то как раз не думал, что Святой Грааль существует; просто он по опыту знал, что коль скоро позволит себе проговориться об этом, его набожный, но властный хозяин замучает дьякона спорами, пока тот не признает, что, скорее всего, не прав.

— В основном потому, что в это верят слишком многие. Тем не менее, — поспешил продолжить Эркенберт, пока повелитель не потребовал более вразумительного ответа, — при ближайшем рассмотрении рассказы о смерти Господа нашего не могут не вызвать несколько законных вопросов. Я уже говорил, что только Евангелие святого Иоанна Богослова рассказывает об Иосифе из Аримафеи. И только в этом Евангелии упоминается еврей Никодим, причем упоминается трижды, в конце, когда Иосиф и Никодим подготовили тело для погребения. Среди фарисеев и книжников, когда Никодим потребовал для Иисуса справедливого суда. И когда Никодим приходил к Иисусу ночью, чтобы задать ему свои вопросы. Однако есть и еще одно Евангелие, которое я читал.

— Кроме четырех, вошедших в Библию? — подсказал Бруно.

— Да. Это Евангелие от Никодима. Отцы Церкви в своей мудрости решили не включать его в текст, который считается каноническим. И все же ясно, что книга эта очень древняя. А повествует она о том, что произошло после смерти Христа. И до Его воскресения.

— Когда Он спускался в ад, — восторженно выдохнул Бруно.

— Именно из-за этого Евангелия у нас в Символе Веры появились слова *descendit ad infernos*, «сошел в ад». Итак, этот Никодим видел погребение Христа, знал о Его воскресении — и говорил с теми, кого Христос вывел из ада. Иначе откуда он мог об этом узнать? Он, по-видимому, был посвящен во многие дела Спасителя. Наверное, знал даже больше, чем Иосиф. Такие люди понимали, что Христос — Сын Божий, почти так же скоро, как центурион Лонгинус, который сохранил свое копье в качестве святой реликвии. У них было много возможностей собрать предметы, которых касался Сын Божий, и одним из таких предметов мог быть Грааль. Некоторые говорят, что это была чаша с Тайной Вечери, какой-то сосуд, в который была собрана Святая Кровь, после того как Копье пролило ее.

— Но это потому, что они проклятые французы! — внезапно вскричал Бруно, со своей обычной неуловимой быстротой и силой вонзая кинжал глубоко в стол. — Они же не могут говорить на собственном проклятом языке! Просто портят порченую латынь, пока это уже ни на что не похоже! Берут *aqua*, превращают в *eau*, берут *caballerus*, превращают в *chevalier*. Я спрашиваю тебя: как могло звучать слово *graal*, прежде чем эти косноязычные ублюдки начали произносить его?

В палатку ворвались два телохранителя с оружием наготове и убедились, что их хозяин, цел и невредим, сидит за столом. Бруно вдруг улыбнулся, помахал им рукой, сказал на своем родном нижненемецком:

— Все в порядке, парни. Просто высказал, что я думаю о французах.

Его люди улыбнулись в ответ и исчезли. Братья Ордена Копья разделяли мнение императора, особенно после сегодняшней стычки, в которой французы участвовали с обеих сторон, но свои рвались в бой далеко не так рьяно, как французы на стороне противника.

— Что ж, — сказал Эркенберт, стараясь ответить на вопрос. — Грааль может быть каким-то блюдом или чашей.

— В блюдо ведь кровь не собрать, так?

— А может быть, это и есть кровь. Может быть, когда люди говорят *sancto graale* или *saint graal*, словом, «Святой Грааль» на разный лад, их предки старались выговорить *sang real*, «царская кровь». И на латыни это будет примерно так же. *Sanctus graduale* вместо *sanguis regalis*. Может быть, «Грааль» — это просто «Священная Кровь».

Некоторое время Бруно молчал, раздумчиво трогая пальцем волдырь на языке. Эркенберт следил за ним с возрастающим интересом. Они уже несколько раз затрагивали эту тему, но Эркенберт никак не мог понять, почему Бруно держится так уверенно и так уверенно задает вопросы. Действительно, встречались кое-какие странности в Евангелиях от Иоанна и от Никодима. Но в деле Святого Грааля не существовало и следа таких серьезных современных свидетельств, которые были в деле о Святом Копье. Копьем еще на живой человеческой памяти владел Карл Великий. Не было и ничего похожего на письмо центуриона, которое Эркенберт видел собственными глазами. Дьякон уже успел заподозрить, что Бруно что-то скрывает.

— Как ты производишь от *graduale* «блюдо» или «чашу»? — спросил наконец Бруно.

— Сначала берем *gradus*, что значит, э-э, «переход», — ответил Эркенберт. — Значит, это перемена блюд во время обеда, то, на чем подается другая еда.

— Но *gradus* не означает никакого проклятого «перехода»! — рявкнул Бруно. — Это только ты так говоришь. А на самом деле он означает проклятую ступень. То, на что ступают. А *graduale* — это что-то, на чем много ступенек. И мы с тобой называем эту штуку одинаково, говорим ли мы по-английски или по-немецки. В обоих языках это слово звучит одинаково, я проверял. И ты знаешь, что это такое! Это проклятая...

— Лестница, — холодно и отрешенно договорил Эркенберт. Наконец-то он понял, к чему клонит его повелитель.

— Лесенка. Вроде той, которую сам-знаешь-кто носит на шее.

— Но как она могла стать священной реликвией? Сравниться с чашей, что была на Тайной Вечере?

— А ты никогда не задумывался, — спросил Бруно, откидываясь на своем походном стуле, — что произошло после Распятия?

Эркенберт молча покачал головой.

— Что ж, ведь римляне не взяли тело, правильно? Я полагаю, что мой предок Лонгинус, — Эркенберт про себя отметил, что Лонгинус превратился уже в предка Бруно, — повел воинов в казармы, скажем, с восхищением любуясь своим копьем. Но тело, тело Господа нашего... ну да, ты только что сам сказал, оно было отдано евреям. Его приверженцам, а не тем, кто распял Его. Но если хочешь узнать, что было дальше, тебе нужно обратиться к иудеям. Не к римлянам, они ушли в казармы, не к христианам, они все попрятались. И как по-твоему, что иудеи первым делом сделали?

Эркенберт безмолвно покачал головой. У него появилось ощущение, что он присутствует при чем-то ужасающем, тянущемся из прошлого, из прошлой жизни Бруно, дальше, в будущее. Он не имел ни малейшего представления, что это.

Бруно налил из кувшина вино в два больших кубка и подтолкнул один к Эркенберту.

— От этой говорильни во рту пересыхает, — заметил он, и на его лице еще раз появилась его неожиданно добродушная и дружелюбная улыбка. — Так вот, ты когда-нибудь всерьез задумывался о том, как на самом деле распять человека? И как снять его с креста? А?

* * *

Шеф лежал в своем гамаке, подвешенном между бортом и башней носовой катапульты. Легкий бриз смягчал жар, все еще поднимающийся от деревянных палуб, а корабль тихо покачивался на почти неподвижной воде. Остальные семьдесят моряков тоже спали вокруг, кто в гамаках, кто — развалившись на палубе. Звезды сверкали над ними в небе такой глубины, какую они никогда не видели прежде.

В своем сне Шеф знал, что находится глубоко-глубоко под землей, вдали от моря и неба. Он попал на какую-то огромную лестницу. Такую большую, что он едва-едва мог дотянуться кончиками пальцев до края ближайшей ступеньки. Он мог подпрыгнуть, подтянуться наверх, перенести колено через край и так взобраться на следующую каменную ступеньку. Сколько он выдержит, пока не лишится сил?

И что-то поднималось к нему снизу по лестнице. Что-то гигантское, превосходившее его величиной, как он превосходил

мышь. Шеф чувствовал сотрясения холодного влажного камня, бам-бам-бам, топают по лестнице огромные ноги. Снизу повеяло духом злобы и злорадства. Если тварь, что там карабкается, увидит его, она его раздавит с такой же несомненностью, как сам Шеф раздавил бы ядовитого паука. Внизу начал разгораться слабый свет. Тварь сможет увидеть его.

Шеф огляделся, уже представляя, как его плоть и кровь размажутся по камню. Вверх не полезешь, все равно догонят. Прыгать вниз нет смысла. В сторону. Он прыгнул вбок, в тусклом свете попробовал перебраться через край лестницы. Там что-то было, как будто деревянная обшивка или ограждение. А сам он был как мышь. Шеф припомнил многолетней давности видение, в котором он был хромым кузнецом Вёлундом, а Фарман, священник Фрейра, глядел на него с пола, словно мышь из-под плинтуса. Теперь мышью был Шеф, а Фарман... Топот на ступеньках вернул Шефа от размышлений о тихом Доме Мудрости к его кошмарной реальности.

Расщелина в деревяшке. Шеф начал протискиваться в нее сначала лицом вперед, потом сообразил, что так не сможет видеть приближающуюся сзади угрозу, выбрался и полез спиной, не обращая внимания на задранную сорочку и впивающиеся в тело занозы.

Он спрятался, по крайней мере исчез из прямой видимости. Шеф еще дальше откинул голову, он знал: в темноте ничто так не выдает человека, как его белеющая кожа. Однако он все еще мог кое-что видеть. Когда топанье шагов стало оглушительным, Шеф через щель увидел лицо.

Лицо решительное и жестокое, изъеденное и обожженное ядом. Лицо Локи, погубителя Бальдра, освободившегося из своего вечного заточения рядом со змеем, брызгавшим ядом ему в глаза всякий раз, когда верная жена Локи не могла помешать этому. Лицо решившегося на месть. На месть за ужасную несправедливость.

Лицо исчезло, топающие ноги продолжили восхождение. И вдруг остановились. Замерли на уровне головы Шефа. Он затаил дыхание и внезапно услышал, как колотится сердце: его удары барабанным боем отдавались в замкнутом пространстве ненадежного деревянного убежища. Шеф вспомнил огромные ноги Бранда, отбивающего шаг на месте, и изумленно выпучив-

шегося на них араба. Локи одним пинком мог раздавить Шефа вместе с хрупкими деревяшками вокруг.

Ноги двинулись дальше, продолжили свое восхождение к свету. Шеф перевел дух — и тут услышал еще один звук. На этот раз шуршание. Что-то скользило по камню. Шефу вспомнилось предыдущее ужасное видение — разверстая пасть гигантского змея, который не смог до него добраться и вернулся к своему делу: продолжил нескончаемые пытки прикованного Локи, нескончаемо мучаясь сам из-за бога, который приковал его чуть дальше, чем нужно, чтобы вонзить зубы. Гигантский змей гонится за тем, кого так долго не мог достать, он столетиями во мраке копил свою ярость. А ведь глаза змея ближе к земле, чем у Локи. И у него есть другие органы чувств, кроме глаз. Рассчитанные на то, чтобы хватать мышь в темноте. Шеф вспомнил, как посинело и раздулось лицо Рагнара Волосатые Штаны, отца Ивара и Сигурда, когда тот умер в змеином погребе, в английском orm-garth.

В панике Шеф заставил себя отвернуться и попробовать глубже пролезть в свое укрытие. Щель расширялась, он протиснул плечи, задумавшись, что же может быть по другую сторону. Свет померк, но шорох позади раздавался все ближе и ближе.

Он пролез. Неизвестно через что, но пролез и теперь стоял на дне ямы и глядел вверх. Там, в вышине, светила полная луна, испещренная пятнами, словно мертвенно-бледный череп. Прямо впереди Шеф увидел стену, она была ниже, чем скала позади него. Но все равно слишком высока, чтобы подпрыгнуть и, ухватившись за край, залезть наверх, как он мог бы сделать на ступеньках оставшейся позади лестницы. Запаниковав, Шеф побежал к стене, не заботясь, что его могут увидеть. Но пока он бежал, отовсюду — не только сзади, но отовсюду! — доносилось пронзительное и вездесущее шипение.

Он замер, ощутив вокруг скользящие тела. Он спасся от Локи и от гигантского змея. Но теперь он попал на шевелящийся ковер из змей. Он в orm-garth богов. И отсюда нельзя выбраться.

Застыв как столп, он почувствовал удар в бедро, первый глубокий укус ядовитых зубов, и яд растекся по его жилам.

Шеф отчаянно рванулся из гамака, зацепился ногой и грохнулся на палубу. Он мгновенно вскочил на ноги, готовый разить во всех направлениях, из груди рвался истошный крик. Спавшие поблизости моряки, ругаясь спросонок, начали подниматься и хвататься за оружие, и тут Шеф почувствовал, что чья-то мускулистая рука обхватила его и оторвала от палубы.

— Полегче, полегче, — проворчал Торвин. — Все в порядке, всем спать. Это просто сон. Ночной кошмар.

Он подтолкнул Шефа к борту, дал ему время оглядеться и перевести дух.

— Что ты видел на этот раз?

Шеф отдышался, почувствовал, что испарина высохла. Сорочка оказалась мокрой, как будто бы он искупался в море. Соль разъедала пустую глазницу.

— Я видел Локи. Локи освободился. А потом я попал в змеиный погреб, как Рагнар, — Шеф принялся тереть бедро в том месте, где ощутил укус змеи.

— Если ты видел, что Локи освободился, в Святилище должны об этом узнать, — буркнул Торвин. — Может быть, Фарман в Стамфорде или даже Виглик Провидец в Каупанге смогут собрать Совет. Ведь если Локи освободился, мы подошли очень близко к роковому дню богов и к началу мира Скульд. Может быть, все это из-за нас.

— Локи не освободился, — раздался позади них холодный и сердитый голос. — Никакого Локи нет. И богов нет. Все зло в мире совершают люди.

При свете звезд Шеф задрал край сорочки, посмотрел на свое обнаженное бедро. Там были две ярко-красных отметины. Следы укуса. Свандис тоже глянула, потрогала их, отняла руку. И впервые не нашлась, что сказать.

* * *

За двести миль от покачивающегося на тихой воде «Победителя Фафнира» еще одна группа людей пристроилась на ступеньках темной лестницы, уходящей глубоко внутрь горы.

— Похоже, завтра он ворвется сюда, — сказал один из них.

Генерал кивнул, соглашаясь.

— Сегодня у них были большие потери. Завтра они подтащат свою гигантскую катапульту чуть поближе, сначала разделаются с нашей внешней линией обороны, потом определят прицел. Рано или поздно камень попадет в главные ворота, и толпы атакующих ворвутся внутрь. Мы, конечно, засядем за баррикадами, но... — Последовало столь любимое галлами пожатие плечами, едва видное в неверном свете свечи.

— Если завтра на рассвете мы сдадимся, может быть, удастся с ними договориться, я слышал, что император Бруно милостив; возможно, они потребуют только принести присягу, которую мы с чистой совестью сможем нарушить, тогда...

Испуганно бормочущий голос был оборван свирепым жестом.

— Сейчас не время обсуждать, что будет с нами — принесем ли мы ложную присягу, умрем ли, останемся ли живы, — заговорил первый голос. — Важно, что будет со священными реликвиями. И коль скоро император уверен, что они здесь — а он уже в этом уверен, поэтому он осадил нас, — всякого, кто завтра уцелеет, будут пытать, пока тот не расскажет все, что знает.

— Попробовать вынести реликвии? У врагов выставлено охранение. Но наши горцы смогут пробраться через расщелины Пика.

— С книгами и записями — возможно. Но градуаль, — в его западноевропейском произношении это прозвучало как «грааль», — они вряд ли унесут.

— Вынесем этим путем остальные реликвии. А грааль просто выбросим за стены. На нем нет золота, нет никаких следов поклонения, которые оставили бы католики. Враги ничего не поймут. Позже наши братья подберут его.

Последовало долгое молчание.

— Слишком рискованно, — проговорил первый голос. — Грааль может затеряться среди камней. А тот, кого мы назначим забрать его, может погибнуть, может не выдержать пыток и признаться.

— Нет. Что мы должны сделать, так это оставить его здесь, в горе. Вход сюда известен только нам и нашим *perfecti*, совершенным братьям, находящимся снаружи. Император не сможет срыть гору. Он никогда не найдет вход — если кто-то ему не скажет.

— Из нас не скажет никто, — откликнулся один из его товарищей.

Внезапный блеск в свете свечи, удар, прервавшийся крик... Двое аккуратно опустили на пол тело того, кто предлагал сдаться.

— Пусть душа твоя отойдет к Богу, брат, — сказал один

из убийц. — Я все равно люблю тебя как брата. Я не хотел, чтобы ты подвергся испытанию, которого мог не вынести.

Первый голос продолжал:

— Итак, с этим ясно. Реликвия должна остаться здесь. Все те из нас, кто знает о существовании лестницы в горе, должны умереть. Ведь ни один человек не может быть уверен, что выдержит запредельную боль.

— Разрешено ли нам умереть в бою? — поинтересовалась одна из темных теней.

— Нет. Удар по голове, покалеченная рука — любого могут взять в плен против его воли. Мы могли бы умереть позже, после *endura*, но это может оказаться слишком поздно. Увы, у нас нет времени на *endura*. Один из нас поднимется по лестнице и скажет капитану Маркабру, чтобы тот завтра утром постарался заключить самый выгодный мирный договор для тех наших бедных братьев, которые *imperfecti*, несовершенные. Затем этот брат вернется сюда. И мы вместе выпьем по священному глотку из чаши Иосифа.

Послышался гул удовлетворения и согласия, в темноте над столом пожимались руки.

Часом позже молчаливые совершенные братья услышали шаги своего товарища, спускающегося вниз по лестнице, чтобы вместе со всеми выпить отраву. В темноте раздался последний возглас:

— Возрадуйтесь, братья, ибо мы стары. А что спросил наш основатель Никодим у Сына Божьего?

Ему ответили хором, на своем странном диалекте исковерканной латыни:

— *Quomodo potest homo nasci, cum senex sit*? Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей?[1]

Глава 10

Вражеский флот вырос на горизонте, прежде чем впередсмотрящие Шефа опознали его. Греческий адмирал прекрасно выбрал момент: сразу после полудня, когда объединенный

[1] Евангелие от Иоанна 3:4.

флот арабов и северян разделился, как обычно, на три части. Передовое охранение и основные силы находились вровень с тучей пыли на берегу, которая свидетельствовала о продвижении пехоты и конницы, но они уже сушили весла и готовились к сиесте. Северяне отстали на две морских мили и, как ни старались, безнадежно застряли, их паруса служили лишь защитой от знойного солнца. Еще на милю позади адмиральский флагман и сопровождающие его суда тоже останавливались на сиесту: вечером они легко догонят медлительные парусники.

Во всяком случае, всеобщее внимание было приковано к берегу. С того места, где находился его корабль, Шеф, хоть и неясно, мог слышать отдаленное пение труб, высокое и пронзительное, как любили арабы. Не послышался ли ответный рев? Хриплые боевые горны германцев или франков? На кораблях все моряки сгрудились у обращенных к берегу бортов, внимательно прислушиваясь, пытаясь определить, что могло или не могло происходить на суше. Тучи пыли? Отсветы металла? На солнце блестело оружие, в этом не могло быть сомнений.

Отвернувшись от борта, Шеф поморгал единственным глазом, устав напряженно всматриваться через полоску ослепительно сияющей воды. Взглянул в море, в знойное марево на горизонте. К флоту подходили рыбачьи лодки, ловя косыми парусами малейшее дуновение ветра. Лодок очень много, понял вдруг Шеф. Они нашли косяк тунцов? Они еще и гребли веслами и передвигались довольно быстро для рыбаков в такую жару. Слишком быстро.

— Впередсмотрящий! — рявкнул Шеф. — Там, в море. Что ты видишь?

— Рыбачьи лодки, государь, — был ответ, слегка озадаченный. — Целая куча лодок.

— Сколько?

— Я вижу... двадцать, тридцать... Нет, из дымки появляется еще больше, на всех быстро гребут.

— У них там что, гринды идут? — спросил Торвин, ветеран похода на дальний Север. Он имел в виду обычай галогаландцев с лодок загонять стадо китов на берег и забивать их на мелководье.

— Там нет гринд! — рявкнул Шеф. — И это не рыбаки.

Это вражеский флот, а мы все выпучились в другую сторону. Сколько времени эти ублюдки уже видят нас, а мы говорим: «О, рыбачьи лодки!»

Его голос поднялся до крика, он пытался стряхнуть с людей полуденную дрему, и к нему стали поворачиваться недоуменные лица.

— Квикка, Озмод, к катапультам! Остальные к арбалетам! Хагбарт, мы сможем хоть чуть-чуть набрать ход? Торвин, дай сигнал в горн, оповести остальной флот! Да Тора ради, шевелитесь же вы все! Они готовы, а мы — нет!

Впередсмотрящий неразборчиво заверещал, указывая пальцем в море. Но в этом уже не было нужды. Шеф и сам увидел, что из знойного марева в полный корпус показались красные греческие галеры, они приближались с ужасающей скоростью, расходясь широким клином. Лопасти выкрашенных в белый цвет весел сверкали на солнце, белые буруны пенились у грозных носовых таранов. Шеф разглядел женские глаза с черными ресницами, намалеванные на высоких скулах бортов, сверкающие доспехи моряков, которые угрожающе размахивали оружием.

— Сколько до них? — это спросил подслеповатый Ханд.

— Примерно с милю. Но они идут не на нас. Они идут на арабов. Собираются напасть на них с фланга и с тыла.

На выставленное андалузийцами охранение никогда нельзя было положиться. Сиеста в разгаре, навесы натянуты, драгоценные минуты уходят на то, чтобы их сорвать и снова взяться за весла. Более быстрые и расторопные суда самоотверженно развернулись, чтобы встретить атаку неприятеля, надвигающегося на них со скоростью двадцати миль в час. Пока они пытались маневрировать, Шеф увидел летящие с обеих сторон дротики и стрелы. Словно в ответ, в воздухе прошел тонкий дымный след, послышался отдаленный сверхъестественный свист.

И появился огонь. Наблюдатели на «Победителе Фафнира» разом вскрикнули, когда оранжевое пламя внезапно факелом лизнуло галеру. Не так, как вспыхивает уголь в середине костра, не так, как горит дерево в лесном пожаре: нет, в небе завис медленно расширяющийся огненный шар, в середине которого сгинула галера. Шефу показалось, что он видит, как корчатся внутри крошечные черные тени, уже горя-

щими прыгают в море. И тут в дело вступили остальные корабли греков.

Приблизившись к основным силам вражеского флота, красные галеры замедлили ход, выбрали себе мишени и одна за другой стали выбрасывать пламя. Первыми гибли самые храбрые, которые пошли на перехват, их слабые стрелы никто даже не замечал, словно бы мошки пытались остановить целое стадо огромных красных быков. Затем погибли нерасторопные, так и оставшиеся в неподвижности. Затем, когда красные галеры снова набрали скорость для таранного удара, настала очередь тех трусов, которые развернулись, чтобы удрать. За один проход греческая эскадра оставила позади себя свыше сотни пылающих кораблей. В ее кильватерном следе шли рыбачьи лодки из христианских деревень, набитые разъяренными мстителями вперемешку с людьми Агилульфа, чтобы взять на абордаж тех, кто избежал пламени, уничтожить их и поживиться своей законной добычей.

— Отлично сработано, — заметил Георгиос капитану своего флагмана. — Это собьет с них спесь. Займемся теперь камнекидалками. Тихий ход, и дать разбавленного вина гребцам.

Когда красные галеры разошлись в широкую дугу, Шеф оставил попытки набрать ход под парусом. Пять минут на уборку парусов, чтобы не заслоняли обзор катапультерам. Затем спустить с борта гигантские весла, на каждом корабле их всего по двенадцать штук, каждым гребут четыре человека, вся остальная команда — на катапульты. И вот люди начали грести, проталкивать свои широкие тяжелые корабли сквозь воду.

— Если они не захотят сражаться, то и не будут, — озабоченно сказал Хагбарт. — У них скорость выше нашей раз в пять. А то и в десять.

Шеф не ответил. Он следил за дистанцией. «Возможно, враги не знают, на что способны катапульты. Если бы они подошли чуть поближе — но важно не подпустить их слишком близко, чтобы не могли использовать свое огненное оружие. Оно бьет не больше чем на сотню ярдов. Камень из катапульты летит на верные полмили. Мы уже сейчас можем их достать. Пусть подойдут чуть поближе... и еще чуть поближе. Лучше дать сосредоточенный залп. Если все корабли выстрелят одновременно, можно будет сразу потопить половину галер, изрыгающих огонь».

— «Мула» не нацелить! — крикнул Квикка с передней катапульты. Мгновением позже с кормы эхом откликнулся Озмод: — «Мула» не нацелить!

Потрясенный Шеф быстро сообразил, в чем загвоздка. Его корабли выстроились в длинную колонну. Ни один из них не мог стрелять через нос или корму. Идущая прямо на него галера без помех пройдет расстояние от предела дальности катапультного выстрела до точки, где сможет использовать греческий огонь, за... в точности он не знал, но гребков за пятьдесят. И враги старались вовсю. По крайней мере, одна из красных галер уже набрала ход и далеко вырвалась вперед, весла ее мелькали с замечательной синхронностью.

— На веслах! — крикнул Шеф. — Правый борт, начать грести. Левый борт — табанить!

Секунды промедления, пока гребцы разбирались со своими громоздкими, больше похожими на бревна веслами. Затем нос «Победителя Фафнира» стал неторопливо отваливать в сторону, и Квикка, катапульт-капитан переднего онагра, напряженно всмотревшись поверх броневого щитка, приготовился вскинуть руку, чтобы сообщить, что враг попал под прицел.

Пока нос «Победителя Фафнира» разворачивался, идущая на него галера стала уклоняться в ту же сторону. Если так пойдет и дальше, она сможет убрать свой длинный хрупкий борт из-под прицела «мула», до которого теперь оставалось меньше четверти мили, дистанция уверенного попадания и уничтожения цели. С завораживающей скоростью и маневренностью галера удерживалась в мертвой зоне катапульт «Победителя Фафнира». Греки прекрасно знали, что делают.

Не сможет ли выстрелить какой-нибудь другой парусник? Шеф огляделся, осознав, что недавно услышанный им яростный крик издал капитан соседнего корабля, «Зигмунда». Крутящийся перед ним «Победитель Фафнира» полностью перекрыл «Зигмунду» направление стрельбы с борта. А греческая галера совершила полный разворот и уходила в безопасную зону, отказавшись от продолжения атаки.

Но пока Шеф раздумывал и осматривался, ситуация ус-

пела измениться еще раз. Когда передовая галера вернулась после своей вылазки, остальные красные галеры отнюдь не сложили весла. Они разделились и разошлись в две широких дуги, ровнехонько вне пределов досягаемости катапульт — в свое время кто-то очень внимательно следил за их учебными стрельбами, — и стали кольцом окружать флот северян. Одна из них уже пыталась зайти со стороны кормы к «Хагене», последнему кораблю в колонне, а капитан «Хагены» словно ничего не замечал. Стоит только одной галере с греческим огнем подойти на расстояние своего выстрела, и тогда она сможет пройти вдоль всей беспорядочной колонны английских парусников, поджигая корабль за кораблем и пользуясь каждым из них в качестве прикрытия от катапульт следующего.

Катапультоносцы должны защищать друг друга. Подходы к носу и корме каждого корабля должны простреливаться его соседями. Каким же боевым ордером им построиться? Надо подумать, а пока необходимо срочно подать сигнал на «Хагену», ведь они неподвижны, даже не опустили на воду весла, шкипер и впередсмотрящий уставились совсем в другую сторону. Шеф закричал шкиперу «Зигмунда», чтобы тот передал предупреждение дальше.

Бранд оказался расторопнее. Пока приказ выкрикивали вдоль колонны, Шеф увидел, что в поле зрение стремительно ворвался «Нарвал», его весла мельтешили даже быстрее, чем у греков. За ним поспешали остальные суда викингов. Шеф понял, что все пятеро хотят подойти и выстроить перед эскадрой из семи больших парусников заслон со стороны моря, чтобы закрыть их от греческого огня. Хотя Бранд, конечно, понимал, что это слабая защита. Он просто выигрывал для них время.

С вырывающимся из груди сердцем Шеф пробежал на корму, проворно вскарабкался вверх и утвердился на почти неподвижном драконьем хвосте, на шесть футов возвышающемся над палубой. Вспомнив вдруг о подзорной трубе, он вытащил ее из-за пояса — ах, если бы у них было с дюжину таких труб, тогда бы впередсмотрящие не прозевали врага! Не время для сожалений. Он раздвинул трубу, постарался настроить скользящие одна в другую половинки на нужную длину.

Сквозь мутные стекла, обесцвечивающие далекие предметы, Шеф увидел три корабля: один греческий и два норманнских, они сближались с чудовищной скоростью, недоступной никакому скакуну. Галера в два раза превосходила дракары размерами, могла запросто протаранить и потопить их, не обременяя себя стрельбой греческим огнем. Но задержать ее необходимо. Шеф увидел, что собираются делать Бранд и его товарищи. Они пытались сманеврировать и пройти вдоль всего ряда галерных весел, ломая их и убивая не успевших увернуться гребцов. А потом, наверно, встать борт о борт и выяснить, как греческие моряки относятся к топорам викингов.

Но огонь, огонь. Впервые Шефу удалось бросить взгляд на загадочное устройство, поджигающее корабли, словно лучинки. Медный купол посреди палубы, вокруг суетятся люди, двое обливаются пóтом у рукояток, перекидывая их вверх-вниз, в точности как у водяного насоса где-нибудь на полях восточной Англии...

И вдруг качающих насос людей будто метлой смело, как и тех, кто суетился вокруг и закрывал их. Шеф заворочал трубой, пытаясь выяснить, что происходит. Вот дракар Бранда, на носу его сам Бранд, размахивает топором. А вдоль борта выстроилась дюжина арбалетчиков, они все разом пускали стрелы и разом взводили арбалеты с помощью ножной рейки. Греки не были готовы встретить залп тяжелых, пробивающих доспехи арбалетных болтов.

Зато их капитан прекрасно разбирался в маневрах, таранах и проходах вдоль борта. Когда «Нарвал» Бранда скользнул за дальний борт галеры, там вырос целый лес весел. Гребцы подняли их хорошо отработанным движением. Едва они это сделали, Шеф увидел в своем круглом поле зрения людей, снова подбирающихся к рукояткам насоса огненной машины. Увидел отблеск начищенного медного носика, развернутого в сторону второго, который шел ярдах в пятидесяти от Бранда и заходил с ближнего борта. Стоящий у машины человек дернул что-то вроде маленькой веревочки...

Шеф слишком поздно отдернул трубу, он уже увидел ослепительную вспышку, распухающий огненный шар. И в середине его — шкипера «Марсвина» Сумаррфугла. Много лет назад он, Шеф и Бранд вместе штурмовали стены Йорка, а сейчас он потрясал копьем, бросая вызов своей злой судьбе...

На палубе «Победителя Фафнира» раздался громкий

стон, моряки увидели гибель «Марсвина» — пламя взметнулось выше мачты, снова фигурки бросались в море, некоторые попали в горящую воду. Люди, которых они знали и с которыми вместе пили.

Шеф снова огляделся, его пронзил ужас при мысли, что опять все его люди смотрят в одном направлении, совершенно забыв о том, что стремительная смерть может подкрасться с любой стороны. Он вспомнил, что уже дважды слышал грохот катапульты — хлопок высвобожденного каната и глухой удар шатуна по обложенной мешками с песком перекладине, удар, от которого сотрясается все судно. Неподалеку в море плавали обломки и цепляющиеся за них моряки. Хотя это не красная галера. Просто рыбачья лодка. Греческий адмирал послал их, чтобы отвлечь внимание и увеличить количество целей. Словно в игре в лис и куриц, когда лис становится слишком много и курице не уследить за ними.

«Они нас не боятся, — подумал Шеф. — Поэтому все так плохо. Мы в ужасе от их огня, мы видели, как наши товарищи гибнут в нем, некоторые из них все еще умирают в горящей воде — кстати, как может гореть вода? Но греки-то просто играют с нами. Эти люди на обломках разбитых лодок. Для них это просто купание, чуть-чуть подождать — и подойдет помощь. Надо заставить их встревожиться. Испугать их.

Но сначала обеспечим свою безопасность. Мы должны построиться квадратом. Хотя нет, семь кораблей, четыре стороны — одна из сторон всегда останется ослабленной, туда они и бросятся, потеряем корабль-другой и тогда погибнем все. Постараемся построиться кругом, тогда любое направление будет простреливаться по крайней мере с двух бортов. Будь сейчас хоть легкое дуновение ветерка, мы могли бы маневрировать с помощью рулей».

Шеф схватил Хагбарта за плечо, объяснил ему, что делать, послал к борту выкрикнуть приказ шкиперам «Зигмунда» и «Победителя Грендаля». Сам стал высматривать, какие еще новые напасти обрушатся на его голову.

Кажется, все сражение, в отличие от виденных им раньше, распалось на серию мелких стычек. Прежде всегда знал, что может произойти. А сейчас он даже не представлял, как долго он разговаривал с Хагбартом. Тем временем «Хагена» успел войти в дело. «Нарвал» и «Марсвин» задержали красную галеру на жизненно важные несколько секунд, и греки не успели опустить весла и уйти в мертвую зону. «Хагена» развернулся бортом и выстрелил одновременно из обеих катапульт, из каждой устремился к цели с расстояния в неполные четверть мили огромный тридцатифунтовый булыган. Суда викингов, обшитые досками внакрой и закрытые кормовым и носовым штевнями, от таких ударов просто рассыпались на кусочки. Галера, при всем презрении Хагбарта к ее конструкции, оказалась чуть прочнее. Киль сломался в двух местах, галера стала тонуть, но на поверхности осталась целая куча обломков, словно плот, на который уже карабкались гребцы и воины. К нему, прячась от обстрела, приближались рыбачьи лодки, чтобы подобрать уцелевших.

От этой сцены, удаленной на несколько сотен ярдов, взгляд Шефа отвлекла уже знакомая вспышка пламени, сверкнувшая примерно за милю в другой стороне. Со свойственной мусульманам отчаянной храбростью — и помня, что неудачников сажают на кол, — арабский адмирал решил навязать грекам честный бой. С десяток красных галер развернулись ему навстречу, а остальные продолжали кружить вокруг эскадры северян, подобно волкам вокруг увязнувшего лося. Снова и снова, словно дыхание дракона, вылетали языки пламени, и каждый означал погибший арабский корабль. Но похоже, что стремительность натиска правоверных, лавирующих между догорающими останками, сделала свое дело. Шеф смог разглядеть — чтобы убедиться, он снова взялся за подзорную трубу, — как взлетели абордажные крюки, когда последние из арабских галер добрались-таки до греков. Теперь для греческого огня слишком близко. Теперь в ход пойдут сабли и скимитары против пик и щитов.

Шеф ощутил, что его сердце замедлило свой сумасшедший ритм — впервые с того момента, как он увидел рыбачьи лодки и понял, что это неприятельский флот. Он опустил подзорную трубу. Вдруг стал слышен довольный гул, прокатившийся по палубе «Победителя Фафнира», он перерос в свирепые восторженные крики.

«Нарвал» Бранда неторопливо плыл среди обломков греческой галеры, его арбалетчики залп за залпом разили беззащитных, цепляющихся за доски людей. Некоторые из них крестились, другие с мольбой о пощаде протягивали руки.

Кое-кто даже подплыл к «Нарвалу», пытаясь ухватиться за весла. Шеф увидел, что сам Бранд — его легко было узнать даже с расстояния в фарлонг — перегнулся через борт и крушит головы своим топором под названием «Боевой тролль». Там, где вода не была черной от золы и пепла, она стала красной от крови. Подошел и «Хагена», его команда спокойно упражнялась в стрельбе по мишеням из тяжелых стационарных арбалетов.

Шеф понял, что кто-то дергает его за локоть, глянул вниз. Это был Ханд.

— Останови их! — закричал малыш-лекарь. — Эти люди больше не опасны. Они не могут сражаться. Это же бойня!

— Лучше быть забитым, чем поджаренным, — буркнул кто-то рядом. Корабельный юнга Толман, неуклюжий парнишка, вцепившийся в топор больше себя ростом.

Шеф огляделся по сторонам. «Победитель Фафнира» по длинной дуге выходил на свое место в оборонительном круге, который Шеф потребовал от Хагбарта выстроить. Этот маневр и едва уловимое прибрежное течение привели корабль в воды, где плавали оставшиеся от «Марсвина» головешки. Среди них Шеф увидел то, что выглядело подгоревшими тушами жаренных целиком быков.

— Некоторые из них еще могут быть живы, Ханд. Возьми лодку. Посмотри, что ты сможешь сделать для них.

Он отвернулся и направился к фок-мачте, чтобы наблюдать за горизонтом и впервые с начала битвы попробовать собраться с мыслями. Кто-то заступил ему дорогу, визжал и хватался за него. Свандис. Кажется, сегодня все только кричат и визжат. Он решительно оттолкнул ее и прошел к мачте. Есть правило, подумал он. Должно существовать правило. Не говори с занятым человеком, если он не обращается к тебе. Хагбарт, Скальдфинн и Торвин, очевидно, были с ним согласны. Они перехватили продолжающую визжать женщину, оттащили ее, подали знак остальным. Дать ему подумать.

Взявшись рукой за тихонько покачивающуюся на волне мачту, Шеф внимательно осмотрел горизонт. На юге: галеры арабского адмирала, сгоревшие, тонущие, взятые на абордаж, удирающие. Там уже никто не сражается. Со стороны открытого моря, с востока: четыре красных галеры выстроились слегка изогнутой дугой, далеко за пределами досягаемости катапульт. На севере: еще две галеры и множество мелких судов, некоторые из них пытаются подобраться поближе, снуют туда и сюда под своими странными и такими эффективными треугольными парусами.

Со стороны суши, с запада: еще три галеры замыкают круг. А за ними? Шеф направил туда трубу, старательно обшарил взглядом берег. Облако пыли. Передвигаются люди. Передвигаются на юг, и быстро. Трудно сказать, что за люди подняли эту пыль. Однако... вот чуть поближе, на вершине холма, благодаря какой-то игре света в мутной оптике отчетливо обрисовалась шеренга людей. Он разглядел их. Люди, закованные в металл. Шлемы, кольчуги и оружие сверкали на солнце при каждом их шаге. Они шагали одновременно. Медленно, неуклонно, дисциплинированно шеренга людей в доспехах продвигалась вперед. Орден Копья выиграл битву на суше без всяких помех со стороны моря. Вот такая ситуация! Шефу стало ясно, что нужно делать.

Он крикнул в незаметно наступившей тишине:

— Хагбарт, когда снова поднимется ветер? Через полчаса? Когда ветер достаточно окрепнет, чтобы мы могли управляться рулями, мы отправимся вдоль берега на юг. Пойдем клином, на расстоянии пятидесяти ярдов друг от друга. Если галеры попытаются напасть сзади на последний корабль, мы все развернемся и потопим их. Когда ветер надует наши паруса, это будет легко. До темноты мы должны уйти как можно дальше, а на ночь остановимся в какой-нибудь бухточке, вход в которую сможем запечатать — я не хочу, чтобы галеры с греческим огнем напали на нас в темноте.

Квикка! Видишь те лодки, которые пытаются подкрасться к нам? Когда четыре из них будут в пределах досягаемости, попробуйте с Озмодом потопить их все. Больно уж они бодрые.

Торвин. Позови Бранда. Когда Квикка и Озмод потопят рыбачьи лодки, пусть он подойдет на двух своих судах и перебьет всю команду. Никаких пловцов, никаких уцелевших. Обеспечьте, чтобы христиане это видели.

Торвин раскрыл было рот, чтобы возразить, запнулся и придержал язык. Шеф глянул ему прямо в лицо:

— Они совсем не боятся, Торвин. Это дает им преимущество. Их надо его лишить, понимаешь?

Он повернулся и подошел к краю палубы. Ханд и его по-

мощники пытались поднять на борт человека. Когда над планширом показалось его лицо — без глаз, без волос, обожженное до блестящих костей свода черепа и скул — Шеф узнал своего старого товарища Сумаррфугла. Тот что-то шептал, точнее шипел остатками легких.

— У меня нет надежды, товарищи. Легкие сожжены. Если здесь есть мой товарищ, пусть дарует мне смерть. Смерть воина. Если это будет длиться еще долго, я начну кричать. Дайте мне уйти достойно, как уходит *drengr*, воин. Есть тут товарищ? Есть мой товарищ? Я ничего не вижу.

Шеф медленно подошел. Ему доводилось видеть, как это делал Бранд. Он подложил руку под голову Сумаррфугла, сказал твердо:

— *Fraendi*, это я, Шеф. Я твой товарищ. В Вальгалле отзовись обо мне хорошо.

Он вытащил свой короткий нож, приставил его туда, где раньше было ухо Сумаррфугла, и сильным ударом загнал в мозг.

Когда тело упало на палубу, он опять услышал позади себя женщину. Должно быть, она выбралась из-под палубы.

— Мужчины! Вы, мужчины! Все зло в мире только от вас! Не от богов. От вас!

Шеф глянул вниз на обгоревшее тело без кожи и с сожженными гениталиями. Через борт доносились крики и вопли — это команда Бранда охотилась за уцелевшими рыбаками, гарпуня их, словно тюленей.

— От нас? — переспросил Шеф, глядя на нее и сквозь нее своим единственным глазом, как будто хотел сквозь землю увидеть подземный мир. — От нас, ты думаешь? Разве ты не слышишь поступь Локи?

* * *

Когда поднялся вечерний бриз, дующий в сторону суши, флот северян набрал скорость, четыре оставшихся корабля викингов извивались на волнах своим обычным змееобразным движением, а двухмачтовики разбивали валы высокими носами, поднимая фонтаны брызг. Греческие галеры попробовали преградить им путь, но повернули назад перед угрозой катапульт. Очень скоро они прекратили, подобно зловещим акулам, преследовать флот и скрылись в дымке. К счастью для себя, сказал Шеф Торвину и Хагбарту. Если бы галеры не отстали, он приказал бы развернуться и напасть на них, чтобы потопить сразу всех. Галерам дает преимущество штиль, а парусникам — ветер. Катапульты превосходят греческий огонь при дневном свете и на больших расстояниях. В ближнем бою и в темноте все обстоит наоборот.

Задолго до захода солнца Шеф выбрал бухточку с узким входом и высокими утесами по обеим сторонам, в которой удобно разместился весь флот. Прежде чем стемнело, он предпринял все доступные меры предосторожности. Викинги Бранда, опытные в захвате береговых плацдармов, немедленно разбежались по земле, осмотрели все подходы, устроили прочное заграждение на единственной спускающейся вниз тропинке. Четыре катапультоносца были надежно зачалены, развернувшись бортами ко входу в бухту, так что любой входящий в нее корабль попадал под удар сразу восьми катапульт, притом с расстояния, на которое никак не мог долететь греческий огонь. На утесы по обеим сторонам входа в бухту Шеф выслал два отряда с пучками просмоленной соломы, приказав поджечь и сбросить вниз факелы при приближении любого судна. В последний момент один из выслушивающих указания английских моряков смущенно попросил немного ткани от воздушных змеев. «Это еще зачем?» — поинтересовался Шеф. Низкорослый и косоглазый парень хоть и не сразу, но объяснил свой замысел. Привязать кусок ткани, вроде маленького паруса, к каждому пучку. Когда они его бросят, парус, по мнению изобретателя, примет воздух и будет поддерживать факел навроде... ну, навроде воздушного змея. В общем, факел будет падать дольше. Шеф уставился на парня, спрашивая себя, не появился ли у них еще один Удд. Хлопнул моряка по спине, спросил, как звать, велел взять ткань и считать себя зачисленным в команду по запуску змеев.

В конце концов все было сделано как нужно, ведь Шеф не уставал отдавать распоряжения, а сами моряки прекрасно знали, что может натворить греческий огонь. И все-таки они были неповоротливы и вялы. Шеф тоже чувствовал себя совершенно разбитым и измученным, хотя за весь день не нанес ни одного удара и ни разу не взялся за весло. Это был страх. Ощущение, что впервые ему противостоял более мощный разум, который имел свои замыслы и заставил Шефа

плясать под свою дудку. Ведь не вмешайся Бранд и Сумарр-фугл, флот бы погиб и все они давно были бы на дне морском или плавали обугленными бревнами на корм чайкам.

Шеф приказал открыть одну из последних бочек эля и выдать каждому человеку по две пинты. Зачем, спросил кто-то.

— Это будет *minni-ol*, в память о моряках с «Марсвина», — ответил Шеф. — Пейте и думайте, что бы с нами было, если бы не они.

И теперь, набив желудок свининой с сухарями, греясь в охраняемом лагере у костра, который разожгли, несмотря на опасность со стороны передовых разъездов победившей армии, Шеф допивал свою последнюю пинту эля. Через некоторое время он заметил по другую сторону костра Свандис, не сводящую с него взора светлых глаза. Впервые она выглядела... не то чтобы раскаявшейся, просто готовой для разнообразия послушать других. Шеф согнул палец, поманил ее, не обращая внимания на обычный всплеск гнева в ее глазах.

— Пора тебе рассказать нам, — произнес он, указывая ей на камень, куда она могла сесть. — Почему ты думаешь, что богов нет, а есть только злые люди? И если ты так считаешь, к чему этот маскарад с белыми одеждами и низками рябины, как у жрецов Пути? Не трать мое время на свое упрямство. Отвечай мне.

Усталый и холодный тон Шефа не допускал возражений. В свете костра Шеф разглядел Торвина с молотом у пояса, развалившегося на песке, и с ним других жрецов Пути, рядом со Скальдфинном сидел переводчик Сулейман.

— Ладно. Я должна объяснить, почему я думаю, что есть злые люди?

— Не валяй дурака. Я знал твоего отца. Ты не забыла, что это я убил его? Самое лучшее, что о нем можно сказать, — что он был человеком не с одной кожей, *eigi einhamr*, как верфольф. Только он был скорее вер-червь, я видел его в другом мире. Если ты считаешь его человеком — что тут еще доказывать? Он для развлечения выпускал живым женщинам кишки, только так он мог сделать свой детородный орган крепким как кость. Злые люди? — Шеф, не находя слов, покачал головой. — Нет, расскажи нам, почему ты считаешь, что не существует злых богов. Ты говоришь с человеком, который их видел.

— Во снах! Только во снах!

Шеф пожал плечами:

— Моя мать видела одного на таком же настоящем берегу, как этот, и Торвин говорит, она даже ощущала его. Иначе бы меня не было.

Свандис колебалась. Она достаточно часто излагала свои взгляды. Но никогда не делала этого перед лицом такой непоколебимой железной уверенности, как сейчас. Однако в ее жилах струилась свирепая кровь Рагнарссонов, которая от сопротивления вскипала еще сильнее.

— Рассмотрим богов, в которых верят люди, — начала Свандис. — Бог, которому приносили жертвы мой отец и его братья, Один, бог повешенных, предатель воинов, вечно готовящийся к дню Рагнарока и битве с волком Фенрисом. С какой же речью обращается к нам Один в священном *Havamal*, «Сказании о Верховном»?

Свандис вдруг заговорила нараспев, как жрецы Пути:

> Пусть рано встает
> Тот, кто хочет отнять
> Жизнь чужую, землю и женщину.

— Я знаю это сказание, — перебил Шеф. — Смысл в чем?

— Смысл в том, что бог подобен людям, которые в него верят. Он говорит им только то, что они уже и сами хотят услышать. Бог Один — Верховный бог, как вы его называете, — просто олицетворение житейской мудрости пиратов и убийц вроде моего отца. Обратимся к другим богам. Вот бог христиан — высеченный, оплеванный, прибитый к кресту и убитый без оружия в руках. Кто верит в него?

— Эти злобные ублюдки, монахи, — раздался из темноты неизвестный голос, — были моими хозяевами. Привыкли во всем полагаться на плетку, но никто никогда не слышал, чтобы высекли одного из них.

— Но где зародилось христианство? — вскрикнула Свандис. — Среди римских рабов! Они сотворили себе бога в своем воображении, такого, чтобы мог возвыситься и принести им победу в другом мире, потому что в этом мире у них не осталось надежд.

— А как насчет монахов? — спросил тот же скептический голос.

— Кому они проповедовали свою религию? Своим рабам! Верили они в нее сами или не верили, но она приносила им

пользу. Что им было бы толку, если бы их рабы верили в Одина?

А как насчет здешних приверженцев Пророка? — продолжала она, развивая успех. — Они верят в единственно верный путь. Любой может встать на него, произнеся несколько слов. И никто под угрозой смерти не может сойти с него. Те, кто принял ислам, налогов не платят, но их мужчины должны вечно сражаться с неверными. Двести лет назад арабы были песчаными крысами, они были ничем, их никто не боялся! Что их религия, как не способ стать сильными? Они сотворили себе бога, который дает им власть. Так же, как мои дядья сотворили бога, дающего им смелость и безжалостность, а христиане — бога покорности.

— Отдавайте кесарево кесарю, — снова раздался скептический голос, сопровождаемый зычным отхаркиванием и плевком в костер. — Совершенно верно. Я слышал, что они так говорят.

Наконец Шеф узнал говорившего. Это не Квикка, это Тримма, один из его помощников. Странно, что он так разговорился. Должно быть, эль подействовал.

Вмешался еще один голос, тихий голос еврея Сулеймана, уже говорившего почти без акцента на принятом во флоте смешанном англо-норвежском жаргоне.

— Небезынтересное мнение, юная леди. Хотелось бы знать, что вы скажете о боге, чье имя не произносят, — поскольку никто не понял, он пояснил: — О боге моего народа. О боге евреев.

— Евреи живут в коридоре, — решительно начала Свандис, — на дальнем берегу Внутреннего моря. Все армии мира вечно ходили туда и сюда через их земли. Арабы, греки, римляне, все. Евреи всегда были как жабы под бороной, с самого начала времен, так мне рассказывали. Вы слышали, как кричит жаба, когда борона цепляет ее? Она кричит: «За меня отомстят!» Евреи сотворили бога абсолютной власти и абсолютной злопамятности, он никогда не прощает ничего, сделанного против его народа, и он отомстит за все — когда-нибудь. Когда придет Мессия. Он шел очень долго, и, говорят, вы распяли его, когда он пришел. Но если вы верите в то, что делаете, не имеет значения, что Мессия никогда не придет, потому что он грядет всегда. Так живут евреи.

Шеф рассматривал лицо Сулеймана в свете костра, выискивая малейшие следы неудовольствия или гнева. Он не заметил ничего.

— Интересное мнение, моя принцесса, — медленно проговорил Сулейман. — Вижу, у вас для всех готов ответ.

— Не для меня, — сказал Шеф, допивая свою кружку. — Я видел богов во снах. И другие видели меня в тех же самых снах, так что это не просто мое воображение. Мне показывали то, что происходит очень далеко, и все оказалось правдой. Так же, как у Виглика Провидца, у Фармана, жреца Фрея и у других людей Пути. И я говорю вам, боги не созданы моим воображением! Кто укусил меня, Свандис, ведь ты видела следы у меня на теле! Создание Локи или любимец Одина? Но не мое сознание. Я даже не люблю своего отца Рига, если он мой отец. Без богов мир был бы лучше, говорю я. Если бы мы действительно все верили в то, во что хотим, я бы верил Свандис. Но мне лучше знать. Зло идет от богов. Люди тоже злы, им приходится быть злыми. Если бы боги создали лучший мир, тогда и люди были бы лучше.

— Мир станет лучше, — прогремел своим могучим басом Торвин, — если мы сможем освободиться от цепей Скульд.

— Помни об этом, Свандис, — поднимаясь, сказал Шеф. Он остановился, не доходя до своего одеяла на песке. — Я говорю то, что хочу сказать, это не шутка и не оскорбление. Ты заблуждаешься насчет богов Пути, или, по крайней мере, ты не смогла мне объяснить то, что я знаю. И все равно, в этом может заключаться какое-то новое знание — если не божественное знание, то людское. А для этого и Путь. Для знаний, а не для приготовлений к Рагнароку.

Свандис опустила глаза, непривычно молчаливая, беззащитная перед похвалой.

Глава 11

На следующее утро маленький флот северян, насчитывающий теперь лишь одиннадцать кораблей, был готов к отплытию в тот момент, когда стоящий в самой вышине дозорный заметил на небе первый проблеск солнца. Ночью мно-

гим снилось пламя, и никто не хотел оказаться в ловушке между враждебным берегом и красными галерами греков.

Организацию отхода Шеф предоставил Бранду, которому не раз доводилось покидать береговые плацдармы. Неуклюжие двухмачтовики пошли первыми, выгребая своими громоздкими веслами в ожидании первого дуновения бриза, который каждое утро дул от остывшей за ночь суши в сторону теплого моря. Четыре оставшихся дракара приготовили весла, едва касаясь кормой берега. К ним всем гуртом, но командиры сзади, подбежали дозорные, охранявшие береговую тропу, одновременно отталкивая корабли и забираясь в них, а Бранд заботливо пересчитал людей. Десять гребков — и корабли викингов вышли на открытую воду, легко поспевая за «Победителем Фафнира».

Осталось снять две последних группы. На каждом из утесов, стороживших вход в бухту, Шеф поставил по дюжине человек, дав им пучки сухой травы и смолу, чтобы зажечь сигнальные факелы, если враг попытается прорваться в гавань. У викингов и для таких людей была разработана процедура отхода. По приказу появились канаты, и дозорные стали спускаться вниз подобно паукам на конце паутинки. Викинги сначала опускали своих неопытных английских товарищей, понял Шеф. Люди коснулись земли, бросились в воду, ухватились за выставленные весла и были втянуты на борт.

Теперь за дело взялись мастера, они спускались в три раза быстрее, словно по другому склону холма уже поднималась вражеская армия. Канаты крепили к прочно вбитым колышкам и дважды обматывали вокруг пояса, затем викинги, развернувшись лицом к скале и упираясь в нее ногами, быстро скользили по канатам вниз. Попав в воду, они освобождались от веревок.

И все-таки они кого-то оставили! Когда последний воин забрался в поджидавший его корабль, Шеф заметил вверху чью-то голову и машущую руку. Он даже смог узнать косоглазого парня. Это был вчерашний изобретатель, который хотел привязать к факелам ткань от воздушных змеев. Шеф уже знал его имя: Стеффи, он же Косой, известный как самый худший стрелок из арбалета во всем флоте. Стеффи отнюдь не выглядел встревоженным, даже широко улыбался. До Шефа донеслись его слова:

— Я придумал новый способ спускаться! Смотрите!

Стеффи подошел к высшей точке утеса, заглянул в глубокую воду в ста футах внизу, на которой легко покачивались корабли. Что-то было привязано у него к спине и волочилось сзади. Шеф закрыл глаза. Еще один человек, который думает, что сможет летать. По крайней мере, под ним вода. Если он не ударится о скалу. Если не утонет, пока его будут вытаскивать.

Стеффи отошел на несколько шагов, неуклюже разбежался и прыгнул со скалы. Едва он оказался в воздухе, как что-то словно раскрылось у него за спиной. Ткань от воздушных змеев. Квадрат футов восьми в поперечнике, привязанный бечевками к своеобразному поясу. Когда маленькая фигурка устремилась вниз, ткань, казалось бы, наполнилась воздухом, образовала вверху нечто вроде купола. Несколько мгновений падение замедлялось, фигура чудесным образом зависала в воздухе, снова стала отчетливо видна улыбка Стеффи.

Затем что-то пошло не так, Стеффи начал раскачиваться в воздухе из стороны в сторону, улыбка исчезла с его лица, он отчаянно дергал за бечевки и размахивал ногами. Всплеск воды, едва ли в двадцати футах от борта. Два викинга Бранда, как тюлени, обрушились в воду. Они вынырнули вместе со Стеффи, у которого струилась из носа кровь, отбуксировали его к «Победителю Фафнира», передали в протянутые руки и уплыли на свой «Нарвал».

— Все шло как надо, — бормотал Стеффи. — А потом воздух стал выплескиваться, словно... словно из переполненной кружки. — Я сохранил ткань, — добавил он, потянув за привязанную к снятому уже поясу бечевку. — Я ничего не потерял.

Шеф похлопал его по плечу.

— В следующий раз, когда решишь прыгать, предупреди нас. Человек-птица.

Он отвернулся, помахал рукой Хагбарту. Флот медленно двинулся на веслах в море, каждый впередсмотрящий высматривал на горизонте малейший признак вражеских галер или не менее опасных разведчиков под косым латинским парусом.

Ни следа. Хагбарт покашлял, задал главный вопрос:

— Государь? Какой курс взять? На юг и назад на базу?

Шеф покачал головой.

— Пойдем прямо в море, как можно дальше, насколько успеем зайти до полудня. Когда ветер стихнет и мы снова станем беспомощны. Я хочу, чтобы мы оказались в такой дали, где ни один христианский разведчик нас не найдет. Скоро они шеренгой проплывут вдоль берега. К тому времени мы должны скрыться за горизонтом.

Военный совет в полдень, — добавил он. — Передай Бранду, чтобы поднялся к нам на борт.

Он повернулся, чтобы повесить свой гамак. После ночи, проведенной на кишащем клещами песке, многие люди были измотаны. Свободные от вахты на парусах и «вороньих гнездах» последовали примеру короля.

* * *

Спустя несколько часов Шеф и его советники собрались около передней катапульты «Победителя Фафнира» под навесом, прикрывающим палубу от лучей полуденного солнца. Король сидел на раме онагра. Вокруг сидели и лежали на палубе четыре жреца Пути: Торвин, Хагбарт, Скальдфинн и Ханд, а Бранд прислонился гигантской спиной к форштевню, увенчанному головой дракона. Подумав, Шеф решил опять позволить еврею Сулейману присутствовать на совете. В нескольких футах поодаль, с разрешением слушать, но не вмешиваться, пока не спросят, сидели на корточках Квикка и Озмод, приготовившиеся сообщить команде о принятом решении. Между ними с мрачным выражением лица стоял юный Мухатьях. Он почти ничего не понимал из того, что говорилось на принятой людьми Пути смеси английского и норвежского языков — ни тот, ни другой он не позаботился выучить за долгие недели, которые провел на корабле. Однако он мог пригодиться, чтобы ответить на какие-то вопросы.

— Отлично, — начал Шеф без лишних формальностей. — Вопрос только один: куда мы двинемся?

— Назад в Кордову, — тут же ответил Хагбарт. — Или, по меньшей мере, в устье Гвадалквивира. Сообщим халифу, что произошло. Он узнает об этом еще до нас, кому-то из арабов удалось уйти, но мы хотя бы заявим, что не спасались бегством.

— Однако нам придется сказать ему, что мы не смогли

разбить греческий флот, — отозвался Шеф. — Эти мусульмане не любят неудачников. Особенно после того, как мы обещали победить.

— Но ведь идти нам больше некуда, — пробасил Бранд. — Пойдем на север — про нас сообщат грекам. Пойдем, как сейчас, еще дальше в море — что ж, говорят, там есть острова, но они в руках христиан. Они нас поймают. Но я согласен, что нет смысла возвращаться к халифу. Почему бы нам просто не отправиться восвояси? Может быть, по пути еще разживемся чем-нибудь. Пройдем через пролив в океан, поплывем домой, посмотрим, не найдется ли где несколько монеток, чтобы окупить расходы на путешествие. У христиан с французского побережья, — добавил он, взглянув на внимательно слушающего Сулеймана. — Если мы решим, что мы по-прежнему в союзе с халифом.

Шеф покачал головой:

— Нет. Даже если мы разбогатеем, мы вернемся домой без того, за чем пошли. Если ты не забыл, мы отправились в путь ради новых знаний. Я, по крайней мере. Ради знаний о полетах. А теперь еще и о греческом огне. Не забывай, если христианская империя научится его делать, в следующий раз мы можем встретиться с ним в Канале. Теперь мы не будем в безопасности даже дома.

— Нам больше некуда идти, — упрямо твердил Бранд. — Безопасно только двигаться, а не стоять на месте. Безопасных гаваней не осталось. Здесь, во Внутреннем море.

Все молчали, а корабль покачивался на тихой волне. Солнце палило, а команда растянулась на палубе, предаваясь таким малопривычным удовольствиям, как тепло и безделье. Корабельные кладовые были набиты съестными припасами и бочками с пресной водой. Беспокоиться не о чем, по крайней мере в ближайшее время. Тяжким грузом давила только необходимость принять решение. И англичане и викинги находились одинаково далеко от родины, их отделяли от нее полчища врагов; врагов и ненадежных союзников.

Молчание нарушил Сулейман. При этом он стал разматывать свой тюрбан, чего никогда не делал раньше.

— Вполне возможно, что я найду для вас безопасную гавань, — сказал он. — Как вы знаете, многие люди моего народа, евреи, живут под властью кордовского халифа. Но я

вам не рассказывал, что есть еще другие — их тоже много, — на которых эта власть, скажем так, не совсем распространяется.

— На другом краю Внутреннего моря? — поинтересовался Шеф. — В стране, где был распят Христос, как бы ее ни называли?

Сулейман наконец размотал тюрбан и встряхнул длинными волосами. На голове у него оказалась маленькая круглая шапочка, по-видимому приколотая шпильками. Уголком глаза Шеф заметил, что юный Мухатьях привстал, но Квикка и Озмод не слишком нежно усадили его обратно. Происходило что-то, чего Шеф не понимал.

— Нет, — ответил Сулейман. — На этом краю. На севере, между королевством франков и Кордовским халифатом. Там, в горах, уже долгие годы живет мой народ вместе с людьми других религий. Они платят халифу налоги, но не всегда подчиняются ему. Думаю, вам там будут рады.

— Если это на севере, — сказал Бранд, — нам надо будет опасаться христиан, а не халифа.

Сулейман помотал головой:

— Горные тропы почти непроходимы, и у нас есть много крепостей. В любом случае, как сказала вчера вечером принцесса, у моего народа большой опыт жизни... в коридоре. Войска императора прошли там с нашего разрешения и не заходили в город. Императору пришлось бы много воевать, чтобы покорить наше княжество. Мы называем его Септимания, хотя живущие среди нас франки зовут его Руссильон. Отправимся в Септиманию. Там вы сможете познакомиться с новым вероучением.

— Почему ты предлагаешь нам это? — спросил Шеф.

Сулейман оглянулся на Свандис, стоявшую у борта вне пределов слышимости.

— Многие годы я был слугой Книги — Торы, и Талмуда, и даже Корана. А теперь вы — некоторые из вас — открыли для меня кое-что новое. Теперь я тоже разделяю вашу жажду знаний. Знаний не из книг.

Шеф перевел взгляд на все еще боровшегося Мухатьяха.

— Отпусти его, Квикка. — Шеф продолжал на самом простом арабском: — Мухатьях, что хочешь сказать, говори. Говори осторожно.

Освобожденный юноша мгновенно вскочил на ноги. Рукой он хватался за висевший на поясе кинжал, но Квикка и Озмод были начеку, готовые при необходимости снова сбить его с ног. Шеф заметил, что и Торвин вытащил молот, который всегда носил на поясе. Но Мухатьях выглядел слишком разъяренным, чтобы обращать внимание на угрозы. С дрожью в голосе он указывал на Сулеймана и ругался:

— Еврейский пес! Ты столько лет жрал хлеб халифа, и твой народ жил под его защитой. Теперь вы стараетесь сбежать, покинуть Шатт аль-Ислам, путь покорных воле Аллаха. Вы готовы якшаться с любым, словно портовая шлюха с провалившимся носом. Но берегитесь! Если вы собираетесь впустить христиан в Андалузию, они вам припомнят, что вы распяли их бога, — да падет проклятье Аллаха на тех, кто поклоняется рожденному в постели! А если ты собираешься связаться с этими, — Мухатьях обвел рукой вокруг, — помни, что они варвары, которые шляются по миру, будто засранные бараны, нынче здесь, а завтра там.

К Шефу и Скальдфинну обратились лица ожидавших перевода.

— Он назвал Сулеймана предателем, — пояснил Шеф. — О нас он тоже не слишком высокого мнения.

— Почему бы его просто не выбросить за борт? — поинтересовался Бранд.

Шеф надолго задумался, прежде чем ответить. Мухатьях, который не понял последней реплики, тем не менее о чем-то догадался по застывшему лицу Шефа и энергичному жесту Бранда. Он побледнел, заговорил было, остановился и попытался выглядеть хладнокровным.

Наконец заговорил Шеф:

— Он совершенно бесполезен в том, что касается знаний. Но мне очень нравится его хозяин Ибн-Фирнас. Мы оставим Мухатьяха. Может быть, однажды он пригодится нам в роли посланца. И потом, он кое-что для нас сделал. — Шеф оглянулся, встретился взглядом со Скальдфинном: — Он подтвердил, что Сулейман говорит правду. Иначе мы бы в это не поверили. Еврейский город в Испании! Как в такое поверить? Но это, кажется, правда. Я считаю, что мы должны туда отправиться. Обосноваться там. Постараться расстроить планы христиан. Вернее, не христиан, мы против них ничего

не имеем. Планы Церкви и поддерживающей ее Империи, планы императора Бруно.

— И попытаться раскрыть тайну греческого огня, — добавил Торвин.

— И дать Стеффи еще одну возможность полетать, — согласился Шеф.

Слушатели согласно закивали головами, послышался одобрительный гул. Темные глаза Сулеймана просияли от удовольствия.

С «вороньего гнезда» раздался крик впередсмотрящего:

— Там, на севере! Парус. Треугольный. Похоже на рыбачью лодку, она милях в четырех. Идет на запад, нас, наверно, еще не увидела.

Шеф подошел к форштевню, раздвинул свою подзорную трубу, попытался различить на горизонте треугольный парус.

— Как ты думаешь, Бранд, твой «Нарвал» сможет догнать ее, на веслах против латинского паруса?

— При таком штиле — запросто.

— Тогда отправляйся за ними, потопи лодку, убей всех, кто на борту.

Бранд замялся.

— Я вовсе не против того, чтобы убивать, ты же знаешь, — сказал он. — Но это могут быть просто бедняки, которые ловят рыбу.

— Или шпионы греков. Или и то и другое одновременно. Мы не можем полагаться на случайность. Иди и выполняй приказ. Если тебя тошнит, возьми арбалеты.

Шеф повернулся и пошел к своему гамаку, считая обсуждение законченным. Бранд глядел ему вслед, и на лице его читалась внутренняя борьба.

— И этот человек всегда говорил мне не жадничать из-за добычи, всегда заботился о рабах.

— Он по-прежнему заботится о рабах, — отметил Торвин.

— Но он готов убить невинных людей ни за что, просто потому, что они могут быть опасны. Даже не для удовольствия, как это делал Ивар, и не для того, чтобы заставить их говорить, как старик Рагнар Волосатые Штаны.

— Может быть, Локи вырвался на свободу, — сказал Торвин. — Лучше сделать, как он говорит. — И жрец суеверно ухватился за свой нагрудный амулет в виде молота.

* * *

В тот же самый день, в тот же самый момент и не так уж далеко от флота северян, Бруно, император франков, германцев, итальянцев и бургундцев, медленно и неохотно поднял свой щит, но не для того, чтобы защититься от летящих в него весь день стрел, обломанные острия которых уже усыпали кожаную поверхность щита. Нет, он защищался от жара, исходящего от яростно пылавшей перед ним башни. Он не хотел терять из виду эту башню, надеясь, хотя и тщетно, что оттуда раздастся последний крик и каким-нибудь образом удача еще повернется к нему в этот день. Однако даже для императора-аскета жар был слишком силен.

Этот день не задался с самого начала, еще один плохой день. Бруно был уверен, что на этот раз крепость падет, и она пала. Но все же он надеялся, он ждал, что после многодневных испытаний ее защитники образумятся, примут его предложение, позволят императору проявить милосердие, на которое они вряд ли смели рассчитывать. Его способ осады горных крепостей снова и снова оправдывал себя на мусульманском побережье, и его воины понимали это. Первым делом надо было подтащить гигантский требукет, противовесную катапульту Эркенберта, достаточно близко, чтобы один из огромных валунов мог попасть в ворота крепости. Снести ворота, ворваться в крепость. Но у этой машины были свои недостатки. В отличие от легких онагров, дротикометов и ручного оружия, противовесная катапульта требовала установки на плоскости. На плоскости и вблизи цели, не дальше чем за две сотни двойных шагов.

Здесь, в Пигпуньенте, вблизи ворот не было горизонтальных площадок, одни крутые склоны. Братья Ордена Святого Копья мрачно загнали защитников в стены крепости, мрачно вырубили в растрескавшейся скале площадку для установки требукета. Защитники дождались, пока все будет сделано, потом стали скатывать по склону камень за камнем, и каждый камень перебрасывали через стену добрых два десятка человек. Братья мрачно вбили в скалу шесты, настелили на них бревна, сделали укрытие для драгоценной машины. Сотни грузчиков собрались для подъема требукета и камней противовеса. Еще труднее было доставить метатель-

ные валуны, которые наконец притащила на деревянных санях цепочка потных, задыхающихся людей.

И они сделали это: установили машину, метнули первый валун, который пролетел над самыми воротами, так что дьякон Эркенберт смог приступить к своим загадочным вычислениям и сказать, сколько веса нужно снять, чтобы следующий валун попал точно в деревянные ворота. А затем, когда дело было сделано и угроза стала ясна, Бруно послал вести переговоры одного из лучших своих людей, брата Гартнита из Бремена. Всем гарантируется жизнь и свобода. Отдать нужно будет только то, что находится внутри крепости. Бруно был уверен, почти уверен, что защитники примут это предложение, они ведь должны понимать, что как только будет проделана брешь, по всем законам, Божьим и человеческим, не может быть пощады никому, ни мужчине, ни женщине, ни ребенку, из-за которых штурмующие крепость подверглись таким мучениям и опасностям. Все братья, даже из Ордена Копья, искоса смотрели на императора, когда тот послал Гартнита на переговоры, они понимали, что это означает потерю их традиционных привилегий, за право на которые все проливали пот, а слишком многие — и кровь тоже: убивать и грабить, мстить и насиловать. Братья давали обет целомудрия, никогда не женились, словно монахи. Однако обет не распространялся на то, что происходило во время штурма. В конце концов, все их партнерши не доживут до следующего дня. Братья нуждались в отдушине, которую предоставлял им обычай.

Однако они позволили Гартниту выйти вперед, зная, что у их повелителя есть свои планы. Они услышали предложение, выкрикнутое Гартнитом на вульгарной латыни, которую большинство из них понимали. Кое-кто из них даже точнее, чем Бруно, угадал настроение осажденных и приготовился к шквалу стрел, который являлся традиционным ответом на предложение сдаться. Гартнит, укрывшись за своим несоразмерно огромным щитом, мантелетом, тоже был наполовину к этому готов.

Но никто не ждал колоссальной мраморной колонны, перелетевшей через стену и обрушившейся подобно палице гиганта. Один ее конец разнес мантелет и размозжил Гартнита почти пополам, и колонна в туче пыли покатилась вниз

по склону. Все явственно слышали, как жалобно стонет храбрый Гартнит с проткнутым сломанными тазовыми костями мочевым пузырем, пока сам император не избавил его от мучений с помощью своего *miserecorde*, длинного тонкого кинжала, предназначенного как раз для этих целей.

Затем братья мрачно выстрелили из требукета следующим валуном, снесли ворота, прорвались внутрь и сквозь баррикаду, которую, как и ожидали, встретили на внутреннем дворе, потом стали выкуривать последних защитников из башен, аттика, лестниц и подвалов. Защитники крепости мрачно отбивались, не оставляя ни единого человека, при отступлении добивая своих раненых, пока их не загнали в последнюю башню. В ней были одни мужчины. Бруно сам увидел, когда атакующие ворвались во внутреннее помещение крепости, что на полу рядами лежат женщины, старики, дети, скорчившиеся, ничком или со скрещенными на груди руками: все отравленные, убитые, ни одного живого. И лишь последние человек двадцать заперлись в башне, которую подожгли люди императора.

Бруно опустил щит, осторожно, опасаясь стрелы, нерешительно шагнул вперед. Он рисковал показаться идиотом, но необходимо было выполнить то, что он задумал. Он еще раз крикнул:

— Эй, вы, там! Еретики! Если вам жарко, выходите и сдавайтесь. Я даю вам слово, слово рыцаря и кайзера, что вам не причинят вреда. Никто в мире не мог бы биться лучше вас. Вы сделали достаточно.

В ответ только треск и столб пламени. Братья снова косились на Бруно, размышляя, не сошел ли император с ума. И тогда из самой середины огня раздался голос:

— Знай, император. Я капитан Маркабру, все еще, увы, *imperfectos*, несовершенный. Нам наплевать на тебя и на твой огонь. Ныне же, как благочестивый разбойник, я буду в раю с моим Господом. Потому что Господь милостив. Он не даст нам гореть и в этом мире, и в другом.

Раздался треск обрушившихся стропил, поднялся клуб дыма и пыли, наступила долгая тишина, нарушаемая лишь шумом огня. И никаких знакомых звуков грабежа, воплей, слез, просьб о пощаде. Только треск пламени и гул падающих камней.

Бруно попятился назад, все еще держа поднятый щит. Теперь, когда сражение окончилось, появился Эркенберт в сопровождении своих не отстающих ни на шаг телохранителей. Он с удивлением увидел в голубых глазах императора удовлетворение и даже радостные огоньки.

— Отлично, теперь мы кое-что узнали, — сказал Бруно тощему англичанину.

— И что же?

— Ублюдки что-то спрятали здесь. Теперь нам осталось только найти это.

* * *

«Победитель Фафнира» призраком скользил в ночи, остальные корабли шли за ним следом, под всеми парусами, едва оставляя на воде легкую рябь. Шеф сидел около форштевня, свесив ноги за борт и время от времени ловя прохладные водяные брызги. Словно на морской прогулке, подумал он. Ничего похожего на холод и голод во время его долгого путешествия по Северу. Шеф вспомнил обожженное лицо и тело Сумаррфугла и как кожа трескалась под рукой, когда он загонял кинжал.

Кто-то подошел со стороны, где у Шефа не было глаза. Он резко обернулся и успокоился. Почти успокоился. Это была Свандис в своем белом платье, незаметно ставшая позади него.

— Знаешь, Бранд не убил тех рыбаков, — заговорила она. — Он потопил их лодку, но дал им время сделать плот и погрузить на него пресную воду. Оставил им пару весел. Бранд сказал, что рыбаки доберутся до материка или до одного из островов дня за полтора, достаточно времени, чтобы мы успели уйти.

— Если их не подберет кто-то из их приятелей, — пробормотал Шеф.

— Ты хочешь превратиться в такого человека, как мой отец? — Свандис несколько мгновений помолчала. — В конце концов, говорят, что ты тоже *eigi einhamr*, человек не с одной кожей. Это из-за того, что ты видишь в своих снах. Ты не расскажешь мне о них? Что это было, что оставило прошлой ночью отметины на твоем бедре? Они выглядят как

укус ядовитой гадюки. Но ты не распух и не умер. И отметины уже исчезли.

Шеф задрал край сорочки, в смутном свете звезд уставился на свое бедро. Теперь там ничего не было, во всяком случае ничего, что можно было бы разглядеть. Может быть, следует рассказать ей. Он чувствовал тепло ее тела, приятное в ночной прохладе, улавливал слабый женский запах, заставивший его на мгновение задуматься, каково это будет — обнять ее и зарыться лицом в ее грудь. Шеф никогда в жизни не знал женской ласки, мать не подходила к нему ближе вытянутой руки, судьба разлучила его с Годивой, его единственной любовью. Он почувствовал искушение отдаться ласке. И немедленно отогнал его от себя. На них смотрят, склонить голову и просить обнять его, словно плачущего ребенка, — позор для *drengr*'а, воина. Но поговорить можно.

Шеф неторопливо начал описывать ей подробности своего последнего сна. Лестница. Ощущение как у мыши среди людей. Поднимающийся по лестнице великан, грохот его сапог. Гигантский змей, который ползет следом, не отстает от бога Локи, потому что Шеф уверен, то был именно Локи. Змеиный погреб богов, со змеями под ногами, одна из них укусила Шефа.

— Поэтому я и верю в богов, — закончил Шеф. — Я видел их, я их чувствовал. Вот почему я знаю, что Локи освободился и готовит месть. Если это нужно еще как-то подтверждать после Сумаррфугла.

Какое-то время Свандис молчала, и за это он был ей благодарен. По-видимому, она размышляла, собираясь что-то сказать, а не просто отмолчаться.

— Скажи мне, — в конце концов спросила Свандис, — было в твоем сне что-то, что напоминало тебе виденное раньше? Что-то, о чем ты мог размышлять, перед тем как уснуть. Ноги, например. Ноги поднимающегося по лестнице бога. Ты сказал, что видел их.

— Ноги? Они были как у Бранда. — Шеф со смехом рассказал ей, как они маршировали по Кордове и один араб с изумлением разглядывал Бранда, от его гигантских ног до верхушки шлема. Как он не мог поверить, что такие ноги принадлежат человеку.

— То есть у тебя в голове уже была картинка вроде этой? А как насчет змей? Ты ведь видел змеиный погреб.

И снова Шеф ощутил укол сомнений и подозрений. Все-таки она была дочерью Ивара и внучкой самого Рагнара.

— Я видел, как твой дед умер в змеиной яме, — коротко сказал он. — Разве тебе никто не рассказывал? Я слышал, как он пел свою прощальную песнь.

— Он любил брать меня на колени и петь мне, — сказала Свандис.

— Он любил своим длинным ногтем прокалывать людям глаза, — возразил Шеф. — Мой друг Кутред вырвал ему этот ноготь клещами.

— Итак, змеиную яму ты тоже видел, — продолжала Свандис, — и видел, как в ней умер человек. Ты был тогда очень напуган? Ты представлял самого себя в этой яме?

Шеф ненадолго задумался.

— Ты хочешь мне сказать, что эти мои видения — я не считаю их просто снами, — что они вообще не посланы мне богами? Они образуются в моей голове из того, что я видел раньше и чего испугался? Они подобны сказаниям, сагам. Только их рассказывает идиот, без начала и без конца, и они едва-едва связаны друг с другом. Но они не такие. Я чувствую, что они... они много больше этого.

— Потому что ты в это время спишь, — сказала Свандис. — Ты не можешь мыслить здраво.

— Все равно, мои видения — это видения богов! В них мне открываются истории, вроде тех, что я слышал от Торвина о Вёлунде и Скирнире, о Хермоте и Бальдре.

— Потому что ты слышал их от Торвина, — сказала Свандис. — Вот если бы ты увидел историю, которую Торвин тебе не рассказывал, это бы кое-что означало. Может быть, всего лишь то, что ты сам составил ее из виденного и слышанного. А ты не задумывался, что арабы видят сны про Аллаха, христиане — про своих христианских святых? Потому что твои видения подобны самим богам. И то и другое люди выдумывают, исходя из своих нужд и своей веры. Если мы прекратим верить — тогда мы станем свободными.

Шеф осторожно и скептически стал обдумывать эту идею. Ему казалось, что иногда видение приходило к нему *до того*, как он услышал историю. Свандис сказала бы, что он

просто кое-что забыл и вспоминал историю задним числом. Обратное ей, разумеется, не докажешь. И она может оказаться права. Всякий знает, что иногда сны вызваны дневными событиями и даже звуками, которые спящий человек слышит и встраивает их в свои сновидения. Самым отважным викингам снились страшные сны, Шеф нередко слышал, как люди лепечут во сне.

«Значит, возможно, что Рагнарока не будет, — размышлял он. — И Локи не вырвался на свободу. Я все это время дурачил сам себя. Если бы я мог в это поверить, мне стало бы намного легче. И в видениях не было бы и доли правды».

— В видениях нет и доли правды, — убежденно сказала Свандис, стараясь обосновать свою доктрину и заполучить нового ее сторонника. — Боги и видения — это лишь иллюзии, которым мы предаемся, чтобы стать рабами.

Она тесно прижалась к нему в холодной ночи, наклонившись, взглянула в единственный глаз Шефа, ее грудь наткнулась на его руку.

* * *

А далеко на севере, в Доме Мудрости в среднеанглийском Стамфорде, ночь еще не наступила. Каменную башню с прилегающими постройками окутывали долгие сумерки раннего английского лета. От пересекавших близлежащие поля живых изгородей доносился стойкий аромат цветущего боярышника. В предместьях слышался веселый смех, там собрались фермеры и ремесленники, чтобы, покончив с дневными работами, последний час перед полной темнотой провести с кружкой пива в руке. Ребятишки резвились под присмотром отцов, а молодежь, юноши и девушки, обменивались взглядами и время от времени исчезали на укромных полянах.

В самом Доме Мудрости кузницы уже стихли, хотя в горнах все еще светились красные угли. В центральный дворик вышел жрец, чтобы позвать своих приятелей выпить пряного эля и обсудить проведенные за день опыты и сделанные открытия. Завернув за угол каменной башни, он замер.

Прямо перед ним на скамейке сидел Фарман, жрец Фрея, по количеству своих видений превзошедший всех в Англии, а в мире сравнимый только с Вигликом из Норвегии. Фарман сидел спокойно, глядя вдаль широко открыты-

ми, но невидящими глазами. Наткнувшийся на него жрец осторожно приблизился, убедился, что Фарман не отводит немигающего взора от какой-то неизвестной точки. Жрец торопливо попятился, вернулся за угол и замахал руками, подзывая к себе остальных. Через некоторое время перед провидцем полукругом стояли два десятка жрецов Пути, отогнавших толпу учеников и мирян. Все молча ждали, когда Фарман зашевелится.

Глаза его моргнули, он заворочался на скамье, увидел окруживших его людей.

— Что ты видел, брат? — спросил один из них.

— В конце... в конце я видел дерево и змея на нем. Под деревом стояла женщина, очень красивая. Она протягивала яблоко мужчине, а он... он потянулся за ним. Все это время змей следил за ними и его раздвоенное жало сновало туда-сюда.

У жрецов Пути это не вызвало отклика. Ни один из них не читал христианских книг, они ничего не знали о сатане, об Адаме с Евой и грехопадении.

— Но сначала, сначала я увидел нечто более примечательное. То, о чем должен услышать король.

— Единого Короля нет здесь, брат Фарман, — мягко напомнил жрец, знающий, что после видения человеку требуется время, чтобы прийти в себя.

— Его заместитель. Его партнер.

— Его партнер — король Альфред. Он возглавляет совет ольдерменов. Никаких заместителей нет.

Фарман потер глаза.

— Я должен записать то, что видел, пока видение не поблекло, а потом нужно передать весть королю.

— Не можешь ли ты рассказать нам что-нибудь?

— Угроза и погибель. Огонь и яд... И погубитель Бальдра вырвался на свободу.

Жрецы замерли, они знали, чье имя не назвал Фарман, имя бога, о котором напоминал костер, разжигаемый во время их священного круга.

— Если погубитель Бальдра вырвался на свободу, — медленно проговорил один из жрецов, — то что тут сможет сделать английский король Альфред? Вместе со всеми ольдерменами?

— Он может вернуть флот, — ответил Фарман. — Послать всех людей и все корабли в место, откуда грозит опасность. И теперь это не устье Эльбы и не Данневирке. Погубитель Бальдра гуляет на воле повсюду, но сначала он объявится на юге, куда в день Рагнарока поскачут сыновья Мюспелла.

Он тяжело поднялся, как человек, невыразимо уставший после слишком долгого пути.

— Я ошибся, братья. Мне следовало сопровождать Единого Короля, когда он отправился искать свое предназначение. Потому что его предназначение заденет нас всех.

Глава 12

Из доселе мало кому известного Пигпуньента во всех направлениях скакали всадники. Некоторые пришпоривали своих лошадей что есть мочи: они были посланы на небольшое расстояние с приказом явиться в замок каждого барона, в каждую стоящую в приграничных горах башню и потребовать, чтобы все способные держаться в седле мужчины присоединились к своему императору. Требования гонцов не выполнялись, поскольку в сложной политической обстановке пограничья, где франкам противостояли испанцы, а христианам — еретики, когда постоянно совершали набеги мавры, а иудеи выставляли кордоны на дорогах и перевалах, никакие бароны, даже те из них, кого осведомители Бруно определяли как преданных Святой Церкви, и помыслить не могли о том, чтобы оставить собственные земли без защиты. Да Бруно все равно не стал бы им доверять. Но они смогут образовать первое кольцо окружения, потом их заменят более надежными людьми, а в данный момент Империи и ее императору требуется прежде всего количество.

Другие гонцы передвигались с большей солидностью, они ехали маленькими группами с вереницами запасных лошадей позади. Они направлялись дальше, некоторые даже на сотни миль; всем им предстояли долгие дни пути до безопасных внутренних частей Империи, где по предъявлении императорского жетона им будут выдавать сменных лошадей. Дальше всех ехали те, кого послали в крепости Ордена Ко-

пья, находившиеся в немецких землях далеко на севере или на востоке, отделенных горами или могучим Рейном: во Фрейбурге и Вормсе, Трире и Цюрихе, и даже в высокогорном альпийском Берне. Оттуда нужно взять людей, в которых больше всего верил император Бруно, всех монахов-воинов Ордена Копья, людей, необходимых, чтобы выиграть эту войну и довести поиски до конца. В обителях Ордена не найдется места для колебаний и расчетов. Но люди Ордена не появятся немедленно, и их гораздо меньше, чем хотелось бы императору.

Были и всадники, ехавшие на промежуточные расстояния, в епископства во всех марках Италии и Южной Франции: в Массилию и Верселли, в Лион и Турин, в Каркасон и Дак. Приказ, который они везли, был простым: «Пришлите каждого человека, какого сможете. Не обязательно рыцарей, не обязательно тяжеловооруженных и благородного происхождения, хотя они тоже должны явиться, чтобы командовать остальными. Пришлите каждого человека, у которого есть пара глаз и охотничий лук. Пришлите охотников и браконьеров, сокольничих и углежогов. В любой деревне пастор должен знать, кто умеет найти дорогу в темноте, кто может преследовать оленя в горах и в *maquis*. Обещайте отпущение всех грехов тем, кто сослужит сейчас службу Церкви, Кресту и Империи. Больше всего, — отмечал Бруно, — мне нужны ваши *bacheliers*, люди, которые на правильной латыни, на латыни прежней империи, звались *vaccalarii*, то есть люди *vaches*, коров. Пастухи, которые на крепких крестьянских лошаденках пробираются в болотах Камарге, вооруженные своим профессиональным инструментом — острыми десятифутовыми стрекалами, с намотанными на шляпы полосками вяленого мяса, все время готовые к нападению буйных и непокорных диких быков. Слишком ненадежные и легковооруженные для сражений, но способные прочесать и очистить местность, как кухарка песком очищает котел от ржавчины».

— Я хочу, чтобы это место было запечатано плотнее, чем у монахини... чем у монахинь спальня, — сказал Бруно, забывая о своей обычной почтительности ко всем сторонам религиозной жизни. — Сейчас у нас не хватает людей, но как только они начнут прибывать, принимайте и размещайте их. А до тех пор, Тассо, — добавил он для командира своей гвардии, — ты можешь объявить нашим парням, что спать никто не будет. В том числе и я. Выведи их, и пусть следят за каждым камнем.

— Зачем? — спросил Тассо.

— Ты видел, как эти еретики поубивали сами себя. А почему? Потому что они не хотели, чтобы кто-то из них проговорился. Сказал нам, где лежит нечто. Это нечто должно быть где-то здесь. И ты можешь быть уверен, что кто-то попытается его забрать. Так что мы запечатаем всю местность.

— Так мы ничего не найдем, — заявил Тассо, старый боевой товарищ, которому позволялось вольно разговаривать с собратом по Ордену, даже если собрат являлся его кайзером и повелителем.

Бруно обеими руками ухватил его за бороду.

— Но так мы ничего и не потеряем! А зная, что это здесь, и запечатав всю местность, мы должны будем только поискать.

— Мы уже искали.

— Но не под каждым камнем. А теперь мы заглянем под каждый камень в этих горах и, если понадобится, вышвырнем его в море! Эркенберт! — Бруно позвал своего дьякона, который деловито инструктировал гонцов. — Вели епископам прислать еще и кирки. И людей, чтобы ими работать.

Отпущенный императором Тассо отправился осматривать местность и проверять свои слишком редко расставленные посты. С каждым часом росли его тревога и озабоченность. По происхождению баварец, взращенный на южных виноградниках, Тассо считал ущелья и заросли кустарников, характерные для крутых и скалистых Пиренейских гор, чересчур неприятной местностью.

— Да здесь нужно не меньше тыщи человек, — бормотал он про себя. — Две тысячи. А где взять для них еду? И воду? Спокойно, Тассо. *Befehl ist Befehl.* Приказ есть приказ. Хельмбрехт, Зигнот, Хартмут, охраняйте эту тропу. И помните, никому не спать, пока смена не придет. *Kaiserbefehl*, ясно?

Он таскался по жаре, выставляя тут и там охранение. Он и не подозревал, что повсюду, в какой-нибудь четверти мили снаружи от замыкаемого кольца дозорных, прячась среди редких колючих кустов и прижимаясь к земле, как ласка, кто-то неотступно следит за каждым его шагом.

* * *

Сын пастуха, явившийся, чтобы сообщить о своих наблюдениях, ожидал увидеть нечто необычное и пугающее, но все равно чуть не подавился, когда глаза его привыкли к тусклому свету. Напротив него за грубым столом полукругом сидели люди. По крайней мере, они могли оказаться людьми. Каждый одет в длинную серую сутану, и у каждого на голове капюшон, натянутый так низко, что невозможно разглядеть лицо. Ведь если бы пастушок их увидел, он мог бы их узнать. Ни один человек не знал, кто в действительности принадлежит к *perfecti*, совершенным, хотя в деревнях еретиков непрестанно циркулировали слухи и домыслы: он отказался в тот день от баранины, наверно, он вообще не ест мяса, они с женой спят вместе, но разговаривают как брат и сестра, она уже три года не рожала, хотя прошлой весной отняла ребенка от груди. Любая мелочь может оказаться свидетельством посвящения в главную тайну. Однако в деревнях еретиков все старались жить как *perfecti*, хотя, возможно, никогда ими не были: поэтому пост или целомудрие могли свидетельствовать только об амбициях, а не о реальном положении. Человеком в капюшоне мог оказаться кто угодно.

Пастушок неуклюже преклонил колена, снова встал. Из полукруга донесся голос, но не из середины, а с краю. Видимо, нарочно выбрали человека, чей голос пастушок не мог узнать. Как бы то ни было, говорил он только шепотом.

— Что ты видел в Пигпуньенте?

Парнишка задумался.

— Я подбирался близко к скале со всех сторон, кроме восточной, где идет дорога. Ворота там разбиты, башни сожжены и большинство каменных построек разрушены. Вокруг замка рыщут люди императора, их там тучи, как блох на старой собаке.

— А что снаружи?

— Христиане поставили дозорных вокруг всей скалы, как можно ближе к основанию, окружили со всех сторон кольцом. Это здоровенные люди в доспехах, по жаре они ходят мало. Им привозят еду и воду. Я не смог понять, что они говорят друг другу, но они не спят и вроде бы не жалуются. Большую часть времени они поют свои языческие песни и гимны.

Совершенные не обратили внимания, что пастушок назвал христиан язычниками: они и сами придерживались того же мнения. Голос спрашивающего стал еще тише:

— А ты не боялся, что они могут схватить тебя?

Паренек улыбнулся.

— Люди в доспехах? Поймают меня в горах или в *maquis*? Нет, сударь. Если б они меня и увидели, им меня не поймать. Но они меня даже не видели.

— Ну хорошо же, тогда скажи нам вот что. Сможешь ли ты — ты и, допустим, кто-нибудь из твоих приятелей — сможете ли вы пробраться через это кольцо стражи и перелезть через стену внутрь крепости? Допустим, вместе с кем-то из нас? С горцем, но уже не таким шустрым пареньком, как ты?

На лице пастушка отразились сомнения. Если он скажет «да», попросят ли его действительно сделать это? Он не имел ни малейшего желания присоединиться к тем трупам, которые, как он видел, выносили из крепости и складывали на зеленой лужайке чуть ниже ворот. Но больше всего он хотел заслужить одобрение людей, которых все уважали и почитали.

— Их посты расставлены повсюду, и дозорные начинают стрелять, едва только лисица шелохнется в кустах. Да, я могу пробраться сквозь их посты. И, пожалуй, три-четыре моих приятеля. Человек постарше... Понимаете, шипы на кустах растут высоко, может быть, на фут или на два от земли. Я там не хожу, я ползаю на животе, но так быстро, как другие ходят. Человек покрупнее, который не может согнуться, который начнет говорить «ох, моя спина», — в это мгновение парень передразнивал своего деревенского священника, который, как и все, был еретиком, но во избежание подозрений поддерживал связь с Церковью и епископом, — он не пройдет. Его схватят.

Отметив категоричность этого вывода, укрытые капюшонами почти незаметно закивали.

— А чтобы его схватили, мы допустить не можем, — раздался тот же шепот. — Спасибо тебе, парень, что ты сослужил нам добрую службу. В твоей деревне об этом узнают. Прими наше благословение, и пусть как растешь ты, так растет и наше расположение к тебе. Поговори с людьми, которые ждут снаружи. Покажи им, где ты видел посты.

Когда пастушок ушел, некоторое время царило молчание.

— Плохие новости, — сказал потом один из людей в капюшонах. — Он знает, что там кое-что спрятано.

— Он догадался, потому что Маркабру вел себя с таким гордым вызовом. Если бы они сдались и вышли из крепости, император подумал бы, что это просто очередная взятая крепость, и отправился бы дальше. Лучше было не привлекать внимание. Сдаться, отречься от нашей веры, поклясться подчиняться папе, как мы всегда делали. А потом, после их ухода, вернуться к тому, о чем знаем только мы.

— Маркабру сражался до последнего, потому что боялся, что кто-нибудь проговорится. И потом, кто знает? А вдруг им пришлось сделать это? Возможно, у них был свой приказ. В конце концов, нам неизвестно, что произошло внутри крепости. Может быть, обнаружились признаки измены.

Снова повисло молчание. Еще один голос стал рассказывать:

— Говорят, после того, как император взял крепость, все тела из нее вынесли на берег реки и сожгли. Но перед этим люди императора раздели и осмотрели мертвых. Даже вспарывали ножами их животы, чтобы убедиться, что там ничего не спрятано. А после сожжения его люди еще и просеяли пепел. И все внутри крепости, каждую щепку от стола или стула вынесли и сложили, чтобы их могли осмотреть император и его черный дьякон. Деревяшки он тоже сжег, на глазах у жителей окрестных деревень, он следил за их лицами. Он думал, крестьяне дрогнут, если увидят, как жгут святую реликвию.

— Значит, он не знает, что искать.

— Нет. И не знает, как найти вход в то место, где спрятан Грааль.

— Но он разбирает крепость камень за камнем. Сколько времени пройдет, пока под ударом кайла не покажется дверь или лестница?

— Долго же ему придется искать, — сказал один из голосов с уверенностью в тоне.

— Но если он будет копать до самой скалы?

В третий раз наступило молчание. Тени, отбрасываемые заходящим солнцем в комнате с узеньким окошечком, стали

новились все длиннее, и наконец самый уверенный из голосов заговорил снова:

— Мы не можем рисковать. Мы должны вернуть наши сокровища. Бой. Или кража. Или подкуп. Если понадобится помощь извне, мы должны найти ее.

— Извне? — последовал вопрос.

— Мы спрятались от мира, но мир пришел за нами. Император, наследник Шарлеманя, от которого мы избавились восемьдесят лет назад. И другие тоже. Вы все слышали необычные новости из Кордовы. Больше всего мы должны остерегаться думать, как миряне, будто бы все происходящее в мире происходит из-за простой случайности или из-за деяний смертных. Ведь мы знаем, что весь мир — поле битвы между Тем, Кто Вверху, и Тем, Кто Внизу. И если битва произойдет, произойдет в этом мире, мы знаем, кто победит.

— И все же Он — *princeps huius mundi*, великий Князь Мира.

— Итак, мы должны выйти наружу. Из этого мира, из нашего.

И не торопясь, совершенные, верившие, что бог христиан — на самом деле дьявол, который должен быть свергнут, когда пробьет его час, начали вырабатывать свой план, чтобы приблизить этот час.

* * *

Старик, сидевший в тени под увитой виноградной лозой решеткой, поглядывал на сидящего напротив короля Севера с сомнением. Тот отнюдь не выглядел как настоящий король, а еще меньше — как человек, упомянутый в пророчествах. Он не был одет в царский пурпур. Его люди ему не кланялись. Он сидел на маленькой табуретке и, следуя обычаю северян, расположился на самом солнцепеке, словно бы ему было недостаточно солнца. Пот струился с его лба и постоянно капал на плитки балкона, с которого открывался вид на море и гавань далеко внизу.

— Ты уверен, что он король? — снова спросил старик у Сулеймана. Они говорили на иврите. Шеф терпеливо, хотя и не понимая ни слова, прислушивался к звукам чужого языка, которого ни один англичанин в мировой истории прежде не слышал.

— Я его видел в его королевстве, в его собственном дворце. Он правит обширной страной.

— Ты говоришь, он был рожден христианином. Тогда он поймет. Скажи ему вот что... — Старик, князь Септимании Бенджамин, Лев иудеев, правитель горы Сион, произнес длинную речь. Через несколько мгновений Сулейман — или, как его звали в собственной стране, Соломон — начал переводить:

— Мой князь говорит, что ты поймешь сказанное в нашей священной книге, которая была и твоей священной книгой в те дни, когда ты принадлежал к христианской церкви. В книге Притчей бен-Шираха, которого вы называете Екклесиастом, сказано: «Горныé мыши — народ слабый, но ставят домы свои на скале».

Князь говорит, что здесь — а я пересказал ему, как твоя странная женщина отзывалась о евреях, — здесь евреи не живут как слабый народ. Однако они все равно ставят домы свои на скале, как ты можешь увидеть повсюду, — он махнул рукой в сторону возвышающихся неподалеку гор и отвесных каменных стен, окружающих город и гавань.

Шеф смотрел на него непонимающе. Предположение князя, что все христиане должны знать Ветхий и Новый Завет, было чрезвычайно далеко от истины. Шеф никогда не слышал про Екклесиаста, никогда не читал Библию, в сущности, даже ни разу не видел Библию до того случая, когда присутствовал на свадьбе своего партнера Альфреда и своей возлюбленной Годивы в кафедральном соборе в Винчестере. У священника в его родной болотной деревушке были только требники с цитатами из Библии на случай различных церковных праздников. Все, чему отец Андреас пытался учить своих прихожан, сводилось к почтению к святыням, будь то Символ Веры, «Отче наш», церковная десятина или власти предержащие. Он также никогда не видел горных мышей, что, впрочем, не имело значения, так как Соломон, за неимением лучшего, назвал их кроликами.

— Кролики не живут в скалах, — сказал Шеф. — Они живут на лугах.

Соломон задумался.

— Мой князь имел в виду, что нас здесь охраняют непреодолимые природные и искусственные препятствия.

Шеф огляделся.

— Да, с этим я согласен.

— Он меня не понял, — вмешался Бенджамин.

— Увы. Дело в том, что эти люди почти не получили образования, даже если родились христианами. Из них немногие умеют читать и писать. По-моему, сам король умеет, но не слишком хорошо. Не думаю, что он вообще знает Писание.

— Значит, они не люди Книги.

Соломон замялся. Не время было объяснять учение Пути и заложенное в нем стремление к новым знаниям. Князь и его народ не испытывали верноподданнических чувств к халифу, и еще менее того к императору, готовы были на любой союз, суливший перемены к лучшему. Не стоило разочаровывать их в северянах.

— По-моему, они стараются ими стать, — предположил Соломон. — Самостоятельно преодолевают трудности. Я видел их письмена. Они возникли из меток, которые вырезали ножом на дереве.

Князь неторопливо поднялся на ноги.

— Добродетельность, — сказал он, — требует от нас помогать жаждущим знаний. Покажем этому королю, что такое школа. Школа для детей истинного народа Книги, а не для приверженцев Мухаммеда, вечно заучивающих непонятое, и не для приверженцев Иешуи, вечно затемняющих смысл языком, который позволено знать только их священникам.

Шеф тоже поднялся, не то чтобы неохотно уступая приглашению, но чувствуя скуку от долгой речи, которую никто не удосужился перевести. Пока Соломон объяснял, куда они направятся, взгляд Шефа против его воли обратился к тому, что происходило внизу, в людной и солнечной гавани. У внешнего мола, где встали на якорь корабли северян, подальше от берега и местных судов, — там снова запускали воздушный змей. Шеф оглянулся, ждет ли его старый князь, увидел, что тот уже исчезает в прохладной полутьме. Вытащил из-за пояса подзорную трубу и бросил через нее быстрый взгляд. Свежий бриз хорошо держал змея, Стеффи уверенно руководил всеми действиями. И Толман, самый маленький и самый легкий из корабельных юнг, стоял у борта! Неужели эти ублюдки собираются провести такой важный

опыт без своего короля? Погода была подходящая, и Толман, выросший в рыбацкой семье из Лаестофта, славился своим умением плавать как рыба.

Евреи ждали его. Шеф сложил трубу и хмуро последовал в темноту за князем Бенджамином, Скальдфинном, Соломоном и остальной свитой. Чтобы продолжить знакомство с народом Книги.

Пока Шефа твердой рукой вели по территории иудейской цитадели, основанной давным-давно, еще во времена заката Римской империи, у него нарастало ощущение нереальности происходящего и подавленности. Повидав двор кордовского халифа, Шеф считал, что готов к встрече с любой диковинкой, но этот город-крепость был непохож на все, что доводилось ему видеть на Севере и на Юге. Здесь кипела та же многолюдная и деятельная жизнь, к которой он привык на улочках и базарах Кордовы, люди носили точно такую же одежду, и в их разговорах он время от времени улавливал знакомые арабские и латинские слова. Однако того ощущения простора, свободы не спрашивать ничьего позволения, не бояться контроля и чисто физических ограничений для любых занятий здесь не было. Сначала князь повел гостя на подробный осмотр внешних укреплений: их каменные стены искусно сочетались с природными скальными утесами и пропастями, защищая залив и гавань с трех сторон почти замкнутым кругом. Странным же было то, что в любом другом укрепленном городе, который видел Шеф, будь то Йорк, Лондон или Кордова, снаружи от стен всегда вырастал, несмотря на все запреты, внешний пояс трущоб: лачуг и хижин, чьи обитатели были слишком бедны, чтобы жить в защищенной внутренней части города, однако настойчиво тянулись к накопленным в ней богатствам, потихоньку просачивавшимся наружу. Бдительные стражники постоянно их третировали, сгоняли бедняг с насиженных мест, стараясь оставить перед стенами чистое простреливаемое пространство. Но у них ничего не получалось. Шлюхам, мелким жуликам и нищим всегда удавалось пробраться назад и заново отстроить свою слободу.

Но не здесь. Ни одна постройка не лепилась к стенам, ни собачья конура, ни сортирная будка. И ничто не могло вырасти в щелях между камнями — Шеф видел, как на одной

из стен группа рабочих опускает через парапет своих товарищей, чтобы те вырвали пробивающиеся сорняки. Хотя вдали виднелись возделанные поля и сады, на них не было даже шалаша для сторожа. Группы людей, которые двигались между полями и городом, носили с собой инструменты на работу и обратно, отметил Шеф. Они не оставляли вне стен даже тяжелые плуги и корзины для зерна.

— Я понимаю, для чего вы это делаете, — в конце концов сказал он Соломону, который по-прежнему торжественно переводил все высказывания своего правителя. — Но я не понимаю, как вы заставляете народ следовать вашим правилам. Я не смог бы добиться такой законопослушности от собственного народа, даже если бы все мои люди были рабами. Всегда найдется кто-то, кто попытается нарушить закон, а потом еще десять вслед за ним. Даже если прибегать к бичеванию и клеймению, как делали черные монахи, всегда найдется кто-то, кто не понимает, что от него требуется, сколько ему ни объясняй. Ваши люди, они что, рабы? Почему они подчиняются так охотно?

— У нас нет рабства, — отвечал Соломон. — Иметь рабов нам запрещено нашим Законом. — Он перевел слова Шефа, выслушал долгий ответ, заговорил снова: — Бенджамин ха-Наси говорит, что ты правильно задал этот вопрос, и он видит, что ты действительно правитель. Он говорит — ты прав, что встретить знание закона более удивительно, чем подчинение закону, и заявляет, что, по его мнению, все беды мира происходят только от невежества. Он хочет, чтобы вы поняли, что мы, иудеи, отличаемся от вашего народа и от арабов тоже. В нашем обычае позволять открытые споры по любому вопросу — уважаемая Свандис может прийти в наше помещение для диспутов и высказать все, что пожелает, и никто не посмеет прервать ее. Но в наш обычай также входит, что коль скоро решение выработано и закон принят, все должны ему подчиняться, даже те, кто больше всех против него возражал. Мы не наказываем за несогласие. Мы наказываем за неподчинение воле общества. Поэтому наш народ охотно выполняет все наши законы. Потому что мы не только люди Книги, но и люди Закона.

— А откуда вы все знаете Закон?

— Сейчас увидите.

От крепостных бастионов гости и хозяева прошли в центр многолюдного городка площадью акров сорок, где меж оштукатуренных каменных домов два человека с трудом могли разминуться в узеньких проходах, поднимающихся и спускающихся уступами, которые иногда шли так часто, что превращались в ступеньки лестницы.

— Посмотрите сюда, — сказал Соломон, указывая внутрь крошечного дворика. Там в тени сидел одетый в черное человек, который торжественно и монотонно жужжал что-то дюжине детей различных возрастов, расположившихся прямо на земле.

— Это один из *geonim* князя. Князь содержит их двенадцать, преподавателей, которые обучают детей бесплатно, из любви к знанию. Видите, он не прервал занятий, хотя заметил, что пришел его повелитель, князь. Учение важней, чем властители.

— Чему он учит их?

Соломон прислушался к непрекращающемуся жужжанию и кивнул.

— Он перечисляет им положения *halakhah*. Это часть Мишнах. А Мишнах — Закон нашего народа, изначально основанный на нашей священной книге, которую христиане называют Ветхий Завет. Но в Мишнах входит и все, что было сказано об этой книге с тех пор, как мы впервые заключили свой Завет с Господом нашим. В *halakhah* мы изучаем конкретные решения, которые нужно принять в том или ином частном случае.

— Какие, например?

— В данный момент *gaon* объясняет, что, когда речь идет о жизни и смерти, в первую очередь спасают мужчину, но, несмотря на это, прикрывать наготу нужно сначала у женщины.

Шеф кивнул, в задумчивости двинулся вслед за князем в его скромный и неафишируемый обход. Внимание короля привлекло еще одно обстоятельство. У людей в толпе были книги. Их носили с собой, а какой-то сидящий мужчина близоруко уткнулся носом в страницы. Шефу вспомнилось, что на одном из базаров он вроде бы видел книги, разложенные на лотке словно для продажи. Шеф никогда не слышал, чтобы книги продавались. Викинги похищали их и, если удавалось, получали выкуп от их владельцев. В монастырях святого Бенедикта изготавливали книги для себя и всех священников. Книг никто не продавал. Они были слишком ценными. Торвин умер бы на месте, но не продал свое собрание священных песен, с таким трудом записанных рунами. Сколько же книг у этих людей? И откуда они берутся?

Хозяева и гость остановились у здания, которое Шеф счел церковью на иудейский лад. Там молились мужчины и женщины, припадая к земле как магометане, но где-то в полутемной глубине Шеф разглядел теплящуюся свечу, и в ее свете человек читал из книги, по-видимому для двух раздельных групп мужчин и женщин. Дальше располагалась площадка, на которой спорили двое мужчин. Каждый из них бесстрастно выслушивал, как другой произносит речь слов на пятьсот, затем начинал говорить сам. Судя по звучанию голоса, он сначала приводил какую-то цитату, а затем разъяснял ее смысл и опровергал доводы противника. Их окружала внимательная толпа слушателей, молчаливая, но позволяющая себе возгласы одобрения или несогласия.

— Один говорит: «Не отдавай деньги в рост», — пояснил Соломон. — А другой отвечает, мол, иноземцу можешь отдавать и в рост. Теперь они спорят, кого считать иноземцем.

Шеф кивнул и задумался. Он знал о власти, опирающейся на оружие, подобно его собственной и власти тех норманнов, которых он сверг. Он знал о власти, основанной на страхе и рабстве, как у черных монахов и христианских королей. Здесь, кажется, власть держалась на книгах и на законе, на законе, который был изложен в форме книги и не зависел от произвола короля, ярла или ольдермена. Однако книжные законы не выглядели намного мудрее непосредственных решений, которые принимали английские суды. Было в этом что-то, чего он не понимал.

— Изучает ли ваш народ что-нибудь, кроме законов? — спросил Шеф.

Соломон перевел, выслушал ответ князя, по-прежнему ведущего их куда-то.

— Он говорит, изучается лишь кодекс и комментарии. — Соломон попытался найти эквиваленты этих понятий на англо-норвежском жаргоне Шефа и в конце концов остановился на «книга законов», «книга судебных решений».

Шеф с невозмутимым лицом снова кивнул. Было ли это знание новым? Или это просто многократно пережеванные старые знания, то, от чего он с презрением отворачивался, когда был в своей стране и в своей столице?

— Смотрите, — сказал Соломон, указывая наконец на небольшое здание, расположенное почти у самой набережной порта. Позади него, между стен узких проулков, Шефу на мгновение открылась картинка гавани и воздушного змея, планирующего в воздухе. Шеф раскрыл рот от негодования. Они запускали змей без своего короля! И Шеф был почти уверен, что они все-таки послали в полет Толмана: змей не раскачивался беспорядочно, он управлялся.

— Смотрите, — повторил Соломон более настойчиво. — По крайней мере здесь вы найдете новое знание.

Неохотно, поминутно оглядываясь назад, Шеф проследовал за своими хозяевами внутрь здания. Там вокруг центральной площадки стояли столы. Оттуда доносился неумолчный скрип: за столами сидели люди, их руки двигались одновременно, как у марширующих солдат императора или у воинов самого Шефа. Стоявший в центре человек держал в руках книгу и читал вслух. Читал на каком-то непонятном языке и очень медленно, с паузой после каждых нескольких слов.

Это переписчики, понял Шеф. Он слышал о таком занятии еще от христиан. Один человек медленно читает, другие записывают его слова, и в результате, в зависимости от того, сколько было переписчиков, получается шесть, а то и десять книг вместо одной. Впечатляюще и, кстати, объясняет, откуда людям Закона известны их законы. Однако вряд ли это можно считать новым знанием.

Распоряжение князя, и чтение прекратилось, чтец и переписчики, повернувшись к своему правителю, торжественно поклонились.

— Новое знание не в самой идее переписывания, — сказал Соломон, — и не в книге, Господи мне прости, которая переписывается. Все дело в том, на чем они пишут.

При этих словах чтец протянул свою книгу, свой эталонный экземпляр Шефу. Тот неловко взял ее, на мгновение засомневавшись, с какой же стороны она открывается. Его руки привыкли к молотам и клещам, к канатам и деревяшкам, а не к таким тонким листам кожи.

Кожи? Если это кожа, он не знал, с какого зверя она снята. Он поднес книгу к носу, принюхался. Пощупал страницу пальцами, скрутил ее, как лист пергамента. Не пергамент. И даже не та, другая вещь, папирус, который делают из какого-то особого тростника. Тонкий листок порвался, чтец выскочил вперед со злобным взглядом и воплем. Шеф выждал минуту, бережно держа книгу, потом вернул ее, глянув в сердитые глаза без всякого выражения и без намека на извинения. Только глупец считает, что всем известно то, что известно ему.

— Я не понимаю, — обратился он к Соломону. — Это не телячья кожа, которой пользуемся мы. Здесь нет наружной и внутренней стороны. Не может ли это быть кора?

— Нет, и не кора. Но это сделано из дерева. На латыни это называется *papyrium,* по названию какого-то египетского растения. Но мы делаем наш *papyrium* не из этого растения, а из древесины, измельченной и обработанной. Мы еще добавляем к ней кое-что, разновидность глины, чтобы чернила не расплывались. Это знание пришло к нам издалека, с другого конца империи арабов. Там, в Самарканде, арабы сражались с воинами другой империи, лежащей за горами и пустынями. Арабы победили и привели с собой много пленных из страны Хин. Говорят, они-то и открыли арабам секрет *papyrium*, бумаги. Но арабы не оценили бумагу, они учат своих детей только запоминать наизусть отрывки из Корана. А мы стали делать много разных книг. Это новое знание.

Новое знание, как делать книги, подумал Шеф. А не новое знание — Соломон просил Господа простить его за такие слова, — не новое знание в самих книгах. Однако это кое-что объясняет. Это объясняет, почему здесь так много книг и так много читателей. На книгу из пергамента могут пойти шкуры двадцати телят, а то и больше, ведь используется не вся шкура. На тысячу человек не найдется и одного, который может запросто разжиться шкурами двадцати телят.

— Сколько стоит такая книга? — спросил он.

Соломон передал вопрос Бенджамину, стоявшему в окружении своих телохранителей и мудрецов.

— Он говорит, что мудрость дороже рубинов.

— Я не спрашиваю о цене мудрости. Я спрашиваю о цене бумаги.

Когда Соломон снова перевел вопрос, насмешливое выражение на лице сердитого чтеца, все еще разглаживающего порванную страницу, сменилось нескрываемым презрением.

* * *

— Я не слишком-то на них рассчитываю, — заявил Шеф тем же вечером своим советникам, глядя, как солнце садится меж горных пиков. Он знал, что примерно то же самое говорят сейчас про него самого мудрецы и ученые, которые преобладали среди придворных князя Бенджамина ха-Наси. — Они знают многое. Правда, все их знания относятся к правилам, которые установил их Бог или они сами. Однако то, что им нужно, они собирают отовсюду. Они знают о таких вещах, о которых мы не знаем, например как делать бумагу. Но что касается греческого огня... — он покачал головой. — Соломон сказал, что нам есть смысл поспрашивать у арабских и христианских торговцев из квартала гостей. Расскажите-ка мне о полетах. Вам следовало подождать меня.

— Ребята сказали, что через день мы можем опять оказаться в море, а ветер как раз был достаточно сильный, но не опасный. Так что они усадили Толмана в седло и пустили его по ветру. Но они сделали две вещи, которых не сделал Ибн-Фирнас... — Торвин честно изложил подробности дневного запуска, когда мальчонка, хоть и на привязи, но пытался управлять огромной коробкой змея, летая на конце самой длинной веревки, которую им удалось сплести, футов в пятьсот. На другом конце корабля сам Толман хвастался собственной удалью перед моряками и другими юнгами, его дискант иногда перекрывал басовитое гудение Торвина. Когда спустилась ночь, голоса затихли, люди разошлись по своим гамакам или растянулись прямо на теплой, нагретой солнцем палубе.

* * *

Обычно в своих снах Шеф понимал, что спит, и ощущал присутствие своего наставника. Но не в этот раз. Он даже не понимал, кто он.

Он лежал на камне, он чувствовал, как холод проникает в его кости. И повсюду его пронзала боль — в спине, в боках и ногах и где-то глубоко в груди. Он не обращал на нее внимания, словно испытывал ее кто-то другой.

Пугало его, пугало до холодной смертельной испарины на лице то, что он не мог пошевелиться. Не мог двинуть ни рукой, ни пальцем. Он был обернут слоями какой-то материи, она опутывала ноги, а руки прижимала к бокам. Не саван ли это? Не похоронен ли он заживо? Если так, он должен пробиваться наверх, колотить головой о крышку гроба. Долгое время он лежал, не решаясь сделать попытку. Ведь если он похоронен, он не сможет двигаться, не сможет кричать. Кажется, он сходит с ума.

Он судорожно дернулся наверх, снова ощутил у сердца терзающую боль. Но вверху ничего не было. Почему же тогда ничего не видно? На голове у него повязка, прижимающая нижнюю челюсть. Он похоронен. Или, по меньшей мере, подготовлен к похоронам.

Но он мог видеть! Все же где-то был свет, вернее, полоска темноты, не такой темной, как везде. Шеф уставился на нее, стараясь ее расширить. К нему что-то двигалось. В ужасе заживо похороненного, в страхе, что все другие люди исчезли, Шеф думал только о том, чтобы привлечь их внимание, кто бы они ни были, умолять освободить его. Он раскрыл рот, издал слабый хрип.

Но что бы это ни было, оно не боялось мертвецов, даже оживших мертвецов. К кадыку Шефа прикоснулось острие, над ним склонилось чье-то лицо. Оно проговорило медленно и отчетливо: «Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?»

Шеф глядел на него с ужасом. Он не знал ответа.

* * *

Он осознал, что глядит в лицо, слабо освещенное светом звезд. В тот же миг он снова вспомнил, кто он такой и где он: в своем гамаке, подвешенном у самого форштевня «Победителя Фафнира», поближе к исходящей от воды прохладе. А склонившееся над ним лицо было лицом Свандис.

— Тебе снился сон? — тихонько спросила она. — Я услышала, как ты хрипишь, будто у тебя в горле пересохло.

Шеф кивнул, испытывая прилив облегчения. Он осторожно сел, чувствуя, что сорочка пропиталась холодным потом. Поблизости больше никого не было. Команда деликатно обходила его закуток около передней катапульты.

— О чем был сон? — прошептала Свандис. Он ощутил ее волосы совсем близко к своему лицу. — Расскажи мне.

Шеф беззвучно выкатился из гамака, встал лицом к лицу с нею, дочерью Ивара Бескостного, которого он убил. Он понял, что с каждым мгновением все сильнее ощущает исходящую от нее женственность, словно никогда и не было этих долгих лет сожалений и бессилия.

— Я расскажу тебе, — шепнул он с внезапной уверенностью, — и ты объяснишь мне этот сон. Но при этом я буду обнимать тебя.

Он нежно обнял Свандис, наткнулся на немедленное сопротивление, но продолжал удерживать ее, пока она не ощутила выступившую у него испарину страха. Постепенно она оттаяла, обмякла и позволила увлечь себя вниз, на палубу.

— Я лежал на спине, — шептал он, — завернутый в саван. Я думал, что меня похоронили заживо. Я был в ужасе...

С этими словами Шеф медленно приподнял подол ее платья, притянул ее теплые бедра к своему окоченевшему телу. Она словно почувствовала, как он нуждается в утешении, стала помогать ему, прижиматься ближе. Он задрал платье выше, белое платье жрицы, опоясанное низками ягод рябины, потом еще выше и продолжал шептать.

Глава 13

Со всех сторон к горе Пигпуньент стекались подкрепления. Озабоченный и раздраженный император распределял прибывших либо на усиление дозорных постов, образующих все новые и новые внешние кольца охраны среди колючих кустарников и ущелий, либо в быстро растущий отряд людей с кирками, которые камень за камнем разбирали башни и стены крепости еретиков.

За сотни миль южнее адмирал Георгиос и генерал Агилульф в недоумении смотрели друг на друга, получив приказ бросить все, повернуть назад, оставить в покое арабов,

прекратить поиски исчезнувшего флота северян, немедленно вернуть всех, до последнего корабля и до последнего человека.

Еще немного к югу сам халиф, впервые за долгие годы лично выйдя на поле брани для служения Пророку, вел на врага самую большую армию, которую Кордова собирала с тех пор, как воинство ислама пыталось покорить Францию и прилегающие земли, но было отброшено королем Карлом, которого франки прозвали Мартель, Молот.

А Бискайский залив пересекали силы, по сравнению с остальными малочисленные, но превосходящие всех по дальнобойности и мощи своих метательных машин: флот Единого Короля Англии и Севера, стянутый с позиций, блокирующих суда Империи в устье Эльбы, и посланный на юг по слову провидца Фармана. Это были двадцать двухмачтовых катапультоносцев и с ними тридцать дракаров, наполненных нетерпеливыми и соскучившимися без дела викингами, глубоко осевшие от запасов мяса, пива и сухарей для кормежки более чем двух тысяч человек. Альфред внял грозному предостережению, увиденному Фарманом, но отказался принять командование над экспедиционными силами, сказав, что Англию нельзя оставлять без правителя, и флот плыл под водительством Гудмунда Золотого, шведского вице-короля, ранее известного (и ныне упоминаемого) в качестве Гудмунда Жадного.

И даже в Риме, даже в Византии все внимание было приковано к отдаленным границам, где римский император искал священный Грааль, чтобы завершить строительство своей империи, а Шатт аль-Ислам впервые за сто с лишним лет начал отступать.

Но сам Единый Король сидел на солнышке и, сплетя пальцы со своей ненаглядной, блаженно улыбался.

* * *

— Раскололся подчистую, — прорычал Бранд остальным королевским советникам, которые с почтительного удаления наблюдали за парочкой, сидевшей за столиком на набережной. — Так с ним всегда. Годами бегает от женщин, как будто под юбками у них змеюшник, а потом одна из них что-то с ним делает, уж не знаю что, и бац! С ним просто невозможно

разговаривать. Ведет себя как пацан, который только что сходил за амбар с молочницей.

— Может быть, это не так уж плохо, — предположил Торвин. — Пусть уж лучше он будет с женщиной, чем без женщины. Кто знает, если она родит ему ребенка...

— Так, как оно идет, у них уже должна быть тройня, корабль полночи трясся...

— ...а если и нет, то, может быть, король все-таки... ну, станет более серьезно относиться к своим обязанностям. А она — это она. Дочь Ивара, внучка Рагнара. Она может проследить свое происхождение от самого Вьолси и дальше — от Одина. — И Торвин указал на корабль, покачивающийся на воде в фарлонге от них. — Вон Сигурд, победивший дракона Фафнира, — ведь это его кровь течет в ее жилах. Никто не радовался больше меня, когда были убиты ее отец и его братья. Но ведь не найдется никого, кто бы так или иначе не относился к ним с уважением. Она — одна из богорожденных и происходит из семьи, любимой Одином. Может быть, это немного отвратит от короля гнев богов, которого мы опасаемся.

Совет задумался над его словами. Они в общем-то произвели впечатление на викингов, на Хагбарта, Скальдфинна, да и на самого Бранда, пусть и против его воли. Квикка и Озмод молча переглядывались: они отнюдь не забыли Ивара Бескостного. И лишь у Ханда беспокойство проявилось на лице. Бранд, с его чувствительностью истинного ратоборца в вопросах чести и верности, сразу это заметил.

— Она никогда не была твоей женщиной, — произнес Бранд со всем сочувствием в голосе, на какое был способен. — Ты считаешь, что он в долгу перед тобой, потому что она была твоей ученицей?

— Нет, — ответил тот. — Я желаю им счастья, коль скоро они избрали друг друга. Но к чему все эти разговоры насчет богорожденных и крови героев? — В голосе его появилась горечь. — Да вы только взгляните на них! Кто они? Незаконный сын пирата, который большую часть своей жизни провел в лачуге из тростника. И женщина, которую имело пол-Дании. И это Единый Король и будущая Единая Королева!

Он резко поднялся и пошел вдоль людного, залитого солнцем причала. Остальные смотрели ему вслед.

— Он сказал правду, — пробормотал Хагбарт.

— Да, но ведь Шеф пробился наверх, ведь так? — возразил Квикка, сердито вспыхивающий всякий раз, когда нелицеприятно отзывались о его повелителе. — И я уверен, что она тоже просто была вынуждена делать то, что делала. Я думаю, это не менее важно, чем королевская кровь. Мы-то с Озмодом знаем: мы видели смерть стольких королей, верно, Озмод?

— Шестерых, — коротко ответил Озмод. — Это если считать короля франков, правда его убили не мы, вместо нас это сделали его собственные люди после того, как мы его раскололошматили.

— Проблема в том, — сказал Торвин, — что чем больше королей вы убиваете, тем больше власти у тех, кого вы не убили.

* * *

На многолюдной набережной, всего лишь в нескольких ярдах от северян, наблюдала за счастливой парочкой еще одна группа людей. Они расположились в тени под навесом с вывеской портного, каковой и сам примостился тут же на крошечном табурете, в руках он держал куски ткани и сшивал их со стремительностью змеи. Пока лжепокупатели щупали материал и время от времени издавали возгласы удивления и недовольства, которые должны были изображать обычное сбивание цены, они успевали обмениваться с портным негромкими замечаниями.

— Это наверняка он, — сказал горец в пропотевшей пастушьей одежде из грубого домотканого сукна. — Один глаз. Золотой венец. На шее талисман.

— *Graduale*, — уточнил седовласый и седобородый человек, одетый несколько роскошней.

Другие покосились на него, приняли уточнение и перевели взгляд на ткани.

— Два дня назад он расхаживал по всему городу с ха-Наси, — сказал портной, не отрываясь от шитья и не повышая голоса. — В *librarium* он порвал книгу и спросил, сколько стоит мудрость. *Geonim* счел его за идиота и попросил ха-Наси убрать его. Вчера и сегодня он был с женщиной. Он не

сводит с нее глаз. Если он и может убрать от нее руку, то с трудом.

Седой глянул сначала недоверчиво, потом с грустью.

— Возможно, он все еще связан службой Злому. Но кто от рождения не служит Злому? Над этим мы все и должны подняться. Тьерри, как по-твоему, если мы позовем его, он придет сам?

— Нет. Он ничего не знает о нас.

— Не можем ли мы подкупить его?

— Он богат. Его одежды постыдился бы огородник, но взгляните, сколько золота он носит с собой. Говорят...

— Что говорят?

— Говорят, что он все время ищет новое знание. Его люди спрашивали в тавернах о греческом огне, открыто заявляли, что хотят научиться его делать. Каждый день, когда есть ветер, они запускают с палубы своего корабля необычный воздушный змей с мальчишкой внутри. Если вы скажете ему, как делать греческий огонь, он может прийти к вам. Или прислать кого-то.

— Я не знаю, как делать греческий огонь, — медленно произнес седобородый.

Снова заговорил пастух:

— Тогда это должна быть женщина.

Чтобы скрыть наступившее молчание, портной стал громко расхваливать достоинства сшитых им одежд и удивительно низкие цены.

— Значит, это должна быть женщина, — тяжко сказал седобородый. — Так обстоит дело с людьми. Их собственные желания ведут их к опасности и к гибели. Их чресла требуют от них рождать новую жизнь. Но каждый новорожденный — еще один заложник Злого. Небесного Отца христиан.

— Иеговы иудеев, — добавил пастух.

— Князя Мира сего, — хором сказали все толпящиеся под навесом. Согласно обряду, каждый из них украдкой коротко сплюнул себе в ладонь.

* * *

Шеф, объект всех этих скрытных обсуждений, в конце концов поднялся из-за стола, кинул серебряный пенни с собственным изображением в качестве платы за крепкое и

терпкое вино — у иудеев не было предубеждений против спиртного, свойственных мусульманам, хотя они и не подавали его каждый день к столу, как латиняне, и не напивались с целенаправленностью северян.

— Пойдем назад на корабль, — сказал он.

Свандис помотала головой.

— Я хочу прогуляться. Пообщаться с людьми.

На лице Шефа отразились удивление, растерянность, тревога.

— Ты это уже делала. В Кордове. Тебя не было всю ночь. Ты не...

Она улыбнулась.

— Я не буду обращаться с тобой так, как с беднягой Хандом.

— Здесь нет рабынь, ты же знаешь. На каком языке ты будешь разговаривать?

— Если я не найду, с кем поговорить, я вернусь.

Шеф не сводил с нее глаз. С тех пор как они соединились на палубе «Победителя Фафнира», каких-то полтора дня назад, он только о ней и думал. По-видимому, в его природе было заложено, что, раз привязавшись к одной женщине, он больше не мог думать о других, вообще больше ни о чем не мог думать. За исключением того, что необходимо предпринять. Сейчас предпринимать ничего не надо было. Однако что-то подсказывало ему, что эту женщину нельзя удерживать, она восстанет при одной мысли об этом. Зато скоро поднимется ветер.

— Приходи поскорее, — сказал он и пошел прочь, уже подзывая гребцов со своей лодки, чтобы вернуться на «Победитель Фафнира».

* * *

Когда начался вечерний бриз, полетная команда была готова к еще одному пробному запуску. Среди моряков уже сложилась небольшая летная элита. Квикка и Озмод по праву занимали в ней место: они были товарищами Единого Короля во всех его приключениях. Еще важнее было то, что ныне у них сложилось глубокое убеждение — для любой проблемы существует техническое решение. Оба они из рабов сделались богачами благодаря техническим новшествам:

сначала это были катапульты, потом арбалеты, обработанная отпуском сталь, потом водяные колеса, ветряные мельницы, ковочный молот, кривошипы и кузнечные мехи с приводом от водяного колеса. Они привыкли к типичным трудностям при воплощении идеи в жизнь, превращении замысла в машину. Они знали, что рано или поздно это будет сделано. И главное, они знали, что сделано это будет благодаря пробам и ошибкам, благодаря объединению знаний многих людей. Сегодняшние неудачи не отнимали у них надежду на завтрашний успех. И уверенность их была заразительна.

Еще одним членом команды стал косоглазый Стеффи. У него тоже была убежденность — вполне достаточная, как увидели все, чтобы броситься с высокого утеса и при этом надеяться остаться в живых. Хама и Тримма работали на канатах, Годрих и Балла кроили и сшивали куски подаренной Ибн-Фирнасом драгоценной летной ткани. Вся полудюжина корабельных юнг, первоначально набранных шкипером Ордлавом для работы с парусами на реях, рьяно претендовала на роль летунов, за чем их сверстники с остальных шести парусников могли только следить с горькой завистью. Вся летная команда состояла из англичан, и все, за исключением мальчишек, были освобождены из рабства армией Пути. Викинги с дракаров Бранда выказывали определенное любопытство и с радостью готовы были сесть на весла, в качестве спасательного судна сгонять за упавшим в море змеем. Хотя чувство собственного достоинства удерживало их от суетной одержимости экспериментаторов, жаждущих немедленно все испытать и попробовать.

Самым главным членом летной команды был сам король, его слишком часто вынуждали отвлечься другие дела, и на летные испытания он кидался, как изголодавшаяся пчела на нектар. Хагбарт, жрец Ньёрда, хотя и не совсем одобрительно относился ко всей идее, составляющей конкуренцию для мореплавания, тем не менее считал своей обязанностью перед жрецами Пути вести записи о производимых опытах. Нередко ему трудно было подобраться достаточно близко к аппарату, чтобы увидеть, какие изменения внесены в покрой или крепления змея.

— Смотри, — сказал Квикка, когда приготовления были наконец завершены. — Мы считаем, что теперь змей скроен

абсолютно правильно. Мы внесли два усовершенствования, о которых не знает твой приятель из Кордовы.

— Вы убрали все куриные перья, — предположил Шеф, намекая на неудачный полет человека-птицы с башни в Стамфорде.

— Ни одного не осталось. Как и говорил арабский мудрец, мы должны летать как люди, а не как птицы. И старый араб был прав насчет еще одной вещи. Нужно перестать думать о змее как о парусе. Не нужно стремиться к тому, чтобы ветер толкал змея. Нужно, чтобы ветер его поддерживал. Поэтому нам пришлось скроить змея... — Квикка пытался выразить понятие «асимметрично», но не нашел слов, — разным с разных концов. С наветренной стороны шире, с подветренной — у́же. Вот. И мы додумались еще до двух вещей. Во-первых, раньше мы запускали змея так, что мальчишка сидел лицом к ветру. Это прекрасно, когда летаешь на привязи. Но в свободном полете немного хуже.

Двенадцатилетний Толман, самый любимый и самый прилежный ученик летной команды, едва Квикка упомянул о полете, тут же радостно вскочил на ноги и немедленно получил тычок в спину от ревнивого конкурента. Король, благодаря большому опыту, с легкостью разнял соперников и развел их на расстояние вытянутых рук.

— Продолжай, — молвил он.

— Это звучит... — Квикка снова затруднился выразить понятие, для которого через несколько веков подобрали бы слово «парадоксально», — это как бы противоречит здравому смыслу, но мы стали запускать змея так, что мальчишка сидит лицом в подветренную сторону. Это значит, что корабля он не видит...

— Я смотрю на море и на небо, — вскричал Толман. — Я смотрю, где они соединяются. Если эта линия горизонтальна и ниже моего подбородка, значит, я лечу правильно.

— И еще одно, — твердо продолжал Квикка, — как и говорил старый араб, нужно два набора рукояток управления. Один для разворотов вверх-вниз. Это такие крылья, которые мальчишка крутит руками. Но ясно же, что влево-вправо тоже нужно поворачивать. Мы приделали хвостовую пластину, как от флюгера. Мальчишка зажимает ее между лодыжками.

Прислушивающийся Хагбарт внимательно осмотрел два

квадрата летной ткани, приделанные к более широкому наветренному отверстию змея. Хотя Хагбарт и был опытным моряком, он до сих пор не встречал навесной руль. На всех северных судах вместо него стояло традиционное рулевое весло. Тем не менее Хагбарту стало ясно, что ту же идею с успехом можно использовать и на кораблях.

— И сегодня мы намерены попробовать свободный полет, — сказал Шеф. — Кто-нибудь из ребят готов рискнуть?

Поскольку снова начались тычки и отпихивания, моряки растащили юнг и держали их по отдельности.

— Мы бы предпочли Толмана, — заметил Квикка. — Он самый тощий и больше всех летал.

— И он самый никчемный, — добавил Озмод, троюродный брат Толмана.

— Ладно. А теперь, ребята, подумайте. Не рискованно ли это? Я не хотел бы потерять даже Толмана при всей его бесполезности.

— Какой-то риск всегда неизбежен, — сказал Квикка. — Что ни говори, он поднимается на пятьсот футов. Упав с такой высоты, просто так не отделаешься. Но он полетит над морем. Вода теплая. Спасательные лодки ушли далеко в подветренную сторону и ждут. Никогда так не было, чтобы змей просто рухнул в воду. В самом худшем случае он медленно опускается.

— Отлично, — сказал Шеф. — А теперь покажи мне, как отцепляется трос.

Квикка показал ему толстый швартовочный конец, проходящий под правой рукой седока. Показал на удерживающий его зажим, хитроумный механизм, который обеспечивал несколько дюймов слабины, даже когда трос сильно натягивался от ветра.

— Когда он упадет в воду, ему понадобится выбраться из своего гамака. Убедитесь, что у него есть с собой острый нож. В ножнах, на шнуре на шее. Отлично. Что ж, Толман, кажется, ты будешь первым летающим человеком в Норфолке.

Шефу вдруг пришла в голову еще одна мысль, и он огляделся.

— А где этот араб, Мухатьях? Я бы хотел, чтобы он увидел полет и потом рассказал своему наставнику.

— Этот-то, — Квикка пожал плечами. — Он вечно тут

болтался со своими комментариями. Понимать мы его не понимали, но догадывались. Один из людей типа «ничего у вас не выйдет», таких везде хватает. В общем, он нам надоел, и Сулейман, или как там его на самом деле, Соломон увел араба на берег и там запер. Не хочу, говорит, чтобы Мухатьях слишком быстро оказался в Кордове с рассказом о еврейских сокровищах.

Шеф тоже пожал плечами, отошел к борту, и Хагбарт стал распоряжаться привычными уже приготовлениями к запуску. «Победитель Фафнира» вышел в море против дующего к берегу бриза на милю с лишним от волнореза, защищающего гавань. В одной миле от него по направлению ветра располагались два быстрых и маневренных норманнских дракара, приготовившихся на веслах устремиться к месту приводнения змея. На полмили мористей два больших парусника, «Хагена» и «Победитель Грендаля», разошлись к северу и югу. Не для того, чтобы наблюдать за запуском. Чтобы охранять флот от появляющихся из дымки красных галер. В каждом «вороньем гнезде» сидели остроглазые мальчишки с подзорными трубами.

— Опять они играют в свои игрушки, — разочарованно сказал князь ха-Наси молчаливому Соломону.

— Ничего у них не выйдет, — ворчал себе под нос Мухатьях, глядя на море через зарешеченное окошечко. — Где этим варварам тягаться с моим наставником, гордостью Кордовы? Они до сих пор говорят по-арабски не лучше мартышек.

— Эта женщина стоит у колодца, — сообщил пастух Тьерри седобородому Ансельму, одному из *perfecti*. — Пытается разговаривать с женщинами, которые спускаются за водой, но они не понимают ее языка.

Корабли легли в дрейф на тихой воде, волнуемой только поднимающимся бризом.

* * *

Момент запуска приближался, и на борту «Победителя Фафнира» каждый участвовал в хорошо отлаженной процедуре. Толман уселся в подвесное седло. Четыре самых сильных моряка подняли всю коробку змея над кормовой частью левого борта. На рулевом весле Хагбарт оценивал ветер.

В нужный момент, когда «Победитель Фафнира» разогнался при боковом ветре до максимальной скорости, он выкрикнул команду. Проворные руки тут же развернули оба паруса. Двухмачтовый корабль, не теряя скорости, принял круче к ветру. Воздушный поток подхватил змея, и тот стал рваться из рук моряков.

Квикка слегка подтолкнул Шефа:

— Командуй, государь. Похоже, это великий момент.

— Командуй ты. Ты лучше знаешь когда.

Квикка выждал, оценивая ветер и курс корабля. Затем пронзительно крикнул:

— Пошел!

Змей резко рванулся вверх с замедляющего ход судна. Раньше матросы пытались травить трос из бухты, намотанной на руку от локтя до ладони. Потом поняли, что это слишком медленно. Теперь поднимающийся змей почти свободно разматывал кольца, аккуратно уложенные прямо на палубе, лишь время от времени трос притормаживали мозолистой ладонью. Притормаживали самую малость, чтобы трос разворачивал змея по ветру и обеспечивал полную подъемную силу.

Огромная коробка из жердей и кусков ткани парила в небе, и за ней следили тысячи глаз.

— Трос почти весь вышел, — сказал один из матросов.

— Какой условились дать сигнал, чтобы Толман отцеплялся?

— Два рывка.

— Дергай.

Высоко в небе Толман, сын рабыни-мукомолки и ловца угрей, неожиданно ощутил как бы две ступеньки в своем подъеме. Нащупал зажим, дернул, аккуратно сбросил назад. Еще одна ступенька, это зажим проскочил через поддерживающее трос кольцо — его предусмотрительно сделали пошире, чтобы зажим не застрял.

И вот уже Толман парит в свободном полете, не зависит ни от чего, кроме ветра. Медленно, с несвойственной ему на земле осторожностью, мальчик стал проверять, насколько слушается его змей. Он по-прежнему поднимался. Сможет ли он лететь прямо вперед? Прислушиваясь к каждому движению коробки, Толман стал крутить крылышки, чтобы притормозить ветер и перестать подниматься. У него не было ни малейшего представления, как все это получается, но он по опыту знал, что нужно делать. У восприимчивого двенадцатилетнего подростка отсутствовали предвзятые мнения и догматизм, поэтому он быстро учился основам аэродинамики.

Теперь он опять видит линию горизонта. Пора посмотреть вниз. Вдали виднелись горы, встающие за узкой полосой невысокого берега. Там повсюду просматривалось какое-то движение, отсверки чего-то металлического. А далеко-далеко на севере — туча дыма, должно быть, от пожара. Где же гавань?

С замиранием сердца Толман понял, что свободный полет таит одно существенное отличие от полета на привязи. Змея неумолимо несло прочь от «Победителя Фафнира» и от спасательных судов. Корабли викингов уже находились почти прямо внизу, в каком-то фарлонге от берега. Через пару минут змей уже будет над сушей, его унесет за много миль в горы.

Не пора ли повернуть? Но как? Может ли змей развернуться против ветра? Ведь корабль-то может... Если направить змея чуточку вниз, тогда скорость планирования будет выше скорости встречного ветра. Если только змей не нырнет вниз...

Мягко, каждую минуту опасаясь нарушить устойчивость, Толман стал пробовать ножное управление и почувствовал, что его аппарат разворачивается вправо. Почти автоматически мальчик покрутил руками крылышки, чтобы поднять левый бок и опустить правый.

За милю от него Шеф, Стеффи и остальные моряки увидели, что уносящийся прочь змей начал закладывать плавный и пологий вираж. Взметнулись весла спасательных судов, разворачивающихся в сторону открытого моря, куда теперь летел змей. Хагбарт приготовился скомандовать, чтобы поднять паруса и плыть в том же направлении.

— Погоди, — сказал Шеф, не опуская задранной вверх головы. — По-моему, он знает, что делает. По-моему, он попробует повернуть и прилететь назад к нам.

— Что ж, мне ясно одно, — сказал Стеффи, на случай возражений бросая грозные взгляды, еще более грозные из-

за его косоглазия. — Мы можем летать, нет вопросов. И без всяких там перьев.

В последние мгновения полета Толман, как и Стеффи в свое время, потерял управление и снизился слишком резко. В воду он плюхнулся с шумом и треском ломающихся жердей в какой-то сотне футов от «Победителя Фафнира», а спасательные суда остались далеко позади. Шеф, который успел снять золотой венец и браслеты, бросился в воду и поплыл со свисающим с пояса ножом, приготовленным на случай, если мальчонка запутается в веревках. В теплой воде он и полдюжины других пловцов собрались вокруг плавающей коробки. Но Толман уже высвободился и, словно лягушка, дрыгал ногами, придерживаясь за змея.

— Вы видели? — кричал он. — Видели?

— Я видел, — отозвался Шеф, весело брызгая водой под ярким солнцем. Тревога и мрачность, которые годами не покидали его, испарились. Ничего нет на свете лучше, чем плескаться в теплом Внутреннем море, вдали от суровых английских вод. И они научились или почти научились летать. И Свандис любила его.

— С меня награда, — сказал Шеф. — Обещанная награда за новое знание. Но тебе придется поделиться с Квиккой, Стеффи и с остальными моряками. А может быть, и с другими юнгами.

— Я получу больше всех, — крикнул Толман. — Ведь это я летал!

* * *

А на суше, у одних из ведущих в иудейский город-крепость ворот, *perfectus* Ансельм разглядывал маленький караван ослов и мулов.

— Женщина здесь? — спросил он.

— Завернута в ковер, перекинута через того черного мула. Ее не видно, потому что сверху мы навалили еще тюков. Стражники у ворот ничего не заметят, — тут пастух Тьерри замялся. — Одна неприятность, *mi dons.*

— Какая?

— Мы потеряли Гвиллема. Она убила его.

— Одна женщина против вас шестерых?

— Мы думали, что уже взяли ее. Сзади подошли к ней с

обеих сторон, схватили за подол платья, натянули на голову, как мешок. Обычно женщины кричат «насилуют!» и слишком испуганы, чтобы бороться, у них руки зажаты, ноги голые.

— И что?

— У нее на поясе был мясницкий ножик. Разрезала свое платье, пырнула Гвиллема прямо в сердце, пока он пытался схватить ее за руку. Тогда я ударил ее разок, и она упала. Хотя продолжала бороться, пока мы затыкали ей рот. Все это было в тупичке за колодцем, там только женщины, по-моему, никто не видел. Надеюсь, что у нее нет братьев. Не хотел бы я драться с одним из них, если у них женщины такие.

— Гвиллем заслужил свое избавление, — сказал *perfectus* Ансельм. — Пусть все мы так же хорошо расстанемся с этим миром и заслужим право уйти из него. Двигайся, Тьерри. Я оставлю сообщение и догоню вас.

Вереница мулов прошла мимо охраны ворот и направилась через равнину в ближайшие горы. Свандис висела на переднем осле связанная, с заткнутым ртом, полуобнаженная, но в полном сознании.

Глава 14

Когда лодка приблизилась к набережной, Шеф понял, что встречать его собрался целый комитет. Самого князя, Бенджамина ха-Наси, не было видно, но присутствовали Соломон, запомнившиеся Шефу придворные и капитан телохранителей. У всех были озабоченные лица. Какие-то неприятности. Не может ли оказаться, что увиденный ими полет змея нарушает какие-нибудь религиозные запреты? Не собираются ли они сказать Шефу, чтобы он убирался вместе со своим флотом? Кажется, агрессивных намерений у них нет. Шеф постарался придать лицу выражение непроницаемой серьезности. Когда лодку подтянули к ступенькам спуска, Шеф молча вылез, приосанился и начал подниматься по лестнице в сопровождении Скальдфинна.

Соломон зря слов не тратил.

— В городе нашли убитого человека, — сказал он.

— Мои люди не могли этого сделать. Они были в море, а другая часть — на своих кораблях в гавани.

— Это могла сделать ваша женщина. Но она исчезла.

При всем его напускном спокойствии Шеф побледнел лицом.

— Исчезла? — переспросил он. Получился лишь хрип. — Исчезла? — произнес он более твердо. — Если она исчезла, то не по своей воле.

Соломон кивнул:

— Возможно. Вот письмо, оно было прислано с мальчишкой из христианского квартала. Его наняли, чтобы отнес письмо капитану городской стражи, и сказали, что оно для одноглазого иноземного короля.

С нехорошим предчувствием Шеф взял записку — на бумаге, отметил он про себя, — и развернул ее. По-латыни он умел читать лишь по складам, полученное в детстве образование было довольно скудным. Понимать смысл прочитанного ему вообще не удавалось.

— *Nullum malum contra te nec contra mulierem tuam intendimus*, — старательно выговорил он. — Скальдфинн, что это значит?

Скальдфинн взял у него письмо, прочитал, наморщил лоб.

— Здесь сказано: «Мы не желаем зла тебе и твоей женщине. Но если хочешь вернуть ее, приходи во втором часу следующего дня к десятому мильному столбу на дороге в Разес. Там мы тебе скажем, что нам нужно от тебя. Приходи один». И приписка, другим почерком — на мой взгляд, очень плохим почерком, и латынь безграмотная: «Она убила человека, когда мы брали ее. Ее кровь за его кровь».

Шеф оглянулся — оказывается, вокруг уже собралась огромная толпа, все молчали и смотрели на него. Гул базара утих. Люди короля вышли из лодки и встали вплотную у него за спиной. Шеф увидел, что и моряки со стоящих на якоре кораблей каким-то образом тоже почуяли неладное и выстроились вдоль бортов, глядя на набережную. Много лет назад он, подчиняясь импульсу, решил спасти от рабства женщину, Годиву. Но тогда никто не знал, что он делает, за исключением Ханда и тана Эдрика, который давно мертв. Внутренне он ничуть не сомневался, что теперь он должен

будет спасти Свандис. Однако на этот раз придется убедить многих людей, что он поступает правильно. В качестве короля он менее свободен, чем был в качестве трэля.

В двух вещах он был совершенно уверен. Во-первых, Бранд, Торвин и другие не позволят ему идти в одиночестве. Слишком часто они видели его исчезновения. Если он придет не один, убьют ли похитители свою заложницу? А второе, в чем он был уверен, — здесь, в этой толпе, находятся наблюдатели от тех людей, которые похитили Свандис. То, что он сейчас скажет, будет передано дальше. Ему предстоит сделать так, чтобы его слова прозвучали разумно. И приемлемо для Бранда и Торвина.

Он повернулся, посмотрел назад. Как он и ожидал, другие лодки подошли вслед за ним к пристани. По лестнице поднимался Бранд, он выглядел грозным, сердитым и как никогда огромным. Ханд казался не по-детски озабоченным малышом. Квикка и Озмод — тоже. Они взвели свои арбалеты и словно бы уже высматривали себе мишень. Те, на кого он может положиться. Те, кого он должен убедить.

Шеф обратился к Бранду, но повысил голос так, что он мог бы донестись даже до стоящих на якоре судов.

— Бранд, ты слышал, что прочел Скальдфинн в письме?

Бранд в ответ тряхнул «Боевым троллем», своим топором с серебряными украшениями.

— Бранд, ты много лет назад учил меня пути *drengr*'а, когда мы шли на Йорк и взяли его. Бросает ли *drengr* своих товарищей?

Бранд мгновенно понял, как построен вопрос и к чему он ведет. Сам он, как прекрасно знал Шеф, с удовольствием бы выбросил Свандис за борт в качестве жертвы Ран, богине морских глубин. И Бранд относился к ней не как к товарищу, а как к ненужному балласту. Но коль скоро она считается товарищем, матросом своего корабля, пусть и самым младшим по рангу, тогда общее мнение как англичан, так и викингов, единодушно против того, чтобы бросить ее, пожертвовать ею, и больше всего единодушия среди самых младших, среди рядовых, среди гребцов и оруженосцев.

Прежде чем Бранд сумел сформулировать уклончивый ответ, Шеф продолжил:

— Из-за скольких своих товарищей двинется вся армия?

Этот вопрос не оставлял Бранду выбора.

— Из-за одного! — ответил он. Впитавшаяся в плоть и кровь гордость заставила его распрямить плечи, с вызовом посмотреть на толпу южан.

— А из-за этого одного командиры тоже будут рисковать жизнью?

— Ладно, — сказал Бранд. — Ты пойдешь за ней. Но не один! Возьми флот. И если эти свиньи попробуют остановить тебя...

Он шагнул вперед с занесенным топором — гнев, что его перехитрили, мгновенно превратился в ярость против врагов. Капитан стражи схватился за меч, толпа ощетинилась копьями.

Соломон поднял руку и встал между противниками.

— Мы не брали женщину, — сказал он. — Убийство и похищение произошли в нашем городе, и у нас тоже есть свой счет за это. Если вам нужна наша помощь, она будет предоставлена. Но что вы все-таки собираетесь делать?

Это Шеф уже знал. На этот раз, повысив голос, он адресовался к тому человеку в толпе, который обязательно должен был в ней находиться, к наблюдателю, оставленному, чтобы сообщить похитителям, как было воспринято письмо. Шеф заговорил на самом простом арабском, международном языке этого побережья.

— Я пойду к десятому мильному камню, если мне скажут, где он. Но не один! Я буду одним из тринадцати.

Скальдфинн стал переводить, а Шеф заметил, что у его локтя стоит Ханд.

— Кого ты возьмешь с собой? — спросил малыш-лекарь напряженным голосом.

Шеф обнял его.

— Тебя, дружище. Квикку и Озмода. Нам нужен Скальдфинн. Хагбарта и Торвина я оставлю командовать флотом. И Бранду тоже придется остаться, он слишком грузен для горных дорог. Но его и Квикку я попрошу подобрать моряков, которые лучше всех дерутся на топорах и стреляют из арбалетов.

Соломон тоже стоял возле него.

— Если вы готовы доверять мне, я тоже пойду. По крайней мере, я, кажется, понимаю, зачем они это сделали.

— Я рад, что хоть кто-то понимает, — ответил Шеф.

* * *

Они вышли из города утром следующего дня, когда небо посветлело от первых солнечных лучей и птицы на окрестных полях завели пронзительные песни. Что ж, по крайней мере, люди были сытые и отдохнувшие, даже сам Шеф, хотя за прошедшую ночь он почти не сомкнул глаз. Долгие недели плавания, во время которых бремя царствования волей-неволей свалилось с его плеч и можно было палец о палец не ударить, создали у Шефа запас жизненных сил, который еще оставался почти нетронутым.

Вслед за Шефом шли Соломон и Скальдфинн, а также Ханд, который едва ли произнес хоть слово с того момента, как узнал о похищении Свандис. За этой четверкой двигались девять остальных, из них пятеро — отборные английские арбалетчики. Их по праву возглавляли Квикка и Озмод. Осматривая перед выходом строй, Шеф с изумлением обнаружил среди отборных стрелков косоглазого Стеффи.

— Я сказал: лучших стрелков во флоте, — рявкнул он на Квикку. — А Стеффи — худший. Замени его другим.

Лицо Квикки приняло упрямо-непроницаемое выражение, к которому он прибегал, когда получал прямой приказ, который ему не нравился.

— Со Стеффи все в порядке, — пробормотал Квикка. — Он чертовски хотел пойти с тобой. Он просто так не отвяжется.

— Арбалетчик! Да он в коровий зад не попадет прикладом своего арбалета, — прорычал Шеф. Но на этом приказе больше не настаивал. Дружба — вещь взаимная.

Шефа больше порадовали отобранные Брандом дружинники: все четверо скандинавы — два датчанина, швед и норвежец, — все с длинным списком побед в поединках против таких же могучих великанов, как они сами. Норвежец был родичем самого Бранда. Глядя на него, Шеф отметил примесь крови марбендиллов, черты морских троллей — в надбровных дугах и строении зубов. Но промолчал. Стирр, так звали гиганта, уже убил в Англии двоих людей, насмехавшихся над тем, как он жует, и был оправдан. Командиром этой группы был один из датчан, его боевой опыт прослежи-

вался по обилию ювелирных украшений и шрамам на руках. Шеф спросил его имя.

— Берси, — ответил тот. — Меня прозвали Берси Хольмганг. Я участвовал в пяти хольмгангах.

— Я только в одном, — сказал Шеф.

— Знаю. Я его видел.

— И какого ты мнения?

Берси закатил глаза. На своем хольмганге у ворот Йорка Шеф один победил двоих, но едва ли в классическом стиле.

— Я видал поединки получше.

— А я убивал ратоборцев посильнее, — ответил Шеф, не собираясь уступать. Однако Берси, Стирр и их товарищи восстановили его душевное равновесие. Храбрость здешних южан была бесспорна, но Шеф и представить себе не мог, чтобы кто-то из сухопарых, прикрытых лишь хлопком и льном испанцев, будь то иудей, мусульманин или христианин, хоть несколько секунд продержался против иззубренных топоров и дротиков с железным древком, побрякивающих сейчас позади него. Во всяком случае, он мог не опасаться случайной стычки. И представлял собой, по меньшей мере, угрозу, что Свандис будет отомщена.

К концу второго часа начался дневной зной, и отряд Шефа выглядел уже не так грозно, как раньше. Воины тяжело дышали, ведь они с самого рассвета безостановочно преодолевали по пять миль в час, по очереди двигаясь пешком или верхом на перегруженных мулах, которых раздобыл Соломон. Их волосы и густые бороды намокли от пота. Скоро солнце будет светить прямо на кольчуги викингов. Им придется выбирать, снять кольчуги или изжариться. Но мильный столб уже показался вдали, и они успевали к назначенному времени. Шеф огляделся вокруг. Если будет засада, то здесь самое подходящее для нее место. Квикка и его люди слезли с мулов и шли теперь не так быстро, приготовив взведенные арбалеты и озираясь по сторонам, не сверкнет ли где пущенный в них дротик или стрела.

Из зарослей кустарника раздалась звучная трель. Похожая на птичью, но менее мелодичная. Пение свирели. У Шефа волосы на загривке встали дыбом, он повернулся в сторону звука и уставился своим единственным глазом

на мальчика. Еще мгновение назад его там не было. Кто это — полубог, таинственный горный обитатель, вроде северных марбендиллов или финских снежных чародеев? В него уже были нацелены пять арбалетов. На три больше, чем необходимо. Шеф развернулся и внимательно оглядел всю окрестность. Если мальчишка послан отвлечь внимание, нападение начнется откуда-то с другой стороны. Берси Хольмганг понял его опасения и с занесенным копьем сошел с дороги.

Но больше никого не было видно. Паренек стоял недвижно, пока не убедился, что никто в него со страху не выстрелит, снова подул в свою свирель, позвал Соломона. Шеф не разобрал ни единого слова.

— Он говорит, мы должны идти за ним.

— Куда?

Соломон хмуро показал в сторону гор.

Через несколько часов Шеф усомнился, уж не послан ли мальчик с тростниковой свирелью для того, чтобы особенно изощренно погубить их медленной смертью. Северяне оставили мулов и с ворчанием карабкались по склону горы. Солнце стояло прямо над головой, и никто не произносил ни слова. Они беспрестанно карабкались по склону, крутому примерно настолько же, насколько крыша дома, но покрытому колючим кустарником и скользкими камнями. Колючки царапали их, цеплялись за каждый клочок одежды, а мальчишка ухитрялся проскользнуть под кустами как угорь.

Но хуже колючек были камни. Через некоторое время Шеф осознал, что он и его люди постоянно отклоняются от прямого пути, всеми силами стараются обходить раскалившиеся под прямыми солнечными лучами камни, которые обжигают голые ладони и начинают припекать даже сквозь кожаные подошвы.

Однако еще хуже камней был уклон. Ни один из северян после проведенных в море недель не был готов к дальним прогулкам, но даже быстроногому финскому охотнику пришлось бы туго, после того как мышцы бедер онемели от запредельной боли, после того как все уже отказались от мысли еще хоть раз в жизни ходить пешком, сосредоточившись

только на том, чтобы пусть на карачках, но взобраться по этому склону.

А смерть им грозила от жажды. От жажды и от сердечного приступа. От земли поднималась пыль, забивалась в приподнятые на какой-то фут ноздри, попадала в рот и колом стояла в горле. Сначала у каждого был кожаный мех с водой. Первую остановку они сделали меньше чем через милю. Следующие шли все чаще и чаще. На третьем привале Шеф, уже хриплым голосом, распорядился, чтобы викинги все до одного сняли свои кольчуги и кожаные жакеты и несли их скатками на спине. Сейчас Шеф сам нес чужую скатку. Он заметил, что Стирр, кузен Бранда, постепенно багровел все больше, пока по цвету не сравнялся с черничным соком. Теперь же он сделался смертельно бледным. А проклятый мальчишка то и дело исчезал впереди и снова возвращался, свистом звал их за собой. Шеф повернулся в сторону Квикки, который держался немного лучше других, тоже нес чью-то ношу вдобавок к своей.

— Когда этот маленький ублюдок вернется в следующий раз, — прохрипел Шеф, — если он попытается опять исчезнуть, застрели его.

Соломон, — переводчик, по-видимому, почти не страдал от жары и жажды, хотя дышал тяжело и шатался от усталости, — переведи ему. Отдых и вода. Или мы его убьем.

Соломон вроде бы что-то ответил, но Шеф его не слушал. Маленький ублюдок вернулся. Шеф со стоном попытался ухватить его за рубашку, но паренек извернулся, досадливо махнул рукой и поспешно бросился наверх. Квикка прицелился в него дрожащими руками. Оказалось, что прямо наверху проходит гребень, за которым стремительно исчез мальчишка.

Собрав последние силы, Шеф перебрался через гребень. Увидел перед собой захудалую деревушку в дюжину домов, из камней, которые, судя по всему, наковыряли в окрестных скалах. Гораздо лучше деревни смотрелась зеленая лужайка перед ней. Неподалеку, пробиваясь из скалы над каменным резервуаром, бил родник. Сквозь неумолчный стрекот цикад в кустарниках Шеф вдруг явственно услышал плеск струящейся воды.

Он оглянулся, увидел, что его люди преодолевают последнюю сотню ярдов подъема. Он попытался крикнуть «вода!», но слова застряли в пересохшей глотке. Ближайший воин прочитал это слово в его глазах, с новыми силами устремился вперед. Далеко ниже по склону Стирр, Берси, Торгильс и Огмунд продолжали безнадежно спотыкаться.

Шеф сбежал по склону, схватил ближайшего воина, прохрипел ему в ухо «вода», подтолкнул его к гребню. Спустился к следующему. Стирра пришлось наполовину нести последние пятьдесят шагов, и, когда оказался наверху, он, хотя Шеф и упирался ему плечом в подмышку, шатался на ровном месте как пьяный.

Впечатление они производили никудышное, понял Шеф, кто бы на них ни смотрел. Они выглядели не как король со свитой, а как ватага нищих с пляшущим медведем на поводке. Он постарался утвердить Стирра на ногах и рявкнул на него, чтобы собрался, вел себя как настоящий *drengr*. Стирр просто побрел к воде, его встречал Берси с ведром. Половину плеснул на задыхающегося великана, остальное вылил ему в ладони.

— Он умрет, если сейчас нахлебается холодной воды, — сказал Соломон, стоя с пустым ковшом. Шеф кивнул и оглядел. Остальные жадно пили, по-видимому не в состоянии думать ни о чем, кроме своей жажды. Он и сам ощущал аромат воды, чувствовал непреодолимую потребность броситься к ней и прямо в нее, как сделали все.

За ними следили. Если это была ловушка, то она сработала. Уже долгое время его люди не смогли бы ничего противопоставить мечу, дротику и стреле, разве что враги не пускали бы их к воде. Шеф заставил себя гордо выпрямиться, взял полный ковш воды, который протягивал ему Квикка, постарался держать его с безразличным видом. С поднятой головой пошел к группке следящих за ними людей.

Они были вооружены луками и топорами, но это не выглядело опасным. Просто рабочие и охотничьи инструменты, и люди, числом около тридцати, которые их держали, — просто пастухи и птицебои, а не воины. Ни один из них не выделялся одеждой и другими приметами власти, но Шеф умел наблюдать за тем, как люди держатся. Вот этот, седобородый и без оружия, — он и есть главный.

Шеф подошел к нему, попытался заговорить насмешливо, сказать «вы нас победили своими дорогами», но слова не выходили из глотки. Он поднял ковш, прополоскал рот от пыли, ощутил, как вода ласкает горло. Почувствовал желание проглотить воду, жгучее, почти непреодолимое. Он должен доказать им свою власть, по крайней мере власть над самим собой. Он выплюнул воду на землю, произнес свою фразу.

Ни следа понимания. Когда Шеф выплюнул воду, глаза седобородого расширились, но теперь тот просто морщил лоб. Это был не тот язык. Шеф попробовал заговорить на своем примитивном арабском:

— Вы взяли нашу женщину.

Седобородый кивнул.

— Теперь вы должны ее отдать.

— Сначала ты должен сказать мне кое-что. Разве тебе не нужна вода?

Шеф поднял ковш, глянул на воду в нем, вылил ее на землю.

— Я пью, когда этого хочу я, а не мое тело.

Легкое оживление среди слушателей.

— Тогда скажи мне, что ты носишь у себя на груди.

Шеф глянул вниз на амулет своего бога, лесенку Рига. Все это напоминало давнишнюю сцену, когда он впервые встретился с Торвином. Подразумевалось здесь больше, чем говорилось.

— На моем языке это называется «лесенка». На языке моего бога и на языке того Пути, которым я иду, это называется *kraki*. Однажды я встретил человека, который назвал это *graduale*.

Теперь его слушали чрезвычайно внимательно. Сбоку подошел Соломон, Шеф жестом отослал его назад. Не стоит терять личный контакт, даже если они могут договориться лишь на исковерканном арабском.

— Кто назвал его так?

— Это был император Бруно.

— Ты был близок с ним? Он был твоим другом?

— Я был так же близко к нему, как к тебе. Но он не был моим другом. Он держал меч у моего горла. Мне говорили, что сейчас он снова хочет приблизиться ко мне.

— Он знает про *graduale*, — по-видимому, седобородый сказал это самому себе. Он снова поднял взгляд. — Чужестранец, ты знаешь о Копье, которое он носит?

— Я дал ему это копье. Или он взял его у меня.

— Тогда и ты, наверно, хотел бы взять что-нибудь у него?

— Я не прочь.

Похоже, атмосфера начала разряжаться. Шеф обернулся и увидел, что его люди снова на ногах, вооружены и выглядят так, словно готовы защищать короля от внезапного нападения, а не то и сами, учитывая слабость противника, начать атаку.

— Мы вернем твою женщину. И накормим тебя и твоих людей. Но прежде чем вы пойдете назад, — у Шефа заныли все мышцы при одной мысли о том, что опять придется пройти эту дорогу, пусть и вниз, — ты пройдешь испытание. Или не пройдешь. Для меня это не имеет значения. Но если ты пройдешь испытание, возможно, это окажется очень хорошо для тебя и для всего мира. Скажи мне о том боге, чей знак ты носишь, любишь ли ты его?

Шеф не смог сдержать расползшуюся по лицу усмешку.

— Только идиот мог бы любить богов моего народа. Они существуют, это все, что я знаю. Если бы я мог отделаться от них, я бы так и поступил, — его усмешка исчезла. — Есть боги, которых я ненавижу и боюсь.

— Мудро, — сказал седобородый. — Ты мудрее твоей женщины. И мудрее еврея рядом с тобой.

Он выкрикнул распоряжение, его люди стали раздавать хлеб, сыр и бурдюки, видимо с вином. Северяне спрятали оружие в ножны, смотрели на своего короля вопросительно. Но Шеф уже завидел вдали прихрамывающую Свандис, одетую лишь в измазанные кровью обрывки ее белого платья.

* * *

Мудрецы и советники князя города-крепости Септимании воспринимали отсутствие своего коллеги Соломона — который исчез где-то в горах, сопровождая короля варваров в его бессмысленной поездке, — едва ли не с облегчением. Уже возникли немалые сомнения, так ли уж мудро было со стороны Соломона привести в город этих иноозем-

цев. Правда, это можно было выдать за услугу, оказанную халифу, их номинальному повелителю, — предоставление убежища и провизии людям, которые еще недавно считались его союзниками и, уж во всяком случае, являлись врагами христиан, теснящих ныне Кордовский халифат. Однако оставался еще один вопрос, беспокоящий князя и его советников.

Проблема с юным арабом Мухатьяхом. Бесспорно было, что он — один из подданных халифа Абд эр-Рахмана, к каковым относятся, по крайней мере в теории, и они сами, евреи Септимании. Разве не платят они халифу *kharaj u jizya*, земельный налог и подушную подать? И разве не охраняют они свои ворота от его врагов и врагов его веры, от христиан и франков? Нельзя, конечно, отрицать, что эти ограничения никоим образом не распространяются на их торговлишку с ближайшими соседями, как и то, что все подати начисляются по усмотрению самого совета, который и близко не подпустил бы к этому делу столичных сборщиков налогов — последние уже давно не смущали ничей взор своим присутствием в городе. И тем не менее — так заявляло большинство советников — не существовало юридического прецедента для заключения в тюрьму молодого человека просто из-за необходимости воспрепятствовать его возвращению к своему повелителю.

Пока совет спорил, престарелый князь, оглаживая бороду, посматривал на своих ученых мудрецов. Он знал, что сказал бы Соломон, будь тот здесь. Араб немедленно кинется к своему властителю и наябедничает, что евреи Септимании вошли в союз с варварами, многобожниками, предоставили базу для враждебного флота, который сбежал от боя с греками и теперь планировал напасть на мирное побережье. Из этого мало что было правдой, но именно так оно будет представлено и с готовностью воспринято.

В любом из христианских герцогств и княжеств пограничья решение такого дела оказалось бы до крайности простым. Десяток слов, и араб исчезает навсегда. Если им кто-нибудь и поинтересуется, можно выразить вежливые сожаления по поводу своей глубочайшей неосведомленности. И барон, герцог или князь будут заботиться о дальнейшем не больше, чем о подрезке своих роз.

В иудейском сообществе такое было невозможно. И даже нежелательно. Бенджамин ха-Наси одобрял решения своих мудрецов, даже когда считал, что они ошибочны. Ошибочны с точки зрения сиюминутной выгоды. Но в долгосрочной перспективе единственным оплотом евреев, местом, где они могли сохранить самих себя в течение долгих веков скитаний и гонений, были их Тора и их Закон. Пока иудеи придерживаются иудейства, учила их история, они могут выжить — может быть, не как отдельные личности, но как народ. Если они отойдут от Закона, они могут некоторое время процветать. Но тогда они растворятся в окружающей их стихии, станут неотличимы от беспринципных, суеверных и невежественных приверженцев Христа, лже-Мессии.

Князь безмятежно прислушивался к выступлениям, позволяющим всем членам совета как повлиять на окончательное решение, так и блеснуть своей ученостью. Те, кто высказывался за продление ареста, как это сделал бы Соломон, говорили страстно, но неискренне, в соответствии с молчаливым соглашением. Против них было глубокое нежелание всего иудейского сообщества применять тюремное заключение в качестве меры наказания. Свобода идти куда угодно была частью наследия тех времен, когда евреи делили пустыню со своими родичами — арабами. Ее оборотной стороной был ужас изгнания из общества, что являлось крайней мерой наказания, применяемого советом по отношению к своим соотечественникам.

Многоученый Мойша резюмировал высказанные соображения и приготовился приступить к заключительной части своей речи. Он был амораимом, толкователем Мишнах.

— Итак, — сказал он, сердито поводя взором, — теперь я процитирую *halakhah*, и это будет окончательным решением по обсуждаемому делу. Сначала это изустно передавалось от поколения к поколению, потом было записано и запечатлено навеки. «Обращайся с пришельцем у твоих ворот как со своим братом и за это будешь трижды благословен».

Он кончил речь и огляделся. Если бы слушатели не были ограничены сознанием важности своего занятия и положения, они бы разразились аплодисментами.

— Хорошо сказано, — наконец отозвался князь. — Правду говорят, что разум мудрецов укрепляет стены города, а глупость невежества навлекает на город беду. — Он помолчал. — И, увы, этот юноша невежествен, не так ли?

Мойша ответил:

— По его собственным представлениям, князь, он своей ученостью может изумить целый свет. В своем понимании и в своей стране он — ученый. А кто же станет осуждать обычаи чужой страны и ее мудрецов?

«Именно этим ты и занимался сегодня утром, — подумал про себя Бенджамин. — Когда поделился с нами своими мыслями о глупости короля варваров, который порвал книгу, пытаясь понять, что это такое, и спрашивал о цене бумаги, а не содержания. Тем не менее...»

— Я буду действовать в духе решений совета, — официально заявил Бенджамин. Он согнутым пальцем подозвал капитана стражи. — Освободите юношу. Дайте ему мула и еды, чтоб хватило до Кордовы, и проводите до наших границ. Расходы вычесть из нашего следующего платежа земельной подати халифу.

Юный араб, сидевший у стены зала совета, прислушиваясь к непонятным речам на иврите, которые должны были решить его судьбу, по тону и жесту догадался, что решение вынесено. Он вскочил, сверкая глазами. Какое-то мгновение казалось, что сейчас он разразится потоком жалоб и обличений, что проделывал уже раз пятьдесят за время своего короткого ареста, но потом с видимым усилием сдержался. Совершенно ясно было, что он собирается делать: поспешить к халифу с самыми гнусными обвинениями, которые только сможет выговорить его язык. Расквитаться на словах за каждый случай пренебрежения, реального или воображаемого, выказанного варварами, к которым он так ревновал. Ревновал за их полеты на воздушном змее.

Князь перешел к рассмотрению следующего дела. Верно сказано насчет знающих, подумал он. Это сила. А невежественные хуже чумы. Но хуже всех была, к сожалению, третья категория, к которой принадлежали и юный араб, и сам многоученый Мойша.

Категория ученых глупцов.

Глава 15

Сидя в холодном каменном подвале лучшего дома в крошечной деревеньке, *perfecti* шепотом обсуждали, как им следует поступить.

— Он не говорит на нашем языке. Как же мы сможем подвергнуть его испытанию?

— Он немного знает арабский, как и мы. Этого будет достаточно.

— Перевод исказит смысл. Испытание должно быть проведено на языке испытания.

— Правила устанавливаем мы, и мы можем изменить их.

Вмешался третий голос:

— В конце концов, он уже выдержал одно испытание. И выдержал, не зная, что подвергается ему.

— Ты имеешь в виду испытание водой?

— Да, водой. Вы видели, как эти люди поднялись на гору. Они были ослеплены усталостью и обезумели от жажды. Это северяне из страны холода, и притом моряки, которые никогда не ходят. Тот великан едва не помер. А у самого короля так пересохло в глотке — мы все это видели, — что он не мог говорить. И все-таки он вылил воду на землю.

Еще один голос поддержал третьего:

— А ведь перед этим он набрал воду в рот. И потом он ее выплюнул. Это одно из испытаний. Не давать человеку воды, так что он уже не может думать ни о чем другом, а потом предложить питье. Проверить, сможет ли он набрать воду в рот и все-таки отказаться от нее, одержать победу над своим телом. Над этим храмом Злого, Князя Мира сего. Именно это и сделал одноглазый.

Первый голос продолжал возражения:

— Испытание длилось слишком недолго! Мы оставляем людей без воды на один день и одну ночь.

— Неподвижно сидящих в тени, — ответил один из его противников. — Наши правила говорят, что кандидата нужно выдерживать столько, чтобы он не мог думать ни о чем другом, кроме воды. Мне доводилось видеть кандидатов, которые были в лучшем состоянии, чем этот король, когда он поднялся на гору.

— В любом случае, — вмешался голос, до этого не произ-

несший ни слова, но звучавший как голос человека, который принимает решения, — мы продолжим испытание. Ведь пока мы рассуждаем, люди императора отбивают камень за камнем. Над тайником с нашими святыми реликвиями и телами наших товарищей.

Люди в серых капюшонах склонили головы. На этот раз никто не возражал.

* * *

Снаружи, свесив ноги с края крутого обрыва, который защищал деревушку с севера, Шеф сидел с подзорной трубой в руках. Сейчас, когда он и его люди напились вволю, настало время осмотреться по сторонам, изучить характер местности. Деревушка располагалась высоко на склоне, на небольшой террасе, опоясывающей каменную, заросшую кустарником кручу. С высоты повсюду можно было увидеть другие террасы, на каждой располагалась своя кучка деревьев и огородик. Шеф начал понимать, что люди легко могли найти себе пропитание в этих горах. В подзорную трубу видны были дюжины тощих овец, щиплющих травку на дальних склонах. Овцы означают мясо, молоко и сыр. И еще одно немаловажное для жителей обстоятельство: сюда не могли добраться сборщики налогов. Разве что самые дотошные и неуемные, да и тем проще было бы попытать счастья в другом месте.

Да. Ясно было, что здесь можно сопротивляться почти что любой власти. Власти короля или императора. Или власти императора и Церкви.

С тем рассудочным холодным настроем, который появлялся у него в одиночестве, Шеф приступил к рассмотрению имеющихся на данный момент сведений. За долгие годы своей власти он заметил за собой одну особенность. Хорошо это или плохо, но он не верил почти ничему из того, что ему говорили, не верил даже тому, что видел собственными глазами. Зато его неверие означало, что ему нет необходимости лгать самому себе, как это делают многие, делают время от времени, а то и всегда. Люди верят в то, во что им необходимо верить. Он же не нуждался ни в какой вере и мог видеть мир таким, какой он есть.

Поэтому для него нет необходимости верить Свандис.

Она встретила Шефа и его людей со слезами радости на глазах. Затем, увидел он, устыдилась самой себя и разговаривала сердито и грубо, чтобы скрыть свой страх. Он не винил ее. Он знавал испытанных воинов, которые делали то же самое. А когда она рассказала ему, что произошло, Шеф, сложив воедино все, что знал о ней, смог понять и ее страх, и ее стыд.

Женщина, которую держат с двух сторон, натянув ей платье на голову. Ни одна женщина ничего не носит под своим платьем, что бы ни было надето на него сверху. Женщина со спутанными руками, обнаженная снизу до самой груди, не может думать ни о чем, кроме изнасилования. Именно поэтому задрать женщине одежду выше колен по всем северным законам считалось тяжким оскорблением. Но Свандис не нужны были подсказки закона, чтобы подумать об изнасиловании. Об этом она и сама все знала. Шеф был горд, но не удивлен, что она сумела разрезать платье и убить одного из нападавших: Шеф видел, как подобное проделал ее дед; без оружия и только что едва не утонувший, он начал бороться с двумя людьми, которые держали его за руки. В жилах Свандис действительно текла кровь Рагнара.

Но страх глубоко засел в ней. Он сквозил в том, что она говорила о своих похитителях. А говорила она, что это настоящие дикари, хуже самых заклятых шведских язычников, холодные и безжалостные. От кордовских женщин она слышала рассказы про них, заявила Свандис, и это, должно быть, была лишь малая доля истины. Что в горах скрывается еретическая секта, в которой мужчины ненавидят женщин, а женщины ненавидят мужчин. Где отвергают все радости жизни. «И так оно и есть, — снова и снова твердила Свандис. — Это сразу видно по тому, как они смотрят! Когда меня выпустили, я стояла с голыми ногами и телом, обнаженным, как у танцующей девки. И они на меня смотрели. А потом они отвернулись, все как один, даже погонщики мулов. Я бы лучше выслушала то, что кричат твои люди, когда завидят женщину. Они насилуют женщин и бьют их, но при этом не могут обойтись без них. А здесь видишь только ненависть в глазах».

Это говорил ее страх, подумал Шеф, беззаботно обозре-

вая пики и ущелья. Но могло скрываться и еще кое-что. Как-то связанное с тем, о чем рассказал Соломон после, когда Шеф утешил Свандис и отправил ее под надежной охраной спать прямо на лужке. После того как он передал Соломону, что услышал о предстоящем испытании. Соломон надолго задумался, а позже подошел к Шефу, улучив момент, когда поблизости не было никого, даже его коллеги Скальдфинна.

— Вам следует кое о чем узнать, — сказал он. — Об этом знают немногие. Вы, должно быть, думаете, что эти люди христиане.

Шеф кивнул. Он видел распятие на стене неказистого здания, похожего на церковь. Проходившие мимо жители преклоняли колена и крестились.

— Это не так. А если они и христиане, то особого рода, не похожие на остальных. Не похожие даже на мой народ. Понимаете, приверженцы Мухаммеда, Христа, иудеи — все они воюют друг с другом, преследуют друг друга, но у них много общего. В исламе Христос — один из пророков, бог христиан — то же самое, что наш Бог, только он еще и Бог-Сын. Магометане веруют, что Аллах един, как един наш Иегова; как и мы, они не едят свинину и всякое мясо, из которого не выпустили кровь на землю. Мы одинаковы или были одинаковы. А эти люди совсем другие. В нашего бога они не верят вовсе. А если и верят, то отвергают его.

— Как можно Бога отвергать, а распятию поклоняться?

— Я не знаю. Но говорят... говорят, что для этих людей бог Авраама, Исаака и Иакова — дьявол и они делают его изображения, только чтобы осквернять их. А еще говорят, — Соломон совсем понизил голос, — что раз бог для них дьявол, то своим богом они сделали самого дьявола. Они поклонники дьявола. Так говорят в горах. Не знаю, как они поклоняются ему, какие у них ритуалы.

Но и на Соломона нельзя положиться, размышлял Шеф. Он тоже из людей Книги. В своей сути три великие религии, пришедшие с Востока, были религиями Книги. Различных книг или одной и той же книги с различными добавлениями. Эти люди презирают всех, кто не придерживается их Книги. Называют их поклонниками дьявола. Они презирали Шефа с самого начала, он видел взгляд *geonim*'а,

учителя Закона. Раз презирают его и Путь, и презирают эту загадочную горную секту — значит, у них может быть что-то общее. Женоненавистники, сказала Свандис. Ненавидит ли он женщин? Женщины не приносят ему счастья, и он им тоже.

Взгляд его устремился вдаль, дымка рассеялась в солнечных лучах, и в подзорную трубу можно было рассмотреть горизонт. Шеф одну за другой видел металлические искорки на дорогах, ведущих через горные перевалы. Он вспомнил, как Толман рассказывал об увиденном во время полета. Отблески металла, а в самой дали, сказал Толман, большое зарево.

Разум его опустел, глаза уставились в пространство, и Шеф ощутил, что его окутывает непостижимая пелена дневной грезы: видение, но более приятное, чем предыдущее, когда он выступал в роли одетого в саван трупа. На этот раз появился его отец.

* * *

— Он вырвался, ты уже знаешь, — в голосе отца по-прежнему сквозили веселые нотки, нотки потаенного знания, интеллекта, с которым Шеф не мог бы состязаться. Но появилась и нотка неуверенности, даже страха, словно бог Риг осознал, что высвободил такие силы, которые при всем своем интеллектуальном превосходстве не способен держать под контролем.

Шеф ответил отцу, без слов, в одних лишь мыслях:

— Знаю, я видел, как ты освободил его. Я видел, как он поднимается по лестнице. Он сумасшедший. Торвин говорит, он одновременно отец и мать чудовищного отродья.

В приливе недоверия и нежелания подчиняться Шеф не стал спрашивать, зачем он это сделал.

Перед ним стали появляться картины, не с обычной пронзительной ясностью, но туманные, словно видимые сквозь мутные и неправильные линзы подзорной трубы. Голос отца комментировал видения.

— Ты видишь богов давным-давно, во времена твоего тезки, первого короля Шефа. Тогда с нами в Асгарде еще был Бальдр. Прекрасный Бальдр. Он был так прекрасен, что все существа, кроме одного, поклялись не причинять ему вреда.

И что же сделали боги, мой отец и мои братья, как они стали развлекаться?

Шефу был виден ответ. В центре стоял бог, с таким ослепительным лицом, что невозможно было смотреть на него, на это сияние красоты. Стоял привязанный к столбу. А вокруг — свирепые фигуры, могучие руки, со всей силы бросающие в него оружие. Топор отскочил от виска бога, копье со смертоносным треугольным наконечником скользнуло по его груди. А боги хохотали! Шеф увидел рыжебородого Тора, он задирал к небу лицо, раскрыв рот в упоенье восторга, раз за разом швырял свой тяжкий молот в голову брата.

— Да, — сказал Риг. — Пока Локи не выдал им.

На позицию пропустили еще одного бога, слепого, под локоть его вел Локи. Это другой Локи, понял Шеф. То же лицо, но без застарелой ненависти и без шрамов от яда. Без выражения горько обманутого. Умное и хитрое, спокойное, даже довольное. Это брат Рига, никакого сомнения.

Локи вложил в руку слепого бога копье, сделанное из омелы, растения такого слабого и юного, что могучие боги даже не спросили, поклялось ли оно не причинять вреда их брату Бальдру. Боги лишь громче засмеялись при виде слепца с жалким прутиком в руке, примеривающегося к броску. Шеф видел, как Хеймдалль, Фрейр, даже мрачный одноглазый Один подталкивают друг друга и от удовольствия хлопают себя по ляжкам.

Пока слепец не метнул копье. Бог упал. Свет в мире померк.

— Ты знаешь, что случилось потом, — сказал Риг. — Ты видел, как Хермот поехал на коне Слейпнире, чтобы вернуть Бальдра из мира Хель. Ты видел, как боги отомстили Локи. Но они кое-что забыли. Они забыли спросить зачем. Но я помню. Я помню Утгартар-Локи.

«Утгартар-Локи?» — удивился Шеф. Теперь он разбирался в английских и норвежских говорах, все еще очень близких. Слово означало «чужой Локи». А где есть чужой Локи, должен быть и свой Локи.

— Утгартар-Локи был гигантом, который вызвал богов на состязание. И боги его проиграли. Тор проиграл борьбу со Старостью, не смог выпить море, не смог поднять змея из Мидгарда. Его сын Тьялфи проиграл в гонке с Мыслью. Локи не смог съесть больше, чем Огонь.

Вдали, будто снова сквозь подзорную трубу, Шеф увидел огромный зал, больший даже, чем Вальгалла бога Одина, и там на столе громоздились куски говядины, медвежатины, мяса людей и моржей: припасы, словно взятые из коптильни Эхегоргуна. С одной стороны стола сидел и жрал бог, загребая своими ручищами еду в рот, не прожевывая ее, а глотая, как дикий волк. На другой стороне бушевало пламя. Всепожирающее и смертоносное, как греческий огонь.

— Какой Локи вырвался? — спросил Шеф.

— Бог Локи. Не гигант Локи. Понимаешь, Локи раньше был на нашей стороне. По крайней мере, половина его. Это и есть то, что я помню, а боги забыли. Но если забудешь ты... Он станет другим Локи. Не нашим Локи, не из нашего дома. Чудовищем из темноты.

«Не понимаю, — подумал Шеф. — Если, как говорит Свандис, все это происходит только у меня в голове, то это часть, которой я не знаю. Чужой, внешний Локи и свой Локи? Локи состязался с огнем? Огонь обозначают словом logi, хотя Риг этого не сказал. Локи против Локи против Logi? Свой Локи или внешний тоже? И кто такой первый король Шеф?»

Он раздраженно помотал головой, и наваждение исчезло, он увидел, как отдаленные горные пики проступают сквозь дымку его видений, сквозь картинку гигантского зала с всепожирающим богом и всепожирающим огнем. Чья-то рука за плечо оттянула Шефа от простирающегося перед ним обрыва.

— С тобой все в порядке? — откинув медного отлива волосы, Свандис смотрела на него сияющими глазами. Шеф моргнул, потом еще помигал.

— Да. Я кое-что видел. Видение богов или моего собственного воображения, не знаю. Чем бы оно ни было, я буду думать над ним сам.

Шеф встал на ноги, потянулся. Отдых пошел ему на пользу. Отдых и утренняя разминка. Он чувствовал, что из него словно вышли вместе с потом все тяготы долгих лет правления, с его размягчающим образом жизни и постоянным умственным напряжением. Он снова чувствовал себя

как *drengr*, как карл, которым он был в Великой Армии: молодым, сильным и жестоким.

— Квикка! — позвал он. — Видишь ту дверь амбара? Сможешь ты попасть в нее? Давай-ка со своими парнями, всадите каждый по четыре стрелы в самую середку, одну за другой как можно быстрее.

Шеф бесстрастно наблюдал, как арбалетчики, недоумевающие, но готовые продемонстрировать свое мастерство, посылали стрелу за стрелой, глубоко вонзающиеся в дверь в самом ее центре. Во взглядах безмолвных деревенских жителей, не выпускающих из рук свои луки и копья, появилась неуверенность.

— Стирр! — крикнул Шеф, когда арбалетчики отстрелялись. — Возьми свой топор. Достань-ка наши стрелы из двери.

Ухмыльнувшись, Стирр пошел к амбару, помахивая топором. После утреннего приступа он был рад возможности проявить свою удаль. Топор взвился и ударил подобно молоту богов, с каждым ударом от дубовой доски отлетали щепки. Шеф видел, как неуверенно переглядываются деревенские. Стирр отнюдь не походил на человека, которого может уложить ватага плохо вооруженных пастухов. Профессиональные воины в доспехах и те предпочли бы зайти сзади, чтобы не встречаться с его топором.

— Это же бедняки, — прошептала Свандис. — В горах дерево дорогое. Ты испортил их дверь.

— По-моему, ты недавно говорила, что это дикари и поклонники дьявола. Ладно, кто бы они ни были, я знаю одно. Пришел их черед поволноваться из-за нас. Не все же только нам их опасаться.

Когда Стирр принес Квикке в своей гигантской, как у Бранда, руке два десятка арбалетных болтов, Шеф отвернулся. Он нежно погладил Свандис, все еще не остывшую от негодования.

— Я иду спать. Приходи, полежишь со мной.

Солнце лишь на ширину ладони не дошло до горизонта, когда за Шефом пришли: грузный человек в потной шерстяной одежде горного пастуха. Свандис заворчала, когда он приблизился к северянам.

— Это Тьерри, — пробормотала она.

Тот глянул на растянувшегося на траве Шефа и без всякого выражения произнес:

— *Viens.*

Шеф поднялся, потянулся за перевязью прислоненного к стене амбара меча. Для этой вылазки он запасся штатным оружием с «Победителя Фафнира» — простым палашом с бронзовой рукоятью.

Проводник покачал пальцем из стороны в сторону:

— *Non.*

Остальные его слова прозвучали для Шефа бессмыслицей, но тон не позволял ошибиться. Шеф положил палаш назад, выпрямился и приготовился следовать за проводником. Когда они отошли, Шеф услышал окрик Квикки. Проводник повернулся, встревоженный угрозой в голосе. Квикка посмотрел на него, выразительно показал сначала на Шефа, потом широким жестом обвел всю деревню. Потом снова повелительно ткнул пальцем в Шефа, обвел жестом деревню и полоснул ребром ладони поперек горла. «Приведи его назад, — означала эта пантомима, — а не то...»

Проводник не отреагировал, он повернулся, быстрым шагом увел Шефа прочь по маленькому клочку земли и сразу же вступил на каменистую тропинку, ведущую вверх в горы. Шеф поспешал за ним на плохо гнущихся после утреннего восхождения ногах, однако от бодрой ходьбы боль стала ослабевать.

Тропа, если это можно было назвать тропой, вела от скалы к скале, немного поднималась наверх, но в основном забирала вбок, через скопления валунов, подвижные каменные осыпи, то и дело проходила по краю крутых обрывов. Время от времени один из горных баранов, пасущихся повсюду ничуть не хуже коз, поднимал голову или отскакивал с их пути. Шефу вспомнилась тропа, которой он много лет назад поднимался к дому Эхегоргуна. Только здесь солнце нагревало камни, а не просто освещало их бледным светом, и воздух был напоен ароматом горного тимьяна. Солнце опускалось все ниже, коснулось горизонта и наконец исчезло. Однако в небе еще горел бледный свет. «Если меня бросят одного на этом склоне, — решил Шеф, — я не стану пытаться найти дорогу назад. Найду ровную площадку и дождусь утра». По пути он начал выбирать около тропы

возможные места для ночевки. Здесь не место для ночных блужданий.

Он потерял из виду своего проводника Тьерри, шедшего шагов на десять впереди. Тропинка вильнула влево, вокруг еще одного скального выступа. Шеф обогнул его. Обнаружил, что в одиночестве стоит на краю ущелья с острыми сухими камнями внизу. Он замер, в напряжении и тревоге. Куда делся его спутник? Не ловушка ли это?

Слишком сложно для ловушки. Если бы Тьерри хотел столкнуть его вниз, у него уже было с дюжину удобных случаев. И ведь Тьерри знал, что вся деревня осталась в заложниках. Шеф внимательно огляделся. Вот трещина в скале, черная полоса в густых сумерках. Конечно, вход в пещеру. И Тьерри стоит прямо у входа, следит за ним. Шеф шагнул внутрь, жестом указал вести себя дальше.

У входа в пещеру — у обычной расселины едва ли трех футов в ширину — кто-то оставил свечу. Тьерри кремнем высек искры, поджег фитиль и пошел вперед, теперь не так быстро. Шеф следовал за маленьким пятнышком света. При каждом шаге он стал чувствовать сквозь свои изношенные кожаные подошвы, что ступает по россыпи камешков. Камешков с острыми краями. Он нагнулся, поднял один, рассмотрел его при свете двигающейся в нескольких футах впереди свечи. Это кремень, сомнений нет. Обработанный кремень, со сколами и отщепами, чтобы образовались острые края, что-то вроде наконечника копья. Такие делал Эхегоргун. Только его наконечники и другие инструменты были раза в четыре больше, предназначались для народа троллей. Шеф выбросил камень, поспешил вперед.

Пещерный ход вел все дальше, то и дело в свете свечи мелькали темные провалы ответвляющихся туннелей. Шеф почувствовал себя более встревоженным, чем до сих пор. Если его бросят здесь, в темноте, очень может быть, что он уже никогда не выберется наружу. Идти в темноте не так уж трудно, но ведь нужно знать дорогу. Слишком легкой, по сути неизбежной, окажется ошибка, поворот не в ту сторону. А потом он будет блуждать в темноте, пока жажда не доконает его. Губы сразу пересохли при этой мысли, при воспоминании о жажде, испытанной не далее как сегодняшним утром. Надо было брать с собой не меч, а бурдюк с водой и короб с едой.

Тьерри ждал, пока его догонят. В свете свечи Шеф разглядел кое-что на стенах и велел Тьерри, чтобы придвинул свечу поближе.

Картинки. Слева от прохода на всей плоской стене были нарисованы животные, нарисованы отлично, не в той полуабстрактной манере, в которой на Севере изображали зверей и драконов. Вот бык, разглядел Шеф. Вот горный баран, очень похожий на тех, что бродили снаружи. А рядом с его задней ногой — какой-то огромный медведь, черный медведь, но такой же большой, как белые медведи Арктики. Из его груди торчит копье, а вокруг скачут крошечные, похожие на палочки человечки.

— *Pintura*, — сказал Тьерри, и по пещере покатилось эхо. — *Pintura de los vechios. Nostros padres.*

В его голосе прозвучала нотка гордости. Он пошел дальше. В конце галереи остановился у сплошной стены. Показал на себя, отрицательно покачал пальцем. Потом ткнул пальцем в Шефа. «Я остаюсь. Ты идешь дальше».

Шеф внимательно осмотрел казавшуюся сплошной стену. Внизу виднелся еще один черный провал, какое-то отверстие. Оно не выглядело достаточно глубоким, чтобы в него мог поместиться человек. Но оно должно проходить насквозь. Скорее лаз, чем проход. Едва Шеф осознал, что это означает, как Тьерри неожиданно двинулся прочь, а через пять шагов, когда Шеф уже бросился было за ним, задул свечу и исчез.

Шеф сразу замер. Если он побежит в темноте вслед за Тьерри, он потеряет ориентировку, возможно, никогда уже не вернется к этой стене с лазом. А лаз должен куда-то вести. Это безопасно, по крайней мере это связано с испытанием. А коль скоро есть испытание, должен быть и способ пройти его. Лучше так и сделать, а не метаться в темноте.

Шеф медленно повернулся, постарался повторить в обратном порядке свои движения, в точности как они ему запомнились, уперся в стенку, нащупал края лаза. Он почувствовал идущее оттуда легкое дуновение воздуха. Значит, лаз куда-то выходит. Опустившись на живот, Шеф стал протискиваться под скалу.

На полпути его ладони наткнулись на сплошной камень. Он пошарил руками слева и справа. Тоже камень, и внизу никакого отверстия. Край скалы, под которой он полз, больно впивался ему в поясницу. Он понял, что ползти назад не сможет, грудная клетка застрянет. Если он не сумеет пробиться вперед, то так и останется лежать в этой скале, пока не истлеет.

Но он уже бывал в подобной ситуации. Строители могильника древнего короля, откуда он извлек сокровища и скипетр, прибегли к такой же хитрости. Наверное, она используется во всех потайных ходах к сокровищам. Шеф находился в изгибе в форме руны *U*, и где-то над его головой должен быть проход. И точно, ладонь, которую он смог приподнять на несколько дюймов над собой, не упиралась в препятствие. Однако он не сможет пройти ход таким способом, как начал, не сломав себе позвоночник. Изгиб нужно проходить, перевернувшись на спину, а не на живот.

Он весь покрылся потом от страха при мысли, что может застрять здесь навсегда. Что ж, скользкая кожа даст ему некоторый выигрыш. И под ним находится не сплошная скала, а песок с щебнем. Шеф принялся методично выгребать их из-под себя, освобождая место для разворота. Он выдохнул и весь сжался, чтобы стать как можно уже, прокрутился на пол-оборота и попробовал протолкнуться вверх. Камень стискивал его с боков, кожаный ремень зацепился за какой-то выступ. Шеф заерзал с яростью отчаяния, почувствовал, что ремень разорвался и путь свободен.

Через несколько секунд, ощутив, что может упираться подошвами, он начал протискивать спину вдоль скалы. Несколько болезненных дюймов, снова мгновения кажущейся безвыходности. Потом он ухитрился провести колено под ребром скалы, нашел для ног настоящую опору и просунул голову наружу.

Позади него на высоте груди была скальная полка. Он еще раз повернулся, оттолкнулся, занес наверх колено и выбрался из лаза. При этом он услышал долгое шипение, явственно раздавшееся в темноте. И шорох трущихся о камень чешуек. Ничего не было видно, но он знал, что где-то неподалеку скрывается змея.

Он непроизвольно вздрогнул. Видение Локи и поднимающегося по лестнице змея все еще было живо в нем, как и тот миг, когда он обнаружил, что стоит в змеиной яме богов. Да, Свандис все объяснила по-своему. Отметины там, где его якобы укусила змея, были всего лишь результатом каких-то игр его воображения, как у тех женщин, которые думают, что они вынашивают ребенка. Образы поднимающихся ног и змеиной ямы были порождены воспоминаниями о топчущемся на месте Бранде и смешанным чувством вины и страха из-за смерти Рагнара.

Но Шеф видел смерть Рагнара, видел, как ядовитые гадюки искусали его, как он распух и посинел. Тогда это не было сном, и сейчас тоже не сон. Змея, скрывающаяся где-то в темноте, — настоящая. У змей есть такие органы чувств, которых нет у человека. Змея сможет обнаружить его, укусить, а он даже не успеет выставить руку для защиты.

Поблизости от него в темноте находился еще кто-то. Человек, а не животное. Чуткий слух Шефа уловил легкое шуршание подошв по камню. В то же мгновение он почувствовал вокруг шеи холодную чешуйчатую петлю. Ему на шею набросили змею толщиной с руку.

Спас его легкий запах пота. Если бы не это, Шеф, наверное, закричал бы, бессмысленно вцепился в обвившую шею тварь, был бы не раз укушен разъяренной мышиной змеей, возможно, ринулся бы бесцельно во мрак и умер там — не от яда, потому что у мышиной змеи яда не больше, чем необходимо для ее пискливой добычи, — а от жажды и отчаяния. Но такой потный дух исходил от Тьерри. Шеф сразу же понял, что Тьерри, видимо, обошел вокруг каменной стены, под которой ему самому пришлось пролезать, наверняка все время как-то следил за испытуемым и теперь устроил следующее испытание. И ждал, что чужеземец в панике кинется прочь.

Шеф застыл как столп, почувствовал, что змея, освоившись, раздвоенным жалом лижет его лицо, ощутил скольжение чешуи по шее, туловищу, ногам, когда змея подумала-подумала и решила соскользнуть на землю, чтобы уползти восвояси. После этого Шеф некоторое время стоял неподвижно. Не от страха. Он начал приходить в ярость от того, что его постоянно ставят в невыгодное положение, от мыс-

ли, что Тьерри беззвучно хохочет в темноте. Он взял себя в руки, задумался, что же ему удалось узнать.

Эти люди его испытывали. Они не собирались его убить, уж это-то было ясно. Если бы они хотели убить его, он бы давно был мертв. Они его испытывали. И они хотели, чтобы он выдержал это испытание. Им что-то будет нужно от него, коль скоро он сможет выдержать их испытание. Что не помешает им убить его, если испытания он не выдержит.

Самое разумное — медленно продвигаться вперед и быть готовым к очередным неожиданностям. Они постараются захватить его врасплох. «Не реагируй сразу, что бы там ни оказалось». Он пошел вперед, осторожно нащупывая опору для каждого шага и расставив руки — для защиты и для равновесия.

Кто-то обхватил его за туловище. И снова он не смог подавить дрожь и отпрянул. Но это не было нападением. Потянувшиеся к нему спереди руки были теплыми и голыми, это было объятие, а не захват. Неожиданно к груди его прикоснулись губы. Шеф невольно протянул руки к человеку, который обнимал его. К женщине. Он чувствовал, как в него упираются ее груди. Обнаженная женщина. Он опустил руки, почувствовал ее ягодицы, почувствовал ее мгновенный отклик и встречное движение, ее трущиеся вверх и вниз бедра.

Неделей раньше, терзаясь мыслью о своей импотенции, Шеф не смог бы откликнуться. Но с тех пор у него появилась Свандис. Она пробудила его, доказала, что страх и ужас, охватившие его после смерти королевы Рагнхильды, поразили не тело его, а только разум. За прошедшее время она успела убедить в этом Шефа с десяток раз, тело его возродилось и полнилось подавленными юношескими желаниями. Не успел Шеф и подумать об этом, как его мужское естество откликнулось и упрямо восстало. Женщина почувствовала его, ухватилась обеими руками с хриплым победным смешком, начала оседать на спину. Он мог бы навалиться на нее на камнях, овладеть ею в темноте, сжать ее в объятиях, излить свое семя здесь, где никогда не бывает солнца.

Испытание. Не реагируй. Мысль о мраке и скрытых повсюду ходах холодком кольнула Шефа в сердце. Женщина не сможет уйти, пока он держит ее в объятиях, но потом все кончится, и что тогда? Она ускользнет в темноту, как змея, а он останется, одинокий и не выдержавший испытания. А его судьи, кто бы они ни были, будут смотреть и издеваться.

Шеф распрямился, мягко отвел от себя руки женщины. Она рвалась к нему, прижималась и стонала от страсти. Она лгала. Ее страсть была притворством. Шеф высвободился из ее объятий, отпихнул ее на длину вытянутых рук. Женщина извивалась, а он развернул ее, больно шлепнул, оттолкнул прочь.

Он услышал шаг-другой ее босых ног по камню, и тут вспыхнул свет свечи, почти ослепивший привыкшие к тьме глаза. Она сняла со свечи колпачок, и мгновение Шеф видел ее — приземистую пожилую женщину, протискивающуюся в расщелину скалы.

Шеф снова повернулся в направлении, в котором шел, и на этот раз в испуге отскочил на два ярда.

Оказалось, что не дальше фута перед ним было лицо мертвеца, желтое, истлевшее, с обнаженными зубами и глазными яблоками, держащимися на полосках кожи.

Труп был подвешен к своду, а рядом с ним еще с полдюжины. Предполагалось, что испытуемый увидит их в тот самый момент, как исчезнет женщина, понял Шеф. Но ближайший труп находился с той стороны, где у Шефа не было глаза, поэтому он ничего не заметил, пока не повернулся. Возможно, это ослабило шок. И шок уже прошел — ведь это всего лишь испытание. Не реагируй. По крайней мере, теперь у него есть свет. Первым делом Шеф подошел и взял свечу.

Трупы. Вряд ли они для испытания используют трупы своих соотечественников. Своих мертвецов они здесь хоронят в скалах, так ему рассказывали. У каждой деревни где-то есть свои тайные склепы, как в каждой английской деревне есть церковный погост, а в каждой норманнской — курганы и площадка для погребальных костров. Нет, эти не похожи на деревенских. У одного из них лицо мавра, у другого сохранились доспехи, не кольчуга, а кожаный жакет франкского копейщика. Путешественники, возможно сбор-

щики налогов, попавшие в горах в засаду и сохраненные здесь для нужд ритуала. Тела свисали на веревках, как туши в коптильне тролля Эхегоргуна. Но эти были сухими, сухими, как трут, мумифицировавшимися в холодной сухости горной пещеры. Шеф зажал между пальцами кусочек ткани, раскрошил его. Да, сухие, как трут. Похоронить этих людей в земле он не может. Но кто бы они ни были, они не должны вечно висеть здесь. Он сумеет устроить им своеобразные похороны.

Переходя от одного тела к другому, Шеф подносил свечу к обрывкам одежды, следил, как пламя разгорается, перекидывается на иссохшую плоть. Он шел вперед, а пещеру наполняли красные отблески, выявляли ее истинный размер, высвечивали стенные росписи.

Перед ним оказалась еще одна скала, но высотой не больше футов восьми. К ней, словно приглашение, была прислонена лесенка, до крайности похожая на ту, что была у него на шее.

Здесь это неудивительно, подумал Шеф, приближаясь к лесенке. Настоящая приставная лестница, с двумя тетивами и перекладинами поперек них, требует плотницкого мастерства, чтобы врезать перекладины в пазы. А лесенку-*kraki* может сделать любой, будь то на севере или на юге, в горах или в болотах. Надо взять дерево, желательно ель. Очистить ствол и отрубить ветви, оставляя лишь те, которые поочередно растут с двух боков, первая — ступенька для правой ноги, следующая — для левой и так далее. Чтобы подниматься по такой лесенке, нужно иметь чувство равновесия, но для ее изготовления мастерства не требуется. Когда-то все лестницы были сделаны таким образом. Подобно каменным орудиям, которые из нас сделали людей.

Шеф встал у основания лесенки, затем начал решительно взбираться наверх, а позади него ярко пылали трупы.

Глава 16

Человек, который встречал Шефа у верха лесенки, самый молодой из *perfecti*, растерялся, увидев, что над краем каменного уступа, на котором он стоял, появилась голова короля

варваров, и тот ступенька за ступенькой продолжает подниматься. Он знал, что от него требуется, уже с дюжину раз проделывал это. Если испытуемый пройдет через Утробу, выдержит испытание Змея, Женщины, Смерти и по *graduale* выберется из Преисподней, тогда его должен встретить самый младший член Совета, тот, кто самым последним прошел испытание. Он должен приставить обнаженный меч к груди испытуемого и задать ритуальный вопрос: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей?

Но это должно происходить в темноте! У испытуемого должна быть лишь крошечная свеча, символ тайного знания, он не должен ничего видеть до тех пор, пока у груди его не окажется меч! Все это имело чисто ритуальное значение, поскольку каждый кандидат, готов ли он был к испытанию или нет, заранее знал и вопрос, и ответ на него. Но все-таки не полагалось видеть спрашивающего с мечом до тех пор, пока не столкнешься с ним лицом к лицу.

В ярком свете пылающих мумий Шеф прекрасно мог разглядеть стоящего наверху человека, острый меч в его руке, а также то, что человек не собирался пустить оружие в ход. Позади этого человеке в обращенном к Шефу полукруге сидело еще около дюжины людей в серых капюшонах. Они тоже должны были оставаться невидимы до тех пор, пока не заговорят. Сообразив, что их стало видно раньше времени, люди в капюшонах стали переглядываться, ерзать, суетливо перешептываться. Встречающему и судьям поднимающийся из Преисподней Шеф с каждым шагом казался все больше и больше, его тень угрожающе росла перед ним, словно убитые из зала испытаний прислали своего мстителя. Золотой венец на голове Шефа и золотые браслеты на его бицепсах отсвечивали в красном зареве и метали гневные отблески на стены.

— Зачем ты это сделал? — прошипел встречающий. — Я думал... — Испытание уже пошло неправильно. Он вытянул меч вперед и обнаружил, что человек, который много сильней, чем он, держит его за руку.

— Попробуй еще раз, — сказал Шеф.

— Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей?

«Вопрос из моего сна», — подумал Шеф. Тогда он не знал ответа. Но он только что подвергся испытанию и выдержал его. Ответ должен быть как-то связан с самими испытаниями. Что-нибудь христианское или, по меньшей мере, наполовину христианское. Как бы ответил отец Андреас? Раздумчиво, на том же арабском языке, на каком к нему обратились, самом распространенном языке пограничья, Шеф ответил:

— Отбросить страх. И похоть. И страх смерти. И выйти из могилы.

— Это не ответ! Слова неточные!

— Но достаточно близкие, — ответил Шеф. Схваченное им запястье было тонким, запястье охотника или пастуха, а то и священника, но не пахаря. Резким движением натренированных в кузнице рук Шеф выкрутил запястье назад, услышал крик боли и звон упавшего на каменный пол меча. Он отпустил руку встречающего, подошел к мечу и поднял его. Слегка изогнутый, лезвие заточено с одного края, острие тонкое, как иголка. Оружие для удара в спину. С мечом в руке Шеф подошел к полукругу сидящих людей в капюшонах и встал, грозно глядя на них сверху вниз.

— Зачем ты... зачем ты сжег их?

— Потому что они были людьми. Как вы и я. Я не против того, чтобы убивать людей, но я не хочу, чтобы над ними издевались после смерти. На Севере мертвых принято не только хоронить, но и сжигать. А теперь вот что. Вы заставили меня прийти сюда, похитив мою женщину. Вы подвергли меня испытанию, и я его выдержал. Вы должны были что-то сказать мне. Говорите. Полагаю, что есть более легкий путь наружу, чем тот, которым пришел я. Говорите свою речь, и давайте разойдемся по домам. И ради всех богов, зажгите еще свечей! Мне совсем не хочется разговаривать в темноте или при свете погребального костра.

Глава совершенных колебался, видя, что инициатива от него ускользнула. Однако это, может быть, и к лучшему. Во всяком случае, ясно, что этот испытуемый, этот король — человек незаурядный. Может быть, очень может быть, что это и есть тот, кого они искали. Чтобы хоть чуть-чуть выиграть время, глава совершенных откинул капюшон, мановением руки приказал, чтобы из потайных ниш достали лампы и зажгли их.

— Что это висит у тебя на шее? — спросил он.

— Это лесенка, мне говорили, что вы называете ее *graduale*. Сказал мне это сам император Римский. Много лет назад и за много миль отсюда. Сидя на зеленом холме около городской стены.

Perfectus нервно облизал губы. Он уже потерял инициативу в разговоре.

— Это Святой Грааль, — подчеркнул он, — мы на своем языке называем его *Seint Graal*. Но прежде чем я объясню тебе, что это такое, поклянись, что никому не расскажешь об услышанном в этом зале. Ты должен поклясться, что станешь одним из нас. Ведь если сказанное здесь дойдет до чужих ушей, это принесет... — он сделал паузу, — смерть христианству. Ты должен поклясться, что будешь молчать! Чем ты поклянешься?

Шеф на мгновение задумался. По-видимому, эти люди не вполне себе представляют, как с ним обращаться. Смерть христианства — что ему до нее? Им следовало бы знать об этом. Однако он не верил в возможность давать ложные клятвы. Так можно накликать беду.

— Я поклянусь вот этим, — сказал Шеф, положив руку на свою пектораль. Его отец, существует ли он на небе или только в воображении, не стал бы беспокоиться из-за ложной клятвы или клятвы, принесенной чисто формально. — Я клянусь своим амулетом и вашим Святым Граалем никому не раскрывать то, что услышу в этом зале.

Напряжение сидящих полукругом *perfecti* спало, как и напряжение самого главного среди них, которого Шеф уже мог разглядеть: пожилой человек с умным и хитрым лицом, лицом удачливого сельского купчика.

— Хорошо же. До нас дошли слухи, что Святое Копье, которое носит император, дал ему ты. Ты, следовательно, должен знать, почему это копье свято. Это оружие центуриона, который пронзил распятого Спасителя.

Шеф кивнул.

— Почему же вместе с копьем должна быть лесенка? Я скажу тебе. После того как сотник пронзил Господа нашего и истекли кровь и вода, благочестивые люди выпросили у

римлян тело Спасителя. Это были Иосиф из Аримафеи и его родственник Никодим.

При упоминании последнего имени все люди в капюшонах разом подняли руки и осенили себя зигзагообразным знаком.

— Они сняли тело с креста. И, конечно же, они воспользовались лесенкой. Эта лесенка и есть Грааль. Они положили тело на лесенку, чтобы отнести его в каменный склеп, приготовленный Иосифом для человека, которого он считал пророком. А теперь, король, я вот о чем попрошу тебя. Говорят, что ты был крещен, воспитан христианином. Так скажи мне: что христиане могут предложить верующим?

Шеф задумался. Вряд ли это была часть ритуала, вопрос прозвучал искренне. Ответа он не знал. Насколько ему помнилось, отец Андреас говорил, что христиане должны оставаться христианами, а не то попадут в ад вместе с язычниками. В ад? Или на небеса? Возможно, это и был ответ.

— Они предлагают им жизнь, — сказал Шеф. — Вечную жизнь.

— А как они могут ее предлагать? Как они осмеливаются обещать ее? Они обещают ее, потому что, как они говорят, сам Христос воскрес из мертвых. Но я могу тебе сказать кое-что. Он не воскресал в гробнице Иосифа. Потому что он не умер на кресте! Он остался жив.

Глава посвященных откинулся в кресле, чтобы насладиться эффектом от своих слов. Но его подстерегала неожиданность. Шеф категорически покачал головой.

— Ему пронзил грудь германский центурион. Он звался Лонгинус. Он пронзил его копьем римских пехотинцев, пилумом. Я держал это копье, и я видел удар.

— Удар был нанесен. Но он пошел вбок. — *Perfectus* отметил непостижимую уверенность своего собеседника и продолжал: — Возможно, у распятых, у людей с поднятыми выше головы руками, поза необычная, и сердце при ней смещается в сторону. И странно, что из раны вытекла вода. Может быть, Лонгинус пронзил какой-то другой орган. Но когда Иосиф и Никодим после праздника опресноков пришли с ароматами и мастями к сделанной ими гробнице, чтобы помазать Иисуса, они обнаружили, что он жив. И по-прежнему завернут в плащаницу.

Теперь настала очередь Шефа задуматься, постараться выявить истину. Десять ночей назад ему приснился сон о человеке, ужасный сон о человеке, очнувшемся от смерти со спеленутыми руками и с болью в сердце. Однако такое вполне могло быть. Он знавал людей, оживших после битвы, когда их товарищи уже приготовились опустить их в могилу, подобное случалось с друзьями Бранда. И сам Бранд выжил после глубокой раны в живот. Такое бывало нечасто, но бывало.

— Что было потом?

— Нескольким доверенным людям сказали правду. Но вскоре распространились слухи, что пришедшие к склепу узнали Евангелие, Благую Весть, и что гробница оказалась пуста и являлся ангел Господень. Что Христос спускался в ад, чтобы спасти патриархов и пророков. Христиане считают, что эта история исходит от Никодима, потому что тот разговаривал с Христом после распятия. До сих пор они читают эту историю в своем ложном Евангелии от Никодима. Но это неправда. Христос не умирал. И не являлся своим приверженцам. Его выходили Иосиф с Никодимом и женщина, которую звали Марией Магдалиной. Потом богатый Никодим тайно распродал свое добро, и то же самое сделал Иосиф из Аримафеи, и все они, вместе с Христом и Магдалиной, пробрались в нашу страну. Они покинули Палестину, из-за которой боролись римляне с евреями, и отправились на другой край Внутреннего моря, но находившийся в пределах древней Римской империи. Здесь они жили. Здесь они умерли. Здесь они растили своих детей, детей Иисуса и Марии. И их семя не сгинуло. Ведь все мы, народ гор, можем проследить наше происхождение от них. И поэтому мы Сыновья Господа!

При последних словах в голосе его прозвучал триумф, и ему вторили все сидящие в зале.

Да, подумал Шеф. Такая история христианам бы не понравилась. Но тут есть неувязка, ведь если Иисус, происхождением от которого они гордятся, был простым смертным, почему они объявляют себя Сынами Господа и почему верят в Христа? У них есть причина не верить. Но

у них на все найдутся свои объяснения, в точности как у Торвина и Фармана. У верующих всегда готовы объяснения.

— И чего же вы тогда хотите от меня? — тихо спросил он.

— Грааль. Мы сохранили его. Сейчас он в глубочайших глубинах Пигпуньента. Но император знает, что Грааль там, его люди каждый день копают и копают. Мы боимся, что скоро он найдет реликвию, а также наши святыни и заветы. Он уничтожит их, и вместе с ними все свидетельства нашего тайного знания. Мы должны спасти их. Грааль и наши книги. Или прогнать императора. Ты... ты пришел в нашу страну с нашим священным знаком на груди, ты прошел наше сакральное испытание без помощи и подсказки, некоторые из нас думают, что ты явившийся вновь святой Никодим! Мы просим тебя помочь нам.

Шеф поскреб бороду. Интересная история. Но гораздо интересней, как ему выбраться отсюда. Он все еще во власти этих фанатиков.

— Я не Никодим, — заявил он. — Но скажите-ка мне. Если я сумею сделать то, о чем вы просите — а я не знаю, как это сделать, — что вы тогда сделаете для меня? Ваша вера — не моя вера, и ваши беды — не мои беды. Какова цена? И вам следует помнить, что я богат.

— Твое богатство — золото. Мы, впрочем, слышали, что ты все время ищешь новые знания, что ты и твои люди пытаетесь летать, сделать то, чего никто еще не делал. Нам сказали, что ты хочешь узнать тайну греческого огня.

Шеф выпрямился, у него сразу появился интерес.

— Вы знаете секрет греческого огня?

— Нет. Этого мы тебе обещать не можем. Мы уверены, что никто в мире не знает тайну, которую хранят всего-то несколько греков, и даже среди них, возможно, каждый знает лишь малую ее часть. Но мы кое-что знаем об огне, и то, что знаем, расскажем тебе. Если ты вернешь нам наши святые реликвии.

Красные отблески позади них уже угасли, зал освещался теперь лишь чистым светом десятка ламп и выглядел, несмотря на каменные стены вокруг, как и любая другая комната, где люди занимаются своими делами.

— Я сделаю, что смогу, — сказал Шеф.

Глава 17

Император римлян узнал теперь то, что на протяжении истории довелось узнать уже многим измученным военачальникам: чем больше помощников в серьезном и трудном деле, тем больше проблем, если только подчиненные не настолько дисциплинированны, чтобы отказаться от самодеятельности и от преследования собственных интересов. Те, кто хорошо знал императора, заметили его побелевшие вдруг костяшки рук и зажатость шейных мышц. Остальные заметили только тихий голос и внимание, с которым он слушал.

По-видимому, барон Бежье был на ножах с епископом Безансона. Их отряды имели примерно одинаковую численность, сто человек и сто двадцать, и считались средними по проявляемой лояльности и рвению. Оба отряда пришли издалека, поэтому в них не могло быть тайных еретиков, но не было в них и соотечественников императора. Их поставили в среднее кольцо охраны из трех, которым Бруно окружил Пигпуньент, и они днем патрулировали почти непроходимые кустарники, а в часы ночного отдыха изнемогали в зное, поднимавшемся от обожженной солнцем почвы. Они спорили из-за воды, как и вся остальная армия. Барон считал, что епископ слишком рано снимает своих людей с патрулирования, чтобы они первыми добрались до источника, напоили лошадей и мулов, а людям барона потом приходится пить мутную воду. Как будто на десять миль в округе где-то была сейчас не мутная вода.

А в это время, думал Бруно, рабочие с кирками и лопатами все ближе и ближе подбираются к главной тайне. Не далее как сегодня утром они обнаружили в каменной стене, которую разбирали, потайной ход. Он вел от замаскированных в стене ниш вниз к самому основанию крепости и выводил наружу на дне ущелья — для бегства в том случае, если крепость не сможет выдержать штурм. Бруно был уверен, что никто им не воспользовался. В противном случае гарнизон не стал бы сражаться до последнего. Но где есть один тайный ход, там может быть и другой. Время от времени шум огромного военного лагеря перекрывался грохотом падающего камня, который несколько десятков человек сковырнули

подъемным механизмом с места и сбросили в глубокое ущелье. У Бруно болела голова, по шее текли ручьи пота, он чувствовал неистовую потребность вернуться на раскопки и подгонять рабочих. Вместо этого ему приходилось слушать спор двух дураков на языке, который он с трудом понимал.

Внезапно барон Бежье вскочил, ругаясь на своем диалекте. Епископ демонстративно пожал плечами, притворяясь, что истолковал движение барона как намерение уйти. Зевнув, он протянул через стол руку с блеснувшим на пальце епископским перстнем: дескать, целуй перстень и иди себе.

Разъяренный барон ударил по протянутой руке. Епископ, в чьих жилах, как и у барона, текла кровь десяти поколений воинов, в свою очередь вскочил, хватаясь за оружие, которого не носил. Барон мгновенно выхватил свой кинжал, длинный и узкий *misericorde*, предназначенный для того, чтобы колоть им в сочленения лат или в глазную щель.

Намного быстрее движения барона, быстрее, чем мог бы заметить глаз, взметнулась рука императора, перехватив запястье барона. Гориллообразные плечи перекатились под кожаными доспехами, которые все еще носил император, — рывок, хруст костей, и барон врезался в стену палатки. Телохранители для проформы вытащили палаши, но не двинулись с места. Во многих сражениях и стычках они убедились, что их император не нуждается в защите. Он с голыми руками был более опасен, чем искусный рыцарь в полном вооружении. Баварец Тассо вопросительно поднял бровь.

— Уведите его, — коротко приказал Бруно. — Он обнажил оружие в присутствии своего императора. Прислать к нему священника, а потом повесить. Его графу скажите, что я жду от него рекомендаций, кому передать во владение Бежье. Его людей отошлите домой. — Через мгновение он передумал: — Они могут взбунтоваться. Возьмите десяток из них, каждому отрубите левую руку и правую ногу, скажите им, что это милосердие императора. А вы, ваше преосвященство, — обратился он к епископу, — вы его спровоцировали. Я налагаю на вас штраф в размере годового дохода вашей епархии. А пока вы его не выплатили, вам дозволяется усмирять свой чересчур горячий нрав. Десять ударов кнуторской плеткой ежедневно. Мой капеллан проследит за этим.

Он уставился через стол на побледневшее лицо епископа, который очень быстро сообразил, что не следует больше ни секунды раздражать императора своим присутствием. Барон Бежье уже исчез, его увели к никогда не пустовавшим виселицам на краю лагеря. Епископ попятился, кланяясь и соображая, как быстро сможет собрать тысячу золотых солидов.

— Что там за шум? — поинтересовался император.

Тассо, *bruder* Ордена Копья, внимательно вгляделся вдоль рядов палаток и бараков.

— Агилульф, — ответил он. — Наконец-то прибыл.

На лице императора расплылась одна из его неожиданных чарующих улыбок.

— Агилульф! Долго же он добирался. Зато это означает тысячу человек, истинных германцев под командой офицеров из Ордена Копья. Мы сможем убрать этих мерзавцев, которые охраняют западные подходы, и заменить их нашими надежными парнями. И, осмелюсь сказать, у Агилульфа найдется пара дюжин настоящих мужчин с кнутами, чтобы заставить этих ленивых чертей в крепости работать. Ха, его ребята хорошо отдохнули на море, они будут рады взяться за дело.

Тассо кивнул. Казалось, император развеселился: в эти дни его настроение быстро менялось. Если бы эти идиоты в палатке повнимательней взглянули тогда на Бруно, они бы поняли, что его лучше не раздражать. А вот сейчас можно рискнуть.

— Люди барона, ты велел отрубить им руки и ноги, — отважился Тассо. — Десять человек, ты сказал? Или хватит пяти? Не только руки, но и ноги, так?

Улыбка императора исчезла, он пересек палатку, прежде чем Тассо успел моргнуть или подумать о самозащите. Он, впрочем, и не пытался.

— Я знаю, к чему ты клонишь, Тассо, — сказал Бруно, глядя с высоты своего среднего роста в глаза высокого баварца. — Ты считаешь, что я слишком жесток с этими ублюдками. Да, я жесток, потому что наступили жестокие времена.

Мы больше не можем позволить себе неудачу. Не сейчас, когда дьявол вырвался на свободу. Он вырвался.

— Дьявол вырвался на свободу? — вмешался другой голос, хриплый и неприветливый голос дьякона Эркенберта, который пришел для доклада повелителю с испытательной площадки, где неустанно трудился над усовершенствованием своей осадной катапульты. — Когда это случится, мы увидим предвозвестия и знамения в небе.

В лагере кордовского халифа телохранители тоже чувствовали себя неспокойно. Каждый вечер, когда армия останавливалась на ночлег, в землю вбивали колы для казней, каждая ночь омрачалась воплями людей, которые чувствовали, как острие кола пронзает им внутренности, хотя они всеми силами старались удержаться на железном кольце, не дающем им умереть сразу. Поговаривали, что храбрый человек способен сам скользнуть вниз, чтобы кол поскорее проткнул кишки и печень. Впрочем, от заднего прохода до сердца расстояние велико — слишком велико для дюжинной смелости. Халиф пребывал в мрачном настроении из-за многочисленных поражений, непривычных для правоверных приверженцев Пророка. Флот был сожжен и рассеян, многие войска буквально растоптаны, а остальные деморализованы, медленно и неохотно сближаясь с противником. Если в ближайшее время не поступят хорошие новости, снова будут ночные вопли и казни. Может быть, и среди самих телохранителей. Расстилая кожаный ковер и обнажая свои скимитары, телохранители молили небеса послать козла отпущения.

В запыленной одежде вошел капитан кавалерийских патрулей. За ним на веревке волокли юношу со связанными запястьями, тот пытался подняться на ноги и выкрикивал проклятья. Телохранители с облегчением переглянулись, пропуская капитана. Жертва на этот вечер есть. Возможно, она смягчит повелителя.

Мухатьях не замечал зловещего взгляда халифа, он утвердился на ногах и сердито расправил изорванные одеяния.

— Ты ученик Ибн-Фирнаса, — неторопливо заговорил халиф. — Мы послали тебя сопровождать северных франков, их флот с таинственными машинами, которые должны были потопить красные галеры греков. Северяне не потопили галеры, они сбежали, по крайней мере, так нам рассказывали немногие спасшиеся — перед тем как были казнены. А что расскажешь нам *ты*?

— Предательство, — прошипел Мухатьях. — Я расскажу о предательстве.

Никакое другое слово не могло лучше соответствовать настроению халифа. Он откинулся на подушках, а Мухатьях, приведенный в ярость долгими днями молчания и всеобщего презрения в море, днями вынужденного безделья и заключения в иудейской тюрьме, начал свой рассказ: об отпадении северян от союза с арабами, об их трусливом нежелании напасть на греков, об их невежественных забавах с секретами кордовских мудрецов. И хуже всего, о предательстве по отношению к Пророку и его слугам, совершенном богатыми евреями, которых халиф защищал от христиан, а они отплатили тем, что заключили союз с пожирающими свинину и пьющими вино. Искренность Мухатьяха была очевидна. В отличие от всех, с кем халиф говорил за последние недели, юноша ничуть не заботился о собственной безопасности. Становилось ясно, что единственным его желанием было обрушиться на врагов Шатт аль-Ислам и истребить их. Снова и снова в его словах сквозил упрек халифу: он был слишком снисходителен, своим долготерпением он позволил своим тайным врагам набраться дерзости. Такие упреки халиф готов был выслушивать. Речи честного человека.

— Когда ты в последний раз утолял жажду? — спросил под конец халиф.

Мухатьях выпучился на него, в своем неистовстве забыв о мучающей его жажде.

— Перед полуднем, — сипло ответил он. — Я ехал во время дневного зноя.

Халиф взмахнул рукой:

— Принесите шербет для этого правоверного. И пусть все узнают о его усердии. Когда он напьется, наполните его рот золотом и приготовьте почетную одежду. А теперь пошлите за нашими генералами, адмиралами и хранителями карт. Пусть все приготовятся повернуть нашу армию против евреев. Сначала идем на евреев, потом — на христиан. На врага внутри ворот, а потом на врага снаружи.

Заметив хорошее настроение халифа, те, кто держал на-

готове узников, чья казнь должна была смягчить сердце повелителя правоверных, молча увели несчастных прочь. Ничего, пригодятся в другой раз.

Глава 18

Столпившиеся на палубе «Победителя Фафнира» люди смотрели на Соломона кто с недоверием, а кто и с ужасом.

— Повтори-ка еще раз, — проговорил Бранд. — Он хочет, чтобы мы разобрали змея, и доставили его вместе с материалами еще на двух змеев в горы, и захватили с собой целую милю тросов, Толмана и еще двух мальчишек?

Соломон согласно склонил голову:

— Так распорядился ваш повелитель.

Все взгляды обратились к Стеффи Косому, стоявшему на шаг позади Соломона с выражением полного замешательства на лице. Он переминался с ноги на ногу, не в силах взглянуть в лицо командирам двумя глазами одновременно.

— Так он и сказал, — запинаясь, подтвердил Стеффи. — Чтобы три змея, и к ним навроде охрану, погрузить на мулов и доставить в горы со всей скоростью, только еще быстрее. Так он и сказал, все точно.

В преданности Стеффи сомнений не возникало, что бы там ни говорили о его сообразительности. По крайней мере, переданное сообщение не было ловушкой. Взгляды моряков встретились, снова перешли на Соломона.

— Мы не сомневаемся, что он так и сказал, — начал Торвин. — Но с тех пор, как он уехал, здесь кое-что произошло. То, о чем он не знает.

Соломон поклонился:

— Мне об этом известно. Ведь не кто иной, как мой собственный повелитель, приказал, чтобы все наши люди вне крепостных стен, все торговцы и сельскохозяйственные рабочие ради своей безопасности немедленно вернулись в город. Мы уже несколько недель знаем, что Римский император подошел чересчур близко к нам, хотя его армия, видимо, скована действиями по ту сторону границы. Зато мусульманам до нас осталось всего два дня пути — для хорошего всадника и того меньше. А ведь арабы, когда хотят, могут двигаться быстро, как бы ни был медлителен сам халиф. Завтра утром у наших ворот может оказаться их легкая кавалерия. Возможно, они уже в горах.

— Да хрен с ней, с легкой кавалерией, — отозвался Хагбарт. — Что меня тревожит по-настоящему, так это красные галеры. Взяли и повернули назад. Как в свое время делали Рагнарссоны. Мы недавно вышли в море — наши полдюжины кораблей, — запускаем змеев, а галеры вдруг появились из дымки, как будто так и задумано. Даже не спешили, просто шли себе со скоростью двенадцать гребков в минуту. Но все равно чуть не отрезали нас от гавани. Если бы Толман не заметил их первым, нас бы всех могли сжечь.

— Если бы нам не пришлось опускать Толмана и вытаскивать его из воды, мы могли бы уйти в открытое море и там переждать, — сказал Бранд, продолжая давний спор.

— Пусть так. Галеры подоспели к гавани сразу вслед за нами, заглянули внутрь, сожгли зазевавшуюся рыбачью лодку — просто для острастки, показать нам, на что они способны, — и погребли себе дальше на север. Но они ушли недалеко. Могут вернуться еще до заката.

— Мы считаем, что мудрее будет, — заключил Торвин, обращаясь сразу ко всем, — если король вернется сюда и приготовит флот к отплытию.

Соломон развел руками:

— Я передал вам его распоряжения. Вы сами говорите, что он ваш король. Когда мой князь принимает решение, я с ним больше не спорю. Возможно, у вас, северян, все по-другому.

Долгое молчание. Его нарушил Бранд:

— Ваш князь отпустит нас из города?

— Он отпустит вас из города. Вы не находитесь под его защитой. Он позволит мне сопровождать вас. Я нынче в опале. Я резко высказывался по поводу освобождения юного араба, и князь готов со мной расстаться. Никто из других его людей не пойдет.

— Ладно, — сказал Бранд. — Все-таки придется нам это сделать. Торвин, дай Соломону серебра на покупку мулов. Стеффи, начинай паковать материалы для змеев и выясни, сколько тебе потребуется мулов. Собери летную команду.

— Вы, сударь, отправитесь с нами? — спросил Стеффи.

— Нет. Я не очень-то подхожу для стремительных маршей, а что-то мне подсказывает, что вы спуститесь с этой горы намного быстрее, чем поднимались. Это если вам еще повезет. Я намерен остаться здесь и подумать, как оборонять эту гавань. От всего на свете, в том числе и от пламени.

В горах, за несколько миль от берега, Шеф в обычной своей старательной и скептической манере решил еще разок повторить эксперимент. Белое вещество, которое показали ему *perfecti*, он не раз видел раньше. Как и каждый, кому доводилось убирать в коровьем или свином хлеву. Белая земля. Говорят, она образуется из мочи животных.

Но раньше Шеф не встречал ее кристаллическую разновидность. Он поинтересовался, как удалось ее получить. Объяснение оказалось вполне естественным. В Англии, где земля почти все время сырая, тем более земля в хлеву, практически никогда не могло случиться так, чтобы на белой земле разводили огонь. Здесь же во время холодной и сухой горной зимы, когда скотину многие держали прямо в доме, это происходило довольно часто. Все горцы знали, что белая земля горит ярким пламенем, и однажды кто-то объединил это знание с умениями арабов, уже хорошо знакомых с *al-kimi, al-kuhl, al-gili* и прочими таинственными искусствами. Теперь было известно, что во взятую из хлева белую землю надо добавить воды, измельченного известняка и золы из очага, сварить, и в результате получатся такие кристаллы.

Горцы называли их *«Sal Petri»* — «соль святого Петра». Или это переводилось просто как «каменная соль»? Шеф не знал, да и не интересовался. Очень скоро он понял, что селитра не имеет отношения к тайне греческого огня. Но все равно она представляла интерес, как и другие вещества, с которыми Дети Бога познакомили Шефа. Еще немного новых знаний.

Он сложил из щепок стопку, целый ряд стопок, и насыпал на них кристаллики. Потом в каждую стопку отмерил особую добавку из тех веществ, что дал ему седобородый Ансельм. В обычных обстоятельствах каждый костер пришлось бы старательно разжигать от лучины и раздувать с тем умением, которому каждый ребенок научился или не научился от своих родителей. Одни люди умеют разводить костер, другим это не дано, так говорит народная мудрость. Кто умеет, те пойдут в ад, там дьявол задаст им работы. Но эти костры были необычные.

Шеф помахал полусырой веткой над собой, чтобы она разгорелась поярче, наклонился и с нескольких футов бросил ее под первую стопку деревяшек. Легкое «паф», яркая вспышка, и костер сразу же превратился в догорающие угли.

Он взял еще одну палочку, отошел на три шага, повторил процедуру. На этот раз вслед за «паф» вырвался язык зеленого пламени.

— Медные опилки для зеленого цвета, — пробормотал Шеф про себя. — Так, а что нужно для желтого?

— Мы называем это орпигмент, золотой краситель, — сказал стоящий рядом Ансельм, седобородый глава *perfecti*. — Хотя греки называют его по-другому. Большинству таких фокусов мы научились от греческих купцов. Вот почему нам казалось, что это ключ к тайне греческого огня. Впрочем, арабы тоже делают такие цветные огни, они их зажигают по праздникам в честь своих правителей и своего Пророка. Они называют это искусство, в котором достигли больших высот, *al-kimi*. Учение о перегонке и горючих веществах.

— Это не греческий огонь, — рассеянно отозвался Шеф, двигаясь вдоль ряда костров и бормоча себе под нос, какие добавки нужны для различных цветов. — Это вообще ерунда.

— Но ведь ты не откажешься от своего обещания помочь нам?

— Я не откажусь от обещания попытаться помочь. Но вы мне задали трудную задачку.

— Наши люди видели, как вы летаете на загадочных машинах. Мы подумали, что вы сможете налететь на Пигпуньент, как орлы, и унести наши реликвии по воздуху.

Шеф подбросил последний факел, посмотрел на результат и, оглянувшись, сверху вниз улыбнулся маленькому седому человечку.

— Может быть, когда-нибудь мы научимся и такому. Но опуститься на скалы, а не в мягкое море? И снова взлететь без тросов, и без помощи летной команды, и без ветра? Поднять одни боги знают какую тяжесть, вдобавок к тяжести мальчишки? Нет, для этого понадобилась бы искусность Вёлунда, кузнеца богов.

— А что же тогда ты сделаешь?

— Это потребует больших усилий от каждого из нас. От вас и от моих людей, которые должны прийти. Покажи-ка мне еще раз, нарисуй на песке, где находится лагерь христиан и как у них расставлены посты.

Ансельм резко свистнул, и тот самый мальчонка, который играл на свирели, подбежал к ним.

На следующий день, когда солнце уже начало клониться к горизонту, Шеф собрал вместе весь свой отряд — еретиков, викингов, летную команду, поспешно приведенную Соломоном, — и еще раз изложил все пункты своего плана.

Тридцать мужчин и три мальчишки стояли на травянистом уступе последнего горного склона перед вершиной Пигпуньент, которую было отчетливо видно даже без подзорной трубы. Кроме нее, в ярком солнечном свете каждый мог разглядеть, что на прилегающей равнине полно народу: во всевозможных направлениях двигались конные разъезды, на каждой прогалине, в кустарнике поблескивали оружие и доспехи. Дойти сюда оказалось нелегко, приходилось то и дело останавливаться и ждать. Всех, кого только можно, Ансельм задействовал для прикрытия и разведки. Еретики находились на своей земле и вблизи одного из своих тайных оплотов. И все же каждые несколько минут поступало предупреждение о стерегущих в ночи христианских всадниках, и Шефу с Ансельмом приходилось уводить людей с тропы и прятаться в скалах или зарослях колючего кустарника, пока негромкий окрик или посвист не давал им знать, что можно возвращаться. Здесь они еще находились в относительной безопасности, так считал Ансельм. К их уступу вели только две тропы, и обе сейчас усиленно охранялись. Однако привлекать внимание не стоит. Разглядывая весь день после полудня местность, Шеф из осторожности не высовывался, прятался глубоко в тени кустов.

Сначала Шеф проинструктировал людей из своего отряда, который он определил как группу захвата. Вместе с ним самим в нее входило всего семь человек. Пастушок, которого Шеф про себя окрестил Свирелькой за его предупредительные сигналы, всегда подаваемые на этом инструменте, должен был стать проводником. Четыре других подростка, выбранные за бойкость и проворство, чтобы нести святые реликвии. И наконец, Ришье, младший из *perfecti*. Когда Ансельм вывел его вперед, Шеф неодобрительно покосился. Именно Ришье встречал короля у вершины лесенки, и Шеф был отнюдь не высокого мнения о его сметливости и даже о его храбрости. В отличие от остальных Ришье также нельзя было назвать и легким на подъем. Хоть и младшему из «совершенных», ему было не меньше сорока лет — старик, по горным меркам, как, впрочем, и по меркам родных для Шефа болот, далеко не тот человек, чтобы весь день ходить по кручам или играть в прятки, ползая среди кустарника. Однако Ансельм настаивал. Только *perfecti* знают путь во внутреннее святилище. Нет, описать этот путь другому человеку нельзя. Даже отказавшись от строжайших правил секретности, объяснить дорогу на словах невозможно. Только показать. Так что с отрядом должен идти кто-то из посвященных, и это будет Ришье.

И во главе группы — сам Шеф. Между прочим, Шеф заметил, что Свирелька смотрит на него с тем же сомнением, с каким сам Шеф смотрел на Ришье, и было понятно почему. Среди легковесных горцев Шеф выглядел своего рода Стирром. Он был на полторы головы выше любого другого человека в отряде, включая Ришье. Вес его превышал вес Ришье на пятьдесят фунтов, а всех остальных — по крайней мере на семьдесят. Выдержит ли он темп, когда понадобится быстрота? Сможет ли незамеченным пробираться под покровом кустарника? Очевидно, Свирелька в это не верил. У самого Шефа уверенности было побольше. Не так уж много лет прошло с тех пор, как они вместе с Хандом подкрадывались в болотах к диким кабанам или на животе подползали к личному пруду какого-нибудь тана за рыбой. С тех пор Шеф стал крупнее и сильнее, но он знал, что лишнего жира у него нет. Если кто-то может обойти конные разъезды и караульщиков, сможет и он.

Он не испытывал ни малейшего страха, что ночью его заметят и убьют. Шансы на успех были неплохие, а если и суждена смерть, то легкая, не такая, как у Сумаррфугла.

Тяжесть в груди и холодок в сердце вызывала мысль о пленении. Ведь плен означает встречу с императором. Шеф видел Бруно вблизи, пил с ним вместе, не боялся его, даже

когда тот приставил ему меч к горлу. Однако сейчас что-то подсказывало Шефу, что при новой встрече он обнаружит в старом приятеле не сердечность, а фанатизм. Тот не пощадит язычника и своего личного соперника во второй раз.

Шеф оглядел свою маленькую группу, стоявшую внутри круга.

— Ладно. Мы выступаем, как только я проинструктирую остальных. Мы спустимся на равнину позади наших разведчиков и в сумерках двинемся по широкой дуге. Чтобы подойти к горе с другой стороны, с северо-запада. Там мы оставим лошадей, и Свирелька поведет нас через кольца императорских дозоров. Вы знаете, что это очень непросто. Но я могу вам обещать одну вещь. Вся стража императора будет смотреть совсем в другую сторону. Если вообще не разбежится.

Возгласы слушателей свидетельствовали об их согласии, даже об убежденности.

— Тогда встаньте там и будьте готовы к выходу.

Шеф повернулся к остальному отряду, собравшемуся чуть поодаль, около механизмов. Квикка с его командой доставили в горы легкие вороты, простые деревянные барабаны с рукоятками для вращения, и за долгие часы потихоньку укрепили их в каменистой почве, не пользуясь шумными молотками. Около каждого ворота стояло с полдюжины катапультеров, вошедших теперь в летную команду, позади виднелись массивные фигуры викингов, выставленных в качестве боевого охранения.

Впереди каждой из трех этих групп стоял мальчишка-летун, в середине Толман, а по краям — Убба и... Хелми, так его звали, бледный малыш, почти дитя. Родственник кого-то из матросов, в результате войны оказавшийся бездомным сиротой. Все три мальчика выглядели необычно серьезными и насторожившимися.

— Вы тоже знаете, что делать. Ждите здесь, отдыхайте, костров не жечь. А в полночь — Квикка, ты сможешь определить ее по звездам — запускайте змеев. Будет ветер с гор, по крайней мере, так нам обещали. Теперь вы, ребята. Когда поднимете на всю длину троса и выровняете полет, начинайте зажигать огни. Поджигайте каждый факел по отдельности и кидайте. Прежде чем поджигать, убедитесь, что ку-

пол расправлен. Кидайте факелы по одному, в промежутках считайте до ста. Считать медленно. Стеффи, ты должен считать, сколько факелов подожгли. Когда окажется, что все уже сброшены, подтягивайте ребят вниз. Не задерживайтесь, чтобы вытащить вороты, бросайте все как есть и следуйте за мессиром Ансельмом, куда он скажет. Утром все встречаемся и возвращаемся к нашим кораблям. Вопросы есть?

Вопросов не было. Шеф еще раз подошел посмотреть на устройство, которое они изобретали целый день. Главная его идея заключалась в том, чтобы объединить изобретенный Стеффи матерчатый купол для задержки падения и те фокусы, которым их научили еретики, с разноцветными факелами, сделанными из селитры и других хитрых веществ арабских алхимиков. Пучок сухих прутиков, начиненных селитрой и тщательно залитых воском, и кусок ткани, привязанный за четыре угла. Все факелы подвешены на крюках, приделанных к раме воздушного змея. В центре каждого купола теперь было маленькое отверстие: Стеффи опытным путем установил, что это предохраняет от эффекта «выплескивания» воздуха из купола, делает падение более плавным и даже более медленным. Труднее всего было придумать, как мальчишкам взять с собой огонь для зажигания. В полете его нельзя было добывать с помощью кресала. В конце концов они прибегли к старой хитрости викингов, которые делали долгие морские переходы на своих беспалубных дракарах и не всегда могли рассчитывать на сухую растопку: они взяли просмоленную веревку, которая тлела в жестком парусиновом чехле.

Замысел был неплох. Глядя на факелы и хрупкие каркасы змеев, Шеф осознал, как много будет возложено на трех двенадцатилетних мальчишек, болтающихся на концах тросов высоко в воздухе над скалистыми горными склонами. Нет нужды напоминать им о награде. Дети не заглядывают так далеко вперед, чтобы думать о деньгах. Они сделают это ради славы и всеобщего восхищения. Чуть-чуть, может быть, из чувства уважения к своему королю. Шеф кивнул им, ласково похлопал Хелми по плечу и ушел.

— Пора выступать, — сказал он своей группе. Английские катапультеры и викинги долго глядели вслед королю с молчаливой озабоченностью. Они, по крайней мере Квикка, не раз видели это раньше — как Единый Король шел на-

встречу своей неизведанной судьбе. Они надеялись больше никогда не увидеть подобное снова. С места, где она сидела в одиночестве, обхватив руками колени, Свандис тоже провожала взглядом удаляющийся маленький отряд. Она не могла броситься вслед за королем, обнять его и зарыдать по-женски: не позволяла гордость. Но она часто видела, как уходят мужчины. Не многие из них возвращались назад.

Спустя несколько часов, когда солнце наконец коснулось края небосвода, пастушок Свирелька привел семерых всадников в скудную тень рощицы чахлых искривленных деревьев. Он негромко свистнул, и из глубины появились молчаливые фигуры, чтобы принять поводья. Шеф медленно сполз с лошадиной спины и неуклюже прошелся по земле, чтобы размять ноющие мускулы ног.

Поездка оказалась адом. С самого начала Шеф был поражен, увидев не крохотных горных пони, на которых они спускались из деревни еретиков, а рослых лошадей, вдобавок на спине у них вместо обычных чепрачных подушек находились непривычные кожаные седла с высокими луками и со свисающими по бокам железными стременами.

— Так ездят *baccalarii* императора, — коротко объяснил Ришье. — Пастухи из страны на Востоке. Они здесь повсюду. Некоторые их разъезды забираются очень далеко. На расстоянии, с такими лошадьми и с такой сбруей, мы будем выглядеть как одни из них. Никто их не спрашивает, куда они направляются. Они ездят куда хотят.

Взобравшись в высокое седло, Шеф сразу оценил преимущества, которые оно давало даже неопытному всаднику. Затем он понял, что, как и все остальные, в правой руке он должен держать длинное десятифутовое стрекало, которым был вооружен каждый пастух, и управлять своим скакуном, держа поводья лишь левой рукой. Король, ударив лошадь пятками, попытался приспособить свои ноги моряка к непривычной позе всадника, и в пронизанной солнцем пыли отряд двинулся в путь.

Действительно, никто их не остановил. Спустившись по каменистым склонам и выбравшись на равнину, они снова и снова видели вдали всадников, а нередко, на пересечениях троп и дорог, — пеших дозорных. Свирелька и его приятели

махали всадникам копьями, но старались не приближаться к ним, при каждом удобном случае уклоняясь в сторону. Пехотинцам они кричали что-то, более или менее похоже имитируя язык баккалариев, но не останавливались и не спешили обменяться новостями. Шеф был удивлен, что никто из стражей даже не почесался, не заступил им дорогу, казалось, что посты привыкли к конным разъездам, беспрепятственно перемещающимся по всей равнине, без малейшей видимости порядка и системы. Конечно, кое-кто заметил неловкую посадку Шефа и Ришье или сообразил, что они слишком старые и слишком рослые для баккалариев. Но даже раздававшиеся в этих случаях крики звучали добродушно и слегка насмешливо. Император совершил ошибку, убедился Шеф. Бруно выставил в охранение слишком много людей, и слишком мало кто из них знал друг друга. Они привыкли видеть незнакомцев, едущих в сторону Пигпуньента или вокруг него. Если бы император наложил полный запрет на всяческие передвижения и оставил для патрулирования лишь отборный отряд, незнакомый разъезд был бы немедленно остановлен.

Прогалина в зарослях невысоких деревьев не тянулась долго. Пора взяться за бурдюки с сильно разбавленным вином и отпить из них первую кварту, а там и вторую, чтобы утихло жжение в горле, а тогда уж потягивать питье не спеша, по глоточку, пока снова не начнет выступать пот и не появится чувство, что больше не влезет. Затем Свирелька пересчитал отряд и выстроил его по-своему: впереди он сам, замыкающим еще один из подростков, предпоследним Ришье, а перед ним — Шеф. Остальные три юных еретика следовали за Свирелькой, один сразу за ним, а два других — слева и справа. Последние переговоры пастушков и негромкий сигнальный свист. Затем Свирелька повел их прямо в глубину переплетенных, скрывающих землю зарослей. В окситанские *maquis*.

Очень скоро Шеф стал сомневаться, что им когда-нибудь удастся достичь своей цели. Замысел-то был достаточно простым. Колючий кустарник не давал передвигаться ни конному, ни пешему, если только человек не нагибался. Боковые сучья начинали расти на высоте фута или двух от земли. Под ними всегда оставалось чистое пространство, вполне достаточное, чтобы ловкий мужчина или мальчик могли там про-

ползти, будучи совершенно скрыты от любых взглядов, если только они сами смогут вслепую определять направление.

Проблема заключалось именно в том, что приходилось ползти. Свирелька и его товарищи, легкие и юные, могли с огромной скоростью пробираться вперед на четвереньках, так что их туловища не касались земли. Шефа при таком способе передвижения хватило не больше чем на сотню ярдов. Затем перетруженные мышцы рук сдали, и ему пришлось ползти на брюхе, барахтаться, словно неумелому пловцу. Доносившиеся сзади пыхтенье и фырканье свидетельствовали, что и Ришье пришлось сделать то же самое. За несколько секунд пробирающийся впереди мальчишка исчез, он с гибкостью угря продвигался в три раза быстрее. Шеф продолжал упорно ползти. Посвист сзади, а потом и спереди прозвучал как песня какой-то ночной птахи. Навстречу Шефу вынырнул темный силуэт, послышалось что-то вроде призыва поторопиться. Силуэт исчез. Появился Свирелька, буркнул что-то в том же духе. Шеф ни на кого не обращал внимания и продолжал ползти по корням, переваливаясь из стороны в сторону, чтобы обогнуть крупные препятствия; колючки цеплялись за его волосы, впивались в пальцы, рвали одежду. Раздавшиеся впереди шипение и шорох чешуи по земле заставили его вскочить и отдернуть руки: равнинная змея. Но она услышала человека задолго до того, как он мог коснуться ее. Рот у Шефа саднило от пыли, под разорванными шерстяными штанами его колени кровоточили.

Свирелька ухватил его за плечо, потащил в сторону — в кустарнике был просвет, тропа шириной в какие-то несколько дюймов, но ведущая в обход холма. Шеф с трудом поднялся на ноги, испытывая облегчение в ноющих икрах, откинул назад волосы и с сомнением посмотрел на Свирельку. Идти во весь рост? По открытому месту? Уж лучше ползти дальше, чем быть замеченными.

— Слишком медленно, — прошипел Свирелька на искаверканном арабском. — Друзья ушли вперед. Если услышите свист, уходите с тропинки! Прячьтесь снова.

Медленно, но с облегчением Шеф побрел в указанном направлении; шелест кустов выдавал идущих впереди разведчиков. Он улучил момент глянуть на звезды, ярко сияющие в безоблачном небе. До полуночи не слишком много времени.

Шеф прошел уже с полмили по козьей тропе, виляющей меж холмов, когда со стороны горы снова донесся свист. Рядом оказался Свирелька, схватил его за руку и попытался затащить обратно в кустарник. Шеф взглянул на кажущиеся непроницаемыми заросли, пригнулся и снова пополз. Десяток футов — и внутрь уже не проникает ни одного лучика света, хотя фырканье и пыхтенье возвестили ему, что измотанный Ришье тоже находится в укрытии. Свирелька продолжал тянуть его дальше, но Шеф воспротивился. Он был ветераном многих походов, не раз сам стоял в карауле. В отличие от Свирельки он мог оценить степень риска. На такой местности, когда не случается тревог и не грозит никакая непосредственная опасность, вряд ли императорские дозорные будут настороже. Они не заметят взгляд, устремленный на них из гущи однообразных зарослей. Шеф осторожно поднялся на ноги, взялся за ветку, аккуратно опустил ее на несколько дюймов, чтобы образовалась смотровая щель.

Они действительно были там, меньше чем в двадцати футах, пробирались вдоль узкой неровной тропки, слишком сосредоточившись на колючках, чтобы смотреть по сторонам. Шеф услышал приглушенный шум разговоров, сердитый лающий голос человека во главе. Разговорчики не прекратились. «То еще войско», — подумал Шеф. Местное ополчение, то же, что его собственные *fyrds*. Не хотят ни во что ввязываться, думают только об одном: как бы поскорее вернуться домой. Их нетрудно обойти, если только сам не наткнешься на них в темноте. Опасность представляют люди безмолвные и неподвижные.

Обратно на тропу, еще полмили вперед, потом опять в кусты, опять пластаться по земле, обходя препятствие или караульный пост. Еще сто ярдов по козьей тропе и снова ползком под кустами. И так далее. Шеф утратил чувство направления, обреченно останавливаясь и глядя на небо, чтобы определить время. Пыхтение Ришье поутихло, видимо, он приспособился к их неровному ритму передвижения. И вдруг весь отряд оказался в сборе, все семеро, они лежали в тени и глядели на костры, мерцающие по другую сторону

полоски голой земли. За кострами виднелись камни Пигпуньента, Крепости Грааля.

Свирелька очень осторожно показал на костры.

— Это они, — выдохнул он. — Последняя охрана. Последнее кольцо. *Los alemanos.*

Германцы, значит. Шеф видел отсверки стали, исходящие от их кольчуг, щитов, шлемов и латных рукавиц. Но он и без того узнал бы повадку *bruder*'ов из Ордена Копья, которых много лет назад видел перед атакой в битве при Бретраборге. Тогда они были на его стороне. Теперь же... Мимо них не проскользнешь. Они вырубили кустарник, чтобы расчистить подходы, из веток устроили колючее заграждение. Расстояние между дозорами не достигало и пятидесяти ярдов, и они постоянно переходили с места на место. И вдобавок они действительно вели наблюдение, не то что оставшиеся позади вояки.

Внезапно от громады Пигпуньента донесся жуткий грохот и гул камней. Шеф увидел, что часовые тоже посмотрели в ту сторону, но сразу вернулись к своим обязанностям. В полутьме едва различимо поднималось облако пыли, и можно было услышать отдаленные крики. Рабочие отряды императора трудились ночь напролет, посменно, разбирая всю скалу с помощью кирок, ваг и подъемных приспособлений, чтобы проникнуть в святилище оплота еретиков. Чтобы найти императору его реликвию.

Шеф снова взглянул на небо, на положение луны, еще не полностью поднявшейся. Уже полночь. Но он понимал, что понадобится какое-то время, чтобы снарядить змеев и поднять их в воздух. Может быть, им придется ждать ветра даже здесь, в горах. Свирелька снова теребил Шефа, встревоженно и настоятельно. Он всего лишь мальчишка. На войне все тянется дольше, чем хотелось бы, — за исключением того, что делает противник. Шеф оглядел своих людей, жестом приказал им лечь. Когда делать больше нечего, надо отдыхать. Если его план удался, он скоро об этом узнает.

Распростершись под кустами, Шеф положил голову на локоть, ощутил, как на него наваливается усталость. Здесь им опасность не грозит, и мальчишки будут настороже. Он позволил векам сомкнуться, медленно провалился в яму сна.

— Он не только вырвался, теперь он вышел наружу, — произнес знакомый голос, голос его отца. — Вышел на волю.

Даже во сне Шеф почувствовал волной поднявшееся возмущение и неверие.

— Тебя нет здесь, — сказал он самому себе. — Свандис мне все объяснила. Ты просто часть моего воображения, как и все другие боги, — просто часть воображения людей.

— Хорошо, хорошо, — продолжал голос терпеливо и устало. — Верь в то, что тебе нравится. Верь в то, что нравится твоей подруге. Но поверь и в то, что он вышел. Я не способен его удержать. Теперь может произойти все, что угодно. Рагнарок... это то, чего хочет Один, чего хочет Локи. Чего они, как они думают, хотят.

— А ты этого не хочешь?

— Я не хочу того, что будет после. Всемогущество Церкви, всемогущество Пути, что бы ни было. Есть лучший путь — назад, к тому, что было раньше, когда Шеф еще не стал Скьелдом, Щитом. Может быть, нужно лишь что-то добавить, что-то новое.

— Что же?

— Ты увидишь. Ты им покажешь. У жрецов это есть внутри их священного круга, но они видят в этом только предостережение, а не дар. Оно может быть и тем, и другим.

Шеф потерял нить, не мог понять намек.

— О чем ты говоришь?

— О том, что утратил Локи. Что ты вернешь ему. Его тезка, почти что тезка. Логи.

— Огонь, — машинально перевел Шеф.

— Да, огонь. Проснись и смотри, что ты несешь в мир.

Голова Шефа была задрана вверх, его единственный глаз широко раскрыт. Он понял, что его уже раньше наполовину разбудили загалдевшие вдруг часовые у костров. Но и на всей охраняемой равнине поднялся шум, неслись крики и пение труб, видимо, какой-то паникер решил оповестить своих людей о том, что они и сами уже видели. Огни, спускающиеся с небес.

Через несколько секунд глаза и разум Шефа стали воспринимать раскрывшуюся наверху картину. Прямо перед ним опускался ослепительный, как солнце, белый факел, от-

брасывая на кустарник мечущиеся отблески. Чуть повыше него — зеленый. А не очень далеко появились третий и четвертый. На секунду Шефу даже показалось, что он видит крошечную вспышку фитиля. Но этот проблеск сразу затмили яркие цвета заполнивших небо огней. Фиолетовый, желтый, красный. Новые огни рождались будто бы каждую секунду, хотя Шеф прекрасно знал, что это не так. Просто каждый из огней надолго завораживал взгляд. А тем временем успевали появиться новые. Должно быть, все три змея в воздухе и напряженно работают. Мальчики сделали свое дело лучше, чем Шеф мог рассчитывать.

Для собравшегося на равнине войска, для местных формирований, для людей епископов, для полуеретиков, да и для братьев Ордена, одинаково суеверных и с детства воспитанных на рассказах о демонах и чудесах, драконах и знамениях, понять, что представляют собой огни в небе, было невозможно. Люди видели не то, на что смотрели. Видели они лишь ближайшую к реальному зрелищу проекцию того, во что верили. По всей прилегающей к Пигпуньенту равнине разнеслись крики, люди пытались осмыслить неведомое и невиданное.

— Комета! Волосатая звезда! Суд Господень для тех, кто сверг длинноволосых королей, — завывал капеллан, мгновенно впадая в панику.

— Драконы в небе, — кричал риттер Ордена Копья, родом из земли Дракенберг, где сам воздух был пропитан верой в драконов. — Стреляйте в уязвимые места! Стреляйте, пока проклятые твари не опустились на землю!

Град стрел посыпался в небо от тех, кто услышал его, от жаждущих услышать хоть какой-нибудь приказ. Стрелы попадали на землю ярдов за двести, в загон с лошадьми кавалерийского отряда, и табун вырвался на свободу.

— Настал Судный День, и мертвые поднимаются к Богу в небеса, — причитал епископ с нечистой совестью, которую так и не успел облегчить. Его крики звучали неубедительно, ведь огни падали, а не поднимались, хотя падали неестественно медленно.

Но пока он кричал, какой-то зоркий человек разглядел огромный силуэт змея, скользнувшего над только что выпущенным огнем, и завопил истерически:

— Крылья! Я вижу их крылья! Это ангелы Божьи явились покарать грешников.

Вскоре по всей равнине стоял гул, десять тысяч человек выкрикивали каждый свое объяснение. Баккаларии, самые легкие из конников, среагировали первыми, мгновенно попрыгали в седла и целеустремленно умчались прочь. Пришедшие в ужас дозорные бросили свои посты в зарослях и сбились в кучу, надеясь, что вместе им будет не так страшно. Увидев распространение этой заразы, дисциплинированные германцы из Ордена Копья рассыпались во все стороны, чтобы взять под свою команду ненадежные франкские войска, ловили бегущих, избивали людей древками копий, пытаясь загнать их назад на оставленные посты.

Наблюдая из укрытия в кустарнике, Шеф терпеливо ждал своего часа. Он забыл об одной вещи. Хотя всех этих людей, внутреннее кольцо императорской стражи, несомненно, удалось отвлечь — сейчас они сгрудились вместе, прекратили обход, пялились в небеса, — сами огни высветили всю местность почти так же ярко, как днем. Если он сейчас попробует прорваться через расчищенную стражей полоску земли, его почти наверняка заметят. А если и не сразу, то позже, когда ему придется преодолевать засеку — заграждение из нарубленных веток. Чтобы добраться туда, ему нужно прикрытие. Потом-то он сможет расчистить себе путь и проползти сотню ярдов под кустами, что по другую сторону защитной полосы. Тогда отряд окажется на краю глубокого ущелья, которое подходило к самой крепости, того ущелья, о котором говорил Ришье. Во мраке ущелья они будут в безопасности. Но как туда добраться?

В небе появилось что-то другое, отличающееся от ровного свечения разноцветных факелов. Трепещущее красное зарево. Красное зарево разгоралось, затмевая соперничающие с ним белые, желтые и зеленые огни. Это не факел, а пламя. Шеф понял, что факелы горели во все время своего падения, приземляясь в густых сухих зарослях, через которые недавно пробирался отряд. И сразу поджигали их. В несущихся отовсюду криках появилась новая грань ужаса. Все местные жители знали об опасности пожаров во время *grande chaleur*, великого летнего зноя. Их деревни были защищены противо-

пожарными просеками, которые каждую весну заботливо расчищали и обновляли. Теперь же люди оказались на открытой местности, пожар охватывал их со всех сторон. К воплям ужаса добавился топот конских копыт и человеческих ног.

За пятьдесят ярдов от того места, где лежали Шеф и остальные, с козьей тропинки выбежала дюжина человек, устремившихся к голым скалам крепости, где гореть было нечему. Когда они добрались до бывшего кольца — а ныне толпы — дозорных, Шеф увидел, как засверкали копья, услышал сердитый окрик. Командир германских часовых преградил путь беглецам. Ответные выкрики, взмахи рук, указывающие на зарево пожара. Люди уже бежали со всех сторон. Шеф встал под кустами на четвереньки.

— Пошли.

Все удивленно уставились на него.

— Пошли. Притворяйтесь отбившимися от своих коневодами. Бегите, как будто потеряли голову от страха.

Он еще раз прополз под кустами, проломился через край заросли и выбежал на открытое место, оглядываясь и выкрикивая неразборчивые арабские слова в смеси с норвежскими. Остальные последовали за ним, хотя и нерешительно — из-за тех долгих часов, за которые уже привыкли прятаться. Шеф схватил Свирельку, оторвал от земли и стал трясти, словно обезумевшего от страха, потом повернулся и побежал, но не к тем скалам, где собирались остальные беглецы, а вдоль подножия горы. Германские воины смотрели на него, но видели только еще одного растерявшегося ополченца.

Забежав за угол, Шеф остановился, оттолкнул мальчишку, отчаянно колотившего ему в спину, и уставился на ворох колючих веток, из которых стражники сделали засеку. Так, вот слабое место. Он подошел, достал секач, висевший у него сзади на поясе. Несколько секунд Шеф рубил и резал, затем протиснулся в щель, не обращая внимания на впивающиеся сквозь одежду колючки. Остальные последовали за ним, Свирелька и его приятели сразу исчезли в открывшемся перед ними кустарнике, а Ришье опять задыхался и хватался за бок. Шеф взялся за него, силой пригнул к земле, грубо затолкал под ветви. Сам ящерицей полез следом, вложив все

оставшиеся силы в последний бросок. Вперед, к ущелью, к его утопающим во мраке скалам.

Когда шум позади утих и Шеф наконец увидел темную неохраняемую расселину, которая вела к самому основанию Пигпуньента, происходящее в небе снова заставило его перевести взор.

Там Шеф впервые увидел свой воздушный змей, кружащий над сброшенными им огнями. На фоне неба вырисовывался огненный контур. Пламя охватило ткань прямоугольной коробки, управляющие крылышки. А в центре, подобно пауку в паутине, виднелся силуэт мальчишки-летуна, Толмана, Хелми или Уббы. Должно быть, огонь от фитиля перекинулся на ткань. Или же факел был сброшен неудачно. Как бы то ни было, змей падал вниз сначала по бешеной спирали, затем, когда несущие поверхности прогорели, круто спикировал, словно сложивший крылья ястреб, и огненным метеором врезался в камни.

Шеф закрыл глаз, отвернулся. Подтолкнул Ришье вперед.

— Один из наших погиб ради вашей реликвии, — прошипел он. — Веди же нас к ней! Или я перережу тебе глотку в жертву духу моего мальчика.

Еретик стал неуклюже пробираться в темноте ко входу, который мог найти только он.

Глава 19

С крепко поджатыми от ярости губами император Бруно послал своего коня на узкую освещенную пламенем тропу; огромный жеребец взвился на дыбы и взмахнул подкованными сталью копытами. Одно из них ударило в висок пробиравшегося мимо беглеца, тот рухнул в кусты, где и остался лежать в безвестности, в ожидании огненного погребения в подступающем пожаре. Позади разъяренного императора его гвардия и командиры кулаком и кнутом наводили порядок среди паникеров, заставляя их построиться, выполнять приказы, распределиться вдоль тропы и вырубать противопожарную просеку. Но Бруно не обращал внимания на мордобой и неразбериху.

— Агилульф! — проревел он. — Найди среди этих ублюдков одного, который может говорить на нормальном языке. Я хочу узнать, куда упала эта хреновина с неба!

Агилульф соскользнул с лошади, исполнительный, но не скрывающий своих сомнений. Он поймал ближайшего человека и стал кричать ему в ухо на солдатской латыни, на которой разговаривал с греками. Пойманный, который знал только родной окситанский диалект и никогда не слышал, чтобы люди говорили на других языках, с ужасом таращился на немца.

Поглядев на эту сцену со спины своего неказистого мула, дьякон Эркенберт решил вмешаться. Среди согнанных в кучу беглецов он высмотрел черную рясу священника. Несомненно, деревенский священник, последовавший за своими прихожанами. Эркенберт направил к нему мула, освободил несчастного от хватки одного из свирепствующих сержантов Агилульфа.

— *Presbyter est*, — начал он. — *Nonne cognoscis linguam Latinam? Nobis fas est...*

Постепенно страх у священника прошел, он начал понимать непривычный английский выговор Эркенберта, пришел в себя настолько, чтобы вникнуть в смысл вопросов и ответить на них. Да, они видели огни в небе, приняли их за предзнаменование Страшного Суда и воскрешения мертвых, за души, поднимающиеся в небеса к своему Господу. Потом кто-то заметил взмах ангельских крыл, и весь их полк разбежался в ужасе, который только усилился из-за начавшегося лесного пожара. Да, он видел низвергшуюся на землю огненную фигуру.

— И как она выглядела? — возбужденно спросил дьякон.

— Она выглядела как ангел, в пламени низринутый с небес, несомненно, за его непокорность. Ужасно, что опять будет Падение ангелов...

— А куда упал ангел? — перебил его Эркенберт, пока снова не начались причитания.

Священник показал в кустарники на севере.

— Туда, — проговорил он. — Вон туда, где выбивается пламя.

Эркенберт огляделся. Основной пожар приближался к ним с юга. По-видимому, людям императора удастся остановить его на линии просеки, которую они уже начали вырубать. В работу включились сотни человек, деловитость и порядок распространялись повсюду, как масло по воде. На севере находился небольшой очаг огня, раздуваемый южным ветром. Он не выглядел опасным, так как примыкал к голому каменистому склону. Эркенберт кивком отпустил священника, повернул мула и подъехал к императору, по-прежнему кричавшему, но уже обнажившему меч.

— Следуйте за мной, — буркнул дьякон через плечо.

Через сотню шагов император понял, куда направляется Эркенберт, и галопом послал своего жеребца вперед, не обращая внимания на переплетение сучьев и колючки. Эркенберт неторопливо трусил вслед. Когда он приблизился к очагу пламени, император уже спешился и, намотав на руку поводья, смотрел вниз, на землю.

Там лежало изломанное о камни тело ребенка. Не оставалось и тени сомнений, что ребенок мертв. Его голова была разбита, концы оголившихся костей торчали из разорванных бедер. Император медленно наклонился, одной рукой приподнял ребенка за край его рубахи. Тельце обвисло, как мешок с цыплячьими костями.

— Должно быть, у него все кости переломаны, — сказал Бруно.

Эркенберт сплюнул в ладонь и слюной начертал на разбитом лбу крест.

— Возможно, это милость Господня, — сказал он. — Смотри, перед падением он сильно обгорел. Вот следы ожогов.

— Но почему он попал в огонь? И почему он упал? Вернее, с чего он упал? — Бруно уставился в небо, словно испрашивая ответа у звезд.

Эркенберт принялся шарить вокруг, среди валяющихся на земле обломков, почти полностью спаленных пожаром, который теперь удалялся по направлению ветра. Обломки жердей. Легких жердей, сделанных из какого-то растения с пустотелым стволом, похожего на ольху, но более прочного. И несколько обугленных обрывков ткани. Дьякон помял их в руке. Это не шерсть и не лен. «Какое-то экзотическое южное растение, — подумал он. — Хлопок. Очень тонко сотканный. Тонкая ткань, чтобы держать ветер подобно парусу».

— Это была какая-то машина, — сделал он вывод. — Машина, чтобы нести человека по воздуху. Но не взрослого, а мальчика. Маленького мальчика. В этом нет никакого колдовства, никакой *ars magica*. Это была даже не слишком-то хорошая машина. Однако новая машина. И я скажу тебе еще кое-что, — продолжал он, снова поглядев на мертвого ребенка, на его светлые волосы, на глаза, которые вполне могли быть голубыми до того, как огонь опалил их. — Этот мальчишка — мой соотечественник. Я это вижу по его лицу. Словно у церковного певчего. Это лицо англичанина.

— Английский мальчишка летает на новой машине, — прошептал Бруно. — Это может означать только одного человека, и мы оба знаем кого. Но зачем он это сделал?

Подоспевший к ним Агилульф услышал последний вопрос императора.

— Кто знает? — откликнулся он. — Кто способен проникнуть в замыслы этого дьявола? Я вспоминаю его загадочный корабль в том сражении при Бретраборге, я проплыл в двадцати футах от него и все равно до самого конца битвы не понимал, что это за судно.

— Самый простой способ разгадать план, — сказал Эркенберт, обращаясь теперь к императору на нижненемецком языке, так похожем на родной англо-нортумбрийский диалект дьякона, — самый простой способ разгадать план — это предположить, что он удался.

— Ты это о чем? — рявкнул император.

— Что ж, мы видим римского императора ночью в глухих зарослях, он стоит со своими советниками, и никто из них не понимает, что происходит и что нужно делать. Возможно, именно этого и добивался противник. Просто чтобы мы стояли здесь.

Встревоженное лицо императора неожиданно прояснилось. Он нагнулся, взял Эркенберта за крошечное плечико со своей обычной деликатностью, словно боялся раздавить его.

— За это я тебя сделаю архиепископом, — сказал он. — Я понял. Это отвлекающий маневр, чтобы мы смотрели не в ту сторону. Будто ночная атака на фланге, вдалеке от направления главного удара. И фокус удался! Все это время ублюдки могли подбираться к месту, которое еще несколько часов

назад было недоступно, как мышиная норка. — Он с легкостью вскочил в седло. — Агилульф, как только просека будет сделана, возьми оттуда всех рыцарей Ордена и верни их во внутреннее кольцо, удвой караулы вокруг крепости. И пошли шесть человек вдоль кольца постов, чтобы объяснили часовым, кого искать, и приказали сторожить дорогу в обоих направлениях — и внутрь, и наружу. — Он еще немного помедлил, прежде чем пришпорить жеребца. — И пришли сюда человека, чтобы забрал тело этого мальчишки. Он умер как герой, мы его похороним с почестями.

Шпоры вонзились в бока жеребца, и тот понесся вниз по каменистому склону. Агилульф поехал следом за ним выполнять полученный приказ. Оставленный в одиночестве Эркенберт взгромоздился на своего мула и неторопливо потрусил в том же направлении.

«Надо же, архиепископ, — думал он. — Император всегда выполняет свои обещания. И ведь имеется одна свободная архиепископия, в Йорке. Если Церковь сможет снова принять под свое крыло тамошних еретиков и вероотступников. Кто бы мог подумать, что я стану преемником самого Вульфира: он человек из знатного рода, а я сын деревенского священника и презренной наложницы. Странная вещь произошла с Вульфиром. Говорят, его хватил удар прямо в ванне. Любопытно, долго ли его пришлось держать под водой? Император великодушен и может простить неудачу. Но не лень. Все его псы должны лаять. И кусать тоже».

За краем скалистого ущелья, по которому карабкались Шеф, Ришье и Свирелька с мальчишками, яркое зарево высвечивало возвышающуюся перед ними неприступную каменную стену крепости, но в самом ущелье тень была достаточно глубока. Еще несколько секунд их будет укрывать темнота. Крики раздавались как сзади, где дозорные по-прежнему пялились на небесные огни, так и на крепостных стенах, там часовых пинками и тычками загоняли назад на посты. «На свету долго оставаться не стоит», — подумал Шеф.

Едва группа подошла к основанию стены, выраставшей, казалось, прямо из природной скалы, Ришье протолкался вперед. Повернувшись, он что-то резко сказал на местном диалекте. Шеф увидел, что Свирелька и остальные пастушки

отвернулись и закрыли лица. Ришье повторил свое распоряжение для Шефа, сопровождая его яростной жестикуляцией. Отвернись. Не смотри. Шеф неторопливо подчинился.

Но лишь на несколько мгновений. Он знал, что Ришье оглянется раз, другой, а потом приступит к тем манипуляциям, которые ему необходимо проделать. Это напоминало детскую игру под названием «Бабушка идет», где один ребенок подкрадывается к другому и должен угадать, когда тот обернется. Шеф повернул только голову, наблюдая в темноте за Ришье.

Тот, по-видимому, доставал из-под сорочки что-то висящее у него на шее. Поскреб по стене, вставил в нее то, что достал. Ключ, железный ключ. Шеф успел отвернуться за мгновенье до того, как Ришье решил оглянуться. Выждал, стал наблюдать снова. На этот раз Шеф услышал щелчок. Механизм сработал. Ришье подвинулся, кажется, отсчитывал камни стенной кладки. Остановился около одного из них, засунул пальцы в неровную щель, потянул. Камень вышел из стены, на добрый фут отойдя от поверхности.

Больше ничего не произошло. Заинтересовавшись, Шеф потихоньку подошел на расстояние вытянутой руки, наткнулся на негодующий взор Ришье, который снова решил оглянуться. Проигнорировал этот взор.

— А что теперь? — тихо прошептал он.

Ришье сглотнул слюну, потом негромко свистнул. Пятеро мальчишек украдкой вылезли из темноты ущелья. Ришье огляделся по сторонам, словно ожидая внезапного разоблачения, и наконец решился. Нагнувшись, он толкнул один из массивных камней в основании стены.

Камень почти беззвучно подался наружу, наружу одним концом и внутрь другим. Он вращается на оси, понял Шеф. От случайного поворота его удерживает другой камень, который Ришье выдвинул из стены. А тот камень фиксируется каким-то запором, который открывается ключом. А где же замочная скважина для ключа? Шеф присмотрелся повнимательней. Она скрыта подо мхом, сейчас мох сдвинут в сторону.

Ришье пригнулся и полез в отверстие. Шеф незамедлительно последовал за ним, разворачивая свои широкие плечи, чтобы протиснуться в узкую, не шире двух футов, щель. Внутри он попытался утвердиться на ногах и почувствовал,

что стоит на узкой каменной полоске. В одном направлении полоска сужалась. Шеф вытянул руку, нащупал перед собой каменную стену. Это лестница, винтовая лестница, спускаясь, она все время поворачивает влево. Он осторожно пробрался в темноте мимо Ришье, поднялся на ступеньку-другую и услышал, что пастушки тоже скользнули внутрь. Кряхтенье, толчок, и камень медленно затворился, отрезав даже слабые проблески света снаружи. В темноте, слыша со всех сторон испуганное дыхание мальчишек, Шеф почувствовал поднимающийся снизу запах смерти. Поднимающийся вместе со слабым, едва ощутимым потоком воздуха.

Во мраке посыпались искры, это Ришье пытался добыть огонь, Свирелька держал наготове сухой трут, а еще один мальчик — свечи. Шеф не стал ждать, ни слова не говоря, медленно пошел вверх по лестнице. Снизу донесся окрик, сначала на местном диалекте, потом на арабском языке:

— Не ходи вверх! Нам надо спускаться!

Но Шеф не слушал.

По мере подъема ток воздуха усилился, и его обостренные чувства отметили еще одно обстоятельство: усилился шум. Шум, который доносился сквозь стену. Сквозь стену ли?

Нет. Взявшись за железные перила, Шеф понял, что различает проблеск — не света, а более бледной темноты. И слышимость теперь была очень хорошая. Крикливые голоса, удары веревки или ремня по чьей-то спине. Порядок постепенно восстанавливается. Да, здесь в самом деле есть отверстие в камне, меньше человеческой ладони, но все равно есть. Шеф приник к дыре.

Он почти ничего не увидел, лишь красное зарево на небе, а прямо перед собой — снующие ноги. Сперва босые ноги, а потом металлические наголенники на тяжелых кожаных сапогах. Кричали германцы, Шеф почти понимал их слова. Уголком глаза он заметил и опознал еще один предмет. На земле лежала кирка. Значит, рабочие императора докопались до тайника. Просто они не успели этого понять, огни в небе отвлекли их в самый последний момент.

Снизу подошел Ришье с зажженной свечой. Шеф протянул руку и погасил пламя своими мозолистыми пальцами кузнеца. Ришье начал было ворчать, но Шеф зажал ему рот ладонью, подтолкнул вперед и прошептал:

— Смотри. Видишь дыру? Видишь там кирку?

Вникнув в смысл увиденного, Ришье весь затрясся под рукой Шефа. Тот еще раз шепнул:

— Пошли вниз.

Несколько витков вниз по лестнице, и показались ребята с зажженными свечами, терпеливо ожидающие распоряжений.

— У нас очень мало времени, — произнес Шеф уже нормальным голосом. — Веди нас, и побыстрее.

Ришье взял свечу, торопливо начал спускаться по нескончаемой лестнице, ввинчивающейся в самое сердце горы. Отсчитав две сотни ступенек, они остановились, и Шеф понял, что наконец-то стоит на ровном полу. Перед ним была крепкая сводчатая дверь из усиленного железными полосами дуба. Ришье достал еще один ключ. Прежде чем вставить его, он повернулся назад к ребятам и что-то буркнул. Все они упали на колени, осенили себя странным зигзагообразным знаком своей секты.

— Это самое святое наше место, — пояснил Ришье. — Сюда не может входить никто, кроме *perfecti*.

Шеф пожал плечами:

— Лучше побыстрее войти и вынести оттуда все что надо.

Ришье глянул на внушительную фигуру человека, в свое время с легкостью его разоружившего, и раздраженно мотнул головой:

— Входи, ибо так нужно. Но помни, что это святыня.

Свирелька и остальные, по-видимому, не нуждались в подобных напоминаниях. Они попятились назад, пропуская в дверь Ришье и Шефа. Оглядевшись при свете свечей, Шеф понял причину их робости.

Внутри было царство смерти. Доносившийся на лестницу трупный запах чувствовался здесь гораздо сильнее. Однако Шефу доводилось сталкиваться и с худшим, много худшим — на английских полях сражений. По-видимому, сухой воздух все-таки предотвращал разложение. Прямо перед ними за круглым столом находились двенадцать человек, двенадцать трупов; некоторые уткнулись лицом в ладони, некоторые попадали на пол. Ришье снова начертал в воздухе зигзагообразный знак, а Шеф по детской привычке начал

чертить крест, но вовремя спохватился и превратил крест в молот. Тор, или Тунор, — между мной и злом.

— Они предпочли смерть плену и пыткам, — сказал Ришье. — Они вместе приняли яд.

— Значит, от нас зависит, чтобы смерть их не оказалась напрасной, — ответил Шеф.

Ришье кивнул, собрался с духом и прошел по комнате, огибая трупы, к двери в дальней стене. Открыл замок, распахнул дверь.

— Здесь алтарь Грааля, — сказал он.

В этой комнате Ришье неожиданно стал двигаться с хозяйской уверенностью, как человек, который знает каждый закоулок и хочет подчеркнуть свое знание перед гостями. Со свечой в руке он обошел небольшое круглое помещение, одну за другой зажигая стоявшие у стен свечи в больших канделябрах. В золотых канделябрах, как сразу отметил Шеф. В упавшем от свечей свете стало видно еще больше золота на стенах и утвари этой часовенки, подобной христианской. Но на почетном месте здесь стоял не алтарь.

Это был гроб, каменный саркофаг, почти соприкасающийся с дальней стеной. А из него поднималась — невзрачная среди окружающей роскоши — самая обычная деревянная лесенка; в одну сторону у нее выступали три ступеньки, в другую две, края их были неровными, на бледной поверхности дерева кое-где еще оставалась кора.

— Это он, — сказал Ришье. — Грааль, на котором Господа нашего принесли с горы *Calvary*, с Голгофы. Восставшего из гроба, чтобы показать, что и нам будет дано воскресение.

— А мне показалось, Ансельм говорил, что Христос не воскресал. Что он умер, как обычный человек. Разве его тело не здесь?

— Его здесь нет. И нигде нет! Потому что мы воскресаем не так, как говорят об этом христиане во славу Церкви, матери зла. Мы воскресаем через отрешение от тела. Освобождая свой дух! «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей?» Есть только один способ...

Стон суеверного ужаса раздался позади Шефа, это пастушки услышали сакральные слова, произнесенные Ришье на исковерканном арабском, который они и сами едва пони-

мали. Ришье сердито оглянулся, осознал, что слишком разговорился при непосвященных, осознал также, что в священном месте, которое вот-вот будет осквернено, слова мало что значат.

— Не входи в лоно женщины! Не изливай семя! Перестань платить дань ему, Отцу, пославшему своего Сына на смерть, Князю мира сего, Богу, который на самом деле дьявол! Умри, не оставив детей, заложников у Врага.

«Неудивительно, что Свандис не была изнасилована, — подумал Шеф, посмотрев на исказившееся лицо со злобно сверкающим взором. — Хотя все это не ответ. Он заглянул в пустой гроб».

— Теперь скажи-ка мне. Что мы должны отсюда вынести? Кроме самого Грааля?

Ришье кивнул, собираясь с мыслями.

— Все это золото, разумеется, — он показал рукой на поблескивающий повсюду желтый металл. — Но важнее, гораздо важнее спасти книги.

— Книги?

— Наш Священный завет. Истинные Евангелия, написанные людьми, которые самолично разговаривали с Сыном Божьим. Когда Сын Божий стал мудрее, избавился от заблуждений своей юности.

«Интереснейшие, должно быть, книжки, — подумал Шеф. — Если это не подделки».

— Сколько они весят? — спросил он.

— Несколько фунтов, не больше. А еще... Еще мы должны унести Грааль.

Шеф с некоторым сомнением взглянул на поднимающуюся из гроба лесенку, подошел, чтобы потрогать ее. Позади него приглушенно зашипели от испуга и негодования, что неверующий коснется святой реликвии. Но ведь для этого они сюда и пришли. Именно поэтому послали неверующего. И вдобавок, верующий или неверующий, но он прошел испытание в *perfecti*, Ришье сам сказал об этом.

Высотой не больше семи футов, определил Шеф. Он осторожно поднял лесенку. Дерево старое, сухое, древностью в восемь с лишним столетий, если еретики не врут. Однако оно было предварительно хорошо просушено и никогда не хранилось на открытом воздухе. В Йорке, в старинных римских казармах, Шефу показывали лестницы и хоры, которые, как его уверяли, были построены еще во времена древних римлян. Нельзя было считать Грааль подделкой просто на том основании, что дерево так хорошо сохранилось. Несомненно, принципы еретиков запрещали им украшать реликвию золотом и самоцветами, как это сделали христиане с бесчисленными кусочками подлинного Креста Господня. Во всяком случае, лесенка была легкой, можно нести одной рукой. Неудобно только поднимать по винтовой лестнице. А что касается колючего кустарника снаружи...

— Ладно, — сказал Шеф, извлекая Грааль из гроба. — Ришье, бери свои книги, сделай сверток, их понесешь ты. Вы, парни, берите золотые подсвечники, тарелки, все золотые вещи, заворачивайте их в тряпки, разделите между собой, чтобы удобно было нести.

— В тряпки? — откликнулся Свирелька.

— Эти господа в соседней комнате не станут возражать, если вы возьмете у них одежду. Особенно для такой цели, — сказал Шеф, стараясь развеять атмосферу благоговейного ужаса. — Будь они живы, они сами велели бы вам сделать это. Их духи поддержат вас.

Мальчики неохотно повернулись и занялись своим скорбным делом. С лесенкой в руках Шеф прошел через обитель смерти и, остановившись на ступеньках, прислушался. В тишину подземелья по-прежнему доносились крики сверху. Плохой признак.

Шум сопровождал их в нелегком подъеме по винтовой лестнице, становясь все громче и явственно перекрывая их тяжелое дыхание. Шеф устало шагал впереди, утратив представление, как высоко они уже поднялись и где может находиться вращающийся на оси потайной камень. Грааль он нес в левой руке, чтобы не задевать за центральный столп винтовой лестницы. Каждый раз, когда реликвия стукалась о ступеньку или о стену, Ришье вздрагивал, иногда жалобно постанывал. Будь здесь посветлее, он бросился бы собирать каждый кусочек отваливающейся от лесенки коры.

Сзади зашипели. Шеф остановился, сообразив, что проскочил мимо нужного камня. Ришье, уже не заботясь о секретности, нащупал какой-то каменный выступ и потянул его

на себя. В стене, казавшейся сплошной, проступила трещина, потайная каменная дверь снова могла свободно вращаться на своей оси. Шеф помялся, аккуратно прислонил наверху Грааль к стене и спустился на три ступеньки вниз. Когда Ришье толкнул верхнюю половину камня наружу, Шеф поднырнул под медленно поднимающуюся внутрь нижнюю половину и уставился в темноту.

Не совсем в темноту. Ночь по-прежнему пронзали сполохи света, но теперь это было красное зарево, а не разноцветье арабских огней. Видел ли кто-нибудь, как выдвинулся камень? Тревожных криков слышно не было, вокруг крепости царила полная тишина. Шеф разглядел кустарник, через который они пробрались сюда, разглядел горы вдали. Нигде уже не метались паникеры, не видно было и часовых, вообще не видно было никакого движения. «Там слишком светло», — сказал себе Шеф, хотя прямо перед ним простирались глубокие тени от крепостной стены и склонов ущелья.

Кожа его покрылась мурашками. Он нырнул назад, подставил плечи под камень и, поднатужившись, повернул его на место. В мерцающем свете единственной свечи, которую Шеф разрешил оставить, Ришье испуганно уставился на него.

— Слишком тихо, — коротко сказал Шеф. — Мне доводилось слышать такую тишину раньше. Это значит, что они караулят. Может быть, путь наружу тоже. Может быть, они знают, что мы внутри.

— Мы не можем оставаться здесь.

— Нет! Нет! — раздался голос, которого Шеф никогда раньше не слышал, голос одного из пастушков. Он верещал на местном диалекте, которого Шеф не понимал, однако в голосе слышались безошибочные нотки. Нервы у мальчика не выдержали переживаний: тайной вылазки в стан врага, благоговения перед святилищем, ужаса при раздевании мертвецов, холода мрачных стен. — *Laissetz, laissetz me parti.* — Паренек толкнул камень, снова открыл выход, хотя и не полностью, но достаточно, чтобы проскользнуть в него как ласка, даже не отвязав заплечный мешок с золотом. Шеф схватился за мальчишку, но в руке у него остался только оторвавшийся клочок рубашки. А сам пастушок исчез. Шеф чуть-чуть повернул камень и приник глазом к щели шириной не более полуфута.

Он не увидел ничего, услышал лишь легкий топот босых ног по камням. Потом и этот звук стих. Тишина, несомый ветром слабый запах гари. И тут, когда Шеф уже был почти готов подавить свои опасения и повести группу вперед, раздался тихий, но отчетливый треск, словно от сломавшейся палки, тоненький, тут же прервавшийся крик, звон, будто от далекого гонга. Звон металла о камень.

Шеф снова затворил камень, на этот раз с решимостью обреченного.

— Вы слышали, — сказал он. — Его поймали. Теперь они знают, что мы здесь.

— Мы в ловушке, — задохнулся от ужаса Ришье. — Вместе с Граалем, ради спасения которого умерли наши старейшины.

— Эта винтовая лестница ведет не только вниз, но и вверх, — заметил Шеф.

— Мы не сможем разобрать стену изнутри, нас услышат.

— Но наверху должна быть еще одна потайная дверь, такая же, как эта, только ведущая внутрь крепости.

Ришье проглотил слюну.

— Она находится под башней. Под сгоревшей башней, где умер Маркабру.

— Значит, мы вылезем среди кучи обломков, это хорошо.

— Башня стояла во дворе напротив главных ворот. Не думаю, что отсюда есть какой-то другой выход. В крепостном дворе полно людей императора, его превратили в госпиталь для раненных в боях и пострадавших во время разборки стен. Мы не сможем просто так пройти по двору. Тем более с Граалем на плече! Хотя... ребята могут сойти за рабочих или их помощников, и я тоже, но вот ты...

Слишком высокий, хотел он сказать, похож на германца, только без оружия. И слишком приметный.

— Покажи мне, где кончается лестница, — сказал Шеф, в голове у которого уже созрел план. — Это не может быть далеко от того места, где кирками пробили дыру.

Бруно, милостью Божьей император Римской империи, а по своему собственному разумению — заместитель Бога на земле, стоял в главных воротах крепости Пигпуньент и наблюдал за ведущимися во дворе работами. Куда бы ни упал

его взгляд, там люди начинали стараться изо всех сил. Это не доставляло ему особого удовольствия. Так и должно быть. Хотя лицо императора оставалось бесстрастным, его переполняло такое неистовство, что он с трудом владел собой. Дважды во время своей бешеной скачки от места падения летающей машины обратно в крепость он с такой силой непроизвольно сжимал поводья, что жеребец вставал на дыбы, едва не скидывая седока. Зато он вернулся вовремя. В этом он был уверен. Как и в другом — все представление с огнями в небе было именно тем, о чем догадался его тщедушный дьякон: отвлекающим маневром. Несомненное свидетельство, что искомая реликвия находится где-то поблизости. Если бы он только мог взять ее! Сжимая в руке снабженное новым древком Копье, с которым никогда не расставался, Бруно позволил себе то, что делал лишь в моменты сильнейших переживаний: прижался щекой к наконечнику, пролившему кровь Сына Господня, чтобы ощутить исходящие от металла силу и уверенность, по праву предназначенные для императора.

Во дворе царила суматоха, как на последней несжатой полоске поля, где загнанные в ловушку крысы мечутся, пытаясь избежать приближающихся к ним серпов и дубинок. Но так могло показаться только постороннему глазу. Император же видел порядок в кажущемся беспорядке. Люди, которые днем и ночью работали над разорением этого гнезда еретиков, снова были пригнаны на работу со своими кирками и тачками, крепили блоки и канаты огромного подъемного механизма, с помощью которого вывороченные камни скидывали в пропасть. В углу двора их начальник, позволивший людям бросить работу, когда появились огни в небе, вопил, лежа на козлах из скрещенных копий, а два сержанта Ордена методично отсчитывали назначенные императором две сотни ударов плетью. Его бывший заместитель, ныне повышенный в должности, побледнев от страха, стоял в центре двора и выкрикивал распоряжения.

Проблему создавал лазарет. Исполненный заботы о благополучии тех, кто служил ему преданно, Бруно распорядился отвести на центральном дворе место для коек полевого лазарета, в который непрерывно поступал тоненький поток раненных в стычках с местными жителями и более интенсивный поток тех, у кого нога попала под камень или рука запуталась в переплетении канатов. Только в самой крепости в изобилии имелась чистая вода — в колодце, уходящем глубоко в скалу. Именно в питьевой воде пострадавшие нуждались больше всего. Теперь, однако, из-за пожара и паники ручеек раненых превратился в целый водопад. Люди, обгоревшие в пожаре, с переломами из-за падений, идиоты, которые поранились собственным оружием. Надо отменить приказ, по которому всех пострадавших отправляют в крепость, решил Бруно. Пусть подождут на прилегающей равнине до утра. Они уже начали мешать рабочим. Вон в том углу группа людей с носилками идет совершенно не в ту сторону. Бруно открыл было рот, чтобы окликнуть их, потом передумал, угрюмо велел Тассо заняться этими придурками, а сам повернулся к подоспевшему Агилульфу и прорычал ему распоряжение — всех пострадавших, кто еще не нашел себе койку, убрать и больше никого не пускать.

Вернувшись к наблюдению за двором, Бруно увидел группу людей, проталкивающихся через ворота. Люди в ней отличались выражением, написанным на их лицах. Это был не страх, а ликование и торжество. Едва они вошли, как в воротах показался верный Эркенберт, он шел пешком, оставив мула у подошвы горы.

— Что вы там нашли? — спросил Бруно.

— Крысу, — ответил их вожак, один из братьев Ордена. Глаза его поблескивали в красном зареве. Вольфрам, узнал Бруно, добрый воин из святого Эхтернаха. — Она выбежала из крепости и попала прямо в руки Дитриху.

— Из крепости? Но ваш пост с западной стороны, там нет ворот.

— Нет ворот, о которых мы знаем, *herra*. Но этот мальчишка, как мышонок, выбежал к западному ущелью. Он не спускался по стене, мы бы его заметили. Он мчался сломя голову, только пятки сверкали.

— Я подцепил его древком копья, — добавил грузный Дитрих. — Он сломал ногу и пытался завизжать, но я зажал ему рот. Он не смог предупредить тех, кто все еще внутри.

— И взгляни-ка сюда, *herra*, — продолжал сержант Вольфрам с сияющим от удовольствия и предвкушения лицом. — Взгляни, что крысеныш нес в свою норку.

Он развернул узелок у ног императора. Из него высыпались кубки, тарелки и массивный подсвечник. Золото заблестело в свете догорающего на равнине пожара.

Бруно нагнулся, поднял одно из блюд, ощутил его несомненную тяжесть. На нем что-то выгравировано. Трудно прочитать. Не буква ли «N», написанная плохим почерком?

— Что ты можешь из этого заключить? — спросил Бруно, передавая блюдо Эркенберту.

— Немногое, — ответил дьякон. — Но это не из имущества какого-нибудь сельского барона. Больше похоже на блюдо для облаток в соборе у Римского папы. Боюсь, нам придется спросить у мальчика.

Взгляды обратились на пленника. Совсем юный, с искаженным от боли лицом, одна нога поджата, чтобы не касаться ею земли. Смуглый, в плохой одежде. Из местных. После зрелища разбитого змея и его мертвого летуна Бруно наполовину ожидал увидеть еще одного проклятого англичанина.

— Пытались допросить его?

Вольфрам кивнул:

— Мы его не понимаем. Он нас тоже.

— Я найду переводчика, — сказал Эркенберт. — А потом мы сделаем то, что необходимо. Уведите его за ворота.

— Еще одно, — сказал Бруно. — Я знаю, что ты не будешь слишком добрым. И ни перед чем не остановишься ради того, что я должен от него узнать. Но вот мой совет. Никогда не начинай с легкой пытки, которую потом будешь усиливать. Мужество приходит во время сопротивления. С самого начала сделай ему очень больно, больнее, чем он сможет выдержать. Потом предложи ему, как от этого избавиться.

— Как только я найду местного священника для перевода, — обещал Эркенберт.

Пойманный мальчишка вертел головой из стороны в сторону. Он уже увидел то, что ему было нужно. А что же ему делать теперь? Должен ли он умереть как Маркабру и его воины? Он не знал.

На сотню ярдов ниже, в толпе изгнанных инвалидов и санитаров, Свирелька и его помощники боролись со своей нелегкой ношей — с Граалем, к срединному шесту которого

был крепко привязан Шеф; он раскинулся на выступающих в стороны ступеньках, за которые держались носильщики, а его легко опознаваемое лицо с одним глазом было прикрыто тряпкой, словно у обгоревшего или умершего человека. Ришье семенил позади них, посерев от страха, но крепко сжимая в руках сверток со своими драгоценными книгами. Ему довелось пройти в двадцати футах от земного воплощения дьявола, от самого императора. Слава Богу, истинному Богу, чья власть над Землей была узурпирована лживым дьяволом христиан, что все внимание Бруно отвлек несчастный Маури. Что теперь будет с Маури... увы, это еще раз продемонстрирует силу Князя мира сего, которому даже истинный Бог не всегда может противостоять в своем незаконно отнятом царстве.

Когда они устремились вниз по склону горы, их подстегнул раздавшийся сзади отчаянный крик. Пастушки смогли узнать этот голос, даже искаженный болью.

Глава 20

— Так мы потеряли Маури, — закончил Ришье. Горестный крик вырвался у одной из женщин в собравшейся толпе поселян — должно быть, у матери мальчика. Ансельм не произнес ни слова, по-прежнему неуверенно посматривал на самую драгоценную реликвию их секты, стоявшую открытой для взглядов непосвященных и язычников. «По-видимому, он наконец-то стал осознавать, что после выноса Грааля из крепости его проблемы только начинаются», — мрачно подумал Шеф. Он потихоньку отошел в сторону, испытывая знакомую боль в мускулах ног после езды на лошади, которую ему удалось украсть.

— Кого вы потеряли? — спросил Шеф, глядя на Квикку, стоявшего во главе отряда людей Пути. — Мы видели, как кто-то упал.

— Мы потеряли двоих. Толман жив, но расшибся.

— Двоих? Мы видели только одного падающего.

— Это был Убба, — вмешался Стеффи. — Мы не знаем, что с ним произошло, но, прежде чем Толман выпил отвар мака, чтобы уснуть, он успел рассказать, что было очень

трудно поджигать и кидать факелы, ничего не задев, ведь змей все время раскачивался и все такое. Видно, Убба поджег сам себя. После этого у него не было шансов.

— А тот, другой, как его звали? Хелми? Сирота Хелми, невысокий бледный мальчик.

— Он возвращался вполне благополучно, но летел слишком быстро. Он врезался в скалы ниже нашей площадки. Змей рассыпался, и Хелми упал с высоты футов двести. Мы не смогли найти тело.

На Шефа начала наваливаться депрессия вместе с усталостью и запоздалым потрясением от всех страхов, которые он слишком долго подавлял в себе. Он пришел, чтобы спасти Свандис, и он ее спас — но от чего? Эти люди и не собирались ее убивать. Если бы он не пришел за ней, они бы ее просто отпустили. Спасая одну, он убил двоих. Это только из своих людей. Что же до градуаля, или Грааля, или как там его величают, может быть, Маури и умер за него с радостью, но вряд ли эту жертву оправдывала старая деревянная лесенка, которую он все еще держал в руках. Шеф равнодушно перебросил ее Ансельму, тот машинально поймал ее, а потом выпятился, словно держал в руках гадюку. Его пытались также подкупить с помощью секрета греческого огня, но что он в конце концов узнал? Что от селитры огонь горит ярче и что пламя можно окрашивать в разные цвета. Это не имеет с греческим огнем ничего общего.

— Толман не так уж плох, — начал Квикка, увидев выражение его лица. — Просто он приземлился немножечко слишком жестко, закувыркался по камням. Мы его усыпили маком, пусть выздоравливает. — Квикка помялся. — Но все-таки он летал, государь. Даже над сушей и вдобавок ночью. Без всяких дурацких перьев и прочего.

Шеф кивнул. Это было как-никак достижение.

— Что мы теперь будем делать? — продолжал Квикка.

— Сейчас скажу. — Шеф оглядел кольцо слушателей, людей Пути и еретиков, смешавшихся на крошечной главной площади горного селения.

— Во-первых, Ансельм. Император просто обязан будет выяснить, откуда пришел Маури и кто он такой. А также что унесли мы. Можешь быть уверен, что скоро вся армия уйдет из Пигпуньента и двинется вслед за вами.

— Мы высоко в горах, а они не знают тайных троп...

Шеф прервал его:

— Ты не знаешь императора. Какие у вас есть самые безопасные убежища, спрячьте там всех. Вы лишитесь вашего скота и ваших домов. — Он пнул один из валявшихся прямо на земле золотых свертков. — На вашем месте я бы использовал это золото для восстановления хозяйства после того, как Бруно уйдет.

Ансельм нерешительно кивнул:

— Пещеры, пещеры летучих мышей. Мы можем спрятаться в них...

— Начните не откладывая. — Шеф показал на деревянную лесенку. — Возьмите это. За ваш Грааль уплачено тремя человеческими жизнями. Надеюсь, для вас эта цена не слишком высока. — Шеф повернулся в другую сторону и заговорил другим тоном: — Что касается нас, Квикка, ты помнишь, как Бранд сказал, что мы спустимся с гор быстрее, чем поднимались? Собери наш обоз, загрузи мулов, не забудь взять Толмана, и возвратимся к нашим кораблям как можно скорее. Конница императора уже в пути, и я хочу опередить ее.

— А когда вернемся на корабли?

— Сразу в путь, как только Хагбарт сможет поднять паруса.

Когда Ансельм и Квикка начали отдавать распоряжения, толпа потихоньку рассосалась. Шеф отошел в сторонку, устало присел на край деревенского колодца, потянулся за ковшом, который бросил на землю всего два дня назад. Через несколько мгновений он обнаружил рядом с собой Свандис, ее порванное белое платье было уже аккуратно зашито.

— Итак, — произнесла она, — что же бог еретиков дал тебе взамен жизни этих мальчишек? Деревянную лесенку? Или вы со старым дураком пожертвовали ими вообще напрасно?

Шеф вяло удивился, почему люди считают, что они могут чем-то помочь, задавая подобные вопросы. Как будто бы он сам не задумывался над ними. Ведь если богов вообще не существовало, как неустанно твердила Свандис, что ж, тогда действительно все было напрасно. Закончив свои распоряжения, к ним приблизился Ансельм. Он преклонил колена перед молодым королем:

— Ты спас нашу реликвию, и мы должны возблагодарить тебя.

— Я спас ее, потому что вы похитили Свандис. Думаю, вы все еще остались мне должны кое-что.

Ансельм помялся:

— Золото?

Шеф покачал головой:

— Знания.

— Мы рассказали тебе все, что знаем про огонь.

— Кроме золота и Грааля, мы вынесли из крепости книги. Истинные Евангелия, как назвал их Ришье. Почему вы не поведаете о них миру, как христиане поступают со своими Евангелиями?

— Мы верим, что знания — только для мудрых.

— Что ж, может быть, я достаточно мудр. Дайте мне одну из ваших книг. Иудеи, христиане и мусульмане, они все смеются над нами, людьми Пути, и говорят, что мы не люди Книги. Так что дайте мне одну из ваших книг, книгу с подлинным вероучением Иисуса. Возможно, после этого к нам станут относиться серьезней.

«Книги только для посвященных, — подумал Ансельм. — Учение нужно не просто прочитать, его нужно объяснить так, чтобы даже невежды не смогли понять его превратно. У нас только три экземпляра, и наш закон запрещает сделать больше. У варварского короля здесь тридцать человек, вооруженных непонятным оружием. Он, если захочет, сможет забрать все книги и Грааль вместе с ними. Из-за нас умерли его мальчишки. Лучше его не злить».

— Я дам тебе одну книгу, — неохотно сказал Ансельм. — Но сможешь ли ты прочитать ее?

— Если я не смогу, прочтет Соломон. Или Скальдфинн. — И Шеф вспомнил английскую пословицу: — Истина сама себя покажет.

«Что есть истина?» — подумал Ансельм, вспомнив слова Пилата в христианском Евангелии. Но не осмелился ничего сказать.

— Итак, мы упустили прокля... священную реликвию, когда она была у нас под самым носом, — прорычал император. Он провел неспокойную ночь, спать мешали не столько крики, доносившиеся из палатки, где делал свое дело Эркенберт, сколько его собственные мысли. А после ночи все утро поступали сообщения о всяческих неприятностях и дезертирстве, его войска из-за страха и переполоха рассеялись по округе.

— Да, — ответил черный дьякон. Он не боялся гнева императора. Он знал, что даже в самом дурном настроении Бруно сохраняет способность судить по справедливости. За это люди императора и любили его.

— Ладно. Скажи мне самое худшее.

— Эта штука, Святой Грааль, как называл ее мальчишка, была здесь, глубоко под землей. Мы уже почти нашли ее. Твой соперник, Единый Король, тоже побывал здесь. Мальчишка описал его безошибочно. Огни в небе — они, как я и сказал, были всего лишь отвлекающим маневром.

Император кивнул:

— Я не забыл своего обещания, и место во главе бывшей епархии Вульфира все еще вакантно. Дальше.

— Маневр удался. Пока дозорные занимались паникующими франками, враги проникли в крепость по какому-то тайному ходу. Добрались до святынь своего еретического вероучения, в том числе до Грааля, — а это, как ты и думал, лесенка. Мальчишка не знает, почему она священна.

— Как они выбрались оттуда?

— Мальчишки, конечно, уже не было с ними. Он ударился в панику, и его схватили бдительные часовые.

Император снова кивнул, решив про себя не наказывать, как собирался, Вольфрама и его людей. Успех отвлекающего маневра не был их виной, они ведь даже не реагировали на него, по крайней мере, не больше, чем сам император. И позже они оказались достаточно бдительны.

— Он не смог сказать, как выбрались остальные. Но было одно обстоятельство, которое он пытался скрыть от нас. Это выяснилось под конец. — Тут Эркенберт замялся. Может, император и справедлив, но здесь речь шла все-таки об унижении. — Под конец мальчишка решил рассказать все, поскольку понял, что его признания уже не имеют значения. Его друзья уже выбрались из крепости. *Он видел, как они прошли мимо нас.*

Император сощурился и выпрямился на походном табурете:

— Он не мог пройти мимо меня. Ни один одноглазый не

пройдет мимо меня, чтобы я не посмотрел на него очень пристально.

Эркенберт потупился:

— Его привязали к лесенке, и она выглядела как носилки. Ты сам приказал Тассо вытолкать их за ворота.

Последовало долгое молчание. Наконец Эркенберт поднял взгляд. Не замыслил ли император одно из своих жестоких самонаказаний? Он смотрел на кончик своего меча.

— Я его держал у самого горла этого человека, — бормотал Бруно. — Он, как девственница, был уже в моей власти. Мне оставалось только воткнуть меч. И я этого не сделал. Я говорю тебе, Эркенберт, мое доброе сердце меня погубит, так всегда вздыхала моя матушка. — Он усмехнулся. — Значит, они прошли мимо нас. И, разумеется, убежали в горы. Нам придется их преследовать. И, разумеется, вся проклятая конница разбежалась, или дезертировала, или отправилась поить своих проклятых лошадей, или что там еще. Но я своего добьюсь. Ладно, Эркенберт, найди мне проводника из местных.

Маленький дьякон не двинулся с места.

— Прости, государь, но подумай еще раз. Грааль, конечно, находится теперь далеко в горах, и поиски его могут оказаться очень трудными. Но разве это сейчас самое важное? Ваш соотечественник, капеллан Арно, который ныне на службе у папы, учил меня всегда находить на войне *Schwerpunkt*, главный пункт атаки или обороны. Не думаю, что сейчас этот пункт находится в горах. Я думаю, он находится там же, где Единый Король. Или там, куда Единый Король направился.

«Он и сегодня не может удержаться от этого титула, — подумал Бруно. — Несомненно, хочет подстегнуть меня. И это ему удается».

— Ладно. И где же находится он, король Шеф Победоносный? Как его величают, когда думают, что я не слышу.

Эркенберт пожал плечами:

— Где всегда находятся пираты? На своих кораблях. В гавани Септимании. В городе евреев.

Глаза Бруно заблестели чуть более угрожающе.

— Еретики и евреи. Язычники и вероотступники. Господь послал Своего Сына умереть ради них на кресте, а они даже спасибо не сказали. Уж лучше проклятые мавры, они

хоть во что-то верят. Да, мы знаем, что их корабли стоят в Септимании, потому что Георгиос их там видел. Можем ли мы быть уверены, что они там и останутся?

— Георгиос их подстерегает.

— Но если поднимется ветер, Георгиос не сможет их остановить, они с дальнего расстояния просто разнесут его галеры на кусочки, он сам в этом признавался.

Эркенберт потупился:

— Я... я, государь, уже предпринял некоторые шаги, чтобы изменить такое положение вещей. Чтобы не терять времени, я отдал приказ от вашего имени. В общем, я ведь не спал во время битвы при Бретраборге против проклятых датчан и все видел.

Император протянул руку и нежно похлопал коротышку-дьякона по плечу:

— Не делай для меня слишком многого, товарищ мой, или мне придется сделать тебя папой Римским. А ведь проклятый итальяшка еще не умер. Правда, это дело поправимое.

Внезапно он уже оказался на ногах, потребовал своего жеребца, шлем и Агилульфа. А через секунду он уже был снаружи, схватился за луку высокого франкского седла на своем жеребце. Он взлетел в седло, не касаясь стремени, поудобней примостил свой длинный меч, схватил брошенный ему шлем и повесил на луку.

— Куда вы направляетесь? — крикнул Эркенберт.

— На похороны.

— Людей, которые погибли прошлой ночью?

— Нет. Ребенка, который упал с небес. На шее у него был молоточек, поэтому его нельзя хоронить в освященной земле, но я приготовил для него отдельную могилу. И ночью вырезали надгробный камень. На нем надпись: «*Der erste Luftreiter*» — «Первый небесный всадник». Это немалые почести, правда?

Он умчался, сопровождаемый дождем искр, которые высекали из камней металлические подковы. Стоявший у входа в палатку *bruder* Ордена, невозмутимый бургундец по имени Йонн, с любовью улыбнулся вслед удаляющемуся императору, обнажив при этом сильно повыбитые зубы.

— Он настоящий *ritter*, — сказал сержант. — Уважает смелость даже у врагов.

«Мальчишка Маури до сих пор жив, — подумал Эркенберт. — Возможно, он успел достаточно оправиться, чтобы рассказать еще немножко. Возможно, теперь он заговорит сразу, при одном виде своего собеседника».

И снова Шеф с трудом выбрался из седла, на этот раз не столько страдая от усталости, мозолей и мышечных спазмов, сколько чувствуя уверенность, что ноги больше не способны держать его. Набережная в порту Септимании была вымощена очень ровно. Через несколько мгновений Шеф выпрямился, глянул поверх голов столпившихся людей.

— Море, — прохрипел он.

Бранд подал ему флягу разбавленного вина, на которое они перешли после того, как кончился эль, и стоял, уперев руки в боки, пока его повелитель жадно пил.

— Так что море?

— Я люблю море. Потому что оно ровное. Ладно. — Вокруг них собралось уже около сотни человек, портовых зевак, еврейских торговцев, но по большей части шкиперов и моряков Пути. Сразу же рассказать им, и слух разнесется. Нет смысла делать из этого тайну. — Все в порядке. Мы освободили Свандис. Боюсь, что мы потеряли двух наших парней, Хелми и Уббу. Поговорим об этом позже. Но самое главное, мы дернули императора за нос. И дернули очень больно. Он нас ищет, и, готов поспорить, он знает, что мы здесь. Так что готовимся к плаванию и давайте поскорее отчалим. Так будет лучше для всех, правда, Соломон? Император придет, а нас нет, все очень сожалеют, но делать нечего. Да что вы все тут застыли? Я же сказал, готовимся к отплытию, в чем дело-то...

Бранд обнял его огромной рукой, по-приятельски приподнял и понес вдоль набережной, толпа расступалась на их пути, но не выказывала ни малейшего желания последовать за ними.

— Давай немного прогуляемся вдоль мола, — предложил Бранд.

Через несколько шагов он снова опустил Шефа на землю, но не ослабил своей хватки. Они пробрались через многолюдные пристани к началу длинного каменного мола, выходящего из самого сердца города-крепости, и пошли по устроенной на нем дорожке длиной в сотню ярдов, перешагивая через железные кольца, к которым швартовались только маломерные суда, поскольку большие, как и флот Пути, стояли в акватории порта на якоре. На середине мола Бранд остановился и показал рукой в море.

— Что ты там видишь? — Он вытянул у Шефа из-за пояса подзорную трубу и подал ему.

Шеф взял ее, приставил к глазу, подвигал входящие одна в другую части, чтобы настроить фокус, и уставился в полуденное марево. Ничего он там не видел, слишком густая дымка, а если взять чуть-чуть в сторону... Ага!

— Галеры, — сказал он. — Красные галеры. Три штуки, нет, четыре.

— Правильно. Они появились на рассвете, сожгли пару рыбачьих лодок и отошли от берега. Просто показали нам, что они нас караулят.

— Ладно, — сказал Шеф, — сейчас полдень, ветра нет, и это дает им преимущество. Но через несколько часов, когда солнце начнет садиться, с моря подует бриз, надежный, как пищеварение у мула. Тогда настанет наш час. Мы выйдем в море, и если галеры попытаются нам помешать, мы их потопим. А потом немного поупражняемся с острогами, правильно? Отомстим за Сумаррфугла, — свирепо добавил он.

— Смотри дальше, — сказал Бранд.

Озадаченный, Шеф снова взялся за подзорную трубу. Дымка раздражала его, местами почти ничего не было видно, около поверхности моря дымка сгущалась. Вот. Там что-то было, ближе, чем он ожидал, ближе, чем галеры. Но он не мог понять, что это такое. Что-то серое и невысокое, едва выступающее над ровной поверхностью моря, это не корабль вовсе, больше похоже на длинный низменный остров. Шеф сдвигал и раздвигал подзорную трубу, пытаясь настроить расплывчатое изображение.

— Я не понимаю, что это такое.

— Я тоже. Попробуй посчитать корабли в гавани, тогда, может, поймешь.

Шеф обернулся, и сердце его похолодело. Двухмачтовики все на месте, выстроились в линию, все семь штук. Дракары викингов, сначала их было пять, потом они потеряли

«Марсвин» Сумаррфугла, значит, сколько осталось? Три. Он пересчитал еще раз. Три.

— Немного погодя галеры вернулись и притащили на буксире эту штуку. Я тоже не мог понять, что это такое, и послал Скарти на «Морском змее» с удвоенной командой гребцов. Он сказал, что сможет обогнать любого грека, будет на море ветер или нет. Я велел ему опасаться греческого огня, и он обещал быть осторожным. Но на сей раз это оказался не греческий огонь.

Шеф еще раз посмотрел на плот, теперь он смог различить на нем какие-то выпуклости. И было в них что-то знакомое. Очень знакомое.

— Скарти вышел в море, — сказал Бранд, — и стал подходить к плоту. Греки подпустили его поближе, а потом — бац! В воздухе полно камней от катапульт, «Морской змей» рассыпается на воде, на него налетают греческие галеры...

— Скольких человек мы потеряли? — глухо спросил Шеф.

— Ни одного. Вся команда Скарти родом с Готланда, они плавают как дельфины. А когда сзади полыхнуло пламя, ну и быстро же они поплыли! Хорошо, что Хагбарт был начеку, он послал пару ядер в воду перед галерами, и те убрались восвояси.

Да, даже в дымке можно разглядеть на плоту силуэты онагров, понял Шеф. По меньшей мере четыре штуки. А может быть, и больше. На плоской поверхности плота им не мешают стрелять никакие мачты, никакие шпангоуты не рассыпятся из-за мощной отдачи, так что можно ставить столько катапульт, сколько заблагорассудится. И ведь не Шеф был изобретателем катапульт, по крайней мере, такой их разновидности, как онагр, он же «мул». Потому что «мулы» раньше были онаграми, метательными машинами римских воинов; заново их создал дьякон Эркенберт. Он не забыл об онаграх, и машины не обманули его ожиданий. И тут вдруг Шеф понял, почему не сразу распознал катапульты на плоту, хотя они и казались ему знакомыми.

Они были закрыты броней. Стальными плитами, подобно тем, что стояли на старом «Неустрашимом» Шефа.

И в том, что делали их расчеты, также было что-то знакомое. Шеф огляделся на ровной поверхности мола, она возвышается на шесть футов над водой, они с Брандом могут, презрев свои титулы, просто прыгнуть в воду, нет ли здесь лесенки, чтобы уцепиться...

В небе раздался свист, камень звучно ударил о камень, во все стороны полетели осколки, Бранд с изумлением утирал со лба кровь. Это ядро ударилось о внешнюю сторону каменного пирса. Но послано оно было в цель, и этой целью были Шеф с Брандом. А на плоту у противника не меньше четырех катапульт.

Шеф без церемоний столкнул Бранда в воду гавани, под защиту каменной стены, и сам сразу спрыгнул следом. Они бултыхались в теплой воде, а над их головами проносились ядра, зарываясь в воду среди рассеянных по гавани лодок. Послышались крики шкиперов, отчаянно старающихся развернуться и подойти под защиту каменной стены мола.

— Итак, в открытое море нам не прорваться, — сказал Шеф. — Мы могли бы выстрелами разогнать галеры, но этот плот для нас то же самое, чем был «Неустрашимый» для наших противников. Маневрировать он не может, но и потопить его нельзя. Но для чего они это делают? Бранд, чего они добиваются?

— Что ж, — ответил Бранд. — Я всегда был уверен, что тебя не зря считают сообразительным. Но раз ты спрашиваешь, я скажу: все это необычайно похоже на то, что у некоторых чудаков зовется осадой.

В походном лагере халифа, который медленно и неуклонно вел свои войска на битву с предателями-евреями и северными пиратами-многобожниками, три женщины, сбившись в кружок, тихонько переговаривались между собою. Одна была англичанкой: с пепельными волосами и зелеными глазами, красавица в собственной стране, любопытная диковинка среди шатров правоверных. Несколько лет назад ее захватили датчане и, как девственницу, продали за сотню золотых дирхемов. Другая была родом из пограничных франкских земель: дочь раба, еще в детстве проданная хозяином, которому понадобились деньги. А третьей была черкешенка с далеких восточных окраин исламских земель, уроженка страны, народ которой издревле добывал себе средства к существованию продажей своих женщин, славящихся красо-

той и искусностью в любви. Подруги разговаривали на принятом в многоязычном гареме жаргоне, в основе которого лежал арабский язык, разбавленный иностранными словами. Этот жаргон предназначался для того, чтобы скрыть некоторые секреты от вечно подслушивающих евнухов, которые сторожили красавиц.

Все три женщины были раздосадованы и испуганы. Раздосадованы потому, что их вырвали из привычного кордовского комфорта и заставили сопровождать своего хозяина, вместе с десятком других красавиц скрашивать ему тяготы походной жизни. Разумеется, им не приходилось и шагу ступить, их всюду носили в устланных шелками и пухом паланкинах. Разумеется, нашлись рабы, чтобы ночами неустанно размахивать опахалами. Но твердую, выжженную солнцем землю лагеря невозможно было превратить в тенистые столичные дворики с фонтанами. Пусть их повелитель гордился, что переносит тяготы и невзгоды — хотя и в весьма ограниченном объеме — вместе с теми, кто по пыльным дорогам шел на битву с неверными, но женщины не находили в этом утешения. Одна из них была христианкой, второй пришлось принять ислам в десять лет, а третья вообще была родом из страны с такой необычной религией, что ее все равно не смог бы понять ни один чужеземец. Ничто так не способствует атеизму, как смешение множества противоречивых верований.

Для опасений у них было две причины. Во-первых, ни одна из трех до сих пор не подарила халифу ребенка. Поскольку этот факт не мог объясняться недостаточным рвением повелителя правоверных, их бесплодие считалось их виной, если не следствием преднамеренного убийства нерожденного еще ребенка. А второй причиной страха этих трех женщин было то, что никакие стены роскошных шатров не могли заглушить крики несчастных, которых каждый вечер казнили на плахе, забивали палками или сажали на кол за малейшую провинность и неугодность. Женщины страшились внезапных перепадов настроения Эр-Рахмана, а уж в таких вещах во всем лагере лучше них не разбирался никто.

— Халиф по-прежнему прислушивается к этому недоноску Мухатьяху, — сказала англичанка. — Тот все время нашептывает ему, подстрекает, а сам просто чахнет от зависти и злобы.

— Не может ли Мухатьях однажды съесть чего-нибудь, от чего ему поплохеет? — поинтересовалась черкешенка.

— Халифу доложат, что это был яд, — отозвалась франкская девушка. — И кто знает, на кого тогда падет его гнев? У нас нет человека, которому можно доверять. *Здесь* нет.

— Так, может быть, пусть он добьется своего, и мы все сможем вернуться домой?

— Домой? — переспросила англичанка. — Ты хочешь сказать, в Кордову? И это самое лучшее, на что мы можем в жизни рассчитывать? Ждать, когда халиф от нас устанет и пришлет человека с удавкой? Сколько лет тебе осталось, Берта? А тебе, Оулед? Мне уже стукнуло двадцать три.

— А что же нам еще остается? — расширив глаза, спросила Берта.

Англичанка, ее звали Альфлед, участвовала во многих гаремных интригах. Она не стала оглядываться и не изменила выражения лица, она засмеялась и зазвенела браслетами, якобы рассказывая о новой любовной игре, которую приготовила для халифа.

— Мы тут пропадаем в походной пыли и зное. Это ужасно, и все, чего мы хотим, — это чтобы халиф поскорее победил и мы наконец смогли вернуться в Кордову. Но что, если халиф потерпит поражение? Его армия и его флот недавно были разгромлены, вот почему мы здесь. А после поражения...

— Нами, как законной добычей, попользуется пол-армии.

— Не исключено. Но все зависит от армии. Вы ведь слышали, о чем рассказывала нам в Кордове та датчанка. В одной из сражающихся здесь армий в рабство никого не берут, и эту армию возглавляет мой соотечественник. А в армии Римского императора полно твоих земляков, Берта. Если мы наложим на себя крестное знамение и попросим защиты от приверженцев Пророка, христианские священники будут нам рады.

— Но если ты отвернешься от Аллаха и отречешься от *shahada*, пощады от мусульман тебе не будет, — возразила черкешенка.

— Нам нельзя проигрывать, вот и все.

— Так что же нам делать?

— Подстрекать халифа ринуться в бой, но так, чтобы он потерпел поражение.

— И как это устроить? У халифа есть поднаторевшие в военном деле генералы, он будет слушать их советы, а не наши. Да мы и сами не знаем, какой совет будет правильным, а какой нет.

— Мы не разбираемся в стратегии, — торжественно заявила Альфлед, — но мы разбираемся в людях. Выберем самого большого дурака и будем поддерживать его точку зрения. Самый большой дурак у нас — Мухатьях. Давайте поможем ему. Пусть наши голоса на подушках нашептывают то же самое, что этот осел говорит на совете. И мы еще кое-что добавим. Как мы желаем победы нашему повелителю, такому сильному, такому воинственному, такому страстному...

Ее сарказм был принят с молчаливым одобрением. Потом девушка из земли франков сказала:

— Так, значит, мы договорились, что в случае удачи та из нас, которая будет в фаворе у победителей, замолвит словечко за остальных? Если так, тогда я с вами. Но я бы тогда посоветовала еще одно, а именно — потянуть время. С каждым днем боевой дух в войске халифа падает. Чем сильнее будет беситься из-за этого халиф, тем быстрее станет распространяться зараза. Среди тайных едоков свинины, среди бывших христиан мустарибов, среди сторонников Тулунидов, среди читателей философских книг греков, среди тех, кто хотел бы переписать Коран. Среди всех тех, кто в глубине души верит в то, что сказала нам датчанка.

— Что нет Бога и нет Аллаха, — горячо подхватила Альфлед.

— Что вообще никаких богов нет, — поправила ее черкешенка.

Глава 21

Кольцо вокруг Септимании постепенно затягивалось, сначала блокада стала плотной, потом явной, потом слишком явной. Князь города-крепости Бенджамин ха-Наси на первых порах не хотел об этом и слышать, будучи уверен, что бед, накликанных на него гостящими в городе чужеземцами,

можно избежать. А если не избежать, то по крайней мере направить их по адресу, в случае необходимости схватить чужаков для выдачи разъяренному Римскому императору или выгнать в море навстречу грекам с их греческим огнем.

Вскоре он избавился от подобных заблуждений. Стало очевидно, что император в своей священной ярости не делает различия между христианскими еретиками, которые спрятали от него драгоценный Грааль, язычниками, которые этот Грааль выкрали, и евреями, которые отвергли Христа и кричали «распни Его». Парламентеры, посланные Бенджамином, однажды на рассвете «вернулись» — их головы перебросили в мешке через стену. Распространился слух, что перед смертью их насильно крестили, чтобы, по собственным словам императора, дать неверным собакам последний шанс на спасение души. В тот же день защитникам крепости с безопасного расстояния прокричали о поставленных императором условиях: первое и самое главное — Грааль, во-вторых, выдача его похитителей во главе с одноглазым королем, а в-третьих — капитуляция всего гарнизона и выдача должностных лиц города, босиком, в одних рубашках и с веревками на шее, в знак полной покорности воле Господа и Его наместника на Земле.

Но Грааля в Септимании не было. А без него рассчитывать на милосердие императора не приходилось. С печалью вспоминая Римского императора Веспасиана и падение Масады из своей давней истории, иудеи Септимании приготовились к отчаянному сопротивлению. Гонцы спускались по веревкам со стен или пробирались вдоль побережья, пытаясь передать сообщение их номинальному повелителю, кордовскому халифу, о нападении христиан на *Dar-al-Islam*, Дом Ислама. Увы, слишком часто окрики и вопли в ночи свидетельствовали, что гонцов перехватили. Ни у кого не возникало сомнений, что халиф откликнется на вызов христиан. Другое дело, как долго он будет собираться, насколько охотно станет защищать своих подданных, исповедующих другую религию, и каких сплетен о предательстве евреев он уже наслушался.

Северные моряки с воодушевлением помогали горожанам готовиться к обороне. Как только сторожевые костры противника стали появляться по ночам на окрестных хол-

мах, Квикка разослал своих помощников с заданием собрать каждый обрывок веревки и кусок дерева, который удастся найти в городских запасах или на двух десятках рыбачьих лодок и других судов, оказавшихся запертыми в гавани. Квикка собирался изготовить как можно больше катапульт, насколько хватит материала и места на стенах крепости. К этому времени англичане и викинги знали три разновидности метательных боевых машин.

Первая — хотя и последняя по времени появления на полях сражений — это онагры, потомки древнеримских приспособлений, возвращенные к жизни дьяконом Эркенбертом, скопировавшим их из труда Вегеция «*De re militari*»[1].

Онагры с силой бросали камни по настильной, почти горизонтальной траектории. Их снаряды могли разрушить корабль, пробить в стене дыру. Прочные и громоздкие, они были трудны в изготовлении. Малопригодны для стрельбы по пехоте и коннице, — как заметил Бранд, все равно что гонять мух с помощью кузнечного молота.

Вторую разновидность называли дротикометами. Такая же катапульта, как и «мулы», использующая мощь скрученной пружины, но стреляющая огромными стрелами или дротиками, словно гигантский арбалет на станке. Они пробивали любой щит или мантелет и наносили врагу несопоставимый с их небольшими размерами урон. Но они тоже были трудны в изготовлении и вдобавок опасны для обслуги. Когда вдруг вздумается лопнуть слишком сильно взведенной пружине, с уверенностью не мог сказать никто, даже самые опытные могли только догадываться об этом. При разрыве во все стороны хлестали обрывки канатов и разлетались куски разрушенной рамы, а обслуживающие катапульту люди получали страшные удары по рукам и по ребрам. Освобожденные английские рабы, из которых много лет назад набрали первые расчеты для таких катапульт, со временем научились ставить на деревянные рамы предохранительные стальные рессоры. Но в Септимании не нашлось нужной стали. И тогда Квикка сказал своим помощникам на языке, которого местные жители не понимали:

— Да ведь не мы же будем крутить эти проклятые пружины, правильно? Все-таки эти катапульты убьют больше врагов, чем своей обслуги, так что все в порядке.

[1] Военное дело.

А третьей разновидностью были примитивные машины, которые король Шеф изобрел самолично и которые назывались вращательницами. Привод у них был ручной, несколько человек одновременно дергали за короткое плечо качающегося рычага коромысла, а его длинное плечо взвивалось вверх и выбрасывало камень из прикрепленной на его конце пращи. Легкие в изготовлении и дешевые, вращательницы не требовали от своей обслуги никаких особых умений. На них нетрудно было взять прицел по направлению, но почти невозможно — по дальности. Их снаряды летели по крутой траектории, выброшенные силой повисающих на коротком конце рычага людей, а не взведенными пружинами. Эффективней всего вращательницы оказывались при стрельбе по плотным боевым порядкам, когда воинам просто некуда было уклониться. Команда Квикки соорудила несколько дюжин таких машин, понатыкала их на каждой крепостной стене, снаряды для них в неограниченном количестве можно было добывать прямо из каменистой почвы. Через некоторое время стрелять из вращательниц научились жительницы города, которые не хуже мужчин могли налегать на рычаги, тем самым высвободив воинов для рукопашных схваток.

После первых попыток штурма, предпринятых с разведывательными и демонстративными целями — хотя каждый раз на земле перед крепостными стенами оставались лежать убитые и раненые, — стало ясно, что дальнейший ход борьбы будет определяться характером местности.

Подобно многим прибрежным городам, Септимания выросла из поселения близ *cala*, устья реки, которая несла свои воды в море меж двух высоких утесов. Город располагался на двух этих холмах и на крутых берегах потока, однако с ростом населения строилось все больше мостов, и местами речка полностью скрывалась под их каменными пролетами. Вдобавок во время летнего зноя речка пересыхала. В районе городской стены ее русло было перегорожено тяжелой железной решеткой, упиравшейся в сухое каменистое дно.

Тем не менее русло реки оставалось слабым пунктом обороны, здесь штурмующие могли пробраться под стенами, а не лезть через них поверху. Бранд, обходя защитные соору-

жения в сопровождении Малаки, капитана княжеской гвардии, увидев это, ничего не сказал, но сразу велел Квикке устроить за железной решеткой окоп для дротикометов и приставить к машинам самых лучших катапультеров.

Вдоль всего полукружия городской черты шли каменные стены, прочно построенные и, как убедился Шеф, содержащиеся в должном порядке. Их штурм дорого бы обошелся атакующим. На обеих окраинах Септимании, где стены подходили к морю, вьющаяся вдоль побережья дорога вела внутрь города, чтобы путешествующим купцам пришлось заплатить пошлину за въезд. Ворота на том и другом конце были чрезвычайно прочные, из обитого железом дуба, а с защищавших ворота башен простреливались все подходы. Однако эти двое ворот тоже были слабыми местами в обороне.

И наконец, сама гавань. Средиземное море не знает приливов, поэтому здесь не было затопляемой береговой полосы и стены обрывались прямо в воду. Однако море было мелким. Сюда можно было подобраться даже вброд. Там, где атакующих встречали стены, такие же неприступные, как стены на суше, беспокоиться было не о чем. А вот там, где располагалась гавань, стены, естественно, не могли служить защитой. С севера и юга гавань была отгорожена длинными каменными пирсами, северный тянулся на добрую сотню ярдов, южный был в два раза короче. Они закрывали устье реки от внезапных свирепых штормов Внутреннего моря и строились долгие годы, по мере того как развивалась торговля и увеличивался размер судов. Оба пирса возвышались над поверхностью воды на шесть футов — удобно перебираться с палубы корабля, как и было задумано. Необходимость защищать их сильно тревожила Бранда.

— Они длинные, невысокие, и чтобы оборонять их мечами и копьями, нам понадобится пять, даже шесть сотен человек, — прикинул Бранд. — И при этом каждый защитник должен быть сильнее воинов противника, — добавил он.

— Угу, — ответил Квикка, — значит, мы не будем оборонять их мечами и копьями, равно как и топорами. Они длинные, они невысокие, на них негде укрыться, и к ним нет подходов. Арбалеты на малых дистанциях и «мулы» на больших. Мы размажем нападающих как дерьмо.

— А ночью? — спросил Бранд, поглаживая бороду. Он и

Малаки принялись подробно обсуждать, сколько у защитников людей и как их лучше всего расставить.

Самой последней проблемой было море. Вход в гавань, шириной в сотню футов от пирса до пирса, сейчас пересекало плавучее заграждение из бревен, соединенных массивными бронзовыми цепями и кольцами. Прорывающаяся в гавань галера разбила бы свой форштевень и повредила днище. И тем не менее что один человек сделал, другой может переделать. Любой опытный воин знает, что никакое заграждение не способно надолго задержать атакующих, если его не обороняют вооруженные люди, притом находящиеся в более выгодном положении, чем противник. Бранд аккуратно расставил семь парусников флота Пути так, чтобы им не грозили камни, летящие с бронированного плота, но чтобы они одновременно могли простреливать морские подходы из своих «мулов». Любой корабль или лодка, которые попытаются высадить десант, будут немедленно потоплены. По идее. Если все пойдет как надо. Если никто не ошибется. Если противник не придумает какую-нибудь хитрость.

Бранд и сам усиленно пытался придумать что-нибудь умное, глядя из укрытия на бронированный плот и силуэты красных галер за ним. Но в голову ему ничего не приходило. Он уже рассмотрел идею снять стальные пластины, загруженные в качестве балласта на все парусники, бронировать «Победителя Фафнира» или «Хагену», сделать из них еще одного «Неустрашимого» и послать в бой против бронированного плота. Но даже броня не защитит от греческого огня: Беовульф, в честь которого был назван «Победитель Грендаля», взял для защиты от дракона железный щит, однако, как тут же указал выслушавший эту историю Бранд, у Беовульфа не было деревянного корпуса. Разумеется, бронированный катапультоносец сможет потопить с большой дистанции красную галеру — если будет нужный ветер, — но ведь он не сможет одновременно сражаться с бронированной и притом непотопляемой плавучей крепостью. «Возможно, наступит день, когда нам придется так и сделать, — решил про себя Бранд, — но не раньше, чем ситуация на суше станет по-настоящему скверной». Все-таки одно дело умереть от удара копьем и совсем другое — сгореть заживо, как Сумаррфугл.

Занозой сидело воспоминание о том, как греки демонстративно сожгли маленькие торговые суда.

— Положение сложное, — пробасил Бранд своему шкиперу и кузену Стирру, которого жрецы Пути тоже позвали на свой неофициальный совет. — Но ведь никогда не знаешь, насколько оно сложно для противника. Все, что нам остается, — не совершать ошибок и ждать, пока им не надоест. В конце концов, они должны на что-то решиться или убираться прочь. А мы будем просто сидеть, где сидим.

— Пока что-нибудь не произойдет, — скептически сказал Хагбарт.

— Да.

— Что, например?

— Может быть, халиф придет со стотысячной армией. Может быть, кто-то отдаст императору эту проклятую лесенку или что ему там нужно. Может быть, боги заступятся за нас.

Последнее предположение было встречено крайне холодно.

— Скажу вам одну вещь. — Бранд попытался внести некоторое оживление.

— И что же?

— В данный момент император облегчает нам задачу.

Действительно, действия осаждающих будто нарочно были предназначены для того, чтобы придать защитникам крепости побольше уверенности в себе, не подвергая их серьезной опасности. Дня через два после того, как на окружающих холмах появились ночные костры кавалерийского авангарда и был переброшен мешок с головами парламентеров, император — если император отдал этот приказ — пошел на приступ в лоб на крепостные стены, одновременно на суше и там, где стены обрывались в море. На рассвете в каждом из двух этих пунктов атаки по тысяче человек вышли из укрытий и ринулись вперед со штурмовыми лестницами и крючьями.

Во время подготовки они наделали слишком много шума. Защитники успели приготовиться к штурму. Приставленные лестницы отталкивали рогатинами. Приделанные к крючьям канаты обрезали. В сгрудившихся у подножия стены воинов летели стрелы и камни из катапульт. Через несколько мгновений, когда стало ясно, что ситуация под контролем, Бранд оттащил от одной из приставленных лестниц еврейского гвардейца, рвущегося ее сбросить, отпихнул английского арбалетчика, прицелившегося в карабкающегося наверх человека, и сам встал около лестницы, спрятался за каменным зубцом, выставив вбок щит для защиты от стрел.

Над стеной появилось лицо с неистовым оскалом, воин перепрыгнул через парапет, он радовался подвалившей удаче, рвался расчистить на стене место для вторжения. Бранд примерился, взвесил в руке свой топор «Боевой тролль» и рубанул врага по голове, надвое раскроив череп вместе со шлемом. Отступил назад, махнул рукой арбалетчику и гвардейцу. Один выстрелил, другой толкнул рогатиной, и лестница вместе с тяжеловооруженными воинами рухнула в быстро растущую у стены кучу. Бранд осмотрел убитого воина, его оружие и доспехи, то, что осталось от его лица.

— Франк, — пробормотал он. — И богатый.

Он снял с пояса кошелек убитого, перехватил жадный взгляд арбалетчика.

— Не смотри так, в конце все разделим поровну, это *hermannalog*, закон воинов. Но я его впустил сюда не ради денег.

— А для чего же? — спросил опечаленный арбалетчик.

— Я хотел посмотреть, кто он. И я вижу, что это не один из ублюдочных монахов Ордена, у тех никогда нет ни пенни.

— И что это значит?

— Это значит, что император еще не воюет по-настоящему. Он просто проверяет, не слабаки ли мы.

Не обращая внимания на общий крик радости, который дружно издали северяне и иудеи, воины и мирные жители при виде беспорядочного отступления неприятеля, Бранд проталкивался вдоль крепостной стены, размышляя, где же начнется настоящая атака.

Как он и ожидал, со стороны пересохшего речного русла. Спустя полтора дня после первого, почти игрушечного приступа камни онагров стали бессмысленно долбить в крепостные стены, иногда перемахивая через зубцы и разрушая черепицу на крышах городских домов, но не причиняя вреда защитникам. Затем, когда плотность обстрела усилилась,

наблюдатель заметил стену из щитов, медленно двигающуюся вдоль пересохшего русла, которое вело в самое сердце Септимании. Фактически это были не щиты, а мантелеты с тяжелыми деревянными рамами, каждый несли по два человека, защищенные от стрел, арбалетных болтов и даже от сброшенных сверху камней. Конечно, камень из «мула» уничтожит мантелет вместе с укрывающимися за ним людьми, но на стенах не было «мулов», слишком трудно было бы нацеливать их вниз. Линия мантелетов потихоньку продвигалась вперед, и через некоторое время вызванный с командного поста Бранд увидел, что нападавшие яростно выкидывают из пересохшего русла камни и землю. А позади мантелетов по расчищенному руслу приближалось некое бронированное сооружение. Взмахом руки Бранд приказал выпустить в него зажигательные стрелы. Стрелы воткнулись в мокрые бычьи кожи и погасли. Сооружение продвинулось еще чуть ближе.

— Ты когда-нибудь видал такую штуку? — спросил Малаки у своего рослого коллеги на исковерканном арабском, единственном языке, на котором они могли понимать друг друга.

— Да.

— И что это?

— Таран, — Бранд употребил норвежское слово *murrbrjotr*, «стенобитное орудие», и пояснил его жестами.

— Что будем делать?

Сосредоточенно прикинув, куда подойдет неповоротливая машина, Бранд приказал воинам вырубить каменный блок с противоположной от нападающих стороны моста. Они за час аккуратно вырубили его кайлами и клиньями, стараясь не повредить остальную кладку, и массивный блок завис на краю пролета на высоте в двадцать футов над руслом. Бранд вдумчиво наблюдал, как на вершине камня укрепили толстое железное кольцо, а из порта притащили самую прочную железную цепь. Он сделал на конце цепи петлю, вставил в нее деревянную распорку, к которой привязал длинный трос. Еще оставалась уйма времени. Мантелеты потихоньку подкрадывались к мосту, за ними следовал таран, со стен их осыпали дождем камней из вращательниц. Неслись радостные вопли, когда разбитый мантелет повоз

рачивал в тыл или неосторожный воин, получив удар стрелой либо камнем, оставался лежать на пыльной земле. Все это не имело большого значения. За железной решеткой расчеты двух дротикометов постепенно меняли прицел, мантелеты и таран виднелись уже так близко, что промахнуться было невозможно. Бранд осторожно, чтобы не задеть подваженный каменный блок, перегнулся через тыловой зубец стены и подал дротикометчикам сигнал замереть в неподвижности.

Внизу раздались крики, и люди с мантелетами радостно хлынули назад и в стороны, по-прежнему удерживая над головами свои неуклюжие приспособления. Позади тарана, но за пределами досягаемости вращательниц — и с большим запасом — виднелось что-то вроде изготовившейся к атаке тяжеловооруженной пехоты. Похожи на монахов из Ордена Копья. Видимо, в этот раз император шел на приступ всерьез. Жалко, что нельзя заманить несколько *bruder*'ов в засаду, заставить их тоже расплачиваться кровью. Но мудрее будет не рисковать.

Таран, который под массивным защитным навесом толкала сотня человек, прокручивающих десять огромных колес, встал на позицию. Его обитое железом острие качнулось назад и затем ударило по решетке. Послышался звон гнущихся железных прутьев. Град стрел неожиданно пронесся в каких-то дюймах над верхушками крепостных зубцов, одновременно раздался двойной удар ядер, выпущенных из онагров, спрятанных на позиции в холмах. Бранд покривился, высоко поднял свой щит, быстро и осторожно выглянул наружу. В щит посыпались стрелы, отскакивая от металлического набалдашника. Одна особенно меткая стрела пробила щит насквозь и распорола руку у локтя. Бранд продолжал расставлять людей для работы с цепью.

Снизу снова раздался лязг, Малаки обеспокоенно поглядел на искореженную железную решетку. Бранд отступил назад, поднял большой палец. Четыре человека одновременно скинули вниз петлю на конце железной цепи. В этот момент таран ударил снова. И попал в петлю.

Бранд дернул за длинный тросик, распорка выскочила, а петля с ужасным скрипом затянулась вокруг тарана. Бранд опять кивнул, теперь уже людям около вывороченного ка-

менного блока. Они разом налегли на подведенные под его основание ваги, камень закачался на краю моста над пересохшим руслом реки, они налегли еще разок. Сначала медленно, потом стремительно пятитонный каменный блок перевалился через край и в облаке пыли ухнул вниз. За ним устремилась цепь, захватившая в петлю на другом ее конце железную головку тарана. Расчеты дротикометов, расположенных непосредственно под мостом, в нескольких футах от решетки, в которую бил таран, увидели, как непреодолимая сила вздернула в воздух таран, а вместе с ним и весь его защитный панцирь. Под ним, мигая, как вытащенные на свет кроты, словно лишившиеся вдруг своей раковины улитки, воины, обслуживающие таран, беспомощно глядели на своих врагов и на свое раскачивающееся на цепи в нескольких футах над их головами орудие.

— Стреляйте! — зарычал Бранд. — Да что ж вы смотрите!

Капитаны расчетов довернули свои дротикометы на несколько дюймов, чтобы не попасть в прутья решетки, и высвободили пружины. Один из огромных дротиков, вызвав у Бранда новый крик ярости, с расстояния в шесть футов ухитрился ни в кого не попасть и умчался далеко в долину, зарывшись в землю у ног изготовившихся к атаке пехотинцев. Другой же, не столько благодаря точному прицелу, сколько по чистому везению, попал в толпу воинов, насадил трех из них, словно жаворонков на вертел, и даже убил следующего человека.

Обслуга тарана, франкские рыцари и крестьяне, сразу опомнилась и бросилась бежать прочь от моста. Бранд, взмахом руки приказав иудейским лучникам и английским арбалетчикам стрелять из-за зубцов, кляня все на свете, когда те промахивались и человек убегал, принялся с досадой пересчитывать распростертые на земле тела.

— Мы ведь отбились, — сказал ему Малаки, пытаясь утихомирить гиганта. — Ничего нет хорошего в том, чтобы убивать без необходимости.

Бранд, продолжая ругаться по-норвежски, поискал глазами переводчика:

— Скажи ему, что необходимость есть. Я не хочу их отбросить, я хочу их ослабить. Пусть знают, что за каждую попытку будут расплачиваться кровью. Тогда они в другой раз не полезут на нас так нагло.

И он ушел распорядиться, чтобы принесли растопку, накидали ее поверх обломков тарана и подожгли огненными стрелами. Жизненно важно не оставлять прикрытие для следующего штурма, особенно теперь, когда решетка покорежена и ослаблена. Мокрые бычьи кожи скоро высохнут на солнце. А обнаженная деревянная рама и колеса сразу сгорят дотла.

Когда все было сделано, переводчик Скальдфинн снова подошел к Бранду:

— Я поговорил с капитаном. Он считает, что ты хорошо разбираешься в обороне крепостей, и благодаря этому он чувствует себя уверенней, чем несколько дней тому назад.

Бранд посмотрел исподлобья, из-под своих нависающих надбровных дуг, унаследованных от предка-марбендилла.

— Я тридцать лет сражался в первых рядах, ты об этом знаешь, Скальдфинн. Я видел множество битв, множество удачных и неудачных штурмов крепостей. Но ты знаешь, Скальдфинн, что на Севере каменные стены редкость. Я видел падение Гамбурга и Йорка, меня не было под Парижем, который не удалось взять старому Рагнару Волосатой Штанине. Я знаю только о самых простых вещах — о штурмовых лестницах и таранах. Что мы будем делать, если они построят осадную башню? Об этом у меня не спрашивай. А ведь они могут придумать что-нибудь похитрее. Нет, в осаде требуются мозги, а не мышцы. Я надеюсь, что здесь найдутся мозги получше моих.

— Он хочет узнать, — сказал Скальдфинн после перевода, — если все обстоит именно так, почему же мы не видим здесь на стенах вашего повелителя, одноглазого короля? Разве он не лучше всех на свете разбирается в машинах и изобретениях? Так что же мне ему ответить?

Бранд пожал тяжелыми плечами:

— Ты знаешь ответ не хуже меня, Скальдфинн. Так что скажи ему правду. Скажи ему, что наш повелитель, который сейчас нужен нам, как никогда прежде, занят кое-чем другим. И ты прекрасно знаешь чем.

— Знаю, — признался Скальдфинн, глубоко вздохнув. — Он сидит в гавани со своей подругой и читает книгу.

Пытается читать книгу, так было бы сказать точнее. Шеф был едва-едва грамотен. В детстве деревенский священник отец Андреас вбивал в него азбуку; главным образом из-за того, что Шеф должен был получить такое же образование, как и его сводные сестра и брат, а не по какой-то иной причине. В результате он мог по складам читать английские слова, записанные латинскими буквами, но лишь с великими трудностями, которые ничуть не уменьшились, когда Шеф стал королем.

Полученная от еретиков книга не доставляла много хлопот в том, что касалось почерка. Если бы Шеф знал больше, знал бы буквально все на свете, он бы сразу определил тип почерка — каролингский маюскул, самый красивый из средневековых шрифтов, он читается легко, словно печатный, — и это само по себе доказывает, что манускрипт представляет собой лишь позднюю копию, сделанную не более пятидесяти или шестидесяти лет назад. А так Шеф мог лишь сказать, что почерк он разбирает легко. К сожалению, он ни слова не мог понять из языка книги — это была латынь. Плохая латынь, как мгновенно определил переводчик Соломон, когда книга попала к нему. Латынь человека необразованного, много худшая, чем латынь сделанного святым Иеронимом перевода Библии, и, судя по встречающимся необычным словам, латынь уроженца этих гор. Соломон пришел к выводу, что первоначально книга была написана не на латыни. А также не на греческом и не на иврите. На каком-то языке, которого Соломон не знал.

Тем не менее Соломон хорошо понимал текст. Сначала он просто переводил вслух для Шефа и Свандис. Но когда очарование книги захватило Шефа, он остановил Соломона и со свойственной ему кипучей энергией организовал целую команду переводчиков. Теперь все семеро, включая слушателей, собрались в тенистом дворике неподалеку от порта. Вино и вода стояли в глиняных горшках, обернутых мокрыми тряпками, чтобы охлаждались за счет испарения. Если бы Шеф привстал, он бы увидел за белой оштукатуренной стеной, как корабли его флота покачиваются на якорной стоянке, зафиксированные береговыми швартовами так, чтобы всегда оставаться развернутыми бортом ко входу в гавань и к пирсам. Расчеты катапульт лежали рядом со своими орудиями на солнышке, впередсмотрящие внимательно следили за греческими галерами, лениво крейсирующими вне предельной дальности выстрела, и за бронированным плотом, который время от времени, видимо для практики, посылал ядро, пролетающее над пирсами и впустую шлепающееся в воду гавани. Но привставал Шеф редко. Разум его был поглощен открывшейся перед ним задачей. Задачей, как подсказывало ему внутреннее чувство, даже более важной, чем осада. По крайней мере, чем осада на нынешней стадии.

Соломон с книгой в руках стоял посреди дворика. Он неторопливо, фраза за фразой, переводил прочитанное по-латыни на базарный арабский язык, который могло понять большинство его слушателей. Дальше информация растекалась по трем руслам. Шеф переводил арабскую речь Соломона на англо-норвежский жаргон, принятый в его флоте и при его дворе, а Торвин записывал это своими руническими письменами. Отысканный Соломоном христианский священник, которого его епископ лишил сана за какое-то неведомое преступление, в это же время переводил арабскую речь на происходящий от латыни горный *patois*, называемый некоторыми каталонским языком, а также окситанским, или прованским, и сам записывал свой вариант. Причем с немалыми трудностями и часто жалуясь, ведь его родной диалект никогда не имел письменной формы, и священнику раз за разом приходилось задумываться, как пишется то или иное слово.

— Пишется так, как произносится, — гудел Торвин, но его никто не слушал.

И наконец, гораздо быстрее остальных переводил арабский на иврит один из учеников Мойши, записывая текст с помощью сложного, не имеющего гласных алфавита. Рядом с пятью мужчинами сидела Свандис, внимательно слушала и комментировала развертывающееся повествование. В тени на соломенном тюфяке лежал юнга Толман, все еще забинтованный, и таращился изумленными глазами.

В результате одна книга превращалась в четыре, написанные на разных языках и с разным умением.

Сам оригинал звучал очень странно, его самобытность то и дело заставляла Соломона поднимать бровь и теребить бороду. Текст начинался с такого введения:

«Вот слова Иисуса бен-Иосифа, некогда умершего и ныне воскресшего. Не воскресшего духом, как говорят иные, а воскресшего во плоти. Ибо что есть дух? Есть такие, кто говорит, что буква убивает, а дух животворит[1].

Но я говорю вам, что ни буква не убивает, ни дух не животворит, но дух есть жизнь, а жизнь есть тело. Ибо кто может сказать, что жизнь, дух и тело — это три, а не одно? Ибо кто видел дух без тела? Или кто видел тело без жизни, но с душой? И поэтому три есть одно, но одно не есть три. Это говорю я, Иисус бен-Иосиф, тот, кто умер, но жив...»

Дальше повествование шло довольно бессвязно. Но сквозь эту бессвязность, и все яснее по мере того, как переводчики листали страницы, проступали свидетельства пережитого, и эти свидетельства согласовывались с тем, что Шеф узнал от еретика Ансельма, а также — хотя он все еще опасался сказать об этом Свандис — с тем, что сам Шеф видел в видении распятого Христа.

Кем бы в действительности ни был автор, он заявлял, что был распят, прибит к кресту и вкусил горького уксуса, он повторял это снова и снова. Он был убит и снят с креста. Он вернулся к жизни, и его ученики сняли его с креста и увезли из страны. Теперь он жил в чужой земле и старался найти смысл всего, что произошло. Мораль, которую он выводил, выражала горькое разочарование. Снова и снова он ссылался на слова, сказанные им в предыдущей жизни, то отрицая их, то называя безрассудными, то забирая обратно. По временам он начинал отвечать на собственные риторические вопросы.

«Однажды я сказал: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?»[2] Так спрашивал я в безрассудстве своем, не зная, что многим отцам нечего дать, кроме камня, а у многих есть хлеб, но и они подают только камень. Так сделал мой отец, когда я воззвал к нему...»

В этом месте Соломон запнулся, так как он узнал фразу, которую переводил. «*Domne, domne, quare me tradidisti*?» — звучала она на исковерканной латыни книги. Но на арамейском языке она звучала так: «Элои, Элои! ламма савахфани?»[1] Так это приведено в Евангелии от Марка.

[1] Второе послание апостола Павла к Коринфянам, 3:6.

[2] Евангелие от Матфея, 7:9.

Соломон ни словом не обмолвился об этом совпадении и продолжил перевод самым ровным голосом, на какой был способен.

Казалось, что рассказчик настроен против всех отцов, по крайней мере против небесных отцов. Он настаивал, что небесный отец существует. Но он настаивал также, что этот отец не может быть добрым. Будь он добр, разве мир был бы таким, какой он есть, полным горя, страха, болезней и страданий? И если многие, как известно рассказчику, доказывают, что все это лишь наказание за грех Адама и Евы, то разве не повторяется здесь старая история о том, как грешат родители, а страдают дети? Что это за родители, если обрекают своих детей на рабство и смерть? Ведь этого рабства и смерти можно было бы избежать, говорилось в еретической книге. Но способ избавления не в том, чтобы заплатить какую-то цену, выкуп, потому что отец-работорговец не примет выкупа. Освободиться нужно самому. И первый шаг к освобождению — не верить в жизнь после смерти, в жизнь под властью Князя мира сего, *princeps huius mundi*, как постоянно называл его автор. Нужно прожить свою жизнь так, чтобы получить как можно больше удовольствия, ведь удовольствие есть истинный дар того Бога, что не от мира сего, и проклятье для Бога-дьявола, что правит этим миром, для Отца-предателя. Нужно не порождать в этом мире новых рабов, чтобы этот Отец потом тиранил их, нет, нужно самому распоряжаться своим духом и своим семенем.

— Что ты обо всем этом думаешь? — обратился Шеф к Соломону, когда они сделали перерыв, чтобы очинить перья и промочить глотки.

Соломон подергал себя за бороду, покосился на Лазаря, ученика и шпиона Мойши, который не уставал обвинять Соломона в том, что он навлек на город гнев христиан.

— Изложено плохо. Но тем интересней.

— Почему так?

— Я читал наши священные книги, иудейскую Тору,

[1] «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» Евангелие от Марка, 15:34.

прочитал и христианские Евангелия. И Коран приверженцев Мухаммеда. Все они разные. И во всех говорится то, что, по-видимому, не хотели сказать их авторы.

Шеф промолчал, позволив Соломону самому ответить на невысказанный вопрос.

— Утверждается, что Коран — слова самого Бога, вложенные в уста Мухаммеда. Мне кажется, что эта книга написана великим поэтом, человеком, знакомым с вдохновением. Тем не менее она не рассказывает ни о чем таком, что не было бы известно... скажем, много поездившему по миру арабскому купцу, который стремится превыше всего поставить веру и избавиться от мелочного рационализма греков.

— Она написана человеком, а не Богом, хотите вы сказать, — вставила Свандис, с триумфом поглядев на Шефа.

— А Евангелия? — подсказал Шеф.

Соломон улыбнулся:

— Они, мягко говоря, путаные. Даже христиане заметили, что они противоречат друг другу в деталях, и рассматривают это как доказательство их истинности: либо истинности в духовном смысле, что в конечном счете не подлежит сомнению, так как не нуждается в доказательствах, либо истинности в том смысле, что разные описания одного и того же события могут быть правдивы каждое по-своему. Для меня очевидно, что все они были написаны спустя долгое время после событий, о которых в них рассказывается, и написаны людьми, которые очень хорошо знали священные книги иудеев. Невозможно отличить то, что на самом деле произошло, от того, что автор хотел, чтобы произошло. И все же... — Он умолк, снова взглянув на Лазаря. — И все же я должен сказать, что они правдивы, по крайней мере по-человечески правдивы. Все они рассказывают историю крайне неудобного человека, проповедника, который не говорил того, чего от него ждали. Он не осудил прелюбодейку. Он не разрешил разводиться. Он не велел платить подать кесарю. Он ничего не имел против иноземцев, даже римлян. Его слушатели пытались исказить его слова уже в тот момент, когда он их произносил. Это странная история, а странные истории часто оказываются правдой.

— Но ты ничего не сказал о своей священной книге, — снова заметил Шеф.

Соломон еще раз покосился на Лазаря. Они разговаривали на англо-норвежском жаргоне гостей, Лазарь наверняка не понимал его. Однако держался настороженно, навострив уши на любое слово, которое сможет разобрать. При нем следует высказываться поосторожней.

Соломон поклонился:

— В священных книгах моей религии записаны слова Господа, и против этого я ничего не могу сказать. Странно, однако, что Бог иногда употребляет два разных слова. Например, в рассказе о нашем предке Адаме и жене его Еве, — Соломон постарался произнести эти имена в английском стиле, — иногда указывается одно имя Бога, а иногда другое. Это все равно, как если бы — я подчеркиваю, как если бы — был один автор, который использовал, скажем, в вашем языке слово *metod*, и другой, который предпочитал слово *dryhten*. Эти два слова как будто бы указывают на существование двух различных авторов одной истории.

— И что из этого следует? — спросил Торвин.

Соломон вежливо пожал плечами:

— Это трудный текст.

— Ты сказал, что во всех священных книгах есть то, чего не собирались говорить их авторы, — гнул свою линию Шеф, — и я понимаю, что ты имеешь в виду. Ну а вот эта книга, которую мы читаем, что она говорит нам такого, о чем не собирался рассказывать ее автор?

— По моему мнению, — ответил Соломон, — это рассказ человека, который испытал величайшие страдания и поэтому не может думать ни о чем другом. Возможно, ты встречал таких людей. — Шеф вспомнил о бывшем своем ратоборце, кастрированном берсерке Кутреде, и кивнул. — От таких людей нельзя ждать ясного рассказа. Они безумны, и автор этой книги тоже был в каком-то смысле безумен. Но ведь возможно, что безумен он был из-за ясности своего понимания.

— Я кое-что расскажу вам об этом, — с внезапной решимостью сказала Свандис. — О том, чего не поняли эти тупые горцы. Дураки вроде Тьерри, который меня похитил, но не изнасиловал.

Все взгляды обратились на нее. К своему удивлению, Шеф обнаружил на ее загорелом лице следы стыдливого ру-

мянца. Свандис смущенно глянула на Толмана и все-таки решилась:

— Когда мужчина лежит с женщиной — по крайней мере у нас на Севере, я слышала, что арабы в этом отношении мудрее, — он думает только о том, как бы излить в ее чрево свое семя. Но есть другой способ... — Шеф с изумлением уставился на нее, недоумевая, что она имеет в виду. И откуда ей об этом известно. — Дойти почти до самого конца, а потом... ну... отступить. Излить семя не в лоно. Женщине от этого ничуть не хуже, для нее чем дольше, тем лучше. И для мужчины это тоже хорошо. От этого не заводятся дети, лишние голодные рты. Жалко, что слишком мало мужчин умеют так делать. Но, само собой, это подразумевает, что мужчина должен позаботиться и о женщине, а уж на такое ни один мужик не способен, когда он думает только о своем удовольствии! Но во всяком случае, в книге говорится именно об этом. Тот, кто ее написал, кое-что понимал. А Тьерри, Ансельм и Ришье, они-то считают, будто автор заставляет их отказаться от женщин, жить как монахи! А ведь книга все время учит нас получать от жизни удовольствие. Если нельзя получать удовольствие от женщин — или от мужчин, — то что же остается? Как все-таки мужчины глупы!

Шеф с кислым удовлетворением увидел, что Торвин и Соломон вроде бы озадачены не меньше его самого.

— Итак, эта книга — руководство по брачным утехам, — заметил он. — А мы-то думали, что это утерянное Евангелие.

— А почему не то и другое сразу? — фыркнула Свандис.

Глава 22

Император мало надеялся на успех штурмовых лестниц: он прибегнул к ним, потому что людей у него было в избытке и никогда ведь не знаешь, где у врага слабое место. Таран представлялся более основательным подходом. Наблюдая за штурмом издалека, Бруно заметил на крепостных стенах легко узнаваемую фигуру Бранда, который однажды был его союзником, но никогда не был его другом. Обидно было проиграть ему. Теперь пришла пора задуматься всерьез, решил Бруно, и тех немногих своих командиров, которых

считал к тому пригодными, собрал на военный совет по этому поводу. Здесь были Агилульф, заместитель главнокомандующего, опытнейший полководец. Греческий адмирал Георгиос, в полной мере наделенный присущим его нации и вошедшим в поговорки коварством. И дьякон Эркенберт, на него император больше всего и рассчитывал. Как только совет выработает свой план, последний будет передан для исполнения множеству командиров среднего звена, составляющих костяк армии: но ни один из них, по искреннему убеждению Бруно, не пригоден ни для чего более умственного, чем атаки и засады.

— Эти парни в городе совсем не дураки, — закончил он свою речь, — и оборона у них крепкая. Опять же, мы знаем, что здесь одноглазый, а там, где он появляется, происходят странные вещи. Так вот, как бы нам их перехитрить?

Отозвался Георгиос, медленно выговаривая латинские слова:

— Гавань остается их слабым местом. Я не рискну подойти близко на своих галерах туда, куда долетают камни их «мулов», но и они боятся выйти в море из-за бронированного плота, сделанного нашим уважаемым дьяконом; кстати, я рад, что имел возможность познакомиться с этим замечательным изобретением, и обязательно сообщу о нем своему басилевсу. Однако каменные пирсы возвышаются над водой всего лишь на шесть футов, и они довольно длинные. Здесь есть шанс прорваться, если мы сумеем подойти достаточно близко.

— Множество мелких судов вместо нескольких крупных? — спросил император.

— И притом, осмелюсь предложить, ночью.

— А как насчет греческого огня? Не сможете ли вы подобраться с ним поближе к пирсам и сжечь всех защитников, как вы делали с арабскими галерами? — спросил Агилульф.

Адмирал замялся. Он не мог солгать Агилульфу, который уже несколько раз видел греческий огонь в деле. Но вся политика Византии основывалась на необходимости сохранить в тайне свой величайший военный секрет. Ни одного варвара — а к варварам, с точки зрения греков, относились и подданные Римского императора — нельзя слишком близко подпускать к огнеметам и бакам с горючим. Боевым расче-

там этих машин платили больше, чем всем остальным морякам, больше, чем самому адмиралу, а их семьи на родине содержались в качестве заложников их преданности. Георгиос понимал, что за время нынешней кампании он узнал очень многое, в том числе устройство римских и английских катапульт. Он бы предпочел не раскрывать взамен никаких секретов. Однако сейчас необходимо что-то ответить.

— У греческого огня есть определенные ограничения, — сдержанно начал он. — Нести его может только большой корабль. Я не могу установить машины на рыбачьих лодках. И не могу рисковать, что одно из орудий достанется врагам, которые, как заметил император, с радостью изучают все новые хитроумные устройства. Однако ночью я могу допустить, чтобы одна галера пошла на риск и приблизилась к гавани.

«С доверенными людьми на борту, чтобы в случае чего разрушить и сжечь всю технику», — добавил он про себя.

— Попробуем так и сделать, — решительно сказал Бруно. — Послезавтра ночью, луна тогда будет на ущербе. А теперь, Эркенберт, скажи, как там наш Волк Войны?

Волком Войны называли огромную машину, сконструированную дьяконом, тот самый требукет, который во время триумфального похода императора вдоль побережья к Пигпуньенту разбивал ворота одной крепости за другой. По сути дела, требукет представлял собой увеличенный вариант тех простейших ручных катапульт, изобретенных Шефом и названных вращательницами, которые в данный момент готовы были выстрелить в каждого, приблизившегося к стенам Септимании. Отличием требукета было то, что работал он не от мускульной силы налегающих на коромысло людей. Ее заменяла тяжесть мощного противовеса, в котором заключалась одновременно и сила, и слабость машины: требукет мог швырять огромные валуны, но требовал уйму времени на загрузку и разгрузку камней в корзине противовеса, был очень громоздким и тяжелым — его в разобранном виде с трудом сейчас везли вдоль побережья.

— Все еще в двух днях пути отсюда, — сказал Эркенберт.

— И где ты намерен установить Волка, когда его привезут?

— Выбор невелик. Его привезут по прибрежной дороге, которая подходит с севера. Мы не сможем протащить Волка

по горам вокруг города, а чтобы погрузить его на судно, потребуются подъемные механизмы и выходящий на глубокую воду пирс. Поэтому нам остается только штурмовать северные ворота. Ворота там прочные, но деревянные. Один булыган из Волка Войны, и они рухнут.

— Если удастся его правильно установить и нацелить.

— В этом доверьтесь мне, — сказал Эркенберт. — Ведь я *arithmeticus*.

Император кивнул. Он знал, что ни один человек в мире не сравнится с крошечным дьяконом в решении этой умопомрачительной задачи — перевода весов в расстояния с помощью унаследованной от римлян системы счисления.

— Итак, нападаем на гавань послезавтра ночью, — сказал Бруно. — А если там не получится, Волк Войны на следующее утро вышибет северные ворота.

— А если и это не выйдет? — поинтересовался Георгиос, всегда готовый уколоть своих временных союзников.

Император поглядел на него с грозной холодностью:

— Если не выйдет, мы попытаемся еще раз. Пока Святой Грааль, на котором воскрес наш Спаситель, не окажется в моих руках вместе со Святым Копьем, которое убило Его. Но я не намерен проигрывать. Запомните все, мы сражаемся с хитроумными язычниками. Опасайтесь новых их козней. Ждите неожиданностей.

Его советники молча задумались, как им разрешить этот парадокс.

«Что-то ублюдки слишком притихли», — подумал Бранд, проходя вдоль пристани в поисках своего повелителя. А вот и он, по-прежнему во дворике вместе с остальными, они сидят и слушают, скрипят перьями, словно им нет дела ни до чего на свете. Бранд дождался, чтобы Соломон заметил его молчаливое присутствие и прервал чтение.

— Извините, что потревожил, — иронически заметил Бранд, — но боюсь, что должен упомянуть об осаде.

— Она идет нормально, не так ли? — спросил Шеф.

— Более или менее. Но полагаю, тебе пора кое-что сделать.

— И что же?

— То, что у тебя получается лучше всего. Подумать. Сей-

час все тихо. Но в подзорную трубу я видел нашего приятеля Бруно. Он просто так не отступится. Значит, они к чему-то готовятся. Не знаю к чему. Ты лучше всех в мире умеешь придумывать новое. Тебе пора это сделать еще раз.

Постепенно возвращаясь к реальности от волнующих религиозных проблем, Шеф осознал правоту слов Бранда, и внутренний голос подсказал ему, что небольшая передышка, на которую он так рассчитывал, когда взялся за свою задачу, оказавшуюся вдруг самой важной и неотложной и предназначенной лишь для него одного, что эта передышка кончилась. С другой стороны, ему уже наскучило просто сидеть и переводить. Да и книга подошла к концу.

— Найди Скальдфинна, чтобы заменил меня здесь, — распорядился он. — Он сможет переводить слова Соломона, чтобы Торвин их записывал. Толман, ты уходишь вместе со мной.

Он вышел на яркий солнечный свет в сопровождении огромного Бранда и прихрамывающего юнги, а Свандис глядела им вслед. Она хотела дослушать странную книгу до конца. И в то же время ее возмущало, как ее любовник сразу увлекся новым делом. В котором она не участвовала.

— Я привел двух человек, чтобы поговорили с тобой, — сказал Бранд, когда они вышли на улицу. — Стеффи и одного туземца.

Шеф сначала поглядел на туземца, как назвал его Бранд, на смуглолицего мужчину явно арабского происхождения: в городе оставалось много гоев — купцов, застрявших из-за блокады дорог.

— Ты говоришь по-арабски? — спросил Шеф.

— Конечно, — легкая усмешка в ответ: арабский язык Шефа был практичным, но весьма далеким от чистого поэтического языка Кордовы и Толедо.

— Какие у тебя новости?

— Император христиан, твой враг и враг моего повелителя халифа, этим летом разрушил много замков и крепостей. И убил многих правоверных вдоль всего побережья, которое еще недавно принадлежало им. Хочешь узнать, как он это сделал?

— За это мы заплатим золотом, — ответил Шеф.

— Я бы и так тебе рассказал ради борьбы с христианами.

У него есть машина. Только одна машина, но она во много раз больше всех, что есть у вас. И император использует ее только для одной цели, а именно: чтобы ударить огромным камнем во вражеские ворота. Говорят, что для машины нужна ровная площадка и что стреляет она очень медленно.

— Ты сам ее когда-нибудь видел?

— Нет, но я разговаривал с людьми, которым удалось уцелеть, когда крепость пала.

Слово за словом Шеф понемножку выудил из араба те скудные достоверные сведения, что были тому известны, и постепенно начал понимать, зачем нужен противовес. Он рассеянно отпустил купца, уже раздумывая о том, как устроить ось, как закреплять и потом высвобождать поднятое коромысло, и прежде всего о главной проблеме подобных катапульт — как прицеливаться по дальности. Дальность зависит от веса груза. И должен быть какой-то способ определять, зная вес груза и вес метательного снаряда, сколько груза нужно убрать или добавить, чтобы выстрелить на заданную дистанцию. Но вычисление сложных функциональных зависимостей было вне возможностей Шефа, да и любого человека на свете. Даже расчеты, сколько нужно запасти бочек с водой или какая доля добычи причитается каждой команде и каждому человеку, требовали в принятой на Севере системе счисления многих проб и ошибок. Шеф с досадой подумал, что ему, как и Бруно, тоже надо бы держать на службе арифметикуса. Или человека, имеющего хоть какое-нибудь представление об арифметике. Ударив себя кулаком в ладонь, он заметил, что перед ним на одной ноге стоит взволнованный Стеффи, как всегда устремив глаза в разные стороны.

— Зачем тебя прислал Бранд?

— Я навроде подумал. О факелах, которые мы кидали с воздушных змеев. И о том, как я с утеса прыгнул, помните? Я подумал, а что, если ночью мы навроде приготовим факелы и будем кидать их вращательницей? Мы могли бы привязать к ним ткань, она навроде раскроется, и факелы будут падать медленней, а ткань с дыркой, как мы навроде научились делать...

Выслушав еще несколько пояснений, Шеф отослал Стеффи разыскать катапультеров и потренироваться в стрельбе факелами с привязанным куском ткани.

— Но пока ничего не поджигайте, — предостерег Шеф. — Просто прикиньте, как устроить, чтобы купол раскрывался вовремя. Постарайтесь не расходовать кристаллическую селитру почем зря, ее долго добывать.

Когда косоглазый Стеффи удалился, Шеф вернулся к размышлениям о противовесной катапульте, которая неотвратимо приближалась к Септимании. Взгляд его упал на все еще забинтованного Толмана. Паренек молчал и ходил словно в воду опущенный с тех пор, как очнулся от своего долгого забытья, ничего удивительного, ведь два его товарища погибли. Может быть, послать другого юнгу? Нет, Толман попрежнему остается самым опытным летуном, и у него больше всего шансов. Однако сначала его нужно уговорить.

На лице Шефа появилось задумчивое и дружелюбное выражение, то самое, которого близкие к нему люди уже научились опасаться, оно означало, что король собирается кого-то использовать в своих целях.

— Ну что, Толман? — начал он. — Хотел бы ты на этот раз попробовать полетать над мягкой и безопасной водой? Снова обрести мужество, пока еще не поздно, а?

Губы мальчика задрожали, он проглотил слезы. Молча и покорно он кивнул головой. Шеф легонько похлопал его по забинтованному плечу, повел в сторону, по пути позвав Квикку, Озмода и своих самых искусных катапультеров.

Как и в ту долгую северную зиму в Ярнбераланде, после которой минуло уже семь лет, Шеф не уставал поражаться, с какой быстротой идея иногда может быть воплощена в жизнь. Еще не кончился день, а материалы для строительства осадной катапульты нового типа были подобраны, в том числе массивное бревно для коромысла, на которое без возражений отдали киль строящегося судна. Помогало, конечно, то, что рутинную работу делать не приходилось. Все население Септимании было оторвано от привычных занятий и при мысли о грабеже, который устроят войска императора, стремилось любым способом внести свой вклад в оборону. Искусные плотники и кузнецы кидались на работу, не требуя платы. Помогало и то, что у Шефа было много опытных руководителей, готовых организовать людей для выполнения непривычных задач. Глядя, как Квикка командует потными

рабочими, изготавливающими железный обод для одного из шести огромных колес будущего монстра, Шеф пришел к выводу, что, побыв рабами, некоторые люди, по-видимому, приобретают вкус к власти.

«Как и я сам?» — мелькнула мысль. Но Шеф ее отогнал. Нет, он делает только то, что должен делать.

С другой стороны, очень важной вещью, которой в таком избытке не было больше ни у кого в мире, являлась уверенность. Уверенность, что у любой проблемы, будь то летание по небу или швыряние огромных валунов, найдется практическое решение, если только удастся совладать со всеми мелкими техническими деталями. Квикке, Озмоду и даже Стеффи, как и отсутствующему ныне их товарищу Удду, довелось видеть, что благодаря их машинам короли терпят поражение и армии отступают перед ними. Поэтому бывшие рабы не относились к машинам скептически.

И все бы было прекрасно, но в этот раз, в этот раз они могут ошибиться! Шеф снова погрузился в проблему, которая не давала ему покоя с тех пор, как он расставил людей на работу. Он взад и вперед слонялся по пристани, бормоча себе под нос и пересчитывая кучки белых и черных камней, которыми были набиты его карманы.

Квикка подтолкнул одного из своих помощников:

— Он пришел в ярость. Кому-то от него достанется, вот увидишь.

— Да нам всем, кому же еще, — мрачно заявил помощник. — Не знаешь, что за муха его укусила?

— Не знаю. Что-то слишком умное для таких, как мы.

Еврей Соломон, окончивший работу над книгой, тоже заметил сдержанную ярость на лице странного короля, который, хоть и был причиной обрушившейся на Септиманию беды, начинал ему нравиться своей неистощимой любознательностью. «У него более деятельный ум, чем у любого талмудиста, — подумал Соломон. — Но во многих отношениях это ум ребенка».

Гораздо вежливей, чем помощник Квикки, Соломон задал тот же самый вопрос:

— Что так беспокоит вас, король Севера?

Шеф зыркнул сердито, но взял себя в руки, попытался унять ярость и говорить связно. Не исключено, подумал он,

не исключено, что ему поможет, если он сформулирует свою проблему вслух. И в конце концов, он давно усвоил: когда не можешь найти ответ на вопрос, спрашивай всех подряд. Кто-нибудь да знает.

— Дело вот в чем, — начал он. — Время от времени мне нужно знать, как далеко эта штука забросит камень. А узнать это для машины такого рода должно быть легче, чем для ручной катапульты. Ведь все, что можно сказать команде вращательницы — «дергайте посильней» или «дергайте не очень сильно», а «не очень сильно» не сосчитаешь. Но для этой машины я могу сосчитать все! Я тут обдумывал, что будет, когда мы начнем стрелять. Допустим, я говорю Квикке взять десять стофунтовых мешков и положить их в бадью, которая тянет вниз короткое плечо коромысла. И допустим, что я взял булыган, который весит ровно столько же, сколько три стофунтовых мешка, — ха! будто бы я смогу найти камень с таким удобным весом, но допустим, я его нашел. Теперь допустим, что десять стофунтовых мешков кидают камень в три сотни фунтов на сто шагов. А мне нужно, чтобы он пролетел сто двадцать шагов. Тогда ясно, что я должен добавить мешков в бадью. Или уменьшить вес снаряда. Все это как-то связано между собой. Но как?

Голос его превратился в сдавленный стон, он снова с трудом сдержал ярость, чтобы продолжить разговор о загадках, которые мучили его, словно назойливые мухи.

— Я не так уж глуп, Соломон. Сто двадцать относится к сотне как шесть к пяти, правильно? Значит, другое число я должен изменить как шесть вместо пяти. Или пять вместо шести? Нет, вес снаряда уменьшаем. Изменяем три сотни фунтов как шесть к пяти. Или увеличим вес груза как пять до шести, это я про тысячу фунтов. Вот, и сколько у нас пятерок в десяти сотнях? Сколько пятерок в десяти? Их две. Значит, две сотни, и что я тогда с ними сделаю, я возьму их шесть раз. Ох, Соломон, в конце концов я могу найти ответ. Но это занимает так много времени, что ленивый вол успеет вспахать борозду. И мне теперь приходится считать с помощью этих камушков, *потому что я забываю, с чего начал*!

Шеф, как честный человек, взвыл от таких хитростей и швырнул камешки в голубую воду гавани. Словно в ответ, с бронированного плота, стоящего почти в миле от пирсов, взвился камень и, пролетев по крутой дуге, шлепнулся в воду. Рабочие отвели взгляд, стараясь не замечать обстрел.

— И все это время, — заключил Шеф, — я помню, что брал только самые простые цифры. Потому что камень, который мы действительно будем кидать, будет весить, скажем, триста двадцать семь фунтов, а не ровно триста. И по дальности мне надо будет прибавить не двадцать ярдов к сотне, а семнадцать к девяносто пяти.

Он присел у кучки песка.

— Хотел бы я научиться этим фокусам с цифрами от какого-нибудь ученого римлянина. Смотри. — Он начертил на песке знак V. — Я знаю, что это пять, — и он добавил палочку, так что получилось VI. — Это шесть. А если с другой стороны, — он нарисовал IV, — то будет четыре. Но как с их помощью ответить на мой вопрос, я не знаю. Только у древних римлян было достаточно мудрости для этого искусства.

Соломон потянул себя за бороду, внутренне удивляясь. Хорошо, что их не слышал Мойша. Или Лазарь. Их мнение о варварах стало бы еще уничижительней.

— Не думаю, — осторожно начал он, — не думаю, что ответ вы сможете найти только у древних римлян.

Шеф глянул на него заблестевшим взором:

— Вы хотите сказать, что ответ существует?

— Ну конечно. Вы могли узнать его в Кордове, если бы спросили. Но даже здесь многие люди знают ответ на ваш вопрос. Каждый торговец, каждый астроном. Даже Мухатьях мог бы вам ответить.

— И в чем же секрет? — вскочил Шеф.

— Секрет? — Соломон говорил на англо-норвежском, который освоил не хуже любого человека на флоте. Теперь же он перешел на арабский. — Секрет в *al-sifr*.

— Аль-цифр? Но ведь это означает пустоту, отсутствие, ничто. Как пустота может быть секретом? Ты дурачишь меня, длиннобородый...

Соломон поднял руку:

— Ничуть не бывало. Но послушайте, это не для посторонних глаз, посмотрите, как все на нас уставились. Вернемся во дворик. Я обещаю вам, что к тому времени, как люди погасят лампы, вы станете искуснейшим арифметикусом, та-

ким, что римлянам и не снилось. Я познакомлю вас с премудростями великого Аль-Хоризми.

И Соломон увел примолкшего короля в тенистый дворик.

Через час Шеф сидел за столом, на поверхность которого был насыпан мелкий белый песок для рисования. Единственный глаз короля широко раскрылся от изумления. Он осторожно провел рукой по написанному, стерев все, кроме колонки из десяти цифр, которые Соломон показал ему с самого начала.

— Попробуем еще раз, — сказал он.

— Хорошо. Рисуйте линии.

Шеф начертил на песке пять вертикальных линий, так что получилось четыре колонки. Он добавил две горизонтальные линии наверху и еще несколько — внизу.

— Попробуем решить вашу задачу определения дальности, только с числами потруднее, чем вы называли. Допустим, вы кидали камень весом в двести восемьдесят фунтов, и он улетел на сто двадцать ярдов. Но вам нужно бросить его на сто сорок ярдов. Вес груза был одиннадцать сотен и еще сорок фунтов. Вы должны увеличить его в пропорции семь к шести. Итак, мы сначала умножим тысячу сто сорок на семь, а потом разделим на шесть.

Шеф кивнул: странно было слышать слова «умножить» и «разделить» в таком непривычном смысле, но он понимал, в чем суть.

— Первым делом, — продолжал Соломон, — напишем в нужном месте цифры для числа тысяча сто сорок.

Шеф на мгновение задумался. Он быстро ухватил идею позиционной системы счисления, но записывать числа ему было нелегко.

— Попробуйте сначала записать его римскими цифрами, — предложил Соломон. — Тысячу римляне обозначают как «М».

Шеф нарисовал на песке неровную «М» и поставил точку. Потом «С» для сотни. Потом знакомые четыре «Х» в качестве сорока. Его рука потянулась уже нарисовать знак *al-sifr*, «пустота», но он вовремя опомнился. У римлян такого знака не было, они обозначали это число как М. С. XXXX.

— Теперь нарисуйте наверху стола арабские цифры, —

предложил Соломон. — Сначала тысячу сто сорок, а пониже — семь.

Шеф снова задумался. Это было непростое дело. Так. Самая правая колонка — для чисел меньше десяти. Над одной из горизонтальных линий, над линией для сомножителя, он начертил крючок цифры 7. Над самой верхней горизонтальной чертой надо было изобразить первый сомножитель, то есть как он видел по записи римскими цифрами тысячу сто сорок.

В самой левой колонке он написал «1», что соответствовало «М», тысяче. В следующей — еще одну единицу, для «С». Дальше он изобразил такую трудную цифру, как «4», заменяющую четыре «Х». И наконец, в самой правой колонке, для чисел меньше десятка — их десять, а не девять, доказал ему Соломон — он поставил значок *al-sifr*.

Теперь нужно складывать. Первое и самое главное: ноль умножить на семь будет ноль.

Вот и напиши «ноль».

Аккуратно, под наблюдением четырех пар глаз, Шеф начал записывать свои вычисления на покрытом песком столе, этом предшественнике счетов. Долгое время он не мог думать ни о чем другом, захваченный ощущением, которого прежде не испытывал ни один человек из его народа: восхищением цифрами. Под конец, сам не зная, как ему это удалось, он с изумлением и глубоким удовлетворением уставился на выписанный на песке результат: семь тысяч девятьсот восемьдесят. Раньше ему никогда не доводилось встречать такое число, и дело было не в величине — ведь было даже известно, сколько земельных наделов насчитывают его владения, по тридцать тысяч в провинциях, сто тысяч в вице-королевстве. Нет, дело было в точности этого числа. Числа больше тысячи он считал сотнями, или десятками, или полусотнями, но уж никак не шестерками или семерками.

— Теперь вам нужно разделить семь тысяч девятьсот восемьдесят на шесть, — негромко продолжал Соломон. — Приготовьте стол к делению.

Шеф провел по песку рукой, нарисовал новую таблицу. Соломон подсказывал, а Шеф упорно делал свое нелегкое дело.

— Итак, — сказал под конец Соломон, — вы узнали, что вам нужно увеличить вес груза до...

— Тысячи трехсот тридцати фунтов, — ответил Шеф.

— Значит, к первоначальному весу надо прибавить...

— Две сотни без десятка. Ровно сто девяносто фунтов.

— Но к тому времени, как ты начертишь на песке свою таблицу и проделаешь все это, — возразил Скальдфинн, — противник уже засыплет тебя кучей камней. Ведь ты не сможешь стрелять, пока считаешь!

— Только не с нашей новой машиной, — решительно заявил Шеф. — Все это я успею проделать, пока заряжающие будут снимать груз, чтобы снова поднять коромысло. А потом я просто скажу им загрузить тот же самый вес и добавить к нему ровно сто девяносто фунтов. В общем, я думаю, что здесь выйдет примерно так же, как было с подзорной трубой.

— С подзорной трубой? — переспросил Соломон.

— Да. Вы помните этого дурака Мухатьяха? Он сумел сделать подзорную трубу, он знал, какую форму придать стеклу, мы бы до этого не додумались за целую тысячу лет. Но ему и в голову не пришло сделать следующий шаг. Готов поспорить, что, когда мы вернемся домой, мои мудрецы будут больше знать о стеклах и зрении, чем Мухатьях, и даже больше, чем его наставник. Потому что они не успокоятся раньше времени! Вот так-то, а вычисления, которым вы меня научили, — сам бы я никогда до этого не додумался. Но теперь я научился и вижу, что их можно проделывать быстрее, намного быстрее. Этот стол с песком — он вообще не нужен, как и камешки в моей руке. Я ими пользовался, потому что мне не хватало опыта. Иначе я бы мог надеть камешки на проволочки и носить с собой эту своеобразную арфу. Скоро я смогу обходиться вообще без колонок. Идеи приходят с трудом, но усовершенствовать их легко. Эту идею я буду совершенствовать. До тех пор, пока — как его имя, Соломон, Аль-Хоризми? — пока сам Аль-Хоризми не сможет узнать свое детище. И я ее использую не только для катапульт! Это станет наковальней, на которой кузнецы Пути перекуют весь мир! Разве не так, Торвин и Скальдфинн?

Соломон примолк, рука его потянулась к бороде, словно за утешением. Он забыл о неукротимом духе северян и их Единого Короля в особенности. Мудро ли было делиться с ними знаниями? Но теперь слишком поздно менять что бы то ни было.

Глава 23

Димитриос, старший *siphonistos* греческого флота, выслушал приказ своего адмирала с сомнением и некоторой тревогой. Приказ был, разумеется, отдан весьма осторожно, как что-то среднее между предложением и призывом. Ведь *siphonistos* были почти государством в государстве, они управляли главным оружием Византии, по их собственному мнению, они были в конечном счете даже более важными людьми, чем императоры, не говоря уж об адмиралах. Димитриос, если бы захотел, мог сказочно разбогатеть и жить, как лорд, в любой стране цивилизованного мира, в Багдаде, Кордове или Риме, стоило ему только продать секретные сведения, которые у него имелись. Жена, любовница, семеро детей и хранящиеся в византийских банках две тысячи золотых гиперов служили залогом на случай его предательства. Правда, всему городу было известно, что ни один *siphonistos* никогда не будет допущен к изучению ремесла, если есть хоть малейшие сомнения в его верности Церкви и Империи, верности искренней, а не по принуждению.

Эта верность и служила причиной сомнений Димитриоса. Одной из главных его обязанностей было сохранение тайны греческого огня. Лучше проиграть битву, уничтожив одну из машин, тысячу раз твердили ему, чем рисковать ее захватом ради очередной недолговечной победы — а в окруженной варварами Византийской империи все победы давно считались лишь временными. Сейчас адмирал хотел, чтобы Димитриос пошел на риск, приблизившись на галере с греческим огнем к берегу, в сомнительном сражении с иудеями и какими-то язычниками. Димитриос был храбрым человеком, который презрел бы опасность пойти на дно из-за камня, выпущенного одним из варварских «мулов». Но совсем другое дело — рисковать тайной греческого огня...

— Маленькие суда пойдут впереди, — заискивающе повторял Георгиос, — и только если им удастся высадиться, пошлем мы твою галеру.

— Для чего?

— Если они смогут снять плавучее заграждение, ты ворвешься в гавань и разом сожжешь все корабли с катапультами.

— Они нас потопят, как только мы войдем.

— Ночь будет темная, с ущербной луной, до ближайшего корабля не больше сотни ярдов. А после этого ты сможешь прятаться от их катапульт за другими их кораблями, пока все их не сожжешь.

Димитриос задумался. Он был по-настоящему задет тем, как враги потопили галеру и вырезали ее экипаж в неоконченной битве пару недель назад: впервые за свою военную карьеру он почувствовал себя беспомощным. Приятно было бы отомстить за этот позор и сжечь все вражеские суда до самой ватерлинии, как того заслуживают все враги Византии. Показать поклонникам дьявола силу Господа и его святейшего патриарха. А небольшое расстояние и темнота — как раз самые подходящие условия для применения греческого оружия.

— А что, если они не смогут снять заграждение?

— Тогда ты сможешь пройти вдоль каменного мола и очистить его от противника. При этом мол будет защищать тебя от катапульт в гавани. Уничтожишь всех на молу и снова исчезнешь в темноте.

Димитриос колебался. Опасность здесь была, но, возможно, она не превышала допустимый уровень. Разумеется, он примет собственные меры предосторожности, и адмирал об этом знает. Люди около баков с горючим, готовые их поджечь, а неподалеку в море лодки, чтобы подобрать Димитриоса и команду в том случае, если им придется покинуть свое судно. Нет нужды повторять все это.

Увидев его колебания, адмирал решил добавить последнюю ложку лести, чтобы уговорить своего номинального подчиненного.

— Само собой, мы понимаем, что вы самые главные люди на нашем флоте. Вы и ваше оружие, вот что главное. Мы не можем допустить, чтобы вас захватили какие-то варвары. Я сам буду находиться на спасательном судне, чтобы подойти и забрать вас при малейшем признаке опасности.

Димитриос улыбнулся с легкой грустью. Адмирал был прав. Но он и сам не догадывался, насколько он прав. Димитриос знал весь процесс приготовления греческого огня, как это называли *siphonistos*, «от недр до трубы». Он плавал по Черному морю до самой Тьмутаракани, где из земли сочилось окрашенное масло. Димитриос видел его зимой, когда масло было тонким и почти бесцветным, видел знойным летом, когда масло было густым, как липкая грязь на птичьем дворе. Он знал, как собирают и хранят масло. Он сам лудил медные баки драгоценным оловом, чтобы убедиться, что утечки не будет. Всю свою машину он собрал собственными руками, баки и клапаны, топку и мехи, насос и сопло. Снова и снова под руководством старых мастеров он учился выпускать греческий огонь, следил, как летит в воздух горящая струя. Его наставник три раза заставил его качать насос дальше опасного предела, используя небольшие или изношенные машины и приставляя к насосу приговоренных к смерти преступников, так что слышался жуткий свист *niglaros*, открытых предохранительных клапанов. Он с интересом потом осмотрел тела преступников, чтобы знать, что с ними сталось после взрыва баков. Ни один из них не выжил, и Димитриос подумал, что они ошиблись, предпочтя риск у сифонистов гарантированной, но зато и безболезненной смерти на плахе. Он прекрасно знал самые мельчайшие детали всего процесса приготовления огня, знал, насколько легче мастеру ошибиться, чем сделать все безукоризненно. Он понимал, что одного знания здесь недостаточно. Требуется весь его опыт, который и есть главная ценность. Что ж, неплохо, если адмирал это понимает.

— С надежной подстраховкой я согласен, — сказал Димитриос.

Адмирал с облегчением откинулся на спинку стула. Он-то понимал, насколько, в сущности, независимы его сифонисты, но попробуй объясни это Римскому императору, человеку, к которому следовало бы приставить опытного врача-византийца, чтобы быть уверенным, что император вскоре съест что-нибудь не то.

— Приготовь одну галеру к полуночи, — сказал адмирал. — Можешь взять мою «Карбонопсину».

«То есть «Черноокую красотку», — подумал Димитриос. — Жалко, что в этой далекой стране таких не встретишь. Одни тощие мавританки и уродливые дочери готов с их бледной кожей и бесцветными глазами. Безобразные, как преотвратные германки, женщины их союзников, хотя последние настаивали, что у их северных врагов женщины еще

хуже, в смысле бледности, статей и размера ступни. Определенно всех их нужно изгнать из Внутреннего моря, и тогда оно, море Средиземья, снова станет внутренним водоемом православных». Димитриос встал, сухо поклонился и ушел готовиться к бою.

Первый признак готовящегося нападения с моря был замечен не раньше, чем городские гвардейцы, стоявшие в карауле на длинном пирсе, различили приблизившиеся в темноте неясные тени. Стражники застыли, мгновенье неуверенно вглядывались в даль, затем подали сигнал тревоги с помощью пронзительных бараньих рожков. Но шестьдесят посланных Бруно рыбачьих лодок были уже в считаных ярдах от каменной стены мола, десант в них, готовясь к высадке, уже размахивал швартовочными крючьями и поднимал небольшие лесенки, достаточные, чтобы взобраться на шестифутовую высоту пирса. Стражники натянули свои короткие луки, все, что у них было из оружия, и стрелу за стрелой пускали в появляющиеся непрерывным потоком цели. Потом по камню зазвенели первые крючья, и стражники осознали, что они совсем одни на пустынной поверхности пирса и скоро их отрежут от своих. Они прекратили стрельбу и побежали по молу к берегу, но были перебиты летящими из темноты дротиками и стрелами. Первая волна императорского десанта захватила пирс почти без сопротивления и немедленно разделилась на две группы, одна повернула налево и побежала к открытому концу мола с молотками, пилами и топорами, чтобы попытаться снять плавучее заграждение и открыть вход в гавань для остальных судов и галеры с греческим огнем. Другая группа повернула направо и вооруженной колонной устремилась к примыкающей к земле части пирса, чтобы захватить и удержать ее, пока не подоспеет подкрепление, и тогда наброситься на беззащитную гавань, либо, еще лучше, ворваться на городскую стену и обеспечить успех приступа с суши.

Однако пение рожков сделало свое дело. В караул на пирс посылали всего два десятка человек, ведь там они не были защищены от случайного камня, прилетевшего с размещенных на бронированном плоту катапульт, но гораздо больше воинов несли дозор или дремали с оружием в руках в

уязвимой точке, где пирс примыкал к берегу. Когда ободренные успехом высадки атакующие подбежали по каменной полоске к берегу, их встретил внезапный залп пущенных с небольшого расстояния стрел, а перед собой они увидели неприступную стену щитов и копий. Легковооруженные южане, которых Бруно обычно посылал вперед как наименее ценных, падали замертво даже от короткой стрелы небольшого лука, но пущенной с каких-то десяти ярдов. Те, кто продолжил атаку, наткнулись на организованное сопротивление защитников баррикады. Постепенно оставшиеся в живых атакующие поняли, что напор поддерживающих их задних рядов слабеет и вот уже совсем исчез. Не понимая происходящего и опасаясь нападения из темноты сзади, они отступили, сначала прячась за щитами, а потом, не выдержав впивающихся в оголенные руки и ноги стрел, повернулись и побежали под прикрытие ночного мрака.

Шеф проснулся при первых же звуках рожков. Из-за жары он спал раздетым, пришлось за несколько секунд натянуть рубаху и сапоги, в темноте искать дверь. Перед ним стояла Свандис, тоже обнаженная, но преградившая ему путь. Даже во мраке комнаты с закрытыми ставнями Шеф ощущал ее сердитый взгляд и услышал в ее голосе упрек.

— Не беги как дурак! Кольчугу, шлем, оружие! Что от тебя будет толку, если тебя может убить первый же случайный камень из пращи? — Шеф хотел было возразить, но Свандис опередила его: — Не знаю, как ты, а я дочь воинов. Лучше прийти поздно, зато готовым, чем прийти рано и умереть. Об этом тебе мог бы сказать мой отец. Кто тогда выиграл битву, когда я впервые встретилась с тобой? Ты или он?

«Нельзя сказать, что он ее выиграл, — хотел ответить Шеф. — Но нет смысла спорить. Быстрее будет подчиниться, чем пытаться оттолкнуть Свандис». Он повернулся к крюку, на котором висела кольчуга, просунул руки в тяжелые рукава. Свандис подошла сзади, одернула полы, зашнуровала кольчугу прочными сыромятными ремешками. Во всяком случае, она действительно была дочерью воинов. Шеф обернулся и обнял ее, прижал ее грудь к твердым стальным кольцам.

— Если останемся живы и вернемся домой, я сделаю тебя королевой, — сказал он.

Она резко шлепнула его по лицу:

— Сейчас не время ворковать в темноте. Шлем. Щит. Возьми свой шведский меч и постарайся его не опозорить.

Шеф рванулся во дворик, услышал, как Свандис позади рыщет в поисках своей одежды. Он знал, что, где бы ни развернулась схватка, Свандис там появится. Он неуклюже побежал, придавленный весом тридцати фунтов амуниции, к командному пункту, где должен был находиться Бранд. Над водой неслись звон металла, боевые кличи и стоны раненых. Шум слышался со стороны моря.

Запыхавшийся Шеф увидел Бранда, подобно башне возвышавшегося среди отряда викингов, рядом со своим гигантским родичем Стирром, почти не уступавшим ему размерами. Казалось, Бранд никуда не спешил и ничуть не тревожился, деловито пересчитывая своих людей.

— Ублюдки высадились на пирсе, — заметил он. — Я никогда не рассчитывал, что с этим у них возникнут трудности. Но если они намерены досаждать нам, им придется оттуда убраться, и убраться по-быстрому.

Слух Шефа выделил из затихающих вдали шумов битвы другие звуки, звуки кузницы, ударов металла о металл и топоров по дереву.

— Что там происходит на дальнем конце мола?

— Они пытаются обрубить плавучее заграждение. А мы этого не хотим. Мы должны сбросить их оттуда. Ну что, парни, все зашнуровали ботинки? Пробежимся-ка вдоль пирса и спихнем христиан обратно в воду. А ты держись сзади, — добавил он для Шефа. — Собери арбалетчиков, проследи, чтобы катапульты стреляли в противника, а не в нас. И хорошо бы, чтоб мы могли видеть, что творится кругом.

Плотной толпой викинги, человек сорок, побежали вокруг гавани к месту будущей схватки, их подбитые железом сапоги стучали по камням. Вдоль берега горели несколько ламп, бросая над водой тусклый свет. Присмотревшись к полумраку, Шеф разглядел врагов, скапливающихся для второй атаки. На стоящих в гавани судах тоже что-то происходило, он мог слышать скрип канатов и приказы командиров катапульт. Если люди императора в ближайшие несколько минут не проложат себе дорогу вдоль пирса, они будут сметены залпами камней из катапульт. Но у них там готовилось что-то

зловещее, Шеф слышал резкие командные голоса, звон и клацанье металла, видел, как слабый свет ламп блестит на металлических остриях и доспехах. Свирепый клич — и стена металла двинулась вперед, ощетинившись рядом копий.

— Уводи своих людей, — неторопливо сказал Бранд командиру городской стражи. — Думаю, теперь это наше дело.

Легковооруженные стражники отошли в задние ряды, а викинги устремились вперед, построившись своим обычным тупым клином. Непрочная баррикада в начале пирса была сметена первой атакой и не могла больше служить защитой. Ровный строй братьев Ордена, людей с пиками и в доспехах с головы до ног, наступал на клин викингов, тоже тяжеловооруженных, впервые встретив не уступающего размерами и силой противника. Ни одна из сторон не знала поражений, обе были уверены в своей способности сокрушить все и вся, что встанет у них на пути.

Стоя в задних рядах построения викингов, шириной в десять человек, но глубиной не более четырех рядов, Шеф услышал одновременный грохот, когда щиты соударились со щитами, звон и лязг пик и топоров, наткнувшихся на сталь и дерево. На один удар сердца позже, к изумлению и ужасу Шефа, идущий впереди него человек отшатнулся назад, едва не сбитый с ног толчком передних отступающих шеренг. Шеф услышал, как голос Бранда превратился в бычий рев, тот призывал своих людей держать строй. «Неужели викинги отступают? — мелькнула мысль. — Они отброшены назад, как это обычно бывало с англичанами, как было с нами в тот день, когда мой отчим и я сразились с моим отцом и его людьми на дороге в Норфолк. В тот день я убежал. Но тогда я был никем, едва ли не трэлем. А теперь я король, у меня на руках золотые браслеты, а в руке меч из шведской стали, сделанный моими собственными оружейниками. И все равно пользы от меня не намного больше, чем было от бедолаги Карли». Строй викингов выровнялся, они больше не отступали. Лязг оружия в передних рядах стал непрерывным, противники теперь рубились и отражали удары, а не пытались просто сбить друг друга с ног. Шеф сунул меч в ножны, резко развернулся и побежал назад к берегу, высматривая что-нибудь, что могло бы склонить чашу весов в нужную сторону.

Германские воины Ордена двинулись на клин викингов, применяя ту же тактику, с помощью которой они разбили все встречавшиеся им до сих пор арабские армии. Щит в одной руке, короткая пика в другой. Не трогай человека перед собой, коли пикой человека справа от тебя, когда он поднимет руку для удара. Положись на товарища слева от тебя, он убьет идущего на тебя воина противника. Коли правой, бей щитом, что у тебя в левой руке, шагай в ногу. Если враг впереди упал, топчи его, положись на товарищей в заднем ряду, они его заколят, чтобы не ударил тебя сзади. Первое мгновенье-другое эта тактика себя оправдывала.

Но воины, на которых шагал строй *bruder*'ов, не были одеты просто в хлопок и лен. Иногда пика вонзалась в подмышку, но чаще скользила по металлу, отскакивала от доспехов. Удары щитом не могли сбить здоровенных викингов с ног. Некоторые из них отступали назад, рубили топором или мечом по рукам и шлемам. Другие, заметив, что удары идут только с их правой стороны, парировали выпады и сами били в незащищенный щитом бок противника. Бранд, отброшенный на шаг назад, что привело его в яростное изумление, гулял своим топором «Боевой тролль» по шеям и плечам германцев, расширяя брешь в их рядах ударами своего массивного щита, и острие клина викингов стало постепенно продвигаться вперед. Его родич Стирр ловким ударом сбил противника с ног, аккуратно наступил ему на гортань кованым сапогом и встал бок о бок с Брандом. Германцы стали отбрасывать пики и доставать мечи, в воздухе замелькали их стальные клинки.

Агилульф со своего места в задних рядах увидел гигантскую фигуру Бранда и поджал губы. «Тот самый ублюдок из Бретраборга, — подумал он. — Сын морского тролля. Ходили сплетни, что он утратил присутствие духа. Похоже, оно к нему вернулось. Кто-то должен остановить его, пока мы сами не утратили присутствия духа, и полагаю, что это буду я. Кажется, викингов не так уж много». И Агилульф стал проталкиваться через ряды воинов, упирающихся щитами в спины своих товарищей, чтобы сохранить напор штурма.

В темноте бегущий Шеф различил вокруг себя знакомые фигуры: коротышки-англичане в металлических касках установленного им самим казенного образца. Они сбегались со

своих мест с арбалетами наготове. Шеф встал, оглянулся на едва различимую схватку на пирсе, на сверканье оружия над темной массой тел.

— Пора их расстрелять, — сказал он.

— Нам не видно, в кого стрелять, — раздался голос из темноты. — И все равно они заслоняют друг друга.

Пока Шеф раздумывал, вся гавань неожиданно озарилась ярким белым светом, словно в летний полдень. Сражающиеся на мгновенье замерли, зажмурившись из-за слепящего сияния, около плавучего ограждения застыла группа диверсантов, подобно попавшим в свет факела кроликам. Шеф поднял взгляд, увидел спускающийся с неба огонь под едва угадываемым матерчатым куполом.

Стеффи, отпущенный начальством самостоятельно поработать над осветительными факелами, весь день провел с командой катапультеров, пытаясь решить проблему: как выстрелить факелом так, чтобы он спускался под куполом, и одновременно поджечь его. Первая часть задачи была решена после двухчасовых усилий, хотя это было не слишком легко, ведь любой предмет, помещенный в пращу катапульты, при запуске начинал бешено вращаться. Некоторые из приготовленных им снарядов безнадежно запутывались в праще, у других купол раскрывался сразу, и они через двадцать ярдов бессильно падали на землю. В конце концов изобретатель научился складывать купол так, чтобы он не мешал полету, наполняясь воздухом только на вершине траектории и обеспечивая плавный спуск.

Однако оставалось загадкой, как поджигать факелы, а ведь опыты с настоящим огнем были запрещены из-за вражеских наблюдателей. Когда началось нападение, Стеффи стоял около одной из многочисленных вращательниц, расположенных вокруг всей гавани и на крепостных стенах, и ждал возможности выстрелить. Он сразу же зарядил первый из начиненных селитрой снарядов, поджег придуманный им короткий запал, подправил обеими ладонями пращу и отдал приказ стрелять. Купол завис над гаванью, фитиль тлел, и, так и не зажегшись, факел опустился в море. Как и следующий. Не зажегся даже снаряд с безжалостно укороченным фитилем.

— Это все без толку, — сказал один из катапультеров. — Давайте просто кидать камни в те лодки. Даже в темноте мы можем в кого-нибудь попасть.

Стеффи не слушал, разум его охватила паника неудачливого изобретателя.

— Приготовьтесь, — скомандовал он. Положив в петлю пращи следующий снаряд, он игнорировал бесполезный фитиль, а вместо этого схватил одной рукой горящей факел и воткнул его в снаряд, оттягивая пращу другой рукой.

Когда побежали языки пламени, он крикнул: «Дергай!» и отскочил, а команда разом навалилась на коромысло. Снаряд, рассыпая искры, улетел подобно комете. Катапультеры уставились ему вслед, высматривая, раскроется ли купол, не погаснет ли огонь. На вершине дуги пламя словно застыло, начало плавно опускаться под куполом. С позиции катапульты неожиданно стало видно все происходящее в гавани: схватка на пирсе, возящиеся около плавучего заграждения диверсанты, лодки, пришвартовавшиеся к внешней стороне мола.

Большая галера шла на веслах в каких-то пятидесяти ярдах от входа в гавань, из ее середины подымались дымок и языки пламени, а рядом с ними деловито суетились греки.

Команда Стеффи кричала и указывала на галеру, намереваясь развернуть катапульту и выстрелить. Стеффи, подготавливая очередной снаряд, прикрикнул на них.

— Мы будем кидать факелы, — заорал он, — потому что только мы умеем их делать. Пусть камнями стреляют другие.

Он воткнул горящий запал в очередной снаряд, не обращая внимания на боль в покрывшихся волдырями пальцах.

Увидев спускающийся с неба огонь и вспомнив собственные слова, случайно сказанные утром Стеффи, Шеф удержался от охватывающей его паники. Он утих, заставил себя дышать глубоко и говорить медленно, постараться передать свою уверенность и решительность окружающим.

— Тримма, — сказал он, узнав одного из арбалетчиков. — Возьми двадцать человек, садитесь в лодки и гребите вдоль мола до места схватки. Там аккуратно цельтесь в задние ряды германцев. В передних не надо, понимаешь? Это слишком опасно, можешь попасть в наших. Видишь там Бранда и рядом с ним Стирра? Убедись, что не попадешь в них. Когда германцы дрогнут, начинай очищать весь мол. Не торопись, держись подальше от их лодок. Ладно, давай отчаливай.

Тримма и его люди убежали.

— Остальные стойте и слушайте. Сколько лодок у нас осталось? Ладно, садитесь в них. Теперь гребите к нашим кораблям в гавани, подойдите к каждому двухмачтовику, по два человека к каждому. Передайте расчетам «мулов», чтобы расстреляли этих людей около плавучего заграждения. Но «Победителя Фафнира» оставьте для меня!

Он огляделся, неожиданно оставшись один. Вот идиот! Надо было оставить одного человека при себе. Все лодки ушли и...

Внезапно сзади появилась Свандис. Она посмотрела на небесные огни, потом огляделась, пытаясь оценить обстановку. Свандис искала свою одежду дольше, чем ожидал Шеф. А может быть, события развивались быстрее, чем ему казалось. Она показала на сражающихся на пирсе людей, их свирепая рубка превратилась теперь в правильный бой, в воспетую поэтами игру стальных мечей против щитов из липы.

— Туда, — закричала она, — туда, почему ты сзади, сын шлюхи и керла? Встань впереди, как мой отец, как морской король...

Шеф повернулся к ней спиной:

— Развяжи-ка эти ремни.

Резкий тон его голоса возымел свое действие, Шеф ощутил ее пальцы, распутывающие узлы сыромятных ремешков, которые она так недавно завязала, но поток оскорблений не прервался: трус, предатель, дезертир, прячущийся за чужими спинами. Он не слушал. Когда кольчуга свалилась, он отбросил свой меч, вслед швырнул шлем и, подбежав к воде, нырнул с причальной стенки.

Огни все еще горели в небе. Вырывая голову из-под воды во время размашистых саженок, Шеф видел в небе сразу два факела, один почти опустившийся в море, другой еще высоко. Пятьдесят гребков в теплой как парное молоко воде, и вот он уже перебирает руками по якорному канату «Победителя Фафнира». Вниз склонились лица, короля узнали, совместными усилиями втащили на борт.

— Сколько человек на борту, Ордлав? Достаточно, чтобы идти на веслах? Нет? А поднять парус? Тогда давай. Руби канат. Идем к выходу из гавани.

— Но там заграждение, государь.

— Уже нет. — Шеф показал рукой. Как только первые камни из катапульт посыпались в воду вокруг суетящихся диверсантов и засвистели над их головами, началось отступление. Но они успели разбить одно из железных колец, прикреплявших заграждение к молу, или распилить бревно. Заграждение было снято, его свободный конец уже дрейфовал к берегу, открывая проход в гавань. И за ним, около каменной стенки, что-то виднелось. Характерное падающее движение подсказало Шефу, что это ряд весел, опущенных сверху, из позиции отдыха, в воду для гребли. В гавань шла галера. А вместе с галерой греческий огонь.

«Победитель Фафнира» уже двигался, подгоняемый легким ночным бризом, но только-только начал набирать ход. Слишком медленно, и форштевень развернут прямо на невидимую угрозу. Форштевень, через который не могут стрелять катапульты. Шеф понял, что через десяток секунд он превратится в обугленный, но живой кусок мяса, как это было с Сумаррфуглом. Шеф вспомнил, как скрипела и крошилась под его рукой сгоревшая кожа, когда он из милосердия добил того кинжалом. Только для него самого такого кинжала не найдется. Откуда-то сбоку над самой водой донеслось щелканье взводимых арбалетов, удар пронзающих тела и доспехи стрел, прямо над головой вспыхнул еще один осветительный снаряд. Шеф ни на что не обращал внимания. Не повышая голоса, он заговорил с Ордлавом:

— Возьми право руля. Пусть передний «мул» целится в выход из гавани. У нас будет только один выстрел.

Среди лязга стали и воинственных кличей Шеф смог различить еще один звук. Странный рев, знакомый, но неожиданный. Какое-то время он не мог понять, что это. Ордлав тоже услышал его.

— Что это? — крикнул он. — Что там за дьяволы рвутся? Это укрощенный ими зверь или колдовской смерч налетел из мира Хель? Или это шум ветряной мельницы?

Шеф улыбнулся, он узнал звук.

— Это не зверь, не смерч и не мельница, — отозвался он. — Это работают гигантские воздуходувные мехи. Но я что-то не слышу кузнечного молота.

В сотне ярдов от них *siphonistos* Димитриос увидел сигнал людей, которые рубили и пилили край плавучего заграждения, — отчетливо различимый в темноте белый флаг, которым яростно размахивали из стороны в сторону. Димитриос в знак согласия кивнул капитану. Ударили весла, галера пустилась в свой стремительный бег на добычу. Вдруг в небе вспыхнул огонь, и стало светло, как днем. Гребцы остановились, капитан, лишившийся прикрытия мрака, повернулся к Димитриосу за дальнейшими указаниями.

Но ведь Димитриос уже подал знак работающим на мехах. Они постарались изо всех сил, и от этого по разложенной под медным котлом пакле побежало пламя. Первый помощник Димитриоса уже взялся за рукоятку насоса, сначала неподатливую, но оказывающую все меньше и меньше сопротивления следующим яростным качкам, при этом он негромко считал: «... семь, восемь...»

Эти цифры грозно врезались в сознание Димитриоса, он никогда не забывал об опасности, исходящей от его оружия. Если давление станет слишком велико, котел взорвется, и командир сам превратится в обгорелое бревно, как приговоренные преступники. Если же сифонисты остановятся после того, как уже начали разводить огонь, Димитриос утратит свое внутреннее чувство достигнутого в котле жара и давления. Но если они будут продолжать грести в этом дьявольском свете на катапульты, уже заряженные и нацеленные... А длинная узкая галера продолжала потихоньку скользить вперед с занесенными для следующего гребка веслами, она уже входила в гавань, ее таран едва не коснулся плавучего заграждения...

В любое мгновенье их могут потопить. Или взять на абордаж. Пока Димитриос колебался, от вершины медного купола, у которого качали насос его помощники, разнесся пронзительный свист, с каждой секундой становившийся все сильнее. Это предохранительный niglaros сигнализировал об опасности. Нервы Димитриоса, до предела напряженные ог-

нями наверху и зловещей неизвестностью гавани, не выдержали.

— Право на борт! — отчаянно закричал он. — Направо, направо! Вдоль мола! В гавань не входить!

Крик, удары плетью, и это по плечам высокооплачиваемых и уважаемых греческих гребцов. На левом борту налегли на весла, на правом затабанили. Галера, так и не войдя в гавань, неторопливо развернулась вдоль каменной стенки с наружной стороны, весла левого борта пришлось поднять, чтобы избежать столкновения. Димитриос разглядел испуганные лица, уставившиеся на него с расстояния в неполные десять футов, это были уцелевшие из первого атакующего отряда, они смотрели так, словно собирались прыгнуть. Пока он их рассматривал, их отшвырнуло прочь, они посыпались в воду с перебитыми ребрами и поломанными костями: одна из катапульт варваров попала в цель.

Невысокая галера была за молом в безопасности. А впереди, уже меньше чем в пятидесяти ярдах, Димитриос завидел свою цель. Люди в доспехах, сражающиеся на краю мола. Он может подойти к ним, остановиться в последний момент, когда начнется прибрежная отмель, и выпустить огонь. Как раз вовремя, пока давление не перешло опасный предел. Димитриос слышал, что посвистывание уже превратилось в нескончаемый вой, краем глаза видел, что двое качающих насос отскочили от рукоятки, люди на мехах испуганно на него озирались, все боялись, что котел сейчас взорвется и выбросит на них пламя.

Но он, Димитриос, был мастером. Он знал прочность труб, которые паял собственными руками. Он развернул поблескивающее медное сопло, толкнул горящую лампу вперед, в положение поджига. На молу он может сжечь не только врагов, но и своих союзников. Но это правильная тактика, да и кто они такие, эти римляне и германцы, еретики и раскольники. Это будет лишь прелюдией к вечному огню, в котором всем им предназначено гореть. Рот его исказился в безжалостной усмешке.

Как раз позади него форштевень «Победителя Фафнира» только что миновал выход из гавани. Шеф взобрался на самую верхушку драконьей головы, чтобы разглядеть, что про-

изошло в то мгновенье, когда его катапульты очистили оконечность мола. Он увидел задранные вверх весла, понял, что галера разворачивается. Кожа его на мгновенье покрылась мурашками, когда он представил — а вдруг греки пустят свой таинственный огонь назад, прямо в него. Но эта мысль тут же исчезла, вытесненная холодной логикой. Греческий огонь сжигает все, даже греческие суда. Галера не сможет стрелять огнем назад, через собственную корму. Посвист стрел, пущенных лучниками с мола, не значил для Шефа ничего. Он искал взглядом свою цель.

Вот она, развернувшись кормой, скользит прочь, к берегу, а в середине ее, вокруг непонятного медного купола, разгорается бледноватое сияние, и все сопровождается пронзительным свистом. Греки собираются выстрелить из своего орудия. И на прицеле у них Бранд, Шеф знал это. Что ж там «мул», выстрелит он когда-нибудь? Капитан катапультеров Озмод пригнулся к своей машине, разворачивает ее хвост, разворачивает...

Озмод вскинул руку: прицел взят.

— Стреляй! — крикнул Шеф.

Рывок за спусковой тросик, грозный мах бьющего шатуна, слишком быстрый для глаза, и еще более быстрый пролет пращи, крутнувшейся, выпустив снаряд, даже раньше, чем корабль содрогнулся от удара шатуна по отбойной перекладине. Взгляд Шефа, находящийся почти точно на линии выстрела, уловил знакомый промельк, подъем и спуск летящего камня...

Нет, слишком близко для спуска. Камень проскочил над своей целью, изогнутой кормой галеры, где он разрушил бы ахтерштевень и шпангоуты, сотворив из всего корабля подобие выпотрошенной селедки. Вместо этого глаз Шефа, полуослепший от вспышки, отметил лишь след черной тени, ткнувшейся прямо в загадочный медный купол как раз в тот момент, когда оттуда началось извержение и вырвался поток сверкающего пламени, напоминающий дыхание самого Фафнира.

И в тот же миг пламя распространилось повсюду, выброс газов из котла ощущался Шефом за пятьдесят ярдов, как толчок в грудь. Его зажмуренный глаз долгое время не мог различить ничего, затем начал проникать в смысл этого ничего. Потом Шеф осознал, что огненная стена — это горя-

щая галера, факелы в воде — обожженные люди, а шум — их мучительные вопли.

Он отвернулся. На берегу Стеффи, заметив, что ярко освещенный «Победитель Фафнира» как на ладони виден с вражеского бронированного плота с его катапультами, отбросил очередной запал уже негнущейся от ожогов рукой и молча смотрел на опускающийся и гаснущий в воде последний осветительный снаряд. Темнота снова опустилась на гавань и каменный мол, где устрашившиеся бойцы вслепую разбегались в неверном свете догорающей галеры. Хриплым и испуганным голосом Шеф позвал Ордлава, приказал развернуть «Победителя Фафнира» и возвращаться.

А со своего наблюдательного пункта на горном склоне за добрых полмили оттуда император Бруно понял, что его атака захлебнулась, хотя и непонятно из-за чего. Он повернулся к Эркенберту:

— Агилульф погиб, и греки нас подвели. Теперь твоя очередь.

— Моя и Волка Войны, — ответил императорский *arithmeticus*.

Глава 24

Шеф глядел с высокой, обращенной к морю крепостной стены на синюю воду внизу. Там находились остатки греческой красной галеры, он видел ее очертания в десяти-двадцати футах под поверхностью и примерно на таком же расстоянии от внешней стороны мола. Шеф был уверен, что и сам смог бы нырнуть, рассмотреть, что же там осталось после взрыва и пожара, может быть, прикрепить тросы и вытащить несгоревшие металлические части на дневной свет. Хотя бронированный плот никуда не делся и по-прежнему время от времени злобно метал камни при малейшем признаке оживления в гавани, Шеф был убежден, что одиночный человек вряд ли окажется достойной выстрела целью.

Впрочем, времени все равно нет. Времени на простое любопытство. В любом случае Шеф почти не надеялся, что обломки расскажут ему намного больше того, что он и так уже знал. Большая часть нападающих успела уйти на своих

лодках, прежде чем король сумел организовать эффективное преследование, но некоторые из них заблудились и попали прямиком к нему в руки: в основном местные ополченцы, у которых сразу же развязались языки от страха или от негодования, что союзники их бросили на произвол судьбы. Они подтвердили многое из того, что Шеф уже слышал. Да, огонь на галере помещался в середине судна, в чем-то вроде топки, горючее в нее поступало, как уверенно заявил один из пленных, по такому длинному фитилю из пакли. Он самолично слышал, как работают мехи, а другие видели их своими глазами. Итак, греки должны были жечь или нагревать что-то, прежде чем выпустить свой огонь. Что бы это ни было, оно находилось в сверкающем котле, который взорвался, котле, похожем сверху на купол, а судя по его цвету, сделанном из меди. Почему же из меди, а не из железа или свинца?

Это была первая зацепка. Вторая — свист машины. Шеф, как и многие другие, слышал его. Один из иудейских ополченцев, находившийся вблизи от галеры, рассказал Соломону, что слышал, как греки считали вслух. Считали, конечно, по-гречески, а Шефу сразу вспомнилось, как катапультеры Квикки в былые дни тоже старательно отсчитывали повороты рукоятки, когда взводили пружину торсионной катапульты, опасаясь, что перенапряженная пружина лопнет. И наконец, существовало свидетельство людей Бранда. Двое из выживших викингов с полной уверенностью заявили, что в самый последний момент видели, как грек направил на них какую-то трубу. Пламя вырывалось из нее, вырывалось непрерывным потоком, а потом ударил камень, и все взорвалось.

Топка, фитиль, мехи, купол, труба, свист, и кто-то ведет счет чему-то. Шеф чувствовал, что все это должно рано или поздно встать на свои места. Даже раненые могли что-то рассказать ему. Или рассказать Ханду. Примерно с дюжину германцев из Ордена пережили арбалетный обстрел, топоры викингов и огонь, насланный на них их собственными союзниками, хотя пострадали все они ужасно. Огненная струя лилась также на воинов Бранда, пусть и недолго. Она задела пятерых, все они лежали теперь в импровизированном госпитале с тяжелыми ожогами. Не исключено, что Ханд сможет сказать, чем вызваны эти ожоги.

Если Ханд вообще станет разговаривать с Шефом. С самого начала романа Шефа со Свандис малыш-лекарь сделался тихим и замкнутым. Когда Шеф пришел посмотреть на обгоревших людей и увидел одного ослепшего, с выжженными пламенем глазами, он потянулся к рукояти своего кинжала и вопросительно взглянул на Ханда. Среди викингов считалось обычным делом добивать безнадежно раненных, и Шефу с Брандом доводилось делать это и раньше. Но Ханд накинулся на него, как терьер, грубо вытолкал из палаты. Немного погодя появился Торвин и заговорил извиняющимся тоном, приведя слова одной из священных песен Пути:

— Он просил меня передать, что человеческая жизнь священна. Как говорится:

Хромой может мчаться на лошади,
Однорукий — пасти овец,
Глухой может славно рубиться,
Ослепшему лучше сожженного.
А мертвому чем хорошо?

— «Ослепшему лучше сожженного», — ответил Шеф. — А каково ослепшему и сожженному одновременно?

Но с малышом-лекарем спорить было бесполезно. Возможно, он еще расскажет что-нибудь. Расскажет больше того, что удалось узнать от оставшихся в живых ублюдков-монахов, как Бранд называл братьев Ордена Копья. Ни один из них не сдался в плен добровольно, всех взяли полуобгоревшими, неспособными сопротивляться и потерявшими сознание. Они вообще отказывались говорить, несмотря на все угрозы и посулы. Бранд тут же перерезал бы им глотки, если бы жрецы Пути не защищали их.

Кинув последний тоскующий взгляд на лежащие глубоко под водой остатки галеры — не медь ли это блестит там в глубине? — Шеф пошел прочь. Тайна подождет. Как и Ханд. Как и Свандис, которая еще ни слова не сказала ему после тех горьких упреков, брошенных у пирса, а сейчас сидела рядом с жестоко пострадавшим греческим моряком, которому удалось выжить и в огне, и в воде. У Шефа есть более неотложные дела. Уже сегодняшним утром неприятель совершил пробную вылазку у южных ворот, словно бы показывая, что ничуть не обескуражен ночной неудачей. Неплохо бы для разнообразия разок его опередить.

На палубе «Победителя Фафнира» команда уже приготовилась запускать змея на свежем утреннем ветру. Толман успел усесться в свое висячее седло. Шеф ободряюще погладил его по голове, которая одна только и торчала снаружи. Почему это он как будто бы поежился? Видимо, все еще расстроен после своего падения. Затем Шеф снова осмотрел оснастку змея. Верхняя поверхность имела семь футов в ширину и четыре фута в длину, а каждая из боковых сторон — те же четыре фута в длину и три фута в высоту. Так, и сколько же пошло на это ткани? Представь себе, что все это квадраты размерами фут на фут. Повернувшись к подносу с песком, который для неотложных вычислений теперь повсюду носили за ним два человека, Шеф начал перекладывать камешки и выписывать цифры, приговаривая себе под нос. Круглым счетом восемьдесят квадратных футов ткани. А Толман, знал он, весит шестьдесят восемь фунтов. Сам Шеф весит сто восемьдесят пять фунтов. Значит, если нужен квадратный фут поверхности, чтобы поднять один фунт веса...

— Все зависит от ветра, — вмешался в его бормотание Хагбарт. — Чем сильнее ветер, тем больше подъемная сила.

— Это мы тоже учтем, — ответил Шеф. — Скажи-ка, какой ветер у нас сейчас...

— Свежий бриз, достаточный, чтобы под полным парусом делать четыре узла.

— Возьмем это за четыре. А сколько узлов мы делаем при штормовом ветре, когда тебе приходится брать на парусе рифы?

— Узлов десять.

— Хорошо, значит, десять. Значит, если мы умножим восемьдесят на четыре, мы получим подъемную силу... в триста двадцать, а если у нас десятиузловой бриз, сила будет... восемьсот фунтов.

— Моржа хватило бы поднять, — скептически отозвался Хагбарт. — Но ведь это не так.

— Ладно, значит, мы слишком много берем для учета ветра, но если взять для четырехузлового бриза единицу, а для десятиузлового двойку, даже полтора...

Шеф говорил с напором, захваченный новым неизведанным удовольствием точных вычислений. С тех пор как Соломон показал ему придуманные Аль-Хоризми алгоритмы ум-

ножения и деления столбиком, Шеф повсюду искал задачи для решения. Ответы могут быть и неверны. Поначалу. Но Шеф был уверен, что нашел инструмент, который искал половину своей жизни.

Вмешался неодобрительный голос. Это Квикка.

— Он поднялся. Если вам угодно все-таки посмотреть, то как раз пора. Парень рискует своей шеей.

«Квикка сделался саркастичным, а Ханд — агрессивным, — краем сознания отметил Шеф. — Надо будет как-нибудь об этом подумать».

Толман парил высоко в небе, не в свободном полете, а на привязи, поднявшись на двести-триста футов; ветер нес его к выходу из гавани, выше самой высокой башенки городских стен. Словно в небе у них еще одна сторожевая башня. Со стороны осаждающих кто-то выпустил стрелу, которая бессильно пролетела много ниже. Шеф, глядя на воздушную машину, облизал губы. Научившись арифметическим вычислениям, он был полон решимости сконструировать такой воздушный змей, чтобы полететь на нем самому. Если взять отношение поверхности к весу как один к одному, то ему понадобится змей размерами, скажем, двенадцать футов на шесть на четыре. Но сколько весит сам змей? На каждый вопрос найдется верный ответ.

Квикка оглянулся от своего ворота с тросом:

— Толман дернул три раза. Он что-то заметил. И он показывает на север.

На север. А утренняя вылазка была с юга.

— Подтягивай змея обратно, — приказал Шеф. Он не сомневался, что мальчик заметил приближение знаменитой метательной машины императора. Волка Войны.

Дорога, вьющаяся вдоль побережья и подходящая к северным воротам Септимании, делала последний поворот примерно в двух сотнях двойных шагов от массивных деревянных ворот, которые обычно были распахнуты для проезжих торговцев, а ныне закрыты на засовы, и башни по обе их стороны были усеяны лучниками и арбалетчиками, вращательницами и дротикометами. Но это никак не спасет обороняющихся, если ворота окажутся разбиты. Хоть они и сделаны из дуба, усиленного полосами железа, один удар Волка Войны сметет их напрочь. Так размышлял Эркенберт.

Но удар должен попасть в нужное место. Волк Войны выбрасывает свои снаряды по крутой навесной траектории, как и любая катапульта с коромыслом. Камень, не долетевший на пять шагов, никакой пользы не принесет, просто еще одно препятствие в заключительной атаке. При перелете на пять шагов толку тоже не будет. Камень должен обрушиться с небес точно в центр ворот, в идеале на самую малость ниже центра, чтобы разбить дубовые доски и железные накладки, вывалить ворота внутрь. В прошлом Волк всегда делал свое дело, иногда после нескольких попыток. Эркенберт прекрасно понимал, что мелкие осиные гнезда мусульманских бандитов и даже цитадель еретиков Пигпуньент не в состоянии были оказать серьезное сопротивление, служили безответной мишенью для тренировки в стрельбе. Нельзя было рассчитывать, что английский вероотступник и его дьявольская команда будут такими же кроткими. Поэтому Эркенберту пришлось крепко задуматься о двух главных недостатках Волка Войны.

Во-первых, его очень долго приходилось загружать. Огромную клеть противовеса размером с крестьянскую хибару нужно было наполнить камнями. Опускаясь на землю, груз с силой вскидывал длинное плечо коромысла, к которому прикреплялась праща с метательным снарядом. Как поднять вес груза на двадцать футов вверх над землею? До сих пор Эркенберт использовал медленный и безопасный способ. Сначала поднять клеть противовеса, навалившись на длинное плечо коромысла. Потом закрепить длинное плечо. Послать пятьдесят рабочих, чтобы приставили лестницы и наполнили камнями висящую над их головами клеть. После загрузки противовеса вложить снаряд в петлю, вытащить стопорный болт. После выстрела опять опорожнить клеть, поднять ее облегченный вес без груза и послать рабочих наполнять ее камнями.

Слишком медленно, Эркенберт знал это. Он твердо вознамерился найти решение этой проблемы и нашел его. Крепкие железные кольца, вбитые по краям клети. Туго привязанные к ним канаты были перекинуты через массивный деревянный блок, возвышавшийся над всем сооружением. Теперь рабочие могли просто тянуть за канаты и поднимать

противовес, потихоньку и с неимоверными усилиями, ведь им сопротивлялся груз, весящий больше полутонны. Зато не надо было разгружать и вновь загружать клеть.

Вторая проблема была очень старой, исконно присущей этой машине — прицеливание по дальности. Но теперь она была частично решена благодаря тому, что вес груза оставался неизменным. Требовалось подбирать лишь вес метательных снарядов. У Эркенберта скопились груды булыжников, калиброванных по весу. Бездельники-крестьяне горестно сетовали, что камни приходится повсюду возить с собой на телегах, которые с трудом тащили мулы и помогающие им люди, но Эркенберт пропускал все жалобы мимо ушей. Зато он был уверен, что как только сделает прицельный выстрел — и кто знает, тот ведь тоже может оказаться для мишени роковым, — после быстрого расчета легко будет выбрать камень, который полетит точно в цель. Два выстрела, и ворота рухнут. В самом худшем случае три. Осталось только установить громоздкий требукет на позицию, игнорируя неизбежный вражеский обстрел из легкого оружия.

В полдень Эркенберт, осмотрев местность, отдал приказ выдвигаться на позицию. Приказ был неукоснительно выполнен потеющей усталой прислугой требукета, дисциплинированными исполнителями из Ордена Копья, презирающими, как и сам Эркенберт, местный обычай полуденного отдыха. Впрочем, когда рядом сам император, не может быть и речи о чьей-то нерадивости.

У Шефа благодаря Толману было несколько часов на подготовку. Позади запертых на засов ворот в полной тайне от врагов он установил ответ людей Пути на Волка Войны: противовесную катапульту, основанную на сведениях арабского купца и на том, что Шефу подсказывали его собственная изобретательность и опыт работы с вращательницами. Сейчас он с интересом и тревогой наблюдал со стены, как Волк Войны выползает из-за поворота дороги. Его доставляли по частям и собрали уже перед самой боевой позицией. Волк медленно полз на двенадцати массивных колесах. Доехав до выбранной Эркенбертом ровной площадки, требукет остановился. Люди начали подкладывать под его раму чурбаны, колеса приподнялись над землей. Зачем они это делают и как они будут двигать чурбаны потом?

— К выстрелу готов! — раздался голос со стены. Это Квикка, склонившийся к прицелу своего любимого дротикомета. Прямо перед ним была сотня людей, даже две сотни, цель как на ладони. Шеф нетерпеливо приказал ему затихнуть. Наблюдать сейчас важнее, чем убить нескольких рабочих. Видимо, так думали и враги. Вперед вышли еще люди, сгибаясь под тяжестью гигантских мантелетов, тяжелых деревянных экранов, способных выдержать удар арбалетного болта и даже выпущенного метательной машиной дротика. Мантелеты закрыли то, что нужно было увидеть Шефу. Но кое-что он все-таки разглядел. Нечто зловещее.

— Стреляйте, если готовы! — крикнул Шеф.

— Теперь стрелять уже не в кого, — пожаловался неизвестно чей голос. Однако катапультеры стали стрелять по мантелетам, стараясь попасть в щели между ними. Вдруг дротик да влетит внутрь. Глядишь, напугает какого-нибудь дурачка.

— Что ты разглядел? — спросил Торвин, который больше всех из жрецов Пути интересовался механическими устройствами.

— У них по бокам катапульты поставлены два укоса из бревен. На нашей такого нет.

— И в чем разница?

— Мы не знаем. Мы из нашей еще не стреляли.

Они оба встревоженно посмотрели на свою машину, установленную в двадцати шагах позади ворот. Катапульта представляла собой не что иное, как масштабно увеличенную версию их старых добрых вращательниц, оружия, принесшего победу в Трехсторонней битве, как ее теперь называли, в битве на два фронта против мерсийцев и против Ивара Бескостного, отца Свандис. С тех пор вращательницы не решили исход ни одного сражения. Будет ли их гигантский потомок работать так же просто, как его прототипы?

— Начинайте загружать, — сказал Шеф. Он сумел предугадать проблему, о которой Эркенберт узнал из своего опыта, и, лучше разбираясь в механике, смог придумать целых два способа ее решения, но у него не было времени на изготовление шестерней, храповиков и большого железного вала, которые требовались для лучшего из двух способов. Поэтому Шеф вынужден был выбрать самый простой путь. Поднять

вверх пустую корзину и загружать ее в этом положении. Но его команда использовала не камни. У каждого человека был мешок с песком, тщательно отмеренным и взвешенным. По сотне фунтов зараз. Торвин считал поднимающихся по лестнице людей, самых сильных из викингов Бранда, потеющих так, что мокли их рубахи из конопли. Загружено пятнадцать мешков, и длинное плечо заметно изогнулось, удерживаемое жирно смазанным стопорным болтом.

— Заряжайте пращу, — скомандовал Шеф. Еще одна тяжелая работа. Праща лежала на земле, как гигантская пустая торба. Заряжаемый в нее камень весил, Шеф это знал точно, сто пятьдесят фунтов. Команда катапульты выкопала валун на морском берегу, взвесила на весах, где гирями служили мешки с песком, и тут же получила приказ обтесать его накругло — и взвесить осколки! Затем их послали выкопать еще три валуна и обтесать их как можно тщательней до такого же веса. Сейчас надо было зарядить первый снаряд. Для сильных мужчин вес небольшой, но круглые валуны трудно поднимать с земли. Какое-то время слышалось пыхтение рабочих и свист недовольных зрителей, потом, когда два грузчика сердито набросились на своих товарищей, вперед вышли Бранд и Стирр. Они зарылись ладонями в песок под валуном, обхватили его как два борца, оторвали от земли и засунули в мешок из сдвоенной бычьей шкуры.

Если теперь отпустить противовес, длинное плечо взметнется вверх. Оно взметнется, а праща раскрутится. Когда она раскрутится, камень вылетит из нее и обрушится на собственную метательную машину и ее команду, если только крюк, который удерживает петлю пращи замкнутой, не раскроется точно в нужный момент. Шеф подошел проверить угол крепления. Все в порядке.

Шеф вернулся назад; глубоко вздохнув и посмотрев на своего старого боевого товарища Озмода, который потребовал предоставить ему честь первого выстрела, он услышал громкое «ах!», люди на крепостной стене издали крик удивления, перекрывший шум и лязг арбалетов и вращательниц. Шеф глянул вверх и узрел падающую на него луну. В точности как десятилетие назад при осаде Йорка, Шеф съежился, подобно черепахе, втянул голову в плечи. Огромный, невесомый валун бесшумно опускался с точки, которая казалась

расположенной даже выше, чем когда-либо поднимался змей с Толманом. Первый выстрел остался за Эркенбертом и Империей.

Волк Войны едва не попал в цель с первого раза. Камень с такой скоростью, что невозможно было уследить глазом, пронесся над верхней частью городских ворот в каких-то шести футах и зарылся в сухой песок почти точно посередине между воротами и местом, где Шеф стоял около своего требукета. Земля дрогнула под его ногами, и поднялась туча пыли. Когда она в благоговейном безмолвии осела, люди уставились на внезапно появившийся валун, выглядевший так, будто он лежал здесь с начала времен.

— У них больше, чем у нас, — произнес хмурый голос. Память помогла Шефу узнать говорившего.

— У всех больше, чем у тебя, Одда, — откликнулся он. — Чего ты ждешь, Озмод? Вытаскивай стопор.

Увидев, что Озмод с некоторой опаской потянулся к болту, Шеф развернулся и по каменным ступенькам побежал на вершину левой башни. Позади себя он услышал протестующий скрежет металлического болта. Затем протяжный глухой звук, завершившийся оглушительным ударом. Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как раскрылась праща, и валун, который с натугой притащили два могучих викинга, словно мелкий камешек унесся в небо.

Пока он описывал свою длинную дугу, Шеф следил за ним взглядом, не обращая внимания на треск древесины, на крики и ругань команды. Итак, вершина дуги должна быть средней точкой траектории. Шеф был уверен, что снаряд летит точно по направлению Волка Войны. Но что с дальностью?

Шеф протяжно вздохнул. Он уже понял, что снаряд пройдет выше, и намного. Его выстрел оказался гораздо хуже, чем выстрел врага. Удар, и облачко пыли поднялось за целью. На сколько ярдов перелет? Шеф отложил подзорную трубу с ее мутными линзами и прищурил глаз, чтобы видеть наверняка. Слишком много предметов заслоняли обзор. Навскидку можно сказать, что перелет ярдов на сорок. А если подумать? Сколько лежащих вдоль человек поместится от точки, где виднелась верхушка Волка Войны, до оседающей тучи пыли? Шеф начал считать, бессознательно кивая голо-

вой при каждых отложенных шести футах. Видимо, меньше сорока ярдов. Больше похоже на тридцать пять. И то скорее поменьше, чем побольше. Скажем, тридцать четыре.

Так, а сколько от Волка Войны до ворот? Рядом стоял капитан городских стражников Малаки, встревоженный, но молчаливый.

— Малаки, подумай-ка хорошенько. Ты должен был много раз ходить по этой дороге. Как далеко от ворот до машины? Считай в двойных шагах.

Долгая пауза.

— Я бы сказал, сто сорок.

Плюс двадцать, уже отмеренных от ворот до центральной точки катапульты. Сто шестьдесят умножить на пять с половиной футов, это расстояние, на которое он хочет выстрелить. Прибавить сюда тридцать четыре, умноженных на три, — это расстояние, на которое он выстрелил. Вес груза в пятнадцать мешков по сотне фунтов он должен уменьшить в пропорции к уменьшению расстояния, чтобы попасть в цель снарядом неизменного веса. Два дня назад он бы вскинул руки к небу, признав подобные вычисления неосуществимыми. Теперь же...

Шеф скатился по лестнице вниз к своему песочному подносу. Озмод встречал его с горестным лицом.

— Машина. Она рассыпается на куски. Вес слишком велик для нее. Нужны боковые укосы, как у них...

Шеф оттолкнул его.

— Поставь клинья, куда только сможешь; если нужно, заколоти гвоздями. Необходимо, чтобы она выдержала еще один выстрел. Прикажи людям разгрузить противовес, перекинуть коромысло, загрузить десять раз по сто фунтов. Потом ждите.

Он склонился над своим подносом, линии для первого действия уже были начерчены. Сто шестьдесят умножить на пять и прибавить восемьдесят — это легко. Написать на песке «880». Тридцать четыре ярда взять три раза и все сложить, написать на песке «982».

Теперь разделить 982 на 15, чтобы узнать, сколько футов расстояния приходится на каждый стофунтовый мешок. А потом разделить 880 на это число. Шеф увлеченно сражался с цифрами. Его люди с любопытством следили за ним.

Соломон и Малаки обменялись взглядами. Любой из них, подозревали они, проделал бы эти вычисления быстрее, как и любой торговец с базара. Но торговец не понял бы, что собирается сделать король варваров. Король, должно быть, почти неграмотный. Но он построил эту машину. Он изобрел осветительные снаряды, воздушные змеи, арбалеты. Лучше уж доверять тому, что арабы назвали бы его *iqbal*. Дух удачи.

Шеф выпрямился. Он не мог работать с числами меньше единицы, ему пришлось удвоить и числитель, и знаменатель, чтобы получить приближение поточнее, но он все-таки узнал ответ.

— Десять стофунтовых мешков загрузили? Хорошо, добавьте еще три. И откройте четвертый. Высыпьте половину. Ровно половину.

Шеф склонился над открытым мешком. Здесь должно оставаться пятьдесят фунтов. Согласно его вычислениям, он должен убрать еще семь фунтов. Какое это могло оказать влияние на камень такого веса, как их снаряд? Он мрачно выскреб то, что показалось ему семью фунтами грязи, тот же самый вес, что у двухдневного рациона питания. Завязал закрытый мешок, поднялся по лестнице, закинул мешок на верх кучи.

— Готовы выстрелить еще раз? Прицел по направлению проверили?

Крик с парапета, куда ушел наблюдать Торвин:

— Волк Войны готов! Я вижу, что его длинное плечо опустилось!

Шеф метнул взгляд на Озмода. Здесь не было лязга металла, не пели трубы и не раздавались воинственные кличи, но здесь решалась судьба сражения. Все, что требовалось сделать Волку Войны, — это выстрелить на шесть футов ближе, чем в прошлый раз. Если они не разобьют Волка следующим выстрелом, им останется только бежать к гавани. Выйти при полуденном штиле против бронированного плота и греческого огня. Через час все они поплывут по морю обгоревшими трупами.

Озмод пожал плечами, словно крестьянин, спрошенный, умеет ли он косить.

— Я еще раз проверил прицел по направлению. А что бу-

дет с рамой, ничего не могу обещать. Ты слышал, как она затрещала.

Шеф глубоко вздохнул, глянул на противовес, на раму, на пращу с аккуратно обтесанным валуном. Все это выглядело как-то неправильно. Но вычисления говорили, что все в порядке.

— К выстрелу! Всем отойти. Отлично, Озмод. Давай!

Когда тот выдернул болт, Шеф уже летел в прыжке к лестнице, ведущей на вершину башни. Позади себя он услышал скрежет, удар и на этот раз еще и встревоженные крики — это торопливо подклиненная рама медленно и неумолимо развалилась. Однако камень летел, он все еще поднимался, когда Шеф достиг своего наблюдательного пункта. Переведя взгляд на цель, он увидел, что та вдруг шевельнулась. Огромная деревянная клеть противовеса мгновенно скрылась за стеной мантелетов, длинное плечо вскинулось, Шеф увидел невероятно мощный мах пращи, словно бросок гигантской руки. И вот в небе летят уже два камня. Один поднимается, другой опускается. Какое-то мгновение казалось, что они столкнутся в воздухе. Потом позиция Волка Войны окуталась пылью. И над этой тучей пыли вражеский снаряд все набирал высоту.

Слабое зрение Эркенберта не позволило ему разглядеть полет его первого снаряда. Стоявший рядом *bruder* Ордена служил ему наблюдателем, но сообщил лишь:

— Очень близко, над самым верхом ворот, вот бы на волосок пониже, *herra*, и будет самое то!

Замечательно, но волосок трудно перевести в фунты. Эркенберт сделал все, что смог. Во-первых, он знал, что масса противовеса не изменяется, ведь теперь он перезаряжал машину, не снимая груз, а просто поднимая вверх короткий конец коромысла. Пока его команда занималась этим, налегая на неподдающиеся канаты, дьякон размышлял над своей задачей. От машины до ворот было три сотни ярдов или около того. Ему нужно было лишь чуть-чуть уменьшить дальность. Значит, в ряду его снарядов-разновесов нужно взять следующий, который на одну ступеньку веса тяжелее только что выпущенного камня. Но что, если снаряд упадет чуть ближе, чем надо? Как определить разницу? Если камень, примерно

двухсотфунтовый, пролетает триста ярдов при своем весе, каков бы его вес на самом деле ни был, то какого веса должен быть камень, чтобы он теперь пролетел двести девяносто пять ярдов? Эркенберт знал, как найти ответ. Нужно умножить триста ярдов на двести фунтов и результат разделить на двести девяносто пять ярдов.

Но вся беда в том, что для Эркенберта — выпускника великой и знаменитой йоркской школы латинской премудрости, школы, в которой в свое время учился такой человек, как дьякон Алкуин, министр Карла Великого, поэт, издатель и комментатор Писания, — для Эркенберта эта задача выглядела совсем по-другому. Для него триста записывалось как CCC, а двести — как CC. Если III умножить на II, будет VI. Умножить C на C — здесь требовались уже не вычисления, а здравый смысл, и он подсказывал ответ: XM. У Эркенберта здравого смысла хватало, он в состоянии был довольно быстро, если и не сразу, вычислить, что CCC умножить на CC будет VIXM. Но VIXM — шесть десятков тысяч — больше было похоже на какое-то слово или название, чем на число. Сколько может получиться, если VIXM разделить на CCXCV, вряд ли скажет даже самый мудрый из людей, тем более находясь на поле брани.

Эркенберт поразмыслил и просто выбрал следующий по весу валун. Судя по написанным на его боку цифрам, он был фунтов на пять-десять тяжелее, чем только что выпущенный, — все приблизительно, как и те триста ярдов, в которые Эркенберт определил расстояние. Хоть дьякон и был арифметикусом, к абсолютной точности в цифрах он не стремился, разве что при вычислении доходов, символики библейских чисел и даты наступления Пасхи. К тому же Волк Войны раньше никогда не сталкивался с противодействием. Упавший в сорока ярдах снаряд противника разгневал Эркенберта — это было свидетельство, что хитроумный и враждебный разум противостоит воле Эркенберта, воле его императора и воле их Спасителя. А величина промаха порадовала дьякона — да и чего же еще ждать от невежд, пытающихся подражать мудрецам, невежд, не изучивших даже труд Вегеция? Им никогда не хватит сообразительности, чтобы приспособить блоки и веревки для подъема коромысла. Что это

там рабочие так долго с ним возятся? Эркенберт махнул рукой монаху Ордена, чтобы тот подстегнул лентяев.

Один из тянущих канат, поскользнувшись на слое сухой пыли, осмелился заворчать на ухо своему соседу:

— Да я сам моряк, честное слово. Мы тоже все время так перекидываем рею наших латинских парусов через мачту. Но мы это делаем с помощью ворота. Этот ухарь когда-нибудь слышал о воротах?

Удар бича рассек моряку кожу на спине и заставил его закрыть рот. Когда стопорный болт был наконец водворен на место и тяжело дышащие люди оставили канаты, моряк незаметно пропустил свой канат под раму и, быстро завязав его полуштыком, двинулся прочь вместе со всеми. К чему это приведет, моряк не знал. Он вообще не понимал, что от них требовалось, зачем его прислали сюда, по приказу епископа сняв с корабля как раз в тот момент, когда намечался выгодный рейс. Но если можно как-то навредить, он готов.

Эркенберт с угрюмым удовлетворением осмотрел приготовленную к выстрелу машину, оглянулся на императора, наблюдавшего за дуэлью требукетов на безопасном удалении от метательных машин крепости. Позади стояли две тысячи готовых ворваться через ворота штурмовиков, возглавляемых баварцем Тассо, а также личная императорская гвардия.

Дьякон перевел взгляд на крепость и вдруг с изумлением увидел валун, взмывающий ввысь из-за вражеских ворот. В порыве ярости он заорал:

— Стреляй!

Видно было, как праща со снарядом рванулась от земли, закрутилась и послала валун в небо, наперерез приближающемуся снаряду противника.

Затем раздался оглушительный удар, стон рвущихся канатов, треск и скрежет разрушенных бревен и железных скоб.

Шеф удачно рассчитал поправку, и снаряд попал прямо в цель; разнообразные ошибки взаимно уничтожились, как это нередко бывает, когда стараются получить точность на пределе возможного. Дальность взята чуть-чуть больше, сопротивление воздуха вообще не учитывается, подвижку развалившейся во время выстрела рамы предсказать невозможно — но в результате все сделано правильно. Волк Войны мгновенно

рассыпался на части от удара, попавшего точно в ось, разнесшего сразу коромысло, боковые укосы и клеть противовеса. Гигантский требукет был повержен в прах, последние бревна падали на землю, как конечности сраженного героя. Поднятая в воздух пыль стала потихоньку оседать и припорашивать принесший столько разрушений снаряд, словно пытаясь прикрыть его, сделать вид, что ничего не случилось. Ошеломленный Эркенберт полез осматривать обломки. Тут же опомнился, стал подслеповато вглядываться в сторону ворот — куда попал его снаряд? Позвал своего наблюдателя Годшалька, задал ему главный вопрос.

— Небольшой недолет, — флегматично отрапортовал *bruder* Годшальк. — На полволоска повыше, и было бы самое то.

Шеф с крепостной стены поглядел на упавший в четырех шагах от ворот вражеский снаряд, затем всмотрелся в тучу пыли, отметившую попадание во вражеский требукет, понял, что мелькнувшие за мгновенье до этого тени были крутящимися в воздухе обломками машины, глубокомысленно задумался о пользе вычислений. Шеф испытывал глубокое удовлетворение. Он сумел найти правильный ответ. Ответ не только на эту задачу, но и на многие другие.

Хотя оставалась еще главная проблема. Когда радостные крики защитников крепости начали наконец стихать, Шеф поймал ликующий взгляд Бранда, на добрый фут возвышавшегося над ним.

— Мы справились с огнеметами, мы справились с катапультами, — торжествовал Бранд.

— Нам надо сделать большее, — ответил Шеф.

Бранд посерьезнел.

— Да. Нам нужно нанести им крупный урон, я всегда это говорил. И как мы намерены это сделать?

Шеф помолчал. У него появилось странное чувство, как у человека, который потянулся за мечом, десять лет висевшим на поясе, и не обнаружил его. Шеф снова попытался воззвать к источнику своего вдохновения, к своему советчику, к своему богу.

Никакого отклика. Теперь у него была мудрость Аль-Хоризми. Мудрость Рига ушла.

Глава 25

Император римлян понуро опустился на походный стул с исказившимся от бесконечной усталости лицом.

— Полное фиаско, — сказал он. Потянулся за Святым Копьем, которое всегда было при нем, прижался щекой к наконечнику. Через несколько секунд почтительно, но по-прежнему устало поставил Копье на место.

— Даже Копье бессильно меня утешить, — продолжал Бруно. — Я слишком грешен. Я прогневил Господа.

Два задыхающихся от послеполуденного зноя телохранителя неуверенно поглядели друг на друга, потом на четвертого человека в палатке — дьякона Эркенберта, который, отвернувшись, добавлял в питьевую воду вино.

— Ты прогневил Господа, *herra*? — переспросил Йонн, самый бесшабашный и глупый из двоих. — Ты же по пятницам ел рыбу. И Бог знает — да и мы все знаем, — что у тебя давно не было женщин, хотя тут полно...

Его товарищ больно наступил ему на ногу кованым сапогом, и голос Йонна оборвался.

На лице Бруно ничто не отразилось, он продолжал усталым тоном:

— С греческим огнем вышла неудача. Сорок добрых братьев убиты и взяты в плен, Агилульфа вытащили из воды сильно обгоревшим. — Во взгляде императора мелькнуло оживление, он распрямил плечи. — Уверен, что эти греческие ублюдки выстрелили нарочно, хотя знали, что могут попасть в наших. Но как бы там ни было, — он снова откинулся на спинку стула, — мы проиграли. Греческий адмирал отказывается повторить атаку, все время хнычет о своих потерях. И Волк Войны разрушен. Ворота целы и невредимы. Я не виню тебя, Эркенберт, но ты должен признать, что во втором их выстреле было нечто дьявольское. Казалось бы, можно надеяться, что Бог пошлет своим слугам удачу. Если они его верные слуги. Боюсь, что я к таковым не отношусь. Уже не отношусь.

Эркенберт не поднял взгляда, продолжая наливать флягу за флягой словно в бездонную бочку.

— Нет ли других знаков, о император, что Бог отвернулся от тебя?

— Их слишком много. К нам продолжают поступать перебежчики. Они заявляют, что были христианами и их насильно обратили в ислам. Мы заставляем их есть ветчину, потом проверяем их сведения. Все говорят одно и то же. Арабская армия уже буквально за холмом, ее ведет лично халиф Эр-Рахман. Десятки тысяч воинов, говорят они. Сотни тысяч. Всех, кто не исполняет волю халифа, сажают на кол. А самое худшее ты и сам знаешь, о дьякон. Ни слова не слышно о Святом Граале, Лесенке воскресения, которая должна стоять рядом с Копьем смерти. Сколько уже людей погибло во время поисков? Иногда я слышу во сне их стоны. Тот пастушок, который приходил за Граалем в крепость, ты замучил его до смерти. И тот мальчик, светловолосый, который в пламени рухнул с небес. Они должны были прожить долгую жизнь, но теперь они мертвы. И тщетно, все тщетно...

Император откинулся еще глубже, его длинные руки коснулись земли, глаза закрылись.

Металлические латные рукавицы лежали перед ним на столе. Дьякон Эркенберт тихонько подошел к ним, взял одну, взвесил в руке и вдруг со всей своей тщедушной силой ударил рукавицей по лицу ничего не подозревавшего императора. Из сломанного носа тут же хлынула кровь. Пока ошеломленные телохранители тянулись к рукояткам мечей, Эркенберт был уже сбит с ног, распростерт на столе, и рука, подобная стволу дуба, стала душить его за горло, а острие кинжала нацелилось в глаз.

Постепенно атмосфера разрядилась, император выпрямился и отпустил дьякона.

— Стойте, где стояли, парни. А ты объясни, за каким чертом ты это сделал?

На обращенном к нему бледном лице не мелькнуло и тени страха.

— Я ударил тебя, потому что ты предаешь Господа. Бог послал тебя исполнить волю Его. Какова бы Его воля ни была! А ты, ты впал в грех отчаяния! Ты ничем не лучше самоубийцы, который ищет убежища в смерти из страха перед волей Господней. За одним исключением. Ты еще можешь искупить свою вину. На колени, нечестивец, который дол-

жен быть императором, и умоляй, чтобы Всевышний простил тебя!

Император медленно опустился на колени, кинжал выпал у него из руки, он стал бормотать «Отче наш», а кровь все струилась по его лицу. Эркенберт дождался конца молитвы.

— Достаточно. Пока достаточно. Исповедуешься перед своим исповедником. А сейчас сиди тихо. — Дьякон осторожно ощупал сломанный нос императора. Император оставался недвижим, привыкнув к боли за время своих многочисленных самоистязаний.

— Ничего страшного. Через пару дней будешь выглядеть по-старому. Выпей-ка это, — дьякон протянул Бруно то, что умудрилось не расплескаться из кружки. — А теперь послушай, что я тебе скажу. Да, греческий огонь нам не помог. Да, Волк Войны разрушен. Да, Грааль все еще не найден. Но задумайся об этих перебежчиках, о тайных едоках свинины, которые приходят в твой лагерь. Они вероотступники и дети вероотступников, многократные предатели. Пришли бы они к тебе, если бы думали, что халиф этих басурман может победить тебя? Нет. Они бегут, потому что уверены в его поражении. Так поставь их в передних рядах твоей армии, напомни об участи, которая ждет у мусульман тех, кто отрекся от их лжепророка. Порази халифа, как Самсон, сильный у Господа, разил филистимлян.

Император поскреб испачканный кровью подбородок:

— Это звучит так, как будто численное превосходство за нами, а не...

— Тогда разбей мусульман в горных теснинах. Отомсти за смерть неистового Роланда. Как там поют менестрели в «Песне о Роланде»?

К общему удивлению, отозвался флегматичный Йонн:

— Они, франки то есть, поют: «*Chrestiens unt dreit et paiens unt tort*» — «Христиане праведны, а язычники лгут». Я слышал эту песню на рынке в Лойвене. Я из-за нее и вступил в Орден.

— «Христиане праведны, а язычники лгут». Вот все, что нужно знать в этой жизни. Но чтобы укрепить твою веру, я расскажу тебе еще одну историю. Когда посланники благословенного папы Григория прибыли в Англию, чтобы проповедовать Евангелие, мои соотечественники их не слушали, они предпочитали быть язычниками, в точности как нынешние еретики. И тогдашний архиепископ Павлиний совсем пал духом, готов был в своей слабости покинуть Англию и вернуться в Рим. Но тут апостол Петр, первый папа нашей Церкви, от которого получили свою власть все последующие папы, явился Павлинию во сне и безжалостно выпорол его веревкой с завязанными на ней узлами, а потом приказал архиепископу продолжать свое дело. А когда Павлиний проснулся, на его теле, там, где его стегал святой Петр, все еще были видны следы веревки. И Павлиний продолжил свой поход и победил. Так сделай это и ты, император! А в наказание за твое малодушие, хоть я и не твой исповедник, назначаю тебе такую епитимью: идти в первых рядах сражаться за Святую Церковь!

Император поднялся на ноги и поглядел на дьякона сверху вниз.

— А как насчет наказания для тебя, малыш? За то, что ты ударил избранного Богом?

Дьякон выдержал его взгляд:

— Я добуду тебе Грааль или умру.

Мощная ладонь сжала его плечо.

— Добудь мне Грааль, и тогда я дам вот какую клятву. Если я разобью неверных, то я сделаю тебя не архиепископом и даже не кардиналом, а самим папой Римским. У нас уже было слишком много итальяшек, которые никогда не покидали стен Рима. Нам нужен новый папа Григорий. Истинный наследник святого Петра.

— Но папский престол занят, — пролепетал Эркенберт, едва не лишившись дара речи от грандиозности внезапно открывшейся перед ним перспективы.

— Это можно будет устроить, — сказал Бруно. — Как уже не раз делали.

В лагере халифа, Наследника Пророка, разыгрывались другие драмы. Следуя обычаю, войсковые командиры в час заката собрались для рапорта, один за другим входя в установленный несколько часов назад огромный павильон — именно из-за его размеров и времени, необходимого на его установку и разборку, армия так медленно продвигалась на

север полуострова. Командиры подходили к дивану халифа, останавливаясь перед знаменитым кожаным ковром, по бокам которого наготове стояли палачи с обнаженными скимитарами и намотанными на запястья шнурками для удушения. Рядом с халифом теперь неотлучно находился его любимый советник, юный Мухатьях. Генералы смотрели мимо него оловянным взором. Советы его были нелепы, предположения глупы. Рано или поздно халиф от него устанет. Генералы старались также не смотреть на занавеску позади дивана: согласно закону и обычаю женщины халифа не могли появляться на его официальных аудиенциях, но им исстари позволялось незаметно смотреть и слушать. Поговаривали, что женщины тоже пользуются благорасположением халифа и далеко завели повелителя по его нынешней дороге безрассудства. Но заявить об этом вслух никто бы не осмелился.

— Доложите мне о дезертирах, — резко сказал халиф. — Сколько еще тайных пожирателей свинины сбежало от вас сегодня? Сколько предателей долгие годы служили в армии и теперь покрывают ее бесчестьем?

Начальник конницы ответил:

— Несколько человек пытались сбежать, халиф. Мои всадники их догнали. Сейчас все они ждут твоего приговора. Ни один не ушел.

Далеко не все из сказанного было правдой. Генерал не имел ни малейшего представления, на сколько человек уменьшилась за этот день численность армии. Он знал только, что сбежавших было немало и многие из них принадлежали к его элитным кавалерийским частям. Но он не стал в этом признаваться, как поступил бы когда-то. Прежде всего он был уже третьим начальником конницы с того времени, как армия вышла из Кордовы, и смерть двух его предшественников отнюдь не была легкой. А во-вторых, раньше его мог бы выдать какой-нибудь честолюбивый подчиненный или соперник, как это произошло с начальником пехоты, но теперь всем генералам удалось договориться между собой: ведь конкуренты могли устранять друг друга слишком быстро, да и подчиненные уже не стремились выдвинуться.

Халиф повернулся к генералу передового отряда:

— Это правда?

Тот в ответ лишь поклонился. Халиф задумался. Что-то

шло не так, он это чувствовал. Кто-то предает его. Но кто? Мухатьях нагнулся и зашептал халифу на ухо. Халиф кивнул.

— Относительно тех частей, которые приютили тайных пожирателей свинины, отступников от *shahada*. В бой они пойдут впереди всех. — Тон его стал более резким. — И не думайте, что я не знаю, кто они! Мои верные помощники всему ведут счет. Если мои приказы не будут выполняться, я выясню, кто продолжает укрывать предателей. У нас еще много колов. Пора сделать так, чтобы они не пустовали. И сегодня сажайте на них подальше отсюда! Вопли предателей беспокоят моих жен.

Отпущенные халифом генералы разошлись. При этом они старались не смотреть друг на друга. Все понимали, что приказ был отдан дурацкий. Выставить вперед ненадежные части — северян, новообращенных и мустарибов — означало просто сорвать атаку. Но даже намек на это был бы расценен как предательство. Поэтому одним оставалось лишь уповать на Аллаха, а другим — готовить себе путь для бегства. Начальник конницы задумался о резвости своей любимой кобылицы, прикинул, сможет ли незаметно переместить часть полковой казны в седельные сумы. С сожалением решил не рисковать: хорошо, если удастся спасти хотя бы свою жизнь.

Позади, в гареме за занавесом, три заговорщицы быстро переговаривались на своем скрытом от непосвященных языке.

— У нас все еще остаются две возможности. Сбежать к франкам, там сделает свое дело Берта, или к языческим морякам, этих берет на себя Альфлед.

— Три возможности, — поправила черкешенка.

Две другие женщины взглянули на нее с удивлением. Черкесской армии на Западе никогда не было.

— Наместника Пророка должен сменить его преемник.

— Все преемники одинаковы.

— Не все, если вера изменится тоже.

— Кордовцы начнут есть свинину и поклоняться Иешуе, сыну тетеньки Марьям? Или выучат иврит и отвернутся от Пророка?

— Есть другой путь, — спокойно настаивала черкешенка. — Если сам Наследник Пророка будет разбит в битве с неверными, вера пошатнется. Те, кто во всем обвиняет неправильное руководство, станут сильнее. Один из них — Иц-

хак, хранитель свитков. К ним тайно принадлежит и мудрец Ибн-Фирнас. Его родственник Ибн-Маймун сейчас командует конницей. Говорят, что даже Аль-Хоризми, слава Кордовы, поддерживает мутазилитов — тех, кто хочет перемен. Такие люди стали бы слушать даже медноволосую принцессу Севера, если бы сочли ее слова резонными. Я бы скорее предпочла жить в Кордове под властью таких людей, чем кутаться в кишащие блохами меха на Севере.

— Если бы мы смогли найти таких людей, — согласилась с ней Берта.

— Любой мужчина будет лучше, чем наш недоносок, — сказала Альфлед. Она раздосадованно потянулась всем своим длинным телом.

В уединенном дворике в центре Септимании также обсуждались будущее и дела веры. Торвин настоял, чтобы жрецы Пути впервые за много месяцев собрались на свой священный круг. Их было только четверо: Торвин, жрец Тора, Скальдфинн, жрец Тюра, Хагбарт, жрец Ньёрда, и лекарь Ханд, жрец Идуны. Тем не менее они очертили священную линию, разожгли огонь Локи на одном краю, воткнули копье Одина, Отца всего сущего, на другом и могли надеяться, что их разговор будет идти под незримым покровительством богов. Чтобы не пренебречь и человеческой мудростью, позвали, как иногда делали, посторонних: ратоборца Бранда и толмача Соломона, чтобы сидели вне круга, смотрели и слушали, но говорили только по особому приглашению.

— Он говорит, что его видения прекратились, — начал Торвин без всяких предисловий. — Он говорит, что больше не ощущает внутри себя своего отца. Он даже не уверен, что у него действительно был отец-бог. Подумывает о том, чтобы выбросить свой амулет.

Переводчик Скальдфинн ответил тоном ласкового увещания:

— Этому есть очень простое объяснение, не так ли, Торвин? Все дело в этой женщине, в Свандис. Она несколько недель ему твердила, что никаких богов не существует, что это просто расстройство воображения. Она растолковала ему его сны, объяснила, что это просто искаженные воспоминания о том, что случилось на самом деле, проявление тайных страхов. Теперь он верит только ей. Вот видения и исчезли.

— Раз ты так говоришь, — вмешался Хагбарт, — значит, ты признаешь ее слова правдой. Что видения приходят не извне, а изнутри. А внутри себя он убежден, что у него не должно быть видений, вот их и нет. Но мы-то всегда верили, что видения приходят извне. И я видел тому доказательства. Я помню, как Виглик Провидец очнулся после видения и рассказал нам вещи, которых он не мог знать. Позднее все подтвердилось. То же самое бывало и с Фарманом, жрецом Фрейра, и со многими другими. Эта женщина не права! А коль скоро она не права, твое простое объяснение не годится.

— Но есть еще одно простое объяснение, — продолжал Торвин. — Что все рассказанное им — правда. Что Локи вырвался на волю и день Рагнарока близок. Его отец Риг не может говорить с ним, потому что... его посадили в темницу? заставили молчать? Что делают с побежденными богами? На небесах идет война. И наши уже проиграли.

Последовало долгое молчание, жрецы и их гости обдумывали сказанное. Торвин вытянул с пояса свой молоток, в задумчивости стал тихонько и ритмично постукивать им по ладони левой руки. Глубоко внутри у него крепло убеждение, что высказанная им точка зрения правильна. Единый Король Шеф, которого Торвин впервые встретил в качестве беглого английского раба, был избранником богов: Тот, Кто должен прийти с Севера, герой одного из священных пророчеств Пути. Мирный король, который сменит воинственных королей прошлого, который вернет мир на правильную дорогу, уведет его от христианского мира Скульд. Сначала Торвин не хотел в это поверить, разделял предубеждение своего народа и своей религии против англичан, против всех, кто не умеет говорить по-норвежски. Постепенно он изменил свое мнение. Видения. Свидетельство Фармана. Старинный рассказ о короле Шефе. Победы над другими королями. Торвин вспомнил заявления норвежского короля Олафа, предсказателя и провидца, который смерть своих родственников и то, что его род прервался, безропотно принял в качестве воли богов. Он вспомнил смерть Вальгрима Мудрого, у которого

не хватило мудрости прекратить сопротивляться неизбежному даже после того, как испытание доказало правоту Шефа.

И наконец, сильнее всего веру Торвина поддерживало то, что все свершалось так непредсказуемо. Мальчишка Шеф, даже когда стал взрослым, вел себя не так, как должен себя вести посланец богов. Он вообще почти не интересовался волей богов, с большой неохотой стал носить нагрудный амулет и, по-видимому, постоянно спорил даже со своим отцом и небесным патроном. Он не любил Одина и плохо слушал священные истории. Его интересовали только машины и разные хитроумные устройства. И это было совсем не то, чего мог бы ждать от него любой жрец Пути. Но Торвину снова и снова приходило на ум, что боги посылают совсем не то, чего ждут от них люди, будь то хоть мужчины, хоть такие женщины, как Свандис. Все, что они посылали, все, что они делали, можно было узнать по особому ощущению, по своеобразному *привкусу*. Однажды почувствовав его, перепутать было невозможно. Торвин слышал рассуждения еврея Соломона об особенном свойстве христианских Евангелий, которые, даже противореча друг другу, оставались свидетельствами действительно происходивших событий. Именно такое ощущение появлялось у Торвина при мысли о Шефе и его видениях. Они были ни с чем не сообразны, бесполезны, иногда просто нежелательны. И это доказывало их истинность.

Наконец Торвин подвел итоги:

— Дело вот в чем. Если видения ложны, у нас не остается доказательств, что наши боги существуют. Тогда мы спокойно можем избавиться от наших белых одежд, от наших пекторалей и других священных атрибутов, можем просто заниматься своими ремеслами, которыми всегда зарабатывали себе на жизнь. Видения приходят либо изнутри, как сновидения, как расстройства мозга и желудка; либо они приходят извне, из мира, где живут наши боги, и не зависят от нас. Я не знаю, как это выяснить.

Из круга послышался четвертый голос, тихий и усталый: голос лекаря Ханда. Уже несколько недель, с самой первой встречи его друга Шефа и его предполагаемой ученицы Свандис, малыш-лекарь выглядел неприветливо, замкнуто, даже сердито. Ревность, полагали окружающие: у него отнял

любимую женщину человек, от которого этого меньше всего можно было ожидать. Сейчас Ханд заговорил решительно:

— Я могу выяснить это для вас.

— Каким образом? — спросил Хагбарт.

— Я уже давно знаю — с тех пор, как мы с Шефом выпили у финнов напиток видений, — что я и сам могу увидеть видения, если выпью нужного зелья. И по-моему, все видения Шефа происходят от одного и того же корня. Вернее сказать, не от корня, а от грибка. Вы все знаете, что когда рожь при уборке отсыреет, на ней появляются такие черные рожки, спорынья. У вас, норманнов, она зовется *rugulfr*, ржаная волчанка. И мы все знаем, что зерно нужно высушивать, а со спорыньей есть его нельзя. Но полностью избавиться от спорыньи очень трудно. Она вызывает видения, а в больших дозах сводит с ума. Думаю, наш друг особенно к этому восприимчив, так бывает с некоторыми людьми. Его видения появляются после того, как он поест ржаной хлеб или ржаную кашу. А что мы едим здесь с тех пор, как кончились наши запасы? Мы едим белый хлеб из хорошо просушенной пшеницы. Но у меня хранится снадобье из рожков спорыньи. Я в любой момент могу вернуть его видения.

— Но если ты так считаешь, — начал Хагбарт, — значит, ты согласен со Скальдфинном и Свандис. Все видения — просто болезнь пищеварения. А не послания богов. И богов не существует.

Ханд окинул слушателей невыразительным взором, не надеясь отстоять свою точку зрения.

— Да нет. Я много думал об этом. Вы все жертвы того способа рассуждать, которого я избегаю. Вы рассуждаете «или — или». Или изнутри, или извне. Или ложь, или истина. Этот способ годится только для самых простых вещей. Но не там, где замешаны боги. Я лекарь. Я научился смотреть на организм пациента как на единое целое, а уж потом определять, какая у него болезнь. Иногда болезней сразу несколько. Поэтому наши представления о богах я тоже рассматриваю как единое целое. Если нам, жрецам Пути, предложить выразить наши верования словами, мы сказали бы, что боги существуют где-то вне нас, скажем, на небе, и они были там прежде нас. Они нас создали. Что касается богов других людей, например, христиан или встреченных нами

здесь иудеев, это просто ошибка, их богов на самом деле не существует. Но то же самое они говорят о наших богах! А из чего следует, что правы мы, а они ошибаются? Или что правы они, а мы ошибаемся? Может быть, мы все правы. И все ошибаемся. Правильно, боги существуют. Но неверно, что они нас создали. Может быть, это мы их создали. Я думаю, что наш разум — вещь очень странная, вещь выше нашего понимания. Мы не знаем, как он устроен, и не можем узнать этого. Может быть, наш собственный разум нам недоступен, потому что он находится вне нашего времени и вне нашего пространства — ведь видения Виглика и видения Шефа переносят их туда, куда их телам ни за что не добраться. Думаю, что в этих странных местах и созданы боги. Из вещества разума. Из веры. От веры боги становятся сильнее. И слабеют от неверия и забвения. Поэтому вы понимаете, Торвин и Скальдфинн, что видения Шефа могут быть настоящими посланиями богов. Но начинаются они из-за рожков спорыньи или из-за моего снадобья, неважно. Здесь можно обойтись без «или — или».

Хагбарт нервно облизал губы, по сравнению с убежденностью и внутренней силой малыша-лекаря голос его прозвучал довольно неуверенно:

— Ханд, я не думаю, что это правильное мнение. Сам посуди: если боги становятся сильнее от веры в них, то сколько всего на свете существует людей Пути и сколько христиан? Если Христа поддерживает вера сотен тысяч христиан, то в наших богов верят вдесятеро меньше людей — значит, наши боги давно треснули бы, как орех на наковальне.

Ханд невесело рассмеялся:

— Я сам когда-то был христианином. Ты думаешь, я сильно верил? Я верил, что если не заплатить церковную десятину, лачугу моего отца сожгут дотла. В мире много христиан, я знаю. Один из них — король Альфред. Шеф мне однажды рассказал, как короля Альфреда приютила вдовая старуха и заставила печь лепешки. Она тоже была христианкой. Но не все люди Церкви — христиане. И не все, кто произнес *shahada*, верят в Аллаха. Они не верят ни во что или верят в шариат, а твои соотечественники, Соломон, верят в свои священные книги. Не думаю, что такая вера имеет значение.

Ведь если боги созданы нами, их нельзя обмануть, как мы обманываем самих себя.

— А если Единый Король перестал верить в своих богов? — спросил Торвин.

— Из этого не следует, что боги перестали верить в него. Ведь они появляются из разума других людей, а не только из его собственного. Дайте мне попробовать мое средство. Но сначала вот что. Эта женщина — уберите ее подальше. Сдается мне, что у нее есть такая же сила, как у ее отца — Бескостного, дракона-оборотня.

Жрецы переглянулись, посмотрели на догорающий костер и, ни слова не говоря, кивнули.

Шеф принял протянутый Хандом кубок, но посмотрел не на снадобье, а в глаза своего друга — своего друга детства, а теперь, возможно, своего соперника или врага.

— От этого питья мне приснится мой отец?

— От него у тебя снова будет видение, как раньше.

— А если мой отец ничего не хочет мне сказать?

— Тогда ты, по крайней мере, будешь знать это наверняка!

Шеф поколебался и осушил чашу. Знакомый затхлый привкус.

— Но я не уверен, что хочу спать.

— Тогда бодрствуй. Видение все равно появится.

Ханд забрал чашу и молча вышел. Шеф остался одинодинешенек. Свандис исчезла, и никто не знал куда. Бранд и остальные его избегали. Он сидел в маленьком закутке верфи, прислушиваясь к отдаленным торжествующим и радостным крикам. Катапультеры отмечали победу над греческим огнем и Волком Войны. Шеф предпочел бы праздновать вместе с ними.

Через некоторое время комната поплыла перед глазами, зрение застилали разноцветные вспышки и спирали. Шеф обнаружил, что рассматривает их с маниакальным вниманием — словно это поможет ему удержаться и не соскользнуть к тому, что уже ждет его.

Когда зрение якобы прояснилось, Шеф увидел перед собой гигантское лицо. Один только нос был больше всего Шефа, глаза казались черными омутами, за кривившимися губами торчали огромные зубы. Лицо смеялось над ним. В уши ворвался ужас-

ный грохот, и Шеф пошатнулся от ударившего как шквал взрыва хохота. Шеф снова ощущал себя мышью. Мышью, застигнутой хозяином дома на кухонном столе. Он весь завертелся, пригнулся, стал искать, где спрятаться.

Хлопок, и что-то его накрыло. Ладонь. Снизу просачивался свет, и пока Шеф полз к отверстию, внутрь проникли два пальца другой руки, большой и указательный, они, словно вишенку, подхватили его с поверхности стола. Пальцы сжимали туловище, не сильно, пока не сильно. Шеф знал, что достаточно им сжаться посильнее, и его внутренности полезут наружу изо рта и заднего прохода, как у человека, которого придавил спускающийся по каткам корабль.

С обращенного к нему лица не исчезала дикая усмешка. Даже в своем отчаянном положении Шеф смог разглядеть, что это лицо сумасшедшего. Не просто сумасшедшего, а безумца. Шеф узнал лицо того, кто был прикован рядом с плюющимся ядом змеем. Лицо того, кого освободил его отец-бог и от кого Шеф потом прятался на гигантской лестнице возле змеиного погреба богов. Лицо Локи. Локи свободного, каким его изначально создали боги.

— А вот и любимчик моего брата, — стал издеваться Локи таким густым басом, что его с трудом можно было слышать. — Мой брат освободил меня, но, по-моему, он не рассчитывал, что я тебя поймаю. Не раздавить ли мне тебя прямо сейчас, чтобы покончить со всеми его планами? Я знаю, ты в меня не веришь, но все равно ты умрешь в этом сне. И какая-то часть тебя навеки останется здесь, со мной.

Шеф не мог ответить, но продолжал оглядываться по сторонам. Где его отец Риг? Где другие боги? У Локи найдется много врагов.

— Или бросить тебя моим питомцам? — продолжал голос. Рука наклонила Шефа так, что он смог посмотреть вниз, под стол. Шевелящийся клубок змей обвивался вокруг ног безумного бога. Время от времени змеи кусали Локи, Шеф видел их ядовитые зубы, ощущал запах яда.

— Я проглотил так много яда, что уже не чувствую его, — захохотал голос. — У меня есть еще другие питомцы, некоторых ты уже видел.

Новый поворот, и перед Шефом появилось открытое море, из него выскакивали и снова исчезали гигантские мокрые спины. Это были косатки, киты-убийцы, которые чуть не добрались

до Кутреда и самого Шефа, убили Вальгрима Мудрого и всех его людей в гавани Храфнси. Но это были хотя бы теплокровные животные, похожие на человека даже в своей хитрости и коварстве. Шеф видел и других, у них были гнусные стылые глаза над мерзкими зубами, а что внизу — еще хуже. Шефа пронзил ужас при мысли, что они могут схватить его, что жизнь кончится в челюстях такой твари, даже не сознающей, что она делает. Он почувствовал, как на теле у него выступил холодный пот.

— Хорошо, очень хорошо. Теперь ты испугался. Но можешь не бояться так сильно. Ты мне еще пригодишься, человечишка. Ты уже сослужил мне неплохую службу. Греки сжигают людей заживо, арабы сажают их на кол. Но ты можешь нести людям смерть на расстоянии. Ты можешь нести им смерть с небес. И ты способен на большее. Ты, с твоими удивительными факелами и с твоими непонятными машинами. За этим кроется больше, чем ты когда-нибудь сможешь узнать. Но ты направишь людей по верному пути. По моему пути. И тогда ты заслужишь мое благоволение. Я не мог помочь своему любимцу, которого ты убил в воде, Ивару Женоубийце, потому что я был прикован. Но теперь я свободен. Есть что-нибудь, за что ты хочешь отомстить, как я и Ивар?

— Нет, — сказал Шеф, и голос его прозвучал, как птичий щебет, как писк мыши у кошки в лапах. Он не чувствовал никакой отваги. Локи задал вопрос. Ответ известен. Нет смысла лгать.

Безумное лицо склонилось к нему. Шеф понял, что старается представить себе, как бы оно выглядело без шрамов и язв от змеиного яда, без этого выражения гневного мстителя. Словно пытаешься угадать, каким могло бы быть лицо закаленного в боях ветерана, если бы его жизнь сложилась по-другому. Большой и указательный пальцы надавили на туловище Шефа, но еще не в полную силу.

— Смотри туда.

Шеф увидел грандиозный мост, который в то же самое время был радугой, а в конце его холодно посверкивали стальные лезвия.

— Все боги, мой отец и мои братья, ушли по мосту Бифрост, и Один вызвал свой Эйнхериар, чтобы охранять его. Они думают, что я пойду по мосту на приступ, с моими союзника-

ми-гигантами и с моими детьми, чудовищным отродьем Локи. А знаешь, почему я не пойду на приступ?

— Когда-то это был ваш дом, сударь. До того, как вы погубили Бальдра.

На этот раз пальцы сжались сильнее, Шеф чувствовал, как стонут его ребра, готовые треснуть и осколками вонзиться в сердце.

— Я не хотел, чтобы Бальдр погиб. Я хотел, чтобы они сами увидели, каковы они.

— Я знаю это, сударь. Как и мой отец Риг. Поэтому он и освободил вас.

Лицо разгладилось, на нем отразилась способность рассуждать здраво.

— Ты пытаешься договориться со мной, человечишка?

— Да, сударь.

— И что же ты мне предложишь?

— Я пока не знаю, сударь. Вернуть вам ваше место в Асгарде?

— Ты не сможешь этого сделать, — произнес голос Локи. — Но, может быть, ты сумеешь что-то дать мне. Теперь выслушай мое предложение. Исполняй мою волю. Сделай больше огня, больше машин, стань поклонником моим, а не Рига, отвернись от Пути и принеси в мир ужас. И за это я дам тебе больше, чем когда-либо сулил мой отец Один. Своим любимцам он посылает удачу — до тех пор, пока не передумает, как это было с Сигурдом Змеиным Глазом, которого ты убил, когда он запутался в собственных шнурках. Я дам тебе удачу до тех самых пор, когда ты умрешь, старый и наводящий ужас. Подумай о мужчинах, которыми ты будешь распоряжаться. Подумай о женщинах, которых сможешь взять. Все это может быть твоим.

И вот тебе подарок от меня. Больше всего на свете ты хочешь получить греческий огонь. Я дам его тебе, а вместе с ним надежды, которые превзойдут все твои мечты. Когда придет время, скажи греку: «Лучше всего она зимним утром». Увидишь, как он начнет перед тобой пресмыкаться.

А сейчас иди. Но не думай, что сможешь сбежать от меня теперь, когда я свободен. Или что тебе сможет помочь твой отец, запертый по ту сторону моста Бифрост.

Шеф вдруг обнаружил, что летит, взбираясь все выше и

выше, как камень из катапульты. Он крутанулся в воздухе, пытаясь развернуть ноги вниз, с ужасом думая, куда может упасть, в море с глазастыми и зубастыми тварями или на землю, покрытую ядовитыми змеями.

Под ним оказалась кровать, он пытался вскочить, убрать свои ноги от ядовитых зубов. Чьи-то руки прижимали его к кровати, он почувствовал на своей обнаженной коже мягкие груди Свандис. На долгие секунды он, дрожа, прильнул к ней.

— Ты знаешь, что ты говорил во сне? — наконец спросила она.

— Нет.

— Ты кричал это по-норвежски снова и снова. *Skal ek that eigi, skal ek that eigi, that skal ek eigi gera.*

Шеф машинально перевел:

— Не сделаю этого, не сделаю этого, этого я не буду делать.

— А чего «этого»? — спросила Свандис.

Шеф понял, что в отчаянии сжимает свой нагрудный амулет.

— Отказаться от него, — сказал он, разглядывая серебряную лесенку. — Отказаться от амулета и служить Локи в обмен на его милости. Что там за шум снаружи?

Глава 26

Солнце уже поднялось над горизонтом — ночь прошла, пока Шеф во сне боролся с богом хаоса, — и доносившийся с улицы шум поднялся из-за безудержно радостных приветствий. В гавань входил один корабль за другим. Сначала их появление вызвало тревогу у моряков. Но когда конструкция кораблей стала видна даже невооруженным глазом и моряки приближающейся армады смогли обменяться приветствиями с катапультерами береговой охраны, напряжение разрядилось. Наспех починенное плавучее заграждение убрали, северяне перестали доворачивать хвостовики нацеленных катапульт, туго взведенные пружины были ослаблены. Весть разнеслась по городу, и все свободные от караула на крепо-

стных стенах сбежались в гавань, размахивая руками и вопя от счастья.

Флот, который предупрежденный Фарманом Альфред снарядил на выручку, долго собирался со своих рассеянных по северным морям позиций, а затем неторопливо двинулся на юг. Многие рыбаки видели небольшой флот Шефа, прошедший по Бискайскому заливу и вдоль побережья Испании; ни один моряк не смог бы забыть эти необычные двухмачтовые парусники, и на любом языке нетрудно было поинтересоваться: «Вы не видели здесь корабли, похожие на наши?» Сведения стало труднее получать и понимать, когда флот, подгоняемый постоянным течением из Атлантики, прошел через узкий пролив Джеб эль-Тарик и оказался во Внутреннем море. Да, корабли *majus* поднялись к Кордове. Нет, они поплыли воевать с христианами. Они заключили союз с халифом. Нет, халиф объявил их вероломными собаками. Все корабли разбегаются от одного вида парусников *majus*, те швыряются огромными камнями благодаря магии северного короля-чародея. Наоборот, во Внутреннем море теперь правят христиане, у них есть ручные драконы, от которых даже вода в море вспыхивает огнем.

Хардред, назначенный королем Альфредом командовать английским флотом, всеми силами старался извлечь хоть крупицу смысла из того, что ему довелось услышать, и в этом ему помогали Фарман, жрец Фрейра, из-за видения которого и была послана эта спасательная экспедиция, а также Гудмунд Золотой, некогда товарищ Шефа, ныне его вице-король в стране Свеарики, в земле шведов. Втроем они смогли понять только одно. Греческих галер боялись все, но никто в точности не знал почему.

— Ясно, кто узнал — те уже ничего не расскажут, — проворчал Гудмунд. По мере продвижения вдоль восточного берега Испании все чаще доводилось слышать, что северяне заперты в какой-то гавани и не могут из нее вырваться.

Хардред, в сущности, не боялся столкновения с любым флотом. За его флагманом шли двадцать вооруженных катапультами двухмачтовиков класса «Герой» — каждый был назван в честь какого-нибудь героя норманнских легенд, — а вокруг несли сторожевую службу три десятка традиционных кораблей викингов, с самыми лучшими командами, какие

только можно было набрать среди шведов короля Гудмунда и на лондонских рынках найма. Однако слухи все же несколько обеспокоили командующего. В ту ночь, когда король Шеф видел свой сон, флот стоял вдали от берега с погашенными огнями, двухмачтовики были сцеплены друг с другом абордажными крючьями, а легкие парусники осторожно и тихо скользили вокруг в дозоре. Когда наступил стремительный средиземноморский рассвет, Хардред приказал входить в гавань Септимании, выгребая против утреннего бриза с помощью гигантских весел, причем двухмачтовики со взведенными и заряженными катапультами держались далеко позади судов охранения.

Первое, что увидел Гудмунд, был бронированный плот: плавучее укрепление, неуязвимое со стороны гавани, для блокады которой оно и предназначалось. При атаке с противоположной стороны плот не способен был оказать никакого сопротивления. Первые же пятьдесят викингов, высадившихся на него с топорами в руках, встретили только поднятые вверх руки и испуганные лица. Даже оставленные для пригляда за франкскими ополченцами двадцать монахов Ордена Копья, захваченные врасплох посреди мирного и сытного завтрака, смогли только покоситься на свое сложенное в пирамиды оружие и нехотя присоединиться к сдавшимся в плен.

Командир патрульной греческой галеры, который в течение многих дней только и делал, что жег беззащитные рыбацкие лодки, решился проявить немного больше мужества. Увидев приближение странного флота, он усадил своих гребцов на весла и приказал сифонистам приготовиться. Последнее требовало немало времени. Нужно зажечь фитиль, приставить людей к мехам, прокачать насос, продуть предохранительные клапаны в резервуаре с нефтью и соединительных трубах. Когда сифонисты заняли свои места, командир приказал ударить в весла и постараться выиграть гонку. Прямо по курсу уже находились два легких судна, которые разворачивались на веслах, чтобы охватить галеру с обеих сторон. Пока командир кричал огнеметчикам, чтобы окончили приготовления и во что бы то ни стало стреляли немедленно, с головного катапультоносца прилетело ядро и снесло ахтерштевень его галеры. Корма стала погружаться в воду, и греб-

цы сразу повскакивали со своих мест. Сифонисты отказались от мысли выполнить невыполнимую задачу, а командир, помня главный приказ — не допустить, чтобы врагам раскрыли секрет греческого огня, — побежал с топором в руке к котлу высокого давления, решив его продырявить и выпустить струю нефти на горящий фитиль. Один из гребцов, хотя и относился к высокооплачиваемой и уважаемой категории моряков, насмотрелся на слишком многих корчащихся в агонии среди горящей нефти рыбаков, чтобы желать себе подобной судьбы, — и наплевать ему было на судьбу Константинополя и Империи. Он перехватил командира галеры, раскроил ему череп его же собственным топором и погнал прочь от бака растерявшихся сифонистов. Дракары приблизились, их команды сгрудились у борта, встревоженно поглядывая на медный котел и огнеметную трубку. Греческих гребцов и сифонистов торопливо покидали за борт, где они благополучно уцепились за веревки и обломки досок. Взятая на абордаж двумя дракарами галера потихоньку тонула. Когда подошли двухмачтовики, Хардред сразу послал самых искусных плотников укрепить разбитую корму и заткнуть течь просмоленной парусиной, чтобы полузатонувшую галеру можно было протащить хотя бы полмили до прибрежной отмели.

Захватив бронированный плот и галеру, тридцать кораблей флота Пути продолжили движение к гавани, где в толпе уже почти можно было различить лица соотечественников. Сомнения и опасения — не захвачены ли корабли врагами? не устроена ли за крепостными стенами какая-нибудь ловушка? — рассеялись, как только наблюдатели с обеих сторон рассмотрели одинаковые катапульты, и люди стали узнавать приятелей и родственников, обмениваться приветственными выкриками. К тому времени как Шеф, протерев глаза, но все еще не отдышавшись после своего сна, позволил Свандис запихать себя в одежду, пришедший на выручку флот под шквал радостных приветствий на английском и норвежском языках уже втиснулся в переполненную гавань.

Квикка встретил короля в дверях спальни, широко улыбаясь щербатым ртом.

— Это Хардред, — объявил он. — Тот самый шкипер, который бросил тебя на берегу в Дитмарше. Я ему никогда не

доверял. Но на этот раз он появился вовремя. Прежде чем наших заметили, они захватили у противника этот проклятый плот. И красную галеру, говорят, с греческим огнем и всеми делами.

Сияя от радости, Квикка ждал, какой эффект произведут его новости на мрачного короля. Шеф молча глядел на царившее в гавани оживление, и постепенно Квикка понял, что в который раз будет обманут в своих ожиданиях.

«Больше всего на свете ты хочешь заполучить греческий огонь, — вспоминал Шеф голос из сна. — Я дам его тебе. Скажи греку...» Что же он должен сказать греку?

— А греческих огнеметчиков Хардред тоже захватил? — спросил Шеф почти безразлично.

— Не знаю, — ответил Квикка. — Наверное. Почему бы и нет?

Шеф повернулся к Свандис и сказал:

— Нелегко тебе будет объяснить мой последний сон. Я вижу, что он уже начинает сбываться.

Императора Римского совсем не пугала предстоящая битва с армией халифа. Да, противник был гораздо многочисленней. Да, арабы уже многие десятилетия неизменно побеждали христиан на равнинах полуострова и в приграничных горах, однако, по мнению императора, это доказывало лишь, что среди здешних христиан глубоко укоренились богопротивные ереси, иначе Господь не позволил бы, чтобы басурмане посрамили истинно верующих. Но самое главное, Бруно прекрасно знал, какое моральное разложение царит в стане противника, если хотя бы десятая часть из рассказов перебежчиков была правдой — впрочем, лишний раз подтверждала это сама многочисленность перебежчиков. Войска же императора — и надежнейшие монахи-воины из Ордена Копья, на которых держалась его власть, и созванные отовсюду под его знамена германские и франкские рыцари, и даже трусоватые и ненадежные в обычное время местные ополченцы из горного приграничья, — его войска отличались отменным боевым духом и успели привыкнуть к вкусу победы, пока в многочисленных стычках и приступах очищали христианское побережье от гнезд мусульманских бандитов. Ореол сопровождающей их славы несколько по-

мерк из-за неудач при осаде Септимании, но это было дело поправимое. Император заметил, что как только армия двинулась прочь от города-крепости, ее боевой дух заметно поднялся, и угрюмо объяснил эту перемену суеверным страхом многих своих воинов по отношению к человеку, которого они называли — пока командиры не слышат — Единым Королем. Когда Бруно вернется, чтобы разделаться со своим настоящим противником, войска придется снова вдохновлять на бой. Но сражение с халифом благодаря контрасту казалось армии настоящими каникулами. Возни меньше, а добыча намного богаче.

В любом случае император мог полагаться еще на два обстоятельства. Первым была его вера в Господа. Время от времени он притрагивался к болезненному, но заживающему хрящику сломанного носа и улыбался про себя. Наказание это, которое он не сам себе назначил, его радовало. В его сердце крепла решимость возвести своего верного дьякона, в каких бы малых церковных чинах тот ни состоял, на престол святого Петра в Риме. Дьякон был слаб физически, и к тому же иностранец. Но доведись императору говорить откровенно, он не смог бы не признать, что силой духа тщедушный английский дьякон превосходит его самого. А если Эркенберт и не был германцем, то все-таки принадлежал к родственному народу. Уже не в первый раз дьякон укреплял императора в вере.

«Ну, вера верой, — подумал Бруно, в последний раз осматривая свои войска перед битвой, — но есть еще кое-что, с чем нельзя не считаться, будь Эркенберт хоть самим дьяволопоклонником, подобно норманнским приверженцам Пути и примкнувшим к ним английским вероотступникам». Постоянные распри между потомками Пипина Великого и Карла Мартелла превратили все христианские армии Европы, в отличие от отсталых англосаксов, в весьма совершенные военные силы. В армии императора появились разнообразные осадные приспособления и катапульты, как изобретенные лично дьяконом, так и скопированные у противника — у людей Пути. За спиной императора готовилась к битве его главная ударная сила: пятьсот тяжеловооруженных конных копейщиков, в данный момент спешившихся и укрывшихся в тени. Пешие отряды *bruder*'ов Ордена усеяли горный склон, ожидая только приказа, чтобы выдвинуться вперед и построиться в непобедимую фалангу. В сущности, император усматривал только одно затруднение, и таковым являлось назначенное ему дьяконом наказание. Затруднение было не в том, чтобы сражаться в первых рядах, — Бруно в любом случае находился бы в них. Но теперь это приходилось делать в компании с самыми малонадежными воинами во всей армии, с христианскими или псевдохристианскими перебежчиками из армии халифа.

Но даже это можно было обратить в свою пользу. Император рысью проехался вдоль ряда встревоженно глядящих бойцов, по-прежнему не защищенных ничем, кроме своей одежды из льна и хлопка, военной формы той армии, из которой они сбежали со своими копьями, скимитарами и легкими щитами. Перебежчики ни слова не понимали из речи императора, но знали, что он пойдет в бой с ними. Толмачи рассказали им о награде, которая их ждет в случае победы, о невозможности для них перебежать обратно, теперь, когда они отреклись от Аллаха; память же о том, что ждет побежденных, была еще жива у них самих — любимые халифом казни на колу или палочными ударами по пяткам. Они будут отважно сражаться. И Бруно предпринял необходимые шаги, чтобы настрой у них был боевой. Когда к передовым отрядам подошли священники с чашами вина и облатками для причащения, император подал пример, преклонив колена и смиренно приняв святые дары. Затем он обратил внимание воинов на костры, горящие прямо перед строем.

— Причащайтесь побыстрее и будем праздновать, — выкрикнул император. — Переведите это, — добавил он тоном ниже.

Подойдя к ближайшему костру, он вытащил свой поясной нож и отрезал себе длинный ломоть окорока, преувеличенно смакуя, сжевал его, помахал сомневающимся перебежчикам, чтобы не стеснялись, брали мясо, хлеб и разбавленное водой вино из бочек. «Устроим для них праздник, — подумал император. — Порадуем их. Половина этих людей выглядит так, будто они неделю назад доели последние крохи. Или эти крохи украли у них командиры».

На другом конце долины Мухатьях всматривался в подзорную трубу сквозь тучу пыли, поднятой марширующей арабской пехотой. Хоть он и гордился своим наставником, но отказался перенять у него усовершенствование — вдвигающиеся одна в другую половинки трубы. Мухатьях оставит все так, как послал ему Аллах.

— Что там делают неверные? — спросил позади него халиф. Повелитель неподвижно стоял в тени огромного роскошного павильона, который он приказал установить на самом переднем крае, чтобы продемонстрировать уверенность в своей победе.

Мухатьях обернулся, позволив себе не скрывать испытываемое им негодование: в присутствии повелителя самым безопасным проявлением чувств был гнев, направленный, разумеется, на врагов халифа.

— О халиф, о слава курейшитов, там неверные гневят Аллаха. Они развели перед своим строем костры и жарят на них свинину. И сейчас те, кто сбежал из нашей армии, те, кто отрекся от *shahada*, едят мясо нечистого животного на глазах у тебя и всех правоверных.

Из глубины павильона донеслись стоны суеверного ужаса. Затем невидимые женщины кровожадно закричали:

— Покарай их, повелитель! Пусть они узнают твой гнев!

Самый смелый голос вспомнил любимое изречение халифа:

— «Правоверные, бейтесь с теми неверными, кто к вам ближе всего». Они уже достаточно близко! Срази же их! О, если бы я была мужчиной!

Халиф неторопливо кивнул, потянул с пояса скимитар с усыпанной самоцветами рукоятью, лезвие которого могло рассечь падающий шелк. Отбросил ножны прочь. Церемонно вышел вперед, а гвардия собралась вокруг него, и трубы заиграли наступление. На покрытом кустарником склоне завязавшиеся было стычки между исламской конницей и пастухами-баккалариями замерли, и обе стороны стали взвешивать ситуацию. Наконец начальник арабской конницы Ибн-Маймун, двоюродный брат Ибн-Фирнаса, приказал кавалеристам пока держаться поближе к павильону. Баккалярии приступили к своей обычной тактике ложных атак, сохраняя, однако, возможность в любой момент начать атаку настоящую.

Бруно отрезал себе последний кусок свиной туши с дымящейся почкой и с деланым безразличием помахал им воинам своего ненадежного авангарда, чтобы построились хоть в какое-то подобие боевого порядка.

Арабская пехота, оглядываясь через плечо в поисках поощрения и находя его в выставленных копьях гвардии халифа, бросилась в атаку беспорядочной толпой, что являлось единственной известной ей тактикой. В первых рядах бежали газии, призывая Аллаха в свидетели своей веры и своего самопожертвования.

И самопожертвование не замедлило свершиться. Пока арабы бежали четверть мили расстояния, отделяющего их от своих же забывших Аллаха перебежчиков, на них дождем посыпались стрелы и камни. Бруно поставил по обе стороны долины, где разбил лагерь, с дюжину имевшихся у него вращательниц, оружия неточного, но способного нанести плотной толпе врагов большие потери. Стрелы, бесполезные против кольчуг, легко пронзали деревянные щиты и одежду из хлопка. Бесстрашно стоя в центре своего переднего ряда, Бруно подумал, что лишь фанатичная вера и религиозное одобрение самоубийства могли заставить мусульман идти навстречу обрушившемуся на них урагану. Но далеко не все из них были фанатиками, тут же отметил он. Опытным профессиональным взором он быстро отыскал людей, замедляющих шаг, потихоньку отклоняющихся в сторону, людей, которые упали и остались лежать, хотя в них не попали ни камень, ни стрела. Следом идет более дисциплинированный арабский отряд, отметил император, но слишком малочисленный и слишком короткими шеренгами. Пытающиеся дезертировать смогут просочиться на его флангах. Что ж, подумал Бруно, еще сотня вздохов, время, за которое нерадивый священник прочитает мессу, и с епитимьей будет покончено. Он надеялся, что Бог позволит ему пролить свою кровь за веру и тем самым искупить вину.

Он не прольет свою кровь напрасно. Когда кучка газиев приблизилась к одетым в кольчуги воинам, стоявшим под штандартом с римским орлом, Бруно еще раз поцеловал Святое Копье, которое прятал за щитом, поднырнул под

первый удар скимитара и аккуратно кольнул противника мечом в грудь. На четыре дюйма, больше не надо, повернуть, вытащить, и император готов отразить мечом следующий удар. Пятьдесят вздохов из назначенной сотни Бруно, словно скала, держался в круговерти скоротечных поединков между неистовыми газиями и уверенными в себе перебежчиками; Йонн, Тассо и другие телохранители защищали императора со спины. Он, как фехтовальная машина, парировал удар наверху, рубил понизу, разворачивал щит, чтобы отразить укол, или задирал его, чтобы отбить лезвие набалдашником. Каждые несколько мгновений его меч жалил, как змея, и очередной враг падал. Затем, когда жаждущий славы воин неуклюже ударил сверху вниз, Бруно автоматически подставил под тонкое лезвие скимитара массивное основание своего клинка. Скимитар сломался, его острие отлетело и рассекло императору левую бровь. Заметив хлещущую кровь и почувствовав, что это наполовину ослепило его, Бруно решил остановиться. Он отбросил очередного противника щитом, ударом с левого плеча раскроил ему череп и сделал первый шаг назад, под защиту строя своих воинов.

— Трубите в трубы, — велел он.

Отряд пеших братьев Ордена пришел в движение даже раньше, чем раздался сигнал, с топотом спустился по склону и выстроился в две шеренги, охватив беспорядочную сечу с флангов. Соприкоснувшись с противником, братья начали свой механический отсчет «*Left! Left! Left!*», стараясь шагать в ногу по неровной почве, каждый разил врага справа от себя и защищался щитом от ударов спереди и слева. Газиев у мусульман уже не оставалось, только деморализованные бойцы. Увидев, что исход битвы ясен, командир тяжеловооруженных рыцарей пустил свою конницу рысью, пытаясь обогнуть собственную пехоту и выйти на простор для последней решительной атаки, все сметающей на своем пути.

Идущий во главе отряда личной гвардии халиф с изумлением увидел, что атака его войска захлебнулась. Он не привык, чтобы его желания не исполнялись. Но по всей долине правоверные пробирались на фланги и в тыл, люди поднимались с земли и бежали прочь с поля боя, будто все они были тайными христианами. Халиф оглянулся, не столько для того, чтобы наметить себе путь к бегству, сколько для того,

чтобы выяснить, не осталось ли у него войск, на которые можно рассчитывать. Позади него был только его павильон. А около павильона начальник кавалерии садился на свою любимую кобылицу. Эр-Рахман прочистил глотку, чтобы окликнуть его и с негодованием отправить в бой. Но Ибн-Маймун первым заметил халифа. Он помахал рукой в оскорбительном прощальном жесте. А затем Ибн-Маймун тоже исчез, сопровождаемый своими людьми, прекратившими бесполезные стычки с увертливой легкой кавалерией христиан. Халиф вдруг увидел перед собой штандарт с римским орлом, а под ним человека, который, по-видимому, был халифом христиан. Эр-Рахман поднял свой скимитар и побежал, прыгая по камням и крича:

— Проклятье тем, кто создает ложных богов!

Йонн, который шел в первых рядах, чтобы заменить собой императора, пока тому перевязывали глаз, принял удар скимитара на щит — несравненный клинок рассек дерево и кожу, его остановил только металлический каркас щита — и аккуратно проткнул пикой не прикрытые доспехами ребра и сердце, треугольный наконечник дошел до позвоночника. Йонн отпустил древко пики, и халиф, Сокол курейшитов, рухнул на каменистый склон. Изящный кордовский скимитар хрустнул под кованым сапогом германца.

После гибели халифа и позорного отступления его личной гвардии центр сражения стремительно переместился к обитому зеленым шелком павильону, где, видимо, и находилась главная добыча в этой битве. Баккаларии на своих полудиких лошаденках добрались до него первыми. Евнухов охраны перебили длинными десятифутовыми стрекалами, разгоряченные пастухи посигали с неоседланных жеребцов и с криком устремились внутрь.

— Поговори с ними, Берта, — проворчала Альфлед, прячась за занавеской. — Это, должно быть, франки.

— *On est francais*, — неуверенно начала Берта, за десять лет неволи она подзабыла родной язык. Пастухи, знавшие только свой окситанский диалект, видели перед собой десяток девок в чадрах, но с голыми ногами, шлюх тех самых мусульман, которые так долго угнетали их. Перекидываясь сальными шуточками, они двинулись вперед.

Альфлед, оттолкнув локтями недогадливых подруг, пала

на колени, сорвала чадру и осенила себя крестным знамением. Пастухи в нерешительности остановились. В этот момент свет перегородили гигантские фигуры. Закованные в латы люди, риттеры Ордена Копья.

— *We beoth cristene*, — попыталась Альфлед объясниться истончившимся от страха голосом. — *Theowenne on ellorlande.*

— *Ellorland*, — повторил главный риттер, который сам был родом из Эльзаса, по-немецки — *Ellorsetz.* — Ладно. Хорошенько их стерегите. Пусть их вину установит император. Добычу охраняйте тоже, — добавил он, профессиональным взглядом окинув шелка и прочую роскошь. — Приступайте и гоните вы этих пастухов взашей.

В сотне шагов от них император, все еще пеший, с зашитой на скорую руку бровью, шагал по ратному полю, размышляя, что трупов после сражения осталось не слишком много. Не многие бились до конца, отметил он. Император надеялся, что никогда армия под его командованием не побежит так позорно. Все это доказывает, что лишь у немногих есть вера, истинная вера в свою правоту и своего Бога. А вера, которая только на языке, не может дать ничего. Нужно, чтобы этим вопросом занялся мудрый и многоученый дьякон Эркенберт.

Во рту у Ришье, младшего из *perfecti*, совсем пересохло, когда солдаты погнали его в длинный черный сарай, в котором торговец шерстью Тартарен еще несколько дней назад хранил тюки и кипы своего товара. Теперь сарай уже не имел отношения к местным промыслам. Меньше чем за две недели он стал средоточием местных легенд и слухов. Все, кто в него входил, за исключением слуг императора, назад не возвращались. Но даже слуги императора, сколько бы вина в них ни вливали, ничего не рассказывали о судьбе несчастных. Самое большее, что они могли ответить, было «спросите дьякона». Но никто не осмеливался даже подойти к маленькому человечку в черной сутане, который корпел над своими бумагами и вызывал одного за другим мужчин, женщин и детей, чтобы самому задать им вопросы. Никто также не сомневался, что дьякон заключил союз с дьяволом, потому что он объявлял себя слугой Господа, который, как знали все еретики, и был на самом деле дьяволом. Но если бы подобные сомнения и возникли, они сразу испарились бы, поскольку тщедушный дьякон, ничего не зная о стране и ни слова не понимая на местном языке, тем не менее неизменно обнаруживал любую попытку солгать ему, без промедления и без жалости наказывая за нее кнутом или клеймом, плахой или петлей, в зависимости от пола и возраста провинившегося. Ришье так и не узнал, за какой из своих ответов он был приговорен к последней прогулке, к прогулке, с которой никто не возвращался. Он не мог даже предположить, что именно нужно было соврать. А черный дьякон не удосужился сопровождать приговоренного на пути в сарай — в Сарай, как теперь произносили. В своих снах Ришье часто принимал мученическую смерть за веру; но смерть в его снах была благородной, прилюдной, была религиозным ритуалом, совершаемым вместе с товарищами, подобно массовому самоубийству защитников Пигпуньента. А здесь его вели будто овцу на бойню и придавали этому ровно столько же значения. Ришье снова попытался облизать губы шершавым языком, а два монаха-воина дернули за веревку, которой был связан пленник, и поставили его у двери мрачного строения без окон.

В своих поисках Святого Грааля дьякон Эркенберт придерживался того же самого принципа, который помог ему разыскать Святое Копье, точнее, последнего владельца этой реликвии. Принцип был прост: кто-нибудь да знает. Круг этих «кого-нибудь» нужно неуклонно сужать. «Кто-нибудь» уже находится внутри оцепления, скажем, на протяжении двадцати миль на юго-запад и юго-восток от Пигпуньента. Да, обитателей этих горных деревушек поймать трудно. Впрочем, достаточно легко поймать самых старших и уважаемых из них, как раз тех, кто, скорее всего, знает ответ. Вот с них и начнем.

Но прежде чем начать настоящие расспросы на главную тему, нужно подготовить почву. Составить списки. Эркенберт начал записывать названия деревень. Затем имена деревенских жителей, их занятия, их супругов, детей и родственников. Свидетельства о принадлежности к еретикам небезынтересны, но не это главное. Эркенберт полагал, что еретиками здесь были все, даже деревенские священники, если таковые имелись. Главное было выявить истину, так

чтобы любое отклонение от нее, любая ложь сразу обратили на себя внимание, показали, что допрашиваемый лжет. Значит, ему есть что скрывать.

Это требовало времени, но Эркенберт вскоре заметил, что ответы на его вопросы иногда даются с легкостью и подтверждают друг друга. А иногда начинают противоречить друг другу. Стало быть, нужно найти человека, хорошо осведомленного в открытых темах, и получить от него достоверные сведения по темам закрытым. А затем выявить центр, ядро этой закрытости тем. Даже названия деревень смогли помочь Эркенберту. Когда он составил список всех деревень в округе, стараясь проверять сведения у людей пришлых, у странствующих торговцев и погонщиков мулов, стало заметно, что названия трех из них почему-то удивительно редко встречаются в показаниях местных жителей, которые должны были бы хорошо их знать, — это были Потайные деревни, так стал про себя называть их дьякон. А дальше в самих Потайных деревнях, когда дьякон начал составлять списки жителей, многих приметных людей удивительным образом забывали упомянуть даже их близкие родственники. Этих людей дьякон не смог бы выследить и найти. Но сами попытки отрицать их существование, совершаемые неопытными лжецами, указывали Эркенберту, за кем нужно вести охоту. Даже когда ложь была безобидной, лжецов наказывали, чтобы пресечь дальнейшие попытки лгать дьякону. Те, кто попал под подозрения Эркенберта, рано или поздно отправлялись в Сарай. Дьякон не верил в эффективность пыток, разве что, как в случае с Маури, если заранее известно, что жертва знает тайну, и притом известно, какую именно. Пытки отнимали слишком много времени, и допрашиваемые придумывали слишком много такого, что звучало правдоподобно, но не поддавалось проверке. Проще было воспользоваться Сараем.

Самообладание Ришье окончательно его покинуло, когда солдаты отворили дверь Сарая.

— Что там внутри? — хрипло спросил он.

— Заходи, сам увидишь, — ответил *bruder* Ордена.

Секрет был очень прост, и Ришье раскрыл его с первого взгляда. Внутри вдоль всей длины строения шла толстая балка. С нее свисало около дюжины тонких веревок. На каждой

веревке с петлей на шее висел исчезнувший в Сарае человек, со связанными руками, а ногами иногда едва не касаясь пола. Некоторые из трупов раздулись в удушливой жаре закрытого помещения и сделались неузнаваемы. У других, висевших день-два, на лицах был написан страх и смертная мука. Среди них Ришье узнал двух *perfecti*. Последний в ряду, самый свежий труп был трупом того, кого Ришье знал как непримиримого врага еретиков, истового католика, хотя и из еретической семьи. Он тоже был повешен.

Монахи достали трехногий табурет, подняли на него связанного Ришье. Спустя мгновенье шея еретика оказалась в петле. Ришье уже чувствовал, как веревка впивается в тело, и слишком живо воображал себе, как она затянется туже. И ведь шейные позвонки не сломаются. Он будет умирать долго и в одиночестве.

Один из монахов повернулся, лицо великана оказалось почти на одном уровне с лицом Ришье, хотя тот стоял на табурете.

— Слушай, — сказал монах. — Слушай внимательно.

Германца почти невозможно было понять из-за слишком грубого акцента. Было нечто ужасающее в том, что христиане не потрудились даже прислать переводчика, словно их совсем не заботило, скажет что-нибудь приговоренный или нет. Германцу было все равно, умрет Ришье или будет жить. Он выполнит приказ, закроет сарай на ключ и беззаботно выйдет на солнечный свет.

— Ты знаешь, где Грааль, ты говоришь мне, я привожу дьякона. Ты не говоришь мне, я вышибаю табурет. Ты не знаешь, где Грааль, я вышибаю табурет. В конце концов кто-то скажет. Веревок много, балка длинная. — Монах ухмыльнулся. — Табурета хватает одного.

Его напарник захохотал, произнес что-то на непонятном языке. Теперь засмеялись оба. Решив, что достаточно потратил времени на последнее напутствие, первый монах отвел ногу для удара, а в эту секунду второй уже двинулся к дверям. Он даже не собирался ждать, пока приговоренный закачается в петле.

— Я знаю, — выдохнул Ришье.

Германец застыл с поднятой ногой.

— Ты знаешь?

Он что-то крикнул через плечо. Его товарищ вернулся. Они коротко посовещались.

— Ты знаешь, где Грааль?

— Я знаю, где Грааль. Я скажу.

Впервые палачи выглядели растерянно, словно им не дали указаний на такой случай или они забыли, что нужно делать.

— Мы приведем дьякона, — наконец сказал первый. — А ты... Ты стой здесь.

Юмор последнего замечания тут же дошел до него, и он повторил его напарнику, что вызвало еще один взрыв смеха. Ришье остался в темном и зловонном сарае на табурете, стараясь, чтобы дрожащие ноги не подкосились под ним. К тому времени, когда внутрь снова проник свет и Ришье увидел обращенное к нему неумолимое лицо тщедушного дьякона, ясно было, что еретик сломлен навсегда.

— Снимите его, — приказал Эркенберт. — Дайте ему воды. А теперь ты расскажешь мне все, что знаешь.

И слова потекли из Ришье. Местонахождение. Необходимость иметь проводника, причем если проводник, то есть сам Ришье, умрет, то им никогда не найти Грааль. Как он вытаскивал реликвии. Одноглазый, которого еретики сочли новым Мессией. Его лживость, его коварство. Эркенберт дал еретику выговориться, уверенный, что человек, павший так низко, никогда уже не отречется от своего согласия предать. Под конец Ришье решился задать вопрос.

— Эти убитые, — прохрипел он. — Некоторые из них наши, а некоторые — нет. Разве вам не придется отвечать перед вашим Богом — перед истинным Богом — за католиков, которых вы убили?

Эркенберт дико глянул на него.

— Какое это имеет значение? — спросил он. — Бог даровал им милость умереть за Него, и они будут вознаграждены. Неужели ты думаешь, что Бог не узнает своих?

Глава 27

Эркенберт с сомнением и подозрением глядел на принесенную ему старую деревянную лесенку. Он видел много реликвий: мощи святого Уилфрида и святого Гутлака, святого

Кутберта и Беды Достопочтенного, а однажды — даже выставленный для обозрения кусочек подлинного Креста Господня. Но никогда ему не доводилось видеть реликвию без всяких следов поклонения. Лесенка выглядела так, словно крестьянин лет двадцать назад оставил ее около поленницы и забыл сжечь. Она была старой, это дьякон допускал. И выглядела она в точности как та побрякушка, которую одноглазый язычник носил на шее.

— Ты уверен, что это Грааль? — спросил дьякон.

Предатель Ришье начал бормотать что-то в подтверждение.

— Не ты. Ты, Сигарт. Это ли та реликвия, которую ищет император?

— Она была надежно спрятана, — бесстрастно ответил Сигарт. — Глубоко внутри горы, по пути полно ловушек. И засад тоже. Нескольких человек потеряли. Но я вел эту крысу на поводке и жег много факелов. В конце концов мы нашли ее. Странное место. Куча сожженных костей.

— Отвечай на вопрос!

Сигарт поморщился, будучи вынужден принять решение.

— Да, я думаю, это она. По крайней мере, *они* так думают. Рядом с ней мы еще много чего нашли.

Он махнул большим пальцем, и подошли четыре человека. Еще один повелительный жест, и они раскрыли принесенные мешки, высыпав содержимое на грязный пол халупы, которую Эркенберт избрал своим пристанищем. У дьякона перехватило дыхание при виде золотых блюд, кубков, кадильниц для фимиама, предметов, которые, по всей видимости, предназначались для божественных служб. Вернее, для идолопоклоннических служб, поправил он себя. Во всяком случае, это не из имущества мирян, даже не из имущества королей. У дьякона начало складываться определенное мнение. И тут его взгляд упал на два неожиданных среди этой роскоши предмета. Книги. Две штуки.

Он поднял одну, раскрыл.

— Что это? — спросил он у безучастного ко всему Ришье.

— Это священные книги нашей... э-э, еретической веры. Их только два экземпляра существует. — Ришье хотел было сказать «только два экземпляра осталось», но какой-то внутренний голос удержал его.

— И что же в них священного?

— Они рассказывают о том... в них утверждается, что они рассказывают о том, что произошло после... после того, как Христос был снят с креста.

— Об этом рассказывается в Евангелии от Никодима. Святая Церковь не сочла его достойным включения в библейский канон, но относится к нему с почтением. В христианских библиотеках есть много списков этого Евангелия.

— Здесь рассказана другая история, — прошептал Ришье. Он не осмеливался даже намекнуть, о чем идет речь.

С застывшим лицом Эркенберт принялся перелистывать страницы книги. Латынь, на которой та была написана, не вызвала у него затруднений, хотя секунду-другую дьякон кривил губы от презрения к варварским искажениям языка. Затем его лицо сделалось еще более суровым и мрачным. Дьякон дошел до утверждения, что Христос остался жив. Он не умирал. И не воскресал. Сбежал, женился, растил детей. Отрекся от своей веры.

Отрекся от своей веры.

— Ты читал эту книгу? — спросил Эркенберт.

— Нет. Никогда.

— Ты лжешь. Ты знал, что в ней рассказана другая история. Сигарт! Что ты сделал с людьми, которые были повешены в сарае?

— Выкопали могилу. Ждем священника, чтобы прочитал над ними погребальную службу. Некоторые из них могли быть добрыми католиками.

— Погребальной службы не будет. Некоторые из них были заведомые еретики. Еретики настолько гнусные, что не заслуживали бы похорон, если бы не вонь, которая от них остается. Но вонь от этих книг еще сильнее. Прежде чем заполнишь могилу, Сигарт, брось в нее это. Мы не предадим эти книги очищающему пламени, пусть лежат и гниют вместе с гнилью их авторов. И еще, Сигарт...

Их взгляды встретились, последовал едва заметный кивок. Сигарт бесшумно извлек свой кинжал, одними губами спросил:

— Сейчас?

Еще один кивок. Уловив какой-то намек на происходящее, Ришье рванулся к коленям дьякона, негромко бормоча:

— Я добыл вам Грааль, я заслужил наград...

Кинжал вошел сзади в основание черепа.

— Ты получил свою награду, — сказал Эркенберт распростертому ничком телу. — Я избавил тебя от страха. Ты не заслужил исповеди и спасения. Вы хуже, чем Пелагий, хуже, чем Арий. Они несли ложную веру, а вы... вы бы оставили христиан вообще без веры. Не открывай эту книгу, Сигарт, ради спасения твоей души.

— С этим все в порядке, *magister*, — добродушно сказал Сигарт. — Я не умею читать.

— Чтение — только для мудрых, — подтвердил Эркенберт.

Двумя днями позже и на тридцать миль через горные проходы южнее Эркенберт с точностью рассчитал время своего появления на императорском празднестве. Три ночи подряд император оставался на поле битвы, чтобы дать отдохнуть воинам, похоронить мертвых, разделить добычу из обоза халифа и послушать, как армейские священники поют «*Te Deum laudamus*»[1] на алтаре, сложенном из трофейного оружия. Сейчас император сидел во главе высокого стола в огромном павильоне, все занавесы внутри которого были сорваны, чтобы пирующие смогли разместиться в бывшем гареме халифа.

Эркенберт медленно вошел и предстал перед императором, его триумфально сопровождали шесть «риттеров» Ордена в отполированных до сверхъестественного блеска доспехах. Императорские менестрели прекратили играть, слуги и виночерпии, осознавшие торжественность минуты, отступили к обитым шелком стенам. Сам Бруно тоже понял, что сейчас произойдет нечто важное, какое-то знаменательное событие. Его лицо побледнело от зародившейся в сердце надежды. Он вскочил, и все разговоры мгновенно стихли.

Эркенберт не сказал ни слова, лишь подошел еще ближе. Остановившись, он повернулся, как бы слагая с себя роль главного действующего лица, словно бы являя своей аскетичной фигурой в простой черной сутане образец христианского смирения. Потом сделал Сигарту знак рукой.

Надувшись от гордости, риттер сдернул с Грааля богатое

[1] «Тебя, Боже, хвалим» (*лат.*).

узорное покрывало и передал его своему заместителю. В безмолвии он поднял деревянную лесенку на вытянутой над головой руке, словно боевой штандарт.

— Это, это же... — начал император.

— Это лесенка Иосифа Аримафейского, на которой тело Господа нашего было перенесено в святой гроб, — выкрикнул Эркенберт во всю силу своих легких. — Из которого Он восстал на третий день, *согласно Писанию*! Согласно апостольскому Символу веры! Пусть все увидят Грааль, и да укрепится вера!

Император мгновенно опустился на одно колено, его примеру тут же последовали все находившиеся в павильоне мужчины и женщины, за исключением Сигарта, застывшего подобно монументу.

Наконец Сигарт благоговейно опустил Грааль на землю, и, словно части механической игрушки, император и его приближенные тут же поднялись. Бруно протянул руку. Сигарт подошел и вложил в нее Грааль. Другой рукой император приложил к Граалю Святое Копье.

— Смерть и жизнь, — бормотал он, и слезы текли по его лицу. — Жизнь в смерти. Но, Эркенберт... Это же голое дерево.

Дьякон махнул рукой четырем другим риттерам, и те, как уже делали однажды, высыпали содержимое своих мешков на пол.

— Церковная утварь еретиков, — пояснил Эркенберт. — Реквизирована во славу Господа.

— И вся она достанется Господу, — сказал Бруно. — Клянусь, что ни один человек не получит и гроша из твоих трофеев. Я возмещу эту потерю воинам и монахам Ордена из собственного кошелька. А каждая унция этого золота попадет в величайший реликвариум Запада, где во веки веков будет сиять священная реликвия. И еще я клянусь, — воскликнул Бруно, обнажив меч и удерживая его перед собой словно крест, — я клянусь, что в благодарность за посланную мне Господом милость я завоюю для католической Церкви всю Испанию или умру. Больше того! В прежней Империи я не оставлю в живых ни одного человека, который не признает безраздельно власть Церкви святого Петра. Будь то в Иберии, Мавритании или Дакии.

— Или в Англии, — подсказал Эркенберт.

— Или в Англии, — повторил Бруно. — И клянусь еще вот в чем. В благодарность за то, что дьякон укрепил мою веру, когда я поддался недостойным сомнениям, я не только верну его захваченную вероотступниками страну в лоно Церкви, но сделаю его самого наместником святого Петра, возведу на папский престол. Мы с ним будем совместно править Церковью и Империей. Из святого Рима!

Слушатели слегка заволновались, хотя не осмелились даже зашептаться. Они не сомневались, что у императора хватит власти сместить Римского папу. Но есть ли у него на это право? Однако многие не имели никаких возражений. Лучше уж англичанин, вместе с ними участвовавший в боях, чем никому не известный итальяшка, ни разу в жизни не высунувшийся за стены своего города.

— А теперь, Эркенберт, — заговорил Бруно уже нормальным тоном, — поставь Грааль на его почетное место и расскажи нам, как ты разыскал эту реликвию. И еще мне нужен твой совет. Нам в плен попали несколько женщин, одна из них твоя соотечественница, вот она, подает вино. Халифова шлюха, да покарает Господь мусульманский разврат. Впрочем, это не ее вина. Что мне делать с ней и с остальными?

Эркенберт метнул взгляд на красавицу, внимательно прислушивающуюся к разговору на почти понятном ей нижненемецком языке. Взгляд неодобрительный.

— Пусть искупает свой грех, — проскрежетал дьякон. — Она и ей подобные. Надо учредить орден Святого Грааля, женский монашеский орден. С суровым уставом, специально для кающихся. — Он вспомнил непотребную ересь уничтоженных им книг, гнусные россказни о женитьбе Христа на Магдалине. — Назовем орден именем святой Марии Магдалины. Один Бог знает, сколько найдется на свете шлюх, чтобы вступить в него.

Руки Альфлед не дрожали, когда она наполняла кубок. Она прошла хорошую школу умения владеть собой.

Шеф уже много дней готовил свой соединенный флот к выходу в море: перегружал запасы с вновь прибывших кораблей на старые, завозил с берега на все корабли пресную воду и провиант, который можно было раздобыть в Септимании, организовывал береговые команды, чтобы искали и обтесы-

вали каменные ядра для катапульт, а сами катапульты возвращал с береговых укреплений на корабли.

Постепенно дело наладилось. Шефу иногда казалось, что с неожиданным прибытием подкрепления был преодолен какой-то важный водораздел. Или же — в глубине души он именно этого и боялся — ему стал помогать Бог. Вырвавшийся на свободу Бог.

Войско императора, значительно ослабленное после того, как сам император с главными силами двинулся на битву с халифом, однажды ночью сняло свою чисто символическую осаду и исчезло. Вскоре восстановился подвоз провизии и связь с внешним миром, так как окрестные жители убедились, что дороги снова свободны для проезда. В небе весело парили воздушные змеи, это Толман и его товарищи с гордостью демонстрировали новым зрителям свою удаль. Фарман же, в свою очередь, выложил двенадцать подзорных труб, изготовленных стеклодувами Стамфорда: линзы довольно мутные, и вдобавок с шероховатой поверхностью, хотя их шлифовали самым тонким песком и мелом; но все же они доказывали, что искусство арабских мастеров со временем удастся воспроизвести. Квикка со своей командой неторопливо и аккуратно построил новый требукет, на этот раз — с боковыми укосами на правильно сконструированной раме, и тренировался в стрельбе до тех пор, пока не убедился, что его конструкция достаточно совершенна. В небе днем и ночью загорались огни, это Стеффи в спокойной обстановке без помех усовершенствовал свое изобретение. Соломон разыскал на городском базаре приспособление из нанизанных на проволоку костяшек, которое для вычислений Шефа оказалось гораздо удобнее, чем поднос с песком.

Шеф лично осмотрел на захваченной красной галере каждую деталь греческого механизма для метания огня, залез в топливный бак, понюхал и попробовал на вкус находившееся в нем загадочное вещество, исследовал фитиль, топку, мехи, покачал рукоятку странного насоса, который почему-то был нужен, чтобы привести машину в действие. Шеф не стал проводить испытания огнемета. «Я дам тебе греческий огонь», — сказал Локи и действительно дал. Но это не значит, что Шеф должен его использовать или платить назначенную Локи цену.

Хотя не исключено, что однажды он поднажмет на греческих мастеров и вынудит их нарушить обет молчания. В данный же момент Шеф был вполне удовлетворен тем, что имеет в своем распоряжении самые мощные военно-морские силы на Внутреннем море, способные отогнать греческий флот даже при полном штиле, а в любое другое время — вынудить его вступить в бой и потопить его. «И с другой стороны, — подумал Шеф, — если греки просто увидят медный купол на одном из моих кораблей, они не решатся приблизиться». Шеф вернул себе преимущество в военной технике, которое какое-то время находилось под угрозой. Но скоро император, поскольку правит на суше, будет править и на море. Путь к отступлению пока свободен. Надо решиться и воспользоваться им.

Однако сейчас его занимал другой вопрос. Не то чтобы насущный, скорее вопрос для философов, и все же инстинкт подсказывал, что его необходимо решать немедленно. Раньше, чем Шеф обнаружит, что попался к Локи на крючок. Он много думал о видении, которое развернул перед ним Риг, о Локи и о Логи, о гиганте Локи и о боге Локи. Внутри священного круга жрецов Пути всегда зажигают огонь Локи. Разве сам бог огня не должен тоже находиться внутри круга?

И тогда он созвал жрецов в тот самый тенистый дворик, где читали и переводили книгу еретиков. Приглашены были жрецы Пути, те четверо, которые пришли с Шефом, — Торвин, Скальдфинн, Хагбарт и Ханд, а также провидец Фарман, благодаря которому и был снаряжен новый флот. Кроме того, участвовали высшие командиры: Бранд, Хардред, Гудмунд, Ордлав — два англичанина и два норманна. И наконец, еврей Соломон и Свандис, снова с вызовом надевшая белые одежды жрецов Пути. Итого присутствовало одиннадцать мужчин и одна женщина, и все носили амулеты Пути, за исключением двоих: Соломона и Хардреда — последний по примеру своего короля Альфреда решил не оставлять христианской веры, в которой был воспитан. Шеф намеренно устроил так, чтобы все сидели за овальным столом, словно на священном круге жрецов Пути. Впрочем, круг не был огражден священными низками рябины, символизирующими жизнь, да и костер, ограничивающий время для разговоров,

не зажигали. Но позади себя Шеф воткнул в песок семифутовое боевое копье как напоминание о ритуальном копье Одина. Он заметил, что жрецы при виде копья переглянулись: что это? не насмешка ли над их обрядами?

Шеф постучал по столу костяшками пальцев.

— Я созвал вас для того, чтобы обсудить наши планы на будущее. Но прежде всего мы должны извлечь некоторые уроки из того, что уже произошло.

Он обежал взглядом стол, остановился на Свандис.

— Теперь мы знаем одну вещь — что Свандис была не права. Она говорила мне, говорила всем нам, что богов не существует, что богов создают люди из-за собственной слабости, из-за своего несовершенства. И что видения, ниспосланные мне богами, — это просто мои сны, порождения моего мозга, как голодным снится хлеб, а испуганным снится причина их страха. Теперь мы знаем, что из ее утверждений неверно, по крайней мере, последнее. Фарман за тысячи миль узнал про наши беды и пришел к нам на выручку. Его видение оказалось правдой. Но оно было ужасным. Фарман увидел то же самое, что видел я, видел уже трижды. Локи вырвался на волю. Локи освободился от своих цепей. Он готов освободить от Грейпнира волка Фенриса и начать Рагнарок. Так что нам следует снова задуматься о богах. Они существуют на самом деле. И все же возможно, что Свандис не совсем не права. Потому что боги и вера в них как-то связаны между собой. Я обращаюсь к Ханду. Ханд, скажи теперь для всех, а не только для тех, с кем ты уже разговаривал, скажи, что ты думаешь о богах.

— Я бы сказал, что Свандис отчасти права, — отозвался Ханд. Он не поднял глаз и не посмотрел на нее. — Боги созданы людьми. Но как только они созданы, они становятся реальностью. Они — плод воображения, порожденные нашей верой, но когда они созданы, они обретают власть даже над теми, кто не верит в них. Я также думаю, что они злы, ведь они рождены из-за слабости.

— Даже Идуна? — строго поинтересовался Торвин, сверля взглядом яблоко на шее Ханда, знак богини-целительницы. Ханд не ответил.

— Но если Ханд прав, — продолжал Шеф, — мы должны согласиться еще вот с чем. Существуют другие боги, кроме

богов Пути. Господь христиан. Иегова евреев. Аллах мусульман.

— Тогда почему же они нас не уничтожили? — спросил Хагбарт. — Их приверженцы достаточно нас ненавидят, чтобы этого желать всеми силами души и поверить в это.

— Ханд дал хороший ответ на такой вопрос. Он напомнил, сколько нас таких — как он и как я, — которые были с колыбели воспитаны в христианстве, но совсем не имели веры. Только привычку. Может быть так, что материя разума, из которой сотканы боги, очень деликатная и необычная, как греческий огонь. Может быть, некоторые разумы, разумы большинства людей, вообще не способны ее вырабатывать. И не забывайте, у христиан тоже есть свои святые и провидцы. А с другой стороны, если боги происходят от нас, у них сохраняются наши сильные и слабые стороны. В точности как сказала Свандис. Бог христиан не действует в этом мире. Своих поклонников он переносит в иной мир. — Шеф вспомнил одно из своих ужасных видений, в нем король Эдмунд, замученный язычниками, прошел мимо него навстречу судьбе, в которой не видел ни проблеска. — Наши боги, боги Пути, действуют в этом мире, подобно своим жрецам и приверженцам. Они верят в то, что можно сделать руками.

Бранд, глядя на напряженные лица вокруг стола, расхохотался.

— Я человек Пути, — выкрикнул он. — Я выступил на стороне Пути против проклятых Рагнарссонов, правильно? Но чем больше я вижу и чем больше я слышу, тем меньше я верю во что бы то ни было, кроме трех вещей. Это мой корабль, мое золото и мой «Боевой тролль».

Он подхватил свой украшенный серебром боевой топор, потряс им и еще раз отпил из двухпинтовой кружки пиво, запас которого привез вновь прибывший флот.

— Пока мы с тобой согласны, — сказал Шефу Торвин. — Мне не слишком нравится то, что ты сказал про бога христиан, но я готов допустить, что ты прав. В конце концов, мы всегда говорили — и ты сам всегда говорил, и доказал это своими делами, вот Хардред может подтвердить, — что мы боремся не против христиан и не против христианства, а против Церкви, которая управляется из Рима. Потому что мы-то прислушиваемся к твоим словам, но если бы ты по-

пробовал сказать такое императору и находился в его власти, тебе бы очень повезло, если бы ты умер легко. Христианская Церковь не терпит соперников! Не хочет делиться властью и монополией на истину. Именно это наш основатель ярл Радборд знал и предвидел. Именно поэтому мы проповедуем Путь. Чтобы каждый мог сам выбирать себе дорогу.

— Каждый мог сам выбирать себе дорогу, — повторил Шеф. — Поэтому мы здесь.

Он глубоко вздохнул, поскольку наступил решающий момент:

— Я считаю, что пришло время для новых путей.

— Для новых путей?

— Для новых амулетов. Для нового знания. Свандис уже подала пример своим амулетом в виде пера птицы. Он подразумевает изучение нашего мышления, записи всего, что кажется нам самым мимолетным. Изучение мышления и материи разума. Какого бога ты избрала своим покровителем, Свандис?

— Никаких богов, — ответила дочь Ивара. — И никаких богинь. Я взяла имя из наших сказаний. Я ношу перо Эдды, что значит «прабабушка», как знак наших старинных преданий и обычаев.

— На латыни *edo* означает «я пишу», — заметил Скальдфинн. — Свандис этого не знала. Одно из тех совпадений, которые посылают боги. Я думаю, у Свандис есть новое знание, которое нам следует принять.

— Нам нужен еще один амулет, — сказал Шеф. — Арабский значок *sifr*, что означает «ничто, ноль». Могущественное «ничто». Если бы у меня еще не было своего знака, я бы выбрал этот. Это будет знак для тех, кто умеет считать, а их богом будет Форсети, который прекращает споры и дарует определенность. Третьим знаком будут крылья Вёлунда. Для Толмана и других летунов.

Шеф обвел присутствующих своим единственным глазом, стараясь подчинить сомневающихся своей воле и оценивая, насколько это ему удается. Пока они с ним. Жрецы Вёлунда, жрецы Форсети, это ново, но их примут. Жрецы Пути всегда приветствовали новые профессии, будь то летание по небу, изготовление линз или вычисления. Пора приступать к самому трудному.

— Считаю, что нам нужен и четвертый знак. Для таких, как Стеффи, который обжег себе руки, стараясь осветить нам поле боя. Нам нужны люди, которые будут носить знак огня. Знак Локи.

Торвин сразу вскочил, его молоток сам скользнул с пояса в руку, а на лицах Скальдфинна и Хагбарта, да и Фармана тоже, появилось выражение ужаса.

— Ни один человек не может носить этот знак! Мы зажигаем огонь Локи, чтобы он напоминал нам, с чем мы имеем дело. Но мы не поклоняемся ни огню, ни его богу. Даже если ты все сказал верно про людей, создающих богов, и так далее, зачем нам создавать богов, подобных Локи? Он обманщик, отец чудовищного отродья. Погубитель Бальдра.

— Зачем создавать? Да мы *уже их создали*. — Шеф оглядел комнату, чтобы видеть, как воспринимают его слова. — Если Ханд прав и Локи существует, тогда это мы его создали. Создали из страха и ненависти. Сделали так, что он погубил добро и красоту, потому что мы завидовали. Приковали его, чтобы не винить во всем самих себя. Сделали его безумным. Сейчас он вырвался на волю. Я сам боюсь его сильнее, чем вы. Но я заявляю следующее. Такая же свобода для Локи, как для Тора. Для зла такая же, как для добра. Если он нападет на нас, мы его уничтожим. Но огонь может быть за нас, а не только против нас.

Торвин огляделся, словно ожидая, что раздастся гром с ясного неба.

— Такая же свобода для Локи, как для Тора! — повторил он. — Но ведь он отец чудовищного отродья. Ты их видел. Ты с ними встречался.

Его взгляд нерешительно остановился на Свандис, словно оценивая, как далеко можно зайти. Торвин убежден, вспомнил Шеф, что отец девушки Ивар Бескостный был порождением Локи, имеющим нечеловеческую форму в другом мире, в мире богов. Если уж на то пошло, Шеф и сам в это верил. Но Локи тогда был прикован и безумствовал от боли.

— Свобода — не то же самое, что беззаконие, — заговорил Шеф. — Если приверженец Локи придет и скажет, что его бог заставляет его совершить при погребении человеческое жертвоприношение или разрезать ради удовольствия женщину на кусочки, мы скажем ему, что наказанием за та-

кие дела будет смерть. По закону людей Пути это всегда так. Это и отличает нас от язычников. Сейчас я не знаю, что заставило Локи убить Бальдра, что заставило людей придумать Локи и Бальдра и убийство одного другим. Но я знаю, что, когда мы исцелим мировой недуг и вернем Бальдра, мы должны будем уверовать во что-то иное, кроме вечной вражды.

Фарман заворочался на своем стуле и заговорил тихим голосом. Человек он был невыразительный: когда Шеф впервые встретил его, это произошло в видении Вёлунда, где Шеф был хромым, но могучим кузнецом богов, а Фарман — не более чем мышью, попискивающей из-за плинтуса. По временам Шеф теперь так и воспринимал его, как попискивающую мышь. Однако он пользовался большим уважением. Все признавали, что его видения верны. Он и Виглик были двумя самыми знаменитыми провидцами Пути.

— Расскажи нам предание о плаче по Бальдру, — сказал он, посмотрев на Торвина.

Торвин выглядел нерешительным, он подозревал, что его рассказ так или иначе вызовет возражения. Однако по обычаям Пути он не мог отказаться.

— Вам известно, — начал он, — что после смерти Бальдра, вызванной кознями Локи Лафейярсона, одноглазый верховный бог Один построил для своего сына погребальную ладью, на которую и положил его тело. Но прежде чем поджечь ладью, Один послал своего слугу Хермота, лучшего воина в Эйнхериаре, в мир Хель, чтобы узнать, нет ли какого-нибудь способа вернуть Бальдра. И Хермот пересек мост Гиаллар, подъехал к воротам Хель и перепрыгнул через них на восьминогом коне Одина.

Теперь Шеф заворочался на стуле, потому что этот рассказ он уже слышал, но сам видел немножко другое.

— Он въехал в мир Хель и просил богиню Хель отпустить Бальдра, но она отказалась и сказала, что Бальдр сможет выйти из мира Хель, только если все существа, живые и мертвые, заплачут о нем. Если хоть кто-нибудь откажется, Бальдр должен будет остаться. И Хермот приехал назад, и тогда боги велели всем сотворенным сущностям плакать по тому, кого они утратили, и все они заплакали: люди, животные, земля, камни и растения. Но в конце посланник богов

попал в пещеру к женщине гигантов, и она сказала, — тут голос Торвина превратился в глубокий бас, которым всегда исполнялись священные песнопения:

> Ни слезинки не проронит Текк
> на похоронах Бальдра.
> Лишь проклятья одноглазый
> слал ей в мудрости своей.
> Так пусть у Хель останется
> то, что есть у ней.

Итак, требование богини Хель не было выполнено, и Бальдр остался у нее. Тело Бальдра сожгли на погребальной ладье, а вместе с ним — жену Бальдра Нанну, которая умерла от скорби. Большинство людей думают, что та женщина гигантов — это и был Локи Лафейярсон в ином обличье.

— Хорошо и верно рассказано, Торвин, — вступил Фарман своим мягким голосом, — но остаются еще некоторые вопросы. Вам известно, что слюна, текущая из пасти волка Фенриса, называется «*von*», то есть «надежда», и это означает, что полагаться на надежду, как это делают христиане, и прекращать борьбу, когда надежды не остается, — ниже достоинства воина. Но что подразумевает имя женщины гигантов — Текк, — которое означает «благодарность», как «*von*» означает «надежду»? — Торвин покачал головой. — Не подразумевает ли оно, что цена за возвращение Бальдра — просто-напросто благодарность?

— Благодарность за что? — прорычал Торвин.

— За все, что Локи сделал раньше.

— В преданиях говорится, что Локи был верным товарищем, когда они с Тором отправились к Чужому Локи, чтобы бороться со Старостью и поднять Змея Мидгарда, — подтвердил Хагбарт.

— Значит, Локи был верным товарищем в борьбе против Локи, — сказал Фарман. — Но когда его верность не признали и не поблагодарили за нее, он стал тем, что мы из него сделали. Не предлагает ли король поблагодарить и признать доброго Локи? И направить его против злого Локи?

— Хермот не попал в мир Хель, — сказал Шеф с несокрушимой уверенностью, порожденной ниспосланным ему некогда видением. — Он остановился у решетки Гринд. Он отрезал голову петуха и перекинул ее через стену, а потом по-

ехал назад. Но прежде чем Хермот уехал, он услышал, что петух закукарекал с той стороны.

— Значит, жизнь есть даже в мире смерти, — заключил Фарман. — Даже там, где находится Бальдр. Значит, есть шанс... Шанс исцелить мир от его болезни и вернуть в него красоту. — Он посмотрел на Шефа, предназначая свои слова для него одного: — И таким способом старые становятся юными. Не как драконы, цепляющиеся за то, что у них было. А как змеи, скидывая свою кожу. Кожу прежних верований. Старые знания умирают.

«Фарман участвовал не в одном-единственном моем видении, — подумал Шеф, — хотя я и не замечал его».

Торвин, чувствуя, что нить разговора от него ускользнула, оглядел сидящих и увидел на их лицах разнообразные выражения, от оцепенения у Хардреда до растущего интереса у Скальдфинна и сердитого несогласия у Свандис.

— Этот вопрос нужно передать на полный круг жрецов, — предложил он.

— Рано или поздно, да, — согласился Фарман.

— Но какое это имеет отношение к нашим планам? К нашим непосредственным ближайшим планам?

— На это я тебе отвечу, — отозвался Шеф. — Сдается мне, что мы можем сделать очень много разных вещей. Мы можем отправиться домой, отбросив греков со своего пути.

— Может быть, по пути еще чем-нибудь разживемся, — предложил Гудмунд.

— Мы можем войти в устье Гвадалквивира и подняться до Кордовы. Халифа больше нет, если наши сведения верны. Наша поддержка может оказаться важной для его преемника. Думаю, что мы сможем потребовать для себя право проповедовать Путь. Покойный халиф нам бы такого не разрешил, да и любой халиф, уверенный в своей власти. А при нынешней ситуации — кто знает?

— Мы можем *здорово* разжиться в Кордове, — сказал Бранд Гудмунду. — Ты в ней не был, но я тебе говорю, в том налете пятнадцать лет назад Рагнарссоны только слегка поскребли поверхность.

— Но если то, что мы говорили, — правда, — продолжал Шеф, — тогда, я думаю, нам следует сделать нечто другое. Ведь мы все говорили, Ханд, Свандис и даже Фарман, что

силу в этом мире дает вера. Значит, нам следует усилить самих себя и тех, кто к нам настроен дружественно или хотя бы терпимо. И мы должны разрушить веру тех, кто не дает другим вздохнуть. Кто не оставляет свободы ни Локи, ни Тору. Никому, кроме своего Единого Бога.

— И как нам это сделать? — любезно осведомился еврей Соломон.

— Во-первых, бумага. Во-вторых, агенты. Сейчас объясню...

Глава 28

С Хлитскьяльфа, сторожевой площадки богов, Аэзиры смотрели вниз на землю. Далеко внизу они видели языки пламени, напоминающие наконечники копий, видели, как собираются волки и вороны. Хеймдалль, который мог слышать, как растет трава и как ворочаются мысли в голове человека или бога, вздернул голову и, задрав бровь, повернулся к своему брату Ригу. В голове Одина прозвучала мысль: «Власть уплывает из моих рук». Но Отец всего сущего не высказал свою мысль, и Хеймдалль промолчал.

— Хотел бы я знать, кто освободил его от цепей, — наконец произнес Один.

Даже Хеймдалль не знал, что это сделал Риг, потому что Риг умел скрывать свои мысли, когда хотел.

— Все со временем изнашивается, — заметил Риг.

Не слишком удачный ответ тому, кто не желал признавать границ для своей власти — хотя эти границы были достаточно очевидны всем. Риг попробовал зайти с другой стороны:

— Но и семена всходят вовремя.

*— О чем ты говоришь? — рявкнул Один. — Локи вырвался на волю, Хеймдалль готов протрубить в рог, Последняя Битва богов и людей может начаться в любой момент, с огненным оружием и летающими воинами, а наши приверженцы сейчас переходят на сторону Локи. Вслед за **твоим**, между прочим, приверженцем.*

— Ну, он пока не сменил свой амулет, — ответил Риг. — Я прошу тебя, Отец всего сущего, вспомни, что было несколько поколений назад. Какими мы тогда были? Слабыми. Создания

немногочисленных лесных бродяг и морских пиратов. Мы превращались уже в простых коббольдов и никсов. А сейчас мы стали сильными. И не благодаря жертвоприношениям в Упсале, которые отпугивали тысячу людей, а укрепляли веру у десятка. Благодаря вере и преданности.

— Ну и чем это поможет в том, что Локи освободился? И люди готовы поклоняться ему?

— Локи не всегда был плох.

Один обратил на Рига свой устрашающий единственный глаз:

— Он убил моего сына. Он лишил мир света и сделал его пустым.

Риг не боялся, но взгляд Одина трудно было выдержать. Он отвел глаза, однако продолжал говорить:

— Когда-то Локи был нашим товарищем. Если бы мы это признали, он не почувствовал бы ревности и зависти, которые заставили его взяться за омелу и обмануть Хёда.

— Он говорил нам много злого в нашем собственном доме, — вмешался Хеймдалль. — Меня он звал «чернозадым», говорил, что я раб богов, которому не разрешают спать.

— Ты никогда не спишь, — ответил Риг.

— Дело в твоем собственном сыне, — сказал Один. — В твоем сыне и приверженце, которого ты упросил меня пощадить один раз, другой. Это он освободил Локи, снова выпустил его в этот мир. Хотя он, кажется, не хочет того, чего хочет Локи. Но все равно, объясни-ка мне, почему я должен пощадить его в третий раз?

Один поднял свое копье Гунгнир, направил его на синеющее далеко внизу Внутреннее море.

— Я не прошу для него пощады, — сказал Риг. Все боги, вся дюжина собравшихся, с недоверием взглянули на своего брата. — Возьми его, если хочешь. Это будет не самый удачный новобранец для твоего Эйнхериара, Один. Бочки с медами не опустеют и десяти раз, как герои начнут ковать себе оружие, убивающее на расстоянии, и слабейшие станут сильнейшими. Но возьми его, если хочешь. Я скажу только одно: поживем — увидим. Может быть, если он пойдет своим путем, сильные боги станут слабыми, а боги, которые были слабы — как мы когда-то, несколько поколений назад, когда и я был почти забыт, — эти боги могут стать сильными.

«Это правда, — подумал Хеймдалль, — и не несколько поколений прошло, а меньше чем жизнь одного человека; Риг был простой тенью на краю праздника богов, недостаточно значительным, чтобы Локи над ним издевался или Один советовался с ним. Теперь же многие носят его амулет, и братья уступают ему дорогу. Как же все это вышло?»

— Кто, по-твоему, станет слабым? — наконец спросил Хеймдалль.

— Те боги, которые не способны делиться властью или завоевывать сердца людей без принуждения.

— Ты подразумеваешь меня? — с угрозой спросил Один.

— Нет, отец. Тебя никто еще не называл ***ревнивым*** *богом.*

Аэзиры задумались над словами своего брата. Некоторые опять стали смотреть вниз, на обширное Средиземье, на узкой каемке которого только и были у них приверженцы. Лица их стали неподвижными, как у лошадиных барышников, заметивших возможность словчить.

— Но твой сын не вернет назад моего сына.

— Есть пророчества, что после Рагнарока те, кто уцелеет, будут жить в новом веке, в лучшем мире, где возродится Бальдр. Но ты не уцелеешь, отец. Волк Фенрис ждет тебя, и Фрейра ждет Сурт. Но если Рагнарока не будет, если его не будет, разве можем мы утверждать, что Бальдр не сможет все равно воскреснуть? Если даже Локи готов будет заплакать о нем? Если ты хочешь снова увидеть своего сына вне стен мира Хель, тогда ты должен выбрать другую дорогу.

На этот раз на лице Одина появилось выражение, как у человека, который видит далеко идущие последствия, свою выгоду.

* * *

— Как вам удалось выбраться? — спросила Свандис. Перед ней сидела одна из тех женщин, с кем она разговорилась и всплакнула у фонтана в тенистом кордовском дворике, светловолосая Альфлед, некогда ее враг, а теперь ее товарищ.

Альфлед пренебрежительно пожала плечами и откинула волосы с лица, уже тронутого солнечным загаром.

— Маленький черный ублюдок сказал широкоплечему ублюдку, что нас нужно превратить в монахинь. Берта — та франкская девушка, ты ее помнишь — была счастлива при

одной мысли об этом, она никогда не получала большого удовольствия от мужчин. Но Оулед не захотела стать христианкой, а я — я не захотела стать монахиней. Я не слишком часто видела мужчин, вернее, одного мужчину, пока жила в гареме халифа. У меня было время по ним соскучиться!

— Так как же?

— О, мужчинами так легко вертеть, ты же знаешь. Я заговорила с одним из стражников, которые вели нас в какое-то проклятое Аллахом место. Сказала ему, как несправедливо полжизни просидеть взаперти, а потом сбежать туда, где тебя опять запрут. Смотрела на него, пока он не посмотрел на меня, а потом еще секундочку посмотрела и отвела взгляд. Заставила его поверить, что я без ума от него. Мужчины такие тщеславные, такие наивные. Когда он пришел ко мне ночью, я позволила ему снять цепь с дверей и увести меня в кусты. Он не заметил, что за нами крадется Оулед с длинной заколкой для волос. — Альфлед вдруг рассмеялась. — Он был чудесным мужчиной, это я могу про него сказать. Надеюсь, он умер счастливым. Потом мы с Оулед стали пробираться от деревни к деревне, все, что нам нужно, мы получали... за это самое. Ты рассказывала, что тебе тоже доводилось так поступать.

Свандис кивнула.

— А что ты намерена делать сейчас?

— Говорят, что этот король — англичанин и он освобождает рабов. Здесь даже есть люди, которые утверждают, что они сами бывшие рабы, это те, кто говорит по-английски. Наверняка король освободит и меня тоже, позволит мне вернуться домой.

— Твои родственники не будут тебе рады, — заметила Свандис. — Обесчещенная женщина. Мужа у тебя нет, но ты и не имеешь права ходить с непокрытыми волосами, как девушка.

— Я вдова, — строго сказала Альфлед. — Вдова имеет право снова выйти замуж. И какой муж обвинит ее за то, что это самое она умеет делать получше, чем девственницы? А мы с Оулед умеем гораздо больше, чем любая девственница и чем все христианские жены, вместе взятые. Думаю, я смогу найти себе мужа здесь, или в Лондоне, или в Винчестере. Что касается Оулед, то она мечтает только вернуться

в Кордову, потому что она хочет для себя того же самого, что и я.

— Какого ты мнения о наших мужчинах? — спросила Свандис.

— Не слишком высокого. Те, кто говорит по-английски, — дети рабов. В те времена, когда меня угнали в плен, ни один тан не стал бы разговаривать с такими людьми без плетки в руке. Не могу понять, зачем их понадобилось освобождать. Среди них нет ни одного, кто выглядел бы как рыцарь.

— Вон тот подойдет, — насмешливо сказала Свандис, указывая в окно на проходящего мимо Стирра, который огромными лошадиными зубами грыз неочищенный апельсин.

— Он по крайней мере выглядит как настоящий воин. Но все такие мужчины — из норманнов. Как и ты. Люди твоего народа схватили меня, продали в рабство. Я не смогу жить с одним из них.

— В Англии еще осталась куча танов и сыновей танов, — сказала Свандис, — и, осмелюсь заметить, ты сумеешь достаточно легко заарканить одного из них. Ты сама свое приданое, и после ночи с такой опытной женщиной, как ты, у мужчины наверняка можно просить, чего только душа пожелает.

Черкешенка Оулед, которая, сидя в сторонке, прислушивалась к разговору на непонятном ей языке, безошибочно определила, что две женщины начинают говорить друг другу колкости, и поднялась. Одним из принятых в гареме секретных жестов она растопырила пальцы и посмотрела на ногти. Это означало «не спорь». Спрячь свои коготки. Альфлед проглотила приготовленный язвительный ответ и попыталась выглядеть спокойной.

— Думаю, что ты сможешь оказаться полезной для Единого Короля, — сказала Свандис. — Для Единого Короля, который обещал сделать меня своей королевой.

«И чего только мужчины не обещают, чтобы заполучить то, чего они все хотят», — подумала Альфлед, но ничего не сказала и лишь подняла бровь с вежливым интересом.

— Ему нужны сведения о том, как обстоят дела в Кордове после смерти халифа. Ему также может понадобиться там свой агент, который говорит по-арабски лучше, чем мы.

В одном ты можешь быть уверена: платит он щедро, настоящее золотое дно для тех, кто ему служит. И ты права, в его сердце есть особый уголок для бывших рабов вроде тебя.

«Посмотрим, дорогая, не найдется ли у него для меня особый уголок еще кое-где, — угрюмо подумала Альфлед. — Медные волосы, голубые глаза, фигура как у работника из мавров. В гареме тебя бы позвали один раз, из любопытства, и на этом все».

— Я всецело завишу от вашей милости, — сказала она, благоразумно опустив глаза. — Чем особенно интересуется король?

— В данный момент, — ответила Свандис, — он интересуется изготовлением священных книг и тем, откуда они взялись.

«Хлысты, поэзия, мальчики, пахучие притирания, теперь вот священные книги, — подумала Альфлед. — Иегова, или Аллах, или Иисус, пошли мне однажды мужчину без этих извращений».

В комнате, расположенной глубоко в покоях княжеского дворца, Шеф увидел расставленные квадратом скамьи. На каждой скамье за длинным столом сидело по шесть писцов. У каждого было перо в руке, и перед каждым на столе стояла чернильница и лежал чистый лист странной восточной бумаги. Царапающий звук перочинных ножей стих, и две дюжины лиц выжидательно обернулись к королю варваров, который сумел прогнать прочь от города христианского императора.

Соломон обратился к писцам.

— Этот король, — сказал он, — обнаружил некий документ. Документ, заставляющий сильно усомниться в христианском вероучении, документ, который докажет христианам — если они его прочитают, — что их Мессия, как нам, впрочем, давно известно, ложный Мессия, лишь провозвестник того, который грядет. Король хочет сделать много копий, чтобы эти сведения распространились по всему христианскому миру. Для этого мы и собрали всех вас. Он будет диктовать мне изложение того, что он прочитал, я буду переводить это на язык испанских рынков, то есть на известный нам всем арабский, а вы будете записывать. Позднее мы еще

раз сделаем копии, и еще раз, как на арабском, так и на южноромансском языке. Может быть, еще и на латыни. Но это только начало.

Поднялась рука, и скептический голос спросил:

— Соломон, а какой длины будет это сообщение?

— Король считает, что все должно помещаться на одной странице.

— А какой длины был исходный документ?

— Примерно как Книга Юдифь.

— Значит, потребуется немало умения, чтобы изложить его на одной странице.

— Король знает, чего он хочет, — строго сказал Соломон.

Шеф терпеливо слушал непонятный ему обмен репликами на иврите, выжидая, пока вызванное его приходом оживление уляжется. Соломон кивнул, подтверждая, что писцы готовы. Шеф вышел вперед, открыл свой англо-норвежский перевод книги еретиков — просто для подсказки самому себе, читать руническое письмо ему было трудновато.

Шеф посмотрел на лица писцов, на листы чистой бумаги, и разум его как-то затуманился, словно на костер накинули мокрое одеяло. У него просто все вылетело из головы. Еще несколько секунд назад он был готов диктовать писцам, рассказать историю спасения Иисуса с креста такими словами, которые были бы понятны любому мужчине и женщине. Теперь же он ничего не помнил. В сознании всплывали разрозненные фразы: «Меня зовут Иисусом... То, что вам рассказывали, — неправда... Вы когда-нибудь задумывались о смерти?»

Ни одна из фраз не вела к следующей. Шеф осознал, что его рот раскрыт и выглядит это, надо полагать, как ухмылка слабоумного, услышал смешки, увидел, что на обращенных к нему лицах появляется презрение.

Он устремил взор вниз. «Я пытаюсь, — сказал он себе, — учить этих людей их профессии, то есть как делать книги. А как бы они сами выглядели, если бы пришли в наш лагерь и принялись учить Квикку стрелять из катапульты? — Мысль о разухабистой брани, которой встретили бы ученых писцов у костров лагеря, сразу его развеселила и помогла пробить брешь в барьере молчания. — Не забудь, — снова сказал Шеф самому себе, — ты пытаешься взять историю, записан-

ную в книге, и превратить ее в обращение. Тебе придется изменить «я был» на «вы будьте». Это самое главное. А если не знаешь, с чего начать, начни с начала».

Шеф снова поднял голову, осмотрел аудиторию, которая начала переглядываться и обмениваться замечаниями по поводу охватившего варварского короля ступора. Встречая его взгляд, взгляд человека, который стоял лицом к лицу с Иваром, Ратоборцем Севера, и убил Кьяллака Сильного на Королевском камне шведов, ученые писцы умолкали. Шеф заговорил тоном сдерживаемой ярости. И пока он диктовал, слово за словом и предложение за предложением, голос Соломона тихонько ему вторил, и им отзывался скрип множества перьев по бумаге.

— Верующие в Христа, — диктовал Шеф, — вы слышали о небесном блаженстве и адском пламени. Одни с надеждой, другие в страхе, вы отдаете крестить своих детей, исповедуетесь в своих грехах, платите церковную десятину. Вы носите нательные кресты. В пасхальное воскресенье вы подползаете к кресту на коленях, а когда вы умираете, священник держит перед вашими глазами крест.

Почему так? Потому что крест — символ жизни, жизни после смерти. После смерти вы надеетесь жить в Раю, потому что был Тот, Кто воскрес и объявил, что Он властен над смертью и загробной жизнью. На Его распятии и воскресении основаны все ваши надежды.

А что, если воскресения не было? На что вы тогда надеетесь и зачем платите десятину? Зачем вам тогда нужен священник? И кто вообще рассказал вам о воскресении? Не сам ли священник? Разве станете вы покупать лошадь, полагаясь лишь на слова барышника? Притом что в глаза этой лошади не видели? Лучше выслушайте следующее.

Был человек по имени Иисус, и много лет назад Понтий Пилат распял его. Но палачи торопились, и он не умер. *Он не умер.* Потом его друзья пришли и унесли тело на лесенке и выходили Христа. Когда он достаточно окреп, он уехал из страны и начал новую жизнь, и в этой новой жизни он отказался от многого из того, что говорил раньше. Рай находится на земле, стал говорить он, и люди сами должны создать его для себя. Как мужчины, так и женщины.

А вы живете в раю? Или в аду? Спросите своего священника, пусть расскажет, откуда он узнал то, что говорит вам. Спросите его, где крест? И где лесенка? Когда спросите, посмотрите ему в глаза и вспомните, как покупают лошадь. Если вы не поверите священнику, подумайте, что вы можете сделать.

— Небезынтересное изложение, — заметил переписчик Мойша Соломону, когда они вместе выходили из комнаты, на мгновенье снова сделавшись друзьями. — Хотя, конечно, безграмотное.

Соломон задрал бровь, но не стал спорить.

— Мне было трудно переводить некоторые места на арабский, — сказал он. — В его языке есть простые слова для понятий «крестить» и «воскресение», а мне пришлось всячески изворачиваться. А в чем же безграмотность?

— О, семь риторических вопросов подряд, как у школьника, которого мало пороли. Постоянные повторы; а лошади, палачи, лесенки и десятина — все смешано в одну кучу с жизнью, смертью и таинством веры. Никакого изящества. Ни малейшего представления о стиле. Я бы постыдился признаться, что я написал нечто подобное. Но для вашего Единого Короля я просто часть машины, машины для изготовления копий его текста.

«Об этом я ему расскажу, — подумал Соломон. — Об идее машины для изготовления копий. А то, что не понравилось Мойше, тем не менее может прийтись по вкусу многим людям, о которых ученый Мойша ничего не знает. Тем же неграмотным. Их очень много, и далеко не все из них глупы».

— Откуда ты? — спросил Шеф.

— Меня угнали в рабство из Кента, — ответила женщина. Она по-прежнему была одета в обноски своей длиннополой арабской *burqa*, но чадру выкинула и откинула капюшон, чтобы видны были ее светлые волосы и голубые глаза. Она говорила на довольно старомодном английском языке — Шеф с легким удивлением понял, что она говорит правильней, чем он сам, привыкший уже вставлять в свою речь слова

и обороты, которых набрался от норманнов. И уже дважды он заметил, что она хмурится, пытаясь понять его.

— Кент. Это владения моего соправителя Альфреда.

— В мое время королем был Этельред. А перед ним — Этельберт. Сдается мне, я слышала об Альфреде, это был самый младший из братьев. Видимо, с тех пор многое изменилось. И все равно, я хотела бы вернуться. Если это удастся. Если мне удастся отыскать своих родственников и они захотят знаться со мной, опозоренной женщиной.

И бывшая наложница халифа опустила глаза, притворяясь, что краешком рукава промокнула слезу. Она хочет вызвать симпатию, понял Шеф. Старается выглядеть обворожительно, и это ей удается. Давненько женщины так перед ним не старались. А с другой стороны, что ей остается в ее положении?

— Ты сможешь устроиться в Кенте, если хочешь отправиться в Кент, — сказал Шеф. — Король Альфред великодушен, а с твоей красотой у тебя отбоя не будет от поклонников. Я позабочусь, чтобы ты была достаточно обеспечена и твои родственники остались довольны. Англия теперь богатая страна, как ты знаешь. Она больше не страдает от пиратов, так что ты будешь в безопасности.

«В ответ на выказанную чужую слабость, — подумал наблюдающий за Шефом Соломон, — он старается устранить причины этой слабости, а не воспользоваться ею, как ожидала женщина. Это замечательное качество для короля, но сомнительно, чтобы она это понимала».

Шеф похлопал Альфлед по руке и заговорил деловым тоном:

— Впрочем, есть одна вещь, которую ты можешь сделать для нас; полагаю, что тебе известны многие, если не все, тайны кордовского двора. Скажи мне, как ты относишься к Аллаху?

— Я произнесла *shahada*. Исповедание веры, — пояснила Альфлед. — Оно звучит как *La illaha il Allah, Muhammad rasul Allah*, то есть «нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — Пророк Аллаха». Но что мне еще оставалось? Только умереть или сделаться самой презренной рабыней в грязном борделе.

— Ты не веришь в Аллаха?

Она пожала плечами:

— Настолько же, насколько я верю во все остальное.

Я была воспитана в вере в Бога. Он ни разу не помог мне, когда меня захватили язычники, хотя я много раз молилась Ему. Для меня единственная разница между Богом христиан и мусульманским Аллахом в том, что арабы верят в Мухаммеда и в свой Коран.

— Разные книги, разные религии. Скажи мне, есть в Кордове люди, которые интересуются тем, как делают книги?

«Вот оно, — подумала Альфлед. — Наверное, он попросит меня выпороть его пером или отдаться ему на пергаменте. Должно найтись что-то, что его женщина для него не делает. Всегда бывает».

— Есть лавки, где продаются книги, — ответила она. — По заказу покупателя в них изготавливают копии. Скажем, любовная поэзия Ибн-Фирнаса. Или, например, «Книга тысячи наслаждений».

— Это не те книги, которые имеет в виду король, — вмешалась Свандис, пристально следившая за разговором. — Он имеет в виду, откуда берутся священные книги, книги веры. Откуда взялся Коран. Или Библия. Потому что кто-то, какой-то человек однажды написал каждую из них, хоть они и священные. Своими руками написал их пером и чернилами.

И Свандис качнула свисавший ей на грудь амулет в виде пера.

— Коран был продиктован Мухаммеду Аллахом, — ответила Альфлед. — По крайней мере, так говорят. Но есть еще такие... да, мутазилиты, так их называют. Один из них — Ицхак, хранитель свитков.

— И во что верят они? — Король смотрел на нее с неподдельным интересом.

— Они верят... Они верят, что Коран не вечен, даже если в нем записаны слова Аллаха. Они говорят, что это слова Аллаха, как их услышал Мухаммед, но могут быть и другие слова. Они говорят, что недостаточно просто сохранять верность *hadith*, то есть обычаю, нужно также пользоваться своим разумом, дарованным человеку Аллахом.

«Мойше бы это не понравилось, — снова подумал Соломон. — Он считает, что главная обязанность книжника — сохранять Тору, и меньше всего нужно заниматься комментариями к ней. Судить с помощью Торы, а не судить о Торе».

Шеф задумчиво кивнул:

— Они не хотят уничтожать книги. Это хорошо. И они готовы размышлять о них. Это еще лучше. Если бы я увидел, что в Кордове сидит халиф из мутазилитов, а у Римского папы не осталось армии, тогда бы я мог сказать, что Рагнарока мы избежали и Локи пора отправляться на отдых. Но в основе всего — чтобы книги были у многих людей. Не думаю, что все книготорговцы Кордовы и все писцы Септимании смогут сделать столько книг, сколько нам нужно. Соломон, как ты там говорил — нам нужна машина, которая делает множество копий, и притом быстрее, чем может писать человек? Увы, я не знаю, как приспособить мельничное колесо к пишущей руке, хотя оно может выполнять работу кузнеца.

— У халифа нередко скапливалось для подписи больше документов, чем он смог бы подписать своей рукой, — рискнула вмешаться Альфлед.

— И что же он делал?

— У него была такая колодка, вся из золота и с ручкой из слоновой кости. А внизу у нее была медная пластинка, и на ней проступало его имя, как шероховатости на коже пальцев. Остальное было разъедено какой-то кислотой, я не знаю, как это сделали. Халиф прижимал пластинку к пробке, пропитанной чернилами, а потом отпечатывал свою подпись на документах с такой скоростью, с какой Ицхак успевал их подкладывать. Говорят, иногда Ицхак за взятку подсовывал такие документы, которые халиф даже не читал. Все это примерно так, как ставят тавро на скот.

— Как тавро, — повторил Шеф. — Как тавро. Но ведь никто не клеймит ни бумагу, ни пергамент.

— И в результате этого получается лживая писанина, — сказала Свандис, скривив лицо от отвращения. — Которую никто не читает и никто не подписывает.

— Это один из способов делать книги, — подтвердил Соломон.

Глава 29

Весть о постигшей исламский мир катастрофе распространялась на юг даже быстрее, чем ее мог бы доставить конный гонец. По крайней мере, гонец без сменной лошади. Как

только в какой-нибудь город въезжали с этой вестью кавалеристы, раньше прочих покинувшие поле боя, каждому из них помогали слезть с коня, провожали в прохладу, где поили шербетом и выпытывали подробности. А тем временем полученная от них информация пересылалась с доверенными гонцами тем, кого местные правители провинций и городские кади считали нужным оповестить в первую очередь. Когда кавалеристы, приукрасив свои рассказы подробностями, которые с каждым повторением казались все более достоверными, наконец садились на лошадей, нередко весть уже летела впереди них.

Услышав роковую новость, сановники бывшего халифа крепко задумывались о своей судьбе. Кто будет преемником? Известно было, что у халифа множество сыновей, но ни один из них не назначен наследником, и нет среди них достаточно опытного и сильного, чтобы победить в назревающей гражданской войне. У халифа было много братьев — как родных, так и единокровных. Большинство из них умерли, были обезглавлены на кожаном ковре или удавлены шнурком. Многие из оставшихся неприемлемы, дети мустарибок. Но полно, действительно ли они так уж неприемлемы? Те, кто задавался последним вопросом, а в основном это были губернаторы северных провинций, начинали оценивать свои силы и силы своих союзников. Рассылались гонцы, стягивались войска, губернаторы гадали, сколько воинов, ушедших с халифом в бесславный северный поход, вернется домой. Когда же воины постепенно вернулись, причем в удивительно большом количестве для уцелевших после битвы, которая, по первоначальным сведениям, велась с небывалым ожесточением, губернаторы пересчитали свои силы еще раз. И почти все пришли к одному и тому же выводу. Ударить было бы преждевременно, но и оставлять надежду тоже не следует. Надо вести себя безупречно правильно, тогда можно спокойно продержаться до лучших времен. Заявлять о своей верности Аллаху. Собрать вокруг себя как можно больше вооруженных людей. А тем временем, поскольку воинам все равно надо платить, найдется много местных дел, которыми можно пока заняться. Старинные распри между Алькалой и Аликанте, между побережьем и горными районами, споры из-за колодцев и межей превратились в военный конфликт.

В самой Кордове по прибытии известия все испытали потрясение и ужас. Это была не тревога, ведь все понимали, что неверные не могут угрожать цивилизованным районам Андалузии и юга, это был страх перед судом Аллаха. Каждый сразу задавал себе вопрос о престолонаследии. Через несколько дней у городских ворот уже не видно было телег с овощами и битой птицей, гуртов овец и коровьих стад — крестьяне из долины Гвадалквивира опасались появляться там, где вот-вот начнется кровавая резня. Несколько братьев халифа, имевших примесь берберской крови, укрылись в своих цитаделях; по слухам, собирали воинов и даже позвали на подмогу своих родичей из Северной Африки. В любой момент из Алжира или Марокко мог прийти враждебный флот и подняться по реке. А пессимисты поговаривали, что могут протянуть свою лапу и египетские Тулуниды, которые вообще не арабы, а тюрки-степняки.

Имея такую перспективу, городские христиане, а также иудеи из Худерии, кордовского гетто, тоже начали оценивать свои силы. В правление покойного халифа власти были жестоки по отношению к тем, кто отрекся от *shahada*, и тем, кто хотел стать мучеником за веру. Это выглядело почти отеческой заботой по сравнению с непредсказуемой и бессмысленной жестокостью тюрков или берберов, рвущихся доказать свою верность религии, которую они так недавно и лукаво приняли.

Лучше хоть какой-нибудь халиф, чем совсем без халифа, говорили друг другу самые мудрые люди города. А лучше всего халиф, который устраивал бы всех. Но где взять такого? После разгрома армии халифа в городе одним из первых появился юный Мухатьях, ученик Ибн-Фирнаса, он скакал всю дорогу без отдыха с тех пор, как халиф умер у него на руках, — по крайней мере, так он утверждал. Мухатьях высказывался в пользу Гханьи, старшего из неродных братьев халифа, его доверенного посла в экспедиции на Север. Гханья, кричал Мухатьях на всех рынках, Гханье можно доверить ведение войны. И не только войны против христиан. Против северных *majus*, язычников-идолопоклонников, которые обманули халифа и стали причиной поражения и несчастий. Но самое главное, против лишенных веры, тайных предателей. Разве не видел он, Мухатьях, собственными глазами (и с

помощью изобретения своего мудрого учителя), как перебежчики из армии халифа выстроились перед боем в первых рядах неверных и пожирали свинину? А сколько еще тайных пожирателей свинины прячется на улицах Кордовы? Вырвать их с корнем! Вместе с христианами, которые их укрывали, пользуясь неразумной добротой покойного халифа. Взять их в рабство, выслать их из города, посадить на кол тех, кто отрекся от своей веры...

— Слишком многих уже посадили на кол, — заметил бывший начальник конницы Ибн-Маймун своему родственнику Ибн-Фирнасу, когда они ели виноград в прохладе стоящего на берегу реки особняка мудреца. — Как заставить людей сражаться, если их товарищей каждый день тащат на расправу и каждую ночь слышны их стоны и крики? Нет, конечно, он твой ученик и сын брата моей матери...

— Но он не доучился, — ответил мудрец. — Сдается мне — хотя я безупречный приверженец шариата, — что настала пора для небольшого послабления. Другие ученые люди со мной согласны, один из них — Ицхак, хранитель свитков. Хотя и не желая доходить до таких крайностей, до каких доходит секта суфиев, он вспоминает, что некогда в Багдаде существовал Дом Мудрости, и этот дом процветал под властью мутазилитов. Почему же в Кордове не может быть того, что было в Багдаде?

— У нас имеются и другие сообщения о том, что случилось после битвы, после того, как я и мои люди вынуждены были отступить, — сказал Ибн-Маймун. — Часть женщин халифа сбежала от захвативших их христиан, сушей и морем добрались они до Кордовы. Одна из них по рождению христианка, так что в ее преданности нельзя усомниться, ведь она отвернулась от веры отцов. Еще одну я взял в свой гарем, очаровательную черкешенку. Они тоже считают, что суровость халифа была чрезмерна и это объясняется его... э-э... мужской слабостью. Они также утверждают, что халиф напрасно во всем полагался на твоего ученика.

Ибн-Маймун бросил взгляд украдкой, чтобы выяснить, как воспринят его намек.

— Он больше не мой ученик, — твердо заявил Ибн-Фирнас. — Я лишаю его моей защиты.

Ибн-Маймун откинулся на подушки, вспоминая все вы-

слушанные им от Мухатьяха угрозы и оскорбления и размышляя, кто из его людей лучше справится с задачей навсегда прекратить болтовню юного недоучки, а Ибн-Фирнас продолжал:

— Не присоединишься ли ты, когда у меня соберутся Ицхак и мои ученые друзья, чтобы послушать поэзию и музыку, побеседовать о том о сем?

— Непременно приду, — сказал Ибн-Маймун, отвечая любезностью на только что предоставленную ему свободу разобраться с Мухатьяхом. — И приведу с собой моего друга кади, — добавил он, подчеркивая, что готов со всей серьезностью отнестись к общему делу. — Кади очень озабочен положением в городе. Твоя поэзия поможет ему успокоиться. И разумеется, в стенах города только у него есть значительные вооруженные силы.

В полном взаимопонимании двое мужчин слушали песню рабыни и размышляли, один — об отмщении и власти, другой — о свободе и независимости ученых людей от невежд и фанатиков.

В Риме известие о выигранном сражении было встречено с радостью, звоном всех колоколов и пением «*Te Deum*». Поступившие чуть позже новости о том, что император разыскал Святой Грааль и поклялся возвести одного из своих советников на престол святого Петра, были восприняты совсем по-другому. Если бы все шло, как задумывалось, нынешний папа Иоанн VIII, изнеженный отпрыск влиятельной тосканской семьи, вообще бы ничего не успел узнать, судьба пришла бы к нему раньше, чем эта весть. Однако где-то по пути между лагерем императора и Ватиканским холмом произошла утечка информации. Кто-то, все еще хранивший преданность, предупредил папу, и тот, без промедления созвав самых верных, приготовился бежать из ставшего опасным Святого города в одно из семейных поместий. Когда новости услышал Гюнтер, некогда архиепископ Кёльна, а ныне кардинал при Ватикане, он отправился вместе со своим бывшим капелланом Арно и дюжиной германских мечников из своей охраны, чтобы успокоить папу и продержать его в изоляции до выяснения воли императора, но столкнулся с численным превосходством итальянских дворян, родственников

и сторонников Иоанна. Стороны обменялись вежливыми приветствиями и изложили свои резоны, а командиры стражников оценивали друг друга. «Стилеты и надушенные волосы, — отметил германец, — значит, потайные ходы и удары в спину. А у нас нет ни кольчуг, ни щитов». «Неповоротливые прямые мечи и разящий запах лука, — подумал итальянец, — однако готовы пустить в ход и то и другое». Стороны разошлись, рассыпая заверения в дружбе и взаимопонимании.

Несмотря на просьбы не покидать свою паству, папа решительно оставил свой собор на холме, уехал из Рима. На фоне поздравлений с очередной победой Империи и выражаемой по этому поводу радости Гюнтер захватил контроль над курией, изгнал кардиналов, не принадлежащих к его нации и к его клану, стал готовиться к предполагаемым выборам нового папы. Он мог бы пойти еще дальше, но известие, что император остановил свой выбор на английском дьяконе Эркенберте, вызвало у Гюнтера некоторое разочарование в его детище, Ордене Копья, да и в самом императоре. Эркенберт — верный товарищ, это неоспоримо. Но папа Римский? Ранее Гюнтеру уже не раз приходила на ум другая, более подходящая кандидатура на этот пост в лице человека, который был одним из князей Церкви, а не простым дьяконом. Тем не менее было бы крайне желательно, чтобы место действительно освободилось, с этим нельзя не согласиться...

Но для этого понадобится армия. Впрочем, армия императора уже на подходе, движется вдоль прибрежных областей южной Франции и северной Италии, вот-вот войдет в Рим. По крайней мере так говорят.

В прохладной подземной пещере, где раньше была давильня оливок, Шеф внимательно рассматривал ряды крошечных свинцовых брусочков, плотно заклиненных в стальной раме. Он не пытался читать их. Читать он по-прежнему умел плохо, тем более недоступно для него было зеркальное изображение текста на незнакомом языке. В подобных вопросах он целиком полагался на Соломона. Шеф проверял только техническое исполнение. Литеры закреплены надежно, все имеют одинаковый размер и высоту. В конце концов Шеф удовлетворенно кивнул и отложил доску.

После рассказа Альфлед о печати халифа идея ставить на бумагу что-то вроде клейма сформировалась у них достаточно отчетливо. Но от клейма требуется только указать на владельца скота, и для этого достаточно одного-единственного знака. Скоро им стало очевидно, что тавро, состоящее из двухсот слов, потребует для своего изготовления целые годы работы и сразу станет бесполезным, если надо будет сделать хотя бы одно изменение в тексте. «Сделай отдельные печати или клейма, или как ты их назовешь, для каждого слова, как это было на факсимиле халифа», — предложил Шефу Соломон. Однако и от этого способа они отказались, как только прикинули, сколько нужно трудиться, чтобы вырезать все слова, причем некоторые — несколько раз. Тогда Шеф решил делать маленькие брусочки для каждой буквы, и с тех пор дело пошло. Искусные ювелиры вырезали на меди изображения букв и оттискивали в глине литейную форму. Затем в обожженную глиняную форму лили расплавленный свинец. И так снова и снова, пока кассы не наполнились свинцовыми литерами.

Первое же испытание показало, что буквы надо было вырезать в зеркальном изображении. Затем возник вопрос, как закрепить литеры. И как сделать такие чернила, чтобы смачивали свинец, но не расплывались на бумаге. Самой простой задачей оказалось придумать приспособление, которое прижимало бы закрепленные литеры к бумаге, целую страницу литер, а не один брусочек с подписью, как это было у халифа. Давильные прессы были известны на всем средиземноморском побережье, ведь основными продуктами местного земледелия были вино и оливковое масло, и то, и другое нужно было выжимать из ягод. Шеф просто взял оливковый пресс и подложил стальной лист под рамку с набранными литерами.

Пришла пора для полномасштабных испытаний. Наборная доска находилась в прессе. По поверхности литер похлопали вымоченной в чернилах матерчатой подушечкой и аккуратно наложили на доску лист белой бумаги. Шеф кивнул Соломону, которому уступил честь первого испытания. Соломон положил сверху на бумагу дощечку и нажал на рычаг пресса. Шеф предостерегающе поднял руку. При слишком сильном давлении краска попадет даже на пустые места, замажет весь текст. Шеф взмахнул рукой, Соломон раскрыл пресс, а Свандис вынула отпечатанный лист. Шеф игнорировал возгласы восхищения, подложил еще один лист бумаги и снова подал знак Соломону. И еще раз. И еще раз. И еще. Только через десять оттисков он остановился и повернулся к Свандис.

— Мы не хотим узнать, работает ли машина, — сказал он. — Мы хотим узнать, работает ли она быстрее. Если машина не быстрее артели переписчиков, то все это ни к чему. Пока машина оказалась не быстрее, если учесть все время, которое мы затратили.

Свандис передала ему отпечатанный лист. Шеф на него едва взглянул и передал Соломону, а тот внимательно прочитал текст.

— Кажется, все правильно, — задумчиво сказал Соломон. — А что касается скорости... Мы только что отпечатали десять страниц за время сотни ударов сердца. Опытный переписчик может сделать, скажем, сорок страниц в день. Сотня ударов сердца, и три человека выполнили двухчасовую работу опытного переписчика. Я не могу сказать...

— Я могу, — перебил его Шеф, поворачиваясь к своему приспособлению с костяшками на проволочках. Он защелкал костяшками с быстротой, которая приобретается лишь постоянными упражнениями. — Три тысячи ударов сердца за час, — бормотал он. — Скажем, двадцать пять тысяч за рабочий день. Двадцать пять тысяч разделить на сто и умножить на десять... — Он выпрямился. — Три человека могут выполнять работу шестидесяти переписчиков. Это когда брусочки уже набраны. Брусочки, так мы их называем?

— Называй их литерами, — сказала Свандис.

— Шестьдесят писцов, — с изумлением повторил Соломон. — Это же значит, что каждый ребенок может получить свой Талмуд. Подумать только!

«Больше Талмудов — не значит больше веры», — подумал Шеф, но ничего не сказал.

Когда Соломон вечером вел по улицам Септимании мула, загруженного кипами свежеотпечатанных листов, навстречу ему попался многоученый Мойша. Ни одна книга еще не ускользнула от взгляда Мойши. Он выхватил листок и с подозрением осмотрел его.

— Это писал не иудей, — сказал Мойша. — И кто бы это ни писал, он полный профан. Буквы неправильного начертания, и все стоят по отдельности, как у школьника. — Он понюхал бумагу. — Да еще и пахнет сажей.

«Это нужно, чтобы чернила не расплывались», — подумал Соломон, но промолчал.

— Это на романском языке, — добавил Мойша обвиняюще. — Я знаю латинский алфавит, но ведь это даже не латынь!

Лишь глубоко укоренившееся уважение к письменности удержало его от того, чтобы бросить паскудный листок на землю, однако он с презрением им размахивал.

— О чем здесь говорится?

— Это более подробное изложение того, что Единый Король диктовал тебе и остальным писцам несколько недель назад. Критика христианского вероучения. У меня здесь сотня экземпляров. Завтра я сделаю еще пять сотен на латыни для более образованных верующих.

Мойша засопел, разрываясь между неодобрением нападок на религию вообще и одобрением критики христианской религии в частности. В глубине души он верил, что каждый должен придерживаться веры своих отцов, и тогда тех, у кого она правильная, ждет заслуженная награда, а те, кому не повезло, будут наказаны вместе со всеми своими предками.

— Пять сотен? — переспросил он. — Для этого не хватит переписчиков всей Септимании.

— Тем не менее я их сделаю, — ответил Соломон. — Большую часть из них заберет Единый Король, чтобы распространять на христианских островах, которые собирается обойти, — боюсь, что его люди по профессии пираты и намерены поживиться именно сейчас, когда христианская армия ушла.

— А остальные?

— Остальные будут у меня. Я их разошлю туда, где они принесут больше всего пользы.

«Или больше всего вреда, — подумал он про себя. Ведь эти книги направлены против других книг, они предназначены для того, чтобы люди книги отвернулись от своей Библии, что на их языке и значит «книга». Но вряд ли стоит говорить об этом многоученому Мойше. Он никогда не научится использовать ученость таким образом».

А Единый Король уже был в море, направляясь к острову Мальорка, и весь объединенный флот выстроился вокруг флагмана в походном порядке. Шеф наблюдал, как летная команда бьется с его новым, чрезвычайно неуклюжим изобретением. Рядом стоял Толман с крайне неодобрительным выражением лица.

— Повтори-ка еще разок, — сказал Шеф мальчику, — о чем я должен помнить.

— Во-первых, удерживайте открытый конец, тот, который пошире, по направлению ветра. Чтобы ветер бил вам в лицо. Если ветер сместится, то и вы смещайтесь. — И паренек с важным видом стал водить руками короля. — Если ветер пойдет выше, поверните руки вот так. А если он окажется снизу, то вот так. Хвостовое оперение работает как навесной руль, это вы сообразите. Самое главное — если вы почувствуете, что что-то пошло неправильно, значит, уже слишком поздно. Нужно все время двигаться, никогда не останавливаться. Как птица. Этому сразу не научишься, — снисходительно заметил мальчик. — Я сам сколько раз падал в море.

Прислушивающийся к их беседе Квикка про себя подумал: насколько же легче выдержать такое падение ребенку весом в шестьдесят фунтов по сравнению с воином втрое тяжелее. Но из долгого опыта он усвоил, что Единый Король не придает значения возможностям неблагоприятного исхода. Ну по крайней мере плавает король неплохо. Квикка лично заточил поясной нож Шефа до бритвенной остроты, на случай, если королю придется срочно высвобождать себя в воде из упряжи. Бранд отобрал дюжину лучших во всем флоте пловцов, включая себя, и разместил их парами на кружащих спасательных судах.

Но все равно эксперимент казался обреченным на провал. С помощью счетов Шеф рассчитал конструкцию нового змея с площадью поверхности в четыре раза больше, чем у змея Толмана. Змей вышел так велик, что выступал за борта и за корму «Победителя Фафнира». Первая трудность заключалась в том, что из-за веса Шефа могла сломаться хрупкая подставка, на которую был водружен змей. Король приказал сделать для себя подмостки, чтобы опираться на них до того момента, когда ветер, как он надеялся, подхватит его.

Ветер, во всяком, случае дул сильный. Все корабли фло-

та, которых ныне насчитывалось свыше шестидесяти, на гал-се бакштаг левого борта развивали скорость бегущего человека или даже пустившейся в легкий галоп лошади. Привычная синева неба была так же безоблачна, как всегда, но имела более темный оттенок. Ордлав предсказывал шторм, хотя все считали, что шторм в этой теплой луже и сравнивать нельзя с «делателями вдов», налетающими на корабли в северных морях. В своих вычислениях Единый Король силу ветра тоже учитывал.

— Готов, — сказал Шеф. Он взобрался по короткой приставной лесенке — на этот раз по настоящей лесенке, а не по допотопному градуалю — и полез ногами вперед в кожаную сбрую. Дерево гнулось и трещало. Моряки стартовой команды с тревогой посматривали на крепления, а работающие на лебедке проверяли подвижность ворота. Змей, который только что рвался в небеса, застыл в зловещей неподвижности, словно налился свинцовой тяжестью.

Шеф ухватился за рукоятки управления, вертел их повсякому. Он тоже почувствовал, что змею не хватает подъемной силы, и недоумевал, что же будет дальше. Что, он так и будет здесь лежать, будто свиная туша? Или стартовики просто перебросят его через борт, и он рухнет вниз, как тот дурак в перьях, что спрыгнул весной с башни Дома Мудрости?

Шеф посмотрел на окружающие его встревоженные лица. В одном можно быть уверенным. Ждет ли его успех или неудача, в возможности для человека летать никто не усомнится. Половина моряков из летной команды, половина как минимум, носила на шее новые амулеты в виде крыльев Вёлунда, или, как называли его англичане, Вейланда. Эти люди с гордостью считали себя летунами. Об этом они не забудут. Шеф создал новую профессию. Несколько новых профессий.

— Готов, — повторил он.

Восемь самых высоких моряков подошли к змею, разом присели, и каждый ухватился обеими руками за раму. Теперь команды отдавал Квикка, руководитель старта.

— Подъем! — крикнул он.

Восемь стартовиков одновременно выпрямились и выбросили руки высоко над головами: вес был невелик, сильные мужчины могли бы поднять его вдвоем, а Бранд или Стирр —

даже в одиночку. Но важно было сохранять равновесие. Квикка поглядел на людей с лебедками, столпившихся у подветренного борта, огромный змей вытеснял их с палубы, однако они удерживали тросы и готовы были вытравливать их. Опытный Квикка выжидал, пока не увидел, что ветер подхватил змея, подталкивает его снизу.

— Пуск!

Восемь стартовиков отклонились назад, как шатуны взведенных катапульт, и выбросили змея вперед и вверх, на волю ветра. Шеф почувствовал толчок и тут же понял, что змей под ним заваливается назад. Ветер подхватил машину, но нес ее вниз, ниже борта «Победителя Фафнира», чтобы обрушить в море и превратить в мешанину порванных растяжек и сломанных планок. Шеф крутанул первую попавшуюся рукоятку управления, почувствовал, что змей угрожающе нырнул вниз, увидел разинутые рты моряков, столпившихся у подветренного борта. Повернул другую рукоятку.

Боковые крылышки повернулись, ветер сильнее ударил в огромные плоскости из провощенного хлопка, начал толкать машину вверх. Преодолевая тянущую ее вниз тяжесть пилота, громоздкая конструкция набирала высоту. Люди на лебедках почувствовали натяжение тросов, принялись медленно и осторожно их вытравливать, каждый старался держать трос слегка натянутым, но не препятствовать подъему. У них был большой опыт в этом деле.

Шеф старался вспомнить, что говорил ему Толман, и даже пытался выполнить указания мальчика. Ветер ниже направления взгляда, повернуть рукоятку вот так. Нет, выше, повернуть назад. И все время его заносило бортом к ветру, и он двигал зажатую между коленями рукоятку хвостового оперения — нет, нет, в другую сторону.

На краткий миг полет уравновесился, и Шеф исхитрился взглянуть вниз. Под ним покачивался на волнах флот, словно стайка детских корабликов в пруду, на каждой палубе виднелись обращенные вверх лица. Он видел их отчетливо, на одном из спасательных судов в подветренной стороне узнал Бранда. Может быть, помахать рукой, крикнуть что-нибудь?

Ветер только и ждал, когда летун хоть ненадолго отвлечется. Змей начал разворачиваться носом вверх, моряки у

двух соответствующих тросов попытались наклонить передний край рамы обратно, и в этот момент Шеф дернул за рукоятку управления.

Зрители увидели, что змей клюнул носом, неожиданно завалился вправо, потерял ветер и подъемную силу и словно куча тряпья рухнул в море. «Победитель Фафнира» развернулся к месту падения, моряки стали наматывать на вороты ведущие к змею тросы. «Нарвал» Бранда уже опередил их, пловцы попрыгали с борта в воду и устремились к покачивающемуся на волнах змею.

Шеф встретил их в воде.

— Мне не пришлось перерезать веревки, — сказал он. — Я просто выскользнул. Вытаскивайте его, — крикнул он Ордлаву на приближающийся «Победитель Фафнира», — и проверьте, много ли поломок.

— И что теперь? — спросил Квикка, подхватывая взбирающегося на борт короля.

— Теперь, само собой, попробуем еще раз. Сколько времени Толман учился летать?

— Толман научился летать, а тебе-то зачем? — возразил Квикка. — Просто для забавы?

Шеф посмотрел на него сверху вниз.

— Да нет же, — ответил он. — Мы должны делать все, что только возможно. Потому что есть люди, которые тоже стараются изо всех сил. И отнюдь не для того, чтобы облегчить нам жизнь.

Император внимательно рассмотрел чертежи, которые принес ему Эркенберт, но они ни о чем ему не говорили. Император мог мгновенно оценить участок земли, доспехи и оружие, скаковую лошадь и ее упряжь. Но он так и не научился соотносить начертанное на бумаге с реальностью.

— Для чего это? — спросил он.

— Это позволит нам в полтора с лишним раза сократить время перезарядки нашей новой катапульты. Ты видишь, — Эркенберт постучал по чертежу, — трудность всегда была в том, чтобы поднять короткое плечо, плечо, на котором находится противовес. Если бы мы делали это быстрее... — Он не окончил фразы. Если бы он делал это у стен Септимании быстрее, он успел бы выстрелить три раза и разбить ворота,

прежде чем противник сумел бы ему ответить. Тогда была бы устранена причина самых крупных их неприятностей. — Так вот, — продолжал дьякон. — Мы испробовали разные способы, и в конце концов я стал поднимать противовес перекинутыми через блок веревками. А теперь я придумал еще установить по бокам рамы два огромных колеса. Внутрь каждого колеса залезают люди. Они наступают ногами на его ступеньки, колесо вращается, и таким образом перед ними все время оказывается новая ступенька. Вращение колес передается на шестерни, и те наматывают железную цепь. Цепь поднимает противовес.

— И будет эта штука работать?

— Я этого не могу сказать, пока мы в походе. Мне нужно время, чтобы найти кузнецов и сделать шестерни, а также колеса со ступеньками. Но это должно работать. У Вегеция есть такая картинка, так что идея подтверждена его авторитетом. — Хотя они говорили по-немецки, Эркенберт использовал латинское слово *auctoritatem*, которое происходит от слова «автор», означая нечто записанное и подтвержденное.

Бруно кивнул:

— Наш переход однажды кончится. Тогда мне понадобится твоя новая машина. Но на этот раз не одна машина. Скажем, шесть или дюжина. Мне надо вбить немного разумения в головы этих итальяшек. А может быть, и еще в коечьи головы. А теперь пойдем и посмотрим, чем порадует нас Агилульф.

Они вышли из императорского шатра и двинулись вдоль огромного лагеря, палатки были расставлены на ночь, но пока пустовали. Маршал Агилульф поджидал их. Эркенберт с профессиональным интересом взглянул на шелушащиеся волдыри и слой омертвевшей кожи, которые широким поясом пересекали шею и щеку Агилульфа, — следы греческого огня. После того как Агилульфа выловили из моря, он несколько недель провалялся в постели, мучаясь от боли и лихорадки. Удивительно, что он остался жив. Но неудивительно, что он сделался еще более замкнут и молчалив, чем раньше.

— Каковы сейчас наши силы? — спросил Бруно.

— В основном без изменений. Четыре тысячи всякого сброда. — Под сбродом Агилульф подразумевал ополченцев,

набранных в тех местах, где проходила армия императора, сначала вдоль испанского пограничья, потом вдоль побережья Южной Франции и по долинам севера Италии. По мере того как армия приближалась к Риму и престолу святого Петра, установился постоянный отток дезертиров, которых заменяли новыми рекрутами. Большинство из них не имели никакой боевой ценности в случае серьезного дела, и Бруно сам отослал прочь некоторых из них, например арабских перебежчиков, — пусть мародерствуют и поднимают смуту в собственной стране.

— Около пятисот пастухов-баккалариев. Они останутся с нами, пока им будет позволено грабить и насиловать вдали от дома.

— Пора повесить нескольких насильников, — хладнокровно сказал Бруно. — Я их всех повешу, когда они нам будут больше не нужны.

— Еще пятьсот франкских рыцарей и с ними сотня риттеров для усиления. Семьсот пеших *bruder*'ов. Дюжина онагров в артиллерийском обозе, к каждому приставлен человек Ордена, чтобы остановить расчеты катапульт, если они попытаются сбежать. Катапульт станет больше, когда у «святого отца» будет время их построить.

«Святой отец» было у Агилульфа единственной шуткой. Он относился к числу тех, кто от чистого сердца приветствовал предстоящее восшествие Эркенберта на престол святого Петра. После ночной атаки маленький дьякон перевязал раны Агилульфа, отпаивал от лихорадки настоем девичьей травы. Эркенберт никогда не прятался во время боя, никогда не выказывал страха. В тесном и замкнутом мире императорской армии постепенно сложились такие отношения, что за пределами этого мира уже никто не считался своими, ни германцы, ни франки, ни итальянцы. Национальность имела гораздо меньше значения, чем боевая дружба.

— Мы достаточно сильны, чтобы разбить язычников в этот раз? — спросил Бруно.

— Не думаю, что кто-то способен выдержать атаку риттеров Ордена. Но их могут перебить катапультами на расстоянии. В ближнем же бою наши *bruder*'ы — крепкий орешек. Но эти чертовы датчане тоже крепкий орешек.

— Они лучше вооружены?

— Наша тактика «бей щитом, коли пикой» против них не действует. Они слишком сильные и слишком быстро учатся. Ни один щит не выдерживает, когда они пускают в ход свои топоры. Все, что мы можем сделать, — держать строй и надеяться, что наши всадники нас выручат.

— И наши машины, — добавил Эркенберт.

— И то, и другое, — сказал Бруно. — Все вместе и все, что угодно. Лишь бы повергнуть наших врагов и оставить в мире одно только христианство, без соперников.

Глава 30

Приходский священник в Онсе, южнофранцузской деревушке недалеко от Каркасона, нервно выглянул в окошко своей маленькой хижины и снова уставился на написанный скверным почерком памфлет, который держал в руках. Страницы были бумажные, но этого священник не знал. И текст на них был напечатан, а не написан от руки, но священник не знал и этого. У него вообще была только одна книга — его требник для чтения служб. Впрочем, он и так помнил их наизусть. Кроме служб, священник знал «Отче наш», апостольский Символ веры, десять заповедей и семь смертных грехов. Этому он и учил свою паству.

А теперь появилась эта брошюрка, ее привез Гастон, погонщик мулов, который ездил из Онса в Каркасон и обратно, перевозя вино и масло, древесный уголь и ткани, незамысловатые украшения и безделушки. Все те немногочисленные товары, которые деревенские жители не в состоянии были производить сами и на которые могли наскрести несколько монет. Погонщик привез книгу и рассказал, что ее дал ему — причем дал бесплатно — какой-то человек на рынке. Гастон не умел читать. Он надеялся, что священнику книга понравится.

Теперь обязанностью священника было предать Гастона анафеме — хоть тот и не умеет читать, на него не похоже, чтобы он взял что-нибудь, не спросив, что это. И тогда приедут дознаватели от епископа и начнут пытать Гастона, чтобы узнать имя или описание человека, которого тот встретил на рынке. А если это не удовлетворит их, то еще чье-нибудь

имя. А если и это их не удовлетворит — кто знает, какие показания заставят дать Гастона? Может быть, он заявит, что приходский священник послал его на рынок за этой книгой. За еретической книгой. Одно прикосновение к ней будет стоить священнику жизни.

Значит, предавать Гастона анафеме не следует. А книгу лучше выбросить. Но священнику трудно было выбросить любую исписанную страницу. Слишком редкими и ценными они были. И с другой стороны, в рассказанной в книге истории таилось какое-то странное очарование, соблазн. Может быть, этот соблазн — искушение от дьявола, ведь священник сам неустанно твердил прихожанам о хитроумных уловках Князя Тьмы. Но в книге говорилось, что дьяволом на самом деле был тот, кого христианская Церковь звала Богом. Отец, который послал Своего Сына на смерть. Что же это за отец такой?

Была еще одна причина, почему священнику не хотелось уничтожать книгу. Если он прочитал ее правильно (кстати, в книге была еще одна странность, текст был написан на диалекте, очень похожем на родной диалект священника и очень сильно отличающемся от церковной латыни, на которой священник сумел прочитать лишь несколько отрывков в годы своей учебы), если он прочитал книгу правильно, там говорилось, что Рай — это счастливая жизнь на земле, жизнь мужчины и женщины. У священника уже не раз возникали трения с епископом и с архидьяконом из-за его экономки Мари, которая жила в доме священника и скрашивала ему жизнь. Служитель Церкви должен жить в целомудрии и воздержании, твердили ему снова и снова. Иначе он наплодит незаконнорожденных детей и станет тратить на них церковную казну. Но Мари была вдовой, и в их пожилом возрасте детей у них уже быть не могло. Что здесь плохого, если в холодную ночь он и Мари окажутся под одним одеялом?

Епископ ошибается, решил священник, впервые в жизни отважившись иметь независимое мнение. Надо сохранить книгу у себя. Надо прочесть ее еще раз. Может быть, эта книга еретическая или ее объявят таковой. Но она отличается от учения еретиков с гор, которые злобно отрицают все плотское и настаивают, что мужчина и женщина чисты, только если не заводят детей. Хотя в книге говорилось, что

мужчины и женщины вовсе не обязаны плодить все новых и новых детей. Что существуют способы получить взаимное удовольствие, обрести Рай на земле, как это называлось в книге, не рискуя зачать ребенка. Виновато, но решительно священник вновь раскрыл маленькую, в восемь страниц, брошюру, принялся усердно изучать абзацы, в которых Шеф с помощью Альфлед и Свандис постарался как можно яснее изложить технику *carezza*, продления взаимного удовольствия.

Приходский священник в соседнем Понтиаке исполнил свой долг и сообщил куда следует как о самой еретической книге, так и о том прихожанине, который ее принес. Спустя несколько дней, когда подручные епископа в который раз пытались выбить из священника признание, что он сам участвовал в заговоре еретиков, он поклялся про себя никогда больше ни о чем не сообщать. И когда его, согбенного и прихрамывающего, словно старик, отпустили назад в деревню под строжайший надзор, он упрямо молчал. А когда вернулись домой прихожане, посланные воевать в армии императора, и принялись рассказывать о демонах в небе, о могуществе язычников и еретических чародеев, их духовный пастырь даже не попытался их одернуть.

Епископ Каркасона, прилагавший немалые усилия, чтобы изъять всю проникшую в его епархию еретическую литературу и истребить всех ее распространителей, в конце концов переслал собранные материалы архиепископу в Лион и запросил помощи в борьбе с крамолой. И подвергся суровому осуждению за сам факт существования последней. Ему было сурово указано, что ни в какой другой епископии не было столько крамолы, а в большинстве ее не было вообще. Должно быть, в его паству проникла зараза неверия. «А когда овцы запаршивели, — гневно вопрошал архиепископ, — кого в том винить, кроме их пастуха? Взгляни на Безансон! Там ереси нет и в помине».

На самом же деле епископ Безансона ознакомился с памфлетом не только на окситанском наречии, но и на латыни, и очень внимательно прочитал оба варианта. Епископ был крайне стеснен в деньгах: из-за своей стычки с покойным бароном Бежье он вынужден был выплатить в казну императора штраф в размере годового дохода — спина епископа все

еще помнила плетку ухмыляющегося германского священника, тот сек епископа каждый день, пока не прибыли деньги, которые пришлось взять в долг под грабительский процент, лишь бы положить конец истязаниям. И при этом жизнь епископу скрашивала не одинокая вдовая экономка, а целая стайка юных женщин. Их постоянные беременности приводили его в отчаяние, ведь у него уже было очень много детей, далеко не все матери соглашались отдать ребенка на попечение Церкви, тогда епископу приходилось за свой счет кормить и одевать маленьких, а взрослым давать деньги в приданое или на учебу. Идея о том, что даже молодой женщиной можно наслаждаться таким образом, что она от этого не забеременеет и будет вполне удовлетворена мужчиной далеко не первой молодости, если, конечно, тот посвящен в секреты *carezza*, — эта идея привела епископа в восторг, пересиливший всякий страх перед ересью. Судьба его собрата из Каркасона только укрепила епископа в таком мнении.

Действительно, как в землях, где говорили на окситанском наречии, так и в каталонских предгорьях у христианства были очень слабые корни. Когда это вероучение впервые пришло сюда во времена римского владычества, опорой Церкви были города, там господствующие классы стремились во всем подражать Риму, и епископы выбирались из знатных семей, рассматривавших Церковь как еще одно средство упрочения своего положения на этих землях, ведь светские власти не могли распоряжаться церковной недвижимостью. Вне городов жили *pagani*, то есть на латыни — те, кто обитал на *pagus*, на полях. В итальянском языке это слово превратилось в *paesano*, во французском — в *paysan*. Земледельцы, те, кто живет за городом, находятся вне влияния Церкви. Все три значения слова сливались в одно. Церковь была для крестьян враждебной, исходившей из городов силой, которая время от времени вмешивалась в их жизнь и кроме этого не значила почти ничего. На севере Франции и в Германии еще мог возникнуть энтузиазм по поводу крещения или крестовых походов. Здесь же, на Юге, деву Марию трудно было отличить от античной Минервы или трех безымянных кельтских богинь, которым поклонялись многие поколения до того, как *pagani* приучились говорить на сильно искаженном языке римских завоевателей. Так же нелегко

было усмотреть разницу между пасхальными службами и старинным оплакиванием умершего Адониса или обычаем легионеров приносить ягненка в жертву богу Митре. В стране, где книги были редкостью, они воспринимались в буквальном смысле слова как евангелие, как «благая весть»; здесь никто не мог повредить посеянным Шефом, Соломоном и Свандис семенам: наоборот, они упали на благодатную почву.

Ситуация в Андалузии была иной, но также довольно нестабильной. Ислам появился на Пиренейском полуострове только в 711 году, когда Омейяды пересекли Гибралтар, на их языке — Джеб эль-Тарик, сожгли свои суда, и воины услышали от командиров: «Позади у нас море, а впереди у нас неверные. Нам остается только победить или умереть!» И мусульмане победили, свергли недолговечную власть германских вандалов, от которых получила свое название Андалузия, и заняли их место. Однако, не считая тонкого слоя знати вандалов, а затем арабов, народ Иберии оставался в массе своей тем же самым. Многие с легкостью отказались от насажденной на закате Римской империи христианской веры, привлеченные мягкостью новой религии, которая не страдала вздорным фанатизмом Рима и Византии и требовала лишь произнести *shahada*, пять раз на дню помолиться и воздерживаться от вина и свинины.

И все же, хотя правление последнего халифа не давало поводов для недовольства, а тем более восстания, жизнь была лишена своей прелести. Какой-то необходимой загадки и таинственности. При Эр-Рахмане все меньше и меньше позволялось производить какие бы то ни было научные изыскания. Кордовская хирургия стала бы восьмым чудом света — если бы мир узнал о ней — точно так же, как открытия Ибн-Фирнаса и великий труд математика Аль-Хоризми, его «*Hisab al-Jabr wa'l Mugabala*» — «Книга о том, как сделать неизвестное известным». Но о ней знали немногие, хотя за ее практические приложения ухватились бы торговцы и банкиры. Дом Мудрости в Багдаде был тридцать лет назад закрыт теми, кто настаивал, что нет мудрости, кроме Корана, и Коран нужно запоминать, а не обдумывать. Для некоторых, для ученых людей, прекращение научных изысканий было мучи-

тельно. Для других, для освобожденных от преследований, но не от уплаты специального налога христиан, каждый крик муэдзина звучал как личное оскорбление. Для большинства же религия мало что значила. Впрочем, если таким образом удастся избавиться от ряда ограничений, если в решениях городских кади станет поменьше религиозной строгости и сухого аскетизма, а побольше здравого смысла — что ж, пусть тогда мудрецы, если хотят, спорят о том, Аллах ли более вечен, чем Коран, или Коран так же вечен, как Аллах. Мир, разумное правительство и честное распределение воды в ирригационные каналы — вот все, что требовалось большинству.

— Не думаю, что Гханья годится, — сказал как-то Ибн-Фирнас своему приятелю и родственнику Ибн-Маймуну. — В конце концов, он наполовину бербер.

— Не думаю, что среди нас остался хоть один чистокровный курейшит, — ответил тот.

— Мог бы подойти мой ученик Мухатьях, — предложил мудрец. — Он из хорошего рода, и я имею на него влияние.

— Слишком поздно, — ответил бывший начальник конницы. — Мы, армия покойного халифа, перед лицом городского кади обвинили Мухатьяха в лжесвидетельстве. К нам присоединились отцы многих из тех, кто был из-за него посажен на кол. Ему повезло. Поскольку он был твоим учеником, кади приговорил его только к казни на кожаном ковре, а не к побиванию камнями и не к казни на колу. Но он стал вырываться из рук конвоиров и умер в бессильной злобе, без достоинства.

Ибн-Фирнас вздохнул не столько из-за смерти юноши, сколько из-за крушения надежд.

— Кто же тогда? — спросил он после приличествующей паузы. — Мы не можем просто взять одного из губернаторов провинций, остальные сразу же этому воспротивятся.

Ицхак, хранитель свитков, выпил холодной воды, которая была лучшим из напитков в последние дни обжигающего испанского лета, и нарушил задумчивое молчание:

— Мне кажется, что нет необходимости принимать поспешные решения. Император Римский ушел от наших границ, он разыскал свою нелепую реликвию, так я слышал. Нам нет нужды в единовластном правителе. Почему бы нам

не послать в Багдад просьбу к потомку Абдуллы назначить для нас наместника?

— Это займет целую вечность! — воскликнул Ибн-Маймун. — Пока еще просьба дойдет до Багдада, а сколько времени там будут принимать решение! Да и губернаторы провинций не примут того, кого пришлет нам Аббасид.

— Но в это время будет возобновлен подвоз провизии, — подчеркнул Ицхак. — А править будет Совет. Совет Мудрых. Конечно, только в качестве временного правительства. Однако за это время он может ввести такие ценные государственные установления, которые не сможет отменить ни один будущий халиф. Например, Дом Врачей. Дом Математиков.

— Башня Астрономов, — откликнулся Ибн-Фирнас, — с большими подзорными трубами для изучения звезд.

— Новая система доставки воды к побережью от горных источников, — предложил Ибн-Маймун. — Землевладельцы дадут за это немало денег — если будут уверены, что заплатят все и все получат свою долю.

— Библиотека, — сказал Ицхак. — В которой будут книги греков, а не только мусульманские. Переведенные на арабский язык, чтобы любой мог прочитать. И на латынь тоже. Если кто-нибудь усомнится, зачем это сделано, мы сможем сказать, что хотим обратить румейцев в нашу веру с помощью аргументов, а не одним огнем и мечом. И родственных нам семитов тоже.

— Я слышал, — заметил Ибн-Фирнас, — что вокруг этой императорской реликвии поднялась какая-то суета, которая может нанести сильный удар по христианской вере. Слухи об этом принесли торговцы с севера.

Ицхак безразлично пожал плечами:

— Для такой веры сильный удар не потребуется. Но давайте условимся, что наша вера должна будет подтверждаться рассудком. И делать это будет Совет Мудрых.

— Утром мы поговорим с нашими друзьями, — согласился Ибн-Маймун. — Пусть бербер Гханья последует за дураком Мухатьяхом, и все устроится.

Флот Пути встал на якорь в заливе Пальма на острове Мальорка, в том самом месте, где весной стоял арабский флот и где он был уничтожен греческим огнем. Рыбаки уже

нарисовали для северян картинки всего, что тогда произошло, и обеспокоенный Шеф позаботился, чтобы воздушный змей постоянно находился в воздухе и Толман с тремя другими юнгами по очереди нес вахту в небе не в свободном полете — после смерти Уббы и Хелми на такой риск больше не шли, — а благополучно паря на привязи в потоке легкого бриза.

Вскоре после попытки Шефа самому летать на змее Средиземное море на деле доказало, что в нем бывают штормы; у северян до сих пор немного кружилась голова. Впрочем, шторм дал им то преимущество, что они смогли подойти незамеченными почти к самому берегу Мальорки. Стремительно высаженный на остров десант состоял из опытных пиратов под командой Гудмунда, они сразу же сумели захватить христианский собор и обнаружили в нем склад награбленного. Первоначально сюда свозили свое добро христианские феодалы, затем наступил короткий период мусульманского владычества, а под конец остров отвоевали войска императора и его греческих союзников, и поток военной добычи хлынул в собор с удвоенной силой. Оставленные императором войска беспорядочно отступили во внутренние части острова. Люди Пути, которые получили строжайший приказ без нужды не применять силу и действовали под надзором жрецов, вскоре выяснили, что у войск христиан нет ни малейшей надежды найти себе союзников среди местного населения, хотя формально оно придерживалось христианского вероисповедания. Соломон же сообщил, что привезенные им еретические брошюры на окситанском наречии и на латыни были охотно и с большим любопытством приняты христианскими священниками: уроженцы острова, они никогда не встречали книг, написанных на их родном диалекте, а окситанское наречие было чрезвычайно на него похоже.

Однако Соломон не задержался, чтобы проследить за опытом, который собирался сейчас поставить Шеф. Выразив крайнее неодобрение, исчез по своим делам и Торвин, а вместе с ним Ханд и Хагбарт. В качестве переводчика у Шефа теперь оставался только Скальдфинн. Провидец Фарман тоже приготовился к наблюдениям.

Еще в Септимании все части машины для получения греческого огня были с величайшей осторожностью, чтобы не

повредить баки и не погнуть трубки, сняты с полузатопленной галеры и аккуратно сложены в трюме «Победителя Фафнира»; по приказу Ордлава специальный человек день и ночь охранял их от малейшей искры и проблеска открытого огня. А когда дело дошло до испытаний, Ордлав вообще взбунтовался. Шефу пришлось в конце концов позаимствовать у местных жителей большую рыбачью лодку, погрузить на нее агрегат и отойти в море на безопасное расстояние в четверть мили. Много часов король и Стеффи ходили вокруг да около машины, ощупывали каждую ее часть, прикидывали, какие функции она выполняет, то и дело напоминали друг другу о том, что следовало считать достоверно установленным. В результате им удалось прийти к единому мнению.

Они решили, что находившийся отдельно от остальных частей большой бак служил для хранения горючего. Идущий от него соединительный рукав явно должен был надеваться на штуцер на медном котле меньшего размера, но этот рукав служил только для перекачки горючего, когда медный котел был пуст. Во время работы машины штуцер, расположенный на верху котла, должен был соединяться уже не с топливным баком, а с другим устройством. И действительно, в захваченной машине к нему был присоединен загадочный аппарат, оказавшийся после разборки чем-то вроде мехов: внутри цилиндра ходил поршень, который, однако, не заталкивал в котел ничего, кроме воздуха.

— Получается, — буркнул Стеффи, — что воздух навроде имеет вес.

Вспомнив, с какой силой ветер бил в несущие поверхности воздушного змея, Шеф кивнул. Идея казалась нелепой, разве можно взвесить воздух на весах? Тем не менее из того, что воздух нельзя взвесить, еще не следует, что воздух вообще не имеет веса, — мысль, которую стоило запомнить на будущее.

Еще одной загадкой остался для них клапан на короткой трубке в верху котла. Трубка была заткнута на конце, но сбоку имела прорезь. В этом уж совсем не было никакого смысла.

И наконец, для чего же предназначалась расположенная под котлом топка с самыми обычными кузнечными мехами? Очевидно, для нагрева горючего в котле до рабочей темпера-

туры. Но зачем? Ни Шеф, ни Стеффи не знали слова для понятия «испарение», но им доводилось видеть, как кипит вода и как котелок может выкипеть досуха. А Шеф еще вспомнил опыты своего мастера Удда по получению зимнего эля путем перегонки пива.

— Некоторые жидкости кипят от меньшего жара, чем вода, — объяснил он Стеффи. — Возможно, так обстоит дело с этой жидкостью в котле. И значит, когда ты поворачиваешь вентиль, из огнеметной трубки выходит более легкое вещество, вроде того питья, которое Удд получал из пара от кипящего пива.

— Разве пар — это не просто вода? — осведомился Стеффи.

— Когда ты кипятишь пиво или вино, то нет, — ответил Шеф. — Самое сильное вещество выходит раньше всего, раньше воды. Это противоположно тому, как получают зимний эль. На морозе вода замерзает раньше других жидкостей, а на огне закипает последней.

Произнеся эти слова, он замер, вспомнив, что говорил ему Локи. Как там звучал его пароль? *«Лучше всего она зимним утром»*. Шеф не понимал до конца, но почувствовал здесь какую-то связь с загадкой испаряющейся жидкости. Это надо запомнить. Если пароль поможет... тогда Шеф окажется перед Локи в долгу. Должен будет и в самом деле осуществить свой замысел. Это будет честная проверка и честная плата.

За всеми их действиями следил скорбно поджавший губы греческий *siphonistos*, пленник с захваченной галеры.

— Мы собираемся начать испытания, — сказал Шеф Скальдфинну. — Всем лишним лучше перейти на шлюпку.

И грек тут же повернулся и потянулся к бакштову, которым была привязана шлюпка.

— Значит, он немного понимает наш язык, — сказал Шеф. — Спроси его, почему он не хочет помогать нам.

— Он говорит: «Вы все варвары».

— Скажи ему, что варвары привязали бы его к котлу, чтобы ему первому досталось, если машина взорвется. Но мы не варвары. Он в этом убедится. Он будет стоять вместе с нами и рисковать не больше, чем мы. Остальные давайте-ка все с борта и отойдите на десять гребков. А теперь, — Шеф повернулся к Стеффи с тремя его помощниками и скомандовал с уверенностью, которой вовсе не чувствовал: — Зажигайте фитиль! На мехах, приготовьтесь и начинайте качать, когда огонь разгорится.

— Насос меня беспокоит, — пробормотал Стеффи вполголоса. — Я понимаю, что с его помощью делают, но не понимаю зачем.

— Я тоже. Но мы все равно попробуем. Начинай качать рукоятку.

Грек прижался к борту, с нарастающим страхом следя за приготовлениями. Одна мысль о вырывающемся наружу огне заставляла сжиматься все его внутренности. За время обучения ему несколько раз показывали, что бывает, когда перегреют котел. Эти варвары закрыли предохранительный клапан, они ведь не понимали, зачем он нужен. И, догадывались об этом варвары или нет, грек-то знал точно, что на лодке никто не уцелеет.

Со страхом за себя лично в нем боролся страх за свою веру и за свою страну. Варвары действовали с какой-то непостижимой уверенностью. Они долгое время изучали машину, испытывали разные ее части, работали осторожно и неспешно — совсем не как варвары, а как разбирающиеся в технике люди. А вдруг им все же удастся разгадать секрет греческой машины? Даже если так, напомнил ему внутренний голос, есть тайна, против которой их изобретательность бессильна: тайна горючей жидкости, текущей прямо из земли в Тьмутаракани, на дальнем берегу Черного моря.

Топка разгорелась, косоглазый варвар качал насос, потея от усердия. Греческий сифонист нутром чувствовал, как нарастает давление в котле. Давление должно быть высоким, но не выше определенного предела; сейчас давление и температура уже достигли рабочей точки.

Внимательно следя краешком своего единственного глаза, Шеф заметил у пленного грека признаки нарастающей тревоги. Грек боялся огня не меньше их самих. И он в отличие от них знал, когда положение станет катастрофическим. Хватит ли у него решимости встретить смерть, не дрогнув? Шеф был уверен, что грек так или иначе выдаст себя. И тогда он, Стеффи и остальные сразу бросятся к борту и нырнут в воду. Но грек об этом не знает.

— Качай еще, — приказал Шеф.

Он уже чувствовал, что тепло исходит не только от пы-

лающей топки, но и от самого котла. Жар нарастал, а греческий сифонист корчился от страха. Варвары не боятся, потому что они ничего не понимают! В конце концов он не выдержал. Схватив тряпку, он бросился вперед и повернул клапан на верхушке котла. Из прорези вырвался пронзительный свист.

— Вентиль! Нужно скорее открыть вентиль! — закричал внезапно научившийся говорить по-английски грек, сопровождая свои слова отчаянной жестикуляцией.

Шеф крикнул:

— Крути!

Один из помощников Стеффи решительно повернул вентиль, расположенный внизу котла, — вентиль, от которого шла огнеметная трубка. Шеф сразу же рукой почувствовал вырывающуюся из трубки обжигающую струю, ощутил едкий запах. Отступив назад, он вытянул руку и поднес к отверстию трубки запальный фитиль.

Огненное дыхание дракона вылетело на добрых пятьдесят футов, пламя упало на поверхность воды и прямо на ней продолжало гореть, испуская клубы черного дыма. Какое-то время казалось, что само море воспламенилось. Шеф и его помощник инстинктивно отпрянули от свирепого жара.

Опомнившись, Шеф снова крикнул:

— Крути!

Вентиль перекрыли, и ревущий поток огня иссяк. Стеффи тут же перестал качать воздушный насос, помощники около топки оттащили в сторону свои кузнечные мехи и скинули угли с колосника под котлом. Все пятеро отступили от греческой машины на самый край крошечной палубы и напряженно уставились на нее. Не слишком ли сильно они накачали котел? Не перекинется ли огонь с моря на судно? Через некоторое время Шеф услышал, как все они одновременно с облегчением перевели дух.

— Это какое-то масло, — сказал он.

— Навроде не оливковое, — сказал Стеффи. — Я пробовал его поджечь, и оно почти совсем не горело.

— Может быть, китовый жир, — предположил Шеф, вспомнив, как огненные стрелы королевы Рагнхильды подожгли запасы ворвани на далеком Галогаланде.

— Пахнет по-другому, — заметил второй помощник, бывший рыбак из деревни Ордлава, из Бридлингтона.

— Понятия не имею, что это за адская жидкость, — сказал Стеффи. — Но готов поспорить, что мы не сможем достать новой, когда наш запас кончится. Что ж, по крайней мере, мы теперь знаем, когда открывать выпускной вентиль. Этот свист из клапана служит предупредительным сигналом.

— Вы можете знать, как работать машина, — сердито закричал грек на прорезавшемся у него ломаном английском, — но *naphtha* есть только в одном месте на земле, и вы никогда ее не найти. И я вам не сказать, как вы меня ни пытать.

Шеф холодно посмотрел на него:

— В пытках нет нужды. Теперь у меня есть машина, а где найти для нее нефть, я знаю. Лучше всего она зимним утром, не так ли?

Сердце у грека упало. Варвары с легкостью освоили *siphon*. А теперь оказывается, что у них, возможно, есть и горючее. В конце концов, кто возьмется утверждать, что на варварском Западе нет своей Тьмутаракани? А если варвары заполучат обе половинки секрета, как сможет устоять против них Византия? И он может не сомневаться: как только станет известно, что тайна раскрыта, путь ему в Византию будет заказан. Каждый грек знает, когда приходит время переметнуться на другую сторону, и это время пришло.

— Послушай меня, одноглазый, — буркнул он. — За хорошую цену я готов указать на кое-какие твои ошибки.

Шеф спокойно кивнул, как будто только этого и ждал, и полез в карман своих штанов. Еще в Септимании он тайно сделал заказ серебряных дел мастерам и заплатил за него из своего кошелька.

— Стеффи, — сказал Шеф, доставая из кармана серебряные кулоны. — Я хочу, чтобы ты и твои люди носили эти амулеты.

— А те, которые у нас уже есть, их что, навроде снять? — спросил Стеффи, указывая на висящий у него на шее молот Тора.

— Да. Ты и один из твоих помощников носите молот Тора, те двое носят фаллос Фрейра, я ношу лесенку Рига. Но все это знаки, поразившие ваше воображение и скопирован-

ные у других. Я должен носить свою лесенку, потому что это знак моего отца, но вам следует носить знаки вашего ремесла, ведь теперь у вас новое ремесло. Это почетный знак, он отмечает вашу храбрость.

— А что это за знак? — спросил один из помощников, расплывшись от гордости. Большую часть своей жизни он был рабом. А теперь сам Единый Король говорит с ним, словно с великим воином.

— Это знак огня для людей, которые занимаются греческим огнем, факелами и прочим военным огнем.

Все четверо молча взяли пекторали, сняли старые и надели новые.

— А кто бог у воинов огня? — спросил помощник, работавший с кузнечными мехами.

— Бог огня Локи, некогда прикованный, а теперь освободившийся.

Взбиравшийся на борт Скальдфинн, услышав эти слова и впервые увидев амулеты огня, замер от ужаса. В поисках поддержки он оглянулся на Фармана, тот помолчал, а затем очень неохотно кивнул. Стеффи и его команда, все как один англичане и бывшие христиане, плохо знали священные предания Пути, поэтому имя Локи не вызывало у них никакой тревоги.

— Локи, — повторил Стеффи, стараясь запомнить. — Бог огня Локи. Неплохо иметь своего собственного бога. Мы будем его верными слугами.

Глава 31

Император уставился на брошюрку, которую сжимал в руках. Он умел читать, хотя и медленно, однако сейчас нужды в этом не было. Содержание памфлета было уже подробно разъяснено Бруно его верным наперсником.

— Откуда взялась эта чертова книга? — наконец спросил император. Бруно никогда не богохульствовал нарочно, не упоминал имя Господне всуе и не употреблял связанные с религией слова в переносном смысле. Вот и в этот раз, понял Эркенберт, он буквально имеет в виду, что лежащая перед ним книга — от дьявола. Это хорошо. Хуже обстоит дело с

ответом на его вопрос. Эркенберт уже успел сообразить: предатель-еретик, который выдал им Грааль и был награжден за это смертью, солгал, когда говорил, что существует только два экземпляра еретического Евангелия; его следовало бы оставить в живых. Но сейчас признаваться в допущенной ошибке ни к чему.

— Один из братьев нашел ее в доме священника. Да, да. — Дьякон успокаивающе поднял руку. — Со священником уже разбираются. Но я слышал, что эта мерзость теперь повсюду, она распространяется с дьявольской скоростью. И ведь ей верят. Люди говорят, что Грааль, который ты привез с собой и объявил той самой лесенкой, на которой наш Спаситель был перенесен в гробницу, они говорят, что само появление Грааля через столько веков доказывает, что в еретической книге рассказана правда. Копье — это смерть, говорят они, а Грааль — это жизнь. Это доказывает, что Иисус действительно остался жив, причем никогда и не покидал этот мир, а вовсе не вернулся в него. И нет никакого воскресения, нет жизни после смерти, нет наместников святого Петра, нет Церкви и нет нужды в ней. Так говорят даже некоторые священники.

Лицо императора сразу окрасилось в пурпурный цвет, но ему хватило рассудка сдержаться. Он понял, что дьякон высказал все это с какой-то целью, а не просто чтобы разгневать его. А может быть, вызвать гнев императора и было целью дьякона.

— Что ж, — сказал Бруно с неожиданной мягкостью, — полагаю, мы сможем добиться, чтобы люди перестали говорить об этом вслух. Но мы-то хотим, чтобы они перестали даже думать об этом. Уверен, что у тебя есть идея на этот счет. Слушаю тебя внимательно.

Эркенберт кивнул. Они давно были союзниками, партнерами в делах. Но дьякон не переставал радоваться, что ему наконец выпало сотрудничать с трезво мыслящим властителем.

— Идей у меня две, — сказал он. — Первая очень проста. Нам нужно организовать надежных людей, которые занимались бы только одним — выискивали ересь. Им нужно дать власти больше, чем позволяют существующие законы. Власть кнута и дыбы. Думаю, их организацию следует на-

звать *Inquisitio Imperialis*, императорская инквизиция, то есть «расследование».

— Согласен, — незамедлительно ответил Бруно. — А более сложная идея?

— Ты знаешь, когда впервые объединились Церковь и Империя? Ведь Римская империя, как тебе известно, первоначально была языческой, в ней христиан преследовали.

Бруно кивнул. Он помнил рассказы про святого Павла, как тот отправился в Рим на суд римского императора, который, по-видимому, был к нему враждебно настроен. Раньше Бруно не задумывался, что в Римской империи однажды произошла смена религии, но теперь, после слов Эркенберта, ему стало ясно, что такое событие должно было когда-то иметь место.

— Как ты знаешь, первым христианским императором был Константин. Императором его объявили в моем родном городе Эборакуме — в Йорке, как сейчас называют его обосновавшиеся в нем поганые язычники.

— Хорошее предзнаменование, — уверенно сказал Бруно.

— Будем надеяться. Константин постоянно боролся с мятежниками — как и ты, император, — и однажды в ночь перед битвой увидел сон. Во сне ему явился ангел, показал крестное знамение и сказал: «*In hoc signo vinces*» — «С этим знаком победишь». Император не знал смысла этого знака, но на следующее утро приказал своим людям нарисовать у себя на щитах крест и под знаком креста сражался и победил. Потом знающие люди разъяснили ему значение креста, Константин принял христианство сам и насадил его во всей своей империи. Но он сделал еще одну вещь, о император. Он подписал «*Donation*» — «Константинов дар». На этом документе основаны Церковь и обновленная Империя. Благодаря ему Церковь получила власть в этом мире. Благодаря ему Империя получила для своей власти благословение свыше. Именно поэтому император — помазанник Божий. А Римский папа должен утверждаться императором.

— Звучит неплохо, — сказал Бруно с некоторым скептицизмом, — но римских пап я назначаю без всяких документов. И власть моя проистекает из реликвий, которые я нашел — мы нашли. Зачем нам нужен этот «Дар»?

— Я думаю, что вместе с императорской инквизицией нам понадобится и новая грамота.

Бровь императора предостерегающе поднялась. Он успел понять, что цель разговора — заставить его силой сместить неугодного папу Иоанна и держать кардиналов под замком, пока они не проголосуют за нужного кандидата на освободившееся место. Император, хотя и не поставил Эркенберта в известность — Бруно не хотел, чтобы будущий папа оказался хоть как-то замешан в исчезновении прежнего, — уже послал усиленный военный отряд, чтобы разобраться с папой Иоанном, и отправил колеблющимся германским кардиналам жесткое письмо, в котором требовал от них проявить больше благоразумия самим и повлиять на своих итальянских собратьев. Но Бруно не понравилась идея о даре. Церковь и так уже достаточно богата.

— Это будет дар Империи от Церкви, — решительно заявил Эркенберт. — А не дар Церкви от Империи. Десятая часть церковных доходов будет передаваться государству на определенные цели. На борьбу с язычниками. На искоренение ересей. На войну с приверженцами Пророка. На войну с византийскими раскольниками. Нужно будет основать новые военные ордена во всем христианском мире, а не в одной только Германии. Организовать императорскую инквизицию для борьбы с недовольными и еретиками. Мы назовем этот документ «Даром святого Петра».

— Святого Петра? — рассеянно переспросил император, обдумывая заманчивые следствия из сказанного Эркенбертом.

— Я приму имя Петра, — решительно сказал дьякон. — Это было запрещено всем римским папам с самого начала. Но я возьму это имя не из гордости, а в знак уничижения, в знак того, что Церковь должна начать все заново, очиститься от своих слабостей и пороков. В подземельях Ватикана, в катакомбах, мы найдем документ, написанный самим Симоном Петром и выражающий его желание, чтобы Церковь преданно служила христианской Империи.

— Найдем документ? — повторил Бруно. — Но как можем мы найти там документ, если мы не знаем, есть ли он там?

— Я нашел Грааль, разве нет? — ответил Эркенберт. — Можешь на меня положиться, я найду «Дар святого Петра».

«Он имеет в виду, что собирается подделать его, — неожиданно понял Бруно. — Это нарушит все Божьи и человеческие законы. Но десятая часть церковной собственности... Жирных монахов и праздных монашек прогоним, доход с их земель пойдет на содержание армии... Наших *ritter*'ов и *bruder*'ов будем считать уже не на сотни... Разумеется, благая цель оправдывает недостойные средства».

«Это подлог, и он знает, что это подлог, — подумал Эркенберт. — Но он готов на него пойти. А того не знает, что «Константинов дар» — тоже подделка, и это видно любому образованному человеку, она написана на латыни совсем не того периода, каким датирована. И писал ее не иначе как франк, чтоб мне самому стать итальяшкой. Интересно, сколько вообще исторических документов — фальшивки? Вот в чем подлинная опасность таких книг. — Дьякон взял из рук императора брошюру еретиков, порвал и бросил в огонь. — Они заставляют людей задумываться, все ли книги непогрешимы. Это мы должны будем искоренить. Всего несколько книг, и каждая из них — священная, вот как мы должны устроить. А верны они или нет — это буду решать я».

Лениво поднимающиеся впереди по левому борту клубы дыма захватили внимание Шефа, как липкая паутина — сопротивляющуюся муху. Рейд флота прошел удачно, необыкновенно удачно. Острова Средиземного моря завоевывали часто, но, видимо, уже много лет не грабили по-настоящему. Возможно, завоеватели старались только обратить островитян в свою, истинную веру, а не получить с них прибыль. Сейчас корабли флота низко сидели в воде, не только из-за пополненных запасов провианта и воды, но также из-за груза церковных блюд, парчи и выкрашенных неизвестными красителями тканей.

Самой богатой оказалась дань, собранная с Мальорки и Менорки, с Ивисы и Форментеры, а также с Корсики и Сардинии, дань в золотых и серебряных монетах арабов, греков, франков, римлян и еще таких народов, о которых Шеф никогда не слыхивал и чьи надписи на монетах не могли прочитать ни Скальдфинн, ни Соломон. Идти ли теперь на Сицилию, расположенную совсем недалеко на юге за островом Вулькано с его огнедышащей горой? Или высадиться на берег материковой Италии? Даже Гудмунд стал поговаривать о том, как важно вовремя остановиться, пока равноденственные штормы не преградили долгую дорогу домой.

Неудовлетворенным пока оставался только Стеффи. Он с энтузиазмом отнесся к своему новому небесному патрону — богу Локи — и его амулету. Он больше не мог говорить ни о чем, кроме огня, и стал исповедовать принцип, о котором часто упоминал Шеф: в мире рассеяно больше знаний, чем обычно думают. Стеффи поставил себе целью узнать все, что только известно людям об огне и о веществах, которые горят, дымят или хотя бы светятся в темноте. В пленном греческом сифонисте Стеффи скоро разочаровался. Тот знал свое ремесло, это верно, и честно рассказал все, что знал, о черных нефтяных лужах на дальнем берегу Черного моря, о том, как добывают и очищают горючую жидкость, тонкую и прозрачную зимой, вязкую и липкую летом. Но, зная все это, грек мало интересовался заменителями горючего. От него скрыли тот факт, что у них на Западе не было таких месторождений нефти, какие были у греков на Востоке, а без заменителя горючего люди Пути могли рассчитывать только на оставшиеся полбака захваченной у противника нефти.

Стеффи не был обескуражен. Он говорил с греком, с Соломоном, с Брандом, с Шефом, снова с Соломоном, с командами рыбацких лодок, которые северяне перехватывали, расспрашивали и отпускали, а также со своими помощниками. Его монолог не прерывался и сейчас, когда он стоял на баке и вместе с Шефом смотрел на дым вулкана, но смотрел так, как любовник смотрит на заветное окошко.

— Понимаешь, это просто смешно, — твердил он. — Начнешь расспрашивать, и навроде каждый знает, что стоит развести костер на земле, взятой из конюшни, из пещеры или еще откуда-то, и огонь вспыхнет очень ярко. Тогда я стал спрашивать, а что еще так горит, и мне чего только не назвали. Соломон сказал, что у арабов есть жидкость, похожая на греческую *naphta*, но грек сказал, что это совсем другое вещество. Соломон сказал, что арабы делают

из своей жидкости факелы вроде наших, только кидают их руками, а не выстреливают из катапульты. Хотел бы я достать немножко такой *naphta,* а пока мы попробовали рыбий жир, селитру, воск... А потом один парень напомнил мне о гнилушках, они светятся в темноте, хотя и не горят. Соломон сказал, это называется *phosphor*, и если его взять очищенный, он так горит, что водой не потушишь, и его приходится соскребать с кожи. А грек сказал, они о таком слышали и пробовали смешивать со своим горючим, но ничего хорошего не вышло, то и дело получалась какая-то густая смола.

— Они смолу и в вино добавляют, — сказал Шеф.

— Просто они вино держат в смоленных бочках. Но такая смола горит, и еще янтарь горит, мне один парень сказал.

— На янтарные факелы нам денег не хватит, — сказал Шеф.

В ответ на шутку Стеффи нахмурился:

— Не хватит. Но у меня есть еще одна идея. Помнишь зимний эль и зимнее вино, которые делают у нас в Стамфорде, делают из собранного при кипении пара? Так вот, у одного парня оставалось немножко, и я у него купил. Зимнее вино тоже горит, и горит очень хорошо. А Соломон подошел и сказал, что арабы тоже делают такую штуку, они называют ее *al-kuhl.*

— Его послушать, так арабы все делают. И летают, и линзы изготавливают, алгоритмы изобрели, факелы мастерят, открыли *al-kuhl, al-jabr, al-kimi, al-gili.* Беда в том, что они все это никак не используют. — Шеф тоже наслушался Соломона и порядком устал.

— Ну вот, я хотел бы смешать все эти вещества, нефть, фосфор, «алкохуль», селитру и все прочее. Посмотреть, что получится. И древесный уголь тоже, мы все его знаем, а почему он горит лучше, чем дерево? Но больше всего я хочу посмотреть на здешние чудеса. Про эту огнедышащую гору много рассказывают. Там сгоревшие камни. И запах. Все говорят, что от горы идет странный запах. Это называется сера. Но знаешь, в болотах, откуда я родом...

— Я тоже, — вставил Шеф.

— ...там встречаются такие «свечки Вилли». Блуждающие огоньки, которые заманивают тебя в трясину. Говорят, что

они исходят от трупов. И запах тоже идет. Я подумал, раз дома у нас в конюшнях, в хлевах есть селитра, почему там не может быть и серы? Я хочу посмотреть. Попробовать их смешать.

Отблеск огня на вершине ночью и клубы дыма днем. Вот о чем Шеф старался поразмыслить. Это связано с каким-то из рассказов отца Андреаса о Священном Писании. Исход сынов Израиля из египетского плена? Отец Андреас говорил, что это образ христианской души, взыскующей небеса обетованные. Шеф, впрочем, не думал, что столб дыма, к которому приближался флот, был землей обетованной. Но Стеффи думал именно так. Возможно, с его мнением стоит считаться.

На некоторое время флот повернул в сторону рыбацкой лодки, быстро бегущей под косым латинским парусом. Лодка не пыталась скрыться, должно быть, уже разнеслась молва, что чужеземцы не грабят бедных, даже платят за полученные сведения. Действительно, лодка направилась навстречу флоту, развернулась и легла в дрейф с подветренной стороны. Скальдфинн и Соломон стали перекрикиваться с рыбаками, пригласили одного из них подняться на борт. Шеф терпеливо дожидался перевода.

Кажется, рыбак сообщил кое-что важное. У Скальдфинна появилось на лице странное выражение.

— Он говорит, что в Риме новый папа, хотя старый еще не умер. И более того, он утверждает, что новый папа — чужак, иноземец. Рыбак сказал, что он из страны *anglus.* Ты видел, он при этом сплюнул, а Ордлав его ударил.

— Новый папа из англичан? — Весть разнеслась по палубе, вызвав шквал хохота и насмешек.

— Маленький человечек, даже не священник. Рыбак говорит, новый папа объявил в Империи священную войну против всех язычников, еретиков и неверующих. Говорят, скоро придет император с флотом кораблей с огнем и с армией железных людей, уничтожит всех, кто не преклонит колена перед святым Петром. И тогда Рим будет править всем миром.

«Корабли с огнем, — подумал Шеф. — Может быть, сейчас они не так уж далеко от нас. Как и сам Рим». Он невольно вспомнил карту, которую несколько месяцев назад ему

показывал его небесный покровитель: в центре этой карты находился Рим. Риг тогда сказал Шефу, что в Риме он обретет покой. Но Шефу не хочется туда отправляться. Как и Гудмунд, он думает только о возвращении домой.

— Мой дедушка Рагнар однажды пошел грабить Рим, — сказала Свандис. — Он по ошибке ограбил не тот город, но все равно думал, что это Рим, уж очень богатой была добыча.

— Если Эркенберт в Риме объявил священную войну и новый крестовый поход, это направлено прежде всего против нас, — медленно проговорил Торвин. — Тогда лучше воевать на чужой земле, чем на своей.

«У нас весь флот не насчитывает и трех тысяч человек, — подумал Шеф, — у императора людей намного больше. Но у меня отборные воины, есть арбалеты, катапульты, факелы и даже греческий огонь. Все хотят, чтобы я снова сражался. Но я заключил с Локи мир, так я думал. Я хочу предотвратить Рагнарок, а не начать его».

— Надо послушать, что скажет Бранд, — дипломатично сказал Скальдфинн.

— Ладно, — ответил Шеф. — Но продолжаем идти на огнедышащую гору, на остров Вулькано. На ночь встанем там на якорь.

Этой ночью Шеф лежал в гамаке в своем закутке на мягко покачивающемся «Победителе Фафнира». Сейчас он ощущал, как и в тот раз, когда было принято решение отправиться в эту экспедицию в центр обитаемого мира, что общее мнение не совпадает с его мнением, что на него давят. Им пытаются манипулировать. Они хотят, чтобы он вступил в войну с Империей. Он не хочет этого делать. Он хочет отправиться домой, привести свои земли в порядок, ждать, когда судьба и смерть придут к нему в свой срок. Лежащая в соседнем гамаке Свандис вынашивает его ребенка, он это знал наверняка. Ее сияющее лицо и сверканье глаз нельзя было объяснить просто влиянием солнца и свежего морского воздуха, это был свет новой жизни. Много лет назад он видел, как такой свет исходит от Годивы. На этот раз он увидит рождение ребенка, своего ребенка.

Он знал, что его попытаются убедить другим способом. Не только люди, но и боги. Ему снова приснится сон, и неважно, появится ли видение по воле богов, из-за расстроенного воображения или из-за ржаной спорыньи. Ночь была его врагом, и враг пришел.

Сон навалился без предупреждения, сразу. В темноте по городским улицам спешит человек. Он испытывает страх, невыносимый страх, и в то же самое время стыд. Испуган он тем, с чем уже сталкивался раньше. А стыдится не просто потому, что испугался, а потому, что раньше это уже было с ним — он испугался, поддался страху и поклялся никогда больше не бояться; но, увы, вот он снова пробирается по темным улицам, чтобы сбежать из города, затеряться, сменить имя. Его имя — Петр. Петр, который раньше был Симоном.

Он подходит к городской стене, и его тревога возрастает. В стене ворота, в воротах есть маленькая калитка, в которую можно проскользнуть без обременительной возни с огромными засовами и массивными створами. Калитка слегка приоткрыта. Но где стражник? Спит, откинув голову. Его копье, оружие римской пехоты, в точности подобное найденному Шефом Святому Копью, зажато у стражника между колен. Кругом ни одного человека, караульное помещение закрыто и погружено в темноту. Прокравшись словно тень, Петр, который был Симоном и хочет стать Симоном опять, дотрагивается до калитки и потихоньку тянет ее, с замиранием сердца ожидая предательского скрипа. Ни звука. Он выходит, город остался позади, впереди у него свобода и безопасность. «Совсем как у меня», — отмечает разум Шефа.

Перед Петром появляется фигура. Он знал, что так будет. Фигура человеческая, но на голове у нее терновый венец. Фигура приближается, отбрасывая кругом бледный мертвенный свет. Взгляд опускается на съежившегося апостола.

— Petre, quo vadis? Петр, куда идешь?

«Скажи ему, Петр, — умоляло сознание Шефа. — Скажи ему, что хочешь сбежать! Скажи ему, что он ведь даже не мертв, все оказалось ошибкой, он жив и здоров и живет с Марией Магдалиной в горах! Пишет свою книгу!»

Фигура Петра отступила, с поникшими плечами вернулась к калитке. Назад в город, в Рим, навстречу аресту и смерти на кресте. Петр попросит, чтобы его распяли вверх ногами, вспомнил Шеф, как недостойного принять ту же смерть, что

и Спаситель, от которого Петр трижды отрекся. «Со мной это не сработает, — подумал Шеф. — Мне вы можете говорить «quo vadis?» сколько угодно».

Появляется другая картина, словно тени за повешенным перед глазами занавесом. Еще один человек собирается бежать, но сейчас он спит. Во сне ему является фигура, но это не Христос из предыдущего видения, а сам Петр. На этот раз Петр не стыдится и не сутулится, он смотрит гневным взором, величественный и суровый. Петр сердито кричит, впрочем, Шеф не слышит его слов. В руке у него плетка, монашеская disciplina со многими хвостами и с узелками на каждом хвосте. Петр подходит, костлявым кулаком бьет по фигуре спящего и, задрав ему на спине сутану, хлещет и хлещет плеткой; брызжет кровь, человек сопротивляется и кричит.

Картина исчезает, и Шеф в который раз видит перед собой глаза своего покровителя. Хитрые лисьи глаза.

— Я таких вещей не делаю, — говорит Риг. — Если хочешь уклониться от своих обязанностей, пожалуйста. Я не буду запугивать тебя и бить. Я просто хочу тебе показать, к чему приведет твое самоустранение.

— Давай показывай. Ты ведь все равно собирался.

Шеф приготовился к мгновенной вспышке ужаса, но ее не последовало. Он увидел свой город, основанный им Стамфорд. Вот Дом Мудрости, вокруг него скопище мастерских, кузниц и складов. Они больше, чем ему помнилось, более старые серые камни заросли мхом. Вдруг без единого предупреждения, беззвучно Дом Мудрости развалился. «Вспышка, грохот, от которого, — подумал Шеф, — у меня лопнули бы барабанные перепонки, не будь какого-то барьера между мной и субстанцией моих снов». Поднимается облако дыма, и во все стороны летят каменные блоки.

Когда дым развеялся, Шеф увидел, что происходит на развалинах. Повсюду солдаты в белых накидках с красным крестом: это крестоносцы, однажды король Карл и папа Николаус уже посылали их против Шефа. Но эти солдаты не носят ни тяжелых кольчуг, ни кавалерийских сапог франкских рыцарей или императорских риттеров Ордена. Они одеты легко, двигаются быстро, в руках держат только длинные трубки.

— Такая же свобода для Локи, как и для Тора, — сказал

Риг. — Просто замечательно. Но на чью сторону встанет Локи? И на чьей останется? Нефть и фосфор, селитра и сера, алкоголь и древесный уголь. И, кроме Стеффи, найдется кому сложить два и два. Вернее, одно, одно и еще одно. В конце концов объединившиеся Империя и Церковь победят. Не на твоем веку. Но ты будешь доживать остаток жизни, зная, что это произойдет — и что ты мог бы этому помешать. Что ты будешь чувствовать?

Шеф лежал и вызывающе молчал.

— Давай посмотрим еще, — продолжал хитрый голос. — Вот новый город.

Перед закрытыми глазами Шефа постепенно вставало диво дивное. Белый град с ослепительно сияющими стенами, а в сердце его — соборно вздымающиеся к небесам шпили. На каждом шпиле хоругвь, и на каждой хоругви священное изображение: скрещенные ключи, закрытая книга, святой Себастьян и стрелы, святой Лаврентий и жаровня. Под шпилями, понял Шеф, находятся сонмы людей, чья обязанность — молиться Богу и изучать Писание. Это было не его Писание, но жажда жить такой жизнью, исполненной созерцания и размышления, мирной и покойной, охватила его. Из-под его закрытых век брызнули слезы сожаления о том, чего он лишен.

— Посмотри поближе, — сказал голос.

В учебных классах стояли люди и читали вслух книги. Учащиеся слушали. Они ничего не записывали. Они обязаны были запоминать наизусть. Когда лекторы окончили чтение, они собрались в центральном помещении с книгами в руках. Книги пересчитали, проверили по списку, положили в железный сундук и закрыли на ключ. На хранение, до следующего раза. Во всем городе ни один человек не имел своей личной книги. Никто не мог написать новое слово или придумать новую идею. Кузнецы ковали то, что им прикажут, как делали поколения их предшественников. Тот зуд, который так часто ощущал Шеф, побуждающий взять в руки молот и выковать ответ на жгучие вопросы, этот зуд навсегда останется неутоленным.

— Это мир Скульд, — сказал Риг. — В нем Локи наконец освобожден, чтобы служить Церкви и попасть в еще худшие оковы, пока не зачахнет от истощения. А мир будет оставаться все тем же самым, один эон за другим. Вечно благочес-

тивый, никогда не изменяющийся. Каждая книга становится Библией. Память о тебе, о твоем наследии.

— А если я буду бороться? — спросил Шеф. — Будет тогда Локи на моей стороне? Заплачет он о Бальдре и освободит своего брата из мира Хель? Как это будет выглядеть?

И мгновенно узкие рамки взгляда на единственный город исчезли, сменившись широкой панорамой всех Девяти миров, из которых Средиземье — средний. Шеф различал темных эльфов под землей и светлых эльфов над нею, видел мост Бифрост, ведущий в Асгард, и мост Гиаллар, по которому души спускаются в мир Хель. Вся картина была... не темной, а какой-то блеклой, потертой, словно видимой сквозь пыльное стекло. Где-то глубоко внизу слышались тяжелый скрежет, толчки, шум оживающих ржавых механизмов.

Это раскрывалась Гринд. Ворота Гринд, отделяющие мертвых от живых, металлическая решетка, за которой Шеф однажды видел тени женщины и ребенка, которые погибли из-за него. Через которую рабыня Эдтеов сказала ему: «Продолжай». Гринд открывалась для Бальдра. Но не только для Бальдра. Шеф знал, коль скоро она откроется, души смогут вернуться. Возродиться в своих потомках, прожить счастливые жизни, отнятые у них. Рабыни, которых он обнаружил в могильнике древнего короля, заживо похороненные со сломанными позвоночниками. Старуха, вместе с которой он умирал в одном из видений, больше всего старающаяся уйти незамеченной. Эдтеов, скончавшаяся ночью на волчьей пустоши, и бедная рабыня, умирающая от рака в норвежской деревне вдали от родного дома. Кутред. Карли. Юный Харальд.

Когда ворота открылись, из них что-то вышло. Не свет и не окраска, но что-то, словно стершее пыль, вернувшее в мир свет и многоцветье, которые должны в нем быть. Изнутри донеслись звуки радостного смеха, и громкий чистый голос призвал всех разделить с ним новую жизнь. Бальдр Прекрасный. Грядущий, чтобы создать новый мир, мир, который будет всегда. Уголком глаза Шеф видел, что все боги Асгарда смотрят на него, рыжебородый свирепый Тор, Один с лицом как у откоповшегося айсберга. А рядом с Одином — бог-предатель Локи, опальный бог, снова вставший у руки своего отца. Ждущий, когда его брат вернется из мира Хель. Вернется благодаря победе. И благодаря самопожертвованию.

Шеф снова проснулся, он лежал в гамаке, и слезы еще не высохли на его лице. Видение окончилось не знакомым, разрывающим сердце потрясением и рвущимся криком, а глубоким вздохом. «Мне придется сделать это, — подумал Шеф. — На моей совести уже слишком много погибших. Чтобы выпустить их, дать им еще один шанс. Впрочем, у меня самого шансов не много. Буду ли я тоже освобожден? Или я стану жертвой за остальных? — Он протянул руку, положил ее на теплое бедро Свандис. — Вот то, от чего я отказываюсь». Во мраке ночи он с полной уверенностью ощутил, что никто не принесет жертву ради него, с каким-то сочувствием вспомнил крик, что слышал однажды от распятого Христа: «Eloi, Eloi, lama sabachthani?»[1]

Глава 32

Толман отчаянно сигналил, дергая за свой конец пятисотфутового троса. Осторожно приближаясь двумя колоннами к гавани Рима Остии, флот Пути теперь постоянно держал воздушные змеи на дежурстве, парящими в подветренной стороне. Сотня дополнительных ярдов высоты, на которую поднимался Толман, расширяла его горизонт наблюдения на многие мили, что придавало северянам столь необходимую им уверенность. Однако для того, чтобы Толман мог рассказать о том, что он видит, никто не сумел выдумать другого способа, кроме цветных флажков: белый означал любой парус, синий — землю, красный — опасность. Особенно опасность, исходящую от красных галер с их греческим огнем. На этот раз флажок был красным.

Моряки на лебедке, не дожидаясь приказа, уже выбирали трос. Нет необходимости опускать Толмана до самого низа, тогда после доклада он легко сможет снова набрать высоту. Мальчик завис в каких-то пятнадцати футах над палубой «Победителя Фафнира», поддерживаемый довольно сильным, заставляющим брать на парусе рифы, ветром, в дыхании которого чувствовалось приближение холодов.

[1] «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — Евангелие от Марка, 15:34.

— Галеры! — крикнул Толман.

— Где?

— В гавани. Длинный ряд галер, с внутренней стороны правого мола. Пришвартованы.

— Сколько пришвартованных?

— Все.

Шеф взмахнул рукой, моряки стали стравливать трос, и Толман снова взмыл на свою наблюдательную точку. Шеф оглянулся, определил расстояние до волноломов, которые отмечали вход в гавань Остию. «Две мили, — решил он. — Судя по лагу Ордлава, мы делаем семь узлов. Хватит ли противнику времени, чтобы сесть на весла, разжечь топки и выйти в море нам навстречу? Если, допустим, все их моряки были уже на борту и они увидели нас в тот же самый миг, что и мы их? Похоже, что не успеют». Шеф посмотрел на Хагбарта и Ордлава, ждущих приказа на палубе флагмана, на Хардреда на «Ваде», идущем в пятидесяти ярдах с наветренной стороны во главе второй колонны, и решительно показал на вход в гавань. Красные галеры однажды захватили его врасплох в открытом море. Теперь пора поменяться ролями.

Развивая под парусами полный ход, корабли выстроились в боевом порядке. Катапультоносцы во главе, так близко друг к другу, как только возможно, а легкие суда слева от них, с наветренной стороны. Если Шеф просчитался и враги встретят их огненным ливнем, тогда хотя бы викинги успеют развернуться и отступить. Впрочем, катапульты северян должны сделать свое дело на дальних подступах.

— Спускайте Толмана, — приказал Шеф, как только перед ними открылся вход в гавань. Толман по-прежнему уверенно указывал вправо, избавляя Шефа от тревог по поводу внезапной вражеской атаки с неожиданного направления. Квикка на передней катапультной площадке приник к прицелу, доворачивая катапульту при каждом рысканье судна, удерживая направление на оконечность волнолома. Что происходит внутри гавани? А вдруг навстречу им уже направляется галера? Если так, она будет потоплена за считаные мгновенья. Но огонь она может метнуть раньше. Когда волнолом достаточно приблизился, чтобы до него можно было добросить камнем, Шеф со своего места у рулевого весла пе-

решел на нос, к передней катапульте. Если их ждет огонь, король должен встретить его первым.

Когда нос «Победителя Фафнира» сунулся в пятидесятиярдовый проем между волноломами, Шеф увидел, что Квикка резко махнул рукой. Стреляющий дернул за спусковой шнур, шатун — как всегда, слишком быстро для глаза — ударил, праща на его конце взметнулась, словно раскрученная бесноватым. Шеф услышал треск дерева, нескончаемые несколько мгновений ждал, пока флагман пройдет между волноломами и станут видны их внутренние стороны. Облегчение пришло как глоток холодной воды. Ближайшая галера стояла в тридцати ярдах, все еще пришвартованная за нос и корму. На борту были люди, навстречу северянам полетели стрелы, вонзившиеся в борта, а одна — в щит, который поспешно выставили перед Шефом. Но не видно дыма, не слышно шума работающей машины. Греков застали врасплох.

Первая галера, несмотря на швартовы, уже тонула — снаряд разнес ей форштевень и киль. Шеф торопливо пробежал на корму, указал на следующую галеру и велел Озмоду подождать с выстрелом, пока перед ним не откроется вся внутренность гавани. Корабль за кораблем флот Пути вошел в гавань, выстраиваясь в длинную изогнутую линию с «Победителем Фафнира» и «Вадой» во главе, и обрушил град камней на галеры, стоявшие вдоль мола словно мишени, неспособные даже достать противника из своих слабых луков.

Шеф предоставил своим людям упражняться в стрельбе, пока все галеры не превратились в щепки, их передние и задние части болтались на швартовах, но посередине оставались только плавающие обломки, да поблескивали медные котлы. Сопротивления противник не оказал. Шеф заметил нескольких убегающих людей — на удивление мало, подумал он. Единственным, кто сумел хоть чем-то помешать, оказался не кто иной, как Стеффи, — он неотступно теребил короля за руку, умоляя прекратить канонаду и позволить ему высадить на берег своих людей, чтобы захватить греческие машины и топливные баки. Шеф рассеянно отмахивался от него, как телка от овода. Он начал подозревать, что галеры были просто оставлены на стоянке без экипажей. Но нельзя идти на риск, чтобы удовлетворить любопытство Стеффи.

Наконец Шеф вскинул обе ладони, приказывая прекратить стрельбу, и повернулся к Ордлаву.

— Мы причалим к стенке вон там, где свободно. По четыре судна в ряд. Начнем выгружать людей и амуницию. Ну что тебе, Стеффи?

Глаза Стеффи были полны настоящих слез, он взмолился:

— Только двадцать человек, государь, двадцать человек на то время, что займет швартовка и выгрузка. Это все, чего я прошу. Галеры затонули, но, может быть, мы сумеем что-то спасти. Один полный бак с горючим, не разбитый камнями, — это все, что мне нужно.

Шефу вспомнилось, как у стен Йорка он сам подобным образом умолял Бранда дать ему двадцать человек, чтобы заняться катапультой, узнать, как она работает. Тогда Бранд отказал ему, велел вместе со всеми идти громить и грабить город. Сейчас грабить было нечего, но в этот раз сам Шеф оказался нелюбопытным, думающим лишь о собственных целях.

— Двадцать человек, — разрешил он. — Но они должны быть готовы выступить вместе со всеми.

Рядом с ним стоял Фарман, с глазами широко раскрытыми и немигающими, словно вдалеке он видел нечто.

— Ты возьмешь с собой всех людей? — спросил Фарман.

— Я, разумеется, оставлю на кораблях охрану.

— Тогда я тоже останусь здесь, — сказал провидец. — Воинов у тебя достаточно.

Не время спорить или выспрашивать. Шеф кивнул и занялся проблемами высадки на берег. Сопротивляться в гавани было некому, в ней, кажется, вообще не осталось людей. Несколько находившихся при кораблях греков сбежали. Шеф снял с одной руки золотые браслеты, оценивающе повертел их и, взяв с собой в качестве телохранителей Квикку и трех арбалетчиков, направился к ближайшей кучке лачуг в порту. От жадности языки наверняка развяжутся. Впрочем, ему не так уж много нужно узнать. Он в Остии, а в пятнадцати милях отсюда Рим. Прийти, взять город, убить английского папу. Даже за попытку сделать это на него обрушится император, и их долгий спор будет решен. Странное дело, но Шеф не мог представить себе, что властительный Бруно будет побежден. Возможно, он уже, как говорят англичане, оцепенел, почуял на себе тенета приближающейся смерти. Он шагал к хижинам, помахивая золотыми браслетами с воткнутой в них в знак мира веточкой.

Римский император получил известие о разгроме флота греческих союзников, находясь в Риме, который к тому времени тоже немало пострадал от его гнева. Поднимающийся ветер развеивал дым, клубами струящийся в небо за Капитолийским холмом. На улицах валялись непогребенные тела: римские бездельники и плебеи не смогли оказать серьезного сопротивления тяжеловооруженным войскам императора. У них были дубинки, булыжники и баррикады из опрокинутых телег, они пытались отстоять своего папу от чужеземного ставленника и заплатили за это кровавую цену. Ни Ватикан, ни сам город ничего не добились от императора, присягнувшего защищать их.

«Поживем — увидим», — подумал Бруно.

— Не унывай, парень, — обратился он к греческому адмиралу Георгиосу, увидев его ошеломленное выражение лица. — Зимой сможем отстроить твой флот заново. Твой басилевс ничего из-за этого не потеряет, положись на мое слово.

«Не унывать? — подумал Георгиос. — Все мои галеры потоплены за одно утро, уничтожены, как мы уничтожали бесчисленные арабские суда. Моим морякам приходится вести уличные бои с городской чернью под знаменами чужого императора. А секрет греческого огня... нет, он наверняка не раскрыт. Но это могло произойти. Не унывать. Да он с ума сошел».

«Даже лучшие из моих военных советников крайне озабочены, — признался себе Бруно. — У Георгиоса на это есть причины. Но Агилульф...» Дух у императора взыграл в упрямом противоречии с настроением его приближенных.

— Ладно, — сказал Бруно. — Враги неожиданно напали на нас в Остии. И мы еще не до конца уладили наше маленькое дельце с городским сбродом. Папа Иоанн все еще не у меня в руках. А теперь послушайте. *Все это не имеет значения.* Не правда ли, Эркенберт, ваше святейшество? Вспомним, что говорил капеллан Арно. В любой военной кампании нужно определить ее *Schwerpunkt*, главную точку.

В нашем случае значение имеет только одно, только одно остается важным с тех пор, как мы нашли Грааль. Раз и навсегда покончить с моим врагом, Единым Королем. Как только мы это сделаем, все остальное уладится. Город будет усмирен через неделю. Папу Иоанна нам выдаст какой-нибудь предатель. Флот можно будет отстроить. Но если мы *этого не сделаем...*

— Все остальные навалятся на нас, — подытожил Агилульф, — и мы будем разбиты.

При последних словах он покосился на Георгиоса. Агилульф не забыл, кто сжег его отряд и его самого греческим огнем, и не поверил объяснениям, что это вышло случайно.

— Но мы это сделаем, — сказал Эркенберт, папа Петр II, как он теперь себя называл. Он еще не сменил свою поношенную черную сутану на одежды наместника святого Петра. Подлинные папские регалии не удалось найти, да и само избрание Эркенберта было слишком поспешным, проведенным едва ли третью полного состава конклава с многочисленными нарушениями процедуры. И все же император был прав. Кардиналов можно будет собрать еще раз, регалии разыскать или заменить новыми. Главное — победа.

— Я готов на время забыть о своем папстве и вернуться к исполнению прежних обязанностей в армии императора, — продолжал Эркенберт. — Потомки Волка Войны готовы занять позиции, как только будет получен приказ.

— Какую пользу нам принесут осадные орудия против армии на марше? — спросил Агилульф.

— Кто знает? — ответил ему император. — Мы имеем дело не с обычным человеком, никто из нас не должен об этом забывать. Он обманывал каждого из своих врагов. Он даже меня обманывал. Но в конце концов в деле с Граалем ему не удалось меня обмануть. Мы должны быть так же хитры, как он. Благодарю вас, ваше святейшество. Если бы у каждого моего воина был ваш боевой дух, наша победа была бы обеспечена.

— Победа нам обеспечена, — сказал Эркенберт. — *In hoc signo vinces.* С этим знаком победишь.

Сквозь разбитое окно разграбленной виллы он показал на знамя с изображенным на нем Граалем, водруженное над золотым реликварием, где теперь хранился сам Грааль. Вокруг него всегда стояли четыре риттера, в полном вооружении, с обнаженными мечами и с символами новой Воинствующей Церкви и «Дара Петра».

«Но ведь эта лесенка — и знак нашего врага тоже, — подумал Агилульф. — Две противоборствующие стороны с одним и тем же знаком. Два умных вождя. По две, от силы по три тысячи настоящих воинов с каждой стороны, и Бог знает сколько еще отребья на нашей. Исход такой битвы может решить любая мелочь».

Армия Пути бодро маршировала по древней каменной дороге, ведущей из гавани в Рим, Вечный город, центр вселенной. За время похода обрадованные и удивленные крики воинов поутихли, их воображение было подавлено неимоверной величиной каменных плит, по которым они ступали, роскошью каменных построек на каждом холме, общей атмосферой древности и давно ушедшего величия. Они видели Стамфорд, по сравнению с этими предместьями Рима он был простой деревней. Они видели Кордову, и это была не деревня, а столица, превосходящая даже Рим по количеству жителей, оживленности и богатству. Впрочем, когда Кордова была еще деревней, Рим правил миром. Появлялось ощущение, что стоит копнуть эту землю лопатой, и откроется прах былого величия.

«От возбуждения воины сбиваются в кучу», — подумал Шеф. Он выслал вперед сотню викингов под командованием Гудмунда, всегда рвущегося быть первым там, где пахнет наживой. Шеф хотел, чтобы они шли рядом с дорогой, проверяли окрестности на случай засады. Кругом было слишком много изгородей и слишком много стен. Под палящими лучами солнца они вернулись на середину дороги, вышагивали нестройной вооруженной ватагой в какой-то сотне ярдов впереди арбалетчиков, охраняющих катапультный обоз. Когда солнце сместится на ширину ладони, надо будет объявить привал и перестроить порядки.

На холме по правую руку раздалось пение труб. Другие трубы отозвались им слева. Не попала ли длинная извивающаяся колонна людей и машин в засаду? Шеф надеялся на это. Любой засаде, устроенной с флангов, придется преодо-

левать добрый фарлонг пересеченной местности под прицелом пяти сотен взведенных арбалетов.

Но вместо этого из-за оливковых деревьев, росших в пятидесяти ярдах от передового отряда викингов, выскочили легкие всадники. Шеф едва успел их разглядеть, заметить широкополые шляпы и длинные десятифутовые стрекала пастухов-баккалариев, согнанных в армию согласно императорскому эдикту, как вдруг стрекала опрокинулись из вертикального положения в боевое, и все скрылось в мгновенно поднявшейся туче пыли.

Викинги были удивлены, но не испугались. Они тут же выхватили свои мечи и засверкали боевыми топорами. Разболтанный походный порядок с четкостью машины превратился в узкий фронт поднятых щитов и нацеленных дротиков. Пастухи не пытались атаковать в лоб, они разъехались и обрушились на оба фланга. Пролетая на своих неоседланных лошадях, пастухи кидали дротики, нацеленные в лицо или в горло. Викинги кричали, в толчее сталкивались друг с другом. Обе кавалерийские колонны, выйдя в тыл пехоты, встречно развернулись и прошлись назад вдоль флангов смешавшегося строя викингов, кололи стрекалами людей, все еще развернутых не в ту сторону, потрясающих своим оружием и издающих воинственные кличи, призывая врага сойтись с ними лицом к лицу.

Арбалетчики взвели свои арбалеты и ринулись вперед, чтобы найти позицию для стрельбы, пробежали еще дальше, надеясь что-то рассмотреть в пыли. Шеф увидел, как один из них припал на колено, старательно прицеливаясь во всадника, пустившего лошадь в курбет в двадцати ярдах перед ним. Пастух соскользнул с лошадиной спины — седла у него не было — и повис на дальнем боку лошади, цепляясь рукой за гриву, а ногой за круп. Пока арбалетчик менял прицел, чтобы поразить если не всадника, то лошадь, другой вопящий кентавр выскочил из пыли, вонзил ему стрекало между лопаток, на ходу наклонил древко, чтобы высвободить острие, развернулся, загнанным оленем перемахнул через стену и исчез среди деревьев.

С обеих сторон снова запели трубы, и воины поспешно стали оглядываться во все стороны. Но ничего не произошло. В наступившей тишине Шеф услышал булькающие звуки — кому-то пробили копьем легкие. Пыль оседала на лежащие на дороге трупы. Их было немного, с дюжину, и еще стольким же раненым пытались оказать помощь их товарищи. Ни одного врага. Ни одного пастуха и ни одной лошади не лежало на дороге, да и вряд ли им достался хоть один арбалетный болт или удар клинка. Они могли повторить свой наскок в любое время. Шеф скомандовал собраться и перестроить походный порядок.

Долгая пауза на знойной пыльной дороге, пока раненых грузили на мулов и телеги, и вот колонна снова двинулась в путь. Шеф решил всерьез обдумать проблему засад. У него было восемьсот арбалетчиков, для лучшего взаимодействия идущих бок о бок с тремя сотнями английских алебардщиков, которым арбалетчики доверяли больше, чем своим норманнским союзникам. Вдобавок у него было около тысячи викингов, той самой тяжелой пехоты, которая еще до появления Пути в Англии решила исход столь многих битв. Все онагры остались на кораблях, их вес в тонну с четвертью отбил у Шефа охоту тащить их с собой на неизвестное расстояние. Вместо онагров взяли дюжину дротикометов, их везли пары мулов, сопровождаемые пешими расчетами. А еще в состав войска входила команда Стеффи. Шеф уже не мог сказать с уверенностью, что именно они везут с собой, так как, обзаведясь собственными амулетами, знаками своего особого ремесла, Стеффи и его люди становились все более и более скрытными. Конечно, они везли с полдюжины простейших катапульт — вращательниц, разобранных для удобства транспортировки. Пользы от них на походе никакой, но защищать их обоз все равно придется.

Теперь впереди колонны двигался сильный отряд арбалетчиков, перемежавшихся воинами с алебардами. По флангам тоже шли арбалетчики, они то и дело останавливали колонну и обследовали виллы с высокими стенами, а также водосточные канавы, пересекающие дорогу в подземных трубах. В центре колонны довольно понуро, стыдясь, что их приходится защищать, топали по обе стороны обоза викинги с мечами и топорами. Если пастухи выскочат снова, Шеф рассчитывал, что арбалетчики собьют нескольких наездников во время их атаки и еще больше — во время их отступления.

С помощью алебарды можно отбиться от всадника, по крайней мере, от легковооруженного.

Но пастухи больше не появлялись. Колонна взобралась на пологий холм и на спуске ускорила шаг: не очень далеко впереди виднелись сияющие стены Вечного города, за ними вздымались застроенные каменными зданиями холмы, на шпилях и куполах играло солнце. Всматриваясь в даль, Шеф неожиданно уловил знакомый промельк взлетающего и опускающегося камня, которым выстрелили из онагра. Некогда раздумывать, куда упадет снаряд. Шеф мгновенно бросился прочь с дороги, прокатился по острым камням, приподнялся на ободранных коленях, чтобы посмотреть, куда все-таки упал булыган. В тридцати ярдах впереди него в воздухе все еще оседал клуб пыли, разлетались осколки ударившегося о плиты мостовой камня. А в строю арбалетчиков виднелась просека глубиной человек в пять, люди лежали по обе ее стороны, один умирающий все пытался заглянуть внутрь своей развороченной грудной клетки. Пока окружающие с ужасом глядели на покалеченных товарищей, Шеф увидел, что образовалась еще одна такая просека, потом еще, людей косило, как солому. А они по-прежнему растерянно озирались, некоторые вскидывали арбалеты в поисках невидимого супостата. Шеф подбежал к ним, закричал, чтобы рассредоточились, сошли с дороги, залегли, укрылись за стенами. Пока они это делали, прилетел еще один двадцатифунтовый булыган, и над дорогой взметнулись каменные осколки. Уже двадцать или тридцать человек лежали недвижимо, а противника все еще никто не видел. Но противник был здесь, Шеф разглядел катапультную батарею, установленную в полумиле выше по склону холма, прислуга беззаботно расхаживала вокруг машин, взводила пружины и разворачивала хвостовики. Сейчас выстрелят снова. Шеф нырнул, и еще один булыган просвистал мимо, на этот раз довольно высоко. Позади с дороги разбегались погонщики мулов из обоза, а викинги, забыв о гордости, прятались среди деревьев и стен.

Противник был здесь. Шеф настроил подзорную трубу, отчетливо разглядел людей вокруг катапульт. Он не нашел Эркенберта, хотя наполовину уже этого ждал. Должно быть, дьякон успел обучить многих помощников, способ-

ных занять его место. Как же достать противника? Из имевшегося сейчас у северян оружия на такую дальность били только дротикометы. Они сделают свое дело, хотя против людей они более эффективны, чем против машин. Шеф прокричал приказ, и расчеты катапульт стали распрягать мулов, разворачивать и устанавливать свои машины, начали долгую подготовку к выстрелу. И пока они это делали... камни свистели теперь высоко над головой, прицел был перенесен на позицию дротикометов, и Шеф побежал вперед, к своим рассеявшимся арбалетчикам, выкрикивая приказ атаковать.

Томительные мгновенья воины не шевелились, подчиняясь инстинктивному страху перед прилетающими издалека снарядами. Ложись, замри, уползи в сторону. Шеф орал, пинками заставлял своих людей подняться на ноги, взывал к их гордости и чувству долга. Вид человека, выпрямившегося во весь рост и оставшегося невредимым, вернул им немного здравого смысла, напомнил о неточности онагров при стрельбе по одиночной цели. Арбалетчики поднялись и неуклюже бросились вперед. Шеф закричал им, чтобы двигались перебежками. Пробежать десять-двадцать шагов, залечь, пока бежит другой, а когда он заляжет, начать новую перебежку. И не бежать в открытую. Не давать врагу возможности прицелиться.

Со склона холма рядом с батареей онагров Эркенберт и император наблюдали за поспешно организованной атакой. Для них это выглядело так, будто склон покрылся суетящимися муравьями, вроде бы ни один не двигался все время вперед, но масса в целом неуклонно приближалась. Тем временем снаряды катапульт летали уже в обе стороны. Один из людей Эркенберта опрокинулся навзничь, ему перебил хребет огромный пятифутовый дротик. Раму одного из дротикометов разбил камень онагра, лопнувшая пружина хлестнула северян по рукам и лицам.

— Я видел его мгновенье или два, — заметил Бруно. — Жалко, что он не постоял чуть подольше, чтобы твои люди успели в него выстрелить. Тогда бы все сразу было кончено.

— Как и в случае твоей смерти, — ответил Эркенберт.

— Он до сих пор даже не знает, где я.

Арбалетные болты, долетающие с предельной дальности, зазвенели по камням вокруг батареи онагров. Расчеты стали нервно вздрагивать и оглядываться. «Невозможно схватить весящий тонну онагр и утащить его с позиции, — подумал Шеф, — невозможно вывезти машины достаточно быстро. Если поднажать, удастся захватить всю батарею, возможно, враг не готов отразить стремительную атаку».

А может быть, готов. До настоящего момента противник в этом сражении предусмотрел все. С ужасом, таким пронзительным, что вызывал в груди спазм, Шеф вспомнил короля Карла Лысого, как тот рвался и рвался вперед, пытаясь захватить машины, которые, дразнясь, появлялись на все новых и новых позициях. Теперь Шеф делает то же самое. И на этот раз противник лучше знает местность, имеет план действий, а Шеф слепо бросается вперед, уповая на превосходство в вооружении.

— Стой! — закричал Шеф. — Остановитесь, укройтесь и стреляйте. Хватит бежать!

Его голос услышали только ближайшие арбалетчики, остальные, увидев, что враг дрогнул, ринулись вперед, чтобы отомстить за пережитый страх.

— Сработало, — отметил Бруно и кивнул трубачам. В пространство между бегущими арбалетчиками и батареей из-за укрытий в виде оливковых деревьев и стен роскошных вилл выехали тяжеловооруженные всадники, краса и гордость императорской армии: кольчуги сверкают, подкованные сталью копыта высекают из камней искры, острия пик нацелены вперед. Каждая группа всадников сразу устремилась на неприятеля, не пытаясь выстроиться в общую линию. Они начали атаку с расстояния в какие-то пятьдесят ярдов, пять панических ударов сердца для человека без доспехов, на которого прет боевой жеребец.

Шеф, находившийся чуть сзади самых быстрых арбалетчиков, увидел, как они остановились, замялись, потом все как один повернулись и побежали, прыгая по камням, чтобы уклониться от надвигающихся сзади пик. Один человек припал на колено, вскинул арбалет. Пока он жал на спуск, пика вонзилась в него, вздернула его с земли, и стрела пошла прямо в небо. С искусством выросших в седле людей наездники работали пиками, а когда те ломались или застревали в рас-

простертых телах, выхватывали из прикрепленных к седлу ножен широкие мечи. Шеф вдруг увидел, что один из копейщиков выбрал его в качестве очередной жертвы. Их взгляды встретились, всадник ударил длинными острыми шпорами, и конь, роняя хлопья пены, прыгнул вперед. Шеф потянулся за арбалетом, зашарил на поясе, понял, что в который уже раз оказался в критический момент безоружным, не считая поясного ножа. Попробовать сбежать — значит быть бесславно сраженным сзади, навсегда остаться поводом для шуток. Постараться отразить удар?

Могучая рука небрежно отбросила его в сторону, широкая спина в кольчуге заслонила взгляд. Это Стирр! Задыхаясь на жаре, он прибежал сзади из колонны викингов. Атакующий франк — на щите у него не было эмблемы Святого Копья, как у риттеров Ордена, — одними коленями повернул жеребца, чтобы пройти справа от Стирра, занес меч для удара сверху вниз. В этот момент Стирр, яростно выбросив вверх правую руку, со всей силой и ненавистью бросил свой боевой топор перед металлическим шлемом. Целясь в лошадь, а не во всадника. Раздался мясницкий хруст, франк кувыркнулся через голову лошади и упал к самым ногам Шефа. Не задумываясь, Шеф ударил его сжатым кулаком в открытую часть челюсти, в точности как показывал на дитмаршских болотах давно упокоившийся Карли. Франк откинулся навзничь, а Стирр, выхватив меч, рубанул его по шее и тут же повернулся, выискивая нового противника.

Склон холма снова был чист, словно развеялись колдовские чары — всадники исчезли. Вернулись в укрытие. Пока Шеф недоуменно озирался, камень из онагра пролетел так близко, что в голову ударило воздушной волной. «Все происходит слишком быстро, — ошеломленно подумал он. — Еще не кончилось одно, а уже начинается другое».

Стирр с кряхтеньем пытался извлечь свой топор, глубоко зарывшийся в череп коня, крякнул, высвободил носок лезвия, раскачал и наконец вытащил свое оружие. Озабоченно осмотрел топор, потом ухмыльнулся.

— Никогда раньше такого не делал, — сказал он. — А что теперь?

Викинги, вспомнил Шеф, могут быть разбиты, но нико-

гда не поддаются панике. Он огляделся, снова стал отдавать приказы. Одно было ясно. Он больше не сможет двигаться вперед в этом лабиринте ловушек. Вопрос, сможет ли он отсюда выбраться?

Глава 33

— Колодец отравлен, — сказал Ханд.

Шеф уставился на лекаря, потом на ведро, которое тот только что осмотрел. Зеленый ил налип на дно и стенки, вода была очень грязной. Ерунда, он бы ее все равно выпил. В тот раз, добравшись до деревни еретиков и отказавшись пить, он думал, что умрет от жажды. А сейчас было еще хуже. Сейчас не нужно проявлять гордость, вода есть вода, она выглядит неплохо...

Ханд расплескал у него в руках ведро, взглянул с глубокой неприязнью:

— Отравлен, я сказал! И если это свалит даже тебя, то что говорить о моих раненых?

Шеф провел языком по пересохшим губам. Была уже ночь. Весь долгий остаток дня и короткие вечерние сумерки они плелись в пыли по источающим жар камням и остановились у виллы на вершине холма, надеясь, что там есть свой колодец. Как и каждый раз за этот день, враги успели их опередить. Шеф не знал, был ли это сброшенный в колодец труп или что-то более основательное, например ядовитые ягоды. Ему придется поверить словам Ханда. Ему придется найти воду. У них целый обоз раненых, которые зловеще утихли. На короля молча смотрел Стирр, спасший ему сегодня жизнь. Стирр хуже прочих переносил жару и жажду. Ночь полнилась оглушительным хором расположившихся на оливковых деревьях сверчков: достаточно громким, чтобы заглушить любой звук притаившейся засады. Противнику только того и надо.

Бранд вытолкнул кого-то вперед, старика с седой бородой. Шеф вспомнил слова Бранда, что всегда найдется кто-то, решивший остаться, несмотря ни на какие опасности.

— Спроси его, где ближайший колодец, — велел Шеф. — Скальдфинн, переводи.

Последующий разговор звучал для Шефа как церковная латынь. Король пришел к выводу, что здесь живут выродившиеся потомки древних римлян, все еще говорящие на латыни, хотя и искаженной, едва ли не худшей, чем латынь франков.

— Он говорит, вода есть в акведуке у подножия холма. Она течет из Рима, который снабжается по другим акведукам.

— Что такое акведук?

— Вроде канавы, только сделан из кирпича и камня.

«Остался ли здесь седобородый по собственной глупости или из-за слабости, или же он оставлен специально, чтобы сказать мне это? — задумался Шеф. — Старик будет лгать. А мне нужна правда. Рагнар, отец Ивара и дед Свандис, знал, как обращаться с такими людьми, об этом мне однажды рассказал Кутред. Вопрос, смогу ли я это сделать?»

Шеф подошел к старику, толчком поставил его на колени, решительно воткнул в уголок глаза большой палец. «Рагнар для этой цели отращивал на большом пальце правой руки длинный ноготь, — угрюмо вспомнил Шеф. — Чтобы облегчить себе работу. Он выкалывал человеку один глаз *до того*, как задавал вопросы. Просто чтобы пояснить, что он имеет в виду. Я на это не способен».

— Скажите ему: я буду давить ему на глаз, пока он не объяснит, почему я должен ему верить, — ровным голосом произнес Шеф.

— Как он может это объяснить? — спросил Скальдфинн.

— Не знаю. Это его забота.

Старик заплакал, Шеф пальцем чувствовал его слезы и нажал чуть сильнее, чтобы не отвлекался на болтовню. Ханд смотрел на короля с исказившимся от ненависти лицом, готов был выхватить старика, но не решался. Свандис тоже стояла здесь, глядела неуверенно — она достаточно часто хвасталась своим дедушкой, пусть полюбуется, как это выглядит по-настоящему. У Бранда высоко поднялись брови. Стирр ухмылялся.

— Он говорит, другого источника нет, но там будут ждать императорские солдаты, он подслушал их разговоры, не все из них германцы. Я думаю, что он говорит правду, — добавил

Скальдфинн. — Он не пытается заманить нас в ловушку. Он предупреждает нас о ловушке.

Шеф позволил старику опуститься на землю. Сегодня он буквально все делал неправильно. Пора это исправить.

— Мы добудем воду, — сказал Шеф. — Позовите Стеффи, Квикку и Озмода.

— А нам, норманнам, делать нечего? — хрипло спросил Стирр.

— Это дело Локи, — ответил Шеф.

— Что у вас есть в обозе, что может нам пригодиться? — резко спросил Шеф. Сейчас никто не говорил больше слов, чем необходимо. Слишком пересохло в глотках.

— Много факелов, — ответил Стеффи. — Мы их усовершенствовали. В последний раз, если помнишь, мне приходилось их поджигать и держать в руках. Теперь мы научились обмакивать веревку в раствор селитры, она хорошо горит и не гаснет в полете.

— Что еще?

— Я пробовал сделать снаряды навроде греческого огня. Но чтоб бросать, а не пускать струю.

— Получилось?

— Они не разбрызгиваются, когда упадут. Но поджигают все кругом, и водой их не затушить, только пламя растекается шире. Мы их делаем из коры с серой и селитрой, обмакиваем в греческую нефть. Зашиваем в провощенную хлопковую ткань. И приделываем запал.

— Это подойдет. — Шеф снова закашлялся от запершившей в горле пыли.

На ведущем к акведуку склоне холма царила кромешная тьма, луна еще не показалась. Деревья, стены да нищие хибары могли послужить хорошим укрытием. Не было сомнений, что неприятель затаился внизу в ожидании вылазки за водой. Шеф прохрипел свои последние указания.

Когда раненые собрались, своим ходом и на носилках, а часовых, стороживших подходы к лагерю, отозвали, за дело молча взялись катапультеры Квикки. Соблюдать тишину нет нужды, но и разговаривать неохота. Дротикометы были установлены неровной дугой, обращенной к нижней части холма и вправо, в сторону моря. Позади них Стеффи разместил

свои вращательницы. По команде его люди начнут стрелять огненными снарядами вниз по склону и вправо. По приказу Шефа лишь каждый третий снаряд должен быть огненным, а остальные два — обычные камни, из числа запасенных в обозе и взятых на вилле из сада камней.

— Мы ни в кого не попадем, разве что случайно, — возражал Стеффи.

— Враги этого не будут знать.

— У нас ничего не останется, чтобы стрелять потом.

— Машины мы в любом случае бросим.

Стеффи больше не спорил. Его команда начала стрелять в темноту камнями, с треском и грохотом падавшими внизу холма. Перемежавшие их огненные шары не производили шума, лишь бросали в полете слабый красноватый отблеск от горящего фитиля. Поскольку канонада продолжалась и ничего не происходило, из темноты не было ответа, не слышно было ни криков, ни команд, не прилетали снаряды противника, пристально наблюдающие арбалетчики начали нервно переговариваться.

Притаившийся за стеной Агилульф прислушивался к свистящим вокруг камням. Пока ни один не упал ближе двадцати ярдов от него. Агилульф не понимал, что происходит, но уже почуял, что грозит какая-то опасность. Что это за вспышки света в воздухе? Светляки? Агилульфу нипочем острая сталь, но он не сможет еще раз встретиться с огнем. Императору следовало бы об этом помнить.

Стеффи подтолкнул Шефа и показал на внезапный всполох огня в сотне ярдов внизу. На одном из снарядов запал наконец догорел. Огонь высветил дерево, изгибавшееся так, словно оно наклонялось над очагом. Первыми занялись ветки, пламя пробежало по ним и охватило ствол. Теперь в темноте возникали все новые и новые всполохи огня, они появлялись быстрее, чем можно было сосчитать. При таком ветре пожар охватит всю долину. Любой, кто окажется между огнем и северянами, вынужден будет бежать в их сторону.

Неожиданно мелькнула черная тень, впервые они увидели признак жизни снаружи лагеря. На силуэте явственно обрисовался шлем риттера. Затем тень исчезла, а Шеф сердито закричал на расчеты дротикометов за то, что упустили

цель. Но в точности так же, как пламя возникало из ниоткуда, так и весь склон мгновенно заполнился крадущимися тенями. Воины выбегали из своей засады, кидались в промежутки между очагами пожара, пытаясь прорваться на другую сторону, и Шеф увидел даже умников, старающихся сбить пламя, пока оно слабое. Сбить и затоптать, не дать ему разгореться.

К треску пламени и стрекоту сверчков добавилось резкое треньканье стреляющих арбалетов и басовитый лязг дротикометов, бьющих огромными стрелами почти что в упор. Шеф теперь видел падающих и корчащихся людей, но из-за какого-то акустического эффекта совершенно не слышал издаваемых ими звуков, лишь отдаленный рев пожара. Умирающие и извивающиеся люди были похожи на игру теней на стене хижины.

Шеф хлопнул Бранда по плечу, выбросил большой палец. Пора идти. Бранд стремительно повел шесть десятков своих людей, команды двух дракаров, прямо вниз по склону. Сразу за ними шел отряд арбалетчиков, потом еще викинги, всем было приказано идти в установленном порядке. Они могли бы поддаться искушению свернуть влево, обогнуть пламя пожара, но Шеф велел им не делать этого. Направиться прямо в огонь и подойти как можно ближе. Те, кто должен остановить вас, пойдут вдоль кромки пожара и будут расстреляны или обращены в бегство. Спуститесь по склону как можно быстрее, пока вы тоже не обрисовались силуэтами на фоне пламени.

Теперь люди потоком устремились вниз по склону, даже санитары с носилками пустились вскачь по пересеченной местности. «Ими движет не исполнительность, — подумал Шеф, — это жажда». Люди Стеффи, расстреляв все свои снаряды, нерешительно застыли около катапульт.

— Разберем их и возьмем с собой, а? — взмолился Стеффи. — Ну хоть парочку?

Шеф подтолкнул его в направлении общей атаки.

— Катапульты бросить. Возьмите с собой огненные приспособления, если сможете нести.

Для дротикометчиков по-прежнему оставалось немало работы, распространяющийся пожар освещал все новые и новые площади. Легких мишеней уже не было, их свалили

арбалетчики, но кое-где еще мелькали бегущие люди. «Уж не думают ли они, что находятся на безопасном удалении? Они пытаются помочь своим раненым, — понял Шеф, — бегут, чтобы вытащить их из полосы надвигающегося пламени». Король шагнул к машине, прицелился в человека, старающегося выползти из охваченного огнем кустарника. Так и есть, двое спешат ему на выручку, можно разглядеть встревоженно озирающиеся белые лица. «Враги в эту ночь не понесли больших потерь, — подумал Шеф, — но их убивали из темноты невидимые ими люди». Легкое перемещение хвостовика, еще один басовитый лязг, и первый спасатель закувыркался, словно от щелчка гигантского пальца, а другой комично споткнулся и сразу же бросился в сторону. С вершины холма было видно, как мощный дротик пробил ему оба бедра. Неудавшийся спасатель рухнул в пламя как раз в тот момент, когда подбежал к человеку, которого намеревался спасти.

Шеф ощутил свирепую радость. Он хлопнул Квикку по спине, махнул большим пальцем: «Пошли!» Нет времени запрягать мулов, но дротикометы на колесном ходу утащить легче, чем вращательницы Стеффи. Не дожидаясь приказа, люди Квикки похватали их за хвостовики, с гиканьем и треском устремились вниз по неровному склону. Вместе с ними бежал последний отряд арбалетчиков и алебардщиков, оставленных в качестве прикрытия. Не разбирая дороги, они толпой неслись к подножию холма, с Шефом в середине, держа оружие наготове на случай нападения из засады. Из засады, на которую они уже напали сами.

В темноте послышался лязг металла, это несколько братьев Ордена, вместо того чтобы убраться подальше от огня, решили сразиться со своими врагами. Они вышли из света в темноту и не успели даже разглядеть стрелы и клинки, оборвавшие им жизнь. И вот уже показался акведук, длинное каменное сооружение высотой в четыре фута, распространяющее вокруг себя благоухание свежей проточной воды. Люди Шефа во главе с ним самим перевалились через стенку и, забыв о неприятеле, погрузили лица в прохладный поток.

Подняв наконец голову, Шеф увидел нависшего над ним Бранда.

— Куда теперь? — отрывисто спросил тот.

Тогда Шеф впервые взглянул на акведук. Канал, проложенный для снабжения водой расположенных вдоль дороги в Остию богатых вилл, водой более чистой, чем в мутном Тибре, имел всего-то шесть футов в ширину и был перекрыт каменными плитами, чтобы предотвратить испарение. Но не по всей длине, встречались и открытые участки. Боевые машины здесь не пройдут. По обе стороны акведука шел тротуар, но шириной, едва достаточной для двух человек, опять же слишком узко для метательной машины или телеги. Больше всего на свете Шеф хотел вернуться на свои корабли, покончить с этим бесславным походом.

Какой-то внутренний голос подсказывал, что это у него не получится, тот же самый бойцовский инстинкт, который заставил его расстреливать раненых. Его война должна окончиться сейчас. Если он отступит, его будут преследовать и уничтожат. В одну сторону акведук шел к Риму, в другую — неизвестно куда. Риг сказал ему... как там было? В Риме он обретет мир. Возможно, мир он обретет в смерти. Пусть будет так.

— Сюда, — сказал Шеф, показывая налево. — Поторопи их. Квикка, разбей свои машины.

Квикка нянчился со своими машинами все тысячи миль этого похода. Он вышел из рабов в люди благодаря машинам. И он тут же стал возражать своему повелителю, как много раз делал раньше и чем несказанно удивил однажды короля Альфреда. На этот раз терпение Шефа иссякло. Щербатый человечек пустился в рассуждения, а встревоженный и измотанный всеми треволнениями король подскочил к нему и от души врезал в морду.

— Вперед! — крикнул он. — Или я засуну тебя обратно в твой ошейник.

Его старый товарищ сплюнул кровь, вытащил еще один выбитый зуб, недоверчиво на него уставился. Пошел выполнять приказ.

— Рано или поздно все хозяева оказываются одинаковы, — заметил один из его помощников, разрезая веревки, чтобы хоть на время вывести дротикомет из строя. Квикка не ответил. В темноте Толман и три других юнги нерешительно застыли над тюками ткани, жердями и тросами. Мальчики

могли бы их нести, но все-таки это немалый груз. Квикка взял у них два бруска, закинул себе на плечи.

— Я это понешу, — сказал он, отчаянно шепелявя. Толман заметил катящиеся у него по лицу слезы и промолчал.

Через несколько часов потрепанная колонна пробилась вдоль акведука к стенам самого Вечного города. Им пришлось пробираться в ночи, словно путникам, отбивающимся от стаи волков. Вытянутую разреженную колонну снова и снова атаковали с обеих сторон, вражеские всадники обгоняли их стороной, а потом поджидали у акведука, зная, что разминуться невозможно. Арбалеты собрали среди нападавших обильную кровавую жатву, но несколько раз колонну разделяли на две части, и приходилось бросаться в темноте в свирепую сечу, чтобы соединиться со своими. После каждой атаки на месте оставляли убитых, неспособных передвигаться и потерявших сознание. Их товарищи бросали трупы в поток, а со временем стали бросать и тех, кто, может быть, был еще жив. С собой несли лишь немногих раненых. Измученным уцелевшим воинам смерть в холодной воде уже казалась избавлением. Шеф несколько раз слышал из темноты, как Ханд ругается и дерется из-за тех своих подопечных, кого оставляли на произвол судьбы или добивали из воинского милосердия. У него не было времени и сил, чтобы вмешиваться.

На востоке уже забрезжил свет, когда Шеф повел свой арьергард по пологому склону к бастиону, захваченному передовым отрядом на одной из стен Рима, рядом с Авентинским холмом. «Свет, — подумал король. — И прибежище. Возможность увидеть, что происходит. Перехватить инициативу, самому управлять событиями, а не просто отвечать на действия противника». В передышке он нуждался больше, чем в пище и воде. Он нуждался в ней, как проигрывающий борец нуждается в опоре для ног.

Взобравшись на стену, он увидел, что остатки его отряда распределяются вдоль зубцов, не защищенных изнутри, потом повернулся и подошел к краю, чтобы утренний ветерок овеял его пропотевшую рубаху.

В двух сотнях ярдов от него Эркенберт с мстительным удовлетворением сказал капитану катапультеров:

— Стреляй.

Короткое плечо коромысла упало, длинное взметнулось вверх, протащив по земле пращу и вздернув ее в своем яростном взмахе. В небо полетел не обычный круглый камень, а особый снаряд.

Стоящий у края стены Шеф увидел лишь промельк направленного на него движения. Он выбросил вперед руку, ощутил сотрясший тело удар, почувствовал, что распростерт на земле и на него навалилась какая-то масса. Попытался отбросить ее с себя, нащупал рукой что-то тугое и липкое, отчаянно в это вцепился. Подоспевшие воины освободили его и подняли на ноги. Шеф понял, что сжимает в руках человеческие внутренности, тянущиеся из лежащего у его ног разъятого трупа. Это был арбалетчик Тримма, его мертвое лицо застыло в нечеловеческой муке.

— Они стреляют в нас нашими же мертвецами, — объяснил Бранд. — Должно быть, они знали, куда мы направляемся, и притащили большую катапульту, чтобы встретить нас. Это люди, убитые ночью.

«Снова нас опередили, — подумал Шеф. — Снова нас опередили. Я не знаю, что теперь делать».

— Мы окружены со всех сторон, — добавил Бранд. — И я не уверен, что от наших осталась хоть половина.

— Итак, поклоняясь Локи, мы ничего хорошего не добились, — с горечью сказал Торвин. Его белые одежды были разорваны и измазаны кровью. Ночью он крушил врагов своим молотом. Он не сумел спасти Скальдфинна, павшего у акведука. Еврей Соломон исчез, и никто не знал куда. От военной коллегии Шефа осталось шесть человек: он сам, Торвин, Бранд, Хагбард. Еще были Ханд, угрюмо глядящий в землю, и Свандис. «Следовало хотя бы раз за эту ночь вспомнить о ней, — подумал Шеф, — но я и этого не сделал». Та, в чьих жилах текла кровь Рагнара, обычно сама могла позаботиться о себе. Но теперь внутри ее текла и его собственная кровь, и кровь Рига. Почему он не был рядом с нею? У него были другие заботы.

И остались до сих пор. Крепостную стену то и дело сотрясали удары огромных камней, выпущенных из метательных машин Эркенберта — дьякон усовершенствовал их конструкцию, Шеф разглядел это через чудом уцелевшую подзорную трубу. Мог бы и не стараться, все равно северянам сейчас нечего противопоставить его требукетам. Казалось, военный совет Шефа погрузился в апатию и отчаяние. Даже Бранд, по-видимому, помышлял лишь о том, как достойно встретить свою смерть.

«Но это неправильно, — возразил Шефу внутренний голос. — Мы знаем, как плохи наши дела. Но мы не знаем, насколько плохи дела у противника». Врагам тоже был нанесен немалый урон, во время пожара и обстрела из дротикометов, в бесчисленных ночных стычках. Считалось аксиомой тактики, что тяжеловооруженных всадников нельзя использовать в ближнем бою ночью, когда слишком велики напрасные потери среди этих умелых и ценных воинов. Однако именно так и поступил император. Армия Пути теперь лишилась своих боевых машин, вот и все. Но когда-то они умели сражаться и без машин. Еще не все потеряно.

Взгляд Шефа упал на длинные жерди, которые кто-то сложил у парапета. А он и не знал, что их несут с собой, если бы увидел — запретил бы. Но раз уж они здесь... Да, вот и Толман, прячется за зубцом, невольно втягивая голову в плечи каждый раз, когда каменная кладка сотрясается от нового удара.

Шеф поднялся, постарался придать лицу бодрое и веселое выражение. Подошел к испуганному ребенку.

— Подумываешь о полете? — начал он. — Наверху будет безопасней, чем здесь. Поднимись-ка в воздух и разведай, что задумал неприятель. Квикка! Распакуй тюки и собери змея. А где твой зуб, укусил что-то твердое?

Бывшие рабы переглянулись и принялись натягивать холсты на жерди. Рабами они пробыли дольше, чем свободными, и рабские привычки вернулись к ним без промедления.

— Он уже забыл, что ударил тебя, — уголком рта прошептал один из них Квикке. — А пацан совсем напуган.

— Помолчи и привяжи этот трош, — ответил Квикка. Он сомневался, что все хозяева рано или поздно оказываются одинаковыми. Квикка устремил взгляд на свой амулет, знак принадлежности к касте летающих людей. Хозяин или нет, но король делал то, что до него не делал никто.

Через несколько минут Толман забрался внутрь конст-

рукции, которую шесть человек держали у края стены. Ветер усиливался, и змей возвышался над прилегающим валом на добрых сорок футов. Отсюда был прекрасно виден полукруг машин и людей, осаждающих северян снаружи, но Шеф хотел, чтобы Толман заглянул в невидимую зону, ведь атака наверняка начнется с внутренней стороны стены, из города.

— Мы быстренько тебя поднимем и спустим, как только ты махнешь рукой, — повторил король. — Постарайся не задерживаться.

Испуганное личико кивнуло, стартовики подняли змея на вытянутых руках, чтобы поймать ветер, мгновенье подождали и разом выбросили его вверх с края стены. Змей стал падать, и Шеф заметил, что ветер у стены завихряется. Затем начался подъем, моряки вытравливали толстый основной трос и тонкие тросы управления, едва ли нужные теперь, когда Толман уже так ловко научился работать боковыми крылышками. Шеф восхищался искусностью мальчика, ровно ведущего змея вверх и в подветренную сторону. У самого короля лучший полет длился считаные минуты. Однажды, когда наступит мир, он научится летать лучше.

— Они по-прежнему показывают свои фокусы, — сказал император своему новому папе, Петру II, который в миру звался Эркенбертом. Они стояли среди развалин ризницы, много лет назад разрушенной маврами. Святое Копье, как всегда, покоилось на левой руке императора, в зажиме рядом с лямкой щита. Позади четыре рыцаря Грааля охраняли реликвию и реющее над ней знамя. Все это находилось далеко в тылу, но не из-за страха смерти, а из опасения, что святыни могут попасть в руки язычников. «Я больше не буду оставаться в тылу», — подумал Бруно. Ярость начинала переполнять его. Враги бросают вызов не только императору, но и самому Спасителю, Его Церкви и Его земным святыням. Язычники добрались уже до Священного города, находились почти на расстоянии выстрела от стены Леонины и Базилики святого Петра, самого сердца христианской веры. Сегодня с этим должно быть покончено.

— Если они попробуют еще раз, у меня тоже есть в запасе фокус, — отозвался Эркенберт. — Но они уже опускают змея. К счастью для себя.

— Что ты разглядел? — спросил Шеф.

Мальчик отвечал прямо из седла, не стараясь выбраться.

— Внутрь от стены стоят пехотинцы в доспехах, вон там, — он показал рукой. — Примерно две или три сотни. В другой стороне никого не видать.

«И всего-то», — подумал Шеф. Конечно, многих просто не видно. Но враг понес огромные потери.

— Всадников нигде нет?

— Нигде. Я видел императора. Он был позади меня, в разрушенном здании с остатками белого купола. Думаю, что это был он. Рядом с ним стоял человек в черном, а позади — знамя.

— Какой рисунок был на знамени?

— Похож на твой амулет, государь. — Толман кивком показал на серебряную лесенку, видневшуюся под разорванной рубахой Шефа.

«Если бы мы только могли стрелять с небес, — сказал себе Шеф. — Или сбрасывать зажигательную смесь Стеффи. Тогда император был бы убит и война бы кончилась. Все войны бы кончились».

«Проблема войны машин в том, — отозвался ему внутренний голос, — что машины рано или поздно появляются у обеих сторон. Одни и те же машины. В этом и заключается истинный смысл «Песни гигантских женщин», с которой однажды познакомил тебя Фарман».

— Поднимись еще раз, — сказал Шеф. — Посмотри, нет ли в этих стенах проходов где-нибудь рядом с императором. Проходов, до которых мы могли бы добраться. Мы могли бы попытаться сделать вылазку.

Испуганное личико кивнуло, стартовики разошлись по своим местам. В двухстах ярдах от них Эркенберт удовлетворенно вскрикнул, увидев, что змей снова поднялся над стеной. Из-за развалин ризницы вышли рабочие, вбили в землю прочный пятифутовый столб, прикрепили на него конструкцию, напоминающую перевернутое железное стремя, а поверх нее установили самострел. Огромный самострел, шести футов в размахе.

— Это тисовое дерево, — сказал Эркенберт. — Вегеций не раскрывает секрет стали, из которой язычники делают свои самострелы. И про эту штуку он тоже ничего не объяс-

няет. Я сделал ее, когда мы увидели, как змеи взлетают над иудейской крепостью. Это будет первое испытание нового оружия, во славу святого Петра и его Святого города.

Толману и раньше, при осаде Септимании, доводилось видеть летящие в него стрелы, выпущенные на авось императорскими солдатами. Он знал, что пущенная точно вверх стрела пролетит меньше, чем стрела, пущенная вдоль земли. Он не боялся вражеских луков, и даже арбалеты, которые имелись только в армии Пути, не смогли бы его достать. Когда первая стрела в ярд длиной просвистела рядом с ним и навылет пронзила боковое крылышко, он не понял, что это было. Затем прямо под собой он увидел вновь натянутый самострел и понял, откуда грозит опасность.

— Он сигналит, чтобы его опускали, — сказал глядевший в подзорную трубу Шеф. Человек около троса начал подтягивать его, собирая кольцами себе на локоть, поскольку лебедки у них уже не было. — Что-то идет не так.

Вторая стрела попала уже в корпус змея, собственно говоря, целящимся больше ничего и не было видно. Она ранила Толмана в колено. Мальчик задергался от боли, и змей чуть не потерял ветер. Потом Толман справился с собой, постарался развернуть машину так, чтобы помогать тянуть ее вниз, но чтобы при этом поток попадал на плоскости чуть-чуть снизу и змей не начал падать. Его подтянули вниз, и дальность для выстрела из самострела уменьшалась. Тисовый самострел перезаряжался дольше, чем арбалеты с ножной рейкой, два человека просто тянули изо всех сил тетиву и зацепляли ее за храповик. Однако они вполне успевали сделать третий выстрел.

Толману оставалось до сулящей безопасность стены каких-то десять футов, когда тянущиеся подхватить его люди услышали свист стрелы, увидели, как его личико исказилось и тело дернулось от удара. Но они все еще не знали, куда он ранен. Поймав змея над зубцами стены, люди попытались достать мальчика из седла. Но не смогли его сдвинуть, он будто застрял. Потом Шеф залез внутрь, чтобы разрезать упряжь, и увидел огромную стрелу, пронзившую седло и все тело насквозь. В четыре взмаха ножа Шеф разрезал веревки, вытащил Толмана вместе с седлом и стрелой. Мальчика невозможно было положить, мешала стрела. Шеф стоял, прижимая ребенка к груди, и кровь струилась по его рубахе.

— Где Ханд? — крикнул он.

Маленький лекарь уже был здесь. Он принял ребенка с рук Шефа, бережно положил его на бок и быстро разрезал седло и одежду. Уселся на корточки и ободряюще похлопал Толмана по щеке. Шефу уже доводилось видеть, как Ханд это делал. Это означало смертный приговор.

— Не надо ничего говорить, — успокаивающе пробормотал он. Но на лице Толмана теперь была написана не только боль, но и тревога. Он пытался сказать что-то, повернул лицо к Шефу. Король склонился над ним, стараясь расслышать слова умирающего. Это что-то связанное с императором...

— Что? Что это было? — спросил он.

Голова мальчика склонилась набок, и Ханд выпустил ее из рук, профессиональным жестом закрыл глаза умершего. Он взглянул на своего повелителя и бывшего друга с отвращением и ненавистью, которые снова и снова охватывали его в этом походе. Шеф не обратил на него никакого внимания.

— Он что-то увидел. Он пытался мне что-то сообщить. Что-то важное. Есть у нас другой змей? Кто-нибудь еще сможет подняться вверх?

— Они притащили и твой змей, тот, большой, — раздался чей-то голос.

— Ты сможешь посмотреть сам, — сказал другой.

— Ешли не намерен пошлать еще одного пачана, — сказал третий. Это Квикка, все так же шепелявит из-за выбитого переднего зуба. Шеф вдруг вспомнил, как ударил его ночью, грозился снова сделать рабом. Но не мог вспомнить, из-за чего. На всех обращенных к нему лицах был написан гнев, даже презрение. Раньше он с подобным не сталкивался, и это со стороны его собственных людей, которых он освободил из рабства. Хотя нет, такой взгляд он однажды видел. У Годивы. Из-за него Шеф и отправился в этот поход.

— Тогда собирайте моего змея и посадите меня в него, — сказал король, и собственный голос словно бы доносился до него издалека.

Прошло, казалось, какое-то мгновенье, и он уже сидел в седле, дюжина человек держала его, другие привязывали тросы. На фут ниже своего лица он увидел глаза Квикки.

— Прости, — сказал Шеф.

Воины подбросили его навстречу поднимающемуся ветру.

Как это было и с Толманом, он мгновенно провалился вниз вдоль стены. Несколько секунд он не видел ничего, кроме мелькающих перед собой серых квадратных камней, и вспоминал о человеке, который прыгнул с башни Дома Мудрости, прыгнул и полетел прямо вниз. Затем снова вернулось ощущение подъема, и Шеф почувствовал, что ветер подхватил его. Летная команда торопливо травила тросы, змей начал подниматься, уже видно было, что находится на стене. Шеф увидел Бранда, ругавшегося и дравшегося с теми, кто запустил змея, увидел выстроившихся вдоль стены арбалетчиков, они начали стрелять вниз, чтобы убить или отвлечь людей, сбивших Толмана. Пора оглядеться и увидеть то, ради чего погиб Толман. Да, вот вражеские войска, они строятся для штурма. Не там, куда показывал после первого полета Толман, они группируются позади виллы, от которой две лестницы ведут к городской стене, занятой остатками его войска. Шеф высунулся, насколько это было возможно без риска опрокинуть неустойчивую конструкцию в нисходящий полет, и закричал во всю мощь своих легких, много громче, чем пищал Толман.

— Там! Там! — он ухитрился высвободить руку и махнуть ею.

Что ж, хотя бы Бранд его понял, побежал в нужном направлении. Стеффи тоже был на стене, возился со своим хозяйством, к которому добавилась куча глиняных горшков.

— Сожжем ублюдков заживо, — весело приговаривал он, наливая адскую смесь в горшки, позаимствованные на кухне кордегардии.

— Дайте им подняться до середины, потом стреляйте, — басил Бранд, организуя оборону. — И не убивайте их, стреляйте в живот. Это отпугнет остальных.

Ханд оторвался от тела мертвого ребенка, вспомнил о всех пациентах, которых не смог спасти ночью, вспомнил обожженных и обгоревших людей, которых лечил до этого, вспомнил смерть, хаос и поклонение Локи. Он выхватил у Квикки с пояса тяжелый секач, подбежал и разрубил причальный трос. Змей дернулся, стал подниматься ввысь. Один из людей на тросах управления попытался наклонить змея

обратно, но перестарался и сразу вытравил трос, чтобы не ввести машину в пикирование. Ханд полосовал остальные тросы, люди пригибались и отскакивали от него. Через несколько мгновений остался единственный трос, он тянул машину за угол и опрокидывал ее, ведь его тяга уже не компенсировалась другими тросами. Пришлось отпустить и его.

Змей задрал нос, неуклюже завалился в крен и поплыл прочь, уносимый ветром в пригородные поля, постепенно теряя высоту, пока неопытный пилот пытался восстановить управляемость машины.

Под пение труб воины императора хлынули к ведущим на стены лестничным маршам, оборона которых держалась теперь только на мечах и топорах.

Глава 34

Когда тросы начали дергаться и рваться из-за заварухи внизу, Шеф почувствовал, как непредсказуемо его швыряет в разные стороны, испытал инстинктивный тошнотворный страх падения, страх пустого пространства под ним. Потом оборвался последний трос, и воздушный поток снова ударил в плоскости, подхватил змея, словно ласковое море — пловца. В тот же миг Шеф понял, что его несет вверх и в сторону, стены Рима удалялись, обращенные к нему лица людей уже превратились в белые точки.

При свободном полете, вспомнил король, нужно развернуться лицом по направлению ветра, а не навстречу ему. Толман умеет... умел это делать. Нервы Шефа не выдерживали даже мысли о таком развороте. Не лучше ли так и планировать по ветру задом наперед, может быть, его унесет далеко, прочь от войны и нескончаемых страданий.

Ничего не выйдет. Ветер изменится, бросит его на камни или в какое-нибудь ущелье, умирать со сломанным хребтом от жажды. Нужно развернуться немедленно. Толман говорил, что это похоже на быстрый разворот корабля на веслах. С помощью крылышек один бок поднять, другой опустить, наклониться всем телом вместе со змеем и заложить вираж, а в конце разворота выйти из крена. Стараясь опередить свой страх, Шеф заработал рукоятками управления, стараясь дви-

гать их плавно и согласованно. Змей незамедлительно завалился набок, тело инстинктивно попыталось наклониться в другую сторону, избавиться от головокружительного крена. Держи себя в руках. Делай, что говорил Толман. Шеф постарался с помощью мышц спины и живота развернуться в нужном направлении. Змей быстро снижался, по-прежнему заваляясь на один бок. Выправи полет, работай боковыми крылышками, разворачивай зажатый между лодыжек рычаг хвоста. Несколько мгновений он ястребом пикировал на склон, усеянный точечками вилл, его тень скользила впереди, уносясь прочь от Рима и восходящего солнца. Летим! Шеф стал летающим человеком, сбежавшим от врагов Вёлундом, парящим в потоках воздуха кузнецом, отомстившим своим мучителям. В порыве восторга Шеф выкрикнул строки из «Баллады о Вёлунде», которую часто вспоминал Торвин, горестные слова злобного короля Нитхада, бессильного отомстить своему хромому, но недосягаемому врагу.

Никто не сможет сбить тебя с коня.
И нет кудесника послать стрелу туда,
Где ты летишь тропой своей небесной,
Резвясь, как нерестящийся лосось.

Земля быстро приближалась, слишком быстро, в пикировании он набрал скорость и не знал теперь, как погасить ее. Задрать вверх нос змея, как лыжник на мягком снегу поднимает носки лыж? Шеф развернул оба крылышка, увидел, что нос задрался и закрыл от него землю. Начал ли змей набирать высоту? Или скользит вниз, развернувшись брюхом навстречу камням?

Хвост змея, ударившись о землю, подскочил, Шеф увидел впереди каменистый уступ расположенного на террасах поля, попытался...

Удар отшиб дыхание, и Шеф почувствовал, что скользит куда-то в мешанине холстов и сломанных жердей, попытался выдернуть руки, чтобы прикрыть голову. Что-то хлестнуло его в лицо. Потом все остановилось.

Несколько мгновений он лежал абсолютно неподвижно, в сознании, но ошеломленный. Как бы то ни было, он на земле. И жив. Насколько сильно он разбился? Шеф медленно повел во рту языком, пересчитал зубы. Высвободил левую руку и ощупал, не сломан ли нос. Пока все цело. Высвободив

обе руки, вытащил свой острый поясной нож. Разрезать веревки, разрезать кожу седла, теперь он, по крайней мере, знает, где верх, он лежит ничком за стенкой, через которую, по-видимому, кувыркнулся. А теперь попробуем выбраться.

Шеф глянул на свою левую лодыжку и понял, что она вывихнута. Ступня торчала под невозможным углом. Боли нет, нет вообще никакой чувствительности, но он знал, что ее нельзя трогать, чтобы не повредить еще больше. Шеф перевалился на правый бок, выбрался из обломков, стараясь не зацепиться за что-нибудь больной ногой, и откинулся на спину.

Вот теперь пора. Ему случалось видеть, как это делает Ханд. Быстро и решительно вправить кости, пока пациент не успел завопить и сжать мышцы. Легче, если не придется нагибаться. Вытянув ногу прямо перед собой, Шеф согнулся, сразу ощутив пронзительную боль в ребрах, ухватился за вывернутую вбок под прямым углом ступню и резко дернул вперед.

Боли по-прежнему не было, но он ощутил жуткий скрежет в глубине сустава. «Будь здесь Ханд, он бы сделал разрез, выправил своими умелыми пальцами кости, промыл рану Уддовым спиртом, который арабы называют *al-kuhl*. Возможно, тогда я смог бы идти. А сейчас мне придется сползать по склону холма. По крайней мере я жив».

Шеф приподнялся на руках. Он сможет дотянуться до верха стенки и ковылять вдоль, пока не удастся сорвать ветвь оливы. Сделать костыль. Постараться выйти на дорогу, найти себе лошадку или телегу. Прямиком направиться в гавань к кораблям, где Фарман с отрядом охраны ждет его. Его война окончена.

Едва Шеф протянул руки к стенке, по другую ее сторону появились люди. Шлемы. Кольчуги. Два человека сиганули через стенку, подошли к королю с обоих боков, вытаскивая мечи. Возможности сопротивляться не было, он не смог бы даже оторвать руки от стены и устоять на ногах без опоры. Возможно, они итальянцы, сторонники низложенного папы, попробовать подкупить их золотыми браслетами...

— *Wir haben den Heidenkuning gafangen*, — сказал один из них, — *den Einooger.*

Достаточно похоже на родной английский язык Шефа, чтобы он смог понять. «Мы схватили языческого короля, одноглазого». Нижненемецкий. Братья Ордена.

Они отведут его к императору.

Если их император все еще жив. Шеф совершенно справедливо полагал, что каждой противоборствующей стороне редко бывает известно о слабости противника. Когда занялся рассвет и император посчитал свои потери, он понял: хотя враги скоро будут не в состоянии удерживать занятый ими участок городской стены, ему самому едва ли хватит сил, чтобы реализовать свое преимущество. Он начал это сражение, имея в основном составе армии три тысячи воинов. Ныне их оставалось меньше двух тысяч — не только из-за потерь, но также из-за тайного дезертирства ночью.

И все же он достаточно хорошо знал, что ему делать. Пока гигантские катапульты Эркенберта вели беспокоящий обстрел, Бруно расставил полукругом снаружи городской стены свои менее ценные войска, греческих моряков, франкских лучников, баккалариев из Камарге. Если люди Пути направятся прочь от города, они заплатят по пути кровавую дань, встречая засады и атаки на пересеченной местности.

Лучшие войска находились внутри города. Часть из них перегородила прочными заграждениями проходы поверху стены с обеих сторон от осажденного бастиона северян. Император не хотел, чтобы враги прорвались вдоль по стене влево или вправо. Остальные войска группировались в укрытиях вне зоны прямой видимости, ожидая, когда император отдаст приказ идти в последний штурм по двум широким каменным лестницам на притаившиеся за парапетом остатки Армии Пути. Чтобы навсегда покончить с ними и с их королем-вероотступником. Здесь собрались все братья и риттеры Ордена, за исключением небольшого караула, выставленного поблизости в городе для охраны Святого Грааля и его святейшества папы. Среди монахов находились оставшиеся в живых и все еще готовые идти в бой франкские рыцари. Общим счетом около шести сотен человек. «Последний резерв христианского мира», — подумал Бруно. Но он приготовился кинуть свой последний резерв в битву, которая станет последней. Император обходил ряды, надев свои боевые доспехи. Святое Копье по-прежнему торчало из-за щита, прикрепленное рядом с его центральной лямкой. Братья и рыцари Ордена тянулись к выступающему наконечнику Копья, а проходящий император благосклонно им улыбался. При звуке колокола все войско встало на колени, каждый затолкал в

рот щепотку травы, соломы, а то и грязи, и проглотил ее в качестве последнего причастия перед смертельной битвой, а священники провозгласили коллективное отпущение всех грехов, назначили епитимью — храбро сражаться — и обещали райское блаженство павшим в бою за веру.

Затем армия поднялась с колен и разбилась на две колонны, каждая предназначалась для штурма одной из каменных лестниц, имевших восемь футов в ширину и тридцать футов в высоту. Оставшиеся у императора лучники выстроились в ряд и принялись стрелять из своих слабых луков вверх по стене. Их задачей было только помешать арбалетчикам, не дать им стрелять вниз, в идущих на штурм тяжеловооруженных пехотинцев. Несколько мгновений стрелы и арбалетные болты порхали вверх и вниз, потом стрельба сверху затихла: большинство арбалетчиков истощили свои колчаны ночью, а вражеские стрелы не могли заменить арбалетные болты. Трубы христиан сыграли атаку.

Император не пошел в первых рядах и приказал Агилульфу точно так же держаться позади колонны, штурмующей вторую лестницу. На острие атаки шли самые молодые из риттеров, жаждущие славы, мечтающие погибнуть за Спасителя и за императора. Тяжеловооруженные пехотинцы проворно поднялись по ступеням, и мечники викингов вышли им навстречу, по пять человек против пяти на каждой из двух лестниц. Первый тупой клин возглавлял шведский вице-король Гудмунд, а второй — Стирр, родич Бранда. Когда рыцари Ордена приблизились, Стирр, не обращая внимания на цокающие по камням стрелы, вышел вперед, обеими руками ухватил топор за рукоятку, держа ее горизонтально и расставив руки на ширину плеч. И вдруг прыгнул, подтягивая колени к подбородку, перескочил через рукоять обеими ногами так, что она оказалась позади него, а потом снова прыгнул, обратно. Викинги захохотали, а Стирр весело подкинул топор высоко в воздух и небрежно поймал его.

Передний рыцарь рванулся через последние ступеньки, чтобы добраться до бородатого шута во время его ужимок. Его меч стремительно ужалил снизу, направляясь прямиком в бедро. Стирр, двумя ступеньками выше, снова высоко подпрыгнул, перемахнул через клинок, приземлился на ноги и со всей силой рубанул топором. Рыцарь принял удар на щит,

как и ожидал Стирр, но верхняя часть лезвия пробила насквозь кожу, дерево и металл и глубоко вонзилась в руку. Стирр рванул топор назад едва ли не раньше, чем закончился удар, ведь при слишком глубоком проникновении топор мог застрять. Викинг парировал рубящий удар меча рукояткой топора по плоской части лезвия, еще раз рубанул от левого плеча, увидел на плече юного рыцаря новую рану. Ложный выпад, еще один, и на третий раз топор вошел между мечом и щитом, сокрушив грудину противника.

Критическим оком следивший за схваткой Бранд одобрительно кивнул. Он потратил немало времени, показывая своему двоюродному брату, как биться против мечника с боевым топором, имеющим слабую деревянную рукоять, зато позволяющим нанести очень мощный завершающий удар. Стирр хорошо усвоил урок. Зазвенело оружие, викинги поднажали и сбросили врага с верхних ступеней, затем отступили, промежуток между противниками был теперь заполнен убитыми и ползущими в соответствующие стороны ранеными.

Бруно смотрел то в одну сторону, то в другую. Он убедился, что обе колонны остановлены, а лучники бессильны против находящихся высоко над ними людей в кольчугах. Пора самому приложить руку, сослужить службу Господу. Бруно потянулся было, чтобы вынуть Святое Копье из зажима на щите, но передумал и оставил его на прежнем месте. Сегодня он служит Господу, и, возможно, это будет самая главная в его жизни служба. Пока Копье с ним, он непобедим. Император прошел через ряды воинов к подножию лестницы.

Бранд сразу же узнал его по размаху могучих плеч, из-за которого фигура Бруно при среднем росте казалась приземистой, обезьяноподобной. Бранд ощутил холодный спазм в животе, в том месте, куда вошел меч Ивара. Это был страх, которого Бранд не испытывал в схватках с более слабыми воинами. Но сейчас вышел настоящий ратоборец. Возможно, Стирр способен встать с ним лицом к лицу. Стирр унаследовал нечеловеческую силу их общего предка, в его жилах тоже текла кровь Барна, сына троллей. Стирр никогда не получал серьезных ранений, он был молод и испытывал уверенность в себе, которой так не хватало Бранду.

Бруно пробирался вверх по лестнице, как леопард, сначала перепрыгивал через ступеньки, потом преодолел завал

из трупов с такой легкостью, словно находился на ровной площадке и его доспехи ничего не весили. Стирр спустился на пару ступенек навстречу, а его товарищи чуть подались назад, чтобы не мешать поединку. Император прыгнул на ступеньку, еще одну, а Стирр раскрутил свой топор и ударил им в сторону щита. «Слишком быстро, — подумал Бранд, — слишком торопливо». Он стал проталкиваться через ряды наблюдающих за схваткой викингов, чтобы прийти на выручку своему родственнику.

Бруно принял удар Стирра на щит, но щит его уже был развернут так, чтобы топор пошел в сторону, не смог вонзиться. Прежде чем Стирр успел собраться, ударил меч императора, Стирр отбил его железным набалдашником щита, уже замахиваясь топором от левого плеча. На протяжении следующих десяти ударов сердца топор и меч под аккомпанемент звенящих щитов мелькали во всех направлениях. У Стирра уже текла кровь из ран на руке и голени, оба раза ему удалось отбить удар прежде, чем клинок дошел до кости, но в любой момент его сопротивление могло быть сломлено. Стирр отступил назад, к шумному разочарованию викингов во главе с Брандом, император ринулся вслед, чтобы не дать противнику передышки...

Стеффи, с самого утра возившийся со своими драгоценными огненными веществами, а также с глиняными горшками и кружками, позаимствованными в ближайшем караульном помещении, кинул первый изготовленный им огненный шар в голову императора. Бруно, не задумываясь, отбил его щитом, снаряд ударился о кожаную обивку, свалился на один из трупов и потихоньку покатился по ступенькам. Стеффи с изумлением выпучился на него. Если просто бросить снаряд на землю, он разобьется, и горящий фитиль воспламенит содержимое... А сейчас, когда было так нужно, чтобы снаряд разбился, он выдерживал удары, словно железный.

Стирр кинул свой круглый щит в лицо императора и вдогонку с неимоверной силой ударил топором снизу. Его противник, словно танцор, шагнул на узких ступеньках в сторону, дождался, пока не встретивший сопротивления топор на миг нарушит равновесие гиганта, и аккуратно кольнул Стирра прямо в рот, пронзив зубы, нёбо и мозг, затем шагнул назад, чтобы изящным поворотом кисти направить падающее тело вниз по лестнице.

При виде этого все на мгновенье притихли, потом рыцари Ордена с ревом бросились вперед, от нетерпения отталкивая друг друга. Вне себя от ярости Бранд протолкался, размахивая «Боевым троллем», на верхние ступени, чтобы отомстить за своего родственника.

Стеффи, не придавая значения ни начинающемуся поединку, ни неписаным законам чести, повторил свою попытку. На этот раз он швырнул глиняную кружку, заткнутую сверху тряпкой, и целился уже не в человека, а в каменную ступеньку под ним. Кружка разбилась, тлеющий фитиль упал на смесь серы, селитры и нефти. Вспышка, и под ногами императора затрещали языки пламени. Он перепрыгнул через них, ринулся с мечом на Бранда, отбил ответный удар. И вдруг отступил назад, выронил меч, еще отпрыгнул назад, железными рукавицами принялся сбивать охватившее ноги пламя. Бранд наседал с поднятым топором, забыв о кодексе *drengskapr*. Взорвалась еще одна пивная кружка, на этот раз у его ног, потом еще одна и еще, команда Стеффи, воодушевленная первым успехом, стала закидывать глиняными снарядами каждую свободную полоску камня на обеих лестницах.

Рыцари Ордена окружили своего императора, тушили его горящую одежду рукавицами и голыми руками. На второй лестнице Агилульф, который в подражание императору вышел на поединок с Гудмундом, незатейливо повернулся спиной и побежал, сбив по пути с дюжину своих воинов; ему уже доводилось побывать на краю огненной могилы, и один вид пламени приводил его в панику. Викинги ломанулись было вперед, но, почувствовав под ногами жар, остановились.

Обе противоборствующие стороны теперь потихоньку отступали, единственным звуком был рев пламени, призрачного пламени, которое выбрасывало клубы черного дыма и, казалось, ничего не сжигало. Арбалетчики, все утро выпрямлявшие и затачивавшие свои поврежденные стрелы, прицелились и выпустили последний залп, с силой пронзивший щиты и тела братьев Ордена.

— Отпустите меня, — выдохнул император, обращаясь к людям, которые тащили его подальше от выстрелов. — Отпустите меня, облейте меня водой, и мы должны попытаться еще раз.

— На этот раз неудача, *Kaiser*, — сказал баварец Тассо. —

Ты свалил большого ублюдка, но им было чем нас встретить. На этот раз достаточно.

Через ряды воинов проталкивался какой-то человек. Это был рыцарь из охраны Грааля, он не имел права покинуть свой пост, разве что в самом худшем случае. Но рыцарь улыбался.

— Эркенберт — я хочу сказать, его святейшество — просил немедленно подойти к нему. Он нашел кой-чего, что ты искал. Или кой-кого.

Онемение в лодыжке прошло, и появилась пульсирующая боль, каждый удар сердца отдавался в воспаленном суставе. Голая ступня покраснела и раздулась. Шеф держал ее над землей, пока не свело мышцы, его тошнило от одной мысли, что придется коснуться больной ногой чего бы то ни было. Он все еще старался стоять прямо и выглядеть спокойно, как и подобает воину перед лицом смерти, но все тело начинало дрожать от слабости, боли и усталости. Подумают, что он боится. Как там говорил Бранд? «Воин не должен хромать, пока ноги у него равной длины». Он постарается.

Разговорчики стражников замерли, и Шеф, прикованный за высоко поднятые запястья к стене, попытался выпрямиться.

И перед ним появился император, а рядом Эркенберт.

Они не виделись со времени битвы при Бретраборге, хотя не проходило дня, чтобы они не вспомнили друг о друге. Теперь они пытливо всматривались, чтобы проверить свою память, убедиться, какие следы оставило время.

«Император тоже ранен, — понял Шеф, — его суровое невыразительное лицо время от времени невольно подергивается от боли. От него пахнет кровью и гарью, и морщины на лице прорезались глубже». А император видел перед собой мужчину, не достигшего и тридцати лет, с сединой на висках и со взглядом, прищуренным как у человека на двадцать лет старше. Вокруг пустой глазницы плоть усохла и втянулась. Он шатался от слабости, на ногах его удерживали только оковы. Каждый из двоих однажды уже сохранил другому жизнь. Каждый видел в другом приметы решительности и тяжкого бремени ответственности.

— Ты вероотступник и бунтовщик против Бога, — сказал Бруно.

— Нет, не против Бога, — ни против твоего Бога, ни против любого другого. Только против твоей Церкви. В Англии ни один священник не подвергается преследованиям, ни один христианин не пострадал за свою веру.

Голос императора стал резче:

— Ты прятал от меня Святой Грааль. Выкрал его у меня обманом.

— Я нашел тебе Святое Копье. Если бы не я, оно бы никогда тебе не досталось.

Казалось, император не знает, что сказать. Его растерянность прервал голос фанатичного Эркенберта:

— Ты изготовил подложные книги и ложные Евангелия и распространил их по всему христианскому миру!

— Почему ты думаешь, что они ложные?

— Вот видишь! — крикнул Эркенберт императору. — В своей доброте ты готов простить его даже сейчас. Задумайся же вот о чем. Другие еретики грешны тем, что борются против нашей веры, а этот человек — если он человек — порочит все религии сразу. Если он добьется своего, все книги станут просто написанными словами, которые можно толковать и так и этак. Относиться к ним, как к клятвам лошадиного барышника или обещаниям шлюхи.

— Книги и есть просто слова, — слабо сказал Шеф, он уже терял сознание. — Просто нельзя спросить у писателя, написал ли он правду. Нельзя взглянуть ему в глаза.

— Он усомнился в Слове Божьем, — решительно заявил Бруно. — Это его грех перед Святым Духом. Как он должен умереть, ваше святейшество?

— Мы в Риме. Сделаем так, как делают римляне, мы распнем его.

— Разве он заслуживает умереть так же, как Спаситель?

— Святой Петр был распят вверх ногами, поскольку не дерзнул подражать Спасителю. Прибьем этого с высоко поднятыми над головой руками.

«Только не трогайте мою ногу», — подумал Шеф. Напрасная надежда. Ноги они прибьют тоже. Теперь он все больше и больше виснул на запястьях, все меньше и меньше веса держал на единственной здоровой ноге. Чем раньше он потеряет сознание, тем лучше.

— Сделать это там, где увидят его люди? — спросил голос из подступающей к Шефу темноты.

— Нет. Лучше, если о нем не будет никаких легенд, если он просто исчезнет. Уведите его куда-нибудь в сад. Пусть рыцари Грааля сторожат его, пока он не умрет.

Оковы с его рук сняли, он споткнулся, наступил на больную ногу и рухнул ничком. Император поглядел вслед тащившим его рыцарям.

— Он мог бы быть великим воином рати Господней, — сказал Бруно.

— И сатана некогда был Люцифером, светлейшим ангелом Небес, — откликнулся Эркенберт.

Его руки были вытянуты вверх, а ноги вниз. Он не ощутил, как в запястья вбивали гвозди. Как только стальное острие коснулось его больной лодыжки, он до крови закусил губы, чтобы не закричать, но после первого же удара уже ничего не чувствовал. Мучители прибили под ногами крошечную перекладину, выступавшую от ствола дерева, на котором его распяли, не больше чем на три дюйма, на нее он мог опираться. Почти всем весом. Когда здоровая нога больше не могла его удерживать, он опять повисал на пробитых запястьях, ощущал, как боль стискивает ребра. Теряя сознание, Шеф переносил вес на больную ногу и снова приходил в себя от пронзительной боли. Солнце медленно поднималось к зениту, и нескончаемой была череда обмороков и прояснений сознания.

Боги взирали на него из Асгарда без жалости и сочувствия, но с интересом и расчетливо. Здесь был его отец Риг, с лисьим лицом и коварным взглядом, и Вёлунд, чье место однажды занял Шеф, хромой кузнец, некогда бывший человеком, но взятый в Асгард за свое искусство. Впереди всех стоял одноглазый Один, враг Шефа и покровитель его врагов. Рядом с Одином стоял еще кое-кто, да, на его лице можно было различить следы страданий и змеиного яда, но они уже разглаживались и почти зажили. Из всех лиц меньше всего враждебности выражало лицо Локи. Но в нем было и меньше всего человеческого. Неспроста был Локи отцом, а также матерью чудовищного отродья. Из-за Шефа в мире тоже появились чудовища.

— Он висит, как однажды ты висел, отец, — сказал Локи. — Ты висел девять дней, чтобы обрести мудрость. Ему уже слишком поздно становиться мудрым.

— Он не может обрести мудрость, — сказал Риг. — Он сеет семя мудрости в других.

— Как ты сеял семя в Эдду, Амму и Мотир, мать, бабку и прабабку? — сказал Локи, лояльный, но острый на язык. — Ты обманул их мужей, улучшил породу. Но у этого его семя умрет вместе с ним. Что в том хорошего?

— Может быть, не совсем с ним, — сказал Риг.

— В любом случае, Локи, — вмешался Вёлунд. — Безжильный, изобретатель крыльев, — его настоящее семя не из тела. Его сыновья — это рабы, ставшие свободными. Стальных дел мастер Удд и моряк Ордлав. Воздушных дел мастер Квикка, который теперь носит мой амулет. Косоглазый Стеффи, который носит твой знак. Ты должен быть ему благодарен, Локи. Ты освободился и стал сильнее и станешь еще сильнее, но ты бы так и безумствовал внизу от змеиного яда, если бы он не дал людям повод поверить в тебя.

— Все равно не будет сыновей Шефа, Шефингов, как были сыновья Скволда, Скволдунги, — сказал Один.

Риг ничего не сказал, но Хеймдалль услышал его мысль, и умирающий человек тоже услышал ее. «Ваши Скволдунги проиграли, когда умер Сигурд, — подумал Риг. — Мой сын направил мир по дороге Шефингов. Не по дороге мира и не по дороге войны, но по такой дороге, где наши сыновья и дочери будут свободны в своем выборе, смогут делать себе богов по своему подобию. Будут сами выбирать меж добром и злом».

«Может быть, у Вёлунда найдется для меня место в кузнице, — подумал Шеф, не обращая внимания на беззвучную мысль Рига. — Там мне будет лучше, чем в лисьих норах отца моего Рига».

Видение исчезло, Шеф снова вернулся в мир палящего зноя и мучений. Солнце больше не светило в лицо, оно поднялось высоко над головой, но жгло даже через шапку побелевших волос. «Дадут ли они мне воды? — подумал Шеф. — Римские солдаты дали воду Иисусу, я это видел. И что же с Белоснежным Христом? Я не верю в него, но теперь он должен быть моим врагом».

На следующий раз к нему пришел его бывший король, король Восточной Англии Эдмунд. Десять лет назад летней ночью они вместе ждали смерти. Король окончил жизнь раньше его, умер от ножа и долота Ивара, сделавшего ему «кровавого орла». Он пришел к Шефу, когда тот тоже мучился от боли, лишившись своего правого глаза; ему тогда казалось, что он висит на Хлитскьяльфе, приколоченный сквозь глазницу, как сейчас он на самом деле приколочен за лодыжки и запястья. Но куда ушел король? Он сражался и умер за христианскую веру, даже под пытками отказался от нее отречься. Если Белоснежный Христос мог спасти кого-то, то уж, наверное, короля Эдмунда?

Король больше не держал в руках свой позвоночник. Казалось, он смотрит вниз откуда-то издалека, из места гораздо дальше Хлитскьяльфа, откуда боги Асгарда с таким интересом следят за делами людей. У короля и великомученика Эдмунда были теперь другие интересы. Он ушел куда-то дальше.

— В начале было Слово, — сказал он, и слова его падали как крыльчатки ясеня на ветру. — И Слово было у Бога. — Голос его изменился. — Но Слово не было Богом. Слово создали люди. Библия, Заветы, Талмуд, Тора, hadith, Коран, комментарии. Все они созданы людьми. И это люди превратили свои творения в Слово Божье.

— Труд больше чем простые слова, — мысленно ответил Шеф, вспомнив английскую пословицу.

— Это верно. И поэтому ты можешь быть прощен. Из-за того, что ты сделал, слова могут умереть, потерять свою значительность, ту значительность, в которой отказывали их авторам, простым смертным. Та значительность, которая проистекает от веры, — она может остаться. Те, кто хочет верить в христианское Спасение, в мусульманский Шариат, в Закон иудеев, по-прежнему свободны в своем выборе. Но они не могут заявлять, что их слова священны и неизменны.

Любое толкование может быть оспорено. Ты доказал это своему другу Торвину. Твоя подруга Свандис доказала это тебе. В Слове есть истина, но не единственная истина.

— Могу я верить твоим словам? — попытался Шеф заговорить с тающей фигурой. — Есть ли истина в моих видениях?

— Спроси Фармана, — донесся голос короля на высокой удаляющейся ноте. — Спроси Фармана.

«Фарман около кораблей, — подумал Шеф. — Около воды. Есть ли здесь вода?» Солнце уже светило ему в скулу. Он попытался крикнуть охраняющим его рыцарям, попросить дать ему пить или дать ему умереть, но вместо голоса вырвался только хрип, как воронье карканье. Рыцари разговаривали, они не слышали его.

— Если он в этот раз их не разобьет, они разобьют его.

— Он их разобьет.

— Итальянцы собираются, чтобы защищать своего антипапу.

Лающий смех.

— Итальяшки!

— Говорят, люди видели арабский флот...

— Греки его потопят. Где же твоя вера?

Молчание. Сомневающийся голос произнес:

— Хотел бы я, чтобы мы сражались вместе с императором.

— Мы здесь, чтобы охранять Грааль. И этого еретика.

— От кого? — буркнул сомневающийся.

Шеф знал, что теперь он близок к смерти, и жажда перестала его мучить. Чего он хочет? В последний раз увидеть Годиву? Нет, ей предстоит счастливая жизнь и счастливая смерть, она так же далека от него, как король Эдмунд. Тогда, может быть, он хочет увидеть ребенка, который был бы у них со Свандис? Если ребенок родится, с такой матерью его нет нужды защищать. Он хотел бы, чтобы он не ударил тогда Квикку. Он хотел бы снова увидеть Дом Мудрости и все, что Удд успел придумать за еще одно мирное лето.

Он увидел не Дом Мудрости, а главу его, Фармана, жреца Фрейра. Странно. Шефу доводилось встречать в видениях других знакомых людей, но только один человек видел его, отвечал ему, словно в самом деле был там, и этим человеком был Фарман — в видении кузницы богов. И сейчас Фарман снова появился, настойчиво его расспрашивал.

— Где ты?

— Я не знаю. Где-то в саду.

— Рим от тебя на востоке, — сказал Фарман. — Акведук на юге. Посмотри на тени.

Шеф открыл глаз, посмотрел на тень от дерева, на котором он висел, сейчас уже довольно длинную. Будь у него костяшки на проволоке, он мог бы сосчитать, мог бы сосчитать...

— Этого достаточно. Этого достаточно.

Нога Шефа соскользнула с крошечной перекладины, приделанной не из жалости, а для того, чтобы продлить мучения. Вес его тела переместился на запястья и на больную ногу. На этот раз боль не заставила его очнуться, она милосердно опустила его ниже всех уровней сознания.

Глава 35

Император собирал оставшиеся у него войска у подножия лестницы, от которой его недавно эвакуировали. На этот раз противники не делали попыток обмануть друг друга или застать врасплох. Это было похоже на игру, в которую любят играть солдаты. Два человека садятся напротив друг друга за столом, сцепляются руками, и каждый старается положить руку противника на стол. Соревнование на силу, а в случае равных по силе соперников — соревнование на силу воли. Если солдаты играют достаточно пьяными, они вбивают гвозди, чтобы их острия торчали из стола и прокололи ладонь проигравшего. Это чрезвычайно стимулирует силу воли. И именно так дела обстояли сейчас. Весь день циркулировали разнообразные слухи, одна за другой вспыхивала вдруг паника: итальянцы восстали, у берега видели арабский флот, король язычников улетел на своих волшебных крыльях, чтобы привести новую армию. Все это не имело значения. Король язычников мертв или скоро будет мертв. Его армия будет к завтрашнему утру разгромлена. После этого Бруно намеревался уйти в горы, отступать до самой Германии, где можно будет собрать силы для возвращения. Но нынешнее дело нельзя оставлять неоконченным, нельзя давать повод для легенд о победе над императором.

Бранд после полудня чистил свои доспехи и обдумывал, какое оружие выбрать. У него был такой же настрой, как у императора. Большая часть его армии, вернее, того, что от нее осталось, превратилась в простых зрителей из-за ране-

ний или нехватки боеприпасов и оружия. Он рассчитывал, что большая часть армии противника находится в таком же состоянии. Бранд видел, что сторожевые посты снаружи от стены все время тают — из-за дезертирства и оттого, что надежные части отзывают для неотложных надобностей внутри городских стен. «В конце концов все дело решится в схватке нескольких ратоборцев. Может быть, только двоих ратоборцев», — подумал Бранд.

Вопрос был, каким оружием драться с ублюдком. Бранд не думал, что Бруно окажется так же стремителен, как Ивар, или так же силен, как он сам. Но император определенно был быстрее, чем Стирр и Бранд, и сильнее, чем Ивар. Бранд решил не брать свой топор «Боевой тролль». Против действительно искусного мечника, в отличие от просто хорошего или среднего, топор не давал преимуществ. Бранд взял меч у Гудмунда, помял его в руках и вежливо отказался. В конце концов Бранд решил полагаться на голую силу, а по силе он превосходил любого человека. Он позаимствовал у одного из английских коротышек алебарду и, отпилив половину древка, сделал из нее невероятно массивный топор. Никакой другой человек не сумел бы управляться с ним одной рукой. Это и будет его, Бранда, преимущество. Топор с одной стороны рукояти, шип с другой и наконечник копья впереди. Три оружия сразу, и все три довольно громоздкие. Бранд также отказался от своего щита, взял у кого-то из убитых другой щит и, обкорнав его до половины диаметра, накрепко привязал к левому предплечью, так что кисть руки оставалась свободна. Поверх кольчуги он надел кожаную куртку с еще одного убитого, у нее на левой стороне слой кожи был двойным, это позволяло хотя бы немного обезопасить область, которая должна быть прикрыта нормальным щитом.

Когда у неприятеля опять затрубили в трубы, набычившийся Бранд вышел к вершине лестничного марша. Ему было жарко и хотелось пить — враги давно перекрыли поток воды в акведуке. Бранд уже ничего не боялся.

Император стоял во главе своих отборных тяжеловооруженных пехотинцев. В первых рядах у германцев появились какие-то непонятные устройства.

— Это что ж у них такое? — спросил Бранд у Стеффи, взявшего в руки один из последних трех огненных снарядов.

— Я вижу, у них там навроде шланги, — сказал Стеффи. — Небось для воды. Какие-то водяные насосы. Наверное, чтобы тушить пламя.

И действительно, люди Бруно разыскали муниципальных пожарных и заставили их принести противопожарное оборудование.

— Эти штуки ни к чему, — крикнул Бранд по-норвежски. Он знал, что Бруно поймет его, тот выучил язык за время поисков Святого Копья. Бранд развернул Стеффи назад, легонько подтолкнул его.

— Эй, здоровяк, дай я поднимусь и подеремся! — крикнул Бруно.

— Я спущусь вниз.

— Если я тебя побью, твои люди сдадутся?

— Если ты победишь, спроси их сам. А если победа будет моя, я спрошу твоих.

Бруно подошел к подножию лестницы, а его германцы немного отступили, оставив свободное пространство в двадцать футов шириной.

Но не все взгляды были устремлены на ристалище. Наверху за парапетом шептались Квикка с Озмодом.

— Как ты думаешь, что случилось с хозяином?

— Он разбился! И они его захватили.

— Мертвого? Как считаешь?

— Пошмотрим, — ответил Квикка, по-прежнему шепелявя своим щербатым ртом. — Кто б там внизу ни победил, я намерен, как только стемнеет, скинуть со стены веревки — я приготовил из оснастки змея с полдюжины достаточно прочных, — и мы все сможем спуститься. По крайней мере, все англичане. А потом прорвемся и будем искать государя.

— В чистом поле они нас порежут на кусочки. Арбалеты теперь бесполезны.

— С этими парнями то же самое, что с нами. Многие из них уже сыты по горло. Как ни крути, нас три сотни человек, разозлившихся и с ножами, — мы пройдем их насквозь. Направимся туда, где утром стояли эти проклятые машины, и посмотрим, кого сможем поймать.

— Я слышала вас, — вмешалась в их перешептывания Свандис. — Я тоже пойду.

Внизу раздался звон оружия.

Правильный поединок мечников обычно основан на ударах и отбивах, использовании меча и щита одновременно, на скорости реакции противников и силе их запястий. Бранд не собирался драться таким способом. Он бы тогда проиграл.

Сталь начала звенеть, когда император, без салюта и без предупреждения, проскочил через разделяющее соперников пространство и снизу ударил в незащищенный щитом бок. Бранд едва успел отбить клинок железным наконечником алебарды и тут же поднырнуть под немедленный удар обратной стороной меча. Затем он тоже пришел в движение, затанцевал на цыпочках, все время смещаясь вправо, подальше от меча императора и поближе к его щиту, над которым снова виднелся наконечник Святого Копья. После первого удара Бранд не пытался парировать клинок, только уклонялся, держался на расстоянии. На дальней дистанции у него было преимущество даже перед длинноруким и широкоплечим императором. Бранд потихоньку отступал, каждые несколько секунд делая выпад своим громоздким оружием. Когда император приготовился еще раз неожиданно прыгнуть на него, Бранд сам шагнул вперед и взмахнул алебардой. Он хлестнул двадцатифунтовым отточенным наконечником так, как мальчишка бьет хворостиной по головке чертополоха. Император принял всю силу удара на щит, отлетел в сторону, споткнулся, но выправился. Мгновенье он встревоженно глядел на внутреннюю сторону своего щита, где закреплялось Святое Копье. Оно было по-прежнему на месте, хотя теперь по нему текла кровь из рассеченной руки Бруно; так восемь столетий назад по нему текла кровь Спасителя.

— Теперь реликвия тебе не поможет, — прорычал Бранд, у которого заметно участилось дыхание. Двигался он все еще с легкостью, но, готовясь к новому удару, опустил алебарду на правое плечо.

— Богохульник! — воскликнул император и хотел кольнуть его в пах.

Бранд уклонился от прямого выпада, постарался рубануть противника в лицо и снова наткнулся на щит. Но щит императора уже принял два мощнейших удара, он был расколот и в двух местах пробит. Еще пара ударов, и Бруно останется без своей двойной защиты. Без щита и без своей реликвии. Левой рукой император отпустил лямку щита и попытался нащупать

Копье, чтобы подхватить его, даже если щит развалится. Бранд заметил заминку и ринулся вперед, размахивая алебардой то от левого, то от правого плеча, то поверху, то понизу, так что массивное оружие только посвистывало в его медвежьих лапах. Теперь наступила очередь императора отскочить назад, его руки были высоко, а удар просвистел у самого живота. Бруно почти упирался в ряды своих воинов, и Бранд шагнул назад, насмехаясь над бегством императора и стараясь выманить его на открытое место.

И опять не все взгляды были обращены на поединок. Начинались короткие итальянские сумерки, и Ханд принялся за дело. Он тоже услышал перешептывания Озмода и Квикки. Ханд украдкой взял одну из приготовленных Квиккой веревок. Свандис, наблюдавшая за поединком в толпе сгрудившихся у парапета воинов, почувствовала руку на своем плече. Ханд поманил ее, и она молча ушла вместе с ним. В подступающей темноте они мягко прокрались на цыпочках, добрались до акведука, по которому отряд шел прошлой ночью. Он не охранялся, часовые ушли в другую сторону. Ханд махнул Свандис, чтобы встала на четвереньки. Малыш-лекарь начал торопливо спускаться по акведуку, укрывшись за его четырехфутовыми стенками. Через несколько ярдов Свандис спохватилась и шепнула:

— На другом конце будут часовые!

Ханд показал ей веревку:

— Мы переберемся через край, прежде чем акведук упрется в землю. Укроемся за опорой. Они нас не увидят. Лучшие люди императора сейчас вместе с ним по ту сторону стены.

Заходящее солнце мешало теперь обоим соперникам, но императору больше. Бранд стоял спиной к тому месту на западе, где солнце коснулось городских стен. Его руки и плечи были освещены, а туловище уже покрылось тенью. Иногда его удар скользил в тени, иногда сверкал на солнце, и от щита императора остались только щепки. Одна лямка оторвалась, даже Святое Копье болталось в зажиме. Но Бранд заметно устал, а император двигался так же быстро и ловко, как вначале. Зрители первое время молчали, тревожась за исход поединка, потом принялись возбужденно кричать на самых разных языках.

— Пользуйся своим щитом, Бранд!

— Коли острием, *herra*!

— Не останавливайся!

— Ударь его Копьем!

Эркенберт тоже считал, что приближается решающий момент. По его собственным представлениям, именно он предопределил исход событий в день уничтожения Королевского дуба в языческой Упсале, своевременно накинувшись на необъятное дерево с топором. Когда придет пора составлять его агиографию — описание жития святого, — хорошо бы, чтобы отыскалась деталь, подчеркивающая присутствие Эркенберта и при втором великом посрамлении язычников. Схватив знамя Грааля с алтаря, Эркенберт выскочил из толпы, поднял знамя и гаркнул во всю силу легких:

— *In hoc signe vinces*! С этим знаком победишь!

Бранд увидел, что император отвлекся на крик, и впервые за все время взялся за рукоять своей алебарды обеими руками. Он яростным взмахом отбил удар в голову, шагнул два шага вслед отступающему противнику, снова прижатому к краю площадки, и полным махом обеих рук ударил от плеча в туловище. Слишком высоко, чтобы перепрыгнуть, слишком низко, чтобы поднырнуть, а отскочить уже некуда.

Император шагнул внутрь описываемой алебардой дуги и ударил своим мечом из лучшей испанской стали не по оружию, а по запястью держащей его руки. Мгновение казалось, что удар продолжается, алебарда ткнулась в разбитый щит императора и выбила его вместе с Копьем. Затем алебарда покатилась по земле, все еще зажатая в отсеченной руке. Кровь мгновенно хлынула из запястья Бранда, его сторонники издали громкий стон.

Император опустил меч, он осознал, что лишился щита, и встревоженно обернулся к Святому Копью, лежащему рядом с отсеченной кистью руки Бранда. В этот момент Бранд снова шагнул вперед, с бессильно повисшей искалеченной правой рукой. Но к левой руке у него был привязан маленький щит, которым он еще ни разу не воспользовался. Сжав кулак, Бранд ударил левой рукой сверху вниз. Край щита угодил прямехонько в шею императора, нагнувшегося за своей реликвией. Кость сломалась с треском, от которого меж стен метнулось эхо. Затем в наступившем гробовом молчании император рухнул ничком, и голова его вывернулась под неестественным углом.

Бранд стремительно нагнулся и вырвал Святое Копье из мертвой руки. С дюжину рыцарей Ордена инстинктивно подались вперед, протягивая руки к священному предмету. Бранд отступил в толпу нахлынувших викингов, размахнулся левой рукой и зашвырнул Копье на стену; заходящее солнце последними лучами высветило инкрустированные на наконечнике золотые кресты.

— Ваш Бог вас обманул! — выкрикнул Бранд, а заботливые руки уже бинтовали его запястье и накладывали жгут на предплечье.

Некоторые из рыцарей поняли его слова, а некоторые нет. Но всех их охватил один и тот же мистический ужас. Больше они не будут сражаться. Сначала им требуется осознать, что произошло. Рыцари и братья Ордена потянулись в прилегающие к крепостной стене закоулки, мечтая лишь добраться до своих лошадей и покинуть злосчастный город.

Двое из них, баварец Тассо и бургундец Йонн, задержались, чтобы поднять с земли тело своего императора. Тассо закинул тело на плечо, а Йонн обнажил меч и пятился в арьергарде, готовый отразить любой враждебный выпад. И тут взгляд его упал на знамя Грааля, все еще воткнутое в землю. «А где же наш жалкий дьякон, которого покойный император сделал Римским папой?» — с яростью и отчаянием подумал Йонн. Эркенберт обманул, и его знак тоже был обманом! Йонн ударил мечом по древку знамени, и с последним лучом солнца оно низверглось на землю.

Шеф понимал, что уже умирает, тьма сгустилась вокруг него. Он не знал, ночь ли это или его подводит его единственный глаз. Он все еще мог слышать. Из темноты доносился знакомый голос, в первый раз Шеф услышал этот голос много лет назад в Йорке, в день, когда началась его подлинная жизнь, в день смерти Рагнара. Это был голос Эркенберта, и он выкрикивал: «Император убит!» Но как такое могло случиться?

Внизу послышались голоса многих людей. Рассудок Шефа сделался напоследок пронзительно ясным, и легко стало разобрать, о чем они говорят, но он не слишком прислушивался. Рыцари Грааля спорили между собой, не в силах поверить, что их император с его священной миссией потерпел

поражение. Раздавались обвинения в вероломстве и предательстве, потом началась свара из-за золотого ларца, в котором хранился Грааль, посыпались удары. Шеф не узнал, кто победил.

Через некоторое время он понял, что залитая ночной темнотой полянка совершенно пуста. Его стражники ушли. Но ведь они должны были перед уходом проткнуть распятого копьем, разве нет? А полянка не совсем пуста. Шеф открыл глаз и увидел фигуру, стоящую у подножия его дерева. Каким-то образом нога Шефа снова оказалась на перекладине, которая так долго продлевала ему жизнь; он способен был видеть и думать. Внизу стоял дьякон Эркенберт, Шеф узнал его тонзуру и черную сутану. Тщедушный человечек подобрал где-то копье и теперь неумело им замахивался, стараясь пронзить Шефу грудную клетку, как это сделал с Христом германский центурион в давнем видении, ниспосланном Шефу в норвежском фьорде.

— Лжепророк! — шипел голос внизу. — Лже-Мессия!

Позади Эркенберта во мраке появились другие тени. Ханд и Свандис, далеко опередившие остальных людей Пути, которые в данный момент по настоянию Квикки собирались выйти из города на поиски своего вождя. А эта парочка, услышав раздоры рыцарей из-за Грааля, подобралась среди деревьев и кустов, чтобы узнать, в чем дело. У Ханда оружия не было, а у Свандис — только длинная стальная заколка для волос. Для дочери Ивара и внучки Рагнара этого было достаточно. Когда бывший дьякон замахнулся обеими руками, тонкое жало вонзилось ему между шейными позвонками. Он упал к подножию дерева лицом вниз.

— Как нам его снять? — спросил Ханд.

Свандис молча указала на старый деревянный Грааль, когда-то давно использованный для такой же цели, а теперь небрежно отброшенный в сторону рыцарями, поделившими золотые украшения реликвариума.

Ханд приставил лесенку к дереву, взобрался, высоко над своей головой и над головой Шефа увидел длинный гвоздь, пробивший оба запястья.

— Мне нужны инструменты, — сказал он. — Они есть у Торвина.

— У меня есть все, что нужно, — раздался новый голос.

Свандис обернулась в прыжке, выставив заколку. Из мрака показались еще две фигуры. К своему удивлению, Свандис узнала провидца Фармана, про которого все думали, что он находится на стоянке флота, и еврея Соломона, исчезнувшего во время боев предыдущей ночью.

— Я встретил Соломона на дороге, — сказал Фарман. — Он тайком увидел многое из того, что произошло за сегодняшний день. Но я уже и так знал, что Шеф здесь, и знал, что с ним сделали. Не все видения лишь игра воображения, Свандис. Вот, я приготовил клещи.

Через несколько минут возни Шефа уложили прямо на землю, Ханд послушал его сердце и поднес воды к пересохшим губам. Понюхал почерневшую рану на распухшей ноге.

— Я пойду за Торвином и остальными, — сказала Свандис. — Ему нужен кров и защита.

Фарман, подняв руку, остановил ее:

— Это будет сделано. Но это сделает не Торвин. И не Путь. Если мы сейчас выходим его и вернем к власти, подумай, что станут говорить. Одноглазый король, распятый вне городских стен, хромой кузнец, восставший из мертвых. Из него сделают живого бога. Нет. Пусть он исчезнет в темноте, и пусть мир получит передышку. Он повернул историю на другой путь, и этого достаточно.

— Ты хочешь оставить его умирать?

— Отдайте его мне, — сказал сидящий у тела Ханд. — Когда-то мы были друзьями. Он часто говорил о том, чтобы завести хижину на болотах, ловить угрей, выращивать ячмень, жить тихо и спокойно. Если вдруг он выживет, я отвезу его на наши болота. Не думаю, что он переживет операцию, которую я попытаюсь ему сделать, но мало ли...

— До норфолкских болот отсюда тысяча миль! — вскричала Свандис.

— Септимания все-таки поближе, — сказал Соломон. — Я мог бы на время спрятать его там. Мой народ не хочет, чтобы мир будоражил новый Мессия.

— Вы трое, берите его, — сказал Фарман. — У него остались золотые браслеты, и вот еще золото, что было на корабле. — Он бросил на землю мешок. — Спрячьтесь здесь, пока не уйдут все люди императора и люди Пути, пока не вернутся местные жители. Если он выживет, отвезите его домой, но

пусть об этом никто не знает. Пути он больше не нужен. — Фарман склонился над телом, снял с него амулет Пути. — Я где-нибудь подброшу амулет, чтобы его нашли. Тогда подумают, что король мертв.

— Но они ничего не узнают, — сказала Свандис.

— И начнут рассказывать истории. О том, как его верные друзья унесли его с поля битвы и больше их никто не видел. Все попали в Асгард, в Вальгаллу, в Трутвангар. Были взяты туда богами, чтобы сделать его богом. Он не бог, который стал человеком, а человек, который стал богом. Это хорошая легенда для грядущих времен.

Фарман повернулся и безмолвно исчез в темноте. Неподалеку раздавались крики, виднелся свет факелов. Люди Пути во главе с Квиккой и Торвином искали своего пропавшего вождя.

— Нам пора уходить, — сказал Соломон.

— Как мы его понесем?

— Снова возьмем Грааль. Он сослужит нам эту последнюю службу, а ночью мы его сожжем в костре, чтобы он больше никого не убил.

Мужчины стали привязывать бездвижное тело к лесенке, и тут Шеф зашевелился, сказал что-то.

— Что он сказал? — спросила Свандис.

— Я не расслышал, — ответил Соломон.

— Я слышал, — сказал Ханд. — Его разум блуждает далеко отсюда.

— Так что же он сказал?

— Он сказал: «Вверх по лестнице к свету». Но я не знаю, из какой тюрьмы он считает себя выходящим.

Двое мужчин и женщина двинулись со своей ношей прочь от факелов в темноту.

Эпилог

Медленно вращалось колесо смены времен года. Пять зим миновали, а сейчас жестокие морозы сменились оттепелью. Стояла ранняя весна. Пахари провели первые борозды на зеленеющих полях Англии, на живых изгородях зацвел боярышник.

Король восточных саксов Альфред *Esteadig* гулял с женой в своем саду, неподалеку под присмотром нянек резвились их дети.

— Сегодня принимаю послов, — отрывисто сказал Альфред. — От папы. Наконец-то.

— От папы Римского? — спросила Годива, удивившись и слегка встревожившись. — От которого?

— От настоящего. От Иоанна VIII, так его, кажется. Которого пытались заменить англичанином. Он наконец-то вернулся, и вечные распри в Вечном городе поутихли, по крайней мере на время. Последний претендент на папский престол изгнан — или убит. Трудно сказать. Первым официальным актом нового папы было предложение снять с Англии интердикт, отлучение. Вернуть нас в лоно Церкви.

— Ты откажешься?

— Я скажу ему, что мы не будем платить налоги, не вернем церковное имущество, и у людей Пути останется право проповедовать и обращать в свою веру. Если после всего этого он согласится считать, что мы вернулись в лоно Церкви, для нас ничего не изменится. Думаю, это добрый знак. Церковь научилась смирению. И думаю, ей предстоит научиться смирению еще больше.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, что теперь власть в мире переменилась в лучшую сторону. Судя по всем сообщениям предыдущих лет, не осталось и следа от Империи и даже мысли о ней. Христианский мир разделился на мелкие государства, под властью местных правителей. Угрозы с Юга, от приверженцев Пророка, больше не существует. Греки также не представляют опасности. Больше нет необходимости в великих империях и завоевательских армиях.

— Но ведь и наша Империя, та, что была, разделилась. С тех пор, как мы лишились...

— С тех пор, как мы лишились Единого Короля, — согласился Альфред. — Это верно, наш старый договор с ним больше недействителен. Гудмунд и прочие ни за что мне не подчинятся, как и я не подчинюсь ни одному из них. И все же за последние несколько лет мы научились сотрудничать. Думаю, что эта дружба выдержит испытание временем. Больше не будет войн и набегов викингов на наши земли. Мы

слишком хорошо знаем силы друг друга. И опять же, ветераны армии Единого Короля не станут сражаться друг с другом. Все они теперь говорят на своем языке, их больше никто не понимает. Они сохранят мир и остальных заставят хранить его. В память о своем повелителе.

Последовала долгая пауза, Годива вспоминала о том, чье имя не произносилось.

— Ты думаешь, он мертв? — спросила она. — Тело так и не нашли.

— Думаю, да. Многих так и не нашли. Змей упал на землю, а его схватили безоружным и убили где-нибудь в полях. Был найден его амулет с порванной цепочкой. Ты слишком часто об этом спрашиваешь, — мягко добавил Альфред. — Предоставим мертвым покоиться с миром.

Она не слышала его... а может быть, не хотела слышать. Она все еще бередила свои воспоминания, как языком бередят больной зуб.

— Ханд тоже так и не вернулся, — сказала Годива. Она лучше других знала, как сильна привязаннось между этими людьми.

— Мы уже много раз об этом говорили. Считается, что он тогда сбежал с городской стены, по-видимому, из-за угрызений совести. Думаю, что Ханда тоже убили какие-нибудь мародеры. Ты же знаешь, они его долго искали, Бранд, Квикка и остальные. Они тоже чувствовали себя виноватыми. Когда Квикка отказался стать моим ривом, он сказал, что не будет больше служить ни одному повелителю. Он вернулся на свою ферму, как и многие из них.

— Но Бранд служит тебе в Йорке в качестве ярла Нортумбрии.

— Уж лучше он, чем один из этих наследников прежних королей. Потребуется некоторое время, чтобы северные земли Англии приняли мою власть. Мне нравится наша новая столица — Лондон. Он ближе к сердцу Англии, чем был Винчестер. Ну а Стамфорд, он был городом Шефа и, подобно Квикке, не примет никакого другого короля. Он навсегда останется городом Пути. Пути, который становится все сильнее. Неудивительно, что папа почувствовал необходимость в союзниках!

Годива не ответила. Она думала о Квикке, отказавшемся признать другого повелителя. Ей вспомнилась старая поговорка: «Первая любовь — любовь последняя». У Квикки это так. А как у нее?

— Надеюсь, что он мертв, — сказала Годива едва слышно, — а не бродит где-то в одиночестве и нищете, выпрашивая милостыню.

Весна. Утро ветреное, но ласковое по сравнению с холодными английскими бурями. Ночной шторм почти кончился, и поднятые им волны, разбивающиеся об утес внизу, уже утратили свою ярость. Высокий человек, кутающийся в плащ от последних капель теплого дождя, сидел на постаменте обрушившейся колонны и глядел на море. Его левая нога была вытянута вперед, чтобы деревянный протез не давил на культю; нога была ампутирована до самого колена. Дождь кончился, и выглянуло солнце. Над заливом раскинулась яркая радуга, упиравшаяся одним концом в самую вершину дымящего вулкана. Человек стянул с головы влажный капюшон, поправил повязку, которая закрывала пустую глазницу.

Со стремительностью бойца он обернулся, заслышав за собой треск валежника. И улыбнулся при виде грациозной фигуры, приближающейся к нему между сосен.

— Мальчик уснул, — сказала Свандис. — Если он проснется, с ним Ханд.

— Подойди, посиди рядом, — сказал Шеф. — Помнишь, тогда был такой же шторм, как сегодня ночью, тогда нашу лодку принесло сюда и чуть не разбило о те скалы.

— Пять лет прошло. А ты никогда не думал... о том, чтобы вернуться?

— Сначала — да. А сейчас очень редко.

— А я каждое утро просыпаюсь и думаю о Севере. Зимний морозец, белые снега...

— Ты хочешь вернуться?

— Иногда. А потом вспоминаю, как счастливы мы были в первую зиму, когда вместе с нами укрывался Соломон. Мы были счастливы как никогда: мы поняли, что ты выздоровеешь.

— Может быть, нам надо было постараться уехать с Соломоном к нему на родину.

— Может быть, — Свандис колебалась. Она не изменила своего мнения относительно богов, но теперь стала верить и

в удачу, в руководство откуда-то свыше. — Но я думаю, что на этот козий остров нас занес счастливый ветер. И эти люди, крестьяне, ох, иногда я так на них сержусь. Но здесь тепло, вино хорошее и... ты счастлив.

— Думаю, да. Когда я опять работаю своими руками, я знаю, что мне лучше быть кузнецом, чем королем. А если я сделаю в кузнице что-то новое и необычное — что ж, мы найдем кого-нибудь, кому все это припишем. Никто не спрашивает, что сталось с Вёлундом после того, как он смастерил себе крылья и улетел. Может быть, он вернулся к своей женелебеди, к своей Свандис[1], и где-то жил себе счастливо.

— И тогда знаешь что, по-моему, было главной его радостью после всех страданий, сражений и побед?

— Его искусство? — предположил Шеф.

— Его дети, — сказала Свандис.

— И то, и другое. Но представь себе, что он наблюдает, как другие распоряжаются его наследством. Смотрит, примостившись у огня, у кузнечного горна или у камелька. Я уже не раз это говорил. Пусть теперь другие имеют дело с Локи и Одином, с Бальдром, Христом и Ригом.

— Но раньше у тебя была власть, и ты правил на престоле.

— С этим покончено — да я и не все утратил. — Он показал на обломки колоннады, на остатки мозаичного пола рядом с ней. — Ты знаешь, что когда-то здесь был дворец, построенный одним древним римским императором? Один из двенадцати дворцов, которые император построил на этом острове, настолько ему тут нравилось. Это было лет восемьсот назад, а местные жители говорят о нем так, словно все было вчера. Ханд говорит, его настоящее имя было Тиберий, но здесь его зовут Тимберио, будто своего родственника.

— Ты хочешь, чтобы и о тебе сохранилась такая память?

— Пожалуй. Но это не самое главное, правда? Если мир пошел по другой, лучшей дороге, как сказал Фарман, по дороге, уводящей прочь от христианского мира Скульд, тогда я счастлив. Но больше всего, — он похлопал по своей грубой рубахе, — я счастлив, что больше не ношу пекторалъ. Ни рабского ошейника, ни королевской короны, ни амулета богов. Для меня этого достаточно.

— И для меня тоже. — Свандис взяла его за руку, прижалась к нему. — Даже Ханд, кажется, умиротворен. Слава о нем как о лекаре расходится, дошла до Неаполя и окрестностей. К нему приезжают больные и просят вылечить. Сейчас он все пишет. Говорит, что излагает все свои познания в виде трактата. Он хочет однажды увидеть его напечатанным.

Шеф, вспомнив что-то при упоминании о печати, залез внутрь плаща и достал сложенный лист бумаги.

— Ханд всегда жаден до свежих новостей, предпочитает брать плату газетами, а не золотом. До сих пор все они были на диалекте латыни, над которым он ломал себе голову. Но взгляни-ка на эту.

Она улыбнулась, тронула свой амулет Эдды Прабабки, который носила до сих пор.

— Я изучаю старинные предания. А не римские новости и неаполитанские сплетни.

— Но это газета на английском языке — отпечатана в Лондоне. В ней рассказывается о серьезных вещах, о важных событиях...

— В ней говорится о войне?

— Нет. Повсюду мир.

— Тогда мне больше ничего знать не нужно. И у нас здесь тоже мир и покой. Наш сын подрастает с каждым днем. Мир после нескольких поколений войн. Для меня этого достаточно. А для тебя?

Шеф не ответил. Может быть, он был не в состоянии ответить. Он посмотрел на шлейф дыма от Везувия, вытянувшийся вдоль по ветру. Потом кивнул.

Перед ними, грациозно паря над морскими волнами, первый аист вернулся из Африки в Европу, возвещая конец зимы.

---

[1] Имя Свандис созвучно с английским и скандинавским названием лебедя. (*Примеч. переводчика.*)

СОДЕРЖАНИЕ

КРЕСТ И КОРОЛЬ. Роман 5
Глава 17 7
Глава 18 19
Глава 19 32
Глава 20 52
Глава 21 67
Глава 22 81
Глава 23 96
Глава 24 118
Глава 25 130
Глава 26 146
Глава 27 161
Глава 28 171
Глава 29 185
Глава 30 194
Глава 31 206
Глава 32 218
Глава 33 228

КОРОЛЬ И ИМПЕРАТОР. Роман 237
Глава 1 243
Глава 2 256
Глава 3 270
Глава 4 285
Глава 5 301
Глава 6 314
Глава 7 325
Глава 8 338
Глава 9 353
Глава 10 365
Глава 11 381
Глава 12 397
Глава 13 414
Глава 14 427
Глава 15 441
Глава 16 456
Глава 17 463
Глава 18 468
Глава 19 485
Глава 20 501
Глава 21 514
Глава 22 532
Глава 23 545
Глава 24 560
Глава 25 576
Глава 26 591
Глава 27 606
Глава 28 621
Глава 29 632
Глава 30 647
Глава 31 660
Глава 32 673
Глава 33 686
Глава 34 701
Глава 35 715
Эпилог 724

Гарри

ГАРРИСОН

H. Harrison

ISBN 978-5-699-11850-2